

РОБЕРТ
МАККАММОН

В лучших традициях Рэя Брэдбери и Стивена Кинга!

ЖИЗНЬ
МАЛЬЧИШКИ

Лучшая
работа
одного
из самых
блестящих
современных
писателей.

Kirkus Reviews

t.me/marketologmanager

Роберт Маккаммон

Жизнь мальчишки

Robert R. McCammon

BOY'S LIFE

Copyright © 1991 by McCammon Corporation

All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов,
Donald Maass Literary Agency (США) при содействии Агентства
Александра Корженевского (Россия).

© О. Э. Колесников, Б. Л. Кадников, перевод, 2001

© М. В. Тарасов, перевод стихотворения, 2001

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Роберт Маккаммон, «гений из Алабамы», принадлежит к тем писателям, чьи книги обречены на успех. В жанре мистики и хоррора он занимает одну из ведущих позиций – официальная критика присудила ему «почетное второе место» после Стивена Кинга.

Первая же книга Маккаммона – «Ваал» (1978) – привлекла внимание читающей публики, но подлинную славу принес автору роман «Они жаждут» (1981). Через несколько лет была написана «Лебединая песнь» («Песня Сван») – книга четыре недели продержалась в списке бестселлеров «New York Times», первое издание разошлось почти миллионным тиражом.

Роман «Жизнь мальчишки», увидевший свет в 1991 году, так же стал бестселлером и был заслуженно удостоен сразу двух наград – премии Брэма Стокера и Всемирной премии фэнтези.

* * *

Прекрасно!.. В этой книге столько приключений, радости, открытий и душевной боли, что хватило бы на дюжину мальчишеских жизней.

Houston Chronicle

Роберт Маккаммон создал острый, неистовый роман-путешествие... населенный самыми эксцентричными, самыми запоминающимися персонажами со времен Харпер Ли.

Publisher Weekly

Лучшая работа одного из самых блестящих современных писателей.

Kirkus Reviews

* * *

Предисловие

Почему я написал «Жизнь мальчишки»

Оказывается, легче написать книгу, чем написать о книге, которую ты написал.

Есть ли в этом смысл? Да, есть. Наверно, потому, что уже написанная книга словно вырублена в камне. Здесь уже ни убавить ни прибавить, все на своих местах. А может, и нет, потому что писатель, если ему повезет, еще не вырублен в камне и находится в пути, то есть узнает все больше и больше о том, *как* писать. Поэтому иногда трудно оглядываться на более ранние работы: неизбежно найдешь такое, что захочется убрать или добавить, но каменную глыбу не сдвинуть.

В то же время замечу: оглядываясь назад и перечитывая «Жизнь мальчишки», я нахожу немного, что хотел бы изменить. Всегда верил: когда работа над книгой подходит к концу, большая удача для автора, если в ней окажутся пятьдесят процентов того, на что он надеялся, когда начинал свой труд. Завершив «Жизнь мальчишки», я обнаружил в ней, к своему удивлению, около девяноста процентов того, что надеялся увидеть на страницах этой книги.

Когда я пишу, никогда не имею четкого плана. У меня есть, как я их называю, «ключевые сцены»: то, что происходит в начале, в середине и ближе к концу – и, как я надеюсь, позволяет мне идти в правильном направлении. Однажды я попытался использовать план и не закончил книгу. Я уже знал все, что должно случиться, так в чем же смысл?

Пожалуй, я пытаюсь сказать, что пишу прежде всего для самого себя: хочу стать «первым читателем». Хочу писать книги, которые прочел бы для удовольствия, если бы так усердно не работал, чтобы написать их. В этом есть смысл – по крайней мере, для меня, – и такой подход к писательству всегда дает мне возможность что-то предвкушать в будущем.

Итак, если вы держите сейчас в руках это новое издание «Жизни мальчишки» и просматриваете эту мою болтовню, вы, возможно, уже прочли книгу или собираетесь читать ее в первый раз. Думаю, я сумел

вам объяснить, почему написал эту книгу, но вначале позвольте дать вам ответ на вопрос, который мне часто задают в связи с этим произведением.

Вопрос следующий: не является ли «Жизнь мальчишки» автобиографической книгой?

Ответ: «да». И я действительно считаю себя персонажем книги. Но я не Кори – главный герой. С кем же я больше всего идентифицирую себя в «Жизни мальчишки»? Об этом расскажу немного позднее.

О книге. Она начиналась с загадочного убийства в маленьком южном городе, и намечалось, что в ней окажется еще одна тайна, связанная со вторым городком, который был затоплен и оказался на дне озера. Главным героем должен был стать шериф, и... о господи, здесь меня потянуло в сон!

Я долго и внимательно перечитывал две сотни уже написанных страниц и решил, что этот сюжет не сработает: в картине не просматривались жизненные черты. В течение нескольких лет я держал в голове историю мальчика, который хочет стать писателем, и события, происходящие в его родном городке, которые повлияли на его жизнь, но все время откладывал все это в долгий ящик. И вот в моей голове вновь возникли южный город и убийство, и я подумал... хорошо, попробую написать книгу о мальчике.

Я начал писать «Жизнь мальчишки» без всякого плана, но идей у меня было много. И внезапно картина заиграла красками. Она обрела *яростную* жизнь, которую я прежде редко ощущал в своих произведениях. Я бегло просмотрел написанное. Теперь, не говоря уже о том, что работа над книгой не представляла собой трудности и мне не приходилось многое обдумывать и работать сотни и сотни часов, «Жизнь мальчишки» действительно продвигалась, и мне приходилось лишь слегка поворачивать рулевое колесо, чтобы задать правильное, на мой взгляд, направление.

Вот так бывает с писательством, такая это штука. Когда не пишется, ни одна душа на свете тебе не поможет. Ни жена, ни брат или сестра, ни лучший друг, ни редактор. Никто. Потому что никто не понимает

твою работу так, как ты сам. Если возникает проблема, решать ее тебе, и только тебе.

И наоборот: когда работа идет хорошо... что можно сказать? Что я слышу пение ангелов? Слышу музыку сфер или нечто подобное? Что каждое предсказание судьбы гласит: «Большой успех ждет тебя впереди, если ты чего-нибудь не напутаешь»?

Думаю, что-то вроде этого. Когда работа идет хорошо, ты видишь, что картина обретает жизнь: люди реальны – ты знаешь их, видишь их лица и понимаешь, что некоторым образом творишь жизнь... Не думаю, что в мире есть бóльшая радость.

Когда «Жизнь мальчишки» оказалась окончена, я испытывал эйфорию от того, что сделал. Я отправил книгу издателю, думая при этом: «Рик, они позвонят тебе, будучи на седьмом небе, и скажут, что и не подозревали в тебе такого таланта, не похожего ни на что, и как они рады, что тебе удалось выполнить такую замечательную работу».

И я ждал. Долго ждал. Наконец мне позвонили.

«Рик, послушай. Ну, ты знаешь... Насчет книги. Нам она действительно понравилась, но... Это история об убийстве, и ты собьешь с толку читателей: они будут думать, что книга автобиографическая. Знаешь, тебе придется выбросить все, что ты написал о городе и его людях, и сосредоточить внимание на убийстве».

Простите. Простите. Я только... наверно, что-то не в порядке с телефоном. Извините.

Собравшись с духом, я перезвонил и сказал: «Мы обсудим то, о чем вы говорили, в вашем офисе завтра». Потом я поехал в аэропорт с парнем из Бирмингема, Алабама, без всякого литературного образования, но любящим читать и писать, и с чувством, что в этот раз мне предстоит отстаивать то, во что я верю. И я полетел в Нью-Йорк, чтобы встретиться лицом к лицу с важными издательскими шишками.

Я сказал, что в книге ничего менять не могу и, если они продолжат настаивать на этих изменениях, мне придется разорвать подписанный с ними контракт, пусть даже из-за этого веселый костер моей карьеры превратится в пепел.

Они привели некоторые факты и цифры из диаграммы, висящей на стене, о том, какие неприятности случаются у писателей, которые пытаются выйти за пределы отведенных им рамок, но потом сказали:

«Ладно. Пусть будет по-вашему: вы автор, и, если вы так убеждены в своей правоте, мы полагаемся на вас».

Это было здорово. По-настоящему здорово. И все же... Понимаете, когда кто-то смотрит на вашего ребенка и говорит: «Ну что ж, очень милый, хороший и сильный», – частичка радости творения улетучивается. Частичка желания, заставившего вас стать писателем, очень тихо выходит за дверь.

«Жизнь мальчишки» была написана не для детей, но за годы, прошедшие с ее первой публикации, она приобрела огромную аудиторию среди юных читателей. Не знаю точных цифр, но ее изучают в школах по всей стране. Я знаю это, потому что много раз выступал перед школьниками и студентами, изучающими английский язык, в гимнастических залах и аудиториях. Однажды я получил письмо от шотландского джентльмена, которому было за восемьдесят, в другой раз – от тринадцатилетнего мальчишки из Сиэтла, и оба писали, как им понравилась книга. Думаю, она теперь издана во всем мире. Удивительно видеть обложку японского издания с изображением Кори, стоящего на берегу озера.

Должен упомянуть еще об одном полученном письме, потому что оно стало для меня... не знаю даже, как мне описать свои чувства.

Несколько лет назад мне написала женщина и сообщила, что скончался ее престарелый отец, который попросил перед смертью, чтобы экземпляр его любимой книги похоронили вместе с ним. Она хотела, чтобы я знал об этом.

Ее отец вновь и вновь перечитывал эту книгу. Он делал это так часто, что произведение превратилось для него в постоянного спутника и собеседника.

Не так давно я побывал в большом книжном магазине, причем не в моем родном городе, и набрел на стенд, обозначенный как «стол классиков». На этом стенде стояли романы Диккенса, Гюго, Стейнбека, Твена, Жюль Верна, Апдайка, Воннегута... – все, что учителя рекомендуют для чтения учащимся, то, что им *следует* прочитать, чтобы мир не стал хуже.

Там же находилась и моя книга. «Жизнь мальчишки» лежала среди этих книг, этих великих имен.

Мое дитя.

Я сомневаюсь, что смогу когда-нибудь написать еще одну книгу, достойную оказаться на этом стенде. Бог свидетель, я буду пытаться. Но здесь уже есть одна моя книга, и, думаю, одной достаточно.

Персонаж, с которым я в первую очередь идентифицирую себя в «Жизни мальчишки»?

Наверно, вы уже поняли. Это Вернон, чья мечта разрушилась под тяжестью доски с диаграммой, упавшей со стены. Потому что он не выдержал жизни в том офисе в Нью-Йорке. Потому что без боя вернулся домой в Зефир и отгородился от окружающего мира.

Он пробудился и по-прежнему был жив.

Я всегда хотел где-то использовать эту фразу. Мне кажется, это удачное место.

Если вы читаете «Жизнь мальчишки» в первый раз, я надеюсь, что она вам понравится. Надеюсь, что благодаря ей вы сможете побывать в местах, о существовании которых даже не догадывались... в местах, о существовании которых, возможно, забыли.

Если вы читаете книгу во второй или в третий раз, добро пожаловать в Зефир снова! Вы вновь прочтете о жизни Кори и о его мире, о вечно длящихся летних днях, о восхитительных тайнах, о скрытых от постороннего глаза местах и магии, которая есть в каждом из нас, просто иногда она сворачивается калачиком и ложится спать, дожидаясь, когда ее лучший друг вернется домой.

Спасибо вам.

Роберт «Рик» Маккаммон

29 января 2008 г.

Сразу же после полуночи

*Ватагой шумных бестий,
Всех дьяволов страшной,
По самым гиблым чащам
Гоняли мы чертей.
А выпив лимонада,
Сквозь горлышко и дно
На горизонт смотрели:
Он был недалеко.
За ним, в краю волшебном
И наш остался след,
Хоть на автомобиле
Туда дороги нет.
Нам были псы как братья,
На великах на Марс,
Оттуда и обратно
Гоняли мы не раз.
Тарзаном на лианах
Любили мы летать*

*И шпаги, словно Зорро,
Отважно обнажать.
Грядущее казалось
Далекою страной,
Где мамы не старели,
Где каждый был герой.
Напоминало время
Зыбучие пески,
Взахлеб тогда мы жили,
Плевав на синяки.
Уж в зеркале седины
Я вижу у висков.
Но книга не об этом —
Она для пацанов^[1].*

***

Прежде чем мы начнем наше путешествие, хочу сказать вам важную вещь.

Я сам пережил все то, что изложено на этих страницах. Но когда ведешь повествование от первого лица, возникает одна проблема. Читатель уже заранее знает, что рассказчик в конце не будет убит. Поэтому, что бы со мной ни происходило, вы можете быть уверены, что я пережил все это, и подобный опыт мог сделать меня как чуточку лучше, так и чуточку хуже. Впрочем, об этом вы сможете составить собственное мнение.

В некоторых местах этого рассказа вы, пожалуй, скажете: «Эй-эй, погодите-ка, откуда он мог тогда знать, что это событие произошло либо что тот человек сказал или сделал то-то и то-то, если самого рассказчика там вовсе не было?» Ответ на этот вопрос таков: многое я узнал позже, что дало мне возможность заполнить пробелы, а в некоторых случаях пришлось додумывать события, иногда изменяя то, что происходило на самом деле.

Я родился в июле 1952 года и сейчас нахожусь на пороге своего сорокалетия. Уже солидный возраст, не правда ли? Я больше не «многообещающий молодой талант», как меня называли критики. Я тот, кто я есть. Писать я начал еще в школе, а придумывать всевозможные истории стал задолго до того, как понял, чем же на самом деле занимаюсь. Писателем себя по-настоящему ощутил в 1978 году, после первой публикации. Или я был всего лишь автором? «Сочинителем книг в мягких обложках», как пели когда-то «Битлз»? Или автором книг в твердых переплетах? В одном я определенно уверен: я всегда мечтал увидеть свои книги в твердых переплетах. Я страдал от пинков и улыбался, встречаясь с добрым к себе отношением, как и любой из наших братьев и сестер в этом изменчивом мире. Бог благословил меня, наделив способностью кроить характеры и миры из словесной ткани. Так кто же я? Писатель? Автор?

А может быть, просто рассказчик?

Мне захотелось изложить на бумаге то, что сберегла моя память: так мои воспоминания сохранятся надолго. Дело в том, что я верю в магию и волшебство, потому что родился и рос в удивительное, волшебное время в волшебном городке, в котором жили волшебники. Увы, мало кто понимал, что мы жили в паутине магии и волшебства,

связанные серебряными нитями случайностей и обстоятельств. Но я знал об этом всегда. Когда мне было двенадцать лет, мир был моим волшебным фонарем, и благодаря его зеленому призрачному свечению я видел прошлое, настоящее и мог заглядывать в будущее. Возможно, и у вас было то же самое, просто вы не можете вспомнить об этом. Видите ли, я думаю, что мы все несем в себе волшебство в начале нашей жизни. Все мы рождаемся с ураганами, лесными пожарами и кометами в душе. Мы рождаемся наделенные даром петь, как птицы, читать по облакам и видеть нашу судьбу в крупинках песка. Но чем больше мы узнаем, тем меньше волшебного остается в наших душах. Волшебство уходит от нас вместе с привычкой посещать церковь, со шлепками родителей, оно вымывается и вычесывается из нашей души. Мы вынуждены выбирать прямые и узкие дорожки, нам постоянно твердят, что мы должны воспитывать в себе чувство ответственности. Нам следует поступать так, как приличествует нашему возрасту. Нам велят сначала вырасти, повзрослеть... Боже мой! А знаете почему? Потому что люди, которые так говорят, боятся нашей юности и нашей необузданности, потому что волшебство, которым мы обладаем в детстве, заставляет их стыдиться и горевать о том, что они позволили погубить в самих себе.

Когда ты удаляешься от всего этого, то действительно не можешь вернуть это назад. Потом могут возникать лишь мимолетные мгновения. Какие-то секунды ощущений и воспоминаний. Когда люди плачут в кино, это происходит потому, что в темном зале их на миг омывают золотые воды магии, но длится это какой-то миг, не более. Потом они вновь оказываются на ярком безжалостном солнце неумолимой логики и рассудка, и солнце это иссушает их души. Они продолжают испытывать какое-то легкое сердечное томление, сами не зная почему. Но когда песня пробуждает воспоминание, когда пылинки попадают в луч солнечного света, приковывая внимание и отвлекая от остального мира, когда ночью слышишь, как где-то далеко стучат колеса поезда, и гадаешь, куда он может направляться, ты выходишь за отведенные тебе пределы и на краткий миг оказываешься в сфере волшебного.

Именно в это я и верю.

Правда жизни в том, что с каждым годом мы уходим все дальше и дальше от той сущности, с которой были рождены. Мы взваливаем на

себя многочисленные обязанности, некоторые из них приятные, некоторые – не очень. С нами происходят разные события. Умирают те, кого мы любим. Некоторые попадают в аварии и становятся калеками. Люди по той или иной причине сбиваются с пути. Такое нередко случается в нашем мире безумных лабиринтов. Жизнь делает все возможное, чтобы лишить нас воспоминаний о волшебном. Вы даже не подозреваете, что это происходит с вами, пока в один прекрасный день не ощутите какую-то потерю, не зная наверняка, что именно утратили. Словно вы улыбнулись хорошенькой девушке и услышали в ответ удивленное: «Сэр». Это просто происходит с вами, вот и все.

Воспоминания о том, кто я и где жил, для меня очень важны. Они составляют существенную часть того человека, каким я хочу стать, когда подойдет к концу мое путешествие. Мне просто необходима память о магии и волшебстве, если я когда-нибудь собираюсь вернуть их себе. Мне нужно знать их и помнить о них, и я хочу рассказать вам об этом.

Меня зовут Кори Джей Маккенсон. Я родился в городке под названием Зефир, на юге Алабамы. Там никогда не бывает слишком холодно или слишком жарко. Улицы Зефира затенены черными дубами, а у домов имеются веранды и противомоскитные сетки на окнах. Есть парк с двумя бейсбольными площадками, одна – для детей, другая – для взрослых. Вода в общественном бассейне отличалась чистотой и синевой, и дети ныряли в самую глубину за монетками, лежащими на дне. Каждый год 4 июля в Зефире устраивали барбекю, а в конце лета – литературный конкурс. В 1964 году, когда мне было двенадцать лет, население Зефира насчитывало примерно полторы тысячи человек. Достопримечательности города включали кафе «Яркая звезда», магазин «Вулворт» и маленькую бакалейную лавку «Пигли-Вигли». На десятой трассе был даже дом, где жили плохие девушки. Телевизор был не в каждой семье. В округе существовал «сухой закон», что означало процветание подпольной торговли спиртным. Дороги вели на юг, север, восток и запад, а ночью мимо проходил товарный поезд в сторону Бирмингема, оставляя после себя запах окалины. В Зефире было четыре церкви, начальная школа и кладбище на Поултер-Хилле. Озеро здесь такое глубокое, что его вполне можно считать бездонным. Мой родной город был полон

героев и злодеев: здесь жили честные люди, которые знали чистую красоту правды, и такие, кто ложь возвел в идеал. Мой городок наверняка напоминает тот, где провели свое детство вы.

Но все же Зефир был волшебным местом. Там при свете луны по улицам прогуливались духи. Они выходили из могил на заросшем травой кладбище, стояли на холме и разговаривали о старых временах, когда кока-кола имела свой подлинный вкус, когда можно было запросто отличить демократа от республиканца. Я знаю это. Я сам их слышал. Легкий бриз дул вдоль улиц, проникая сквозь противомоскитные сетки на окнах, и приносил с собой в дома легкий аромат жимолости и пробуждающейся любви, а зазубренные синеватые молнии разбивались о землю и будили ненависть. У нас случались ураганы и засухи, а речка, которая протекала рядом с нашим городом, имела дурную привычку разливаться. В мою пятую весну наводнение принесло на улицы змей. Потом сотни ястребов, словно черный смерч, спустились на землю и унесли змей в своих смертоносных клювах, а река незаметно вернулась в свои берега, как побитая собака. Потом показалось солнце, словно над городом прозвучал трубный глас, и над ржавыми, будто запятнанными кровью крышами моего родного городка за клубился пар.

У нас была своя чернокожая королева, которой было сто шесть лет. У нас был свой меткий стрелок, спасший жизнь Уайатту Эрпу^[2] у короля О-Кей. У нас было чудовище, которое жило в реке, и тайна, связанная с озером. У нас было привидение, которое витало над дорогой, преследуя черный гоночный автомобиль с языками пламени на капоте. У нас были свои Гавриил и Люцифер, а также мятежник-конфедерат, восставший из мертвых. У нас были иноземный завоеватель, мальчик с совершенной рукой, и, наконец, динозавр, преспокойно прогуливающийся по Мерчантс-стрит.

Это было волшебное место.

Мои воспоминания о мальчишеской жизни окутаны ореолом волшебства.

Я помню.

И хочу всем вам об этом поведать.

Часть первая. Призраки весны

Глава 1

До восхода солнца

– Кори? Просыпайся, сынок. Пора...

Я позволил ему вытащить меня из темной пещеры сна, потом открыл глаза и взглянул на него. Он уже был одет в темно-коричневую форму с его именем – Том, написанным белыми буквами поперек нагрудного кармана. Я учуял запах бекона и яиц, услышал радио, которое тихо играло на кухне. Гремели кастрюли и звенели стаканы: мама находилась в своей родной стихии, словно форель, попавшая в попутную водяную струю.

– Пора, – повторил отец и, включив лампу на столике рядом с моей кроватью, оставил меня потягиваться и прищуриваться, пока последние образы сна постепенно таяли у меня в мозгу.

Солнце еще не взошло. Была середина марта; за окном кроны деревьев трепал холодный пронизывающий ветер. Я мог почувствовать этот ветер, положив руку прямо на стекло. Когда папа вошел на кухню выпить кофе, мама поняла, что я проснулся, и сделала радио чуть погромче, чтобы услышать прогноз погоды. Весна пришла несколько дней назад, однако зима в этом году выдалась очень суровой и цеплялась за южные края острыми зубами и когтями, словно белая кошка. У нас не было снега – у нас вообще никогда не выпадает снег, – однако холодный ветер за окном исходил прямо из полярных легких Севера.

– Не забудь теплый свитер! – закричала мама. – Слышишь?

– Слышу, – ответил я и достал из комода зеленый шерстяной свитер.

Мою комнату освещал желтый свет лампы, слышалось приглушенное гудение калорифера. Здесь находились индейский ковер, красный, как кровь Кочиса^[3]; стол с семью потайными ящиками; стул, покрытый иссиня-черным бархатом цвета плаща Бэтмена; аквариум с крошечными рыбками, такими прозрачными, что можно видеть, как бьются их сердца; уже упомянутый выше комод, к которому приклеены переводные картинки с самолетами моделей «Ревелл»; кровать со стеганым одеялом, вышитым родственницей

Джефферсона Дэвиса^[4]; чулан и полки. О да, полки! Коллекции бесценных сокровищ. На этих полках – куча моих книг, сотни комиксов: «Лига Справедливости», «Флэш», «Зеленый Фонарь», «Бэтмен», «Дух», «Черный Ястреб», «Сержант Рок» и «Рота „Изи“», «Аквамен» и «Фантастическая Четверка». Еще тут номера журнала «Жизнь мальчишки», а также дюжина номеров «Знаменитых монстров кинематографа», «Сенсаций экрана» и «Популярной механики». Журналы «Нэшнл джиографик» висят желтой стеной, и я не без некоторого смущения должен признать, что могу на память указать, где в них расположены все картинки из африканской жизни.

Полки тянутся бесконечно. Моя коллекция стеклянных шариков мерцает в банке с завинчивающейся крышкой. Засушенная цикада ждет лета, чтобы снова запеть. Игрушка йо-йо модели Дункана, почти целая, если не считать того, что у нее лопнула веревка, и папа давно обещает ее починить. Моя маленькая книжечка образцов тканей, которую я получил от мистера Парлоу в магазине «Стэгг-шоп для мужчин». Вырезанные из этой книжечки лоскутки играют роль ковров в моих моделях самолетов, я выстилаю ими проходы между вырезанными из картона сиденьями. Серебряная пуля, отлитая Одиноким ковбоем^[5] для охоты на оборотня. Пуговица времен Гражданской войны с формы солдата-южанина, потерянная в битве при Шайло^[6]. Мой резиновый нож для выслеживания заползших в ванну крокодилов-убийц. Мои канадские монеты, ровные и гладкие, словно северные равнины. Я просто невероятный богач.

– Завтрак уже на столе! – позвала мама.

Я застегнул свитер, имевший тот же оттенок, что и рваная рубашка сержанта Рока. На коленях моих синих джинсов красовались заплатки – знаки доблести, свидетельствующие о моих смелых столкновениях с колючей проволокой и гравием. Моя фланелевая рубашка была такой красной, что могла привести в неистовство быка. Носки были белыми, как голубиные крылья, а кеды темны, как ночь. Моя мама страдала дальтонизмом, а папа любил в цветах максимальные контрасты. Так что со мной все было в полном порядке.

Забавно: иногда смотришь на людей, которые подарили тебе жизнь и ввели в этот мир, и видишь в них самого себя. Тогда ты понимаешь, что каждый человек является своего рода компромиссом природы. От мамы мне достались тонкий легкий костяк и волнистые темно-

каштановые волосы, а от отца я получил голубые глаза и заостренный нос с горбинкой. У меня длинные пальцы моей матери, «руки художника», как она любила говорить, когда я выражал недовольство, что мои пальцы слишком тонки, густые брови моего отца и маленькая ямочка его подбородка. Я мечтал проснуться однажды в облике Стюарта Уитмена из «Полосы Симаррона» или Клинта Уокера в «Шайенне». Истина заключалась в том, что я был тощим, неуклюжим ребенком среднего роста и заурядной внешности, и казалось, что я мог слиться с обоями, если закрою глаза и задержу дыхание. Однако, невзирая ни на что, в фантазиях я выслеживал нарушителей закона вместе с ковбоями и детективами, которых нам каждый вечер показывали по телевизору; в лесах, которые начинались сразу позади нашего дома, помогал Тарзану сражаться со львами; в одиночку воевал с нацистами, уничтожая их. В нашу небольшую компанию входили такие ребята, как Джонни Уилсон, Дэви Рэй Коллан и Бен Сирс, но меня едва ли можно было назвать заводилой. Когда я начинал волноваться во время разговора, мой язык прилипал к гортани, и тогда я просто замолкал. Мои друзья были примерно одного со мной возраста, роста и темперамента, и мы старались не лезть на рожон, будучи весьма жалкими воинами.

Именно потому, думаю, я и начал писать. Занялся исправлением ошибок, если вам будет угодно назвать это так. Исправлением ошибок как попыткой изменить сложившиеся обстоятельства в свою пользу, чтобы создать такой мир, каким он должен быть по твоим собственным представлениям, а не таким, каким он был сотворен. В реальном мире у меня не было силы – в *моем* мире я становился Геркулесом, срывающим с себя цепи.

Одну черту, знаю точно, я унаследовал от моего дедушки Джейберда, отца моего отца, – страсть к познанию окружающего мира. Ему было семьдесят шесть лет, но он был крепок, как вяленое мясо, невоздержан на язык, к тому же имел невыносимый характер. Он постоянно рыскал по окрестным лесам вокруг своей фермы и часто приносил домой нечто, заставлявшее мою бабушку Сару падать в обморок: змеиную кожу, пустые осиные гнезда, даже мертвых животных. Он любил разрезать всяких тварей перочинным ножом и разглядывать внутренности, извлекая их кровоточащие кишки прямо на газеты. Однажды он подвесил на дереве дохлую жабу и пригласил

меня понаблюдать, как мухи пожирают ее труп. Бывало, приносил домой дерюжный мешок, набитый листвой, вываливал все его содержимое в гостиную и начинал тщательно изучать каждый листик через лупу, записывая замеченные между ними различия в один из сотен своих блокнотов. Он хранил окурки сигар и высушивал плевки жевательного табака, собирая их в специальные стеклянные флаконы. А то просто часами сидел в полной темноте и смотрел на луну.

Может, он был сумасшедшим. Возможно, сумасшедшими называют всех тех, у кого внутри еще остается магия и волшебство, хотя они уже давно не дети. По воскресеньям дедушка Джейберд читал мне комиксы и рассказывал истории о доме с привидениями, который стоял в маленькой деревушке, где он родился. Он мог быть придирчивым, глупым и мелочным, однако он зажег во мне огонек ожидания и жажду чуда, и с помощью этого света мой взор простирался далеко за пределы Зефира.

В то утро, еще до восхода солнца, я завтракал с родителями в нашем доме на Хиллтоп-стрит, а на дворе был 1964 год. Везде на земле ощущались тогда ветры перемен, но меня это совсем не беспокоило. В ту минуту я лишь хотел заполучить еще стакан апельсинового сока и помнил, что должен помочь отцу в делах, прежде чем он отвезет меня в школу.

Когда завтрак подошел к концу и все тарелки были вымыты, я вышел на холод, чтобы поздороваться с нашим Бунтарем и накормить его любимой подливкой. Мама поцеловала нас с папой; я надел подбитую овечьей шерстью куртку и взял свои учебники, после чего мы с отцом вышли из дома и направились к нашему старенькому чихающему грузовичку-пикапу. Бунтарь на некотором расстоянии следовал за нами, но на углу Хиллтоп-стрит и Шоусон-стрит он неожиданно вторгся на территорию Бодога, добермана-пинчера, принадлежавшего семье Рэмси, и под громкий лай разгневанного хозяина вынужден был дипломатично отступить.

Перед нами простирался мирно спавший Зефир, а в небесах светился белый серп луны.

В нескольких домах уже горел свет. Но большинство окон оставались темными. Еще не было и пяти утра. Месяц блестел в изгибах реки Текумсе, но если бы там сейчас вздумалось поплавать Старому Мозесу, то ему пришлось бы скрести животом по грязи.

Ветви деревьев на улицах Зефира, пока еще лишенные листвы, слабо шевелились на ветру. Светофоры – в городе их насчитывалось ровно четыре, и располагались они на пересечениях основных трасс – с неизменным постоянством мигали желтым. На восточной окраине над широкой впадиной, на дне которой бежала река, раскинулся каменный мост с целым выводком горгулий. Кто-то говорил, что эти горгульи были вырезаны примерно в начале двадцатых годов и изображали известных генералов Конфедерации, павших ангелов, если можно так сказать. На западе скоростная магистраль извивалась среди лесистых холмов и убегала по направлению к другим городам. Железнодорожные пути проходили через Зефир на севере, в Брутоне, где обитало все негритянское население города. На юге располагался городской парк, где находилась эстрада с акустической раковиной для оркестра и несколько бейсбольных площадок. Парк был назван в честь Клиффорда Грея Хейнса, основателя Зефира, и там же стояла его статуя. Он сидел на утесе, подпирая рукой подбородок. Отец говаривал, что статуя выглядела так, словно Клиффорд страдал от длительного запора и не мог ни сделать свое дело, ни избавиться от горшка. Еще дальше на юг десятая трасса, вырвавшись за пределы города, петляла черной лентой среди болотистых лесов, проходя мимо стоянки трейлеров и берега озера Саксон, отлого уходящего вниз на никому неведомую глубину.

Отец повернул машину на Мерчантс-стрит, и мы оказались в самом центре Зефира, где находилось множество магазинов. Здесь были «Парикмахерская Доллара», «Стэгг-шоп для мужчин», магазин кормов и металлических изделий, бакалейная лавка «Пигли-Вигли», магазин «Вулворт», кинотеатр «Лирик» и прочие достопримечательности. Впрочем, не так-то много их и было: стоило моргнуть несколько раз подряд, и окажется, что ты уже миновал все эти места. Потом мы оставили позади железнодорожные пути и проехали еще примерно мили две, прежде чем повернули к воротам с надписью: «Молочная ферма „ЗЕЛЕНЫЕ ЛУГА“». Автоцистерны стояли у погрузочной платформы, заполняясь свежим товаром. Повсюду кипела бурная деятельность, поскольку ферма открывалась очень рано, а время поездок молочников устанавливалось заранее.

Иногда, когда у отца выдавался особо напряженный график работы, он просил меня помочь ему развезти товар по городу. Я любил тишину

и спокойствие, царившие по утрам. Я наслаждался миром, каким он являлся до восхода солнца. Мне нравилось наблюдать, какие разные люди приезжали в «Зеленые луга». Не знаю, почему я испытывал от этого такое удовольствие, – возможно, во мне проявлялось любопытство, унаследованное от моего дедушки Джейберда.

Отец пошел отнести накладную мастеру, остриженному под ежик крупному мужчине, которого звали мистер Бауэрс, а потом мы с отцом стали загружать нашу машину. Там были бутылки с молоком, картонные упаковки со свежими яйцами, ведерки с творогом, особый картофельный салат «Зеленые луга» и салат с бобами. Все это было еще холодным, недавно извлеченным из морозильной камеры, и молочные бутылки искрились в огнях погрузочной платформы. На картонных крышках было нарисовано улыбающееся лицо молочника и написано: «Товар для вас!» Пока мы работали, мистер Бауэрс подошел и стал наблюдать за нами, держа в руках папку с зажимом для бумаг. За его ухом торчала ручка.

– Думаешь, тебе понравится быть молочником, Кори? – спросил он у меня.

Я ответил, что да, возможно, я и стану молочником.

– Миру всегда будут нужны люди нашей профессии, – продолжал мистер Бауэрс. – Разве не так, Том?

– Верно, как дождь, – ответил мой отец.

Это была одна из его фраз на все случаи жизни, которую он произносил, когда слушал разговор вполуха.

– Приходи на работу, когда тебе стукнет восемнадцать, – сказал мне мистер Бауэрс. – Мы непременно устроим тебя здесь.

Он так хлопнул меня по плечу, что мои зубы клацнули, а бутылки, которые я нес в ящике, отчаянно зазвенели.

Потом отец сел за руль с большими спицами, я устроился рядом, отец повернул ключ зажигания, и мы отъехали от погрузочной платформы, увозя молочный груз. Перед нами опускалась луна, последние звезды еще цеплялись за край ночи.

– Ну и что ты можешь мне сказать? – спросил папа. – Насчет работы молочником. Тебе действительно это нравится?

– Это было бы забавно, – ответил я.

– На самом деле не совсем так. Это хорошая работа, но каждый день это вовсе не забавно и не интересно. Кажется, мы никогда еще не

говорили о том, чем ты хочешь заняться в будущем?

– Нет, сэр.

– В общем, я не думаю, что ты должен стать молочником, хотя бы потому, что я сам им работаю. Видишь ли, я вовсе не собирался заниматься этим делом. Дедушка Джейберд хотел, чтобы я стал фермером, как и он. Бабушка Сара мечтала, чтобы я выучился на доктора. Ты можешь себе это представить? – Он взглянул на меня и ухмыльнулся. – Я – и вдруг доктор! Доктор Том! Нет, сэр, эта работенка не для меня.

– А кем же тогда ты собирался стать, папа? – спросил я.

Отец некоторое время молчал. Казалось, он глубоко задумался над вопросом, который я ему задал. Мне пришло в голову, что, наверно, никто прежде не спрашивал его об этом. Отец вцепился в руль своими большими руками взрослого человека, словно вел беседу с дорогой, которая длинной лентой разматывалась перед нами в свете фар грузовика. А потом сказал:

– Первым человеком, высадившимся на Венере. Или наездником на родео. Или человеком, который способен прийти на пустырь и мысленно представить дом, который он хочет там выстроить, вплоть до последнего гвоздя и черепицы. Или детективом. – Отец издал горлом слабый смешок. – Но ферме был нужен молочник, им я и стал.

– Я не против стать гонщиком, – сказал я. Отец иногда брал меня на трассу недалеко от Барнсборо, где проходили соревнования гоночных машин, и мы сидели там, расправляясь с хот-догами и наблюдая за снопами искр, вспыхивающими при ударах металла о металл. – Быть детективом тоже неплохо. Буду разгадывать разные тайны, как в серии книг «Братья Харди».

– Да-а, неплохо, – согласился отец. – Никогда заранее не угадаешь, как пойдут дела, но такова правда жизни. Идешь к своей цели уверенно, как стрела, летящая в мишень, и тебе кажется, что твоя мечта уже почти осуществилась, но направление ветра внезапно меняется, и все рушится. Я ни разу не встречал человека, который стал тем, кем мечтал стать, когда был в твоём возрасте.

– Мне хотелось бы перепробовать все работы в мире, – сказал я. – Я хотел бы прожить на этом свете миллион жизней...

– Да. – Отец задумчиво кивнул. – Это было бы замечательным примером волшебства, верно? Ага, вот наша первая остановка.

В этом доме наверняка жили дети, потому что вместе с двумя квартами обычного молока эти клиенты заказали две кварты жидкого шоколада. Потом мы снова двинулись в путь по тихим улицам, на которых не слышалось ни звука, если не считать шума ветра и лая ранних собак, а затем остановились на Шентак-стрит, чтобы вручить пахту и творог кому-то, по-видимому любившему кислятину. Мы оставили бутылки, блестящие от выступивших на них капель воды, почти у каждого порога на Бевард-лейн; пока отец быстро работал, я проверял путевой лист и готовил очередную порцию бутылок и упаковок, вытаскивая их из холодного кузова грузовика. Мы действовали как слаженная команда.

Отец сказал, что осталось еще несколько покупателей на южной окраине, недалеко от озера Саксон, а потом мы вернемся в этот район и закончим работу по доставке товара еще до того, как раздастся школьный звонок. Отец повел машину мимо парка и выехал за пределы Зефира. По обеим сторонам дороги вокруг нас сомкнулись лесные чащи.

Время приближалось к шести утра. На востоке над холмами, поросшими соснами и кудзу, небо начинало светлеть. Ветер пробивал себе путь сквозь плотно сомкнутые ряды деревьев, словно кулак драчуна. Мы миновали машину, следовавшую на север. Ее водитель мигнул нам фарами, а отец помахал ему рукой.

– Марти Баркли развозит газеты, – объяснил он мне.

Я подумал об особом мире, в котором работа начинается еще до восхода солнца, и о том, что люди, которые сейчас только просыпались, не являлись частью этого своеобразного мира. Мы свернули с десятой трассы и поехали по грунтовой дороге, оставляя у маленьких домиков, которые гнездились в лесу, молоко, пахту и картофельный салат, а потом вновь двинулись на юг, в сторону озера.

– Колледж, – проговорил отец. – Тебе следует поступить в колледж – вот мое мнение.

– Вполне возможно, – ответил я. Это прозвучало так, словно сам я к этому не имел никакого отношения, по крайней мере сейчас. Все, что я тогда знал о колледжах, – футбольные матчи между командами Оберна и Алабамы и то, что некоторые хвалили Медведя Брайанта, а другие поклонялись Шугу Джордану. Тогда мне казалось, что выбор колледжа зависит от того, какого тренера ты считаешь лучшим из лучших.

– Но чтобы попасть в колледж, надо иметь хорошие оценки, – сказал отец. – Придется заняться твоими уроками.

– А чтобы стать детективом, тоже надо ходить в колледж?

– Думаю, да. Если хочешь стать настоящим профессионалом. Если бы я поступил в колледж, то наверняка смог бы стать таким парнем, который знает, как выстроить дом на пустом месте. Никогда не знаешь, что тебя ждет впереди, и это истинная...

«Правда» – хотел он сказать, но так и не договорил. Мы как раз сворачивали за поворот лесной дороги, когда из чащи прямо перед нами выскочил автомобиль коричневого цвета. Отец вскрикнул, словно его укусил шершень, и резко вдавил педаль тормоза.

Отец вывернул руль влево, и коричневый автомобиль проехал мимо; я увидел, что машина съехала с десятой трассы и покатила вниз по насыпи справа от меня. Ее фары не горели, но за рулем кто-то сидел. Шины подмяли мелкий подлесок, а потом машина выехала на невысокий утес из красного камня и полетела вниз, в темноту. Раздался всплеск, и я понял, что машина свалилась прямо в озеро Саксон.

– Она упала в воду! – заорал я.

Отец тут же остановил грузовик и, поставив его на ручной тормоз, прыгнул в придорожную траву. Когда я выбрался из кабины, он уже со всех ног бежал к озеру. Ветер кружился вокруг нас, хлестал по щекам. Отец остановился как раз на уступе той красной скалы, откуда упала машина. В слабом розоватом свете мы смогли разглядеть качающийся на волнах автомобиль. Огромные пузыри лопались вокруг его багажника.

– Эй-эй! – закричал отец, рупором сложив руки вокруг рта. – Вылезай оттуда, быстрее!

Всем было известно, что Саксон – озеро глубокое, как первородный грех, и когда автомобиль погрузится в темную бездну, он навсегда останется там.

– Эй, выбирайся оттуда! – опять закричал отец, но сидящий за рулем не отозвался. – У него, скорее всего, шок от холода, – сказал мне папа, скидывая ботинки.

Автомобиль стал поворачиваться к нам правой стороной, а потом раздался ужасный ревущий звук, который, вероятно, издал поток воды, с силой ворвавшийся внутрь машины. Отец сказал мне:

– Отойди чуть назад.

Я повиновался, а он прыгнул в озеро.

Он всегда был отличным пловцом. В несколько мощных гребков папа добрался до машины и увидел, что окно со стороны водителя открыто. Он чувствовал, как водоворот бешено крутится вокруг его ног, постепенно увлекая машину в бездонную глубину.

– Вылезай! – завопил папа диким голосом, однако водитель продолжал сидеть на своем месте.

Отец зацепился за дверцу, просунул руку внутрь и схватил водителя за плечо. Это был мужчина, рубашки на нем не оказалось. Тело его было бледным и холодным, и отец почувствовал, как по его коже поползли мурашки. Голова мужчины откинулась назад, и стал виден широко открытый рот. У него были светлые, коротко остриженные волосы, глаза заплыли от черных кровоподтеков, лицо изуродовано зверскими ударами до неузнаваемости. Вокруг его шеи была затянута медная струна от фортепиано, так туго, что тонкий металл впился в кожу и разрезал ее на горле до мяса.

– О боже! – прошептал отец, бултыхаясь в воде.

Автомобиль накренился и зашипел. Голова водителя вновь бессильно упала на грудь, как во время молитвы. Вода поднялась уже до уровня его голых коленей. Папа вдруг осознал, что водитель совсем без одежды, в чем мать родила. Что-то блеснуло на рулевом колесе – и отец заметил наручники, которыми правое запястье мужчины было приковано к внутреннему ободу руля.

К тому времени мой отец прожил на свете тридцать четыре года. Он и до того видел мертвецов. Один из его лучших друзей, Ходж Клемсон, утонул в реке Текумсе, когда им обоим было по пятнадцать лет. Тело обнаружили лишь спустя три дня, раздувшееся и покрытое таким слоем желтой донной тины, что оно напоминало древнюю мумию. Он видел то, что осталось от Уолтера и Джанин Трейнор после ужасного лобового столкновения, происшедшего шесть лет назад, когда «бьюик» Уолтера столкнулся с лесовозом, которым управлял паренек, употреблявший психотропные вещества. Он видел темную блестящую массу, в которую превратилось тело Малыша Стиви Коули, после того как пожарные потушили огонь, охвативший черный гоночный автомобиль под названием «Полуночная Мона». Он уже не раз видел

страшный оскал смерти и переносил это зрелище так, как подобает мужчине.

Но теперь все было иначе.

Лицо этого человека имело явные признаки насильственной смерти: его убили.

Автомобиль погружался все глубже и глубже. Когда его капот ушел под воду, заднее крыло поднялось. Прикованное к рулю тело снова дернулось, и отец что-то увидел на плече трупа. Голубоватое пятно на белом фоне. Нет, не синяк, а татуировка. Череп с крыльями, плавно скругленными в сторону костистых висков.

Вода потоком хлынула в машину, пузыри воздуха с громким хлопком вырвались наружу. Никто не мог отказать озеру в игрушке, которую оно требовало, чтобы упрятать в потайной ящик. Когда автомобиль начал плавно погружаться в темную глубь озера, невидимый водоворот схватил отца за ноги, чтобы утащить на дно и его.

Стоя на красном утесе, я увидел, как голова отца исчезла под водой, и закричал, охваченный ужасом:

– Папа!

Там, под водой, он боролся с мощью озера. Автомобиль под ним стремительно скользил вниз, и, когда отец стал отчаянно бить ногами, чтобы не провалиться в эту водяную могилу, образовавшиеся пузыри воздуха устремились к поверхности и освободили его из плена. Он стал взбираться вверх по их серебристой лестнице к спасительной воздушной мансарде.

Тут я увидел, как его голова пробилла водную гладь.

– Папа! – закричал я пронзительно. – Возвращайся на берег, папа!

– Со мной все в порядке! – отозвался он, но голос его предательски дрогнул. – Я возвращаюсь!

Он поплыл по-собачьи к берегу, но тело его вдруг стало хилым и вялым, как выжатая тряпка. Там, где автомобиль вспорол водную поверхность, озеро продолжало бурлить, словно переваривало что-то нехорошее. Отец не сумел залезть на выступ красной скалы, поэтому подплыл к тому месту, где смог зацепиться за стебли кудзу и камни.

– Со мной все в порядке, – повторил он, когда выбрался из озера, и его ноги по колено погрузились в ил.

Черепашка размером с обеденную тарелку быстро проскользнула мимо него и с недоуменным фырчанием плюхнулась в озеро. Я обернулся в сторону нашего молочного фургона – не знаю почему, но я это сделал.

И заметил фигуру человека, стоявшего между деревьями в чаще леса по другую сторону дороги.

Он просто стоял там, одетый в длинное темное пальто, полы которого развевались на ветру. Возможно, я почувствовал глаза того, кто наблюдал за мной, еще тогда, когда следил за отцом, который плыл к тонувшему автомобилю. Меня передернуло, холод пробрал до костей. Потом я несколько раз мигнул – и на том месте, где только что стояла загадочная фигура, снова остались лишь деревья, раскачивающиеся на ветру.

– Кори! – позвал отец. – Дай мне руку, сынок!

Я спустился к заросшему тиной берегу и помог ему настолько, насколько способен это сделать продрогший, испуганный ребенок. Потом его ноги ступили на твердую землю, и он откинул мокрые волосы со лба.

– Надо найти телефон, – озабоченно сказал отец. – Там в автомобиле был мужчина. Он пошел ко дну...

– Я видел... видел... – Я указал рукой на лесную чащу по другую сторону от десятой трассы. – Там кто-то был...

– Пошли!

Отец уже пересекал дорогу, держа мокрые ботинки в руке. Как можно быстрее я поспешил за ним, словно превратившись в отцовскую тень. Мой взгляд снова возвратился к тому месту, где я видел силуэт человека, однако никого там не оказалось, вообще никого.

Отец завел наш молоковоз и включил обогреватель. Зубы его выстукивали дробь, лицо в сером свете раннего утра выглядело бледным, словно свечной воск.

– Проклятье! – воскликнул он.

Это меня потрясло: раньше он никогда не позволял себе ругаться в моем присутствии.

– Он был прикован к рулю, – продолжал отец. – Наручниками. Боже мой, все лицо этого парня изуродовано!

– Кто это был?

– Не знаю. – Он переключил обогреватель на полную мощность, а потом повел машину на юг, к ближайшему дому. – Кто-то хорошенько поработал над ним, это уж точно! Боже мой, как же мне холодно!

Грунтовая дорога свернула направо, туда же вырулил отец. В пятидесяти ярдах от десятой трассы стоял маленький белый домик с верандой, затянутой противомоскитной сеткой. По одну сторону от дома росли кусты роз. Под зеленым пластиковым навесом стояли две припаркованные машины: красный «мустанг» и старый «кадиллак», местами покрытый пятнами ржавчины.

Отец остановил пикап перед домом, сказав мне: «Подожди здесь», в одних носках подошел к двери и нажал на кнопку звонка. Лишь когда он позвонил во второй раз, дверь, звякнув колокольчиком, распахнулась, и в проеме появилась рыжеволосая женщина раза в три крупнее моей мамы, одетая в синий халат с вышитыми на нем черными цветочками.

Отец обратился к ней:

– Мисс Грейс, мне необходимо срочно позвонить. Нельзя ли воспользоваться вашим телефоном?

– Вы весь мокрый! – Голос мисс Грейс напоминал скрежет ржавой пилы. Она взяла сигарету в другую руку, и на пальцах блеснули кольца.

– Стучилось большое несчастье, – сказал ей отец.

Она вздохнула, напоминая своим обличем рыжую грозовую тучу, но потом сказала:

– Ладно. В таком случае можете пройти... Только поосторожнее с ковром...

Отец вошел в дом, и дверь с колокольчиком закрылась за ним. Я продолжал сидеть в нашем молоковозе. Тем временем из-за холмов на востоке стали пробиваться первые оранжевые лучи солнца. В грузовике пахло озером: на полу под водительским сиденьем стояла лужа. Я видел кого-то, стоявшего в лесной чаще. Точно знал, что видел. Почему же он не вышел посмотреть, что произошло с человеком в машине? И кем вообще был тот человек?

Пока я раздумывал над всем этим, дверь вновь отворилась и на пороге показалась мисс Грейс; теперь поверх своего халата она надела мешковатый белый свитер. На ногах у нее были тапочки, лодыжки и икры казались толстыми, словно молодые деревца. В руках – пачка

печенья «Лорна Дун». Она подошла к нашему молоковозу и улыбнулась мне.

– Эй, там, в машине, – позвала она. – Ты, конечно же, Кори...

– Да, – ответил я.

Улыбка не слишком красила мисс Грейс. Ее губы были тонкими, нос – широким и плоским, а брови, подведенные черным карандашом, нависали над глубоко посаженными глазами. Она протянула мне пачку «Лорны Дун»:

– Печенья хочешь?

Я не был голоден, но родители учили меня никогда не отвергать дары. Я взял одно печенье.

– Бери два, – предложила мисс Грейс, и я взял второе печенье.

Она сама тоже съела печенье, потом затянулась сигаретой и выпустила дым через ноздри.

– Твой отец – наш молочник, – сказала она после короткого молчания. – Думаю, ты найдешь нас в вашем путевом листе. Шесть кварт молока, две пахты, два шоколада и три пинты сливок.

Я сверился с перечнем заказов. Там оказалось ее имя – Грейс Стаффорд – и заказ, в точности такой, как она назвала. Я сказал, что сейчас все для нее достану, и стал собирать заказ.

– Сколько тебе лет? – спросила мисс Грейс, когда я принялся за дело. – Двенадцать?

– Пока нет, мэм. Двенадцать исполнится только в июле.

– У меня тоже есть сын. – Мисс Грейс стряхнула пепел со своей сигареты и принялась жевать очередное печенье. – В декабре стукнуло двадцать. Он живет в Сан-Антонио. Знаешь, где это?

– Да, мэм. Это в Техасе. Там, где Аламо.

– Верно. Ему исполнилось двадцать, а значит, мне должно быть тридцать восемь. Настоящее ископаемое, верно?

Это явно вопрос с подвохом, подумал я.

– Нет, мэм, – наконец решил я ответить.

– Так ты – маленький дипломат? – Она опять улыбнулась мне, но на этот раз улыбка светилась в ее глазах. – Бери еще печенье.

Оставив мне всю пачку, она направилась к двери и закричала, обращаясь к кому-то внутри дома:

– Лэйни! Лэйни, оторви от дивана свою задницу и иди сюда!

Но первым появился мой отец. В безжалостном утреннем свете он выглядел постаревшим, под глазами у него темнели круги.

– Я позвонил в участок шерифу, – сказал он мне, усаживаясь на мокрое водительское сиденье и втискивая ноги в ботинки. – Кто-нибудь подъедет, чтобы встретиться с нами на том месте, где упала машина.

– Кто, черт возьми, это был? – спросила мисс Грейс.

– Понятия не имею. Его лицо было... – Он быстро взглянул на меня, потом опять повернулся в сторону женщины. – В общем, он был сильно избит.

– Скорее всего, надрался до потери сознания.

– Я так не думаю. – Отец ничего не сказал по телефону о том, что мужчина был раздет, удушен фортепианной струной и прикован наручниками к рулю. Эти подробности предназначались только для шерифа, но никак не для ушей мисс Грейс или кого-нибудь вроде нее. –

Вы когда-нибудь видели здесь парня с татуировкой на левом плече? Она изображает череп, из которого растут крылья.

– Я видела огромное количество татуировок, – заметила мисс Грейс, – но не могу припомнить ничего подобного. А что, тот парень был без рубашки? Как вы узнали о его татуировке?

– Да, на нем не было рубашки. Череп с крыльями был вытатуирован прямо вот здесь. – Отец дотронулся до своего левого плеча, снова вздрогнул и потер руки. – Они никогда не смогут поднять эту машину. Никогда. Глубина озера Саксон – три сотни футов.

Раздался звон колокольчика. Я посмотрел в сторону двери, держа в руках ящик с бутылками молока.

Из дома вышла девушка с опухшими от сна глазами. Она была одета в длинный клетчатый купальный халат, ноги ее были голыми, волосы цвета кукурузы рассыпались по плечам. Приблизившись к молоковозу, она сощурилась от яркого света и произнесла:

– Как мне все острое...нело...

По всей вероятности, я тогда чуть не свалился на землю от неожиданности, потому что никогда прежде в своей жизни не слышал, чтобы из уст женщины вырывалось такое грязное ругательство. О, я уже прекрасно понимал, что значило это слово, но меня повергло в шок, что его без тени смущения произносили уста хорошенькой девушки.

– У нас в доме молодой человек, Лэйни, – сказала мисс Грейс таким голосом, которым, казалось, можно было согнуть стальной гвоздь. – Следы, пожалуйста, за своим языком.

Лэйни посмотрела на меня холодным взглядом, и я сразу вспомнил, как когда-то ткнул зубцом вилки в электрическую розетку. Глаза Лэйни были карими, почти шоколадного цвета, а губы слегка улыбались мне, но при этом на ее лице сохранялась презрительная гримаса. Ее лицо выражало упрямство и настороженность, словно она только что сбежала из-под стражи. Бросалась в глаза маленькая красная отметина на ложбинке под горлом.

– А что это за парнишка? – спросила она про меня.

– Сын мистера Маккенсона. Веди себя прилично, слышишь?

Я с трудом проглотил комок в горле и отвел глаза от Лэйни, от ее распахнувшегося халатика. Только сейчас до меня дошло, какого сорта девушки употребляют столь нехорошие слова и что это за место. Я несколько раз слышал от Джонни Уилсона и Бена Сирса, что где-то рядом с Зефиром есть самый настоящий бордель. Это, несомненно, входило в круг знаний, получаемых в начальной школе. Когда говоришь кому-то: «Отсоси-ка!» – ты сразу ступаешь на тонкую грань между миролюбием и насилием. Раньше я всегда представлял себе публичный дом так: особняк, вокруг него плакучие ивы, черные слуги подают клиентам джулеп^[7] на веранде. Однако на самом деле публичный дом не слишком далеко ушел от вышедшего из строя автоприцепа. И все же прямо здесь передо мной стояла девушка с волосами цвета кукурузы и ртом, изрыгающим непотребную брань, девушка, которая зарабатывала себе на хлеб утехами плоти. Моя спина покрылась гусиной кожей, и я просто не в силах признаться, какого рода сцены возникали тогда в моем воображении, словно медленно надвигающаяся, но таящая смертельную опасность буря.

– Возьми молоко и все остальное и отнеси на кухню, – распорядилась мисс Грейс.

Презрительная ухмылка вытеснила улыбку с лица девушки, ее карие глаза потемнели.

– Я не обязана заниматься кухонными делами. На этой неделе очередь Донны Энн!

– Это мне решать, чья сейчас очередь, мисси, и ты знаешь, что я могу сделать так, что ты проторчишь на кухне целый месяц! А теперь

делай то, что тебе велят, и держи свой прелестный ротик на замке!

Лэйни надулась, заученно изобразив обиду: губы вытянулись, лицо сморщилось. Но ее глаза – холодные сгустки гнева – не лгали: она вовсе не приняла наказание безропотно. Она взяла у меня ящик и, повернувшись спиной к моему отцу и мисс Грейс, высунула свой розовый влажный язык, изогнутый трубочкой, прямо мне в лицо. Потом ее язык скользнул обратно, и она удалилась, не преминув продемонстрировать презрение ко всем нам, нагло виляя задом, что поразило меня, как удар мечом. Когда она исчезла из поля зрения, мисс Грейс громко фыркнула и проговорила:

– Груба, как лошадь...

– А разве не все они такие? – спросил отец.

Мисс Грейс ответила ему, выпустив изо рта очередное колечко дыма:

– Да, но она даже не притворяется, что у нее хорошие манеры. – Ее взгляд остановился на мне. – Кори, почему ты не берешь печенье? С тобой-то все в порядке?

Я посмотрел на отца. Он пожал плечами.

– Да, мэм, – неуверенно ответил я.

– Отлично. Мне действительно приятно было познакомиться с тобой. – Мисс Грейс тут же вновь переключила внимание на отца и на сигарету, которую передвинула языком в угол рта. – Дайте мне знать, как будут разворачиваться события.

– Обязательно. Спасибо, что разрешили воспользоваться вашим телефоном. – Отец вновь уселся за руль. – Ящик из-под молока я заберу в следующий раз...

– Да-да. Будьте осторожны, – ответила мисс Грейс и скрылась внутри выкрашенного белой краской борделя, а отец завел двигатель и снял машину с ручного тормоза.

Мы поехали обратно – к тому месту, откуда неизвестная машина свалилась в воду.

Поверхность озера Саксон, освещенного утренним светом, покрывали голубые и пурпурные полосы. Отец свернул на грунтовую дорогу, по которой, как мы поняли, приехал упавший в озеро автомобиль. Потом мы сели и стали ждать приезда шерифа, в то время как солнечный свет набирал силу, окрашивая небо лазурью.

Я испытывал раздвоение сознания, думая об утонувшем автомобиле и силуэте виденного мной человека и одновременно гадая, откуда отец

так хорошо знает мисс Грейс и ее публичный дом. Отец лично знал всех своих заказчиков: он часто рассказывал о них маме за ужином. Но я никогда не слышал, чтобы он когда-нибудь упоминал хоть одним словом о мисс Грейс и ее борделе. Конечно, эта тема не подходила для разговора за ужином. И, кроме того, родители не стали бы говорить о таких вещах в моем присутствии, хотя все мои друзья, все школьники, начиная с четвертого класса, знали, что где-то на окраине Зефира существует такой дом с плохими девушками.

И вот я побывал там. Мне даже удалось увидеть плохую девушку. Я видел ее изгибающийся язык и зад, ходивший из стороны в сторону под ее халатом.

Теперь я мог стать в школе своего рода знаменитостью.

– Кори? – тихо спросил отец. – Ты знаешь, какими делами управляет мисс Грейс в своем доме?

– Я... – Даже третьеклассник мог бы догадаться. – Да, сэр.

– Обычно я оставляю заказ перед ее дверью. – Он смотрел на озеро, словно все еще видел автомобиль, медленно погружающийся в бездну с трупом, прикованным наручниками к рулевому колесу. – Я поставляю товар мисс Грейс вот уже два года. Каждый понедельник и четверг, строго как часы. И если это тебя волнует, могу сказать: мама *знает*, что я навещаю ее сюда по работе.

Я ничего не сказал в ответ, но почувствовал, что на душе у меня стало гораздо легче.

– Я не хочу, чтобы ты рассказывал кому-нибудь о мисс Грейс и об этом доме, – продолжал отец. – Я хочу, чтобы ты забыл о том, что побывал здесь, о том, что успел увидеть и услышать. Ты можешь сделать это?

– Почему? – не удержался я от вопроса.

– Потому что мисс Грейс немного отличается от тебя, меня и мамы: она может казаться грубой и злобной, а ее работа не из тех, о которых мечтают люди, но она хорошая женщина. Я просто не хочу, чтобы об этом молили языками. Чем меньше говорят о мисс Грейс и об этом доме, тем лучше. Ты меня понимаешь?

– Думаю, что да...

– Хорошо. – Его пальцы сжали руль. Вопрос был закрыт для дальнейшего обсуждения.

Я сдержал свое слово. Моя грядущая популярность развеялась как дым, но, значит, такая судьба.

Я уже собирался раскрыть рот, чтобы рассказать отцу о силуэте человека, которого заметил между деревьями, но в этот момент черно-белый «форд» с мигалкой наверху и изображением герба города Зефира на левой передней дверце завернул на повороте и остановился недалеко от нашего молоковоза. Шериф Эмори, инициалы которого читались как Джей-Ти, что означало Джуниор Талмедж, вылез из машины, и отец пошел ему навстречу.

Шериф Эмори был худым высоким мужчиной, его лицо с вытянутым подбородком напомнило мне фильм, который я когда-то видел: Икабод Крейн^[8] пытается настигнуть Всадника без головы. Шериф обладал большими руками и ногами, а также парой ушей, которым позавидовал бы слоненок Дамбо^[9]. Будь его нос чуточку длиннее, он мог бы послужить превосходным флюгером. Шерифская звезда была приколота спереди на шляпе, прикрывавшей почти лысую голову, если не считать единственной пряди каштановых волос.

Шериф вновь надвинул шляпу на блестящий от пота лоб. Они разговаривали на берегу озера, а я наблюдал за движениями рук отца, который, вероятно, показывал места, откуда выехал автомобиль и куда он потом упал. Оба смотрели на неподвижную гладь озера, и я догадывался, о чем они в то время думали.

Автомобиль мог уже погрузиться до самого центра земли. Даже каймановые черепахи, обитавшие на берегу озера, не смогли бы нырнуть так глубоко, чтобы добраться до утонувшей машины. Кем бы ни был водитель, сейчас он сидел где-то там, в темноте, с илом между зубами.

– Прикованный наручниками, – повторил шериф Эмори спокойным голосом. У него были густые темные брови над глубоко посаженными глазами цвета угля, а бледность его кожи свидетельствовала о том, что он вел ночной образ жизни. – Ты уверен во всем этом, Том? И насчет этой струны?

– Уверен. Кто бы ни разделался с этим парнем, это была дьявольская работа! Его голова выглядела почти отрезанной.

– Прикованный наручниками, – снова повторил шериф. – Думаю, для того, чтобы тело не всплыло.

Он слегка постучал указательным пальцем по нижней губе.

– Ладно, – наконец проговорил он. – Полагаю, налицо все признаки убийства.

– Если это не так, то тогда я вообще не понимаю, что же считать убийством.

Пока они разговаривали, я тихо вышел из молоковоза и направился к тому месту, где, как мне показалось, заметил фигуру наблюдавшего за мной человека. Там, где он стоял, не оказалось ничего, кроме сорной травы, камней и грязи. «А был ли это мужчина? – подумал я. – Что, если то была женщина?» Я не разглядел длинных волос, но, по правде говоря, мне ничего особенного и не удалось рассмотреть, кроме пальто, которое развевалось на ветру. Я ходил взад-вперед по краю леса между деревьями. За опушкой лес густел, и обычную землю сменял болотистый грунт. Я не нашел абсолютно ничего.

– Хорошо бы вам заехать в мою контору, чтобы я мог все это записать, – сказал шериф отцу. – Правда, неплохо бы сначала съездить домой и переодеться в сухое.

Отец кивнул:

– К тому же я хочу закончить развозку заказов и отвезти Кори в школу.

– Ладно. Во всяком случае, мне кажется, мы вряд ли сможем помочь парню на дне этого озера. – Шериф хмыкнул и засунул руки в карманы. – Убийство. Последнее убийство произошло у нас в Зефире в тысяча девятьсот шестьдесят первом. Помнишь, как Бо Каллаган забил до смерти свою жену кубком за победу в соревновании по боулингу?

Я возвратился в наш пикап и стал ждать отца. Солнце уже взошло высоко, освещая мир. Тот мир, который я знал. Однако пережитое давило на меня тяжелым грузом. Мне теперь казалось, что существуют два мира: один – перед восходом солнца, другой – после. А если бы это было правдой, то отличались бы друг от друга и люди, жившие в этих мирах. Некоторые легко передвигались бы по ночным ландшафтам, другие предпочитали бы период яркого света. Возможно, перед восходом солнца я наблюдал за одним из ночных жителей. И вдруг меня посетила кошмарная мысль: возможно, он видел, что я заметил его.

Я понял, что на кедах принес грязь в молоковоз.

Я посмотрел на подошвы, на которые налипла земля.

К левому кеду пристало маленькое зеленое перышко.

Глава 2

Падение в темноту

Сначала зеленое перо оказалось у меня в кармане. Оттуда оно перекочевало в мою комнату, в коробку из-под сигар «Белая сова», где хранились коллекция старых ключей и засушенные насекомые. Я закрыл крышку коробки, положил ее в один из потайных ящичков стола и задвинул его.

А затем вовсе забыл о своей находке.

Чем больше я думал о силуэте человека в лесу, тем больше склонялся к мысли, что ошибся, просто меня сильно напугало зрелище автомобиля, упавшего в воду, и отца, который начал погружаться в бездну вслед за машиной. Несколько раз я пытался рассказать об этом отцу, но всегда что-то мешало.

У мамы чуть не случился нервный приступ, когда она узнала, что отец нырял в озеро. Она так переживала за него, что кричала и рыдала во весь голос. Отцу даже пришлось усадить ее на кухне и спокойно объяснить, почему он сделал это.

– За рулем был мужчина, – сказал отец. – Я не знал, что он уже мертв, думал, он просто потерял сознание от холода. Если бы я стоял сложа руки, какие нашел бы для себя оправдания после случившегося?

– Ты же мог утонуть! – упрекала его мама, и слезы катились по ее щекам. – Мог стукнуться головой о камень и пойти на дно!

– Я же не утонул. И не ударился головой о камень. Просто сделал то, что должен был сделать.

Он протянул ей бумажную салфетку, и мама вытерла глаза. Затем все-таки выдала последнюю словесную эскападу:

– В этом озере полным-полно ядовитых змей – водяных щитомордников, и ты мог угодить в самое их гнездо!

– Но не угодил ведь, – ответил отец.

Мама вздохнула и покачала головой, словно жила с самым большим глупцом, который когда-либо родился на свет.

– Тебе надо переодеться в сухое, – сказала она, уже вполне овладев голосом. – Я не перестаю благодарить Бога, что ты не очутился на дне

этого ужасного озера. – Мама поднялась с табуретки и помогла отцу расстегнуть промокшую насквозь рубашку. – Ты хоть знаешь, кто это был?

– Никогда раньше его не видел...

– Кто мог сотворить такое с другим человеческим существом?

– Это задачка для Джея-Ти. – Отец стянул с себя мокрую рубашку, и мама взяла ее двумя пальцами, словно озерная вода несла в себе проказу. – Мне еще надо будет заехать к нему в офис, чтобы помочь составить протокол. А еще я хочу сказать тебе, Ребекка, что, когда я взглянул в лицо мертвецу, сердце у меня чуть не остановилось. Я никогда раньше не видел ничего подобного и молю Бога, чтобы больше никогда не увидеть...

– Боже правый! – воскликнула мама. – А что, если у тебя случился бы там сердечный приступ? Кто тогда спас бы тебя?

Беспокойство было образом жизни моей матери. Она беспокоилась о погоде, ценах на бакалейные товары, из-за поломки стиральной машины, загрязнения русла Текумсе бумажным заводом в Адамс-Вэлли, о ценах на новую одежду – обо всем, что происходит вокруг. Мир представлялся маме огромным, почти безразмерным стеганым одеялом, швы которого постоянно расползаются. Ее беспокойство исполняло роль иголки, которой можно было залатать эти опасные швы. Если ей удавалось вообразить наихудший, трагический вариант развития события, то она, казалось, обретала некий контроль над ними. Как я уже говорил, это был ее образ жизни, способ мышления. Отец мог просто бросить горсть игральных костей, когда требовалось принять решение, тогда как мама часами испытывала мучительные сомнения. Я думаю, что они таким образом уравнивали друг друга, как и подобает любящим.

Родители моей мамы, дедушка Остин и бабушка Элис, жили в двенадцати милях южнее, в городке, который назывался Ваксахачи, возле военно-воздушной базы Роббинс. Бабушка Элис своим беспокойным характером даже превосходила мою мать; некая часть ее души взывала к трагическому началу. Дедушка Остин работал лесорубом, и одна нога у него была деревянной из-за небрежного обращения с электропилой. Он не раз предупреждал жену, что отвинтит свою деревянную ногу и стукнет ее по голове, если она не успокоится и не даст ему отдохнуть. Он называл свою деревянную

ногу «трубкой мира», но, насколько я знаю, никогда не использовал ее в каких-либо иных целях, кроме тех, для которых она была вырезана.

У моей мамы были старшие брат и сестра, а отец был у своих родителей единственным ребенком.

Так или иначе, в тот же день я отправился в школу и при первом удобном случае рассказал о случившемся Дэви Рэю Коллану, Джонни Уилсону и Бену Сирсу. К тому времени, как прозвенел последний звонок и я отправился домой, новость уже распространилась по всему городу подобно пожару. Слово «убийство» было у всех на устах. Родители не успевали отвечать на телефонные звонки. Всем хотелось узнать о происшедшем вплоть до самых мрачных подробностей.

Я вышел из дома погонять на своем ржавом велосипеде и дать возможность Бунтарю порезвиться среди деревьев. И тут мне в голову неожиданно пришла мысль: а что, если кто-то из звонивших уже все знал и просто пытался разнюхать, не видели ли мы его там, на опушке, и вообще какой информацией располагает шериф Эмори?

Именно тогда, когда я крутил педали на лесной тропинке, а Бунтарь пытался играючи схватить меня за пятки, я осознал, что кто-то в моем родном городке вполне может быть убийцей.

Весна была в разгаре, с каждым днем теплело. Спустя неделю после того, как отец прыгнул в озеро Саксон, шериф Эмори объявил: никто не пропал за последнее время в нашем городе и его окрестностях. Статья, опубликованная на первой полосе единственного в Адамс-Вэлли еженедельника «Журнал», тоже не содержала ничего нового. Шериф Эмори, двое его помощников, несколько пожарных и полдюжины добровольцев на легких лодках прошлись по озеру сетями вдоль и поперек, но не вытащили ничего, кроме каймановых черепах и водяных щитомордников.

До двадцатых годов на месте озера Саксон была каменоломня, а потом паровые экскаваторы пробили путь к подземной речке, которую не удалось перекрыть или отвести в сторону. Ее глубина составляла, по различным оценкам, от трехсот до пятисот футов. На земле не существовало такой сети, которая могла бы поднять на поверхность затонувший автомобиль.

Однажды вечером шериф Эмори зашел к нам, чтобы переговорить с моими родителями, и они разрешили мне при этом присутствовать.

– Кто бы ни сделал это, – стал объяснять шериф, сидя со шляпой на коленях, отбрасывая на стену тень своего длинного носа, – он должен был направить автомобиль на грунтовую дорогу, выходящую прямо к озеру. Мы обнаружили там отпечатки шин, но все следы были стерты. Убийца наверняка зафиксировал педаль газа, прикрепив что-то к ней. Перед тем как вы выехали из-за поворота, он отпустил ручной тормоз, захлопнул дверцу и отпрыгнул, а машина свободно покатила вниз. Конечно же, он и не подозревал, что вы появитесь в этот момент. Если бы вас не оказалось там, машина просто упала бы в озеро, утонула и никто даже не узнал бы, что вообще что-то произошло. – Он пожал плечами. – Это все, что мне удалось выяснить.

– Вы разговаривали с Марти Баркли?

– Да. Он ничего не видел. Эта грунтовая дорога расположена так, что вы можете проехать мимо на средней скорости и даже не заметить ее.

– Так что же теперь со всем этим делать?

Шериф обдумывал вопрос отца, его серебряная звезда поблескивала на свету. Снаружи залаял Бунтарь, окрестные собаки подхватили его клич и разнесли по всему Зефиру. Шериф вытянул большие руки и посмотрел на пальцы.

– Понимаешь, Том, – наконец заговорил он. – Ситуация действительно странная. Имеются отпечатки шин, но нет самой машины. Ты говоришь, что видел внутри автомобиля мертвеца, прикованного наручниками к рулю, и что вокруг шеи трупа была намотана медная струна, но у нас нет тела, и мы вряд ли сможем когда-нибудь получить его. Никто в городе и его окрестностях за последнее время не пропал, если не считать девочки-подростка, мать которой полагает, что она убежала вместе со своим дружкой в Нэшвилл. Но у того парня, кстати, не было никакой татуировки. Я не слышал ни об одном человеке с татуировкой, которая была бы похожа на ту, что ты описал. – Шериф Эмори взглянул на меня, потом на маму, а затем снова на отца своими темными, как уголь, глазами. – Помнишь ту загадку, Том? Ну, насчет того, что когда дерево падает в лесу, а поблизости никого нет, бывает ли при этом какой-нибудь шум? А раз нет тела и никто в округе за последнее время не пропал, произошло ли вообще убийство или нет?

– Я знаю только то, что видел своими глазами, – ответил отец. – Ты разве сомневаешься в моих словах, Джей-Ти?

– Нет, этого я не говорил. Речь идет лишь о том, что больше я не смогу ничего сделать, пока мы не установим личность жертвы. Мне нужно его имя, Том. Мне необходимо иметь описание его внешности. Без этого я не знаю даже, с чего начинать расследование...

– А убийца между тем преспокойно разгуливает на свободе и совсем не боится, что когда-нибудь будет пойман. Так прикажешь тебя понимать?

– Угу, – признал шериф. – Получается именно такой расклад.

Конечно, шериф Эмори обещал, что продолжит расследование, что обзвонит все полицейские участки штата, чтобы получить от них сведения о пропавших людях. Рано или поздно, сказал он, кто-нибудь заявит именно о том человеке, который покоится в озере вместе с машиной. Когда шериф уехал, отец вышел на веранду, чтобы посидеть в темноте наедине со своими мыслями. Он оставался там и после того, как мама велела мне ложиться спать.

Уже ночью меня разбудил крик отца.

Встревоженный, я сел на кровати, слыша, как за стеной мать говорит отцу:

– Не беспокойся. Это был плохой сон, всего лишь дурной сон, теперь все в порядке.

Отец молчал довольно долгое время. Я слышал, как в ванной течет вода. Потом раздался скрип пружин на их кровати.

– Ты хочешь рассказать мне об этом? – спросила мама.

– Нет, о господи, нет.

– Это был всего лишь дурной сон.

– И все же я видел это как наяву.

– Ты сможешь опять заснуть?

Он тяжело вздохнул. Я без труда мог представить, как он сидит там, в темной спальне, прижав руки к лицу.

– Не знаю, – ответил отец.

– Дай-ка я потру тебе спину.

Пружины заскрипели под тяжестью их тел.

– У тебя здесь все напряжено, – сказала мама. – Особенно ближе к шее.

– Тут чертовски болит. Там, где твой большой палец.

– Это растяжение. Ты наверняка потянул мышцу.

Молчание. Мои шея и плечи, казалось, тоже расслаблялись под нежными руками матери. Каждое движение в спальне родителей сопровождалось скрипом пружин. Потом снова раздался голос отца:

– Я опять видел кошмарный сон – мужчину в машине...

– Я так и подумала.

– Я видел его лицо, превратившееся в кровавое месиво, шею, стянутую струной. Наручники на запястье и татуировку на плече. Машина погружалась все глубже, а потом... потом его глаза открылись...

Я вздрогнул, ясно представив себе все это. Отец говорил с трудом, ловя ртом воздух.

– Он посмотрел на меня. Прямо на меня. Из его глаз вытекала вода. Он открыл рот, и его язык оказался черным, как голова змеи. А потом он сказал: «Идем со мной...»

– Не думай об этом, – прервала его мама. – Просто закрой глаза и попытайся расслабиться.

– Я не могу расслабиться.

Я представил себе, как отец лежит, скрючившись, на кровати, а мама массирует его твердые, как железо, мышцы.

– Кошмар на этом не закончился, – продолжал он. – Тот человек в машине протянул руку и схватил меня за запястье. Ногти у него были синими. Его пальцы впились в мою кожу, и он сказал: «Идем со мной, вниз, во тьму». А машина... она стала погружаться все быстрее и быстрее; я попытался освободиться, но он не захотел меня отпустить и опять сказал: «Идем со мной, идем со мной, вниз, во тьму...» А потом озеро сомкнулось над моей головой, и я не смог выбраться наружу и открыл рот, чтобы закричать, но его заполнила вода. О боже, Ребекка! Боже правый!

– Это все не настоящее. Послушай меня! Это лишь страшный сон, но теперь все в порядке.

– Нет, – ответил отец. – Не все в порядке. Это гложет меня, и мне становится все хуже. Я думал, что смогу избавиться от этого кошмара. Я хочу сказать... Боже мой, я видел мертвецов и раньше. Совсем рядом. Но это... Это совершенно другое. Струна вокруг шеи, наручники на запястье, лицо, изуродованное до неузнаваемости... Это

совершенно другое. Я не знаю даже, кем он был, вообще ничего о нем не знаю... но это гложет меня день и ночь...

– Это пройдет, – сказала мама. – Ты и сам так меня успокаивал, когда я боялась, что от лягушки будут бородавки. Да брось, говорил ты, пройдет...

– Может быть, и так. Я надеюсь, что с Божьей помощью это пройдет. Но сейчас этот ужас засел у меня в голове, и я никак не могу от него избавиться. А самое худшее, Ребекка: это подтачивает меня изнутри, гложет меня. Кто бы ни совершил убийство, он или они наверняка были местными. Тут не может быть сомнений. Тот, кто сделал это, отлично знал, насколько глубоко озеро Саксон. Он прекрасно понимал, что если автомобиль пойдет на дно, то навсегда исчезнет и тело жертвы. Ребекка... ведь это может быть один из тех людей, которым я развожу заказы, кто сидит в церкви на одной с нами скамье. Кто-то, у кого мы покупаем бакалейные товары или одежду. Некто, кого мы знаем всю жизнь... по крайней мере, *думали*, что знаем. Это пугает меня так, как ничто никогда не пугало. И знаешь почему? – Он немного помолчал, и я представил себе, как кровь пульсирует в его висках. – Потому что если нельзя чувствовать себя в безопасности здесь, то нельзя чувствовать себя в безопасности нигде во всем мире.

На последнем слове его голос дрогнул. Я почувствовал облегчение, что меня нет в той комнате и я не могу видеть его лицо.

Прошли две или три минуты. Я думаю, отец просто лежал, давая матери возможность спокойно массировать ему спину.

– Теперь ты сможешь заснуть? – спросила мама.

И он ответил:

– Попробую...

Несколько раз скрипнули пружины. Я услышал, как мама шепчет что-то ему на ухо. Он ответил:

– Надеюсь, что так.

Потом они замолчали. Отец, бывало, храпел во сне, но не этой ночью. Я гадал, не лежит ли он с открытыми глазами, после того как мама отодвинулась от него, видит ли он все еще перед собой труп, который тянет к нему руки из машины, чтобы утащить вниз, во тьму. Сказанное отцом неотвязно преследовало меня: «Если нельзя чувствовать себя в безопасности здесь, то нельзя чувствовать себя в

безопасности нигде во всем мире». Рана, нанесенная отцу, оказалась глубже, чем озеро Саксон. Может быть, причиной тому явилась внезапность происшедшего или его чудовищная холодная жестокость. А возможно, осознание, что за закрытыми дверями одного из самых спокойных и безобидных городков мира скрываются какие-то ужасные тайны.

Полагаю, мой отец всегда верил, что все люди в глубине души добрые и хорошие. Это происшествие разрушило основу его жизни, и мне пришло в голову, что убийца приковал моего отца к этому ужасному мгновению так же, как он приковал свою жертву наручниками к рулевому колесу. Я закрыл глаза и стал молиться за папу, чтобы он нашел дорогу из этого царства тьмы.

Март испустил дух, как жертвенный ягненок, однако работа убийцы оказалась еще не закончена.

Глава 3

Захватчик

Все утряслось и забылось, как обычно это случается.

В первый субботний вечер апреля, когда на деревьях уже начали набухать почки, а из теплой земли показались цветы, я сидел между Беном Сирсом и Джонни Уилсоном, окруженный орущими полчищами себе подобных, а Тарзан – Гордон Скотт, лучший Тарзан из всех существовавших, – вонзал нож в брюхо крокодилу, откуда била струей алая кровь.

– Ты видел? Нет, ты видел? – не переставая спрашивал Бен, толкая меня локтем в ребра.

Ну конечно, я все видел. У меня ведь были глаза, но я боялся, что мои ребра не выдержат столь интенсивный натиск до того, как начнется короткометражка «Три неудачника», обещанная в перерыве между двумя полнометражными игровыми фильмами, первый из которых был о Тарзане.

«Лирик» был единственным кинотеатром в Зефире. Его построили в 1945 году, сразу после Второй мировой войны, когда сыны Зефира, маршируя или ковыляя, возвращались домой и жаждали удовольствий, которые могли бы прогнать кошмары, порожденные свастикой и восходящим солнцем. Несколько преисполненных благородных намерений отцов города порылись в своих карманах и наняли инженера-строителя из Бирмингема. Он подготовил чертежи и разметил участок на пустом пространстве, где некогда располагались табачные склады. Меня, конечно, тогда еще не было на свете, но мистер Доллар мог красочно поведать эту историю любому. Вознесся дворец с ангелами лепной работы, и каждый субботний вечер мы, простые смертные мальчишки, протирали штаны, ерзая на стульях, уничтожали попкорн и сладости и оглашали воздух воплями, давая нашим родителям возможность на время избавиться от нас и перевести дух.

В общем, два моих дружка и я собственной персоной в этот апрельский субботний день сидели в кино и смотрели Тарзана. Да,

забыл объяснить, почему с нами не было Дэви Рэя: его тогда, кажется, посадили под домашний арест за то, что он попал в голову Молли Люджек огромной сосновой шишкой.

Это было время, когда запускали спутники, разбрызгивающие искры в околоземное пространство. На острове возле побережья Флориды, где залив был окрашен кровью свиней, тараторил что-то по-испански мужчина с бородой и сигарой. Лысый русский стучал башмаком по столу. Солдаты укладывали свои вещмешки, чтобы отправиться в джунгли под названием Вьетнам. Атомные бомбы взрывались в пустыне, выбрасывая куклы из гостиных покинутых домов. Нас тогда все это ничуть не заботило. Это не было волшебством. Подлинное волшебство происходило внутри «Лирика» на сеансах из двух полнометражных фильмов по субботним дням, и мы с радостью погружались в этот магический мир.

Я вспомнил телевизионный сериал «77 Сансет Стрип», в котором главный герой тоже ходил в кинотеатр под названием «Лирик», и задумался об этом слове. Я разыскал его в толстенном словаре с двумя тысячами четырьмястами восьмьюдесятью тремя страницами, подаренном мне бабушкой Джейбердом на десятилетие. Там говорится: «Лиричный» – мелодичный, пригодный для пения. Лирическое стихотворение. Образовано от слова «лира». Все это не слишком подходит для названия кинотеатра, и потому я отыскал в словаре слово «лира». «Лира» привела меня в эпоху, когда еще существовали замки и короли, во времена странствующих менестрелей, которые сочиняли и пели стихи-истории. Тогда мне пришлось обратиться к прекрасному слову «история». В раннем детстве мне казалось, что все способы передачи различной информации, будь то телевидение, кино или книги, начались с того, что кому-то захотелось рассказать какую-нибудь историю. Потребность рассказать, подключиться к этой универсальной розетке – возможно, одно из величайших желаний в мире. А в потребности услышать историю, пожить, пусть даже недолго, жизнью другого человека, наверно, и состоит ключ к разгадке того волшебства, которое всем нам изначально присуще.

Лирик...

– Заколи его, Тарзан! Воткни ему нож! – кричал Бен, неустанно тыча меня локтем под ребра.

Бен Сирс был полным мальчиком с коротко подстриженными каштановыми волосами. Он имел высокий, как у девчонки, голос и носил очки в роговой оправе. Бен никогда как следует не заправлял рубашку в джинсы. Его неловкость доходила до того, что он мог случайно задушить себя шнурками от ботинок. У Бена был широкий подбородок и пухлые щеки, и он не имел шанса когда-нибудь стать похожим на Тарзана из девчоночьих снов, но он был моим другом.

В отличие от излишне упитанного Бена, Джонни Уилсон был худощав, спокоен и начитан. В его жилах текла толика индейской крови, о чем можно было догадаться, заглянув в его темные блестящие глаза. Под лучами летнего солнца кожа его становилась коричневой, как кедровый орех. Волосы у него были почти черными, зализанными назад, лишь небольшой чуб торчал, словно побег дикого лука. Его отец, работавший мастером на фабрике по производству гипсокартона между Зефиром и Юнионтауном, носил точно такую же прическу. Мать Джонни была библиотекарем в начальной школе Зефира, и, думаю, именно это определило его пристрастие к чтению. Джонни буквально пожирал энциклопедии, как другие дети ели сосиски и лимонные дольки. Нос его напоминал томагавк индейцев племени чероки, на правой брови в 1960 году появился маленький шрам в том месте, куда его ударил палкой кузен Филбо, когда мы все играли в войну. Джонни Уилсон мог спокойно выдерживать любые насмешки школьных остряков, называвших его «сыном скво» или «негритенком». Кроме того, он родился с деформированной стопой и вынужден был носить специальный ботинок, из-за которого над ним смеялись в два раза сильнее. Он был стойком задолго до того, как я узнал значение этого слова.

Кино двигалось к своему завершению, как река в джунглях, текущая к морю. Тарзан победил злых браконьеров – охотников за слонами, возвратил звезду Соломона племени и исчез в лучах закатного солнца. Потом показали короткометражку «Три неудачника», в которой Мо вырывал волосы у Ларри целыми клоками, а Керли сидела в ванне, полной омаров. Мы классно провели время.

А потом, без всяких фанфар, начался второй полнометражный фильм.

Он оказался черно-белым, что вызвало гул недовольства в зале. Все уже оценили преимущества цветного кино. Потом на экране появилось

название: «*Захватчики с Марса*». Фильм, похоже, был очень старым, начала пятидесятых.

– Я сметаюсь за попкорном, – объявил Бен. – Купить кому-нибудь что-то еще?

Мы отказались, и он в одиночку стал пробираться по проходу.

Титры закончились, начался фильм.

Бен возвратился с ведром политого маслом попкорна как раз к тому моменту, когда герой фильма увидел в свой телескоп, направленный в грозное ночное небо, какой-то предмет, который оказался летающей тарелкой, приземлившейся позади его дома. Обычно по субботам толпа зрителей шумела и смеялась при отсутствии на экране погони или драки, но на этот раз вид спускающейся с небес зловещей тарелки заставил всех присутствовавших в зале затаить дыхание и замолчать.

Думаю, что в течение последующих полутора часов торговая палатка не получила никакой прибыли, хотя нашлись и ребята, которые поднялись с мест и бегом устремились на выход, к дневному свету. Мальчишка из фильма не смог никого убедить в том, что видел, как садится летающая тарелка, поэтому ему пришлось наблюдать в телескоп, как одного из полицейских засосало в песчаном вихре, словно включили некий чудовищный таинственный пылесос. А потом этот же полицейский пришел в дом к мальчику, чтобы убедить его: мол, само собой разумеется, никакая тарелка нигде не приземлялась. Никто ведь этого не видел, кроме самого мальчика? Но полицейский вел себя... как-то странно. Словно он был роботом с мертвыми глазами на бледном лице. Сзади на его шее мальчик заметил жуткую иксообразную рану. Полицейский, который до прогулки по песчаному холму был весельчаком, теперь не улыбался. Он стал другим.

Иксообразные раны стали появляться и на затылках других людей. Но никто не верил мальчику, который пытался убедить своих родителей, что марсиане свили на Земле гнездо как раз позади их дома. В конце концов его родители вышли взглянуть на это своими глазами.

Бен совершенно забыл, что купил ведро попкорна. Джонни сидел, подтянув колени к груди. Я никак не мог как следует сделать вдох.

Какой ты еще глупенький мальчик, сказали герою фильма мрачные, не улыбочивые родители, вернувшись домой после прогулки. Там

абсолютно нечего бояться. Все прекрасно, все замечательно. Пойдем с нами, сам отведешь нас туда, где, по твоим словам, приземлилась летающая тарелка. Ты увидишь, какой ты еще глупый мальчишка.

– Не ходи, – зашептал Бен. – Не ходи туда, не ходи!

Я слышал, как его ногти царапают подлокотники кресла.

Мальчик побежал. Прочь от дома, прочь от этих не улыбочивых чужаков. Куда бы мальчик ни обращал свой взор, он видел иксообразные раны. Даже у шефа полиции была такая рана на затылке. Люди, которых мальчик знал, внезапно изменились: они не хотели отпускать его, желая сдать с рук на руки родителям. Глупый, глупый мальчишка, говорили они ему. Марсиане высадились на Землю, чтобы покорить мир? Ну разве можно поверить в такое?

Весь этот ужас закончился, когда армия добралась до целой сети туннелей, вырытых марсианами под землей. Там марсиане прятали машину, с помощью которой они вырезали метку на затылке у людей, превращая их в существа, подобные себе самим. Вождь марсиан, голова которого напоминала стеклянную чашу со щупальцами, выглядел так, словно только что вывалился из канализационного отстойника. Мальчик и армия стали бороться против марсиан, которые с трудом передвигались по туннелям, словно преодолевая силу земного притяжения. В результате столкновения между машинами марсиан и армейскими танками Земля вот-вот могла потерять равновесие, но тут...

...мальчик проснулся.

Сон, сказал отец. Мама улыбнулась ему. Сон. Нечего бояться. Спи спокойно, увидимся утром.

Всего лишь плохой-плохой сон...

А потом мальчик поднялся в темноте, посмотрел в телескоп и увидел летающую тарелку, которая спускалась с предвещающего бурю ночного неба на песчаный холм позади его дома.

Конец?

Включили свет. Субботний день в кино закончился.

– Что с ними случилось? – спросил мистер Стелко, управляющий кинотеатром «Лирик», одного из билетеров, когда мы выходили из зала. – Почему они сидели так *тихо*?

Абсолютный ужас не имеет голоса.

Кое-как нам удалось оседлать свои велосипеды и начать крутить педали. Некоторые ребята отправились домой пешком, другие остались дожидаться своих родителей, которые должны были забрать их из кинотеатра. Всех нас объединило то, что нам только что довелось увидеть. Когда Бен, Джонни и я остановились у автозаправочной станции на Риджтон-стрит, чтобы подкачать переднюю шину на велосипеде Джонни, я заметил, что Бен искоса поглядывает на затылок мистера Уайта, на котором шелушилась обгоревшая на солнце кожа.

Мы расстались на углу Боннер и Хиллтоп-стрит. Джонни помчался домой, Бен давил на педали своего велика короткими толстыми ногами, а я боролся с ржавой цепью за каждый фут пути. Мой велик уже отбегал свои лучшие дни. Его купили на каком-то блошином рынке, он был старым уже тогда, когда попал ко мне. Я не раз просил, чтобы мне купили новый, но отец говорил в ответ, что мне придется обходиться тем, что есть, или жить вообще без всякого велосипеда. С деньгами у нас тогда было трудно: даже субботние походы в кино считались роскошью. Несколько позже я обнаружил, что лишь в субботу днем пружины в спальне моих родителей могли играть свои симфонии так, что мне не приходилось гадать, что же там происходит.

– Повеселился? – спросила мама, когда я вошел в дом, немного поиграв с Бунтарем.

– Да, мам, – ответил я. – Фильм про Тарзана был просто классный.

– А разве показывали не два фильма? – поинтересовался отец, который полулежал, задрав ноги на диван.

По телевизору шла показательная бейсбольная игра – сезон как раз начинался.

– Да, сэр. – Я прошмыгнул мимо них на кухню, чтобы разжиться там яблоком.

– И о чем же был второй фильм?

– Да так, ни о чем.

Родители умеют почувствовать неладное быстрее, чем голодный кот способен учуять мышь. Они позволили мне взять яблоко, помыть его под краном, вытереть, а потом принести его в гостиную. Они позволили мне погрузить зубы в яблочную мякоть, но потом отец оторвал взгляд от телевизора и спросил:

– Так что с тобой, сын?

Я захрустел яблоком. Мама села рядом с отцом, их глаза пристально изучали меня.

– Со мной? – переспросил я недоуменно.

– Каждую субботу тебя буквально разрывает на части от желания рассказать нам об увиденных фильмах. Тебя с трудом удается уговорить, чтобы ты не разыгрывал нам фильм сцена за сценой. Так что с тобой произошло сегодня?

– Э-э-э... Думаю, я... Ну, точно не знаю...

– Подойди сюда, – сказала мама.

Я повиновался, и она приложила руку мне ко лбу:

– Нет, температура нормальная. Кори, ты хорошо себя чувствуешь?

– Вполне.

– Итак, один фильм был про Тарзана, – стал выяснять отец с бульдожьим упрямством. – А о чем был второй фильм?

Я подумал, что могу, конечно, сообщить им название, но как объяснить, о чем *на самом деле* шла речь в том фильме? Как я мог им рассказать, что фильм, который я только что видел, разбудил во мне главный страх, живущий в глубине души каждого ребенка, который боится, что его родители в какое-то мгновение необратимого времени навсегда исчезнут, а вместо них появятся холодные, мрачные, никогда не улыбающиеся пришельцы?

– Это было кино о чудовищах, – признался я.

– Ага, тогда все понятно. – Внимание отца вновь переключилось на бейсбольный матч по телевизору. Словно пистолетный выстрел, щелкнула бита. – Эй! Беги же за ним, Микки! Беги!

Зазвонил телефон. Я поспешил снять трубку, пока предки не задали очередную порцию вопросов.

– Кори? Это миссис Сирс. Можно поговорить с твоей мамой?

– Минуточку. Мама! – позвал я. – Тебя к телефону!

Мама взяла трубку, а мне пришлось удалиться в ванную. От первой атаки отбился, слава богу. Однако я не был уверен, что готов сидеть в ванной комнате наедине с воспоминаниями о марсианской голове со щупальцами.

– Ребекка? – сказала миссис Сирс. – Как дела?

– Все в порядке, Лизбет. Ты взяла лотерейные билеты?

– Конечно. Четыре, и надеюсь, что на этот раз среди них уж точно окажется один счастливый.

– Хорошо бы.

– Да, вот почему я тебе звоню... Бен недавно вернулся из кинотеатра. В общем, я хотела бы знать, как чувствует себя Кори.

– Кори? Он... – Мама чуть помедлила, но в уме наверняка анализировала мое странное поведение. – Он уверяет, что с ним все в порядке...

– Вот-вот. Бен говорит то же самое, однако ведет себя немного... Пожалуй, немного... беспокойно, что ли, если попытаться найти правильное слово. Обычно он донимает нас с Симом рассказами об увиденном в кино, но сегодня молчит как рыба. Он сейчас вышел на задний двор, сказал, что хотел бы кое в чем убедиться, но не желает признаваться, в чем именно.

– Кори сейчас в ванной, – сказала мама так, словно это обстоятельство ее тоже несколько озадачило. Чтобы я не смог расслышать ее слова сквозь шум воды, она понизила голос. – Он ведет себя как-то странно. Думаешь, в кино с ними что-то случилось?

– Я думала об этом. Может быть, они поссорились?..

– Не исключено. Они дружат уже давно, но и между старыми друзьями иногда случаются ссоры.

– Например, как у меня с Эми Линн Макгроу. Мы шесть лет были близкими подругами, а потом целый год не разговаривали из-за потерянной пачки швейных иголок. Но я тут подумала: может быть, мальчикам надо собраться вместе? Если у них и вышел какой-то спор или ссора, то, наверно, следует все это обсудить.

– Пожалуй, это вполне разумно.

– Я собиралась спросить Бена, не хочет ли он, чтобы Кори переночевал у нас. Ты не будешь возражать?

– Нет, конечно, но сначала мне надо поговорить с Томом и Кори...

– Подожди минуточку, – неожиданно сказала миссис Сирс. – Идет Бен.

Мама услышала в трубке, как хлопнула дверь.

– Бен? Я говорю сейчас по телефону с мамой Кори. Ты не хочешь, чтобы Кори сегодня переночевал у нас?

Мама прислушалась, но не смогла разобрать, что ответил на это Бен, из-за шума воды в нашей ванной.

– Он говорит, что был бы рад этому, – сказала в трубку миссис Сирс. Из ванной я вышел исполненный благих намерений.

– Кори, ты не хочешь переночевать у Бена?

Некоторое время я думал.

– Не знаю, – ответил я, но причину своих сомнений назвать не мог. В последний раз, когда я ночевал у Бена в феврале, мистер Сирс так и не появился дома до самого утра, а миссис Сирс разгуливала по всем комнатам, гадая, куда же он мог запропасться. Бен рассказал мне, что его отец, уезжая в рейс, часто задерживается допоздна, но просил никому об этом не говорить.

– Бен хочет, чтобы ты пришел к ним, – стала уговаривать меня мама, ошибочно истолковав мою нерешительность.

Я пожал плечами:

– Ладно. Пожалуй, можно.

– Пойди спроси у отца, не будет ли он против.

Пока я шел к двери гостиной, моя мама сказала миссис Сирс:

– Я знаю, как важна дружба. Если возникли какие-то проблемы, мы все обязательно уладим.

– Папа не возражает, – сказал я маме, вернувшись.

Когда отец смотрит по телевизору бейсбольный матч, он может согласиться на что угодно, например почистить зубы колючей проволокой вместо зубной нити.

– Лизбет? Он будет у вас. Часам к шести? Хорошо.

Она прикрыла трубку рукой и тихо сказала мне:

– У них на ужин будут жареные цыплята.

Я кивнул и попытался изобразить улыбку, но все мои мысли по-прежнему устремлялись в те темные туннели, где марсиане замыслили уничтожить человечество, город за городом.

– Ребекка? Как там насчет того происшествия? – спросила миссис Сирс. – Ты понимаешь, о чем я говорю...

– Иди, Кори, – велела мне мама, и я исполнил ее приказ, хотя отлично знал, какие важные вещи сейчас будут обсуждаться. – Да, да, – сказала мама, обращаясь уже к Лизбет Сирс. – Тому спится сейчас немного лучше, но ему по-прежнему снятся кошмары. Мне хотелось бы чем-то ему помочь, но, думаю, он сам должен с этим справиться.

– Слышала, что шериф забросил это дело.

– Прошло уже три недели, но расследование не дало никаких результатов. Джей-Ти в пятницу сказал Тому, что оповестит все округа

нашего штата, а также Джорджию и Миссисипи, но так и не разобрался с этим делом. Словно этот человек в автомобиле прилетел к нам с другой планеты...

– От этой мысли мороз идет по коже.

– И вот еще что, – сказала мама, тяжело вздохнув. – Том... изменился. Это волнует меня больше, чем всякие ночные кошмары, Лизбет. – Она повернулась в сторону кухонной кладовой и отошла к ней, насколько позволял провод, чтобы отец не услышал ее слов. – Он стал тщательно следить за тем, чтобы все замки и двери были заперты, а раньше вообще не думал ни о каких запорах. До этого случая мы обычно не запирали двери, как и все в нашем городе. Теперь Том каждую ночь встает два-три раза и проверяет запоры. А на прошлой неделе он вернулся после рейса, и на его ботинках была красная глина, хотя в тот день никакого дождя не было. Я подозреваю, он снова ходил к озеру.

– Зачем?

– Не знаю. Прогуляться и подумать, возможно. Помню, когда мне было девять лет, у меня был кот с золотисто-желтой шерстью. Его раздавило грузовиком прямо перед нашим домом. Кровь Калико долго виднелась на мостовой. Это место меня притягивало. Я ненавидела это пятно, но постоянно подходила туда, чтобы увидеть, где погиб Калико. Мне всегда казалось, что я могла бы что-то сделать, чтобы предотвратить его гибель. А может быть, до того случая я думала, что все на нашей земле живут вечно и не могут умереть. – Она помолчала немного, глядя на карандашные пометки на двери, которыми родители фиксировали мой неуклонный рост. – Думаю, у Тома много всего на душе накопилось...

Их разговор перескакивал с одной темы на другую, но главной из них по-прежнему оставалось происшествие на озере Саксон. Наблюдая вместе с отцом за бейсбольным матчем, я заметил, что он периодически сжимает и разжимает правую руку, словно пытается или схватить что-то, или освободиться от чьей-то хватки. Потом настало время уходить; взяв пижаму, зубную щетку, чистые носки и нижнее белье, я сунул все это в просторный армейский ранец. Отец велел мне быть осторожнее, а мама пожелала хорошенько повеселиться, но вернуться домой утром, чтобы не опоздать в воскресную школу. Я

потрепал Бунтаря по загривку и швырнул ему палку, чтобы он за ней погнался, потом вскарабкался на велосипед и поехал прочь.

Бен жил недалеко, в какой-то полумиле от нашего дома, в глухом конце Дирман-стрит. На Дирман-стрит я ехал неторопливо, потому что на пересечении Дирман и Шентак-стрит стоял дом из серого камня, где жили пользовавшиеся дурной славой братья Брэнлин. Одному из них было тринадцать, а другому – четырнадцать, они красились под блондинов и приходили в восторг от разрушения. Братья частенько колесили по округе на одинаковых черных велосипедах, напоминая стервятников, кружащихся в воздухе в поисках свежего мяса. Я слышал однажды от Дэви Рэя Коллана, что Брэнлины на своих быстроходных черных велосипедах пытались тягаться с машинами в скорости. Кроме того, Дэви сам стал свидетелем, как однажды Гота Брэнлин, старший из братьев, вслух послал собственную мать в одно очень плохое место. Гота и Гордо были похожи на черную чуму: оставалось только надеяться, что они до вас не доберутся, потому что если они нападали – спасения не было.

До сих пор я был слишком незначительной фигурой, чтобы практиковаться на мне в подлости и коварстве. Я надеялся и в будущем держаться от них подальше.

Дом Бена во многом напоминал мой собственный. Коричневый пес моего друга по кличке Тампер лаем возвестил с веранды о моем прибытии. Бен вышел из дома, чтобы встретить меня, а миссис Сирс поздоровалась со мной и спросила, не хочу ли я выпить стаканчик рутбира, безалкогольного пива из корнеплодов. У нее были темные волосы, очень милое лицо и бедра величиной с арбузы. Мистер Сирс поднялся из столярной мастерской, расположенной в подвале, чтобы перекинуться со мной парой слов. Он был толстым, почти круглым мужчиной с румяным лицом, тяжелой челюстью и коротким ежиком волос. Мистер Сирс сиял кривоzubой ухмылкой и производил впечатление довольного собой человека. За его полосатую рубашку цеплялись стружки. Он рассказал мне анекдот о баптистском проповеднике и уборной во дворе, юмор которого я до конца не понял, но сам мистер Сирс рассмеялся и пытался намеками объяснить суть анекдота, пока Бен не сказал: «Ну, папа!» – словно он слышал эту глупую шутку уже дюжину раз.

Я распаковал свой ранец в комнате Бена, где хранилась отличная коллекция открыток на бейсбольную тематику, бутылочных крышек и осиных гнезд. Когда я управился со своим ранцем, Бен уселся на постельное покрывало с изображением Супермена.

– Ты рассказал предкам о фильме?

– Нет, а ты?

– Ну... – Он выдернул из лица Супермена торчавшую ниточку. – А почему ты не рассказал?

– Не знаю. А *ты* почему не рассказал?

Бен пожал плечами. Видно было, что в голове у него крутятся разные мысли.

– Наверное, – ответил он, – что слишком ужасно, чтобы рассказывать...

– Да-а...

– Я даже выходил на задний двор нашего дома, – продолжал Бен. – Песка там нет. Только камень, сплошной камень...

Мы оба сошлись на том, что марсианам, если они вдруг к нам заявятся, придется нелегко, когда они начнут сверлить туннели в скальной породе холмов, на которых стоит Зефир. Потом Бен открыл картонную коробку, где у него хранилась коллекция вкладышей от жвачек, и показал мне серию о Гражданской войне, с кровавыми картинками, изображающими застреленных, проколотых штыками и разорванных пушечными ядрами солдат. Мы стали придумывать свои истории по каждой картинке, а потом мама Бена позвонила в колокольчик, оповещая всех, что настало время жареных цыплят.

После ужина и великолепного пирога, испеченного миссис Сирс, который запивали холодным молоком с фермы «Зеленые луга», мы стали играть в скребл. Родители Бена были в игре партнерами, и мистер Сирс время от времени пытался использовать слова собственного сочинения, которые и в словаре не найдешь. Миссис Сирс сказала, что он такой же ненормальный, как чесоточная мартышка, но при этом лишь по-доброму усмехалась, слыша его забавные словечки, как, впрочем, и я.

– Кори, – обратился ко мне мистер Сирс, – а ты слышал историю о трех священниках, которые захотели попасть на небеса?

Прежде чем я успел ответить отрицательно, он уже принялся рассказывать очередную хохму. Казалось, ему нравилось рассказывать

анекдоты о священниках. Мне вдруг стало интересно, что подумал бы об этих анекдотах его преподобие отец Ловой из методистской церкви.

Шел уже девятый час, и мы начали вторую партию в скребл, как вдруг Тампер на веранде залаял, а спустя несколько секунд раздался стук в дверь.

– Я открою, – сказал мистер Сирс.

Он отворил дверь жилистому мужчине с грубым морщинистым лицом, в джинсах и рубашке в красную клеточку.

– Здорово, Донни, – приветствовал его мистер Сирс. – Ну, заходи, заходи, дружище!

Миссис Сирс пристально посмотрела на мужа и на мужчину, которого звали Донни. Я заметил, как напряглось ее лицо.

Донни вполголоса сказал что-то мистеру Сирсу, и тот обратился ко всем нам:

– Мы с Донни немножко посидим на веранде и поговорим, а вы можете продолжать игру.

– Но, дорогой! – Миссис Сирс изобразила на лице кривую улыбку. – Мне ведь нужен напарник!

Сетчатая дверь за его спиной закрылась.

Миссис Сирс долго сидела, глядя на закрытую дверь. Улыбка сползла с ее лица.

– Мамочка, – сказал Бен, – твоя очередь.

– Хорошо.

Она попыталась сосредоточиться на игре. Было видно, что она изо всех сил старается это сделать, но взгляд ее снова и снова возвращался к двери. Там, снаружи, на веранде, сидели на раскладных стульях мистер Сирс и мужчина по имени Донни. Разговор у них, по видимому, шел обстоятельный и серьезный.

– Хорошо, – повторила мама Бена. – Теперь дайте мне минуточку подумать.

Прошло уже больше минуты. В некотором отдалении залаяла собака, потом еще две. Вот и Тампер вступил в общий хор. Миссис Сирс все еще пребывала в глубоком раздумье, когда дверь вдруг настежь распахнулась.

– Эй, Лизбет! Бен! Выходите быстрее!

– Что такое, Сим? Что...

– Да просто выйдите сюда! – проревел он.

Конечно, мы все выскочили из-за стола, чтобы посмотреть, в чем дело.

Донни стоял во дворе, глядя на запад. Соседские собаки исходили неистовым лаем. В окнах домов зажигались огни, люди выходили посмотреть, из-за чего такой переполох. Мистер Сирс указал туда, куда смотрел Донни:

– Вы когда-нибудь видели что-то подобное?

Я поднял глаза к небу. То же самое сделал и Бен, и я услышал, как он чуть не задохнулся, будто ему крепко дали под дых.

С ночного неба, словно сойдя со звездного полога над нашими головами, спускался сияющий, докрасна раскаленный предмет, озаряя темноту багровыми огненными стрелами, а за ним тянулся дымный след.

В это мгновение сердце мое чуть не разорвалось. Бен сделал шаг назад и наверняка упал бы, если бы не натолкнулся на бедро матери. Своим бешено стучащим сердцем я чувствовал, что сейчас по всему Зефиру дети, которые сегодня днем были на сеансе в кинотеатре «Лирик», точно так же задирают голову и смотрят на небо, и их охватывает панический ужас.

Я чуть было не намочил штаны. Каким-то образом мне удавалось сдерживаться, но угроза еще не миновала.

Бен зарыдал. Он издавал невнятные звуки и хрипел сквозь слезы:

– Это... это... это!..

– Комета! – закричал мистер Сирс. – Смотрите, как она падает!

Донни хмыкнул и сунул зубочистку в угол рта. Я взглянул на него и в свете ламп на веранде увидел его грязные ногти.

Комета падала по длинной неторопливой спирали, оставляя за собой ленты искр. Она двигалась совершенно бесшумно, но люди кричали друг другу, призывая смотреть на небо, а собаки подняли такой вой, что от этих звуков дрожал позвоночник.

– Упадет где-то между нами и Юнионтауном, – предположил Донни. Его голова склонилась набок, лицо хранило угрюмое выражение, а темные волосы глянцево блестели от бриллиантина. – Падает-то как, сукин сын!

Между Зефиром и Юнионтауном простирались восемь миль холмов, лесов и болот, через которые текла река Текумсе. «Это все станет территорией марсиан, если произойдет вторжение», – подумал я и

почувствовал, что мои мозги гудят, словно сработала пожарная сигнализация. Я взглянул на Бена: его глаза, казалось, вылезали из орбит от распиравшего его изнутри страха. Единственное, о чем я мог думать, глядя на огненный шар в небе, – о голове в виде стеклянной чаши со щупальцами и безмятежно-порочным лицом, слегка похожим на азиатское. Я едва мог стоять – настолько ослабели ноги.

– Эй, Сим? – Донни говорил низким и тягучим голосом, к тому же продолжал жевать зубочистку. – Как насчет того, чтобы отыскать эту хреновину? – Он повернулся к мистеру Сирсу. Нос Донни выглядел плоским, словно его когда-то расплющили огромным кулаком. – Что скажешь на это, Сим?

– Ага! – ответил он. – Отлично, поохотимся за ней! Найдем место, где она свалится!

– Нет, Сим! – воскликнула миссис Сирс. В ее голосе ощутимо слышалась мольба. – Останься сегодня со мной и с мальчиками!

– Это же комета, Лизбет! – объяснил он, ухмыльнувшись. – Часто ли тебе приходилось охотиться за кометами?

– Пожалуйста, Сим! – Она схватила его за предплечье. – Останься с нами. Хорошо?

Я видел, как сжались ее пальцы.

– Она вот-вот опустится на землю. – Донни продолжал жевать зубочистку, отчего на его щеках двигались желваки. – Мы теряем время...

– Да! Медлить больше нельзя, Лизбет! – Мистер Сирс убрал ее руку. – Я только возьму куртку!

Он взбежал по ступенькам, затем через веранду в дом. Не успела дверь хлопнуться, как Бен побежал вслед за отцом.

Мистер Сирс направился в спальню, которую они делили с женой. Открыв шкаф, он взял коричневую поплиновую куртку и надел ее. Потом дотянулся до самой верхней полки в шкафу и стал искать что-то на ощупь под красным одеялом. Когда мистер Сирс вытащил оттуда руку, Бен вошел в комнату и успел заметить блеск металла.

Бен прекрасно понял, что это такое. Он знал, *для чего* это предназначалось.

– Папа! – позвал он. – Пожалуйста, останься дома.

– Эх, парень! – Отец обернулся к нему и усмехнулся, засовывая металлический предмет в карман и застегивая куртку на молнию. – Я

собираюсь вместе с мистером Блэйлоком посмотреть, куда упадет эта комета. Я скоро вернусь.

Бен встал в дверном проходе, отгородив отца от внешнего мира. Мальчик смотрел на него мокрыми и испуганными глазами:

– Могу я пойти вместе с тобой?

– Нет, Бен. Не в этот раз. Мне надо спешить...

– Разреши мне пойти с тобой, папа. Ладно? Я не буду мешать. Хорошо?

– Нет, сынок. – Мистер Сирс опустил руку на плечо Бена. – Ты должен остаться здесь вместе с мамой и Кори. – И хотя Бен продолжал упорствовать, загораживая ему дорогу, отец отодвинул его в сторону. – Ну, будь же хорошим мальчиком.

Бен сделал еще одну попытку задержать отца. Он схватил его за пальцы и попытался остановить.

– Не ходи, папочка! – закричал он. – Не ходи! Ну пожалуйста, не ходи!

– Бен, не веди себя как малое дитя. Дай мне пройти, сынок...

– Нет, – настаивал на своем Бен. По его пухлым щекам текли слезы. – Не дам...

– Я только посмотрю, где упадет комета. Я отлучусь ненадолго.

– Если ты уйдешь... если ты сейчас уйдешь, – горло Бена сдавило от волнения, поэтому он с трудом выдавливал из себя слова, – то вернешься *измененным*...

– Идем же, Сим! – закричал с веранды Донни Блэйлок.

– Послушай, Бен, – строго сказал мистер Сирс. – Я иду с мистером Блэйлоком. Веди себя как мужчина.

Он высвободил свои пальцы. Бен так и стоял, глядя на отца с отчаянием и страхом на лице. Тот провел рукой по стриженным волосам сына:

– Я принесу тебе от нее кусочек, хорошо, тигренок?

– Не ходи, – выдавил из себя рыдающий «тигр».

Отец повернулся к нему спиной и направился к двери, за которой его ждал Донни Блэйлок. Я по-прежнему стоял вместе с миссис Сирс во дворе и наблюдал за последними секундами полета огненного шара.

Миссис Сирс сказала:

– Сим? Не делай этого.

Однако голос ее оказался таким слабым, что его попросту не заметили. Мистер Сирс ничего не сказал жене, а направился вслед за своим приятелем к темно-синему «шевроле», припаркованному у обочины. С антенны свисала какая-то красная поролоновая пластина, а вся правая задняя часть машины была сильно помята. Донни Блэйлок проскользнул за руль, а мистер Сирс разместился рядом с ним. «Шевроле» завелся со звуком, похожим на пушечный выстрел, выпустив при этом густой черный выхлоп. Когда машина тронулась с места, я услышал смех мистера Сирса, – наверно, он только что рассказал очередной анекдот про священников. Донни Блэйлок, похоже, всюду давил на газ: шины отчаянно визжали, когда машина пронеслась по Дирман-стрит.

Потом я снова взглянул на запад и увидел, как пылающий предмет исчез где-то за лесистыми холмами. Его сияние пульсировало в темноте, словно ритмично сокращавшееся сердце. Комета упала на землю в каком-то диком и глухом месте. Песка в окрестностях не было и в помине. Я подумал, что марсианам предстоит тяжелая работенка – прорваться через толщу глины и заросли трав.

Я услышал, как хлопнула дверь. Повернувшись, я увидел Бена, стоящего на веранде. Он вытер глаза тыльной стороной ладони и уставился на Дирман-стрит, словно мог проследить за движением «шевроле», но к тому времени машина уже свернула направо, на Шентак-стрит, и исчезла из виду.

Где-то вдалеке, возможно в Брутоне, продолжали лаять собаки. Миссис Сирс испустила слабый продолжительный вздох, а потом обернулась к нам с Беном.

– Пойдемте в дом, – проговорила она.

Глаза Бена были все еще опухшими от слез, но он уже не плакал. Казалось, у всех пропало желание заканчивать партию в скребл. Миссис Сирс снова обратилась к нам:

– Почему бы вам не поиграть в вашей комнате, Бен?

Он задумчиво кивнул. Глаза его остекленели, словно он только что получил сильный удар по голове. Миссис Сирс прошла на кухню и включила воду.

В комнате Бена я уселся прямо на пол и стал разглядывать вкладыши с картинками о Гражданской войне. Бен застыл у окна.

Я знал, что он страдает. Прежде я никогда не видел его таким, и мне следовало его успокоить.

– Не волнуйся, – сказал я Бену. – Это не марсиане. Просто метеорит, вот и все.

Он не ответил.

– Метеорит – это всего лишь большой раскаленный камень, – продолжал я. – Внутри у него нет никаких марсиан.

Бен хранил молчание. Его все еще одолевали тяжкие мысли.

– С твоим отцом все будет в порядке, – продолжал я успокаивать Бена.

Бен заговорил. В голосе его звучало какое-то жуткое спокойствие.

– Он вернется измененным.

– Нет. Слушай... это ведь всего лишь кино. Выдумка, и не более того. – Я подумал, что говорю так, потому что и сам пытаюсь избавиться от чего-то в своей душе, и это казалось одновременно болезненным и приятным. – Слушай, ведь на самом деле не бывает такой машины, которая вырезала бы знаки на затылке у людей, нет и никакой огромной марсианской головы в виде стеклянной чаши. Все это выдумка тех, кто снимал фильм. Не нужно этого бояться. Понимаешь?

– Он вернется измененным, – упрямо повторил Бен.

Я всячески пытался убедить его в своей правоте, но ничто из сказанного мною не могло заставить его поверить мне.

Миссис Сирс вошла в комнату, ее глаза тоже казались опухшими, как и у Бена. Однако ей удалось изобразить на лице бодрую улыбку, которая бритвой резанула по моему сердцу.

– Кори, – обратилась она ко мне, – не хочешь ли ты первым принять ванну?

Мистер Сирс так и не появился дома к десяти часам, когда его жена выключила свет в комнате Бена. Я лежал рядом с Беном под хрустящей белоснежной простыней и прислушивался к звукам ночи. Собаки то тут, то там еще перегавкивались время от времени, и всякий раз Тампер отзывался на это ворчанием.

– Бен, – прошептал я. – Ты не спишь?

Он ничего не ответил, но по его дыханию я понял, что он не спал.

– Не волнуйся, – сказал я. – Ладно?

Он перевернулся на живот и уткнулся лицом в подушку.

Наконец меня понесло по волнам сна. Удивительно, но мой сон не был связан ни с марсианами, ни с иксообразными ранами на затылках. Во сне мой отец плыл к тонущему автомобилю, и когда его голова погрузилась под воду, она уже больше не всплыла на поверхность. Я стоял на красном утесе и звал его, пока Лэйни не подошла ко мне, словно белый туман, и не взяла мою руку своей влажной ладонью. И когда она повела меня прочь от озера, я услышал, как где-то вдали меня звала мама, а на лесной опушке стояла фигура в длинном пальто, полы которого развевались на ветру.

Меня разбудил резкий толчок.

Я открыл глаза, мое сердце бешено колотилось. Что-то разбилось, и звук этот застрял в моей голове. Огни еще не горели, по-прежнему царствовала ночь. Я протянул руку и дотронулся до Бена. Он резко втянул воздух, словно мое прикосновение до смерти напугало его. Я услышал гудение двигателя, выглянул в окно на Дирман-стрит и увидел задние огни отъезжающего «шевроле» Донни Блэйлока.

Дверь на веранду, догадался я. Меня разбудил стук сетчатой двери.

– Бен! – позвал я хриплым со сна голосом. – Твой папа пришел домой!

Что-то грохнуло у входной двери. Мне показалось, что весь дом задрожал.

– Сим? – Это был пронзительный голос миссис Сирс. – Сим?

Я выскользнул из кровати, но Бен по-прежнему лежал. Думаю, он просто смотрел в потолок. Я прошел в темноте по коридору, доски пола скрипели под моими ногами. В темноте я наткнулся на миссис Сирс, которая стояла как раз там, где коридор выходил в гостиную. Света нигде не было.

Я услышал ужасное хриплое дыхание.

Именно такой звук, подумал я, могли бы издавать марсиане, если бы их инопланетные легкие втягивали земной воздух.

– Сим? – спросила миссис Сирс. – Я здесь...

– Здесь? – ответил хрипловатый голос. – Здесь... мать твою... прямо здесь...

Это был голос мистера Сирса, но он несколько отличался от его обычного голоса. Он был какой-то измененный. В нем не чувствовалось ни юмора, ни веселья, как бывало, когда он рассказывал

свои любимые анекдоты про священников. Сейчас он был тяжелым, как рок, и столь же страшным.

– Сим, сейчас я включу свет...

Щелк.

И вот он показался из темноты.

Мистер Сирс стоял на полу на четвереньках, склонив голову так, что одна его щека прижималась к ковру. Его лицо казалось обрюзгшим и мокрым, глаза провалились куда-то в мясистые складки. Правое плечо на куртке было запачкано землей, грязь виднелась и на джинсах, словно он много раз падал в лесу. Он щурился от света, серебристая нитка слюны свисала с нижней губы.

– Где она? – спросил он. – Ты ее видишь?

– Она... возле твоей правой руки...

Он пошарил левой рукой по полу:

– Проклятая лгунья!

– У другой руки, Сим, – устало сказала миссис Сирс.

Его правая рука двинулась в сторону лежавшего рядом металлического предмета. Это оказалась фляга с виски, которую он нащупал и пододвинул к себе поближе.

Мистер Сирс поднялся на колени и посмотрел на жену. Лицо его приобрело свирепое выражение, став на мгновение даже уродливым.

– Только не надо меня поучать, – сказал он. – Не смей открывать этот дерзкий губастый рот.

Я отступил назад, в коридор. Передо мной предстал монстр, выползающий из своей прежней кожи.

Мистер Сирс попытался подняться на ноги. Он схватился за стол, на котором все еще лежали кубики для игры в скребл, и они рассыпались по полу, образовав мешанину гласных и согласных. Потом ему все-таки удалось встать, и он кое-как отвинтил колпачок фляги и приложился к горлышку.

– Ступай в кровать, Сим, – сказала миссис Сирс. Она сказала это достаточно мягко, словно знала наперед, что за этим последует.

– Ступай в кровать! – грубо передразнил он. – Ступай в кровать! – Его губы скривились. – Я не хочу в кровать, ты, толстозадая корова!

Миссис Сирс задрожала, словно ее хлестнули кнутом, и закрыла рукой рот.

– О... Сим, – душераздирающе простонала она.

Я еще немного отступил назад. А потом мимо меня прошел Бен, в желтой пижаме. Лицо его было лишено всякого выражения, но на щеках блестели засохшие струйки слез.

Есть вещи похуже, чем фильмы о чудовищах. Это когда ужасы сходят с экрана или со страниц книг и являются к тебе в дом, все переворачивая вверх дном, искажая злобной гримасой лицо любимого человека. Я был уверен, что в тот момент Бен скорее был бы рад взглянуть на марсианина с головой в виде стеклянной чаши, протягивающего к нему щупальца, чем смотреть в покрасневшие от пьянства глаза отца.

– А-а, Бенни, мальчик! – сказал мистер Сирс. Он пошатнулся и схватился за спинку стула. – Ха, ты знаешь, что с тобой произошло? Знаешь что? Твоя лучшая часть так и осталась в том рваном презервативе, вот что случилось!

Бен замер рядом с матерью. Какие бы чувства ни терзали его, на лице они никак не отражались. Он наверняка предвидел, что именно это и должно случиться, догадался я. Бен отлично знал, что, если его отец отправляется куда-нибудь с Донни Блэйлоком, он всегда приходит домой измененным, но отнюдь не марсианами, а каким-нибудь самодельным пойлом.

– Вы оба классно смотрите. Только взгляните на себя. – Мистер Сирс сделал попытку завинтить колпачок фляги, но ему не удалось даже приложить его к нужному месту. – Стоите там, открыв ваши наглые рты. И ты находишь это забавным, мой мальчик?

– Нет, сэр.

– Да, ты находишь это забавным! Ждешь не дождешься, когда можно будет посмеяться надо мной и рассказать всем, разве не так? А где этот мальчишка Маккенсонов? Эй! – Он заметил, что я стою в коридоре, и меня всего передернуло. – Можешь сказать этому проклятому молочнику, своему отцу, пусть отправляется напрямиком в ад, к чертям собачьим. Слышишь меня?

Я кивнул, и он больше ко мне не приставал. На самом деле все это говорил вовсе не мистер Сирс, а некто грубый и кровожадный внутри его, выпускаемый на волю содержимым его фляги, давивший и мучивший его душу до тех пор, пока ее голос не начинал молить об освобождении.

– Что ты там сказала? – Он пристально посмотрел на миссис Сирс, его веки набухли и отяжелели. – Что ты сказала?

– Я... я ничего не говорила.

Он бросился на нее, как разъяренный бык. Миссис Сирс закричала и попятилась, но он схватил ее одной рукой за ворот халата, отведя другую руку, с флягой, назад, словно собирался ударить ее по лицу.

– Нет, *сказала!* – закричал он. – И не смей мне перечить!

– Папочка, нет! – взмолился Бен и, обхватив обеими руками отца за пояс, повис на нем.

Так все и застыло, словно в остановившемся кадре: мистер Сирс вот-вот ударит свою жену, я, потрясенный, стою в коридоре, Бен держит отца за ноги.

Губы миссис Сирс задрожали. Она заговорила, словно не замечая флягу, готовую обрушиться на ее голову:

– Я... сказала... что мы оба любим тебя и... хотим, чтобы ты был счастлив. Вот и все. – Стоявшие в ее глазах слезы тонкими струйками потекли по щекам. – Просто счастлив.

Он ничего не сказал. Глаза его закрылись, а потом он с явным усилием открыл их.

– Счастлив, – прошептал он.

Теперь зарыдал Бен, уткнувшись лицом в бедро отца. Костяшки пальцев мальчика побелели от напряжения. Мистер Сирс опустил флягу и разжал руку, сжимавшую халат жены.

– Счастлив, – повторил он. – Вот видишь, я счастлив. Посмотри, как я улыбаюсь...

Лицо его при этом не изменилось.

Он стоял, тяжело и прерывисто дыша, рука с зажатой в ней флягой бессильно повисла. Сначала он повернулся в одну сторону, потом в другую, но, казалось, так и не смог решить, куда направиться.

– Почему бы тебе не сесть, Сим? – спросила миссис Сирс. Она хлюпнула носом, вытерла его носовым платком. – Хочешь, я помогу тебе?

– Да... Помоги, – кивнул он.

Бен отпустил его, а миссис Сирс повела мужа к стулу. Мистер Сирс бессильно плюхнулся на него, похожий на огромный ворох грязного белья. Он устался на противоположную стену, рот его приоткрылся. Она пододвинула другой стул и села рядом с мужем. Возникло

ощущение, что в комнате только что прошла гроза. Буря могла еще вернуться в какую-то другую ночь, но сейчас она ушла.

– Мне кажется... – Он остановился, словно забыл, что хотел сказать, и несколько раз моргнул, отыскивая нужные слова. – Мне кажется, я веду себя не очень хорошо, – наконец проговорил он.

Миссис Сирс осторожно положила его голову себе на плечо. Он крепко зажмурил глаза, грудь его приподнялась, и он заплакал. Я вышел из дома прямо в холодную ночь в одной пижаме, потому что считал неправильным оставаться там и становиться свидетелем их боли, ощущая себя чужаком.

Я уселся на ступеньках веранды. Тампер пристроился рядом, а потом лизнул мою руку. У меня возникло ощущение, что я очень далеко от дома.

Бен все знал заранее. Ему наверняка понадобилось немалое мужество, чтобы обманывать меня, притворяясь спящим. Он знал это, когда далеко за полночь хлопнула входная дверь и захватчик в обличье его отца вошел в дом. Наверно, это знание и мучительное ожидание заставляли Бена невыносимо страдать.

Через некоторое время Бен тоже вышел на крыльцо и уселся рядом со мной на ступеньках. Он спросил, все ли у меня в порядке, и я ответил, что да. Я спросил его, все ли в порядке у него, и он ответил утвердительно. Я поверил ему. Он научился жить с этим, и хотя это было ужасно, он справлялся как мог.

– У папы бывают такие периоды, – объяснил Бен. – Иногда он говорит очень плохие вещи, но ничего не может с собой поделать.

Я кивнул.

– Когда он говорил о твоём отце, он так не думал. Ты не должен ненавидеть его, слышишь?

– Я не виню его.

– Ты ведь не ненавидишь меня?

– Нет, – ответил я ему. – Я никого не ненавижу.

– Ты и правда хороший друг, – сказал Бен и обнял меня.

Вышла миссис Сирс, она принесла нам красное шерстяное одеяло. Мы сидели и смотрели, как на небе медленно двигались своим путем звезды, слушали щебетание птиц, предвестников утра.

За завтраком у нас была горячая овсянка и булочки с черникой. Миссис Сирс сказала, что мистер Сирс еще спит и, вероятно, проспит

большую часть дня. И спросила меня, не смогу ли я попросить маму позвонить ей, чтобы обо всем поговорить. Одевшись и упаковав в ранец свои вещи, я поблагодарил миссис Сирс за радушный прием, а Бен сказал, что завтра встретится со мной в школе. Он проводил меня до велосипеда, и мы поболтали немного о нашей бейсбольной команде младшей лиги, которой вскоре предстояло участвовать в соревнованиях, как всегда происходило в это время года.

Никогда больше мы не вспоминали в разговорах между собой тот фильм о марсианах, замышлявших покорить Землю город за городом, семью за семьей. Ведь мы оба уже сталкивались с захватчиком лицом к лицу.

Было воскресное утро. Я ехал домой, а когда оглядывался на тупик в конце Дирман-стрит, видел, что мой друг все еще стоит там и машет мне рукой.

Глава 4

Осы на Пасху

Как выяснилось, при падении из космического пространства метеорит должен был сгореть почти без остатка. Там, куда он упал, сосны занялись огнем, но к вечеру в воскресенье пошел дождь, и огонь быстро погас. В понедельник утром, когда в школе прозвенел звонок, все еще шел дождь, который не прекращался в течение всего этого серого дня. В следующее воскресенье ожидалась Пасха. Мама высказала надежду, что дождь, вопреки прогнозу синоптиков, не испортит праздничного пасхального шествия, которое обычно устраивалось на Мерчантс-стрит.

Рано утром в пятницу Страстной недели, часов в шесть, в Зефире обычно происходил парад несколько иного свойства. Он начинался в Брутоне возле маленького каркасного дома, выкрашенного в пурпурный и во всевозможные оттенки оранжевого, красного и золотистого цвета. От этого дома отправлялась в путь процессия, состоявшая из негров-мужчин в черных костюмах и белых рубашках с галстуками, сопровождаемая женщинами и детьми в темной одежде, которые шли в хвосте колонны. Двое мужчин несли барабаны и отбивали на них медленный равномерный ритм в такт своим шагам. В полном молчании процессия, перейдя через железнодорожные пути, направлялась к центру города по Мерчантс-стрит. С тех пор как это стало регулярным событием в Страстную пятницу, многие белые жители Зефира выходили на улицу, чтобы постоять на тротуаре и понаблюдать за происходящим. Моя мама входила в число таких любопытствующих, а папа, как правило, в это время уже находился на работе. Я обычно присоединялся к маме, потому что меня, как и всех остальных, захватывало происходящее.

Трое негров, возглавлявшие процессию, несли в руках дерюжные мешки. Вокруг их шей, свисая поверх галстуков, болтались ожерелья из янтарных бусин, куриных костей и раковин речных моллюсков. На этот раз в Страстную пятницу моросил противный дождь, однако участники негритянского парада шли по мокрым улицам без зонтиков.

Они шествовали молча, не отвечая людям, стоявшим на тротуарах и имевшим смелость заговорить с ними. Посреди процессии я увидел мистера Лайтфута. Хотя он знал в нашем городе всех белых, мистер Лайтфут не смотрел ни вправо, ни влево; он глядел строго в затылок мужчины, шедшего перед ним. Маркус Лайтфут, внесший неоценимый вклад в дело сближения общин Брутона и Зефира, был мастером на все руки: он мог починить любую вещь, изобретенную человеком, — правда, работал очень медленно. Я узнал мистера Денниса, сторожа начальной школы. Увидел миссис Вельвадайн, что работала на кухне при нашей церкви, и узнал миссис Перл из пекарни на Мерчантс-стрит, обычно смешливую и веселую. Впрочем, сегодня она являла собой воплощение серьезности и строгости, ее голову прикрывала от дождя прозрачная шапочка.

В самом хвосте процессии, позади женщин и детей, шел высокий худой мужчина, одетый в смокинг и цилиндр. Он нес маленький барабан и рукой в черной перчатке бил в него, задавая ритм всей процессии. Именно для того, чтобы посмотреть на этого мужчину и его жену, многие и вышли из дома в это прохладное, дождливое утро. Его жена должна была появиться позднее. А пока он шел один с потупленным взором.

Мы называли его Человек-Луна, а настоящего имени не знал никто. Он был очень стар, но насколько стар, никто сказать не мог. Этого человека и его жену очень редко можно было увидеть за пределами Брутона, разве что на этой церемонии. То ли он имел врожденное уродство, то ли какая-то кожная болезнь сделала бледно-желтой половину его вытянутого узкого лица, тогда как другая половина оставалась черной как смоль. Обе половины сходились на лбу, переносице и подбородке, заросшем седой бородой, создавая контраст разноцветных пятен. Человек-Луна, человек-загадка, носил по паре часов на каждом запястье, а на его шее висело на цепочке позолоченное распятие размером с приличный окорок. Мы полагали, что он был официальным распорядителем шествия и одновременно кем-то вроде королевской персоны.

Процессия шаг за шагом продвигалась через Зефир к мосту с горгульями через реку Текумсе. Длилось шествие достаточно долго, но ради такого зрелища можно было и опоздать в школу, так что в Страстную пятницу уроки обычно начинались не раньше десяти.

Трое негров с дерюжными мешками дошли до середины моста и застыли там, неподвижные, словно черные статуи. Остальная часть процессии подошла к ним почти вплотную, но так, чтобы не перегораживать проезд через мост, хотя шериф Эмори и выставил вдоль всего хода шествия козлы для пилки дров с мигающими огнями.

В этот момент по Мерчантс-стрит из Брутона, по тому же маршруту, что и процессия, медленно проехал «понтиак-бонневиль», украшенный от капота до багажника мерцающим горным хрусталем. Когда «понтиак» достиг середины моста с горгульями, из машины вышел водитель и отворил заднюю дверцу, а Человек-Луна подал руку своей супруге, помогая выбраться из машины.

Прибыла Леди.

Выглядела она худой, словно тень, и почти такой же черной. У нее были роскошные пушистые седые волосы, по-королевски длинная шея, хрупкие, но прямые плечи, морщинистые руки. На ней не было нарядов диковинного цвета и фасона – лишь простое черное платье с серебристым поясом, на ногах белые туфли, а на голове белая шляпка с вуалью, без полей и с плоским донышком. Белые перчатки доходили почти до худых локтей. Когда Человек-Луна помог ей выйти из машины, шофер раскрыл зонтик и поднял над ее царственной головой.

Говорили, что Леди исполнилось сто шесть лет, значит родилась она в 1858 году. Моя мама говорила, что Леди когда-то была рабыней в Луизиане, а перед началом Гражданской войны вместе со своей матерью бежала в болота. Она выросла в колонии для прокаженных, беглых преступников и рабов в дельте Миссисипи под Новым Орлеаном и там же получила все образование, которое имела.

Леди была королевой, и королевством ее являлся Брутон. Насколько мне было известно, никто за пределами Брутона, как и внутри его, не знал ее под другим именем, кроме «Леди». Оно шло ей, а сама она представляла собой воплощение элегантности.

Кто-то вручил Леди колокольчик. Она взглянула вниз, на неторопливо текущую бурюю речку, и стала медленно раскачивать колокольчик из стороны в сторону.

Я знал, что она делала. Моя мама тоже знала. Все, кто наблюдал за этим зрелищем, знали.

Леди вызывала чудовище, обитающее на илистом дне реки.

К тому времени я ни разу не видел это чудовище, которое называли Старым Мозесом. Однажды, когда мне было всего девять лет, мне показалось, будто я слышал, как после сильного ливня, когда воздух казался столь же густым, как вода, Старый Мозес кого-то звал. Это был гул, похожий на низкий бас церковного органа, столь низкий, что, казалось, кости начинают ощущать его раньше, чем уши. Звук этот постепенно превратился в хриплый рев, который свел с ума всех городских псов, а потом смолк. Все это длилось не более пяти-шести секунд. На следующий день об этом происшествии только и говорили в школе. Свисток паровоза – таково было мнение Бена и Дэви Рэя. Джонни не сказал, что он думает по этому поводу. Мои родители решили, что это наверняка был гудок проходившего поезда, но, как стало потом известно, дождь размыл целую секцию железнодорожных путей в двадцати милях от Зефира, поэтому в те дни не ходил даже товарный поезд до Бирмингема.

Подобные случаи вызывают изумление.

Однажды под мост с горгульями вынесло изуродованный труп коровы. Без головы и кишок, как поведал моему отцу мистер Доллар, когда мы пришли к нему в парикмахерскую подстричься. Двое мужчин, ловившие раков на берегу реки на окраине Зефира, разнесли по городу слух, будто по течению проплывал труп человека: грудь его была вскрыта, словно банка с сардинами, а руки и ноги отсутствовали, – однако труп этот так и не нашли. Как-то в октябрьскую ночь что-то ударило по находящейся под водой свае моста с горгульями, да так сильно, что оставило трещины на опорных колоннах, которые пришлось заливать бетоном. «Огромный ствол дерева» – такое официальное разъяснение по этому поводу дал мэр Своуп в «Журнале», издававшемся в Адамс-Вэлли.

Леди зазвонила в колокольчик, ее руки работали как метроном. Она начала заклинать и петь на удивление чистым и громким голосом. Заклинания произносились на каком-то африканском наречии, которое я понимал в той же мере, в какой разбирался в атомной физике. Потом Леди ненадолго замерла, слегка склонив голову набок, как будто приглядываясь и прислушиваясь к чему-то в реке, а затем снова стала позвякивать колокольчиком. Она ни разу не произнесла: «Старый Мозес», говорила только: «Дамбалла, Дамбалла, Дамбалла», а потом ее голос снова взлетел в небеса в африканском песнопении.

Наконец Леди перестала звонить в колокольчик и опустила его. Затем кивнула, и Человек-Луна принял от нее колокольчик. Она не отрываясь смотрела на реку, и я не мог понять, что она там видела. Потом Леди отступила назад, и трое мужчин с дерюжными мешками встали у края моста с горгульями. Они развязали мешки и вытащили оттуда какие-то предметы, завернутые в бумагу из мясной лавки и перевязанные тесемками. Некоторые свертки были насквозь пропитаны кровью – чувствовался отдающий медью запах свежего мяса. Мужчины принялись разворачивать кровавые подношения: в бурлящие коричневые воды Текумсе посыпались куски мяса, грудинка, бычьи ребра. В реку полетел цельный общипанный цыпленок, а вслед за ним из пластиковой коробки выскользнули куриные потроха. Из зеленой миски фирмы «Таппервер» посыпались телячьи мозги, из мокрых пакетов были выброшены красные бычьи почки и печень. Была открыта бутылка с маринованными пороссячьими ножками, и содержимое ее плюхнулось в воду. Вслед за ножками полетели свиные рыльца и уши. Последним в реку бросили бычье сердце, крупнее борцовского кулака. Оно погрузилось в воду с таким всплеском, словно огромный красный камень. Потом трое мужчин свернули мешки, и Леди подошла к краю моста, стараясь не ступать в струившиеся под ногами ручейки крови.

Мне пришло в голову, что во многих семьях обед только что плавно перешел в пьянку.

«Дамбалла, Дамбалла, Дамбалла!» – вновь запела Леди. Затем неподвижно постояла четыре или пять минут, наблюдая за рекой, текущей внизу. Потом глубоко вздохнула, повернулась к своему «понтиаку», и я на мгновение увидел за вуалью ее лицо. Она хмурилась: что бы она там ни увидела в реке или, наоборот, не смогла увидеть, это ее явно не радовало. Леди села в машину, за ней последовал Человек-Луна, водитель закрыл за ними дверцу и скользнул за руль. «Понтиак» немного проехал задом к месту, где можно было развернуться, и двинулся в сторону Брутона. Процессия отправилась в обратный путь по тому же маршруту, что и пришла. Обычно в это время уже звучал смех, начинались оживленные разговоры, но на этот раз участники шествия не заговаривали с бледнолицыми зеваками на протяжении всего пути. В эту Страстную

пятницу Леди явно пребывала не в духе, и никому не хотелось смеяться.

Я, конечно же, как и все горожане, знал, в чем суть этого ритуала. Леди устраивала Старому Мозесу ежегодный банкет. Когда это началось, мне было неизвестно: наверняка задолго до моего рождения. Можно было, конечно, присоединиться к мнению священника Свободной баптистской церкви преподобного Блессета: мол, это какой-то языческий обряд, которому покровительствует Сатана, и его надо объявить вне закона и запретить указом мэра и городского совета, однако и многие белые в городе верили в Старого Мозеса, не обращая внимания на филиппики святого отца. Люди считали этот обряд чем-то вроде ношения кроличьей лапки или кидания соли через плечо, если вы ее просыпали, что составляло неотъемлемую часть их жизненного уклада: мол, такие вещи надо на всякий случай делать, хотя бы потому, что пути Господни гораздо более неисповедимы, чем это доступно пониманию приверженцев христианства.

На следующий день дождь усилился, и над Зефиром разразилась гроза. Пасхальный парад на Мерчантс-стрит пришлось отменить, к великому неудовольствию Совета по делам искусств и Клуба коммерсантов. Мистер Вандеркамп-младший, семья которого владела магазином кормов и скобяных изделий, последние шесть лет переодевался в костюм Пасхального Кролика и ехал в самом хвосте процессии. Он унаследовал эту роль от мистера Вандеркампа-старшего, который из-за почтенного возраста уже не мог скакать, подобно кролику. Зарядивший на эту Пасху дождь рассеял все мои надежды поймать лакомые пасхальные яйца, которые кидали из машин торговцы и их домочадцы. Леди из «Саншайн-клуба» не смогли продемонстрировать всем свои новые пасхальные наряды, мужей и детей; зефирские ветераны войны не смогли промаршировать под своими знаменами, а «возлюбленные конфедератки» – ученицы средней школы Адамс-Вэлли – не смогли надеть свои кринолины и покрывать зонтиками от солнца.

Пасхальное утро в тот день выдалось хмурым. Мы с папой дружно ворчали по поводу необходимости пригладить волосы, надеть накрахмаленные белые рубашки, костюмы и до блеска начищенные ботинки. Мама дала на наши брюзжания стандартный ответ, похожий на отцовское «верно, как дождь». Она сказала: «Это всего лишь на

один день», – словно от этого тесный ворот рубашки и туго затянутый галстук могли стать более удобными.

Пасха считалась праздником семейным, потому мама позвонила дедушке Остину и бабушке Элис, а папа – дедушке Джейберду и бабушке Саре. Нам предстояло, как и всегда на Пасху, собраться всем вместе в зефирской Первой методистской церкви, чтобы выслушать проповедь о пустой гробнице.

Белое здание церкви находилось на Седарвайн-стрит, между Боннер и Шентак-стрит. В тот день, когда мы остановили возле нее наш грузовичок-пикап, церковь как раз заполнялась прихожанами. Через сырую дымку мы прошли к свету, струившемуся через витражи церковных окон; наши начищенные ботинки по дороге пропитались влагой и утратили свой блеск. Люди сбрасывали плащи и закрывали зонтики около входной двери под нависавшим карнизом.

Это была старая церковь, ее возвели еще в 1939 году. Побелка в некоторых местах осыпалась, обнажив серые пятна. Обычно к Пасхе церковь приводили в порядок, однако в этом году дождь явно нанес кистям и газонокосилке сокрушительное поражение, так что сорняки буквально оккупировали передний двор.

– Проходи, Красавица! Проходи, Цветочек! Будьте осторожнее, Лапша! Хорошего пасхального утра, Солнышко!

Это доктор Лезандер, исполняющий роль распорядителя церковного праздника, выкрикивал приветствия. Насколько я знал, он не пропускал ни одного воскресенья. Доктор Франц Лезандер работал в Зефире ветеринаром – именно он в прошлом году вывел у Бунтаря глистов. Он был голландцем: папа рассказывал мне, что доктор приехал в наш город задолго до моего рождения, однако он и его жена Вероника по-прежнему говорили с заметным акцентом. Ему было сильно за пятьдесят – широкоплечий лысый мужчина с опрятной седой бородой. Доктор носил элегантный костюм-тройку, всегда с галстуком-бабочкой и алой гвоздикой в петлице. К людям, входящим в церковь, он обращался по придуманным с ходу именам.

– Доброе утро, Персиковый Пирожок! – обратился он к моей улыбающейся маме.

Отцу он с силой пожал руку:

– Дождь для тебя достаточно силен, Буревестник?

А мне стиснул плечи и ухмыльнулся так, что от его переднего серебряного зуба отразился свет.

– Входи смелее, Необъезженный Конь!

– Слышал, как доктор Лезандер назвал меня? – спросил я у отца, когда мы очутились внутри церкви. – *Необъезженный Конь!*

Новое имя, получаемое от доктора на Пасху, всякий раз становилось знаменательным событием.

В храме стоял туман, хотя на деревянном потолке крутились вентиляторы. Сестры Гласс дуэтом играли на пианино и на органе. Они вполне могли послужить иллюстрацией к слову «странный». Неидентичные близнецы, эти старые девы походили на отражения в слегка кривых зеркалах. Обе были длинными и костлявыми: Соня с копной русых белесоватых волос, а Катарина с копной светлых волос коричневатого оттенка. Обе носили очки в толстых черных оправках. Соня играла на пианино, но совершенно не умела играть на органе, а Катарина – наоборот. Сестры Гласс, казалось, постоянно ворчали друг на друга, но, как ни странно, жили при этом вместе в доме на Шентак-стрит, похожем на имбирный пряник. Обеим было – в зависимости от того, кого вы об этом спрашивали, – пятьдесят восемь, шестьдесят два или шестьдесят пять лет. Странность их дополнялась еще и гардеробом: Соня носила только голубое во всех его оттенках, а Катарина была рабыней зеленого. Что порождало неизбежное: Соню мы, дети, звали мисс Гласс Голубая, а как называли Катарину... думаю, вы догадались. Однако, несмотря на все свои странности, играли они на удивление слаженно.

Церковные скамьи были почти заполнены. Помещение напоминало теплицу, в которой шляпки дам цвели экзотическими цветами. Только что вошедшие искали себе места; еще один из распорядителей церемонии, седоусый мистер Хорас Кейлор, косивший на левый глаз, отчего, когда он смотрел на вас, мурашки бежали по коже, подошел к началу прохода, чтобы помочь нам:

– Том! Сюда! Боже мой, да ты что, слепой?

На всем белом свете только один человек мог вопить, как лось, в церкви.

Встав на цыпочки, он размахивал руками поверх круговорота шляп. Я почувствовал, как мама съежилась, а папа обнял ее, словно для того, чтобы она не упала от смущения. Дедушка Джейберд часто выкидывал

какие-нибудь номера, о которых отец, думая, что я его не слышу, говорил: «Показывает всем свою задницу». Сегодняшний день не стал исключением.

– Мы тут заняли вам места! – заорал дедушка, и из-за его крика сестры Гласс сбились: одна взяла диез, а другая бемоль. – Идите сюда, пока тут не уселся какой-нибудь наглец!

В том же ряду сидели дедушка Остин и бабушка Элис. Дедушка Остин надел по поводу праздника костюм из тонкой полосатой ткани, который выглядел так, словно от дождя разбух и увеличился вдвое; его морщинистая шея была стянута накрахмаленным белым воротничком и голубым галстуком-бабочкой, редкие седые волосы зачесаны назад, в глазах – страдание, деревянная нога выставлена под скамью перед ним. Он сидел рядом с дедушкой Джейбердом, что заставляло его нервничать еще больше: они ладили друг с другом, как кошка с собакой. Бабушка Элис, как обычно, выглядела олицетворением счастья. Она надела шляпку, украшенную на полях маленькими белыми цветочками, белые перчатки и зеленое платье, имевшее оттенок морской воды, которую освещает солнечный свет. Ее милое овальное лицо сияло в улыбке. Она сидела рядом с бабушкой Сарой, и они гармонировали друг с другом, как маргаритки в одном букете. Как раз в эту минуту бабушка Сара тянула дедушку Джейберда за полу пиджака от того черного костюма, который он надевал в солнечные дни и в непогоду, на Пасху и на похороны. Она пыталась усадить его на место и тем самым помешать ему и дальше направлять людские потоки. Он попросил людей в одном с ним ряду сдвинуться поплотнее друг к другу, а потом вновь закричал на всю церковь:

– Здесь хватит места еще на двоих!

– Сядь, Джей! Сядь немедленно! – Бабушка Сара наконец ущипнула его за костлявый зад.

Дедушка сердито взглянул на нее и уселся на свое место.

Родители и я кое-как протиснулись. Дедушка Остин сказал, обращаясь к папе:

– Рад видеть тебя, Том. – И после крепкого рукопожатия добавил: – Да, правда, *видеть-то* я тебя и не могу.

Его очки запотели, он снял их и принялся протирать стекла носовым платком.

– Однако, скажу тебе, народу тут собралось, как не было еще ни на одну Пас...

– Да, народу как в борделе в день получки, а, Том? – прервал его дедушка Джейберд.

Бабушка Сара так сильно пихнула деда локтем под ребра, что клацнули его вставные зубы.

– Я надеюсь, ты позволишь мне закончить хоть одну фразу, – обратился к нему медленно багровеющий дедушка Остин. – Пока я сижу здесь, ты не дал мне еще и слова вымол...

– Мальчишка, ты отлично выглядишь! – прервал его дедушка Джейберд и, перегнувшись через дедушку Остина, похлопал меня по колену. – Ребекка, надеюсь, ты даешь ему достаточно мяса? Знаешь, растущим парням нужно мясо для мускулов!

– Ты что, не слышишь? – спросил его дедушка Остин, покрасневший как рак.

– Не слышу что? – переспросил его дедушка Джейберд.

– Прибавь громкость на слуховом аппарате, Джей, – сказала бабушка Сара.

– Что? – переспросил он ее.

– Громкость прибавь на аппарате! – закричала она ему, окончательно теряя терпение. – Прибавь громкость!

Пасха обещала стать запоминающейся.

Дождь продолжал барабанить по крыше. Входявшие с улицы мокрые люди здоровались с уже сидевшими внутри. Дедушка Джейберд, над чьим худым и вытянутым лицом серебристым ежиком торчали коротко стриженные седые волосы, изъявил желание поговорить с отцом об убийстве, но папа покачал головой, давая понять, что не желает касаться этой темы. Бабушка Сара спросила меня, играл ли я уже в этом году в бейсбол, и я ответил, что да, уже играл. Круглое лицо бабули Сары, с полными щечками и бледно-голубыми глазами в сетке морщин, выглядело добрым, но я отлично знал, что дедушка Джейберд нередко доводит ее до белого каления своими выходками.

Из-за дождя все окна были плотно закрыты, и скоро в церкви стало нечем дышать. Вокруг царил сырость, пол был влажным, по стенам текло, над головой гудели вентиляторы, со стоном разгоняя густой воздух. Отовсюду доносились сотни разнообразных запахов: духи,

лосьоны после бритья, средства для укрепления волос, сладчайший аромат цветов на шляпках и в петлицах пиджаков.

Появились певчие, все как один в пурпурных мантиях. Хор еще не закончил первое песнопение, а я уже обливался потом. Мы встали, чтобы спеть гимн, потом снова сели. Две весьма упитанные дамы – миссис Харджисон и миссис Пратмор – вышли к кафедре и рассказали о пожертвованиях в пользу беднейших семей Адамс-Вэлли, после чего все снова поднялись, спели новый гимн и опять дружно уселись. Голоса обоих моих дедушек напоминали лягушачий рев в болотной трясине.

Потом на кафедру поднялся пухлый, круглолицый преподобный Ричмонд Ловой и начал рассказывать нам о великом дне, ознаменованном воскрешением Христа из мертвых. Левая бровь преподобного Ловоя походила на запятую из пучка коричневых волосков, его виски были тронуты сединой, и каждое воскресенье его зачесанные назад и скрепленные лаком волосы рассыпались и соскальзывали на глаза каштановым потоком после проповедей, сопровождаемых энергичной жестикуляцией. Жену преподобного Ловоя звали Эстер, а их троих детей – Мэтью, Люк и Джони.

Посреди проповеди, когда голос преподобного Ловоя обрел силу громов небесных, я внезапно понял, кто именно устроился на скамье прямо передо мной.

Демон.

Все знали, что эта девочка умела читать мысли. И в этот раз, как только до меня дошло, что она здесь, голова Демона начала поворачиваться ко мне. Она уставилась на меня своими черными глазами, взгляд которых вполне мог бы заморозить ведьму в самую темную полночь. Демона звали Бренда Сатли. Ей было десять лет от роду, она обладала огненно-рыжими прямыми волосами и бледным лицом, усыпанным коричневыми веснушками. Ее густые брови походили на гусениц, а несимметричные черты наводили на мысль, что некто пытался сбить пламя с ее лица плоской стороной лопаты. Создавалось впечатление, что правый глаз Демона больше левого, нос напоминал клюв с двумя зияющими дырами, а тонкогубый рот, казалось, мог перемещаться с одной стороны лица на другую. С наследственностью не поспоришь: ее мать, имевшая огненно-рыжие волосы и коричневые усы, напоминала пожарный гидрант, а

рыжебородый отец был худ, как жердь. Неудивительно, что, имея таких необычных рыжеволосых родителей, Бренда Сатли и сама являлась весьма странной особой.

Свое прозвище она получила, когда в один прекрасный день на уроке рисования изобразила родного отца с рогами и раздвоенным хвостом. После чего поведала учительнице рисования миссис Диксон и одноклассникам, что у ее папочки в дальнем углу чулана хранится целая пачка журналов с картинками, на которых парни-демоны засовывают свои хвосты в дырочки демонов-девушек. Впрочем, Демон не ограничилась разглашением тайн семейного чулана: она принесла в школу в коробке из-под ботинокдохлую кошку с приклеенными скотчем к глазам медными монетками. Выполняя творческое задание по лепке, она смастерила из нескольких брусков зеленого и белого пластилина кладбище, украсив могилки надгробными плитами с именами одноклассников и датами их смерти, результатом чего стала не одна истерика среди тех, кто вдруг понял, что не доживет и до шестнадцати. Она славилась пакостными розыгрышами: например, готовила сэндвичи, используя в качестве начинки собачьи какашки. Ходили слухи, что именно Демон вызвала аварию школьной канализации в ноябре прошлого года, когда кто-то тщательно закупорил тетрадными листами все сливные отверстия унитазов в уборной для девочек.

Спору нет, Бренда была зловещей личностью.

И вот теперь ее королевское страннейшество пристально рассматривало меня.

Ротик Бренды искривился в улыбке. Я смотрел в ее пронизывающие насквозь черные глаза, не в силах отвести взгляд, и в голове у меня крутилась только одна мысль: «Она добралась до меня». Со взрослыми всегда так: когда тебе позарез нужно, чтобы они обратили на тебя внимание и вмешались, их мысли витают далеко-далеко; когда же ты хочешь, чтобы предки вдруг оказались на другой стороне земли, они непременно рядом, буквально дышат тебе в затылок. Глядя на Демона, я мечтал о том, чтобы моя мама или отец, ну хоть кто-нибудь из взрослых, приказал ей повернуться и слушать преподобного Ловоя, но Бренда Сатли без всякого труда сделалась невидимкой. Казалось, никто не замечал Бренду, кроме меня, ставшего в тот момент ее жертвой.

Ее правая рука поднялась, как голова маленькой белой змеи с грязными ядовитыми зубами. Медленно, со зловещей грацией Демон отставила указательный палец и нацелила его в одну из своих зияющих ноздрей. Когда палец погрузился в ноздрю, мне показалось, что он будет уходить все глубже и глубже, пока не исчезнет совсем. Но она извлекла палец из носа, и я увидел на его кончике зеленоватую блестящую массу размером с пшеничное зернышко.

Немигающий взгляд черных глаз. Ее рот начал открываться.

«Нет, – взмолился я, мысленно обращаясь к своей мучительнице, – пожалуйста, не делай этого!»

Демон устремила покрытый зеленой слизью палец к своему влажному розовому язычку.

Мне ничего не оставалось, кроме как следить за происходящим, чувствуя, как желудок закручивается в тугий узелок.

Зеленое на розовом. Грязный ноготь. Клейкая масса, вот-вот готовая сорваться вниз.

Демон слизнула зеленое с кончика пальца. Должно быть, меня сильно передернуло, потому что отец сжал рукой мою коленку и прошептал: «Слушай внимательно». Конечно, он не заметил невидимого Демона, даже финала устроенной ею изощренной пытки. Бренда, по-видимому насытив свои черные глаза, улыбнулась мне и отвернулась – испытание закончилось. Рука ее матери с волосатыми костяшками пальцев погладила огненные пряди Демона, словно во всем подлунном мире не существовало более кроткого и милого существа, чем ее дочь.

Преподобный Ловой объявил общую молитву. Я опустил голову и крепко зажмурился.

Примерно через пять секунд после начала молитвы в мой затылок врезалось что-то твердое.

Я оглянулся.

И онемел от ужаса. Блестя серыми, как острое лезвие, глазами, прямо позади меня сидели братья Брэнлин, Гота и Гордо. Их родители, сидевшие по обеим сторонам от них, самозабвенно молились. По моему мнению, молиться им следовало прежде всего об избавлении от своего потомства. На братьях Брэнлин были темно-синие костюмчики, белые рубашки и одинаковые белые галстуки – с той лишь разницей, что галстук Готы пересекали черные полосы, а галстук Гордо –

красные. Волосы Готы, который был старше Гордо на год, были светлее; лохмы Гордо имели желтоватый оттенок. Лица и того и другого выглядели наспех высеченными из бурого камня, даже структура их костей: выпирающие подбородки, скулы, казалось готовые прорвать кожу, лбы, подобные гранитным плитам, – все свидетельствовало о снедающей души братьев затаенной злобе. За считанные секунды, пока я разглядывал эти полные коварства физиономии, Гордо успел ткнуть мне в лицо средний палец, а Гота зарядил духовую трубку новой черной горошиной.

– Кори, не крутись по сторонам! – раздался у меня над ухом шепот мамы, дернувшей меня за рукав. – Закрой глаза и молись!

Так я и сделал. В следующий миг от моего затылка отскочила новая горошина. Подобные снаряды способны причинить острую боль, такую, что и крик порой невозможно сдержать. Все оставшееся до конца молитвы время я слышал, как позади меня Брэнлины перешептывались и хихикали, словно пара злобных троллей. Моя голова служила им отличной мишенью.

После молитвы мы исполнили еще один гимн. Далее прозвучали объявления, всех пригласили почаще посещать церковь. По кругу пустили поднос для пожертвований. Я положил на него доллар, специально врученный мне отцом для этой цели. Хор пел, сестры Гласс играли на пианино и органе. Позади меня хихикали Брэнлины. Потом преподобный Ловой еще раз взошел на свое место, чтобы прочитать пасхальную проповедь, – и именно в этот момент мне на руку села оса.

Моя рука лежала на колене. Заметив осу, я не стал отдергивать руку, несмотря на то что по спине, словно молния, пробежал страх. Добравшись до ложбинки между мизинцем и безымянным пальцем, оса устроилась там и замерла, подергивая своим черно-синим жалом.

Теперь позвольте рассказать вам кое-что об осах.

Осы – это не то что пчелы. Пчелы, толстые и довольные своей судьбой, день-деньской перепархивают с цветка на цветок, безразличные к человеческой плоти. Шершни любопытны и могут подлететь к вам, чтобы изучить, но, как правило, их поведение легко предсказуемо, и от них нетрудно улизнуть. Осы же, в особенности черные осы, – проворные насекомые, похожие на кинжал с крохотной головкой, – словно рождены для того, чтобы вонзять свое жало в

смертную плоть, вызывая вопли, сравнимые разве что с восторженными криками знатока, откупорившего марочное вино. Если вы заденете головой осиное гнездо, можете испытать ощущение, сопоставимое, по некоторым свидетельствам, с попаданием в тело заряда мелкой дроби. Я сам видел, во что превратилось лицо мальчика, исследовавшего в середине лета заброшенный дом и напоровшегося на осиное гнездо. От укусов в губы и веки лицо так распухло, что подобной муки я не пожелал бы даже братьям Брэнлин. Осы безумны: к ним нельзя приноровиться, никогда не знаешь, когда они ужалят. Будь у них жало подлиннее, они бы прокусили вас насквозь. Ярость переполняет их, как братьев Брэнлин. Если у дьявола есть родственники, то это не черные коты, не обезьяны и не ящерицы – ими всегда были и остаются осы.

В мой затылок впилась уже третья горошина, вызвав сильную боль. Однако все мое внимание было сосредоточено на осе, обнюхивающей ложбинку между мизинцем и безымянным пальцем. Мое сердце бешено колотилось, кожа покрылась мурашками. Что-то пронеслось мимо моего лица; приподняв голову, я заметил вторую осу, которая, совершив облет головы Демона, уселась ей на макушку. Должно быть, Демон почувствовала щекотание. Она подняла руку и смахнула осу, даже не зная, что село ей на голову. Оса с сердитым жужжанием вновь поднялась в воздух, мельтеша черными крыльями. Я решил, что она вот-вот ужалит Демона, но оса, очевидно учуяв родственное существо, внезапно взмыла к потолку.

Преподобный Ловой продолжал свою проповедь, рассказывая о распятом Христе, плачущей Марии и о камне, который откатывают прочь.

Я поднял глаза к потолку церкви.

Возле одного из вращавшихся вентиляторов я заметил маленькую дырочку размером не более четвертака. Из нее на моих глазах вылезли одна за другой три осы и спустились на прихожан. Через несколько секунд из дырки в потолке появились еще две осы и принялись описывать круги в спертом, удушливом воздухе.

За стенами церкви продолжал грохотать ливень. Стук дождя порой почти заглушал рулады преподобного Ловоя. О чем он говорил в те минуты, не знаю: я переводил взгляд с осы, примостившейся между моими пальцами, на дырку в потолке.

Все больше ос снижалось по спирали в душное закрытое пространство, в насыщенный дождевой влагой воздух церкви. Поначалу я пытался их считать. Восемь... девять... десять... одиннадцать... Некоторые из них садились на неспешно вращавшиеся лопасти вентилятора и кружились, словно на карусели. Четырнадцать... Пятнадцать... Шестнадцать... Семнадцать... Вот сквозь отверстие в потолке протиснулся сразу целый черный подергивающийся осиный шар размером с кулак. Двадцать... двадцать одна... двадцать две... Я бросил считать, добравшись до двадцати пяти.

Должно быть, подумал я, где-то на чердаке во влажной тьме шевелится осиное гнездо размером с футбольный мяч. Я замороженно наблюдал за осами, как, наверно, не могла отвести глаз Мария от ран незнакомца, встреченного ею на дороге. За это время из отверстия в потолке выпорхнуло еще не менее дюжины насекомых. По всей вероятности, никто, кроме меня, их не замечал. А что, если осы для всех остальных оставались такими же невидимыми, как Демон, когда она лазила пальцем в нос? Осы медленно кружились под потолком в потоках гонимого вентилятором воздуха. Их скопилось уже целое темное облако, словно бушевавшая за стенами церкви буря сумела каким-то образом найти лазейку внутрь.

Оса, сидевшая у меня между пальцами, задвигалась. Глядя на нее, я вздрогнул, когда очередная горошина ужалила меня сзади в шею там, где были острижены волосы. Добравшись до сустава моего указательного пальца, оса остановилась. Ее жало касалось моей кожи: я ощущал его крошечное зазубренное острие, словно крупички разбитого стекла.

Преподобный Ловой находился теперь в своей стихии: он бурно жестикулировал, волосы начали сползать на лоб. Снаружи бушевала буря, дождь стучал по крыше, словно настал конец света и пришла пора рубить деревья, чтобы строить ковчег и созывать зверей, каждой твари по паре. Всех, но только не ос, подумал я; на этот раз мы исправим ошибку Ноя. Я продолжал наблюдать за осиным лазом в потолке, и зрелище это меня одновременно ужасало и притягивало. Я подумал, что Сатана нашел-таки способ проникнуть на пасхальное богослужение и теперь кружит над нашими головами, высматривая грешную плоть себе в добычу.

Потом произошло следующее.

Воздев руки, преподобный Ловой проговорил своим хорошо поставленным голосом проповедника: «И в то знаменательное утро, после ухода тьмы, ангелы спустились на землю и га... а... а... кх!..»

Устремив руки вверх навстречу ангелам, он внезапно увидел воочию, как они ползут, шевеля крохотными крылышками.

И тут мама накрыла ладонью мою руку с сидящей на ней осой и нежно ее сжала.

Оса укусила ее, и в тот же миг насекомые под потолком, видимо, решили, что проповедь преподобного Ловоя слишком затянулась.

Мама вскрикнула. Одновременно раздался крик священника. Он и послужил сигналом, которого так долго дожидались осы.

Иссиня-черное облако насекомых, насчитывавшее более сотни жал, обрушилось вниз, как сеть на головы попавших в западню животных.

Я услышал, как ужаленный дедушка Джейберд заорал: «Проклятье!» Бабушка Элис испустила высокую оперную трель. Несколько ос одновременно укусили мать Демона в шею, и та громко завывала. Папочка Демона замолотил в воздухе своими худыми руками. Сама Демон разразилась хохотом. Позади меня крякали от боли Брэнлины, забыв о своей плевательной трубке. По всей церкви раздавались вопли и крики; люди, нарядившиеся по случаю Пасхи в костюмы и нарядные платья, вскакивали с мест и принимались размахивать в воздухе руками, словно сражаясь с невидимыми бесами. Преподобный Ловой танцевал вокруг кафедры в пароксизме мучительной боли, трясая своими многократно укушенными кистями рук с такой силой, словно вознамерился напроочь оторвать их от запястий. Хор по-прежнему слаженно пел, но с их уст срывались не слова очередного гимна, а крики боли от укусов ос, впивавшихся в щеки, подбородки и носы певчих. Воздух заполонился темными вихрями, которые вращались вокруг лиц и голов людей, подобно терновым венцам.

– Прочь! Прочь отсюда! – зашелся кто-то в крике.

– Бежим! – завизжали у меня за спиной.

Единство сестер Гласс разбилось, как стекло: они мчались к боковым церковным выходам, их волосы кишели осами. Все мгновенно вскочили со своих мест. То, что всего десять секунд назад

являлось мирным собранием прихожан, теперь напоминало охваченное ужасом стадо коров.

И во всем этом были виноваты осы.

– Моя чертова нога застряла! – в отчаянии стонал дедушка Остин.

– Джей! Помоги ему! – крикнула бабушка Сара, но дедушка Джейберд уже пробивался к выходу сквозь толпу между рядами скамеек.

Отец поднял меня на ноги. Я услышал злобное гудение над левым ухом, и в следующее мгновение оса ужалила меня в мочку, да так, что от боли у меня из глаз брызнули слезы.

– Ой! – услышал я свой собственный крик, мгновенно утонувший без следа в нестройном хоре пронзительных воплей.

Но две новые осы все же услышали меня. Одна куснула меня в правое плечо через пиджак и рубашку; вторая, как африканское копье, пронеслась к моему лицу и впиалась в верхнюю губу, результатом чего стало *уа-а-ау-а-а-а-в-ва-а-а*, что выражало невероятную боль, но не содержало ни единой толики смысла, и я тоже забил в воздухе руками. Кто-то рядом визжал, заходясь от радостного смеха: сквозь залившие глаза слезы я увидел Демона, прыгавшую, как заводная, на скамье. Ее рот растянулся в ухмылке, а лицо покрылось красными пятнами.

– Все выходите наружу! – что есть силы выкрикнул доктор Лезандер.

Сразу три осы прилипли к лысому черепу доктора, вибрируя и жала его. Осы ползали по широким плечам его седовласой суровой супруги, ее пасхальная шляпка с синими цветками сбилась набок. Скрежеща зубами в приступе праведного гнева и стиснув в одной руке Библию, а в другой – свою сумочку, миссис Лезандер наносила могучие удары полчищам наседавших на нее насекомых.

Отталкивая друг друга, люди, забыв о своих плащах и зонтах, рвались к выходу в стремлении поскорее избавиться от этой муки и оказаться под струями ливня. Входя в церковь, пасхальная публика являла собой образцовую модель цивилизованного христианского общества, а теперь наружу вываливались толпы настоящих варваров. Женщины и дети падали в липкую грязь церковного двора, мужчины спотыкались об их тела и тоже валились лицом вниз прямо в лужи. Пасхальные шляпки разлетались во все стороны и катились, гонимые

ветром, подобно мокрым колесам, пока их не расплющивала бушевавшая стихия.

Я помог отцу высвободить деревянную ногу деда Остина, застрявшую под церковной скамьей. Осы нещадно кусали руки моего отца, и каждый раз, когда очередное жало впивалось в него, его дыхание становилось свистящим. Мама, бабушка Элис и бабуля Сара пытались пробиться в проход между рядами скамей, где люди, падая, не могли выбраться друг из-под друга. Преподобный Ловой, пальцы которого распухли как сосиски, тщетно пытался защитить лица своих детей, пряча их между собой и рыдающей Эстер. Хор распался, некоторые из певчих, убегая, побросали свои пурпурные мантии прямо на пол. Мы с отцом вывели деда Остина в проход между скамьями. Осы налипли на его шею, щеки были мокрыми от слез. Отец отмахивался от ос, круживших вокруг нас, словно кровожадные команчи вокруг вереницы фургонов. Дети плакали, женщины истошно визжали, а осы продолжали нападать и жалить.

– Скорее наружу! Наружу! – выкрикивал в дверях доктор Лезандер, выталкивая людей под дождь, как только в проходе образовывался затор.

Его жена Вероника, хриплоголосая голландская медведица, хватала вырывающихся людей за шиворот и едва ли не вышвыривала их за порог.

Мы уже почти добрались до выхода. Дед Остин шатался, отец поддерживал его. Мама осторожно выбирала ос из волос бабули Сары, словно ее голова была зарослями крапивы. Две раскаленные булавки впились мне в шею, одна за другой с секундным интервалом, – боль была такая, что мне показалось: голова моя сейчас лопнет. Но тут меня схватил за руку отец, сильно дернул, и по моей голове застучали капли дождя.

Когда все члены нашей семьи наконец выбрались из церкви, отец ступил в лужу, не удержался на ногах и упал на колени прямо в грязь. Схватившись рукой за шею, я бегал кругами, крича от боли. Кончилось это тем, что я поскользнулся, ноги мои разъехались, и прямо в своем пасхальном костюме я тоже очутился в густой грязи.

Последним церковь покинул преподобный Ловой. Захлопнув за собой церковную дверь, он со стуком задвинул засов и какое-то время

стоял, прислонившись к ней спиной, словно для того, чтобы не выпустить зло наружу.

Буря продолжала бушевать. Тяжелые капли дождя били по нам, как молотки, вколачивающие гвозди, так что мы вообще перестали что-либо ощущать. Некоторые сидели прямо в грязи, другие бродили вокруг в полной прострации, третьи просто стояли, позволяя холодным струям дождя омыwać их, смягчая боль.

Мне тоже было больно: от этого я впал в такое исступление, что вообразил, как веселятся осы за закрытой дверью церкви. Ведь в конце концов, эта Пасха была и их праздником. Они также воспрянули из мертвых, вырвавшись из холодных объятий зимы, во время которой осиные гнезда высыхали и крохотные личинки-младенцы обращались в неподвижные мумии. Откатив свой камень, они возродились весной и прочитали нам свою жалающую проповедь о цепкости жизни, которая пребудет с нами гораздо дольше, чем мог бы предсказать преподобный Ловой. Благодаря им каждый из нас испытал на своей шкуре, что такое тернии и гвозди.

Кто-то нагнулся ко мне. Я почувствовал, как чья-то рука приложила комок холодной грязи к моей искусанной шее. Я поднял глаза и увидел залитое дождем лицо дедушки Джейберда. Его волосы стояли дыбом, словно деда только что ударило током.

– С тобой все в порядке, парень? – спросил он меня.

Дедушка Джейберд в самый тяжелый момент повернулся ко всем нам спиной и бежал, спасаясь от осиных укусов. Он стал иудой и трусом, и, предлагая мне целебную грязь, он не обрел искупления.

Я ничего не ответил, глядя как будто сквозь него.

– Все будет в порядке, – сказал он мне, потом выпрямился и отправился посмотреть, как там бабуля Сара, которая стояла рядом с мамой и бабушкой Элис.

Он показался мне наполовину утопленной тощей крысой.

Будь я ростом с моего отца, я, наверно, ударил бы его. Но тогда я был способен только испытывать стыд за дедушку Джейберда, жгучий непереносимый стыд. А кроме того, другая мысль изводила меня: а не перешла ли по наследству и *мне* частичка трусости дедушки Джейберда? В ту пору я не имел об этом ни малейшего представления, но в скором времени мне предстояло все это узнать.

Где-то на другой стороне Зефира зазвонил колокол другой церкви. Звук доносился до нас сквозь дождь, словно во сне. Я поднялся на ноги. Шея, нижняя губа и плечо пульсировали от боли. Надо заметить, боль учит вас смирению. Даже Брэнлины и те растеряли свое бахвальство и ревели, как младенцы. Я, например, никогда не встречал человека, который сохранил бы самоуверенность, будучи весь наспигован жалами, а вы?

Пасхальный колокольный звон разносился над залитым водой городом.

Служба закончилась.

Аллилуйя.

Глава 5

Смерть велосипеда

А дождь все лил.

Серые облака висели над Зефиром, изливая на землю из своих раздувшихся утроб настоящий потоп. Я засыпал под барабанную дробь дождя по крыше и просыпался под грохот урагана. Бунтарь скулил и дрожал в своей конуре. Я представлял себе, что он чувствовал. Волдыри от осиных укусов сошли, на их местах остались только красные пятна, а дождь все лил и лил, и ни один проблеск солнца не озарял мой родной город. Дождь не прекращался, и в свободное от домашних заданий время мне не оставалось ничего другого, кроме как сидеть в своей комнате, перечитывая старые журналы «Знаменитые монстры» или просматривая комиксы.

Наш дом насквозь пропитался дождевым запахом – ароматом мокрого дерева и сырой грязи из подвала. Из-за ливня был отменен субботний дневной сеанс в «Лирике»: в кинотеатре протекла крыша. Даже сам воздух стал липким, как зеленая плесень, растущая на влажных валунах.

Через неделю после Пасхи отец, пообедав, отложил вилку и нож, посмотрел на запотевшие окна, по которым стекали капли дождя, и заметил:

– Если так пойдет и дальше, нам придется отращивать жабры.

А дождь все лил и лил. Воздух был пропитан водой, облака не пропускали свет к нашим мрачным хлябям. Наши дворы стали прудами, а улицы – полноводными реками. Из школы нас отпускали пораньше, чтобы все сумели засветло вернуться домой. А в среду днем, без семнадцати три, мой старый велик приказал долго жить.

Еще за секунду до этого я пытался пересечь поток, струящийся по Дирман-стрит. Вдруг переднее колесо моего скакуна угодило в трещину тротуара, от удара задрезбал изъеденный ржавчиной каркас. Несколько поломок случилось одновременно: руль, треснув, обвалился, спицы переднего колеса сломались, сиденье отвалилось, рама расползлась по застарелым швам, и я внезапно оказался лежащим

на животе в воде, противно устремившейся внутрь моего желтого плаща. Какое-то время я неподвижно лежал, пытаюсь сообразить, что же так неожиданно выбило меня из седла. Потом сел, вытер глаза, посмотрел на велосипед и сразу понял: моему старому другу пришел конец.

Велосипед, который, по меркам жизни мальчишки, уже был стар задолго до того, как попал ко мне с блошиного рынка, умер. Я ясно сознавал это, сидя под проливным дождем. То, что давало жизнь этому созданию человеческих рук, лопнуло по швам и воспарило в сочащиеся водой небеса. Рама треснула и погнулась, руль висел на единственном винте, седло повернулось на сторону, как голова на сломанной шее. Цепь слетела, с переднего колеса соскочила шина, во все стороны торчали спицы. При виде таких разрушений я готов был разрыдаться, но, несмотря на то что мое сердце сжимала невыносимая печаль, я знал, что слезами горю не поможешь. Просто мой велик откатал свое, полностью израсходовав свой ресурс. Я был не первым его владельцем, и, возможно, причина заключалась и в этом тоже. Может быть, велосипед, некогда заброшенный за ненадобностью, многие годы чах от тоски по тем рукам, что впервые держали его руль; год от года все больше старея, он видел свои особые велосипедные сны о дорогах, по которым катился в молодости. По сути, мой велик никогда по-настоящему мне не принадлежал: он носил меня на себе, но его педали и руль хранили память о прикосновениях другого хозяина. Возможно, в эту дождливую среду он убил себя, потому что знал: мне до смерти хочется занять другой велосипед, который был бы создан лишь для меня одного. Может быть, и так. Единственное, что я знал наверняка в тот момент: остаток пути до дома мне придется проделать на своих двоих и я не смогу унести на себе останки своего велосипеда.

Оттащив сломанный велик с дороги к кому-то во двор, я оставил его под дубом и зашагал домой с насквозь пропитанным влагой ранцем за спиной и в башмаках, хлюпавших из-за набравшейся в них воды.

Возвратившись домой с работы и узнав о печальной судьбе моего велосипеда, папа усадил меня рядом с собой в кабину нашего пикапа, и мы поехали на Дирман-стрит – забрать обломки велосипеда.

– Наверняка его еще можно починить, – говорил мне отец, глядя на дворники, елозившие взад-вперед по ветровому стеклу. – Мы найдем

кого-нибудь, кто сварит раму и руль и все починит. Это точно выйдет дешевле, чем покупать новый велосипед.

– Ладно, – отвечал я, хотя твердо знал, что велосипед мертв и никакая сварка не способна вернуть его к жизни. – Переднее колесо тоже все вывернулось, – добавил я, но папино внимание было сосредоточено на скользкой дороге.

Наконец мы добрались до того дуба, под который я положил обломки своего велосипеда.

– Где же он? – спросил меня отец. – Ты здесь его оставил?

Хотите верьте, хотите нет, но остатки моего велосипеда исчезли. Папа остановил пикап, вылез под дождь и постучал в двери дома, во дворе которого рос дуб. Дверь отворилась, и на улицу выглянула светловолосая женщина. С минуту отец говорил с ней о чем-то, а потом я увидел, как женщина указала рукой куда-то в сторону улицы. Когда отец вернулся, с его кепки капала вода, плечи ссутулились под мокрой курткой молочника. Он уселся за руль, прикрыл дверцу и сказал:

– Эта женщина вышла за почтой, увидела твой велосипед, лежавший под деревом, и позвонила мистеру Скалли, чтобы он приехал и забрал его.

Мистер Эммет Скалли был местным старьевщиком. Он разъезжал по городу на грузовичке, выкрашенном ярко-зеленой краской, на дверце которого было написано красным: «Скалли. Принимаю старые вещи» – и номер телефона. Отец завел мотор и взглянул на меня. Мне был знаком этот взгляд, жесткий и сердитый, – будущее отразилось в нем в самых мрачных тонах.

– Почему ты не постучался в дом и не предупредил эту женщину, что вернешься за велосипедом? О чем ты думал?

– Ни о чем, сэр, – вынужден был признать я. – Я вообще ни о чем не думал.

Отец отъехал от тротуара, и мы снова отправились в путь. Но не домой, а на запад. Я знал, куда мы едем. Магазин подержанных вещей мистера Скалли находился на западной, поросшей лесом окраине города. По пути мне пришлось выслушивать нравоучения отца, сводившиеся примерно к следующему: «Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, мне приходилось ходить пешком, если я хотел куда-то добраться. В ту пору я и мечтать не мог о собственном

велосипеде, даже о подержанном. Да к тому же мне и моим друзьям не составляло никакого труда пройти две-три мили. И поэтому здоровья в нас было побольше вашего. В солнце, в ветер, в дождь – в любую погоду мы всегда добирались туда, куда нам нужно, на своих двоих...» – и так далее и тому подобное. Вы понимаете, о чем я: отец пел хвалебную песнь своему детству, что свойственно всякому поколению.

Мы выехали за черту города, блестящая от влаги дорога пошла через насквозь промокший зеленеющий лес. Дождь не прекращался; клочья тумана, задевая верхушки деревьев, проплывали над дорогой. Папа сильно сбавил ход, поскольку эта дорога считалась опасной даже в сухую погоду. Он все еще терзал меня рассказами о сомнительных радостях безвелосипедной жизни. Как я понимаю, таким способом он хотел дать мне понять, что если велосипед окажется непригодным к починке, то мне лучше привыкать к пешему образу существования. За холмами, скрытыми в дымке тумана, раздавались раскаты грома, дорога петляла под колесами нашего грузовичка, словно дикая лошадь, не желающая скакать под седлом.

Не знаю, что меня толкнуло, но именно в этот момент я повернул голову и посмотрел назад.

Какой-то автомобиль быстро настигал нас.

Волосы у меня на затылке встали дыбом, а по коже поползли мурашки. Черная приземистая машина позади нас напоминала грозную пантеру с блестящими хромированными зубами. Не снижая скорости, она стремительно описывала поворот, который только что с трудом преодолел отец при помощи сцепления, газа и тормозов. Мотор грузовичка надсадно гудел, а машина, приближающаяся к нам, шла бесшумно. Я увидел силуэт фигуры и бледное лицо человека, пригнувшегося к рулю. Я различил языки красного и оранжевого пламени, нарисованные на капоте и черных боках. Когда машина уже почти настигла нас и, не снижая скорости и не пытаясь свернуть, устремилась под наш задний бампер, я не выдержал и пронзительно закричал:

– Папа!

Отец подскочил и резко крутанул руль. Грузовичок стало заносить влево к середине дороги, отмеченной вылинявшей прерывистой линией. Отец отчаянно боролся, чтобы не скатиться в лес. Потом

шины вновь обрели сцепление с асфальтом, грузовичок выправился, и отец сердито посмотрел на меня.

– Ты что, спятил? – бросил он мне. – Чуть было не отправил нас на тот свет!

Я оглянулся назад.

Черная машина бесследно исчезла.

Она не обогнала нас. И свернуть ей тоже было некуда. Она просто исчезла.

– Я видел... видел...

– *Что* ты видел? Где? – потребовал ответа отец.

– Мне показалось, что я увидел... машину, – наконец сумел пролепетать я. – Она чуть было не врезалась в нас... я так испугался...

Отец внимательно изучил зеркало заднего вида. Конечно, он в нем не увидел ничего, кроме того же дождя и пустой дороги. Протянув руку, он пощупал мой лоб:

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Со мной все в порядке, сэр.

И в самом деле – никакой простуды у меня не было. В этом-то я был уверен. Удовлетворившись тем, что меня не треплет лихорадка, отец отнял от моего лба руку и снова положил ее на руль.

– Тогда сиди спокойно и ничего не выдумывай, – приказал он мне.

Я повиновался.

Все внимание отца снова сосредоточилось на коварной дороге, но желваки у него на скулах то и дело напрягались, и я понял: в эти минуты он решает, что со мной делать дальше – то ли отвезти к доктору Пэрришу, то ли хорошенько выдрать.

Больше я о черной машине не заикался, потому что знал точно: отец ни за что мне не поверит. Но я уже видел эту машину раньше на улицах Зефира: она оповещала о себе грохотом и ревом двигателя, а когда летела мимо, от нее исходил жар, и асфальт дрожал под ее колесами. «Это самая быстрая машина во всем городе», – сказал мне Дэви Рэй, когда в знойный августовский день мы болтались с ним на Мерчантс-стрит возле киоска с мороженым, наслаждаясь прохладой, исходящей от кусков льда. «Отец говорит, – продолжал откровенничать Дэви Рэй, – что в нашем городе никто не сможет обогнать Полуночную Мону».

Полуночная Мона. Именно так звали эту машину. Парня, которому она принадлежала, звали Стиви Коули. Его прозвище было Малыш Стиви, поскольку его рост не превышал пяти футов, хотя ему уже исполнилось двадцать лет. Он курил «Честерфилд», сигарету за сигаретой, – может быть, это и задержало его рост.

Но подлинная причина, по которой я ничего не сказал отцу о Полуночной Моне, преследовавшей нас на мокрой дороге, заключалась в событиях прошлого октября. О них знал весь город. Отец состоял тогда в добровольной пожарной дружине, и однажды вечером в нашем доме зазвонил телефон. Папа сказал маме, что это был Марчетт, шеф пожарной дружины. Он сообщил, что какой-то автомобиль попал в аварию на Шестнадцатой трассе и теперь горит в лесу. Отец торопливо оделся и ушел тушить пожар. Когда он через два часа вернулся, в его волосах было полно пепла, а от одежды пахло горящей древесиной. В ту ночь отец увидел что-то такое, из-за чего не захотел больше быть пожарным.

Именно по Шестнадцатой трассе мы сейчас и ехали. Тот автомобиль, что разбился и сгорел здесь в октябре прошлого года, и был Полуночной Моной, а за рулем его сидел Малыш Стиви Коули.

Сейчас тело Малыша Коули – вернее, то, что от него осталось, – лежало в гробу на кладбище Поултер-Хилл. Полуночная Мона тоже исчезла – очевидно, туда, куда исчезают все сгоревшие автомобили.

Но сегодня я своими глазами видел эту машину, мчавшуюся сквозь туман позади нашего пикапа. И я видел, что кто-то сидел за рулем.

Я решил, что буду держать рот на замке. У меня и так хватало неприятностей.

Отец свернул с Шестнадцатой трассы на грязный проселок, уходящий вглубь леса. Скоро мы добрались до места, где на деревьях виднелись прибитые гвоздями старые проржавевшие металлические таблички самого разного вида – их было не меньше сотни, – от рекламы содовой с апельсиновым соком «Грин спот» и порошка от головной боли «Би-Си» до радио «Гранд ол опри». За опушкой с табличками дорога свернула к серому бревенчатому дому с покосившимся крыльцом и двориком перед ним, хотя его трудно было назвать двором, скорее – зарослями сорняков. Здесь находилась самая разнообразная рухлядь: изъеденные ржавчиной машины для отжимания белья и кухонные плиты, светильники и кровати,

вентиляторы, холодильники и другая бытовая утварь, наваленная неряшливыми кучами. Тут были и мотки проволоки высотой не ниже моего отца, и огромные корзины, полные пустых бутылок, а посреди всего этого баракла высился металлический знак с изображением улыбающегося полицейского, поперек груди которого была выведена надпись красными буквами: «Стой! Не воруй». В голове копа красовались три дырки от пуль.

Не думаю, что у мистера Скалли возникали проблемы с ворами: не успел отец заглушить мотор пикапа и открыть дверцу, как две рыжие охотничьи собаки, лежавшие на крыльце, вскочили и принялись нас облаивать. Через несколько мгновений дверь распахнулась и на крыльцо выскочила невысокая, хрупкая на вид женщина с тугой светлой косой и ружьем в руках.

– Кто вы такие? – заорала она грубо, как дровосек. – Что вам тут надо?

Мой отец поднял руки:

– Я Том Маккенсон, миссис Скалли. Из Зефира.

– Какой такой Том?

– Маккенсон, мэм!

Чтобы перекрыть собачий лай, отцу приходилось кричать:

– Я приехал из Зефира!

– А ну тихо! – прикрикнула на собак миссис Скалли.

Она сорвала мухобойку с крючка на крыльце и несколько раз вытянула ею псин, что существенно охладило их пыл.

Я выбрался из кабины пикапа и встал рядом с отцом. Наши ботинки увязли в топкой грязи.

– Мне надо повидаться с вашим мужем, миссис Скалли, – сказал отец. – Дело в том, что он по ошибке забрал и увез велосипед моего сына.

– Вот как? – удивилась миссис Скалли. – Обычно Эммет не ошибается.

– Так ваш муж дома?

– Он там, на заднем дворе, в одном из сараев, – ответила жена старьевщика, указывая направление дулом ружья.

– Благодарю вас, мэм.

Мы пошли в нужную сторону, но не успели сделать и десятка шагов, как миссис Скалли крикнула нам вслед:

– Эй, вы! Если споткнетесь и переломаете ноги, мы за вас не отвечаем, понятно?

Если перед домом четы Скалли творился, мягко говоря, беспорядок, то задний двор мог привидеться только в кошмарном сне. Сараи оказались ангарами из рифленого железа размером со склады для хранения табака-сырца. Чтобы добраться до сараев, пришлось идти по изрытой колеями тропинке, петлявшей между горами бесполезной рухляди: проигрывателей, разбитых статуй, садовых шлангов, стульев, газонокосилок, дверей, каминных досок, горшков и кастрюль, старых кирпичей, кровельной дранки, утюгов, радиаторов и умывальных раковин.

– Господи помилуй, – прошептал отец, больше обращаясь к самому себе, когда мы пробрались по узкому проходу между высившимися горами хлама.

Все это хозяйство щедро поливал дождь, с вершин металлических эверестов шумными потоками стекала вода. Когда же перед нами предстала огромнейшая куча перекрученного и перепутанного нечто, я понял, что назвать эту свалку удивительной – значит не сказать ничего. Она была просто волшебной. Я застыл как вкопанный.

Впереди высилась гора из сотен велосипедных рам, сросшихся между собой ржавыми гроздьями, без единой шины, со сломанными каркасами.

Говорят, где-то в Африке есть тайное место, куда уходят умирать слоны. Морщинистые серые великаны ложатся там на землю, освобождаясь от бременной телесной ноши, и их души легко воспаряют к небесам. В тот момент я искренне верил, что мне посчастливилось наткнуться на скрытое от посторонних глаз кладбище велосипедов. Их мертвые остовы год за годом постепенно рассыпаются здесь под воздействием дождя и палящего солнца, после того как их непоседливые велосипедные души покинули свои рамы. В некоторых местах этой огромной кучи велосипеды почти исчезли с лица земли, приняв со временем вид палой медно-красной листвы, которую вскоре сожгут на костре в один из осенних дней. Кое-где из этого кургана торчали разбитые фары, незрячие и вызывающие, как глаза мертвых. На гнутых рулях еще виднелись резиновые рукоятки, с которых кое-где свешивались полосы цветного винила, похожие на поблекшие языки пламени. Стоило только напрячь воображение, и все эти

велосипеды представляли новенькими, сверкающими от краски и нетерпеливо трепещущими от желания поскорее отправиться в путь, с неизношенными шинами, педалями и ладно пригнанными цепями, пропитанными свежей смазкой. Странно: это видение навевало на меня грусть. Скорее всего, я видел наглядное подтверждение того, что всему когда-нибудь приходит конец, как бы ревностно мы ни берегли то, что нам дорого, и сколько бы за это ни цеплялись.

– Здорово! – пророкотал кто-то рядом. – Я слышал, какой вы там устроили переполах.

Оглянувшись, мы с отцом увидели мужчину, толкавшего по грязи большую тачку. Мужчина был облачен в комбинезон, ботинки его были залепаны грязью, обширный живот выпирал, лицо покрывали пятна, определенно свидетельствующие о неполадках с печенью, а голову украшал единственный клочок седых волос. Лицо мистера Скалли было изрезано морщинами, нос с сеточкой лопнувших красных сосудов на кончике напоминал картошку, его серые глаза смотрели сквозь круглые стекла очков. Глядя на нас, он улыбался во весь рот, скаля темно-коричневые зубы. Поросший сединой подбородок мистера Скалли украшала бородавка с тремя торчавшими волосками.

– Чем могу вам помочь?

– Я Том Маккенсон, – представился отец, протянув руку для пожатия. – Сын Джея.

– Вот черт! Прощу прощения, не признал сразу.

Мистер Скалли носил грязные парусиновые рукавицы, и он неспешно стянул одну из них, перед тем как потрясти руку отцу:

– А это, выходит, внук Джея?

– Точно. Его зовут Кори.

– Сдается мне, я вроде пару раз видел тебя в городе, – сказал мне мистер Скалли. – Я помню, когда твоему отцу было столько же лет, сколько тебе сейчас. Мы с твоим дедом тогда были неразлейвода.

– Мистер Скалли, мне сказали, что сегодня днем вы забрали велосипед у дома на Дирман-стрит, – сказал старьевщику отец.

– Точно, это я его взял. Да там и смотреть-то особенно не на что. Он весь сломан.

– Дело в том, что это велосипед Кори. Мы собирались отдать его в ремонт, и если вы сейчас вернете его нам...

– Ну и дела! – протянул мистер Скалли. Широкая улыбка исчезла с его лица. – Том, боюсь, я не смогу этого сделать.

– Почему же нет? Ведь велосипед еще здесь, у вас?

– Да, здесь. Точнее сказать, он *был* здесь. – Мистер Скалли мотнул головой в сторону одного из сараев. – Я поместил его туда всего несколько минут назад.

– Так мы можем забрать его?

Посмотрев на меня, мистер Скалли закусил нижнюю губу, потом перевел взгляд обратно на отца:

– В том-то и дело, что ничего не выйдет, Том.

Он отставил тачку в сторону, прислонив ее к холму из мертвых велосипедов, и сказал:

– Пойдемте, увидите сами.

Мы последовали за мистером Скалли. Он сильно хромал, словно его бедро соединял с телом шарнир.

– Тут такое дело, ребята, – снова заговорил он. – Уже года три я все подумываю избавиться от этих старых велосипедов. Пытаюсь расчистить место для новых поступлений. Все время что-то прибавляется... Вот я и пообещал Белле – Белла – это моя жена, – я сказал ей: «Белла, притаскиваю еще один велосипед и тут же начинаю с ними разбираться. Еще один, и все – хорош».

Вслед за мистером Скалли мы вошли через проем без дверей в сумрачную и холодную сень сарая. Голые лампочки, болтавшиеся под потолком на проводах, бросали тени на сваленные внутри сарая кучи барахла. Во мраке вырисовывались таинственные силуэты – очертания каких-то крупных механизмов, напоминающих машины марсиан. Что-то бегало и попискивало – возможно, крысы или летучие мыши. Сарай более всего напоминал пещеру, в которой чувствовал себя как дома разве что индеец Джо.

– Смотрите под ноги, – предупредил нас мистер Скалли в следующем дверном проеме.

Войдя, он остановился перед большой машиной прямоугольной формы с шестернями и рычагами по бокам. И сказал, повернувшись к нам:

– Вот этой дробилке я и скормил ваш велосипед пятнадцать минут назад. Он первым отправился в пасть этой машины.

Мистер Скалли кивнул на бочонок, полный перекрученных и сплюснутых кусков металла. Другие бочки поджидали своей очереди.

– Это я хоть смогу продать как металлолом, вот в чем дело. Я дал себе зарок: еще один велосипед – и включаю дробилку. Ваш стал последним.

Мистер Скалли, над головой которого в ореоле испарений влаги сияла лампочка, сочувственно взглянул на меня:

– Извини, Кори. Я даже представить себе не мог, что у такого велосипеда может объявиться хозяин. Если бы я знал, что он твой, я, конечно, попридержал бы его, но он ведь был совершенно никуда не годный, этот велосипед.

– Никуда не годный? – переспросил отец.

– Конечно. Всему приходит конец. Вещь изнашивается, и ее нельзя починить ни за какие деньги. Именно это и случилось с твоим велосипедом. Такое происходит со всем, что мне приносят или просят забрать, позвонив по телефону. Поверь, Кори, твой велосипед был просто грудой ржавого металла, и то, что я засунул его в дробилку, ничего не изменило.

– Да, сэр, – ответил я, – знаю.

– Ему не было больно, – тихо прибавил мистер Скалли.

Я молча кивнул.

Слушая мистера Скалли, я думал о том, что такой человек, как он, наверняка понимает сущность жизни до самых ее мельчайших винтиков, потому что, хотя тело его состарилось, глаза и сердце оставались молодыми. Он видел космическую суть вещей и поэтому знал, что жизнь существует не только в созданиях из плоти и крови, но и в предметах – в доброй верной паре ботинок; в хорошей, надежной машине; в авторучке, которая не подведет в трудную минуту; в велосипеде, который проедет много миль, – во всем том, чему мы доверяем и что дарит нам в ответ ощущение защищенности и радостные воспоминания.

На такие слова старые хрычи с камнем вместо сердца могут холодно усмехнуться и сказать: «Чушь это все!» Но тогда позвольте и мне задать им вопрос: разве вам никогда не хотелось, хотя бы на пару минут, вновь обрести свой первый велосипед? Ведь вы наверняка помните, как он выглядел. Ведь помните? Как его звали: «Курок», «Пахта», «Вспышка» или, может быть, «Молния»? Кто забрал у вас

этот велосипед и куда он потом делся? Вы когда-нибудь задумывались об этом?

– Хочу показать тебе еще кое-что, Кори, – сказал мистер Скалли, касаясь моего плеча. – Иди за мной.

Мы проследовали за мистером Скалли прочь от велосипедодробильной машины в другой отсек сарая. Помимо яркого сияния лампы над головой, через маленькое пыльное окошко с улицы сочился зеленоватый свет. Здесь, в этой комнатке, у мистера Скалли стояли письменный стол и картотечный шкаф. Открыв его, мистер Скалли дотянулся до верхней полки.

– Я почти никому этого не показываю, – сообщил он нам, – но вам, ребята, это должно понравиться.

Он немного порылся там, выдвигая и задвигая ящики, потом сказал: «Нашел», – и его рука вновь вынырнула из тьмы.

Мы увидели, что он держит кусок дерева с обесцвеченной корой и налипшими на его поверхности высохшими моллюсками. В самой середке деревянного бруска торчало нечто, напоминающее небольшой, дюймов пяти длиной, кинжал из слоновой кости. Мистер Скалли поднял кусок дерева повыше к свету, и его глаза блеснули за стеклами очков.

– Видели? И как вы думаете, что это?

– Понятия не имею, – пробормотал отец.

Вслед за ним и я покачал головой.

– А вы взгляните поближе.

Мистер Скалли поднес деревяшку с вонзенным в нее кинжалом прямо к моему лицу. Приглядевшись, я увидел царапины и выбоины на поверхности слоновой кости, а край кинжала выглядел зазубренным, словно нож для разделки рыбы.

– Это зуб, – объяснил нам мистер Скалли. – Или, скорее, клык.

– Клык? – изумленно нахмурился отец, переводя взгляд с мистера Скалли на странный предмет и обратно. – Здоровенная, должно быть, была змея?

– Это была не змея, Том. Три года назад, летом, я отпилил этот кусок дерева от бревна, которое выбросило на берег реки. Я хожу туда иногда – ищу бутылки. Видите эти раковины? Этот чурбан от старого дерева, должно быть, пролежал на дне реки невесть сколько лет, и вот во время прошлогоднего паводка его вымыло из ила.

Мистер Скалли осторожно провел защищенным перчаткой пальцем по зазубренному краю клыка:

– Думаю, что в руках у меня единственное доказательство.

– Неужели вы хотите сказать...

Отец не успел закончить фразу, а я уже все понял.

– Да, – подтвердил старьевщик, – именно так: этот зуб – клык изо рта Старого Мозеса.

Мистер Скалли снова ткнул деревяшкой мне в лицо, и я в испуге отшатнулся.

– Видно, его зрение здорово ослабло, – задумчиво проговорил мистер Скалли. – Наверно, он принял этот чурбан за большую черепаху. А может быть, в тот день он был чем-то раздражен и бросался на все, что тыкалось ему в рыло.

Палец мистера Скалли постукивал по зазубренному краю клыка.

– Страшно представить, что может сделать с человеком чудовище с такими зубищами. Жуткая получается картина, верно?

– Можно взглянуть? – с любопытством спросил отец.

Мистер Скалли передал ему деревяшку с зубом. Пока отец рассматривал удивительную находку, мистер Скалли подошел к окну и выглянул наружу.

После небольшой паузы отец кивнул и проговорил:

– Готов поклясться: вы правы, мистер Скалли! Это действительно зуб!

– О чем я и говорю, – отозвался от окна мистер Скалли. – Зачем же мне лгать?

– Вам обязательно нужно кому-нибудь его показать! Шерифу Эмори или мэру Своупу! Да в конце концов самому губернатору!

– Своупу я его уже показывал, – кивнул мистер Скалли. – Он мне посоветовал убрать этот зуб подальше и запереть дверь на ключ.

– Но почему? Это же новость, достойная первых страниц газет!

– Мэр Своуп так не думает.

Мистер Скалли повернулся к нам, и я увидел, как его глаза потемнели.

– Поначалу Своуп был уверен, что этот зуб – подделка. Он показал его доктору Пэрришу, а док Пэрриш позвал дока Лезандера. И тот и другой в один голос заявили, что клык принадлежит какой-то огромной рептилии. Потом мы устроили совещание в кабинете мэра за

закрытыми дверями. Своуп сказал, что, по его мнению, такое дело лучше всего похоронить в зародыше. Мол, чем бы ни оказался этот зуб – настоящим клыком рептилии или искусной подделкой, – все равно незачем попусту будоражить людей.

С этими словами мистер Скалли забрал кусок дерева из рук моего отца.

– И тогда я сказал мэру: «Послушайте, Лютер Своуп, почему вы не хотите, чтобы люди увидели неоспоримое доказательство, что в Текумсе водится чудовище?» А он со своей дурацкой трубкой в зубах зыркнул на меня и говорит: «Люди и без того это знают. Доказательство напугает их еще больше. Но как бы то ни было, чудовище в реке – это *наше* чудовище, и мы ни с кем не собираемся им делиться». Вот и весь разговор.

Мистер Скалли протянул мне зуб:

– Хочешь потрогать его, Кори? Потом расскажешь кому-нибудь, что тебе довелось держать в руках.

Так я и сделал – дрожащим указательным пальцем коснулся зазубренной штуковины. Клык Мозеса был холодным, каким, по моему мнению, должен быть ил на дне реки.

Мистер Скалли убрал кусок дерева с клыком в ящик шкафа и затворил дверцу. Дождь на улице снова усилился: он дробью барабанил в металлическую крышу.

– Должно быть, Старый Мозес радуется этому ливню, – заметил мистер Скалли.

– Я все-таки считаю, вам обязательно нужно показать зуб еще кому-нибудь, – сказал ему отец. – Например, газетчикам в Бирмингеме.

– Я так бы и сделал, Том, но боюсь, что Своуп мне этого не простит. Возможно, существует договоренность, что Старый Мозес остается *нашим* чудовищем лишь до тех пор, пока о нем не узнают чужаки: тогда его у нас тут же отберут. Выловят из реки сетями и посадят в каком-нибудь зоопарке в огромный стеклянный сосуд как чрезмерно разросшегося сома. – Мистер Скалли нахмурился и покачал головой. –

Нет, я не хочу, чтобы это случилось. Уверен, что и Леди этого не хочет. Сколько себя помню, каждую Страстную пятницу она носила Мозесу угощение. Прошедшая пятница стала первой, когда Старому Мозесу не понравилась еда.

– Ему не понравилась еда? – удивился отец. – Что вы хотите этим сказать?

– Разве тебя не было на негритянском шествии в этом году, Том?

Мистер Скалли подождал ответа, вероятно рассчитывая, что отец скажет «нет», но, не дождавшись, продолжил:

– В этом году Старый Мозес впервые не ударил хвостом в сваю моста, как бы говоря: «Спасибо за жратву». Все происходит очень быстро, удар едва можно уловить, но ты различишь этот звук, если слышал его много раз. А в эту Страстную пятницу ничего такого не случилось.

Тут я вспомнил встревоженное выражение лица у Леди, когда она покидала мост с горгульями, и тот мрачный вид, с которым устремилась назад в Брутон процессия негров. Видно, Леди так и не удалось дожидаться удара хвоста Старого Мозеса в сваю. Но что может означать подобное нарушение застольного этикета?

– Трудно сказать, что это может означать, – проговорил мистер Скалли, словно прочитав мои мысли. – Но Леди это очень расстроило, точно.

На улице уже темнело. Отец сказал, что нам пора возвращаться домой, и поблагодарил мистера Скалли за то, что он уделил нам время и показал, куда подевались остатки моего велосипеда.

– Я ни в чем вас не виню, – сказал отец на прощание мистеру Скалли, который, хромя, проводил нас до выхода со свалки. – Вы просто делали свою работу.

– Верно, Том. Только один велосипед мне и был нужен. А ваш все равно нельзя было починить ни за какие коврижки, – повторил он.

Это я и сам мог сказать отцу. По сути, я так и сделал, но вся беда в том, что, пока ты еще мальчишка, взрослые слушают тебя вполуха.

– Слышал о машине, которая упала в озеро, – сказал на прощание мистер Скалли, и его голос эхом разнесся под сводами. Я ощутил, как напрягся рядом со мной отец. – Негоже так умирать без погребения по христианскому обычаю, – продолжил мистер Скалли. – Шериф Эмори нашел хоть какую-нибудь зацепку?

– Насколько я знаю, ни одной.

Голос отца дрогнул. Я не сомневался, что он видел тонущую машину с мертвецом, прикованным наручниками к рулю, всякий раз, когда закрывал глаза, ложась спать.

– У меня есть соображения, что это за человек и кто мог его убить, – продолжал мистер Скалли.

Мы уже стояли в дверях сарая, но дождь снаружи усилился и теперь нещадно хлестал по горам мертвых вещей. Дневной свет угасал, приобретя какой-то зеленоватый оттенок. Взглянув на моего отца, мистер Скалли прислонился плечом к дверному косяку.

– Это наверняка был человек, перебежавший дорожку семейке Блэйлок. И парень этот, скорее всего, был не из местных, потому что все здешние, кто еще в здравом уме, знают, что Уэйд, Бодин и Донни – самые зловредные и безжалостные стервятники во всем штате. Где-то в лесах у них запрятана винокурня. Плевали они на всех. А Большое Дуло, их папаша, самого дьявола может за пояс заткнуть. Да, сэр, именно Блэйлоки отправили того парня на дно озера, помяните мое слово.

– Думаю, шерифу это тоже приходило в голову.

– Может быть, и так. Только дело-то в том, что никто точно не знает, где прячутся Блэйлоки. Они порой появляются, чтобы совершить очередное злодеяние, а потом снова уползают в свою змеиную нору, где их не найти.

Мистер Скалли взглянул на улицу:

– Дождь, похоже, немного стих. Если и вымокнете, то несильно.

И мы стали с трудом пробираться сквозь грязь к нашему грузовичку. Я еще раз бросил взгляд на велосипедную гору и заметил то, на что не обратил внимания в первый раз: среди искореженного металла росли вьющиеся стебли жимолости, среди ржавчины кое-где уже распускались белые бутончики, испускавшие сладкий аромат.

Внимание отца привлекло что-то, лежавшее далеко за кучей старых велосипедов, сразу не замеченное нами. Внезапно он остановился, вслед за ним замер и я, после чего и мистер Скалли, который хромал впереди, вдруг почувствовал что-то неладное и обернулся.

– Вот куда ее приволокли... – проговорил отец.

– Да, ее тогда притащили сюда. Хотя надо бы от нее избавиться – расчистить место для нового хлама.

Мало что можно рассказать о том, что я увидел. Это была груда ржавого смятого железа, лишь кое-где сохранилась черная краска. Ветровое стекло отсутствовало, крыша была сплющена. Часть

багажника сохранилась, на нем еще видны были нарисованные языки пламени.

Того самого, что поглотило водителя этой машины.

Отец повернулся и двинулся прочь, и я проследовал за ним к пикапу, стараясь держаться к отцу как можно ближе.

– Заезжайте как-нибудь! – сказал нам на прощание мистер Скалли.

Охотничьи собаки снова облаяли нас, и миссис Скалли выглянула на крыльцо, на этот раз без ружья.

А мы с отцом покатали обратно к дому по этой дороге, посещаемой призраками.

Глава 6

Старый Мозес откликается на зов

Примерно через неделю после нашего визита к мистеру Скалли дома зазвонил телефон. Трубку взяла мама.

– Том! – раздался из коридора ее крик, в котором прозвучал смертельный ужас. – Джей-Ти говорит, что на озере Холман прорвало дамбу! Они созывают в здание администрации округа всех, кто может прийти.

– О господи!

Отец вскочил с дивана, лежа на котором он смотрел по телевизору новости, и принялся натягивать ботинки.

– Дело может кончиться наводнением! Кори! – крикнул он. – Быстро одевайся!

По его тону я сразу понял, что мне лучше поторопиться. Я отложил в сторону листы бумаги, на которых пытался записать рассказ о черном автомобиле с призраком за рулем, и быстро запрыгнул в джинсы. Когда чувствуешь, что родители испуганы, твое сердце начинает колотиться со скоростью девяносто миль в минуту. Я услышал, как отец произнес слово «наводнение». В последний раз подобное случилось, когда мне было пять лет. Тогда жители Зефира отделались сравнительно легко, разве что паводок растревожил болотных змей. Но из газет я знал, что в 1938 году во время наводнения уровень воды на улицах Зефира достигал четырех футов, а в 1930-м во время весеннего паводка вода в Брутоне доходила до крыш некоторых домов. Таким образом, наш городок затапливало не впервые, а учитывая, какие проливные дожди шли с начала апреля во всех южных штатах, можно было легко предвидеть, что нам грозило в нынешнем году.

Река Текумсе вытекает из озера Холман, расположенного в сорока милях к северу от Зефира. Если считать, что все реки текут в сторону моря, мы оказались как раз на пути водной стихии.

Я убедился, что Бунтарь совершает свой обычный обход вокруг дома, после чего втиснулся вслед за мамой и отцом в наш пикап, и мы

взяли курс на старое здание в готическом стиле в самом конце Мерчантс-стрит, где размещалась администрация округа. Почти во всех домах горел свет, – видимо, сигнал тревоги успел долететь до всех. Сейчас дождь лишь слегка моросил, но уровень воды успел подняться до обода колес нашего пикапа: водосточные трубы не справлялись с нагрузкой и подвалы некоторых домов оказались затопленными. Именно по этой причине моему другу Джонни Уилсону с родителями пришлось на время перебраться к родственникам в Юнионтаун.

На стоянке у здания администрации округа уже скопилось множество машин. Вдалеке в небе полыхнула молния, озарив низко висящие облака. В главный зал окружного собрания плотной массой набились люди. Зал представлял собой просторное помещение с расписным потолком, по которому летали ангелы, несущие тюки с хлопком, – это было наследие прошлого: лет двадцать назад здесь проводились хлопковые аукционы, но потом хлопоочистительную машину вместе со складом перевели в Юнионтаун, где отсутствовала опасность наводнений.

Мы нашли себе места на шатких стульях у стены и очень скоро поняли, что нам повезло, потому что народ все прибывал. Вскоре в зале стало нечем дышать. У кого-то хватило сообразительности включить вентиляторы, но это мало помогало из-за горячего дыхания множества собравшихся в зале. Миссис Кэтти Ярброу, одна из главных болтушек нашего города, втиснулась рядом с мамой и принялась беспрерывно трещать, а ее муж, молочник из «Зеленых лугов», взял в оборот моего отца. Я увидел, как в зале появился Бен вместе с мистером и миссис Сирс, но устроились они на другой стороне зала. Вошла Демон: ее прическа выглядела так, словно она намазала волосы жиром. Перед ней шествовали ее безобразная мамочка и похожий на жердь папаша. Они нашли себе места совсем рядом с нами. Я содрогнулся, когда Демон заметила мой полный отвращения взгляд и улыбнулась мне в ответ. Явился преподобный Ловой со своим семейством, шериф Эмори с женой и дочками. Потом вошли Брэнлины, мистер Парлоу, мистер Доллар, Дэви Рэй со своими родителями, мисс Гласс Голубая и мисс Гласс Зеленая и много других малознакомых мне людей. Зал оказался набит битком.

– Тихо! Ти-ши-на!

Это крикнул мистер Уинн Гилли, помощник мэра. Он вышел на подиум, где раньше стояли аукционисты, а позади него за столом сидели мэр Лютер Своуп и шеф пожарной дружины Джек Марчетт, который, кроме того, еще и руководил гражданской обороной.

– Тишина! – изо всех сил заорал мистер Гилли, так что на его тощей шее вздулись жилы.

Разговоры постепенно стихли, и мэр Своуп поднялся из-за стола, чтобы произнести речь. Мэру Своупу было около пятидесяти; это был высокий и худой человек с унылым лошадиным лицом и седыми редующими волосами, зачесанными назад. Во рту у мэра вечно торчала трубка из корня верескового дерева, и он пыхтел ею как локомотив, сжигающий в топке уголь на долгом крутом подъеме. Мэр носил тщательно отутюженные брюки и рубашки с инициалами на нагрудном кармане. Своуп походил на преуспевающего бизнесмена, которым он, по сути дела, и являлся: мэр владел магазином мужской одежды «Стэгг-шоп» и зефирским городским ледником, принадлежавшим его семье в течение нескольких поколений. Лана Джин, жена Своупа, сидела рядом с доктором Кертисом Пэрришем и его женой Брайти.

– Полагаю, что к настоящему времени все уже слышали о случившемся несчастье, – начал мэр Своуп. С виду Своуп был мэр хоть куда, но говорил он, словно каши в рот набрал. – Так вот, времени у нас осталось не так много. Мистер Марчетт доложил мне, что уровень воды в реке достиг критической отметки. Когда вода из озера Холман доберется до города, у нас начнутся настоящие неприятности. Ожидается, что предстоящее наводнение станет самым сильным из тех, что случались на нашей памяти. Это означает, что Брутон, расположенный ближе всего к реке, будет затоплен первым. Венди, где ты?

Мэр оглянулся по сторонам. В ответ на его зов мистер Вандеркамп-старший поднял трясущуюся руку.

– Мистер Вандеркамп готов открыть двери своего магазина хозяйственной утвари, – продолжал мэр Своуп. – У него там есть лопаты и мешки с песком, которые пригодятся нам, чтобы немедленно начать строить дамбу между Брутоном и рекой. Может быть, нам удастся сдержать самую высокую волну паводка. Это означает, что придется потрудиться всем: и мужчинам, и женщинам, и даже детям. Я

только что звонил на базу ВВС Роббинс: они обещали прислать нам людей. Из Юнионтауна тоже обещали прислать помощь. А пока всем, кто способен держать в руках лопату, придется сейчас же отправиться в Брутон и немного покопать там землю.

– Обожди-ка минутку, Лютер, черт возьми!

Говоривший поднялся со своего места. Однажды увидев этого человека, его уже ни с кем нельзя было спутать. Думаю, книгу про белого кита назвали именно в его честь. Лицо мистера Дика Моултри было красным и опухшим, а волосы подстрижены коротким ежиком, так что его голова напоминала коричневую подушечку для булавок. На нем были футболка размером с палатку и синие джинсы, в которые одновременно поместились бы мой отец, шеф пожарных Марчетт и мэр Своуп. Он поднял жирную руку и нацелил палец в сторону мэра:

– Сдается мне, ты советуешь нам бросить свои дома? Разве нет? Бросить наши дома и отправиться спасать шайку ниггеров!

Этого восклицания оказалось достаточно, чтобы общее единство дало трещину. Некоторые стали кричать, что мистер Моултри совершенно прав, другие вопили, что нет.

– Дик, – ответил мэр Своуп и переложил трубку из одного угла рта в другой, – мне не нужно тебе объяснять, что наводнение первым делом всегда заливает Брутон. Там низина. Если мы сумеем удержать реку там, то, может быть...

– Тогда где же обитатели Брутона? – спросил мистер Моултри, и его квадратная голова повернулась направо, а потом налево. – Не вижу здесь ни одного черного лица! Где они? Почему никто из них не пришел сюда просить нас о помощи?

– Потому что они *никогда* не просят о помощи.

С этими словами мэр выпустил струйку голубого дыма, и двигатель его локомотива вновь заработал.

– Я абсолютно уверен, что все они сейчас на берегу реки, пытаются построить дамбу. Но они ничего не станут у нас просить, даже когда вода поднимется под самые крыши. Леди им не позволит. Однако жителям Брутона нужна наша помощь, Дик. Как и в прошлый раз. Речь идет о жизни и смерти.

– Будь у них голова на плечах, они бы давно съехали из этой низины! – продолжал гнуть свое мистер Моултри. – Черт, мне все уши прожужжали этой Леди! Кем она себя мнит, королевой, что ли?

– Сядь, Дик, – подал голос Марчетт, шеф пожарной дружины, ширококостный мужчина с тонкими чертами лица и пронзительными голубыми глазами. – Сейчас нет времени на пустые споры!

– Черта с два! – Мистер Моултри решил проявить упорство. Он стал красным, как пожарный гидрант. – Я хочу, чтобы Леди сама явилась сюда, на территорию белого человека, и *попросила* нас о помощи!

Требование мистера Моултри породило целую бурю как одобрительных, так и негодующих выкриков. Его жена Физер тоже вскочила на ноги и завизжала:

– Да, черт возьми, мы хотим этого!

Миссис Моултри была блондинкой с волосами серебристого оттенка, ее имя Физер означало «перышко», но она больше напоминала наковальню.

Рев мистера Моултри перекрывал все другие крики:

– Не стану я гнуть спину на ниггеров!

– Ты забываешь, Дик, – не без смущения заметил мэр Своуп, – что они *наши* ниггеры!

Крики и шум не утихали. Кто-то говорил, что наш христианский долг – спасти Брутон от наводнения, другие же заявляли, что паводок случился как нельзя кстати: он смоет Брутон с лица земли раз и навсегда. Отец и мама сидели молча, как и большинство присутствовавших, – усердствовали только крикуны.

Внезапно по залу волной стала распространяться тишина. Она шла из дальнего конца зала, от дверей, где теснились пришедшие последними. Кто-то хихикнул, но смех тут же придушенно стих. Послышалось какое-то невнятное бормотание. А потом в зал протиснулся человек – толпа расступалась перед ним, словно морские воды.

Улыбка играла на губах вошедшего. У него было мальчишеское лицо, светло-каштановые волосы и высокий лоб.

– Из-за чего все эти крики? – спросил он. У него был акцент южанина, но чувствовалось, что это образованный человек. – У вас какие-то проблемы, мэр Своуп?

– Э-э-э, нет, Вернон... никаких проблем. Ведь так, Дик?

Казалось, мистер Моултри сейчас взорвется от злости и начнет брызгать слюной. Лицо его жены под серебристыми локонами стало

бордовым, как свекла. Я услышал, как хихикнули Брэнлины, но кто-то шикнул на них, и они замолчали.

– По-моему, причин для споров нет, – сказал Вернон, продолжая улыбаться. – Вы же знаете, как папочка ненавидит проблемы.

– Сядьте, – сказал мэр Своуп чете Моултри, и те послушно опустились на стулья, чуть не обрушив их своими задами.

– Мне показалось, что в наших рядах наблюдается... как бы это сказать... некоторая разобщенность, – продолжал Вернон.

Я почувствовал, как смех щекочет мне горло, грозя вырваться наружу, но в этот момент отец схватил меня за руку и так сильно сжал, что я подавил смешок. Люди вокруг нас неловко ерзали на своих местах, особенно неуютно ощущали себя пожилые вдовы.

– Мэр Своуп, я могу подняться на сцену?

– Господи, помилуй нас, – прошептал отец, в то время как мама тряслась от охватившего ее беззвучного хохота.

– Думаю... что можешь, Вернон. Пожалуйста, если ты хочешь. Поднимайся.

Мэр Своуп сделал несколько шагов назад, унося за собой клубы табачного дыма.

Поднявшись на сцену, Вернон Такстер повернулся лицом к собранию. В электрическом свете его кожа казалась очень бледной. Он весь был бледным, с головы до пят.

Вернон Такстер стоял абсолютно нагой. На нем не было ни клочка одежды.

Все его хозяйство было выставлено на общее обозрение. Вернон обладал невероятной худобой – наверно, потому, что очень много ходил пешком. Я подумал, что подошвы его вечно босых ног наверняка твердые, как дубленая кожа. На его белой плоти блестели капли дождя, мокрые волосы свисали сосульками. Он был словно индийский религиозный мистик, сошедший с фотографии из журнала «Нэшнл джиографик». Хотя для индийца Вернон, конечно же, был слишком белокож, да и на мистика тоже походил мало. Вернон Такстер был просто-напросто законченным психом, стукнутым пыльным мешком из-за угла.

Само собой, появление на людях в чем мать родила являлось для Вернона вполне нормальным. Как только солнышко начинало пригревать, он только так и гулял. Зимой и поздней осенью он не

любил выбираться из дома. Первое появление Вернона в теплые весенние денечки всегда вызывало оторопь, к июлю на него уже переставали обращать внимание, а в октябре куда более интересным казался листопад. Однако приход следующей весны неизменно сопровождался очередным появлением в общественном месте Вернона Такстера, блиставшего своей наготой.

Наверно, вас удивляет, почему шериф Эмори тут же не схватил Вернона за шкуру и не потащил в кутузку за нарушение общественной морали? Причина очень проста: Мурвуд Такстер, отец Вернона, являлся владельцем банка, молочной фермы «Зеленые луга» и компании по торговле городской недвижимостью. Чуть ли не все дома в Зефире были заложены через его банк. Мурвуд Такстер владел землей, на которой стоял кинотеатр «Лирик», как и той, где было выстроено здание администрации округа. В его собственности находился каждый булыжник на Мерчантс-стрит. Он был владельцем многочисленных лачуг Брутона, а его собственный особняк на двадцать восемь комнат высился на Темпл-стрит. Страх перед известным затворником Мурвудом Такстером, которому было уже за семьдесят, вынуждал шерифа Эмори закрывать глаза на свободно разгуливающего голым по улицам моего родного городка сорокалетнего Вернона. Такой порядок существовал всегда, сколько я себя помню.

Однажды мама рассказала мне, что когда-то Вернон был вполне нормальным человеком, но потом он написал книгу и укатил с ней в Нью-Йорк. Оттуда он вернулся через год уже совершенно свихнувшимся и принялся появляться всюду в чем мать родила.

– Леди и джентльмены, – начал Вернон Такстер, – а также, конечно, дети. – Вытянув перед собой свои хилые руки, он крепко ухватился за край кафедры. – Сложившаяся ситуация крайне серьезна.

– Мамочка, – неожиданно раздался визгливый голосок Демона, – у этого дядьки пиписька видна...

Рука с поросшими рыжими волосками костяшками пальцев поспешно зажала Демону рот. Я понял, что дом родителей Демона, по-видимому, тоже стоял на земле старого Такстера.

– Крайне серьезна, – повторил Вернон, не замечавший ничего, кроме звука собственного голоса. – Так вот, отец послал меня сюда, чтобы я передал присутствующим очень важное сообщение. Он сказал, что в

это тяжелое время ожидает от жителей города проявления истинно братских и христианских чувств. Мистер Вандеркамп, сэр?

– Я слушаю тебя, Вернон, – отозвался старик.

– Прошу вас составить список имен тех, кто, чувствуя в себе силы и повинаясь душевному порыву, возьмет у вас лопаты и другие принадлежности, необходимые для помощи обитателям Брутона. Мой отец будет вам очень благодарен за это.

– Рад буду служить ему, – отозвался мистер Вандеркамп-старший. Он был богат, но не настолько, чтобы посметь отказать Мурвуду Такстеру.

– Огромное спасибо. Благодаря вашей услуге мой отец всегда сможет иметь под рукой список на случай роста процентных ставок, что всегда может случиться в наше беспокойное время. По мнению отца, люди, которые всегда готовы прийти на помощь своим соседям, заслуживают особого поощрения.

Вернон улыбнулся и окинул взглядом аудиторию:

– Кто-нибудь желает что-то сказать?

Никто не пожелал ничего сказать. Довольно сложно вести о чем-то разговор с голым человеком. Его можно, конечно, спросить, почему на нем нет одежды, но в зале не нашлось никого, кто решился бы затронуть эту опасную тему.

– В таком случае, я думаю, цели нашей миссии для всех ясны, – заключил Вернон свое выступление. – Желаю удачи.

Поблагодарив мэра Своупа за предоставленное ему слово, Вернон спустился и покинул зал тем же путем, каким и пришел. Море снова расступилось перед ним и сомкнулось за его спиной.

Минуту-другую все сидели молча, по-видимому ожидая, пока Вернон Такстер покинет зону слышимости. Потом один из присутствующих рассмеялся, его смех подхватил кто-то еще, а затем Демон начала хохотать во все горло и прыгать на месте. Однако на весельчаков зашикали, чтобы они заткнулись. Несколько минут зал напоминал некое веселое подобие ада.

– Спокойствие! Прошу всех успокоиться! – кричал мэр Своуп.

Шефу пожарных Марчетту этого показалось мало, и, вскочив с места, он заревел, как сирена, призывая к тишине.

– Это шантаж, черт возьми! – закричал мистер Моултри. – Никак по-другому эту ерунду не назовешь!

Несколько человек его поддержали, но остальные, в том числе мой отец, крикнули Моултри, чтобы тот замолчал и дал возможность высказаться шефу пожарной команды.

Вот так все и уладилось: Марчетт объявил, что те, кто желает работать, должны немедленно отправляться в Брутон, где у моста с горгульями река уже подступила к ближайшим домам. Кроме того, нужны несколько добровольцев, чтобы погрузить в машину лопаты, кирки и другой инвентарь из скобяной лавки мистера Вандеркампа.

Когда Марчетт покончил со своими распоряжениями, стало понятно, насколько велика власть Мурвуда Такстера: все как один, включая даже мистера Моултри, отправились в Брутон.

По узким улочкам Брутона уже струились потоки. В воде хлопали крыльями цыплята, плыли собаки. Дождь ударил с новой силой, ритмично, словно выводя какую-то нехитрую мелодию, застучал по жестяным крышам. Темнокожие люди выносили свои пожитки из деревянных домиков и перетаскивали на более высокие места, пытаясь спасти хоть что-нибудь. Машины и грузовики, шедшие из Зефира, гнали перед собой волны, которые расходились во все стороны по затопленным дворикам и разбивались о каркасы домов, образуя пену.

– Да, река разошлась не на шутку, – пробормотал отец.

На лесистом берегу реки, стоя по колено в воде, уже всюду трудилось большинство населения Брутона. Стена из земли и глины росла прямо на глазах, но река была ненасытна.

Оставив пикап возле общественного баскетбольного зала Центра досуга Брутона, где уже собралось много машин, мы побрели к реке. Над медленно, но неуклонно поднимавшейся водой клубился туман, в котором беспорядочно металась лучи фонарей. Над головами полыхали молнии, грохотал гром. Со всех сторон неслись призывы работать быстрее и усерднее. Мама схватила меня за руку, крепко сжала ее и уже не выпускала, а отец прошел вперед, чтобы присоединиться к группе мужчин из Брутона. К реке задом подали самосвал, полный песка. Какой-то негр подсадил отца в кузов, и они принялись насыпать в небольшие пеньковые мешки песок и скидывать их вниз, к дамбе, другим насквозь промокшим людям.

– Эй, вы там! Эй, там! – закричал кто-то. – Она же не выдержит!

Голоса накладывались друг на друга, сливались, как лучи фонариков. В них слышался испуг. Мне тоже стало страшно.

Когда стихия выходит из-под контроля, в человеке пробуждается первобытный страх. Мы привыкли верить, что являемся хозяевами своих владений, что Бог дал нам землю для того, чтобы мы, люди, на ней правили. Эта иллюзия необходима нам, как хороший ночник. Правда куда ужаснее: наши тела так же хрупки и непрочны, как молодые деревца под напором урагана, а наши любимые дома от сплавного леса отделяет лишь один паводок. Мы уходим корнями в содрогающуюся от трепета землю, мы живем там, где поднимались и рассыпались в прах горы и где превращались в туманную мглу доисторические моря. Мы и построенные нами города не вечны, да и сама земля – лишь проходящий поезд. Когда вы стоите в мутной илистой воде, которая доходит вам до пояса, и слышите, как из темноты кричат люди, тщетно пытающиеся сдержать напор неумолимого течения, вы наконец осознаете истину: нам не победить, но мы не имеем права сдаваться. Под проливным дождем, на уходившем из-под ног речном берегу не было ни одного человека, который хоть на секунду поверил бы в то, что Текумсе можно остановить. Такого не случилось никогда. Но, несмотря ни на что, работа продолжалась. Грузовик, полный лопат и другого инструмента, прибыл из скобяной лавки, и мистер Вандеркамп-младший тут же принялся выдавать лопаты, а получившие инструмент записывали свои имена на листке, укрепленном на дощечке с зажимом. Преграда из земли и мешков с песком продолжала расти, но речная вода тем не менее проникала сквозь эту баррикаду, подобно коричневому супу, вытекающему наружу из беззубого старческого рта. Вода поднялась еще выше, скрыв пряжку моего ремня.

Зигзаги молний прорезали небо, и вслед за каждой вспышкой раздавался раскат грома такой силы, что нельзя было расслышать даже пронзительного визга испуганных женщин.

– Как близко ударило! – воскликнул преподобный Ловой, сжимая в руках лопату. Он казался вылепленным из глины.

– Свет гаснет! – крикнула через несколько секунд какая-то чернокожая женщина.

И действительно, Брутон и Зефир начали медленно погружаться во тьму. Я видел, как мигают и гаснут огни в окнах. Через мгновение весь мой родной городок лежал во тьме: невозможно было различить, где небо, а где вода. Где-то далеко от Брутона, но определенно в пределах

Зефира, в окне какого-то дома мерцало пламя свечи. С минуту я следил, как едва заметный огонек перемещается из одного окна в другое. Довольно скоро я понял, что смотрю на особняк мистера Мурвуда Такстера в возвышенной части Темпл-стрит.

Дальнейшее я сперва почувствовал, а лишь потом увидел.

Появившийся слева от меня человек некоторое время молча меня рассматривал. Он стоял, держа руки в карманах своего длинного непромокаемого пальто. Вслед за ударом грома завыл ветер, разметавший мокрые полы дождевика незнакомца, и у меня замерло сердце: я вспомнил тот силуэт в лесу у озера Саксон.

Постояв немного рядом с нами, незнакомец направился в сторону дамбы. Это был высокий и сильный мужчина, в движениях его чувствовались целеустремленность и сила. Лучи от фонарей на мгновение скрестились в воздухе, словно в фехтовальном поединке, и человек в дождевике вошел в перекрестие света. Мне не удалось разглядеть лицо незнакомца, но зато я увидел кое-что другое.

Голову незнакомца покрывала насквозь промокшая шляпа-федора, с которой каплями стекала дождевая вода. Шляпная лента была скреплена серебряной пряжкой размером с полдоллара, а из-под пряжки торчало маленькое декоративное перо.

Перо, потемневшее от сырости, но блеснувшее в свете фонарей явственным зеленоватым отливом.

Точно таким же, как и у пера, которое я отлепил от подошвы кеда в то памятное утро у озера.

Мысли лихорадочно металась в голове. Могло ли оказаться так, что под пряжкой этой шляпы когда-то была пара декоративных перьев, пока ветер не вырвал одно из них?

Один фонарный луч, побежденный, отступил. Другой, поколебавшись, тоже метнулся прочь. Человек в шляпе с зеленым пером и дождевике, пройдя в каких-то восьми футах от меня, ушел в темноту.

– Мама! – позвал я. – Мама!

Незнакомец все дальше и дальше уходил от нас. На ходу он поднял руку, чтобы придержать шляпу.

– Мама! – снова позвал я.

Наконец расслышав меня сквозь шум, она спросила:

– Что такое?

– Мне кажется... мне кажется...

Но я не знал в тот момент, что в точности мне казалось и что я испытывал. Ведь я не мог сказать наверняка, был ли этот человек именно тем, кого я видел на опушке леса через дорогу от озера.

Незнакомец уходил от нас, шаг за шагом рассекая коричневую воду.

Вырвав руку из маминой ладони, я бросился вслед за ним.

– Эй, Кори! – крикнула она. – Кори! Сейчас же дай мне руку!

Я слышал ее, но не послушался. Вокруг меня плескалась вода, но я упрямо шел вперед.

– Кори! – закричала мама.

Мне нужно было увидеть его лицо.

– Мистер! – крикнул я.

Но вокруг стоял такой шум от дождя, бушующей реки и суеты вокруг дамбы, что незнакомец не услышал меня. А даже если он и слышал мои крики, я был уверен, что он не оглянется. Я чувствовал, как течение Текумсе срывает с моих ног ботинки. Я по пояс увяз в холодной жидкой грязи. Человек в дождевике направлялся к берегу реки, туда, где находился мой отец. Лучи фонарей раскачивались и метались из стороны в сторону, их мерцающий свет упал на правую руку мужчины как раз в тот миг, когда он вытащил ее из кармана.

Что-то металлическое блеснуло в его руке.

Что-то, имевшее острые очертания.

Мое сердце ушло в пятки.

Человек в шляпе с зеленым пером направлялся к реке, чтобы встретиться с моим отцом. Он планировал эту встречу, искал ее давным-давно – наверно, еще с тех пор, как отец бросился в озеро вслед за тонувшей машиной. А что, если незнакомец воспользуется ситуацией – шумом, суетой, дождливой мглой – и вонзит нож отцу в спину? Я попытался найти отца взглядом, но не смог этого сделать: все люди казались безликими отблесками, неотличимыми друг от друга силуэтами, изо всех сил пытающимися предотвратить неизбежное.

Незнакомец преодолевал течение гораздо быстрее меня, и расстояние между нами увеличивалось. Я ринулся вперед, пытаюсь одолеть реку, но поскользнулся и погрузился в илистую воду, сомкнувшуюся у меня над головой. Я стал колотить руками, пытаюсь ухватиться за что-нибудь и вынырнуть, но не нашел никакой опоры. Ноги провалились в жидкую грязь. В голове пронеслась паническая

мысль, что я никогда уже не сумею глотнуть воздуха. Я плескался и качался на волнах, а потом кто-то схватил и приподнял меня, так что грязная вода медленно стекла с моего лица и волос.

– Я вытащил тебя, – сказал мне мужской голос. – Все в порядке.

– Кори! Что с тобой? – Это был голос моей матери, и в нем звучал неподдельный страх. – Ты что, с ума сошел?

– Похоже, он попал ногой в яму, Ребекка.

Мужчина поставил меня на твердую почву, которую я теперь ощущал ногами, хотя стоял по пояс в воде. Я вытер с глаз комки грязи и увидел над собой лицо доктора Кертиса Пэрриша, одетого в дождевик и непромокаемую шляпу. Шляпу без всякой ленты, серебряной пряжки и зеленого пера. Я оглянулся по сторонам в поисках фигуры человека, которого только что пытался догнать, но она уже успела слиться с человеческими силуэтами у речного берега. Он был там с ножом, вытасканным из кармана.

– Где папа? – пролепетал я, вновь впадая в лихорадочное состояние. – Мне нужно обязательно разыскать папу!

– Тихо-тихо, успокойся. – Доктор Пэрриш положил руку мне на плечо. В другой руке он держал фонарь. – Том где-то там.

Доктор осветил лучом фонаря группу перемазанных в глине людей. Он указывал совсем не то направление, куда ушел человек в шляпе с зеленым пером. Но я увидел там отца, работающего лопатой между каким-то чернокожим и мистером Ярброу.

– Видишь его?

– Да, сэр.

Я снова завертел головой, отыскивая таинственную фигуру в дождевике и шляпе-федоре. Но фигура исчезла.

– Кори, больше не смей убежать! – прикрикнула на меня мама. – Чуть не до смерти меня напугал!

Она крепко, как тисками, стиснула мою руку.

Док Пэрриш был грузный человек лет сорока восьми – сорока девяти, с квадратной крепкой челюстью и носом, расплюснутым в ту пору, когда он служил в армии сержантом и был чемпионом по боксу. Теми же руками, что выгребли меня со дна подводной ямы и поставили на ноги, доктор Пэрриш принял меня при родах из утробы матери. У дока Пэрриша были густые темные брови над глазами цвета

стали и темно-каштановые волосы. На висках пробивалась седина, выглядывавшая из-под полей его непромокаемой шляпы.

– Мистер Марчетт сказал мне, что в местной школе открыли спортивный зал, – сказал док Пэрриш маме, – там можно разместиться. Туда уже принесли масляные лампы, одеяла и раскладушки. Вода быстро поднимается, поэтому женщинам и детям лучше идти туда.

– Нам тоже нужно туда пойти?

– Не будет никакой пользы, если вы с Кори останетесь стоять здесь, посреди этого хаоса.

Док Пэрриш указал своим фонарем в противоположную от реки сторону, где на баскетбольной площадке, превратившейся в болото, мы оставили свою машину.

– Туда приезжает грузовик и забирает всех, кто хочет укрыться в спортивном зале. Через несколько минут там как раз должна появиться очередная машина.

– Но тогда папа не будет знать, где мы! – возразил я. Шляпа с зеленым пером и нож все еще не выходили у меня из головы.

– Я ему передам. Тому будет спокойнее, когда он узнает, что вы оба в безопасности. И скажу честно, Ребекка: если дело так пойдет и дальше, к утру мы сможем ловить рыбу из окон.

Дополнительных приглашений нам не потребовалось.

– Моя Брайти уже там, – сказал доктор Пэрриш. – Поспешите, чтобы успеть на следующий грузовик. Вот, возьмите.

Док Пэрриш отдал маме свой фонарь, и мы заторопились прочь от разбушевавшейся Текумсе в сторону баскетбольной площадки.

– Держись за мою руку и ни в коем случае не отпускай! – строго предупредила меня мама.

Вокруг нас бурлили речные воды. Оглянувшись, я сумел разглядеть только движущиеся в темноте огни, их отблески на поверхности мутной воды.

– Смотри лучше под ноги! – прикрикнула на меня мама.

Дальше по берегу реки, за тем местом, где работал отец, голоса стали звучать все громче, и вот уже люди что-то кричали нестройным хором. Тогда я еще этого не знал, но, как потом выяснилось, именно в тот момент волна перехлестнула через земляную дамбу в самом высоком ее месте, река прорвалась через преграду, и вода, крутясь и

пенясь, залила людей по самые локти. В илистой пене луч фонаря на миг выхватил чешую с коричневыми крапинками, и кто-то истошно завопил:

– Змеи!

В следующее мгновение люди с изумлением наблюдали за извивающимися в потоках воды змеями. Мистер Стелко, управляющий кинотеатром «Лирик», постарел на десяток лет, когда, протянув руку, чтобы за что-то ухватиться, ощутил движущееся мимо него в завихрениях воды покрытое чешуей тело размером не менее бревна. Мистер Стелко обмочился от страха, а когда наконец нашел в себе силы исторгнуть из легких крик, чудовищное пресмыкающееся уже промчалось мимо, унесенное паводком на улицы Брутона.

– Помогите! Кто-нибудь, помогите! – раздался где-то рядом с нами женский крик.

Мама сказала мне:

– Подожди.

Кто-то приближался к нам с громким плеском, неся высоко над головой масляную лампу. Капли дождя, ударявшие в раскаленное стекло лампы, с шипением превращались в пар.

– Помогите мне, умоляю! – крикнула она нам.

– В чем дело? – спросила мама, осветив фонарем лицо охваченной паникой молодой темнокожей женщины. Мне она была незнакома, но мама узнала ее. – Нила Кастайл? Это ты?

– Да, мэ, это я, Нила. А вы кто?

– Ребекка Маккенсон. Когда-то я читала твоей матери книги.

Должно быть, это происходило задолго до моего рождения, сообразил я.

– С моим отцом несчастье, миз Ребекка! – запричитала Нила Кастайл. – Должно быть, у него сдало сердце.

– Где он?

– В нашем доме! Вон там!

Нила указала рукой в темноту. Вокруг ее талии бурлила вода. Мне она доходила уже до груди.

– Он не может подняться!

– Я поняла, Нила. Успокойся.

Моя мама, способная ощутить кожей и преувеличить до невероятных размеров малейшую опасность, обладала поразительным

свойством излучать спокойствие, когда в утешении нуждался кто-то другой. Это, как я теперь понимаю, составляет часть сущности любого взрослого. В минуты опасности мама могла проявить качества, которые прискорбным образом отсутствовали у деда Джейберда, – стойкость и отвагу.

– Покажи дорогу, – сказала мама молодой негритянке.

Вода уже врывалась в дома Брутона. Жилище Нилы Кастайл, как и большинство других здешних домов, представляло собой узкую серую лачугу. Когда мы вошли в дом вслед за Нилой, река уже бушевала вокруг нас.

– Гэвин! Я вернулась!

В свете масляной лампы Нилы и маминого фонаря мы увидели чернокожего старика, сидящего в кресле. Вода доходила ему до колен, вокруг кружились в водовороте газеты и журналы. Он стискивал пятерней рубашку на груди возле сердца, его лицо цвета черного дерева было искажено от боли, а глаза крепко зажмурены. Рядом со стариком стоял, держа его за руку, маленький мальчик лет семи-восьми.

– Мама, дедушка плачет, – сообщил он Ниле Кастайл.

– Я знаю, Гэвин. Папа, я привела людей помочь тебе.

Нила Кастайл поставила на стол лампу.

– Ты слышишь меня, папа?

– О-о-ох-х-х, – застонал старый негр. – На этот раз меня крепко прихватило.

– Мы поможем тебе подняться. Надо выбираться отсюда.

– Нет, дорогуша. – Старик покачал головой. – Ноги старые... отказали.

– Что же нам делать? – спросила Нила, взглянув на мою мать, и я увидел, что в глазах у нее блестят слезы.

Река уже ломилась в домик Нилы. Снаружи грохотал гром, и комнату то и дело озаряли вспышки молний. Если бы все это являлось частью телевизионного шоу, сейчас наступало самое подходящее время для рекламы.

Но в реальной жизни нет места паузам.

– Нужна тачка, – сказала мама. – Нет ли ее у вас?

Нила ответила, что у них нет тачки, но они несколько раз брали ее взаймы у соседей, и она, наверно, стоит у них на заднем крыльце.

– Кори, ты остаешься здесь, – сказала мама и вручила мне масляную лампу.

Наступил мой черед быть храбрым, хотел я этого или нет. Мама и Нила ушли и унесли с собой фонарь, а я остался в заливаемой водой комнате вместе с маленьким мальчиком и беспомощным стариком.

– Я Гэвин Кастайл, – сказал негритенок.

– А я Кори Маккенсон, – представился я.

Нелегко поддерживать разговор, когда ты стоишь по пояс в коричневой воде и мерцающий свет жалкой лампы едва разгоняет тьму.

– А это мой дедушка, мистер Букер Торнберри, – объяснил мне Гэвин, ни на мгновение не отпуская руки старика. – Ему нездоровится.

– Почему вы не вышли наружу вместе со всеми?

– Потому, паренек, – ответил мне мистер Торнберри, слегка приподнявшись со своего места, – что это *мой* дом. И я не боюсь какой-то проклятой реки.

– Но ведь все остальные боятся, – заметил я, имея в виду: *все, кто в здравом уме.*

– Другие могут драпать, если им так хочется, – отозвался мистер Торнберри, и я почувствовал в нем такое же несокрушимое упрямство, которым отличался мой дед Джейберд.

Сказав это, старик содрогнулся от нового приступа боли. Он медленно закрыл и снова открыл свои темные глаза, выделяющиеся на фоне его худого лица, и пристально посмотрел на меня.

– В этом доме умерла моя Рубинель. Прямо здесь. И я тоже не собираюсь умирать в больнице для белых.

– Разве вы хотите умереть? – спросил я его.

Казалось, старик несколько секунд обдумывал мой вопрос.

– Я хочу умереть в своем собственном доме, – наконец ответил он.

– Вода все прибывает, – сказал я. – Все, кто останется, могут утонуть.

Старик нахмурился. Потом повернул голову и посмотрел на маленькую черную руку внука, сжимавшую его ладонь.

– Деда водит меня в кино на мультики! – сообщил мне стоявший уже по горло в воде Гэвин, словно привязанный к худой черной руке старика. – Мы видели «Песенки с приветом».

– Багза Банни, – подхватил старик. – Мы видели старину Багза Банни и того зайку, что похож на свинью. Верно, внучок?

– Да, сэр, – отчеканил Гэвин и улыбнулся. – И скоро мы снова пойдем на мультики. Верно, деда?

Мистер Торнберри ничего не ответил. Гэвин ни за что не хотел отпускать его руку.

И тогда я понял, что такое настоящая смелость. Это когда ты любишь кого-то больше самого себя.

Вскоре вернулись мама и Нила Кастайл с тачкой.

– Мы посадим тебя в нее, папочка, – принялась упрашивать старика Нила. – Мы отвезем тебя туда, куда приезжает грузовик и всех забирает. Так говорит миз Ребекка.

Мистер Торнберри глубоко и натужно вздохнул, задержал дыхание на несколько секунд и только потом выдохнул.

– Проклятье, – прошептал он. – Старый мотор у старого дурня.

На последнем слове его голос чуть дрогнул.

– Позвольте нам помочь вам, – сказала ему мама.

Мистер Торнберри кивнул.

– Ладно, – проговорил он. – Пора смываться, верно?

Мама с Нилой пересадили мистера Торнберри в тачку, но быстро поняли, что, хоть он и казался с виду весьма тощим, придется затратить немало усилий, чтобы толкать тачку с ним, да еще и следить, чтобы голова оставалась над водой. Кроме того, я видел и другое серьезное затруднение: на улице, залитой паводком, Гэвина наверняка накроет с головой. Течение мгновенно унесет его, как пустой кукурузный початок. Кто сумеет удержать его?

– Нам придется вернуться за мальчиками, – приняла решение мама. – Кори, встаньте с Гэвином на этот стол, ты будешь держать лампу.

Вода в доме поднялась уже до уровня столешницы, но пока что она могла спасти нас от наводнения. Я послушно забрался на стол, Гэвин последовал моему примеру. Мы стояли рядом на островке из соснового дерева, я держал лампу.

– Вот так, отлично, – сказала мне мама. – Кори, отсюда ни на шаг. Если ты вздумаешь слезть отсюда, то я тебя так выпорю, что на всю жизнь запомнишь. Понятно?

– Да, мэм.

– Гэвин, мы сейчас вернемся, – сказала Нила Кастайл. – Только отвезем дедушку туда, где ему помогут другие люди. Ты меня понял?

– Да, мэ, – ответил Гэвин.

– Ребятишки, слушайте своих мам, – проскрежетал мистер Торнберри искаженным от боли голосом. – Не будете слушаться – я отхожу по попам вас обоих.

– Понятно, сэр, – хором ответили мы с Гэвином.

Мне показалось, что мистер Торнберри потерял охоту умирать и решил пожить еще немножко.

Навалившись на ручки с двух сторон, мама и Нила Кастайл принялись толкать тачку к двери, преодолевая поток коричневой воды. Мама, кроме того, еще и держала фонарь. Они подняли тачку так высоко, как только могли, а мистер Торнберри приподнял голову, так что на его тощей шее натянулись все жилы. Я слышал, как мама кряхтит от напряжения. Медленно, но верно тачка продвигалась по направлению к двери, и они вытолкнули ее за дверь, на затопленное крыльцо, где кружилась в водовороте река. У основания ступенек лестницы из шлакобетона вода доходила мистеру Торнберри до шеи, плескала ему в лицо.

Мама и Нила Кастайл покатали тачку прочь от дома; течение, подталкивая их в спину, помогало везти груз. Мне прежде не приходило в голову, что мама – физически сильная женщина. Думаю, никогда нельзя сказать наверняка, на что человек способен, пока обстоятельства не вынудят его действовать.

– Кори! – позвал меня Гэвин вскоре после того, как мы с ним остались вдвоем.

– Что, Гэвин?

– Я не умею плавать.

Он крепко прижался ко мне. Теперь, когда рядом с Гэвином больше не было дедушки и ему больше не было нужды продемонстрировать свою храбрость, он задрожал.

– Не беспокойся, – заверил я его. – Тебе и не придется никуда плыть.

По крайней мере, я на это надеялся.

Мы терпеливо ждали. Конечно, они скоро вернутся. Вода уже заливала наши размокшие ботинки.

Я поинтересовался у Гэвина, не знает ли он какие-нибудь песни, и тот ответил, что как раз знает песню «На верхушке старой трубы»,

которую тут же затянул высоким и дрожащим, но не лишенным приятности голоском.

Его пение, похожее по манере на тирольский йодль, не осталось незамеченным: кто-то отчаянно заплескался в дверном проеме. У меня от страха перехватило дыхание, и я поспешно направил туда фонарь.

Это была коричневая собака, вся измазанная в грязи. В свете лампы глаза пса дико блестели. Хрипло дыша, он поплыл в нашу сторону через комнату, среди плавающих в воде газет и прочего мусора.

– Давай, друг, плыви! – крикнул я, передавая Гэвину лампу.

Друг это был или подруга – существенного значения не имело, главным для собаки было обрести опору. Собака взвизгнула и заскулила, когда волна, проскользнув через дверь, подняла и опустила ее. Вода с шумом ударила в стену.

– Давай, дружище!

Я наклонился, чтобы помочь барахтающейся в воде собаке взобраться на стол, и схватил ее за передние лапы. Розовый язык животного, освещенный тусклым желтым светом лампы, вывалился наружу. Казалось, она зовет ко мне, как утвердившийся в вере христианин к своему Спасителю.

Я уже поднимал пса за передние лапы, когда почувствовал, как он содрогнулся.

В тот же миг раздался отчетливый *хруст*.

Все произошло очень быстро.

Из темной воды появились голова и плечи собаки, но вдруг я осознал, что она заканчивается на середине спины: вторая половина тела отсутствовала – ни задних лап, ни хвоста, ничего, кроме зияющей дыры, из которой хлынул поток черной крови и кишок в облаке пара.

Пес коротко всхлипнул и умолк. Его лапы еще несколько раз дернулись, а глаза неотрывно глядели на меня: страдание, которое наполняло их, никогда не изгладится из моей памяти.

Я заорал – что именно я в тот момент кричал, конечно же, не помню – и выпустил из рук месиво, некогда бывшее собакой. Оно с плеском упало в воду, ушло вглубь, снова всплыло, причем передние лапы по-прежнему пытались грести. Гэвин прокричал что-то нечленораздельное, кажется про потоп на Марсе. А потом водоворот закружился вокруг половинки туловища собаки, внутренности

тянулись за ней наподобие ужасного хвоста. И тут поверхность воды вспорол тело какого-то чудовища.

Его покрывала чешуя, формой напоминая бриллианты, а цветом – осеннюю листву бледно-коричневого, ярко-пурпурного, густо-золотого и темно-желтого оттенков. Вся палитра речных красок тоже здесь присутствовала – от тинной охры до розоватого лунного цвета. Я заметил целую поросль мидий, прилепившихся к бокам чудовища, глубокие борозды старых шрамов и несколько застрявших рыболовных крючков, уже заржавевших. Я видел перед собой туловище толщиной не меньше ствола старого дуба, медленно, с явным удовольствием переворачивающееся в воде. Я был не в состоянии сдвинуться с места, хотя рядом вопил от ужаса Гэвин. Я отлично знал, кого вижу перед собой. И пусть мое сердце отчаянно колотилось и у меня перехватило дыхание, клянусь: эта тварь была так же прекрасна, как и любое из Божьих творений.

Потом мне вспомнился зазубренный клык, вошедший, как лезвие, в кусок дерева, – тот, что мне показывал мистер Скалли. Был Мозес красив или нет, но собаку он просто разорвал надвое.

И он еще не насытился. Громадные челюсти раскрылись так быстро, что мое сознание даже не успело это зафиксировать, и блеснули клыки, на один из которых был нанизан старый башмак, а на другой – еще трепещущая серебристая рыба. Поток воды с глухим ворчанием устремился в пасть чудовища, засосавшего своими челюстями оставшуюся половину собачьего трупа. Потом пасть осторожно закрылась, словно монстр наслаждался вкусом лимонных леденцов в кинотеатре «Лирик». На миг я поймал на себе взгляд узкого бледно-зеленого, покрытого студенистой пленкой кошачьего глаза величиной с бейсбольный мяч.

А потом Гэвин сорвался со стола и шлепнулся в воду. Лампа, которую он держал, с шипением погасла.

Я и не думал о том, чтобы быть храбрым. Но и о том, что боюсь, не думал тоже.

«Я не умею плавать».

Именно об этом я тогда подумал.

Я спрыгнул со стола туда, куда только что упал Гэвин. Вода, густая от ила, доходила мне до плеч. Это означало, что Гэвину было как раз по ноздри. Он бил по воде всеми четырьмя конечностями. Когда я

обхватил его за талию, он чуть не оторвал мне руки, вероятно решив, что его сцапал Старый Мозес.

– Гэвин! Это я, прекрати пинаться! – крикнул я и приподнял его лицо над водой.

– Уг-ыг-уг, – пробурчал он, как залитый водой мотор, у которого пытаются привести в действие свечи зажигания.

Где-то позади меня в затопленной темной комнате послышался тихий шум, словно кто-то поднимался из воды.

Я быстро обернулся. Гэвин взвизгнул и обеими руками схватил меня за шею, чуть не задушив.

И тут я наконец увидел, что представляет собой Старый Мозес. Огромный, ужасный – от его вида захватывало дух, – он, как живое бревно, поднимался из воды. Голова Мозеса выглядела треугольной и плоской, как у змеи, но я все-таки до сих пор уверен, что он был не просто змеей, поскольку прямо под шеей имел пару небольших лап с длинными и тонкими когтями. Хвост Мозеса с такой силой бил в стену, что содрогался весь дом. Голова чудовища ударила в потолок. Из-за того что Гэвин стискивал мне горло, мое лицо стало наливаться кровью.

Не видя глаз Мозеса, я все же знал, что он смотрит на нас: ведь монстр был способен разглядеть рыбину ночью в илистой воде. Я чувствовал, что он следит за нами, – ощущение было сродни тому, которое испытываешь, когда к твоему горлу приставлено холодное лезвие ножа. Оставалось надеяться, что мы с Гэвином не слишком напоминали ему собак.

От Старого Мозеса исходил такой же запах, как от реки в полдень, – запах болота, испарений – терпкий аромат жизни. Было бы явным преуменьшением сказать, что этот зверь внушал мне почтение, скорее благоговейный трепет. И все же в тот момент я желал только одного – оказаться где угодно на земле, пусть даже в школе, но только не здесь. Впрочем, времени на размышление у меня оставалось немного: змеиная голова Старого Мозеса начала опускаться по направлению к нам с Гэвином. Она напоминала торцевую часть парового экскаватора. Услышав, как с шипением раскрываются его челюсти, я попятился и крикнул Гэвину, чтобы он меня отпустил, но мальчик вцепился в меня мертвой хваткой. На его месте и я бы поступил точно так же. Голова Старого Мозеса метнулась к нам, и я отпрянул, очутившись в узком

коридорчике, о существовании которого до этого не знал. Челюсти Старого Мозеса вонзились в дверную раму по обе стороны от нас. Неудача взбесила Мозеса. Он попятился и снова ринулся вперед. Результат оказался тем же, но на этот раз дверной косяк треснул. Гэвин плакал, издавая звуки вроде «хнык-хнык-хнык». Пенная волна, поднятая перемещениями Мозеса, плеснула мне в лицо, накрыв с головой. Что-то толкнуло меня в правое плечо – от страха по спине побежали мурашки. Я протянул руку и обнаружил метлу, плавающую среди прочего мусора.

Старый Мозес испустил рык, подобный тому, что издает паровоз, продувая свое нутро. Я увидел, что устрашающие очертания его головы возникли в начале коридорчика, и вспомнил Тарзана в исполнении Гордона Скотта, с копьём в руке сражающегося с гигантским питоном. Я схватил метлу и, когда зубы Старого Мозеса снова ударили в дверь, загнал ее прямо в разверстную глотку этого пожирателя собак.

Уверен, вы отлично знаете, что случится, если вы засунете палец себе в горло. По всей вероятности, то же самое происходит и с чудовищами. Старый Мозес рыгнул столь громко, словно гром прогремел в бочке. Голова чудища дернулась назад, так что метла вырвалась из моих рук, а ее щетка из кукурузных стеблей застряла в глотке Мозеса. После этого Старого Мозеса начало рвать – иначе я не могу это описать. Я услышал, как потоки жидкости и все отвратительное содержимое желудка Мозеса извергаются из его рта. В нас с Гэвином полетели рыбины, некоторые из них – все еще трепещущие, другие – давно мертвые, а также вонючие раки, черепаший панцири, мидии, покрытые слизью камни, ил и кости. Запах стоял такой... в общем, вы представляете. В сто раз хуже, чем бывает, когда ваш школьный товарищ вываливает из желудка свою утреннюю овсянку прямо на парту. Я окунулся с головой, чтобы спастись от этого мерзкого душа. Гэвину, само собой, пришлось сделать то же самое, хотел он того или нет. Сидя под водой, я думал о том, что Старому Мозесу следует проявлять большую разборчивость к тому, что он собирает со дна Текумсе.

Вокруг нас бурлила и клокотала вода. Я вынырнул на поверхность, и следом появилась голова Гэвина, который хватал ртом воздух, что-то истошно крича. И тогда я тоже завопил во все горло.

– Помогите! – надрывался я. – Кто-нибудь, помогите нам!

В комнату ворвался луч фонаря и, скользнув по взбаламученной воде, ударил мне в лицо.

– Кори! – раздался голос, в котором слышался упрек. – Я велела тебе не сходить с места!

– Гэвин? Гэвин? Где ты?

– Господи боже мой! – ужаснулась мама. – Чем тут так воняет?

Вода в комнате перестала бурлить. Я догадался, что Старый Мозес уже не сможет воспрепятствовать воссоединению двух матерей с их сыновьями. Дохлая рыба плавала в вязкой коричневой жиже, но мама не обращала на это никакого внимания – ее взгляд был прикован ко мне.

– Я надеру тебе задницу, Кори Маккенсон! – закричала она, пробираясь в дом вместе с Нилой Кастайл.

Но когда они угодили в плавающую в воде массу, исторгнутую из желудка монстра, по возгласу, который издала мама, я понял, что она больше не помышляет о порке.

Будем считать, что мне повезло.

Глава 7

Визит к Леди

Никто из моих друзей, конечно, мне не поверил.

Дэви Рэй Коллан посмеялся надо мной, качая головой, и сказал, что он при всем старании не смог бы выдумать лучшей истории. Бен Сирс с сомнением взглянул на меня, видимо думая о том, не слишком ли много в последнее время я смотрел в «Лирике» ужастиков. Джонни Уилсон некоторое время размышлял над моим рассказом в своей замедленно-обстоятельной манере, после чего высказал свое мнение:

– Нет, это невозможно.

– Но я говорю правду!

Я сидел вместе с друзьями в тени, на крыльце моего дома. Стоял ясный день с прозрачно-голубым небом.

– Клянусь, все так и было!

– В самом деле? – переспросил Дэви Рэй, самый язвительный и остроумный среди нас, мастер сочинять потрясающие истории.

Подняв свою рыжеватую голову, он взглянул на меня бледно-голубыми глазами, в глубине которых всегда таился заразительный смех.

– И почему же, интересно, Старый Мозес не сожрал вас? Неужели он испугался *метлы*, которой ему угрожал такой дохляк, как ты?

– Не знаю, – ответил я запальчиво. – К сожалению, в тот день я не захватил с собой лучевое ружье для истребления монстров. Но все произошло именно так, как я рассказываю, и если ты спросишь...

– Кори, – тихо сказала мама, появившись в дверях, – думаю, вам пора прекратить разговоры на эту тему.

Так я и сделал, поняв, что имела в виду мама. Нет смысла заставлять кого-то поверить в то, во что он не хочет верить. Например, я чувствовал, что мама тоже не приняла всерьез мою историю, хотя и Гэвин Кастайл, торопясь и путаясь, рассказал обо всем своей матери. Кстати говоря, мистер Торнберри поправился. Он по-прежнему был жив, и с каждым днем сил у него прибавлялось. Насколько я понимал,

он собирался еще не раз сводить своего Гэвина на «Песенки с приветом».

Думаю, друзья скорее поверили бы мне, если бы имели возможность понюхать мою одежду, до того как мама выбросила ее на помойку. Свою дурнопахнущую одежду она тоже выбросила. Отец молча выслушал мой рассказ и только покивал. Он сидел, держа перед собой руки с забинтованными пальцами и ладонями, на них от многочасовой работы лопатой вздулись огромные волдыри.

– Единственное, что я могу сказать, – проговорил отец, – на свете существуют такие вещи, которые нам не понять, будь у нас хоть сто жизней. Слава богу, что и ты, и мама остались целы и что во время наводнения никто не утонул. А как у нас насчет обеда?

Прошли две недели. Апрель остался позади, наступили солнечные майские деньки. Река Текумсе, напомнив нам, кто здесь главный, преспокойно вернулась в свои берега. В четверти домов Брутона жить стало невозможно, это относилось и к дому Нилы Кастайл. Вот почему со стороны Брутона почти круглые сутки доносился визг пил и стук молотков. Одно было хорошо после дождей и паводка: стоило только пригреть солнышку, и Зефир захлестнуло половодье весенних цветов. Зеленели лужайки, жимолость резко пошла в рост, заросли кудзу покрывали холмы ровным ковром. В двери уже стучалось лето.

Мое внимание полностью поглотила подготовка к выпускным экзаменам. Я никогда не был силен в математике, однако именно по этому предмету мне требовалось получить хорошую отметку, потому что иначе мне пришлось бы – от одной мысли об этом я чувствовал, что задыхаюсь, – посещать летнюю школу.

В часы отдыха я часто размышлял о том, каким образом мне удалось одолеть Старого Мозеса простой метлой из стеблей кукурузы. То, что мне с первого раза повезло угодить чудищу прямо в глотку, выглядело просто удачей, а о том, что иначе могло бы случиться, страшно было и думать. Однако здесь сыграло свою роль и то обстоятельство, что Старый Мозес, существо огромное и злобное, был похож на деда Джейберда: он мог лихо загнать беззащитную дичь, но одного укуса осы оказывалось достаточно, чтобы обратить его в бегство или заставить уплыть, как в нашем случае. Старый Мозес был трусом, – наверно, он привык пожирать тех, кто не способен дать ему отпор: зубаток, черепах и насмерть перепуганных собак, отчаянно бьющих по

воде лапами в тщетных попытках спасти свою жизнь. Получив метлу в глотку, Старый Мозес сообразил, что где-то неподалеку, на дне реки, есть более легкая добыча – прохладный илистый банкетный зал, где никто не посмеет ему сопротивляться.

Такова была моя теория. Но ни за что в жизни я не согласился бы проверить ее путем эксперимента.

Однажды мне приснился человек в длинном пальто и шляпе с зеленым пером. Я брел по воде за ним следом, и, когда схватил его за руку, он повернулся ко мне лицом и оказался вовсе не человеком, а созданием, покрытым не кожей, а чешуей, формой напоминающей бриллианты цвета осенней листвы. Он открывал рот и скалил на меня острейшие, как кинжалы, клыки, а с них капала кровь, стекая с подбородка. Опуская глаза, я понимал, что помешал его трапезе, потому что в лапах существо держало небольшую коричневую собаку, уже наполовину съеденную, но все равно продолжавшую биться.

Не слишком приятный сон.

Хотя, возможно, в нем содержалась некоторая доля правды.

Лишенный собственных колес, я поневоле превратился в пешехода. Я с радостью ходил пешком в школу и обратно, однако у всех моих друзей были велосипеды, и я опустился на пару позиций в мальчишеской табели о рангах.

В одно прекрасное утро я играл с Бунтарем: бросал ему палку и катался с ним по зеленой траве. Вдруг с улицы донеслось гроыхание. Я вскинул голову, Бунтарь сделал то же самое, и мы увидели, что к нашему дому приближается какой-то пикап.

Эта машина была мне знакома – покрытая пятнами ржавчины, с провисшей подвеской, она издавала такой шум, что все окрестные собаки с лаем гнались за ней. Бунтарь тоже пару раз гавкнул, и мне не сразу удалось его успокоить. В кузове пикапа была установлена прикрепленная болтами металлическая рама, на которой в полном беспорядке висели разнообразные металлические инструменты, издававшие безумное дребезжание и казавшиеся столь же древними и бесполезными, как и сам грузовик. На водительской дверце было не слишком ровно намалевано по трафарету: «Починка Лайтфута».

Грузовичок остановился прямо напротив нашего дома. Поднятый им шум привлек мамино внимание, и она тоже вышла на крыльцо. Отца не было дома, мы ожидали его возвращения с работы через час-другой.

Дверца пикапа отворилась, и наружу выбрался длинный костлявый негр в пыльном комбинезоне. Он двигался так медленно, что казалось, будто каждое движение причиняет ему боль. Голова негра была покрыта серой кепкой, а кожа припорошена пылью. Мистер Маркус Лайтфут медленно направился к нашему крыльцу, и, думаю, если бы даже его преследовал разъяренный бык, он вряд ли ускорил бы шаг.

– Доброе утро, мистер Лайтфут, – приветствовала гостя мама, так и не успевшая снять передник. Она готовила еду на кухне и сейчас вытирала руки бумажным полотенцем. – Как поживаете?

Мистер Лайтфут улыбнулся, блеснув белизной маленьких квадратных зубов; из-под кепки выбивались седые волосы. Когда он заговорил, слова вытекали из его рта медленной струйкой, как вода из прохудившейся трубы:

– Доброе утро, миз Маккенсон. Привет, Кори, как дела?

То, что мы услышали, было для Маркуса Лайтфута целой речью. Вот уже тридцать лет он слыл мастером на все руки в Зефире и Брутоне. Унаследовав дело своего отца, мистер Лайтфут снискал славу отличного умельца и, несмотря на свою медлительность, мог починить все, за что брался, вне зависимости от сложности стоящей перед ним задачи.

– Ясный сегодня... – сказал он и замолк, глядя в голубое небо. Секунды текли мучительно медленно.

Бунтарь гавкнул, и я зажал ему морду рукой.

– ...день, – наконец решился мистер Лайтфут.

– Да, в самом деле. – Мама ждала, когда мистер Лайтфут продолжит, но тот просто стоял и молчал, разглядывая наш дом.

Засунув руку в один из своих многочисленных карманов, он вытащил пригоршню мелких гвоздей и принялся пересыпать их из ладони в ладонь, словно тоже чего-то дожидаясь.

– Гм, – прочистила горло мама. – Могу я вам чем-нибудь помочь, мистер Лайтфут?

– Я просто проезжал, – медленно проговорил он тягучим, как патока, голосом, – мимо. Решил узнать, может, вам... – он замолк и еще несколько секунд разглядывал гвозди в своей ладони, – нужно что-то починить?

– Да вроде бы нет. Хотя, если подумать... – Мама замолчала, и я понял, что она действительно вспомнила о чем-то. – Тостер. Позавчера

он вдруг перестал работать. Я уже хотела позвонить, а тут вы сами...

– Да, мэм, – глубокомысленно кивнул мистер Лайтфут. – Время летит так, что и не заметишь.

Мистер Лайтфут возвратился к своей машине и достал оттуда старый металлический ящичек с инструментами, полный болтов и гаек всех видов, о каких только может мечтать мастер. После этого он нацепил на себя пояс, на котором крепилось несколько видов молотков, отверток и каких-то загадочных гаечных ключей. Мама открыла для мистера Лайтфута дверь и придержала ее, а когда он вошел в дом, посмотрела на меня и молча пожала плечами, словно хотела сказать: «Я, как и ты, понятия не имею, с чего это он вдруг заявился».

Я оставил Бунтаря на улице грызть палку и тоже поторопился в дом, чтобы в прохладе кухни выпить чая со льдом и поглазеть на то, как мистер Лайтфут будет колдовать над неисправным тостером.

– Мистер Лайтфут, не хотите ли чего-нибудь выпить? – спросила мама.

– Не.

– У меня есть свежее овсяное печенье.

– Нет-нет, душевно вас благодарю.

С этими словами мистер Лайтфут извлек из кармана квадрат белоснежной ткани, аккуратно развернул и накрыл им сиденье кухонного стула. После чего выдернул тостер из розетки, положил его перед собой на стол рядом с ящичком и уселся на белую ткань. Все это он проделал так медленно, словно плыл под водой.

Мистер Лайтфут выбрал одну из отверток. Он обладал длинными изящными пальцами хирурга или художника. Наблюдать за его работой было мучительным испытанием терпения, но зритель не мог усомниться: мистер Лайтфут знает свое дело. Вскрыв крышку тостера, он несколько минут молча разглядывал внутренности агрегата.

– Ага, – проговорил он после продолжительной паузы. – Ага.

– Что такое? – спросила мама, заглядывая мистеру Лайтфуту через плечо. – Его можно починить?

– Видите вот это? Маленький красный проводок? – Мастер поддел его кончиком отвертки. – Контакт ослабился.

– И только-то? Такой малюсенький проводок?

– Да, мэм, и только.

Мистер Лайтфут принялся аккуратно прикручивать провод в месте соединения. Наблюдая за ним, я испытывал состояние, близкое к гипнотическому.

– Все, – наконец объявил мистер Лайтфут.

После этого он собрал тостер, включил его в сеть, опустил рычажки таймера, и мы увидели, как начали краснеть, накаливаясь, спиральки.

– Иногда... – сказал мистер Лайтфут.

Мы ждали так долго, что мне показалось: я ощущаю рост волос на своей голове.

– ...какая-то мелочь...

Земля повернулась под нашими ногами.

– ...все портит.

Мистер Лайтфут принялся сворачивать свою белую салфетку. Мы немного подождали, но чернокожий мастер либо сбился с мысли, либо действительно все сказал. Мистер Лайтфут оглянулся по сторонам и осмотрел кухню:

– Что-нибудь еще нужно починить?

– Ничего, спасибо. Остальное, кажется, в полном порядке.

Мистер Лайтфут кивнул, но я был уверен, что он ищет скрытые неполадки, словно охотничья собака, вынюхивающая птицу. Он медленно обошел кухню, легонько прикасаясь рукой то к холодильнику, то к четырехконфорочной плите, то к водопроводному крану, словно своими чуткими пальцами определял самочувствие техники. Мы с мамой озадаченно переглянулись: действия мистера Лайтфута становились все более и более загадочными.

– Холодильник, похоже, дребезжит, – заметил он. – Хотите, взгляну?

– Нет, не стоит беспокоиться, – ответила мама. – Мистер Лайтфут, вы хорошо себя чувствуете сегодня?

– Конечно, миз Маккенсон.

Он открыл дверцу буфета и тщательно прислушался к легкому поскрипыванию петель, потом достал из пояса отвертку и подтянул винтики на обеих дверцах. Мама снова откашлялась, на этот раз гораздо более нервно, и проговорила:

– Э-э-э... мистер Лайтфут, сколько я должна вам за тостер?

– Все уже... – начал свой ответ Лайтфут.

После этого были проверены петли кухонной двери, потом Лайтфут подошел к маминому миксеру «мистер Блендер», стоявшему на

кухонном столе, и принялся его рассматривать.

– ...оплачено, – закончил он.

– Оплачено? Но... я не понимаю.

Мама уже успела достать из буфета банку с завинчивающейся крышкой, полную долларовых бумажек и мелочи.

– Да, мэм. Все уже оплачено.

– Но я еще не давала вам никаких денег.

Пальцы мистера Лайтфута погрузились в другой карман комбинезона, и оттуда появился белый конверт. Мистер Лайтфут молча передал его маме, и я заметил, что на лицевой стороне конверта голубыми чернилами написана наша фамилия: «Семье Маккенсон». С другой стороны конверт был запечатан белым воском.

– Что ж, – вздохнул мистер Лайтфут, – думаю, что я закончил... на сегодня.

Он поднял свой ящичек с инструментами.

– *На сегодня?* – потрясенно переспросила мама.

– Да, мэм. Вы же понимаете.

Мистер Лайтфут принялся рассматривать выключатели и розетки, словно пытаюсь проникнуть в глубину их электрической сущности.

– По телефону, – добавил он. – Если что-то сломается.

Он улыбнулся маме, а потом мне:

– Просто позвоните.

Мы проводили мистера Лайтфута до машины. Он помахал нам рукой и уехал на своем старом пикапе под аккомпанемент брэнчания в кузове инструментов на крючках, приводившего соседских собак в неистовство.

– Том ни за что не поверит мне, – сказала мама, обращаясь в основном к самой себе.

Потом открыла конверт, достала оттуда письмо и, развернув, прочитала.

– Вот это да! – удивленно воскликнула она. – Хочешь послушать?

– Да, мэм.

И она прочитала мне письмо:

– «Имею честь просить вас почтить визитом мой дом в семь часов вечера в пятницу. Прошу вас взять с собой сына». И самое интересное: знаешь, от кого оно?

Мама протянула мне письмо, и я увидел подпись.

«Леди».

Когда папа вернулся домой, мама рассказала ему о визите мистера Лайтфута и письме Леди, наверно, раньше, чем он успел снять свою фуражку молочника.

– Что ей нужно от нас, как ты думаешь? – спросил отец.

– Не знаю, но, сдаётся мне, она решила оплатить услуги мистера Лайтфута, чтобы он стал нашим персональным монтером.

Отец снова перечитал письмо Леди.

– У нее отличный почерк, – заметил он, – для такой пожилой женщины. Я всегда считал, что у старух почерк становится корявым.

Он прикусил нижнюю губу, и я понял, что настроение у него портится.

– Знаете, я никогда не видел Леди вблизи. Я, конечно, видел ее на улице, но... – Он покачал головой. – Нет. Не думаю, что я приму ее приглашение.

– Но, Том! Леди ведь просит, чтобы мы к ней пришли. В ее дом!

– Для меня это не важно. – Отец вернул конверт маме. – Я не пойду к ней, и все тут.

– Но почему, Том? Можешь ты мне объяснить?

– В пятницу вечером «Филадельфия» играет с «Пиратами», будет радиотрансляция, – ответил отец, опускаясь в свое удобное кресло. – По-моему, это достаточно веская причина.

– Мне так не кажется, – холодно отозвалась мама.

Здесь я столкнулся с редким в своей жизни фактом: мне всегда казалось, что мои мама и папа ладят лучше девяноста девяти процентов семей нашего городка, но, похоже, и они не всегда находят общий язык. Поскольку нет ни одного идеального человека, брак двух несовершеннолетних людей не может длиться всю жизнь без сучка и задоринки. Бывало, я слышал, как отец раздраженно кричит на маму из-за потерянного носка, тогда как истинная причина папиного недовольства крылась в нежелании начальства повысить его по службе. Я с удивлением слушал, как моя всегда такая миролюбивая мама вся кипит от злости из-за следов грязной обуви на полу, а на самом деле вся беда была в хамстве соседки. Вот почему в путанице проявлений вежливости и вспышек гнева, из которых, собственно, и состоит жизнь, случаются иногда такие ссоры, как та, что разгоралась теперь между моими родителями.

– Это из-за того, что она цветная, да? – сделала свой первый выпад мама. – Из-за этого ты не хочешь к ней идти?

– Нет, конечно.

– Ты относишься к этому точно так же, как твой отец. Клянусь, Том...

– Замолчи! – внезапно сорвался папа.

Даже я вздрогнул. Упоминание дедушки Джейберда, для которого расизм был столь же органичен, как вода для рыбы, оказалось явным ударом ниже пояса. Отец никогда не испытывал ненависти к цветным – в этом я был совершенно уверен. Но он был сыном человека, который всю свою жизнь встречал каждое утро поднятием флага Конфедерации и считал темную кожу меткой дьявола. Этот тяжкий крест отец нес покорно, потому что любил дедушку Джейберда, но при этом он лелеял в душе веру, которую привил и мне: ненавидеть любого человека, по любой причине – значит тяжко грешить против Бога. Вот почему я сразу понял, что следующее заявление отца объясняется исключительно гордыней, и ничем иным.

– От этой женщины я милостыни не приму, ни под каким видом!

– Кори, – наконец обратила на меня внимание мама, – по-моему, тебе нужно было заняться математикой?

Я отправился в свою комнату, но это вовсе не означало, что я не слышал их оттуда.

Они разговаривали уже не так громко, но весьма эмоционально. Как я догадывался, ссора давно уже назревала по многим причинам: утонувшая в озере машина, пасхальные осы, невозможность купить мне новый велосипед, опасность, угрожавшая нам при наводнении. Слушая, как отец объясняет маме, что она не имеет права тащить его на аркане в дом к Леди, я начал понимать причину нежелания отца идти к ней в гости: он ее просто-напросто боялся.

– Ни за что, даже не проси! – кричал он. – Я не собираюсь водить знакомство с теми, кто считает, что валять дурака с костями и мертвыми животными – нормальное дело, и кто...

Он замолчал, и тут мне пришло в голову, что к этой категории людей можно отнести и дедушку Джейберда и что отец тоже это понял.

– Я просто не пойду к ней, и все тут, – беспомощно закончил он.

Мама поняла, что так можно до смерти загнать лошадь. Это стало мне ясно, когда она сказала со вздохом:

– Мне надо пойти и узнать, что она хочет сказать нам. Надеюсь, ты не станешь возражать?

Отец немного помолчал, потом ответил:

– Хорошо, можешь отправляться.

– Кори я тоже возьму с собой.

Эти слова мамы послужили поводом для новой вспышки.

– Зачем он там тебе? Ты что, хочешь, чтобы он увидел все скелеты, висящие в чуланах у этой женщины? Ребекка, я не знаю, чего она от нас хочет, и, честно сказать, мне на это *наплевать*! Но эта женщина занимается колдовством с куклами, черными кошками и еще бог знает с чем! Я уверен, что Кори не место в ее доме, – ему нечего там делать!

– Но Леди в своем письме просила нас прийти вместе с Кори. Вот, сам посмотри!

– Я уже его видел. Не знаю, что она задумала и что ей от нас нужно, но одно я знаю твердо: Леди не та женщина, с которой следует водить знакомство. С ней вообще не стоит связываться. Ты помнишь Барка Хатчера? Он был помощником мастера на молочной ферме в пятьдесят восьмом.

– Да, помню.

– У Барка Хатчера была привычка жевать табак. Он всегда жевал его и постоянно сплевывал. Дурная привычка, но он вряд ли это понимал. Доходило до того – только не смей никому об этом говорить, – что он забывался и сплевывал прямо в бидоны с молоком.

– Том, ну к чему ты завел этот разговор...

– Сейчас узнаешь. Так вот, однажды Барк Хатчер шел по Мерчантс-стрит, он только что подстригся у мистера Доллара в парикмахерской – а нужно сказать, что у Барка была роскошная шевелюра, такие густые волосы, что их ни один гребешок не брал, – так вот, он опять забылся и сплюнул прямо на мостовую. Только на мостовую его табак не попал, а угодил Человеку-Луне прямо на ботинок. Табачная жвачка вся по нему размазалась. Не хотел он плевать на Человека-Луну, я в этом уверен. А Человек-Луна и ухом не повел, просто прошел мимо, и все. Но Барк обладал странным чувством юмора, и тут ему, как на грех, стало смешно. Вот он и рассмеялся прямо в лицо Человеку-Луне. И знаешь, что после этого случилось?

– Что? – спросила мама.

– Через неделю Барк стал лысеть. У него начали выпадать волосы.

– И ты в это веришь?

– Так и было, я точно тебе говорю!

По голосу отца не приходилось сомневаться, что он уверен в своих словах на все сто.

– Я видел лысую, как шар, голову Барка всего через месяц после того, как он сплюнул табачную жвачку на ботинок Человеку-Луне! Ему даже пришлось носить парик, вот до чего дошло! Он едва от этого не спятил!

Я легко мог представить, как отец подался вперед в своем кресле с таким серьезным и мрачным видом, что маме, наверно, пришлось собрать все свои силы, чтобы не рассмеяться.

– Если ты думаешь, что Леди не приложила к этому руку, то ты просто не желаешь смотреть правде в глаза!

– Вот уж не знала, Том, что ты так веришь в колдовство!

– Веришь не веришь! Но я ведь видел лысую голову Барка! Я такое слышал об этой женщине! Про лягушек, которые выпрыгивали у людей прямо изо рта, или змей в кастрюлях с супом, и еще столько всего... да что там! Ноги моей не будет в ее доме!

– Но если мы не придем к Леди, она может на нас рассердиться, – заметила мама.

Ее слова повисли в воздухе.

– А вдруг она найдет на нас порчу, если я не приведу с собой Кори?

Я отлично понимал по тону ее голоса, что мама ловко блефовала. Отец долго обдумывал ее слова, размышляя над опасностью, которую мы могли на себя навлечь, если послушаемся Леди.

– Думаю, будет лучше, если я возьму Кори с собой, – заговорила мама. – Хотя бы для того, чтобы оказать ей уважение. Разве тебе не хочется узнать, зачем она зовет нас к себе?

– Нет!

– Совсем-совсем?

– Господи, – вздохнул отец, поразмыслив еще несколько минут. – Ты кому угодно голову заморочишь, не хуже самой Леди. Не удивлюсь, если у нее в доме припрятаны склянки с порошком мумии и крылышками летучей мыши!

В результате этого спора вечером в пятницу, когда солнце начало скользить вниз к земле и на улицах Зефира повеяло прохладой, мы с мамой уселись в наш пикап и поехали к дому Леди, а папа остался у

радио слушать бейсбольный матч, которого он так давно дожидался. Знаю точно: в душе он был с нами. Возможно, он опасался совершить ошибку и как-то оскорбить Леди словами или поведением. Должен сказать, что сам я тоже не слишком был уверен в себе: в галстук-бабочке и белой рубашке, которые мама заставила меня надеть, я ощущал себя не в своей тарелке. Мои нервы были натянуты, как тугий канат.

Работа в Брутоне еще продолжалась: негры орудовали пилами и молотками, приводя в порядок свои дома. Мы проехали через центр Брутона, где имелись парикмахерская, бакалейная лавка, магазинчик одежды и обуви, другие лавочки, принадлежавшие местным уроженцам. Мама свернула на Джессамин-стрит и, добравшись до конца улицы, остановила машину перед домом, во всех окнах которого горел свет.

Это был небольшой каркасный дом, выкрашенный в яркие цвета: оранжевый, пурпурный, красный, желтый. Сбоку располагался пристроенный гараж, где, как я догадывался, стоял знаменитый «понтиак», украшенный горным хрусталем. Кусты и трава во дворике были аккуратно подстрижены, а от дороги к крыльцу вела тропинка. Домик имел самый обычный вид, кроме разве что яркой окраски. Глядя на него, никак нельзя было предположить, что в нем живет особа королевской крови или что здесь вершатся темные дела.

Все же, когда мама открыла передо мной дверцу машины, я помедлил, прежде чем выйти наружу.

– Ну, давай выбирайся, – сказала она.

Голос мамы звучал чуть напряженно, хотя лицо ее оставалось абсолютно спокойным. Для визита к Леди она надела лучшее выходное платье и красивые туфли.

– Уже почти семь.

Семь часов, пронеслось у меня в голове. А что, если это одно из чисел вуду?

– Может быть, папа прав? – спросил я ее. – Может, нам не стоит туда идти?

– Все будет хорошо, не бойся. Видишь, там всюду горит свет.

Она хотела успокоить меня, но у нее ничего не вышло.

– Прошу тебя, Кори, не нужно бояться, – повторила мама.

И это говорила мне женщина, которая незадолго до того беспокоилась, что побелка, которой недавно покрыли потолки нашей школы, может оказаться вредной для нашего здоровья!

Сам не знаю, как я поднялся на крыльцо дома Леди. Висевший здесь фонарь был выкрашен в желтый цвет, чтобы отгонять жуков. Я воображал, что дверной молоток у нее заменяет череп со скрещенными костями. Как ни странно, стучать полагалось небольшой серебряной дверной ручкой.

– Вот мы и на месте, – сказала мама и постучала в дверь.

Из-за двери донеслись приглушенные шаги и голоса. Мне подумалось, что настало самое время дать тягу, потому что потом будет поздно. Мама обняла меня, и я ощутил биение ее пульса. Наконец дверь отворилась, словно предлагая нам войти в дом Леди. В дверном проеме, занимая его целиком, высился рослый широкоплечий негр, облаченный в темно-синий костюм, белую рубашку и галстук. Мне он показался высоким и плотным, как черный дуб. Своими здоровенными ручищами негр мог бы при желании раздавить шар для боулинга. Часть его носа выглядела так, словно ее срезали бритвой. Кроме того, густые сросшиеся брови негра делали его похожим на оборотня.

Если выразить мои ощущения в пяти магических словах: негр испугал меня до смерти.

– Э-э-э... – попыталась начать мама, – э-э-э...

– Прошу вас, входите, миз Маккенсон, – улыбнулся нам негр, отчего его лицо стало гораздо менее страшным и куда более приветливым. Но голос его гудел и гремел, как литавры, гулом отдаваясь в каждой моей косточке.

Сделав шаг в сторону, он уступил нам дорогу, и мама, схватив меня за руку, затащила вслед за собой внутрь.

Дверь за нашими спинами затворилась.

Появилась молодая негритянка, с кожей цвета кофе с молоком, и поздоровалась с нами. Лицо девушки имело форму сердечка, с которого смотрели живые карие глаза. Подав маме руку, она проговорила с улыбкой:

– Я Амелия Дамаронд. Очень приятно познакомиться с вами, миссис Маккенсон.

На запястьях Амелии звенели браслеты, а верхнюю часть ушей обрамляли золотые заколки для волос – по пять над каждым ухом.

– Мне тоже очень приятно, Амелия. Это мой сын Кори.

– О, тот самый молодой человек! – Все внимание Амелии Дамаронд обратилось на меня. Воздух вокруг негритянки как будто был насыщен электричеством: от ее пристального взгляда я ощутил проскочивший меж нами разряд. – Очень приятно познакомиться с вами. Это мой муж Чарльз.

Здоровенный негр благосклонно кивнул нам. Голова Амелии едва доставала ему до подмышек.

– Мы ведем хозяйство в доме Леди, – объяснила нам Амелия.

– Понимаю, – отозвалась мама.

Она по-прежнему крепко сжимала мою руку, а я вертел головой, озираясь по сторонам. Странная вещь воображение! Оно выдумывает паутину там, где нет пауков, создает темноту там, где сияет яркий свет. Гостиная Леди ничем не напоминала храм почитателей дьявола – ни черных кошек, ни котлов с кипящим варевом. Обычная комната с софой и креслами, небольшим столиком с безделушками, несколькими книжными полками и написанными яркими красками картинами в рамках на стенах. Одна из них особенно привлекла мое внимание: на ней изображалось лицо бородатого темнокожего человека. Глаза его были закрыты в страдании или исступлении, на голове – терновый венец.

До той поры я ни разу не видел изображений черного Иисуса: Он не только ошеломил меня, но и открыл в моем сознании такие потаенные уголки, куда раньше не проникал свет.

Неожиданно из прихожей в гостиную вошел Человек-Луна. Увидев его так близко, мы с мамой разом вздрогнули. На нем были голубая рубашка с закатанными рукавами и черные брюки на подтяжках. Нынешним вечером на его запястье оказались только одни часы, а вместо обычной толстой цепочки с массивным позолоченным распятием в ворота рубашки виднелся белый краешек футболки. На Человеке-Луне не обнаружилось и привычного цилиндра; две выделяющиеся пятнами половинки его лица, бледно-желтая и цвета черного дерева, сходились на макушке в шапке легкого белого пуха. Седая остроконечная бородка слегка закручивалась вверх. Темные, в сеточке морщинок глаза Человека-Луны сначала остановились на

маме, потом скользнули по мне, после чего он улыбнулся нам и кивнул. Подняв тонкий палец, он жестом пригласил нас за собой в коридор.

Пришла пора встретиться с Леди.

– Госпожа не очень хорошо себя чувствует, – объяснила Амелия. – Доктор Пэрриш прописал ей витамины.

– Надеюсь, ничего серьезного? – участливо спросила мама.

– От дождя она застудила легкие. В сырую погоду Леди всегда неважно себя чувствует, но теперь, когда солнце вернулось, ей постепенно становится лучше.

Мы подошли к двери, и Человек-Луна, ссутуливший свои худые плечи, отворил ее. Запахло фиалками.

Первой в дверь заглянула Амелия:

– Мэм, ваши гости пришли.

Внутри комнаты зашуршали простыни.

– Пожалуйста, – донесся тихий и дрожащий старческий голос, – попросите их войти.

Мама сделала глубокий вдох и шагнула в комнату. Мне ничего не оставалось делать, как последовать за ней: мою руку она так и не отпустила. Человек-Луна остался в коридоре, а Амелия нежно проворковала нам вдогонку:

– Если вам что-то понадобится, позвоните мне.

И аккуратно закрыла за нами дверь.

Мы увидели Леди.

Она возлежала на металлической кровати, выкрашенной белой эмалью, опираясь спиной на парчовую подушку, по грудь укрытая белой простыней. Стены спальни были оклеены. На обоях, покрывающих стены комнаты, изображались густо переплетенные ветки и зеленая листва, и, если бы не деликатное гудение вентилятора, можно было бы подумать, что мы очутились в гуще экваториальных джунглей. Рядом с кроватью на столике горела лампа, там же лежали стопкой газеты и книги, а также очки в проволочной оправе, так чтобы Леди могла легко дотянуться до них.

Несколько мгновений она молча рассматривала нас, а мы – ее. На фоне белоснежных простыней ее изрезанное морщинами лицо выделялось каким-то иссиня-черным пятном. Она напоминала одну из тех самодельных кукол с головами из яблок, чьи лица быстро

сморщиваются под лучами жаркого полуденного солнца. Мягкое облако волос Леди было белее снега, который я соскребал пригоршнями с труб ледника. Одежду ее составляла голубая сорочка с бретельками на худеньких плечах. Ключицы так выпирали из-под кожи, что создавалось впечатление, будто это причиняет ей боль. Скулы тоже были так невероятно остры, что, казалось, ими можно разрезать персик. Сказать по правде, Леди выглядела как обычная худая, как тростник, дряхлая негритянка, чья голова слегка дрожит от старческой немощи.

Но глаза ее были пронзительно-зелеными.

Я говорю не о старческой зелени, а о том бледно-изумрудном оттенке драгоценного камня, за которым мог бы охотиться Тарзан в каком-нибудь затерянном африканском городе. Глаза Леди лучились внутренним огнем, когда-то давно пойманном ею и укрощенным. Глядя в эти глаза, легко верилось, что у вас больше нет от них никаких секретов, что вас только что вскрыли, словно банку сардин, и вы лишились чего-то сокровенного. Но сами вы ничего не имели против, даже испытывали от этого удовольствие, словно вам этого *хотелось*. Ни до, ни после встречи с Леди я не встречал таких глаз. Ее глаза пугали меня, но я не мог от них оторваться – настолько они были прекрасны, сродни красоте свирепого зверя, с которым ни на мгновение нельзя терять осторожность.

Леди закрыла и снова открыла глаза. На ее сморщенных губах появилась легкая улыбка. Зубы ее казались хорошими, хотя наверняка являлись вставными.

– Вы оба прекрасно выглядите, – наконец проговорила она чуть дрожащим голосом.

– Благодарю вас, мэм, – выдавила из себя мама.

– Ваш муж не захотел прийти?

– Э-э-э... нет... он сегодня не смог... по радио транслируют важный бейсбольный матч.

– Он именно так это объяснил? – Леди подняла одну белую бровь.

– Э-э-э... не совсем понимаю, что вы имеете в виду.

– Дело в том, – объяснила Леди, – что некоторые люди меня боятся. Можете в это поверить? Они боятся старуху, которой вот-вот стукнет сто шесть лет! Боятся ту, которая, лежа здесь, даже ложку поднести ко

рту не может без посторонней помощи. Вы очень любите своего мужа, миз Маккенсон?

– Да, конечно. Я очень его люблю.

– Это хорошо. Настоящая любовь поможет вам преодолеть все невзгоды. А вам, милая, прежде чем вы доживете до моих лет, предстоит испытать немало невзгод, уж поверьте мне, старухе.

Взгляд пугающих и одновременно прекрасных изумрудных глаз на сморщенном лице, словно вырезанном из черного дерева, остановился на мне.

– Здравствуй, молодой человек, – приветствовала меня Леди. – Надеюсь, ты не отлыниваешь от домашних дел и помогаешь маме?

– Да, – почти прошептал я. Язык отказывался мне служить.

– Ты вытираешь тарелки? Убираешь у себя в комнате? Подметаешь крыльцо?

– Да, мэм.

– Что ж, хорошо. Хотя могу поспорить, что ты никогда не пользовался метлой так, как решил сделать это в доме Нилы Кастайл, верно?

Я с трудом сглотнул. Теперь и я, и мама знали, о чем пойдет речь.

Леди улыбнулась нам:

– Жаль, что меня там не было. Хотелось бы с ним повидаться.

– Это Нила Кастайл вам все рассказала? – спросила мама.

– Да, она. А кроме того, я долго разговаривала с маленьким Гэвином.

Глаза Леди больше не отпускали меня ни на минуту.

– Вы спасли Гэвину жизнь, молодой человек, вот так. Знаете ли вы, что это означает для меня?

Я отрицательно помотал головой.

– Мать Нилы была моей хорошей подругой, упокой, Господи, ее душу. Можно сказать, что я была приемной матерью Нилы. А Гэвина я всегда считала своим внуком. Гэвина впереди ждет долгая жизнь. Благодаря тебе, Кори, он получил такую возможность.

– Я просто испугался... что Мозес меня съест, – ответил я.

Леди рассмеялась:

– И поэтому ты напал на него с метлой! Господи, господи! Он слишком возомнил о себе, решил, что может запросто выбраться из

реки и зайти в любой дом, если ему вдруг захочется есть. Но ты накормил его досыта, это уж точно!

– Он съел собаку, – сказал я.

– Еще бы, в этом он мастер! – Смех Леди затих.

Она переплела свои худые пальцы на животе и взглянула на маму:

– Вы были очень добры к Ниле и ее отцу. Вот почему с этих пор, если, не дай бог, у вас в доме что-то сломается, вы можете позвонить мистеру Лайтфуту, и он все починит бесплатно. Ваш мальчик спас жизнь Гэвину. И я хочу его как-нибудь отблагодарить, сделать ему подарок. Конечно, если вы не против.

– В этом совершенно нет необходимости.

– Нет, необходимость в этом есть, – возразила Леди. В ее голосе прозвучала нотка раздражения, и мне стало ясно, что в молодости она была дьявольски своенравна. – И я сделаю это.

– Тогда хорошо, я согласна, – ответила явно напуганная мама.

– Итак, молодой человек, – спросила Леди, вновь переводя на меня взгляд, – что бы вам хотелось получить в подарок?

Да, действительно, было о чем подумать.

– *Все*, что захочу? – переспросил я.

– В пределах разумного, – подала голос мама.

– Все, что угодно, – ответила Леди.

Я еще немного подумал, хотя ответ напрашивался сам собой.

– Велосипед. Совсем новый, который никому до меня не принадлежал.

– Так, – проговорила Леди и кивнула. – Новый велосипед. Очень хорошо. С фарой?

– Да, мэм.

– И с гудком?

– Это было бы здорово, – ответил я.

– Он должен быть быстрым? Быстрее кошки, когда та взбирается на дерево?

– Да, мэм. – Я уже весь дрожал от возбуждения. – Конечно, я именно такой и хотел бы!

– Тогда ты его получишь! Как только я смогу поднять свои старые кости с постели.

– Мы очень вам благодарны за такое внимание, – сказала мама. – Значит, мы с отцом Кори можем зайти в магазин и выбрать

велосипед?..

– Велосипед, о котором идет речь, в магазине не продается, – оборвала маму Леди.

– Прошу прощения? – удивилась мама.

– Этот велосипед в магазине не продается, – повторила Леди и немного помолчала, дожидаясь, пока смысл сказанного дойдет до моей мамы. – Те велосипеды, что продаются в магазинах, недостаточно хороши. Ведь вам, молодой человек, нужен *особый* велосипед, насколько я понимаю?

– Я бы взял то... что дают, мэм.

Леди снова рассмеялась:

– А вы ко всему прочему еще и джентльмен! Нам с мистером Лайтфуттом придется хорошенько подумать, но, надеюсь, мы найдем решение, которое вас устроит.

Я ответил, что согласен, хотя и не совсем понимал, каким образом получу новый велосипед.

– Подойдите поближе, молодой человек, – сказала мне Леди.

Мама отпустила мою руку. Я подошел к кровати Леди, и ее зеленые глаза, похожие на две спиртовки, оказались как раз напротив моих.

– А что ты еще любишь, кроме езды на велосипеде?

– Я люблю играть в бейсбол. Люблю читать. И еще я люблю сочинять рассказы.

– Так ты пишешь рассказы? – Брови Леди снова поднялись. – Боже правый! Так, значит, у нас здесь настоящий писатель?

– Кори всегда любил книги, – вставила словечко мама. – Он сочиняет короткие рассказы про ковбоев, сыщиков и...

– Чудовищ, – добавил я. – Иногда и про них.

– Про чудовищ, – повторила Леди. – И о Старом Мозесе ты тоже напишешь?

– Могу написать и о нем.

– И когда-нибудь ты собираешься написать книгу? К примеру, о нашем городе и его обитателях?

Я пожал плечами:

– Не знаю, может быть.

– Посмотри на меня, – попросила Леди, и я повиновался. – Внимательнее.

Я исполнил ее просьбу.

И тут произошла странная вещь. Леди заговорила, и во время ее речи воздух между нами стал переливаться каким-то жемчужным блеском. Ее глаза словно завладели моим взглядом, я просто был не в силах отвернуться.

– Некоторые называют меня чудовищем, – говорила Леди, – и даже куда более скверными словами. Когда мне было чуть больше, чем тебе сейчас, Кори, у меня на глазах убили мою мать. Чужая женщина завидовала дару моей матери и убила ее за это. В тот день я поклялась, что разыщу эту женщину. На ней было красное платье, на плече у нее сидела обезьянка, которая несла всякий вздор. Эту женщину звали Ларуж. Мне потребовалась вся моя жизнь, чтобы найти ее. Я побывала даже в Леперсвилле во время паводка, плавала на лодке среди затопленных домов.

В мерцающем свете морщины на лице Леди начали разглаживаться. Я смотрел на нее, и мне казалось, что она становится все моложе и моложе.

– Там я видела, как ходят мертвецы, а моя лучшая подруга была покрыта чешуей и ползала на брюхе.

На меня теперь смотрела молодая, обжигающе красивая женщина.

– Я встретила человека, изготавливающего маски, плевала в глаза Сатане и танцевала на балу Общества Тьмы.

Леди превратилась в гордую девушку с высокими скулами, острым подбородком и длинными темными волосами, в глазах которой отражались воспоминания о чем-то страшном.

– В ту пору я действительно *жила*, – проговорила она своим чистым и сильным голосом. – Я успела прожить сотню жизней и так и не умерла. Вы видите, какой я была в ту пору, молодой человек?

– Да, мэм, – ответил я и поразился, услышав свой голос, который доносился откуда-то издалека. – Я вижу вас.

В следующий миг наваждение рассеялось. Еще секунду назад я смотрел на лицо прекрасной молодой женщины, но вот передо мной вновь возникла Леди, такой, какой она была в свои сто шесть лет. Пламя ушло из ее глаз, а меня трясло как в лихорадке.

– Может, когда-нибудь ты напишешь историю моей жизни, – сказала Леди, и ее слова показались мне скорее приказом, чем пожеланием. – А теперь почему бы тебе не пойти поболтать с Амелией и Чарльзом, пока я тут перекинусь парой слов с твоей мамой?

Я сказал, что так и сделаю. На подгибающихся ногах я прошел мимо мамы к двери. Моя рубашка вся была мокра от пота. Когда я наконец взялся за дверную ручку, меня осенила идея, и я обернулся.

– Прошу прощения, мэ, – нерешительно начал я. – Нет ли у вас... средства, которое помогло бы мне сдать математику? Какой-нибудь волшебный напиток или что-нибудь в этом роде?

– Кори! – потрясенно воскликнула мама.

Но Леди только улыбнулась.

– Молодой человек, – ответила она, – у меня есть то, что вам нужно. Передайте Амелии, что я велела дать вам стаканчик Напитка номер десять. После этого вы должны будете отправиться домой и проявить свое прилежание. Нужно по-настоящему приналечь на учебу, и тогда вы сможете решать задачки даже во сне.

Леди подняла палец:

– В этом-то весь фокус.

Я вышел из спальни Леди и тихонько прикрыл за собой дверь, готовый испытать волшебное зелье.

– Напиток номер десять? – переспросила мама.

– Стакан молока, настоянного на мускатном орехе, – объяснила Леди. – У нас с Амелией есть целый список напитков для тех, кому необходимо приобрести чуть-чуть уверенности в себе.

– Так в этом и заключается все ваше колдовство?

– По большей части да. Главное – дать людям ключ, а собственные замки они откроют сами.

Леди склонила голову к плечу:

– Но есть и магия другого сорта. Об этом я и хотела бы с вами поговорить.

Моя мама, не понимавшая, о чем пойдет речь, молча ждала.

– Я вижу сны, – сказала ей Леди. – Сны по ночам, когда я сплю, и наяву. Заданный порядок вещей нарушился. Ткань мира порвалась и на нашей, и на другой стороне.

– На другой стороне?

– Там, куда уходят мертвые, – объяснила Леди. – На другом берегу реки. Не Текумсе, конечно. Широкой и темной реки, через которую и мне довольно скоро предстоит переправиться. Там я оглянусь назад, рассмеюсь и скажу: «Так *вот* из-за чего был весь сыр-бор».

Мама покачала головой, все еще не понимая, к чему клонит Леди.

– Мир дал трещину, – продолжала Леди. – И в мире живых, и в мире мертвых все пошло иначе. Когда Дамбалла отказался от угощения, я впервые почувствовала: что-то пошло не так. Дженна Вельвадайн рассказала мне, что случилось в вашей церкви в пасхальное утро. В этом тоже замешан мир духов.

– Но ведь там были просто *осы*! – изумилась мама.

– Для вас это были просто осы. А для меня – некое послание. Кто-то, находящийся на той стороне, испытывает ужасную боль.

– Я не...

– Вы не понимаете, – закончила за маму Леди. – В этом нет ничего удивительного. Я тоже многого не понимаю. Но мне известен язык боли, миз Маккенсон. В детстве я хорошо научилась этому языку.

С этими словами Леди протянула руку к своему ночному столику и, выдвинув один из ящичков, достала оттуда листок линованной тетрадной бумаги. Потом показала его маме:

– Вам знаком этот рисунок?

Мама внимательно рассмотрела его. То был карандашный набросок головы мертвеца, череп с крыльями, идущими от висков назад.

– В своих снах я часто вижу человека с такой татуировкой на плече. Кроме того, я вижу руки, в одной из которых бейсбольная бита, обмотанная черной лентой, – то, что мы называем дробилкой, а в другой – жесткая струна. Я слышу голоса, но слов разобрать не могу. Кто-то громко кричит на кого-то, а еще там играет музыка.

– Музыка? – От страха мама похолодела: на рисунке Леди она узнала череп, вытатуированный на плече несчастного утопленника, ушедшего вместе со своей машиной на дно озера Саксон, о котором не раз рассказывал отец.

– Может быть, это играет пластинка, – продолжала Леди, – или кто-то бьет по клавишам пианино. Я рассказала обо всем Чарльзу. Подумав, он напомнил мне о статье, которую прочел в мартовском номере «Журнала». Ведь это ваш муж видел мертвеца, утопленного в озере Саксон, верно?

– Да.

– Как вы считаете, тут есть какая-то связь?

Мама глубоко вздохнула, надолго задержав дыхание, а потом выдохнула:

– Да.

– Я так и думала. Ваш муж хорошо спит по ночам?

– Нет. Он... тоже видит сны. Сны об озере... и об утопленнике. Его мучают кошмары.

– Очевидно, покойному что-то нужно от вашего мужа, поэтому он пытается привлечь его внимание. Мои сны – это послание с той стороны, которое я смутно слышу. Как в спаренном телефоне.

– Послание, – прошептала мама. – Что за послание?

– Вот этого я и не могу понять, – призналась Леди. – Такая боль кого угодно может свести с ума.

Слезы затуманили глаза мамы.

– Я не могу... Я не...

Она запнулась, слеза прочертила полоску по ее левой щеке.

– Покажите вашему мужу этот рисунок. Скажите, что, если он захочет со мной поговорить об этом, двери моего дома всегда для него открыты. Он ведь знает, где я живу.

– Он не придет. Он боится вас.

– Скажите ему: то, что его мучает, может разорвать его на части, если он с этим не совладеет. Передайте, что в моем лице он найдет лучшего друга, который у него когда-либо был.

Мама кивнула. Сложив прямоугольником листок с рисунком, она зажала его в кулаке.

– А теперь вытрите глазки, – приказала ей Леди. – Негоже расстраивать такого симпатичного молодого человека.

Заметив, что мама взяла себя в руки, Леди удовлетворенно хмыкнула:

– Так-то лучше. Теперь вы просто настоящая красавица. Можете сказать вашему мальчику, что он получит свой велосипед, как только я смогу для него это устроить. И проследите, чтобы он прилежно учил уроки. Напиток номер десять может не сработать, если мама и папа не следят за порядком в доме.

Мама поблагодарила Леди за проявленное к нам внимание. Она добавила, что обязательно попросит отца зайти к Леди, но обещать ничего не может.

– Я все же рассчитываю увидеться с ним, – сказала ей Леди. – А вы позаботьтесь о себе и благополучии своей семьи.

Мы вышли из дома Леди и вскоре уже усаживались в наш пикап. В уголках моего рта все еще сохранялся вкус Напитка номер десять. Я

чувствовал себя как лев перед прыжком и готов был разорвать учебник математики в клочья.

Мы выехали из Брутона. Текумсе неспешно текла в своих берегах. Вечерний ветерок тихо шелестел в ветвях деревьев; свет горел в окнах домов, где люди доедали свой ужин. Глядя по сторонам, я мог думать только о двух вещах: о прекрасном лице молодой женщины с чудесными зелеными глазами и о новом велике с фарой и гудком.

Мама думала об утопленнике, покоившемся на дне озера Саксон, беспокойный дух которого являлся в снах моему отцу и Леди и не давал им обоим покоя.

Лето уже стояло на пороге. Аромат фиалок и жимолости витал в воздухе.

В одном из домов Зефира кто-то играл на пианино.

Часть вторая. Лето дьяволов и ангелов

Глава 1

Последний день школы

Тик... тик... тик.

Что бы там ни утверждал календарь, для меня первым днем лета всегда был последний день школьных занятий. Солнце припекало все жарче и норовило задержаться подольше, земля расцветала зеленью, а небо становилось все чище и чище, оставляя на своем куполе лишь редкие завитки облаков. Жара давала о себе знать с настойчивостью пса, чувствующего, что его время пришло; бейсбольное поле уже было аккуратно скошено и заново размечено, бассейн выкрашен и наполнен чистой водой. И пока наша классная наставница миссис Сельма Невилл рассказывала нам о наших успехах в минувшем учебном году, мы, ее ученики, только что вынырнувшие из водоворота годовых экзаменов, не могли оторвать глаз от стрелок часов.

Тик... тик... тик.

За партой, стоявшей по алфавиту между Рики Лэмбеком и Диной Макарди, пока одна моя половинка прислушивалась к словам классной, другая страстно желала, чтобы этот последний урок поскорее закончился. Мою голову переполняли разные слова. Я нуждался в освобождении от этих слов, желал стряхнуть их в прозрачный и теплый летний воздух. Но нам приходилось пребывать под властью миссис Невилл вплоть до прощального звонка, сидеть и страдать, пока время не придет к нам на выручку и не спасет нас, подобно Рою Роджерсу, наконец перевалившему через гребень холма.

Тик... тик... тик.

Да имейте же сострадание!

Снаружи, за квадратными, окаймленными металлом рамами школьных окон нас ожидал настоящий мир. Пока что я не имел ни малейшего представления, что за приключения ожидают меня и моих друзей в это лето 1964-го, но пребывал в твердой уверенности, что летние дни будут длинными и наполненными истомой, что, когда солнце наконец сдастся и канет за горизонт, подадут голос цикады, а светляки начнут творить свой танец в воздухе, не будет никаких

домашних заданий и летняя пора будет самой расчудесной. Я сдал экзамен по математике, благодаря чему сумел-таки избежать тягостной ловушки летних занятий для отстающих. И мы с друзьями, наслаждаясь свободой, нет-нет да и прервем свою бешеную гонку, остановимся и вспомним о тоскливой участи одноклассников, связанных узами летней школы – этой темницы, в которую угодил Бен Сирс в прошлом году, – и пожелаем им разделаться с ней поскорее, потому что это время протечет без них, а они никак не станут моложе.

Тик... тик... тик.

Время – царь царей на пьедестале жестокости.

Наших ушей достигли доносившиеся из коридора шум и возня, взрывы смеха и радостные крики. Кто-то из учителей отпустил учеников чуть раньше звонка. Внутри у меня все сжалось от такой несправедливости. Но миссис Невилл, дама со слуховым аппаратом и оранжевыми кудрями, несмотря на свои по меньшей мере шестьдесят лет, все говорила и говорила, словно и не слышала доносящийся из коридора шум. Наконец я понял: она просто не хотела нас отпускать, стремясь задержать как можно дольше, и не из-за какой-то особой свойственной учителям вредности, а, скорее всего, потому, что дома ее никто не ждал, а лето в одиночестве вряд ли вообще можно назвать летом.

– Хочу надеяться, что вы, молодые люди, не забудете во время летнего отдыха иногда заглядывать в библиотеку.

Голос миссис Невилл звучал сейчас спокойно и миролюбиво, но, выйдя из себя, она была способна метать такие громы и молнии, по сравнению с которыми падающий метеорит мог бы показаться простой спичкой.

– Занятия закончились, но все равно уделяйте время чтению. Давайте работу своей голове: к сентябрю вы не должны разучиться думать...

3-3-3-3-ЗВОНОК!

Весь класс одновременно вскочил на ноги, как огромное извивающееся насекомое.

– Задержитесь на минутку, – приказала нам миссис Невилл. – Я вас еще не отпустила.

Боже, сколько может длиться эта пытка! Не исключено, пронеслось у меня в голове, что за стенами школы миссис Невилл тайком отрывает

мухам крылышки.

– Сейчас вы покинете класс, – продолжила учительница, – но сделаете это так, как подобает леди и джентльменам. Постройтесь парами и выходите организованно. Мистер Олкотт, будьте добры, возглавьте процессию.

Слава богу, мы наконец пришли в движение. Класс почти опустел, и я уже слышал звеневшие в коридоре радостные выкрики, разносившиеся эхом под сводами школы, когда миссис Невилл снова подала голос:

– Кори Маккенсон! Подойди ко мне на минутку.

Я повиновался, хотя душа моя трепетала от молчаливого протеста. Миссис Невилл улыбнулась во весь рот, напоминая хозяйственную сетчатую сумку, окаймленную красной помадой.

– Ну что, Кори, надеюсь, ты доволен, что наконец приналег на математику и добился успеха?

– Да, мэм, я очень рад.

– Если бы ты так же старательно занимался все время, то мог бы окончить год с отличием.

– Да, мэм, – повторил я, сожалея о том, что мне не довелось отведать Напитка номер десять еще осенью.

Класс уже опустел. Я слышал, как в коридоре замирает последнее эхо. Пахло мелом от доски, карандашной стружкой, из школьного буфета доносился запах красного перца. Под сводами школы уже собирались на свои летние посиделки призраки.

– Насколько я знаю, ты пишешь рассказы? – неожиданно спросила миссис Невилл, разглядывая меня поверх своих бифокальных очков. – Верно, Кори?

– Да, мэм. – Я не стал утруждать себя поиском оригинального ответа.

– Твои сочинения были лучшими в классе, у тебя высшая оценка по орфографии. Не хочешь ли в этом году принять участие в конкурсе?

– В конкурсе?

– Совершенно верно, в конкурсе литературного мастерства, – кивнула миссис Невилл. – Ты ведь понимаешь, о чем речь? Об августовском конкурсе, который ежегодно спонсируется Комитетом по искусству.

Я никогда об этом не думал. Комитет по искусству, возглавляемый мистером Гровером Дином и миссис Эвелин Пратмор, спонсировал конкурс литературного мастерства, который включал в себя написание эссе и рассказа. Победителей награждали почетным именованным значком и привилегией прочитать свое творение на званом обеде в читальном зале библиотеки. Я пожал плечами. С тем, что я успел до сих пор сочинить, – историями о привидениях, ковбоях, детективах и космических монстрах – трудно было рассчитывать на победу в конкурсе. Все это я писал исключительно для собственного удовольствия.

– Тебе стоит серьезно подумать над этим, – продолжила миссис Невилл. – Ты умеешь обращаться со словом.

Я опять пожал плечами. Когда учитель разговаривает с тобой как со взрослым человеком, испытываешь неловкость.

– Желаю хорошо провести лето, – сказала миссис Невилл.

И я вдруг понял, что наконец-то свободен.

Я ощущал себя лягушкой, внезапно выпрыгнувшей из темной болотной воды на яркое солнце.

– Спасибо! – выкрикнул я и опрометью бросился к двери.

Но прежде чем выйти из класса, я оглянулся на миссис Невилл. Она сидела за своим пустым столом – без стопок тетрадей, требовавших проверки, без учебников с уроками на завтра. Единственным предметом на ее столе, если не считать промокательной бумаги и точилки, которой долго теперь не придется отведать карандаша, было красное яблоко, которое принесла ей Паула Эрскин. Я увидел, как миссис Невилл, залитая лучами солнечного света из окна, задумчивым движением, словно в замедленном кино, взяла со стола яблоко Паулы. Миссис Невилл сидела, глядя на пустые парты, изрезанные инициалами нескольких поколений учеников, прошедших через этот класс, как волны прилива, устремленного в будущее. Внезапно миссис Невилл показалась мне ужасно старой.

– Счастливого вам лета, миссис Невилл! – крикнул я от двери.

– Прощай, Кори, – сказала она и улыбнулась.

Через мгновение я уже летел по коридору. Мои руки были свободны от книг, а голова – от фактов и цифр, цитат и знаменательных дат. Я вырвался на чистый солнечный свет, и мое лето началось.

У меня так и не было велосипеда. С тех пор как мы с мамой побывали у Леди с визитом, минуло три недели. Я изводил маму просьбами позвонить Леди, но она советовала мне набраться терпения: мол, я получу новый велосипед ровно тогда, когда получу, и ни минутой раньше.

После нашего возвращения от Леди мама и отец долго разговаривали, сидя в синих сумерках на крыльце. Хотя, по всей видимости, этот разговор не предназначался для моих ушей, я услышал, как отец сказал: «Мне нет дела до ее снов. Я к ней не пойду, и все». Но иногда я просыпался среди ночи, разбуженный криком отца во сне, а потом слушал, как мама пытается успокоить его. Он говорил что-то вроде «...в озере...» или «...в глубине, в темноте...», и я мог понять, какие видения черной пиявкой заползают в отцовские сны.

Отец теперь нередко отодвигал тарелку в сторону, не сумев осилить и половины обеденной порции, что было грубейшим нарушением его прежнего девиза: «После себя надо оставлять чистую тарелку, Кори, потому что сию минуту в Индии такие же мальчики и девочки, как ты, страдают от голода». Он заметно похудел и осунулся, ему приходилось туже затягивать ремень его форменных брюк молочника. Его лицо сильно изменилось, скулы заострились, а глаза глубоко запади в глазницы. Отец по-прежнему часто слушал бейсбольные репортажи по радио и смотрел игры по телевизору, но теперь довольно часто засыпал в своем кресле, откинув голову на спинку и открыв рот. Во сне его лицо подергивалось.

Становилось страшно за отца.

Мне казалось, я понимаю, что его гложет: не просто сам факт, что он видел мертвеца. Дело было не в убийстве: подобное в Зефире случалось и раньше, хотя – слава богу – довольно редко. Низость этого деяния, зверское хладнокровие, с которым оно было исполнено, – вот что грызло его душу. Отец был человеком неглупым, наделенным житейской смекалкой, умел отличить добро от зла и держать свое слово. Но он сохранил наивные представления о мире, – боюсь, он едва ли был способен поверить, что в Зефире может существовать подобное зло. Мысль о том, что человеческое существо можно зверски избить, а потом удушить рояльной струной, после чего приковать наручниками к рулю автомобиля и сбросить в озеро, лишив его христианского погребения на божьей земле, глубоко ранила отца и,

возможно, даже сломала какой-то стержень внутри его. И самое ужасное: это произошло в его родном городке, где он родился и вырос. С этим он не мог справиться в одиночку. Может быть, сыграло свою роль и то, что у погибшего словно не было прошлого: никто не откликнулся на отправленные шерифом Эмори запросы.

– Ведь он не может быть просто *никем*, – услышал я как-то ночью за стеной. – У него, возможно, остались жена и дети, братья и сестры, ну хоть какие-нибудь родственники! Господи, Ребекка, у него должно быть *имя*! Кто он такой? Откуда у нас появился?

– Узнать это – дело шерифа.

– Джей-Ти ничего не способен узнать! Он давно махнул на все рукой!

– Думаю, что тебе все-таки стоит заглянуть к Леди, Том.

– Нет.

– Почему? Отчего такое упрямство? Ты же видел ее рисунок. Это та самая татуировка, верно? Так почему ты не хочешь зайти к ней и просто поговорить?

– Потому что... – Отец замолчал.

Я чувствовал, как мучительно ищет он подходящий ответ.

– Потому что я не верю в ее магию – это сплошное надувательство! – наконец выпалил он. – Знаешь, откуда она узнала об этой татуировке? Из «Журнала»!

– Там не было никаких подробностей, ты и сам об этом знаешь! Кроме того, она говорит, что слышит голоса и звуки пианино, видит какие-то руки. Тебе нужно потолковать с Леди, Том. Прошу тебя, походи к ней.

– Мне не о чем с ней говорить, – упрямо твердил отец. – Она не сможет сообщить мне ничего, что я хотел бы услышать.

Он продолжал стоять на своем, и в снах его с неизменным постоянством появлялся призрак безымянного утопленника.

Но в тот первый день лета я ни о чем таком не думал. Я не вспоминал ни о Старом Мозесе, ни о Полуночной Моне, ни о мужчине в шляпе с зеленым пером. Я мог думать только о встрече с друзьями, ставшей нашим ритуалом празднования начала лета.

Из школы я помчался домой. У крыльца меня уже ждал Бунтарь. Я предупредил маму, что пойду погулять, и мы с Бунтарем рванули в лес, начинавшийся сразу же позади нашего дома.

Чаща встретила нас буйством зелени; теплый ветерок шелестел листвой, сквозь которую пробивались косые лучи солнца. Я выбежал на знакомую тропинку и углубился в лес. Бунтарь следовал за мной, делая петли в стороны, чтобы погонять белок. Через десять минут мы вышли на широкую зеленую поляну, по одну сторону которой открывался крутой склон холма. Весь Зефир открывался отсюда взгляду. Все мои друзья, прикатившие на велосипедах и тоже явившиеся со своими собаками, уже были в сборе: Джонни Уилсон со своим большим рыжим Чифом, Бен Сирс с Тампером, Дэви Рэй Коллан с темно-коричневым в белых пятнах Бадди.

На поляне ветер дул сильнее. Вырвавшись на открытое место, он кружился веселым летним хороводом.

– Свершилось! – заорал Дэви Рэй. – Школа кончилась! Наконец-то!

– Школа кончилась! – подхватил Бен, прыгая вокруг, как полный идиот, вместе со своим заливающимся радостным лаем Тампером.

Джонни лишь молча улыбался, подставив лицо горячим лучам солнца и глядя сверху вниз на наш родной город.

– Ну что, ты готов? – спросил меня Бен.

– Конечно готов, – отозвался я, и мое сердце забилося чаще.

– Все готовы? – выкрикнул Бен.

Остальные тоже были готовы.

– Тогда вперед! Лето началось!

Сорвавшись с места, Бен побежал, описывая широкий круг по краю поляны возле самых деревьев, за ним по пятам неся Тампер. Следом ринулись мы с Бунтарем, за нами побежали Дэви Рэй и Джонни. Их собаки, играя, носились по поляне взад и вперед.

Мы неслись все быстрее и быстрее. Сначала воздух бил нам в лицо, теперь свистел у нас за спиной. Отгалкиваясь от земли сильными молодыми ногами, мы описывали по поляне круг за кругом, слыша, как ветер шелестит ветвями обрамляющих поляну дубов и сосен.

– Быстрее! – выкрикнул Джонни, немного хромавший из-за своей деформированной стопы. – Прибавьте ходу!

Мы продолжали бежать, преодолевая напор ветра, а потом устремились в обратную сторону. Собаки, заливаясь радостным лаем, описывали круги вместе с нами. Солнце блестело в водах реки Текумсе, лазурное небо было чистым, и жар лета наполнял наши легкие.

Решающий момент близился. Это знали и чувствовали все.

– Бен будет первым! – крикнул я. – Он готов! Давай, Бен!

Бен испустил воинственный клич. Из его спины, прямо из лопаток, прорвав рубашку, неожиданно появились крылья.

– Смотрите, у него выросли крылья! – крикнул я. – Они становятся все больше и больше! У них цвет волос Бена, но их еще нужно хорошенько размять: ведь за зиму они застоялись без дела. Вот Бен уже бьет ими в воздухе! Посмотрите на них! Вы только посмотрите, какие у него крылья!

Ноги Бена оторвались от земли, и взмахи крыльев начали поднимать его в воздух.

– Тампер летит за тобой, Бен! – крикнул ему я. – Подожди немножко, пусть он тебя догонит!

Крылья Тампера уже затрепетали в воздухе. Нервно поскуливая от нетерпения, пес взмыл вслед за своим хозяином.

– Давай-давай, Тампер! – кричал ему Бен – Летим!

– Эй, Дэви Рэй! – крикнул я. – Ты готов? Ты уже чувствуешь крылья?

Дэви Рэю страстно хотелось взлететь, я точно знал об этом. Но он был еще не готов, это тоже чувствовалось.

– Хорошо, пусть тогда будет Джонни! – крикнул я. – Джонни, ты можешь взлететь?

Крылья Джонни, вырвавшиеся из его спины, напомнили ослепительно-черный взрыв. Сопровождаемый рыжим здоровяком Чифом, он круто взмыл в воздух. Я взглянул вверх на Бена, который уже парил на высоте футов пятидесяти над землей, немного напоминая пухлого орла.

– Эй, Дэви Рэй! Бен вот-вот улетит без тебя. Эй, Бен! Позови-ка Дэви Рэя!

– Давай, Дэви Рэй, ты же можешь! – отозвался из поднебесья Бен, кувыркаясь в воздухе. – Здесь так здорово! Воздух просто отличный!

– Я готов, – отозвался, сжав зубы, Дэви Рэй. – Я готов! Скажи, что мне делать, Кори!

– Чувствуешь, Дэви Рэй, как растут твои крылья? Ого, я уже вижу их! Вот это да – они вот-вот вырвутся наружу! Вот, наконец-то они появились! Все, Дэви Рэй, твои крылья свободны!

– Я их чувствую, чувствую! – На блестящем от пота лице Дэви Рэя сияла улыбка.

Его гладкие рыжеватые крылья все сильнее и сильнее бились в воздухе; медленно и плавно, словно он плыл, Дэви Рэй начал подниматься вверх. Я знал, что Дэви Рэй не боится летать, но эта встреча лета была для него первой – никогда раньше он не приходил с нами на эту поляну. Он страшился одного – первого толчка, когда нужно собрать в кулак всю свою веру, чтобы оторваться от земли и взмыть в воздух.

– Бадди летит за тобой! – заорал я им вслед, когда коричневые в белых пятнах крылья пса развернулись в воздухе.

По-собачьи перебирая лапами, Бадди упорно поднимался все выше.

Я почувствовал, как мои крылья резко, одним толчком, развернулись позади коричневыми флагами, изголодавшимися по ветру, вырвавшись из лопаток и разодрав рубашку в клочья. Восторг полной свободы сделал легким мое тело. Начав подниматься в воздух, я пережил несколько мгновений паники, подобной тому, что мы испытываем, первый раз за лето бросаясь в холодную воду общественного бассейна. В конце августа крылья впадали в спячку и сворачивались, но порой трепетали, напоминая о себе. Это обычно случалось на Хеллоуин, День благодарения, в рождественские каникулы и на Пасху. В остальные дни они лежали совершенно неподвижно, лишь грезя о наступлении лета. Со времен нашей первой ритуальной встречи на лесной поляне я изредка вспоминал о своих крыльях и, ощущая их тяжелыми и непослушными, не понимал, каким образом они обретают подобную ловкость, двигаясь в воздухе как бы сами по себе. Приходило время, и мои крылья наполнялись ветром, а я испытывал благоговейный трепет, ощущая их мускулистую мощь. Сначала они лишь слегка дергались, словно в ответ на чихание. Затем взмахи становились более плавными и сильными, после чего наступало ощущение, наверняка знакомое поэтам, дождавшимся прихода своей музы. Мои крылья двигались теперь в лад с потоками воздуха.

– Я лечу! – громко закричал я, поднимаясь в чистое небо следом за своими друзьями, которые уже давно дожидались меня там со своими верными псами.

Позади себя, за спиной, я услышал знакомый лай. Оглянувшись, я увидел, как у Бунтаря выросли белые крылья и он рвется вверх, силясь

догнать меня. Резкими взмахами я настиг друзей под предводительством Бена.

– Не так быстро, Бен! – предупреждающе крикнул я.

Но он махнул еще выше, на все семьдесят футов. После того что Бен вынес на земле, он заслуживал полета, подумал я. Тампер и Бадди снова затеяли игру, летая друг за другом широкими ленивыми кругами, Бунтарь лаял, желая к ним присоединиться. Чиф, подобно своему хозяину, предпочитал одиночество. Устремившись вниз, Бунтарь облизал мне лицо. Я обнял его рукой за шею, и мы взмыли в небо, выше вершин самых высоких деревьев.

Дэви Рэй уже преодолел свои страхи. Издав громкий каркающий звук, он опустил голову, прижал руки к бокам и, сложив крылья, со смехом ринулся к земле. Напор воздуха исказил черты его лица.

– Осторожно, Дэви Рэй! Помедленнее! – закричал я, когда он пронесся мимо вместе с Бадди, который старался не отставать от своего хозяина. – Сбавь ход!

Но Дэви Рэй стремительно снижался в сторону простирающегося под нами зеленого лесного ковра. И когда у меня уже не оставалось сомнений, что еще миг – и он врежется в землю, словно метеорит, крылья раскрылись у него за спиной подобно чудесному опахалу. Одним сильным движением он развернул свое тело, будто складной нож, в небо, перпендикулярно земле. Стоило ему захотеть – и он мог бы сорвать пригоршню сосновых игл с ветки и пожевать их. Крича от восторга, Дэви летел над вершинами деревьев. Бадди развернулся чуть позже и в результате с треском вломился в раскидистые лапы сосны, но вскоре выровнялся и опять заскользил над землей. Пес поднялся к нам из ветвей, ворча и отплевываясь, оставив за собой растревоженных и ушибленных белок.

Я продолжал подниматься вслед за Беном. Занятый, как обычно, самим собой, Джонни исполнял правильные плавные восьмерки. Бунтарь и Тампер затеяли веселую возню в шестидесяти футах над землей. Бен улыбнулся мне. Его лицо и рубашка были мокрыми от пота, ее полы, выпростанные из штанов, трепетали у него за спиной.

– Смотри, Кори! – крикнул мне Бен и, прижав руки к животу и подтянув вверх колени, с громким криком камнем рухнул вниз.

Решив повторить маневр Дэви Рэя – замедлить скорость и поймать ветер, – Бен широко распахнул крылья, но что-то у него не вышло.

Одно из его крыльев не раскрылось полностью. Почувствовав, что попал в беду, Бен вскрикнул. Он кувырком полетел вниз, размахивая руками.

– Я падаю-у-у-у-у! – в отчаянии кричал Бен, полагаясь только на второе крыло и молитву.

Животом вперед он врезался в верхушки деревьев.

– Ты жив, Бен? – спросил Дэви Рэй.

– С тобой все в порядке? – крикнул я.

Джонни тоже остановил свой полет.

Тампер подбежал к своему хозяину и лизнул его в лицо. Бен поднялся с земли и сел, показав нам локоть с содранной кожей.

– Черт! – сказал он. – Болит немного.

На локте Бена показалась кровь.

– Не нужно было так быстро лететь! – сказал Бену Дэви Рэй. – Вот чудила!

– Все в порядке, – проговорил Бен, поднимаясь. – Мы ведь еще даже не полетали как следует, верно, Кори?

Бен был готов продолжать. Я вновь начал свой бег, мои руки сами собой раскинулись в стороны. Остальные тоже припустили вовсю, раскинув руки и пытаясь поймать ветер.

– Дэви Рэй поднялся на семьдесят футов! – крикнул я. – Бадди тоже летит с ним. Джонни выписывает восьмерки на пятидесяти футах. Давай, Бен! Выбирайся из этих деревьев!

Поднявшись к нам, Бен с широкой улыбкой отряхнул с волос сосновые иглы.

Как всегда, первый день лета вышел самым чудесным.

– За мной, ребята! – крикнул нам Дэви Рэй и взял курс на Зефир.

Первым за ним устремился я. Моим крыльям были знакомы маршруты голубых небесных дорог.

Солнце припекало нам спины. Домики Зефира лежали под нами словно игрушечные, улицы казались пластинками жвачки. Автомобили походили на заводные машинки, которые можно купить за пять долларов десять центов. Мы пересекли коричневую блестящую змею Текумсе, пронеслись над мостом с горгульями и над старой железнодорожной эстакадой. Я заметил несколько лодок с рыбаками. Если Старый Мозес вдруг решит отведать их наживки, им вряд ли удастся спокойно усидеть, дожидаясь, пока клюнет рыба.

Наши маленькие тени в сопровождении крошечных пятнышек собачьих теней мчались по земле, словно рисуя на ней тайные письма. Мы пролетели над темно-коричневым продолговатым пятном озера Саксон. Мне озеро совсем не нравилось, и потому я, воспользовавшись теплым восходящим потоком, поднялся до высоты в семьдесят футов. То, что лежало в глубине этого озера, пугало меня, как сердцевина гниющего яблока. Резко сбавив высоту полета, Дэви пронесся всего в десяти футах над поверхностью озера. Дэви следовало бы соблюдать осторожность: если он намочит крылья, то не сможет продолжить полет до тех пор, пока не просохнут перья. Но вскоре Дэви снова поднялся к нам, и мы все вместе полетели дальше над лесом, который начинался сразу за озером Саксон, над фермерскими полями, напоминавшими лоскутное одеяло из зеленых и светло-коричневых кусков.

– Где мы теперь, Кори? – спросил меня Дэви Рэй.

– Мы почти уже добрались до... – Не договорив, я указал на серебристый реактивный истребитель, заходивший на посадку.

По нашему курсу находилась авиабаза Роббинс, огромное пустое пространство посреди океана лесной зелени. Далеко позади базы, там, куда не могли залететь даже мальчики с крыльями, находился полигон, где пилоты истребителей вели огонь по наземным имитациям целей, а бомбардировщики время от времени сбрасывали настоящий бомбовый груз, от взрывов которого дребезжали стекла даже в Зефире. Военный аэродром был границей наших вылазок, и мы повернули обратно, устремившись в раскаленную синеву, туда, откуда только что прилетели: над полями и лесами, над озером, рекой и крышами домов.

Вместе с Бунтарем мы покружили над нашим домом. Мои друзья тоже проведали свои дома, и со всех сторон доносился радостный собачий лай. Глядя на собственный дом с высоты, я понял, какой он маленький по сравнению с огромным миром, раскинувшимся во все стороны. С высоты своего полета я видел дороги, тянувшиеся до самого горизонта. По дорогам куда-то двигались грузовики. Вместе с летней жарой приходит жажда странствий; я ясно ощущал ее, пытаюсь угадать, доведется ли и мне когда-нибудь колесить по этим дорогам и, если это действительно произойдет, куда проляжет мой путь. Как обычно, я попытался представить себе, что случится, если мама или отец вдруг появится на крыльце и заметит на земле тени – мою и

Бунтаря, после чего, конечно же, посмотрит вверх. Вряд ли они догадывались, что их сын умеет летать.

Сделав круг над трубами и башенками особняка Такстера, что находился в конце Темпл-стрит, я снова рванул навстречу друзьям. На усталых крыльях мы наконец-то добрались до нашей поляны.

Кружа, подобно осенним листьям, мы один за другим грациозно опустились на траву. Земля под ногами ходила ходуном – я пробежал еще несколько шагов, пока мое тело и крылья заново приспособивались к узам гравитации. Мы снова оказались на земле и теперь бегали по поляне кругами друг за другом вместе со своими собаками, сперва преодолевая сопротивление ветра, потом подталкиваемые им в спину. Наши крылья сложились обратно и скрылись в углубления за лопатками на спине; крылья наших собак втянулись в их плоть и сверху закрылись космами шерсти – белой, коричневой, рыжей и коричневой в белых пятнах. Наши разорванные рубашки сами собой заштопались, да так, что наши мамы никогда бы не заподозрили неладное. Мы насквозь промокли от пота, наши лица и руки блестели, и, как только земля снова заполучила нас в свои объятия, мы прервали свой бег и без сил рухнули на траву.

Собаки бросились к нам, норовя лизнуть в лицо. Ритуальный полет завершился до следующего лета.

Мы немного посидели, тихо беседуя в ожидании, пока наши сердца обретут свой привычный ритм и уляжется душевное волнение. Мы рассказали друг другу обо всем, чем собирались заняться этим летом: дни обещали быть длинными, что предоставляло возможность много чего успеть. Но в одном у нас не возникало сомнений: этим летом мы обязательно отправимся в поход с ночевкой.

А теперь настала пора расходиться по домам.

– До встречи, ребята! – крикнул нам Бен, отъезжая на своем велосипеде; вслед за ним бежал его Тампер.

– Пока, увидимся! – попрощался Дэви Рэй, оседлав своего верного скакуна, а Бадди рванул в кусты, приметив там одичавшего кролика.

– Чао! – сказал мне Джонни, нажимая на педали; его сопровождал верный Чиф.

– Какао! – крикнул я, помахав ему в ответ.

Я направился домой, по пути бросая Бунтарю шишки, за которыми он с удовольствием гонялся. Под одним из кустов Бунтарь обнаружил

змеиную нору и залился яростным лаем, но я торопливо оттащил его от греха подальше, потому что оттуда в любой момент могла выползти ее хозяйка. Слишком большая была нора.

Когда я вошел на кухню, мама с ужасом воззрилась на меня.

– Ты весь мокрый, Кори! – воскликнула она. – Чем это ты занимался?

Пожав плечами, я вытащил из холодильника кувшин с лимонадом.

– Ничем особенным, – отозвался я.

Глава 2

Разговор в парикмахерской

– Немного снимем сверху и подровняем по бокам, так, Том?

– Наверно. Полагаю, так.

– Что ж, тогда приступим.

Таковыми словами мистер Перри Доллар, парикмахер с Мерчантс-стрит, предварял каждую стрижку. Вы могли говорить или не говорить ему, какая именно стрижка вам нужна, все равно у него всегда выходило «немного снимем сверху и подровняем по бокам». Конечно, речь шла о нормальной, «настоящей» стрижке, а не о каких-то там изысках с укладкой, как в парикмахерских салонах. За доллар и пятьдесят центов вы получали полный набор услуг: обертывание шеи хрустящим полотенцем в голубую полоску, щелканье ножницами над ухом, треск машинки, ощущение горячей пены на затылке и прикосновение только что правленной на кожаном ремне бритвы в тех местах, где оставались тонкие короткие волоски, а за этим следовал щедрый душ из одной из волшебных бутылок с наклейками «Дикий корень», «Виталис» или «Брилкрим». Я говорю «волшебных бутылок», потому что, когда бы я ни пришел стричься к мистеру Доллару, в этих бутылках, хранившихся на полке над креслом для клиента, всегда было ровно половина жидкости и уровень ее никогда не уменьшался и не увеличивался ни на дюйм. По окончании стрижки – в данном случае уместнее было бы сказать «скальпирования» – мистер Доллар расстегивал английскую булавку и снимал с вашей шеи полотенце, после чего заботливо стряхивал умерщвленные волоски с ворота вашей рубашки специальной щеткой, по ощущениям сделанной из щетины со свиного рыла. После процедуры взрослые могли полакомиться из банки карамелью с арахисом, а ребята – выбрать себе леденец: лимонный, лаймовый, виноградный или вишневый.

– Жарковато сегодня, – сказал мистер Доллар, приподнимая папины волосы расческой и срезая их концы острыми ножницами.

– Это точно.

– Бывало и жарче. Знали мы и не такие денечки. В тысяча девятьсот тридцать шестом в этот день было сто три градуса по Фаренгейту.

– А в двадцать седьмом – все сто четыре! – подал голос мистер Оуэн Каткоут, пожилой человек, неизменно составлявший партию в шашки другому старику – мистеру Габриэлю «Джазисту» Джексону – в задней комнате парикмахерской, где висящий на потолке вентилятор немного разгонял воздух и было легче дышать.

Морщинистое лицо мистера Каткоута, сплошь покрытое коричневыми пигментными пятнами, напоминало карту какой-то неизвестной заграничной страны. У него были глаза-щелки и руки с длинными пальцами, спутанные седеющие волосы цвета соломы свисали прядями до самых плеч, что наверняка болезненно резало глаза мистеру Доллару. Мистер Джексон был старый негр с большим животом, серо-стальными волосами и небольшими, аккуратно подстриженными усами. Он зарабатывал себе на жизнь тем, что чистил и чинил обувь. Люди приносили ее к нему в мастерскую, которая находилась позади парикмахерской мистера Доллара. Свое прозвище мистер Джексон получил за то, что мог, по словам моего отца, «выдуть из своего кларнета целую оперу со всеми шмелями и мухами». Кларнет мистера Джексона, хранившийся в черном футляре, всегда находился под рукой у своего хозяина.

– В июле будет еще жарче, – заметил мистер Джексон, задумчиво глядя на шашки. Протянув руку, он взял было шашку, потом опустил ее на место и снова задумался.

– Оуэн, ты опять решил устроить мне западню – загнать в безвыходное положение?

– Даже не мечтал об этом, мистер Джексон.

– Ладно, не пудри мне мозги, старый ты лис! – усмехнулся Джазист, наконец разглядев простую, но смертоносную ловушку, заготовленную для противника мистером Каткоутом. – Решил освежевать меня и зажарить на обед? Нет уж, зубы сломаешь; жестковат я, понятно?

Следующий ход позволил ему ненадолго выбраться из западни.

Мистер Доллар, невысокий коренастый человек, обладал лицом как у довольного бульдога. Его седые брови торчали во все стороны, как сорная трава, а волосы были подстрижены так коротко, что сквозь них виднелась желтоватая кожа. Он знал все и обо всех, ему можно было

задать любой вопрос по истории Зефира и получить исчерпывающий ответ. В течение последних двадцати лет мистер Доллар был единственным парикмахером в Зефире, и ни одна городская сплетня не проходила мимо него. Он мог рассказать вам обо всем, что происходит в городе, если у вас находилось время посидеть и послушать. Кроме того, мистер Доллар был обладателем отличной коллекции зачитанных до дыр комиксов, журналов «Филд & стрим», «Спортс иллюстрейтед», а от Дэви Рэя я слышал, что в задней комнате специально для взрослых у мистера Доллара была припасена подборка таких изданий для мужчин, как «Стэг», «Конфиденциал» и «Аргоси».

– Кори, – обратился ко мне мистер Доллар, продолжая кромсать волосы моего отца, – ты еще не познакомился с новым мальчиком?

– Нет, сэр.

Я понятия не имел, что в нашем городе появился какой-то новый мальчик.

– Вчера вместе с отцом они заходили ко мне подстричься. У парнишки отличные волосы, но этот его чуб – я об него чуть ножницы не затупил.

«Чик-чик-чик», – сказали ножницы.

– Они приехали на прошлой неделе.

– Это та новая семья, что сняла дом на углу Гринхоу и Шентак? – поинтересовался отец.

– Да, это они и есть. Их фамилия Керлисс. Приятные люди. У них у всех отличные волосы.

– А чем занимается этот мистер Керлисс?

– Коммивояжер, – ответил мистер Доллар. – Продает рубашки какой-то компании из Атланты. Его паренек на пару лет моложе, чем Кори. Я усадил его на «коня», и он даже не пошевелился.

«Конь» был вырезанной из дерева пегой золотогривой лошастью, взятой с какой-то обреченной на слом карусели; теперь «конь» был прикручен болтами к полу рядом с парикмахерским креслом. На «коне» стриглись только самые маленькие детишки, но иногда мне хотелось снова сесть на него верхом, засунуть ноги в стремя и сидеть долго-долго. То обстоятельство, что мальчик Керлиссов, девяти или десяти лет от роду, захотел сесть на лошадку, свидетельствовало о том, что он, по-видимому, маменькин сынок.

– Мистер Керлисс, похоже, приличный малый, – продолжал мистер Доллар, проходя ножницами вдоль отцовской головы. – Крепкий орешек, хотя и слишком тихий для коммивояжера.

– Понятно, – отозвался отец.

– Судя по тому, что рассказал этот Керлисс, ему с семьей пришлось немало поколесить по стране: он называл несколько городков, где ему довелось жить. Похоже, если ты подрядился коммивояжером, тебе придется ехать, куда бы тебя ни послала компания.

– Это не по мне, – отозвался отец, – я предпочитаю жить там, где пустил корни.

Мистер Доллар кивнул. Оставив Керлиссов, он стал перескакивать с одной темы на другую, словно человек, идущий сквозь высокую траву и видящий только на шаг вперед.

– Мне бы сюда этих парней-битлов, я бы из них сделал мужиков, а то патлатые, как бабы.

И тут брови мистера Доллара сошлись на переносице: новая тема пришла ему в голову.

– Коммунисты хвастаются, что вот-вот нас похоронят. Пока мы еще в силах, нужно их остановить, а то, глядишь, они и вправду до Америки доберутся. наших парней шлют, чтобы прищемили им хвост, в этот, как его... туда, где растет этот чертов бамбук...

– Во Вьетнам? – предположил отец.

– Точно. Именно туда. Поубивают там этих комми, и нам больше не придется беспокоиться.

Ножницы мистера Доллара щелкали с пугающей скоростью. Новая мысль зародилась где-то между его ушами.

– Том, Джей-Ти так и не узнал, что за парень утонул в озере Саксон?

Я взглянул отцу в лицо. На нем ничего не отразилось, но я-то знал, насколько его самого мучает этот вопрос.

– Нет, Перри. Ничего он не узнал.

– Думаю, это был агент ФБР, – предположил Джазист. – Выискивал в нашей округе подпольные самогоноварни. Наверно, Блэйлоки его и пристукнули. Точно, они.

– Мистер Скалли тоже так думает, – вставил отец.

– Да, с Блэйлоками лучше не связываться, – заметил мистер Доллар. Включив машинку для стрижки волос, он принялся подправлять отцу виски. – Это не первый человек, которого они убили.

– Откуда вы знаете?

– Сим Сирс обычно берет виски у младшего из братьев, у Донни. И... э-э-э... – Мистер Доллар покосился на меня. – Так того и гляди и до школы дойдет?

– Нет, все в порядке, – отозвался отец. – Говорите.

– Это мне Сим сказал: похоже, за них взялись всерьез. Донни Блэйлок давно снабжает Сима самогонкой. Так вот, однажды Сим с Донни напились в лесу до чертиков – в ту ночь, когда упал метеорит, – и Донни много всякого наболтал Симу.

– Наболтал? – насторожился отец. – Что он ему наболтал?

– Донни хвалился, что однажды убил человека, – ответил мистер Доллар. – Он не сказал ему когда, кого и за что. Просто взял да и ляпнул, что убил человека и очень этим доволен.

– А Джей-Ти знает?

– Ничего шериф не знает. Наверняка и не слыхал об этом. Я тоже не собираюсь ему ничего рассказывать – просто не хочу, чтобы Джей-Ти пристукнули, как котенка. Ты, Том, сам когда-нибудь видел Блэйлока Большое Дуло?

– Нет.

– Большое Дуло здоровый, как лось, и злой, как дьявол. Если я расскажу Джей-Ти то, что наболтал мне Сим, шерифу придется отправиться в лес, чтобы разыскать Блэйлоков. И если ему удастся найти их гнездо, в чем я сильно сомневаюсь, то эти безжалостные ублюдки подвешат его за пятки и перережут ему горло, словно... – Мистер Доллар снова оглянулся на меня.

Я сидел, уткнувшись в комикс о Человеке-Ястребе, а на самом деле весь обратился в слух.

– Сдается мне, что тогда нашему шерифу придет конец, – закончил мистер Доллар.

– Почему Блэйлоки чувствуют себя хозяевами всего нашего округа и творят что хотят? – воскликнул отец. – Если они убили человека, то должны понести за это наказание!

– Точно, когда-нибудь они заплатят за это, – кивнул мистер Доллар, снова взяв в руки ножницы. – Кстати говоря, Большое Дуло как-то раз заглядывал к нам. Точно, это было в прошлом ноябре. Он тогда привез пару ботинок, чтобы поставить на них новые подметки. Помнишь, как он появился, Джазист?

– Само собой. Хорошие у него ботинки, дорогие. Я здорово перетрусил, пока с ними работал, – боялся поцарапать кожу.

– Знаешь, что сказал Блэйлок, когда расплачивался за свои ботинки? – спросил мистер Доллар моего отца. – Он сказал, что эти ботинки у него давяльные: если он на кого этим башмаком наступит – тот больше не поднимется. Не стоит, мол, попадаться ему на дороге и вмешиваться в его дела. Поэтому дураков нет: никто за этими Блэйлоками в лес не пойдет, кому захочется рисковать своей шкурой?

– Думаю, это самое и случилось с парнем, который теперь лежит на дне озера Саксон, – подал голос Джазист. – Сунул нос в бизнес Блэйлоков и получил свое.

Джазист сказал «биднес».

– Лично мне нет дела до того, что они гонят самогон и торгуют им со своего грузовичка, – продолжал мистер Доллар. – Мне от этого нет никакого вреда. Плевать мне на то, что они контролируют тотализатор на автомобильных гонках, потому что я никогда не играл на деньги. Меня не волнует, что они вытворяют с девками из заведения Грейс Стаффорд, потому что я семейный человек.

– Стойте-стойте, – вдруг насторожился отец. – Что вы там говорили по поводу Грейс Стаффорд?

– А то, что в своем борделе она не хозяйка. Она там вроде управляющей, ничего больше. На самом деле настоящие хозяева этого злочного местечка – Блэйлоки. Все там принадлежит им, вплоть до последней папильотки.

Отец тихо хмыкнул:

– Я об этом ничего не знал.

– Разумеется, откуда тебе знать! – Мистер Доллар намазал немного пены на затылок и шею отца и приготовил опасную бритву, чтобы сбрить остатки волос. – Все в точности так: Блэйлоки загребают там большие деньги. Парни с авиабазы там все время торчат – Большое Дуло с сыновьями на них уже, наверно, состояние сколотили.

Твердой рукой мистер Доллар принялся брить шею моего отца.

– Думаю, что Блэйлоки не по зубам Джею-Ти, слишком твердый орешек. Для того чтобы упрятать их в тюрьму, нужен кто-нибудь вроде Эдгара Гувера.

– Уайатт Эрп с ними бы разобрался, – вдруг подал голос мистер Каткоут. – Если бы был еще жив, само собой.

– Судя по твоим рассказам, Оуэн, Эрп был мастак по этой части. – Мистер Доллар снова взглянул на меня, очевидно уже заметив, что я держу ушки на макушке, потом снова повернулся к старику Каткоуту. – Послушай, Оуэн! Сдается мне, Кори еще не слыхал о том, что случилось между тобой и Уайаттом Эрпом. – И мистер Доллар заговорщицки мне подмигнул. – Может, расскажешь ему эту знаменитую историю?

Несколько секунд мистер Каткоут сидел молча, внимательно разглядывая доску с шашками. Хотя настала его очередь делать ход, ни одной шашки он так и не передвинул.

– Нет уж, – наконец подал он голос. – Что было, то быльем поросло, не стоит ворошить прошлое.

– Да что ты, Оуэн! Расскажи парнишке. – Парикмахер повернулся ко мне. – Тебе же, небось, хочется услышать эту историю, верно, Кори?

Прежде чем я успел ответить «да» или «нет», мистер Доллар уже продолжал:

– Видишь, Оуэн? Он до смерти хочет услышать!

– Давно это было, – тихо отозвался мистер Каткоут.

– В тысяча восемьсот восемьдесят первом, точно? Двадцать шестого октября в Тумстоуне, штат Аризона. Ты был тогда девятилетним пацаном, верно?

– Именно так, – кивнул Каткоут. – Мне было всего девять лет.

– Вот и расскажи мальчишке, что ты натворил в тот день.

Мистер Каткоут продолжал рассматривать шашки на доске.

– Давай, Оуэн, – толкнул его в бок локтем Джазист. – Не томи душу.

– В этот день, двадцать шестого октября, я убил человека, – наконец проговорил мистер Каткоут. – И спас жизнь Уайатту Эрпу у короля О-Кей.

– Понял, Кори? – снова подмигнул мне мистер Доллар. – Могу поспорить, ты и не знал, что сидишь здесь с настоящим стрелком с Дикого Запада.

По тому, как мистер Доллар сказал все это, я понял, что сам он нисколько не верит в свои слова и что рассказ мистера Каткоута ему нужен только для того, чтобы в очередной раз над ним посмеяться.

Конечно, я много раз слышал рассказы про король О-Кей. Не только я, но и любой мальчишка, который питает хоть малейший интерес к ковбоям и временам Дикого Запада, слышал историю о том, как братья

Эрп – Уайатт, Вирджил и Морган – вместе с шулером Доком Холлидеем сошлись на пыльной улице Тумстоуна лицом к лицу с налетчиками из банды Клэнтонов и Маклоуэри.

– Так это взаправду произошло, мистер Каткоут? – спросил я.

– Да, сынок, все так и случилось, – ответил старик. – Мне в тот день здорово повезло. Я был малолеткой и ничего не смыслил ни в оружии, ни в стрельбе. Едва ногу себе не отстрелил.

– Расскажи ему, как ты спас жизнь Уайатту, – настойчиво повторил мистер Доллар, стирая горячим полотенцем остатки пены с шеи моего отца.

Мистер Каткоут нахмурился. Я понял, что он либо не любит вспоминать те времена, либо воспоминания вообще даются ему с трудом. Девяностолетнему старику нужно отпереть немало замков в своей памяти, чтобы вспомнить тот день, когда ему было всего-навсего девять. Но, полагаю, этот конкретный день вспомнить стоило.

– На улице в тот день никого не было, – начал свой рассказ мистер Каткоут. – Все сидели по домам, потому что знали: Эрпы, Док Холлидей, Маклоуэри и Клэнтоны обязательно устроят кровопролитие – между ними давно назревала стычка. Но я специально выбрался посмотреть и сидел, спрятавшись за домом. Дурачок я был, что с меня взять.

Отодвинув стул от доски с шашками, он сидел, сплетя длинные пальцы, и ветерок от вентилятора слегка шевелил его волосы.

– Я слышал крики и выстрелы, слышал, как пули входят в человеческую плоть. Этот звук я не забуду никогда, даже если проживу еще сто лет.

Мистер Каткоут, прищурившись, смотрел на меня, но я был уверен, что перед его взглядом проносилось прошлое, где с земли в кровавых пятнах поднимается пыль и тени людей наводят друг на друга свои шестизарядные револьверы.

– Пальба стояла оглушительная, – продолжал он. – Раздался визг пули, пробившей стену хижины рядом с моей головой. Я упал ничком на землю и лежал ни жив ни мертв. Вскоре мимо прошел, шатаясь, какой-то мужчина и упал на колени. Это был Билли Клэнтон. Раненный, он все еще сжимал в руке револьвер. Он пристально посмотрел на меня, потом закашлялся, у него хлынула кровь горлом и из носа, и он упал лицом вниз рядом со мной.

– Вот это да! – охнул я, чувствуя, как по рукам бегут ледяные мурашки.

– Но это еще не все, Кори! – снова подал голос мистер Доллар. – Расскажи ему дальше, Оуэн!

– Вдруг на меня упала чья-то тень, – проговорил мистер Каткоут хриплым голосом. – Я поднял голову и увидел Уайатта Эрпа. Его лицо было покрыто пылью, он показался мне огромным, не меньше десяти футов ростом. «Беги домой, паренек», – сказал он мне. Я и сейчас слышу его голос так же отчетливо, как свой. Но я так испугался, что ноги меня не слушались, а Уайатт направился к другому концу сарая. Перестрелка закончилась. Клэнтон и Маклоуэри лежали на земле, нашпигованные свинцом. А потом случилось это самое.

– Что случилось? – прошептал я, когда мистер Каткоут остановился, чтобы отдышаться.

– Оказалось, один из подручных Клэнтона спрятался в пустой дождевой бочке. Высунувшись оттуда, он направил револьвер в спину Уайатту. Раньше я никогда не видел этого парня. Он стоял совсем рядом со мной, так же близко, как сейчас сидишь ты. Он прицелился в Уайатта, и я услышал, как щелкнул курок.

– Сейчас начнется самое интересное, – подал голос мистер Доллар. – Так что было дальше, Оуэн?

– Дальше... я поднял револьвер Билли Клэнтон, тяжелый, как пушка; вся его рукоятка была перепачкана кровью.

Мистер Каткоут замолчал, прикрыв глаза. Потом заговорил снова:

– Я хотел окликнуть Уайатта, но было уже поздно. Ни на что не оставалось времени, кроме того, что сделал я. Я решил выстрелить в воздух, чтобы испугать этого парня и заодно привлечь внимание мистера Эрпа. Но не успел я как следует взяться за рукоятку пистолета, как прогрехотал выстрел: «бу-у-ум».

Глаза мистера Каткоута при этом воспоминании открылись.

– Отдачей меня сбило с ног и едва не вывернуло плечо. Я слышал, как пуля отскочила рикошетом от камня в каких-то шести дюймах от моей правой ноги. Она пробила парню правую руку насквозь, так что его револьвер выпал, и размозжила кисть, даже кости показались. Кровь хлынула фонтаном. Он буквально истек кровью и умер, а я стоял над ним и твердил без конца: «Извините, извините, извините». Я не собирался его убивать, просто хотел спасти от смерти мистера Эрпа.

Мистер Каткоут тихо и глубоко вздохнул, словно тихий ветерок подул, поднимая пыль над могилами кладбища на Бут-Хилле.

– Я стоял над убитым с револьвером Билли Клэнтон в руке. Потом ко мне подошел Док Холлидей, забрал у меня револьвер, достал из кармана четвертак и сказал: «Пойди и купи себе леденец, парень, ты его заслужил». Так я получил свое прозвище.

– Прозвище? – переспросил я. – Какое прозвище?

– Кид Леденец, – ответил мистер Каткоут. – На следующий день мистер Эрп пришел к нам домой на обед. Мой отец был простым фермером. Мы были небогаты, но постарались не ударить лицом в грязь и угостили его на славу. После обеда он подарил мне револьвер Билли Клэнтон вместе с кобурой. Так он отблагодарил меня за то, что я спас ему жизнь.

Мистер Каткоут покачал головой:

– Надо было сразу выбросить этот проклятый револьвер в колодец, как советовала моя мама.

– Почему?

– А потому. – Мистеру Каткоуту не сиделось на месте: он был слишком взволнован собственным рассказом. – Потому что мне это слишком *понравилось*, вот почему! Я стал учиться пользоваться револьвером. Я любил его запах, его тяжесть в руке, мне нравилось, каким он становится теплым после стрельбы, а главное – то, как бутылки, по которым я палил, в одно мгновение разлетались на куски. Вот в чем загвоздка.

Мистер Каткоут поморщился, словно от оскомины.

– Потом я стал стрелять по птицам, сбивал их прямо на лету и гордился этим, считал, что становлюсь крутым парнем, настоящим артистом. А потом меня стала мучить мысль, сумею ли я выстрелить быстрее другого парня с таким же револьвером, как у меня. Я продолжал практиковаться в стрельбе. Как только мне исполнилось шестнадцать, я сел в дилижанс и отправился в Юму, где убил известного стрелка по имени Эдвард Бонтил. Это стало моим первым шагом на пути в преисподнюю.

– В свое время старина Оуэн пользовался большой известностью, – заметил мистер Доллар, сдувая остатки волос с плеч моего отца. – Прошу прощения, я говорю о Киде Леденце, само собой. Скольких парней ты отправил на встречу с Создателем, Оуэн?

Мистер Доллар снова взглянул на меня и подмигнул.

– Я убил четырнадцать человек, – проговорил мистер Каткоут. В его голосе не прозвучало ни малейшей гордости за совершенное. Он не сводил глаз с красных и черных квадратиков шашечной доски. –

Самому молодому из них было девятнадцать, старшему – сорок два. Возможно, некоторые из них и заслуживали смерти, хотя, наверно, не мне об этом судить. Я убил их всех в честной схватке лицом к лицу. Но все дело в том, что я намеренно искал повода убить их. Я хотел создать себе имя, прославиться. И в тот день, когда меня подстрелил более молодой и быстрый стрелок, я решил, что мое время вышло и со стрельбой покончено.

– Вас ранили? – удивился я. – И куда вам попала пуля?

– В левый бок. Но я оказался более метким: попал тому парню прямо в лоб и вышиб мозга. Но мои веселые денечки закончились, я отправился на восток и поселился здесь. Вот и вся история.

– Но твой револьвер и кобура по-прежнему с тобой, так ведь, Леденец? – поинтересовался мистер Доллар.

Мистер Каткоут ничего не ответил. Он сидел неподвижно, и я подумал даже, что он заснул, хотя его глаза под тяжелыми веками были открыты. Потом он резко поднялся с места и на плохо гнущихся ногах прошагал туда, где стоял мистер Доллар. Он остановился прямо перед парикмахером, и я увидел Каткоута в зеркале: вид у него был мрачный, а сжатые в полоску губы почти исчезли, отчего его лицо стало напоминать череп, туго обтянутый коричневой кожей. Губы мистера Каткоута растянулись в улыбке, в которой не было и тени веселья. Усмешка выглядела пугающей, и я заметил, как мистер Доллар отпрянул, увидев перед собой это лицо.

– Перри, – проговорил мистер Каткоут, – я знаю, что ты считаешь меня старым, выжившим из ума дурнем, что ты смеешься у меня за спиной, когда думаешь, что я этого не вижу. Но ты забываешь о том, Перри, что, если бы у меня не было глаз на затылке, я не дожился бы до старости.

– Э-э-э... хм... ну что ты, Оуэн! – пробормотал мистер Доллар. – Зря ты так горячишься. Я и не думал смеяться над тобой, честно.

– Теперь ты либо лжешь, либо пытаешься назвать лжецом меня, – отозвался старик, и что-то, прозвучавшее в его спокойном голосе, заставило меня похолодеть.

– Извини, если тебе показалось...

– Да, и кобура, и револьвер по-прежнему со мной, – прервал его мистер Каткоут. – Я сохранил их на память о прошлых временах. Теперь послушай меня, Перри.

Мистер Каткоут наклонился ближе. Парикмахер попытался улыбнуться, но его губы лишь сложились в жалкую гримасу.

– Можешь звать меня Оуэном или мистером Каткоутом. Можешь обращаться ко мне просто «эй, ты» или «эй, старик». Но никогда, слышишь, не смей называть меня так, как меня звали, когда я был стрелком. Ни сегодня, ни завтра, никогда. Надеюсь, ты понял меня, Перри?

– Оуэн, я никогда не называл тебя...

– Ты хорошо расслышал вопрос, Перри?

– Да. Очень хорошо, – кивнул мистер Доллар. – Как скажешь, Оуэн. Я со всем согласен.

– Со всем соглашаться не нужно. Только с тем, что я тебе сказал.

– Все, хорошо. Нет проблем, Оуэн.

Мистер Каткоут еще несколько секунд смотрел в глаза парикмахеру, словно выискивая там ответ. Потом вздохнул и проговорил:

– Мне пора.

Повернувшись, он двинулся к выходу.

– А как же шашки, Оуэн? – подал голос Джазист. – Мы еще не доиграли.

Мистер Каткоут остановился.

– На сегодня с меня хватит игр, – ответил он, потом толкнул дверь и вышел на улицу в июньскую жару.

Закрывшаяся дверь принесла с собой волну теплого воздуха. Поднявшись с места, я подошел к окну из толстого листового стекла и долго смотрел вслед мистеру Каткоуту, который неторопливо, засунув руки в карманы, удалялся по Мерчантс-стрит.

– Ну и что вы на это скажете? – повернулся к нам мистер Доллар. – С чего это он вдруг так взбеленился?

– Он понял, что ты не поверил ни единому его слову, – объяснил Джазист и принялся собирать шашки в коробку и складывать доску.

– Так это правда или нет? – спросил отец, поднимаясь из парикмахерского кресла. Волосы вокруг его ушей были аккуратно выстрижены, а шея, там, где ее скребли бритвой, покраснела.

– Конечно, он все сочинил! – фыркнул мистер Доллар. – Оуэн просто спятил и уже несколько лет мелет всякую чушь!

– Так, значит, все, что он рассказал, – выдумка? – спросил я, не сводя глаз с мистера Каткоута, шагавшего по тротуару.

– Конечно выдумка от начала до конца.

– Откуда у вас такая уверенность? – спросил отец.

– Перестань, Том! Что стрелку с Дикого Запада делать в Зефире? И потом, не думаешь же ты, что случай, когда мальчишка спас жизнь Уайатту Эрпу у кораля О-Кей, мог не попасть в книги по истории? Так вот, я пошел в библиотеку и внимательно просмотрел там разные книжки, где это описано. В них нет ни слова о том, что какой-то мальчишка спас жизнь Уайатту Эрпу, а кроме того, я не нашел там ни одного стрелка по прозвищу Кид Леденец.

Мистер Доллар раздраженно смахнул щеткой со спинки кресла остатки волос:

– Твоя очередь, Кори. Садись.

Уже отворачиваясь от окна, я заметил, как мистер Каткоут помахал кому-то рукой. По другой стороне Мерчантс-стрит навстречу мистеру Каткоуту шествовал Вернон Такстер, как обычно в чем мать родила. Он шел с очень целеустремленным видом, словно торопился куда-то, но не забыл поприветствовать мистера Каткоута.

Двое безумцев пошли дальше, каждый своей дорогой.

Я не видел во всем этом ничего смешного. Интересно, что заставило мистера Каткоута вбить себе в голову, что когда-то он был стрелком, так же как Вернон Такстер твердо верил, что ему есть куда идти?

Я подошел к креслу и уселся. Закутав мою шею полотенцем и заколов его булавкой, мистер Доллар несколько раз расчесал мои волосы гребешком. Отец уже сидел в кресле для посетителей и читал «Спортс иллюстрейтед».

– Немного снимем сверху и подровняем по бокам? – спросил меня мистер Доллар.

– Да, сэр, – ответил я. – Это будет в самый раз.

Ножницы запели свою визгливую песню, и маленькие мертвые кусочки меня посыпались на пол.

Глава 3

Мальчик и мяч

Когда мы с отцом вернулись домой, он уже стоял у нашего крыльца. Прямо перед крыльцом, сам по себе, опираясь на специальную выдвижную подножку.

Новенький велосипед.

– Господи, – прошептал я, торопливо выбираясь из нашего пикапа. Ничего больше я вымолвить не мог. К крыльцу я шел словно в трансе, а затем, протянув руку, прикоснулся к нему.

Велосипед мне не приснился. Он был самый что ни на есть настоящий. И он был прекрасен. За моей спиной оценивающе присвистнул отец:

– Вот это да. Потрясающий велосипед, верно, Кори?

– Да, сэр.

Я все еще не мог поверить своему счастью. Передо мной находилось то, о чем я в глубине души мечтал с незапамятных времен. Теперь это принадлежало одному мне, и потому я чувствовал себя королем мира.

Позже, много лет спустя, я говорил себе, что никогда в жизни не видел женских губ краснее и ярче, чем подаренный мне велосипед. Ни одна иноземная спортивная машина с мягко урчащим мотором не таила в себе столько скрытой мощи, как мой велосипед. Никакой хром так не блестел, подобно серебрястой луне в летнюю ночь. У велосипеда имелись большая круглая фара и гудок с резиновой грушей, а рама его выглядела такой же сильной и негибаемой, как мускулы Геракла. Вместе с тем велосипед казался рожденным для скорости: его руль плавно изгибался вперед, будто приглашая отведать напор ветра, черная резина его педалей не знала до меня никаких других подошв.

Отец погладил пальцами фару, потом приподнял велосипед одной рукой.

– Господи, да он почти ничего не весит! – восхищенно проговорил отец. – Легче металла я в жизни не держал в руках.

Когда он осторожно поставил велосипед на место, тот пружинисто замер на своей подножке, похожий на послушное, но еще не до конца укрощенное животное.

Через пару секунд я уже сидел в седле. Поначалу мне пришлось приспособливаться, потому что из-за наклона вперед руля и сиденья мне все время казалось, что я вот-вот потеряю равновесие и упаду. Голова выдавалась над передним колесом, спина была прямой и напряженной, как рама велосипеда. В моем распоряжении оказалась машина, которая, если я не буду внимателен, с легкостью могла выйти из повиновения; что-то во всем этом одновременно и пугало меня, и приводило в восторг.

На крыльце появилась мама. По ее словам, велосипед привезли всего час назад. Его доставил в кузове своего грузовичка мистер Лайтфут.

– Он просил передать тебе напутствие Леди, Кори. Она говорит, что на этом велосипеде нужно ездить очень осторожно, пока ты не привыкнешь к его норову, – сказала мама. Она посмотрела на отца, который ходил вокруг нового велосипеда. – Ведь Кори может оставить его себе, Том? – спросила она.

– Я не привык принимать милостыню. И ты это знаешь, Ребекка.

– Это не милостыня, Том. Это награда за доброе дело.

Отец еще раз обошел велосипед кругом. Потом остановился и легонько ударил ботинком по передней шине:

– Должно быть, он стоил ей уйму денег. Но велосипед отличный, это точно.

– Я могу оставить его себе? – дрожащим голосом спросил я.

Отец некоторое время молчал, уперев руки в боки. Раздумывая, он жевал нижнюю губу и хмурил брови, потом поднял глаза на маму:

– Значит, это не милостыня?

– Конечно нет.

Глаза отца встретились с моими глазами.

– Хорошо, – проговорил он. Ни одного его слова я не ждал с такой тревогой и надеждой. – Этот велосипед твой.

– Спасибо! Огромное спасибо, папа!

– Ты ведь всегда мечтал о новом велосипеде. Как ты его назовешь?

Я не успел об этом подумать и покачал головой, все еще пытаюсь привыкнуть к тому, как клонилось вперед мое тело.

– Попробуй сделать на нем пару кругов, – подмигнул мне отец, потом подошел к маме и обнял ее за талию.

– Хорошо, сэр, – отозвался я, слез с велосипеда и убрал подножку, а потом, взяв за руль, отвел его к ступенькам крыльца.

Мне казалось невежливым катить по тряской лужайке, пока мы с велосипедом как следует не познакомились друг с другом. Я снова сел в седло, упершись ногами в землю.

– Давай! – крикнул мне отец. – Прокатись-ка по этой улице с ветерком!

Я кивнул, но не тронулся с места. Могу поклясться, что почувствовал, как велосипед подо мной дрожит от нетерпения. Хотя, наверно, это дрожал я сам.

– Жми на педали! – крикнул отец.

Для меня это стало моментом истины. Сделав глубокий вдох, я поставил одну ногу на педаль и сильно оттолкнулся другой. Потом обе мои ноги оказались на педалях, и я направил велосипед на дорогу. Колеса вращались почти бесшумно, раздавалось только чуть слышное «тик... тик... тик», словно в часовом механизме бомбы, которая в любое мгновение готова была взорваться.

– Счастливо прокатиться! – крикнула мне вслед мама и помахала рукой с крыльца.

Оглянувшись, я на мгновение отпустил одной рукой руль, чтобы помахать маме в ответ, но в тот же миг велосипед накренился и начал выписывать дикие зигзаги. Я чуть не сверзился на землю в первый же выезд, но успел поймать руль и выправить машину. Педали крутились невероятно плавно, словно были смазаны сливочным маслом, колеса быстро вращались по разогретой мостовой. Я понял, что такой велосипед способен выпорхнуть из-под тебя, словно ракета.

Нажав на педали, я рванул вдоль по улице. В моих только что подстриженных волосах засвистел ветер, и, честно говоря, мне показалось, что я достиг самой вершины человеческого счастья. Я привык к старой, провисшей цепи и передаче, которая требовала усиленной работы ногами, но эта машина была послушна малейшему прикосновению. Нажав на тормоза в первый раз, я едва не вылетел из сиденья вверх тормашками. Сделав широкий круг в конце улицы, я снова набрал скорость и вернулся так быстро, что на затылке выступил пот. Впечатление было такое, что велосипед вот-вот оторвется от

земли, однако машина слушалась любого, даже самого легкого движения руля и поворачивала, едва я успевал только *подумать* о том, в какую сторону хочу ее направить. Подобно ракете, велосипед нес меня по тенистым улицам родного города. Разрезая ветер вместе с моим новым велосипедом, я понял, как именно следует назвать его.

– Ракета, – сказал я, и это слово, сорвавшись с моих губ, улетело куда-то за спину в порывах ветра. – Тебе нравится это имя?

Велосипед не сбросил меня из седла и не вильнул в сторону ближайшего дерева. Так что ответ можно было считать утвердительным.

Я почувствовал себя значительно увереннее: выписывал восьмерки, запрыгивал на край тротуара, и Ракета повиновалась мне во всем беспрекословно. Склонившись к рулю, я заработал педалями что было силы, и Ракета вихрем понесла меня вдоль Шентак-стрит – полосы тени и света стремительно сменяли одна другую. Я вильнул к тротуару, колеса шли плавно, почти не замечая трещин в асфальте. Ветер теплой волной врвался в легкие и оведал прохладой лицо, дома и деревья проносились мимо, слившись в одно размытое пятно. В какое-то мгновение мне почудилось, что мы с Ракетой превратились в одно целое, в единое создание из плоти и смазки. Я рассмеялся от счастья, и в тот же миг мне в рот влетел жук. Мне было наплевать – я проглотил жука, потому что был непобедим.

Легко угадать, что случилось потом, – судьба не прощает подобной самоуверенности.

Я налетел на выбоину, не потрудившись затормозить или объехать препятствие, и почувствовал, как Ракета вся содрогнулась от переднего до заднего крыла. Рама хрустнула, руль вырвался у меня из рук, передняя шина ударилась о край бетонного поребрика, отчего велосипед поднялся на дыбы и изогнулся, словно разъяренный жеребец. Мои ноги утратили контакт с педалями, а зад оторвался от седла. Взлетев на воздух, я вспомнил слова мамы: «Леди просила передать тебе, что на этом велосипеде нужно ездить очень осторожно, пока ты не привыкнешь к его норову».

Для размышлений на эту тему у меня оставалось мало времени. В следующее мгновение я с треском рухнул в гущу живой изгороди, окружавшей чей-то двор. Из моей груди вырвалось громкое «ы-ых-х-х!», и зеленая листва приняла меня в свои объятия. Я едва не проломил

в живой изгороди сквозную брешь. Сильно исцарапав руки и лицо, я, к счастью, ничего не сломал – крови почти не было.

Выбравшись из зарослей и стряхнув с себя листья, я первым делом отыскал глазами Ракету. Она лежала на боку в траве. Меня охватил ужас: если окажется, что я в первый же день сломал новенький велосипед, то отец спустит с меня три шкуры. Опустившись на колени рядом с Ракетой, я проверил, все ли цело. Передняя шина была потерта, и крыло чуть помято, но цепь оказалась на месте, и руль смотрел прямо. Фара тоже не разбилась, и рама ничуть не погнулась. Поразительно, но Ракета была жива-здорова, отделавшись после ужасного падения лишь легкими ушибами. Поднимая велосипед, я поблагодарил ангела-хранителя, который парил все это время над моим плечом, а потом, проведя пальцем по смятому крылу, я вдруг заметил в фаре велосипеда глаз.

Золотой глаз с черным зрачком внимательно и спокойно взирал на меня.

Я потрясенно поморгал.

Глаз исчез. Передо мной снова предстала обыкновенная фара – простое круглое стекло, прикрывающее отражатель с лампочкой посередине.

Несколько минут я внимательно смотрел на фару, но глаз больше не появлялся. Взяв Ракету за руль, я повернул ее вокруг своей оси, со света в тень и обратно, но потрясающее видение не возвращалось.

Тогда я ощупал голову в поисках шишек, но не нашел ни одной.

Я забрался в седло и покатил по тротуару назад к дому. Наученный горьким опытом, я ехал теперь гораздо медленнее и осторожнее, сумев разглядеть уже через каких-то двадцать футов осколки бутылочного стекла, разбросанные впереди. Я свернул на дорогу и миновал опасное место, с ужасом представив себе, что могло бы случиться, если бы я въехал в битое стекло на полной скорости: несколько царапин от кустов живой изгороди показались бы тогда легким испугом.

Нам здорово повезло – Ракете и мне.

Дом Дэви Рэя Коллана находился неподалеку, и я завернул к нему, но его мама сказала, что Дэви с Джонни Уилсоном отправились тренироваться на бейсбольное поле. Наша команда младшей лиги – мы звались «Индейцы», и я играл на второй базе – продула четыре игры подряд, и, чтобы остаться на плаву, нам требовалось тренироваться изо

всех сил. Я поблагодарил миссис Коллан и направил Ракету к бейсбольному полю.

До поля было рукой подать. Дэви Рэй и Джонни стояли на самом солнцепеке в красной пыли и перебрасывались мячом. Выехав на поле, я сделал вокруг своих приятелей несколько кругов, позволив им насладиться этим зрелищем с раскрытыми от изумления ртами. Потом они хорошенько рассмотрели мой велик, посидели в седле, и каждый немного прокатился. По сравнению с Ракетой велосипеды моих приятелей казались покрытыми пылью развалинами. Тем не менее, прокатившись, Дэви Рэй сказал мне: «Им не очень-то легко управлять, ты и сам, наверно, заметил?» Джонни добавил: «Красивый велосипед, но педали туговаты». Я не стал на них сердиться, потому что понимал: слова эти сказаны не для того, чтобы бросить небольшую ложку дегтя в медовую бочку моего триумфа, – Дэви Рэй и Джонни были моими лучшими друзьями и разделяли мою радость. Дело в том, что к своим велосипедам они привыкли, и те нравились им больше. А Ракета была сделана для меня, и только для меня.

Я поставил Ракету на подножку и стал следить, как Дэви Рэй посылает Джонни высокие мячи. Желтые бабочки порхали над травой, высокое небо над головой оставалось голубым и безоблачным. Бросив взгляд на окрашенные в коричневый цвет трибуны, я внезапно заметил маленькую фигурку, одиноко сидевшую под рекламными вывесками лавочек и магазинов, расположенных на Мерчантс-стрит.

– Эй, Дэви! – позвал я. – Кто это такой?

Дэви оглянулся на трибуны и тут же быстро повернулся назад, чтобы поймать в перчатку ответный бросок Джонни.

– Не знаю, – ответил он. – Этот парнишка торчит тут с тех пор, как мы приехали.

Некоторое время я пристально разглядывал мальчика. Он сидел, подавшись вперед и подперев подбородок согнутой в локте рукой. Повернувшись спиной к Джонни и Дэви Рэю, я направился к незнакомцу. Тот моментально вскочил со скамьи, словно собирался дать дёру.

– Что это ты здесь делаешь? – крикнул я ему.

Мальчик ничего не ответил. Он просто стоял и смотрел на меня, по-видимому размышляя: остаться ли ему на месте или немедленно удирать.

Подойдя почти вплотную, я еще раз убедился, что вижу его впервые: у мальчика были коротко стриженные темно-каштановые волосы с непослушным вихром надо лбом слева, он носил очки, которые казались на его лице непомерно большими. Ему было лет девяносто. Тощий как жердь и неуклюжий, с худыми руками и ногами. Одет он был в джинсы с заплатками на коленях и белую футболку и, судя по бледно-молочному оттенку кожи, редко бывал на солнце.

– Как тебя зовут? – спросил я незнакомца, дойдя до ограды, отделявшей поле от трибун.

Мальчишка не ответил, словно воды в рот набрал.

– Ты что, немой?

Я заметил, что он дрожит. Перепугался до смерти, словно лань, попавшая в луч охотничьего фонаря.

– Я Кори Маккенсон, – представился я и какое-то время ждал ответа, держась за сетку ограды. – У тебя имя-то есть?

– Эшть! – отозвался мальчишка.

Поначалу мне показалось, что он назвался кем-то вроде Эст или Эрнст, но потом до меня дошло, что парнишка попросту шепелявит.

– И как же тебя звать?

– Немо, – ответил он.

– Немо? Как капитан Немо?

– Кто-кто?

Похоже, он не был знатоком Жюль Верна.

– А фамилия твоя как?

– Керлиш, – ответил он.

Керлиш. Вот оно что. Я мгновенно разобрался, что к чему. Не Керлиш, конечно же, а Керлисс. Тот самый новый мальчик, у которого отец был коммивояжером, странствующим из города в город. Именно он стригся у мистера Доллара, сидя на лошадке. Маменькин сынок.

Немо Керлисс. Что ж, имя и фамилия подходили ему как нельзя лучше. Он выглядел так, словно его вытянула сеть в океане за двадцать тысяч лье от берега. Однако родители учили меня, что уважения заслуживает каждый, не важно, маменькин он сынок или нет, тем более что, сказать по правде, и я не мог особо похвастаться своей внешностью и статью.

– Ты недавно переехал в наш город? – спросил я Немо.

Он кивнул.

– Мистер Доллар рассказывал мне про тебя.

– Правда?

– Да. Он рассказал мне... – *как ты стригся, сидя на лошадке*, чуть было не выпалил я, – как ты у него стригся.

– Угу. Чуть налышо меня не оболванил, – отозвался Немо и в подтверждение своих слов почесал макушку почти прозрачной рукой с бледным худым запястьем.

– Эй, сверху, Кори!

Услышав окрик Дэви, я поднял голову. Вложив всю силу в бросок, Джонни послал мяч так сильно, что тот не только просвистел над перчаткой Дэви, но и перелетел через ограду, со стуком ударился о второй ряд скамеек и скатился вниз.

– Подкиньте-ка мячик! – крикнул нам Дэви, смачно хлопая кулаком по перчатке.

Спустившись со своего ряда, Немо Керлисс подобрал мяч. Он был самым худым из всех ребят, кого мне доводилось видеть. Мои руки тоже не бугрились мышцами, но у него состояли только из вен и костей. Он глядел на меня, и стекла очков увеличивали его карие глаза, делая их похожими на совиные.

– Брошить ему обратно? – спросил он меня.

Я пожал плечами:

– Бросай.

Потом я повернулся к Дэви и, пусть это было подло, не смог сдержать язвительной улыбки:

– Готовься, Дэви. Тебе принимать.

– Ого! – Дэви попятился в притворном испуге. – Смотри не сшиби меня с ног, парень!

Немо поднялся обратно на трибуну, потом оглянулся на поле.

– Ты готов? – крикнул он.

– Готов, – откликнулся Дэви. – Давай бросай!

– Нет, я не тебя спрашиваю, – поправил его Немо. – Того парня, что штоит дальше, вон там.

Он отклонился назад и, описав рукой круг, который едва ли можно было проследить невооруженным глазом, метнул мяч. Оторвавшись от руки Немо, мяч превратился в размытое белое пятно.

Я собственными ушами слышал, как со свистом, напоминавшим шипение горячей шутихи, мяч рассек воздух, поднимаясь вверх, в

небеса.

– Черт! – выкрикнул Дэви и торопливо попятился, чтобы поймать мяч, но тот промелькнул над ним и полетел дальше.

Джонни, который стоял позади Дэви, сделал три шага вперед, не сводя глаз с падавшей крохотной сферы. Потом отступил на два шага. После этого еще раз шагнул назад, туда, где он стоял, когда мяч был брошен в его сторону. Руку в перчатке Джонни держал поднятой на уровне своего лица, выставив ее вперед.

Мяч влетел в кожаную перчатку с отчетливым и сочным «хлоп».

– Точно в перчатку! – восторженно заорал Дэви. – Черт, парни, вы видели, как он летел?

Отойдя к первой базе, Джонни вытащил руку из перчатки и несколько раз встряхнул отбитыми пальцами, которые кололо сотней игл.

Я смотрел на Немо, буквально разинув рот. В жизни я не мог себе представить, что кто-то такой маленький и тощий способен перекинуть бейсбольный мяч через ограду трибун, да еще так, что тот долетит чуть ли не до половины ширины поля и при этом точно попадет в раскрытую перчатку.

Отколов свой номер, Немо теперь стоял как ни в чем не бывало, словно не испытывая ни малейшей боли в руке. У меня после такого мощного броска плечо болело бы не меньше недели, не говоря уже о том, что на такое расстояние я никогда бы не зашвырнул мяч. Наверно, и в старшей лиге так далеко и точно мало кто бросал.

– Немо, – наконец сумел выговорить я, – где ты научился так кидать мяч?

Его глаза за стеклами моргнули.

– Как так? – переспросил он.

– Иди сюда к нам, на поле, давай спускайся.

– Жачем?

На лице Немо снова появился испуг. Я понял, что на своем веку он набил немало шишек. Городки нашей страны схожи в трех вещах: в каждом из них имеется церковь, у каждого есть своя тайна и в каждом водятся хулиганы, готовые оторвать голову тощему пареньку, не способному постоять за себя. Я представил себе все эти столкновения Немо Керлисса с обычным злом наших городков, через

которые пролегал путь его отца-коммивояжера, и, вспомнив свою насмешливую улыбку, ощутил жгучий стыд.

– Все в порядке, Немо, – ответил ему я. – Просто спускайся на поле к нам.

– Господи, вот это бросок! – продолжал восторгаться Дэви Рэй Коллан.

Он забрал у Джонни мяч и теперь трусцой бежал к проходу для игроков в ограде, через который Немо выходил с трибуны на поле.

– Классно ты зашвырнул этот мяч, парень! Сколько тебе лет?

– Девять. Почти девять ш половиной.

Без сомнения, Дэви был не меньше моего потрясен обликом Немо: ни за что нельзя было поверить, что такой коротышка сумеет забросить мяч так далеко, да еще попасть точно в цель.

– Иди встань на вторую базу, Джонни! – крикнул я.

Махнув рукой в ответ, Джонни отбежал к указанному месту и встал на позицию.

– Побросаете с нами, Немо?

– Не жнаю. Шкоро мне нужно домой.

– Ну, минут десять у тебя найдется? Нам хочется посмотреть, как это у тебя получается. Дэви, можешь отдать ему свою перчатку?

Кивнув, Дэви стянул с руки перчатку. Коричневый раструб поглотил ручонку Немо, словно зев кита.

– Вставай в круг питчера^[10] и брось Джонни мяч несколько раз, лады? – спросил я его.

В ответ Немо обвел глазами круг питчера, потом вторую базу и, наконец, «дом».

– Я вштану там, – сказал он и уверенно зашагал к месту бэттера^[11], провожаемый потрясенными взглядами, моим и Дэви Рэя.

Докинуть мяч от «дома» до второй базы трудно даже для парня наших с Дэви лет, не то что для девятилетнего пацана.

– А не далековато ли для тебя, Немо? – спросил я.

– Нет, нормально, – уверенно отозвался он.

Потом достал из перчатки мяч. В этом движении было заметно почтительное отношение к доверенному ему предмету. Я видел, как длинные пальцы Немо ощупывали мяч, отыскивая на нем швы, за которые удобнее было ухватиться.

– Ты готов? – крикнул он Джонни.

– Готов-готов! Давай бро...

Чпок!

Мы видели это собственными глазами, иначе ни один из нас в это не поверил бы. Размахнувшись, Немо послал мяч вперед с такой силой, что только отличная реакция спасла Джонни от разящего удара в грудь: он вовремя успел выставить вперед перчатку. Мощь удара оказалась так велика, что Джонни пошатнулся и сделал шаг назад, на вторую базу, а от его принявшей на себя удар перчатки пошла пыль. Сморщившись от боли, Джонни сделал круг, стискивая отбитую руку.

– Ты живой? – крикнул ему Дэви.

– Болит немного! – отозвался Джонни.

Мы с Дэви знали, что сказать нам правду Джонни не мог из гордости.

– Давайте приму еще один! – крикнул он нам и тихо добавил так, что мы едва расслышали: – Если смогу.

Сильно размахнувшись, Джонни послал мяч обратно по высокой дуге. Немо прошел вперед на шесть шагов и, глядя на летевший ему в лицо мяч, успел в последний момент схватить его на лету. Немо умел не расходовать свои силы понапрасну, но я был уверен: замешкайся он хоть на мгновение, и мяч разбил бы ему нос.

Немо вернулся на основную базу, в «дом». Стряхнул со своих коричневых кожаных туфель пыль, привычно обтерев их о штанины джинсов, и начал свой замах, а Джонни приготовился для отражения удара. Развернувшись, словно пружина, Немо вновь отправил мяч в перчатку Джонни.

– Брошать нешложно, – сообщил нам после этого Немо, явно смущенный всеобщим вниманием. – Любой это шделает, были бы руки.

– Но только не так! – ответил Дэви Рэй.

– Так вы, парни, шчитаете, что это *круто*, так, что ли?

– Ты очень здорово бросаешь, Немо, – ответил я. – И очень сильно. Мяч летел страшно быстро. Наш питчер в два раза тебя выше, но он не может бросить мяч так сильно.

– Но это же легко. – Немо взглянул на Джонни. – Давай беги к третьей базе!

– *Что?*

– Беги к третьей базе! – повторил Немо. – И держи перчатку рашкрытой, все равно где, только так, чтоб я видел!

– Не понял тебя.

– Беги так быштро, как только шможешь! – настойчиво повторил Немо. – Можешь не шмотреть на меня, прошто держи перчатку открытой, и вше!

– Давай, Джонни! – подхватил Дэви. – Сделай это!

Джонни был не робкого десятка. И он доказал это еще раз, сорвавшись с места и бросившись, вздымая ногами пыль, от второй базы к третьей. Он ни разу не оглянулся на «дом» и бежал, глубоко втянув голову в плечи и выставив перчатку на уровне груди углублением для приема мяча в нашу с Немо Керлиссом сторону.

Немо коротко вздохнул. Потом размахнулся, рука мелькнула белой молнией, и выпущенный мяч понесся как пуля.

Джонни припустил изо всех сил, его взгляд был устремлен на третью базу. Мяч влетел в его перчатку, когда Джонни находился в полудюжине шагов от третьей базы. Сочный звонкий шлепок впечатавшегося в кожу мяча был таким резким и пугающим, что Джонни споткнулся, полетел носом вперед и растянулся на земле в пыли, подняв целое облако. Когда пыль стала рассеиваться, мы увидели Джонни, который сидел на третьей базе, ошеломленно разглядывая мяч в своей перчатке.

– Вот это да! – потрясенно повторял он. – Вот это да!

Ни разу в жизни я не видел, чтобы кто-то бросал бейсбольный мяч с такой потрясающей точностью. Джонни не пришлось ни на дюйм сдвинуть руку в перчатке, чтобы поймать мяч, он даже не знал, что мяч летит в его сторону, пока тот не впечатался в ладонь.

– Немо, – наконец спросил я мальчишку, – ты когда-нибудь раньше играл в бейсбол в команде младшей лиги?

– Не-а.

– А вообще мяч когда-нибудь в руках держал? – спросил Дэви Рэй.

– Не-а, мама не ражрешает. Боитшя, что меня ударят.

Нахмурившись, Немо снял с носа очки и потер переносицу, покрытую капельками пота.

– Значит, ты вообще *никогда* раньше не играл за команду?

– У меня дома ешть и бейшбольный мяч, и перчатка. Иногда я тренируюшь: брошаю мячик вдаль или штавлю бутылки на жабор и

шбиваю их мячом.

– А твой отец, он разве не хочет, чтобы ты играл, он не любит спорт? – спросил я Немо.

Пожав плечами, тот зачерпнул пыль кончиком туфли.

– Он вшегда жанят, у него нет на это времени.

Я был потрясен до глубины души. Передо мной в образе тощего шепелявого очкарика стоял настоящий талант.

– Можешь бросить мне пару мячей? – спросил я.

Он согласился.

Я взял перчатку Джонни, которую тот с радостью снял со своей превратившейся в один сплошной синяк руки, и бросил мячик Немо. Потом отбежал ко второй базе и приготовился.

– Давай влепи его прямо в перчатку! – крикнул я и выставил вперед руку, держа свою перчатку на уровне плеча.

Немо кивнул, размахнулся и швырнул мяч. Мне даже не пришлось делать движение рукой. Мяч врезался в перчатку с такой силой, что вся рука от кончиков пальцев до ключицы на несколько мгновений занемела. Когда я бросил мячик обратно Немо, ему пришлось пробежать вперед и вильнуть в сторону, чтобы поймать его. Для второго броска я отошел еще дальше к центру поля, где росли сорняки. Перчатку поднял над головой и снова приготовился.

– Давай бросай, Немо! – скомандовал я.

На этот раз, чтобы как следует размахнуться, Немо припал к земле, почти опустившись на колени. Его голова подалась вперед, словно он хотел завязать себя в тугий узел. Несколько секунд он оставался в таком положении, в его очках блестело солнце. Потом словно взорвался.

Он, как пружина, распрямился из низкой стойки, словно Супермен, выскакивающий из телефонной будки. Правая рука Немо метнулась назад, а потом так же молниеносно рванулась вперед. Попадись чья-нибудь челюсть под костлявый локоть Немо, ее хозяину пришлось бы выплевывать целую пригоршню выбитых зубов. Оторвавшись от ладони Немо, мяч со свистом, словно снаряд, понесся в мою сторону.

Мяч летел удивительно низко, едва не вздымая пыль между кругом питчера и местом отбивающего. Возле круга питчера мячик, как по волшебству, приподнялся повыше и полетел дальше, набирая скорость. Он все еще поднимался, когда со свистом проносился над второй

базой. Я слышал, как Дэви что-то орал мне, но не мог разобрать ни слова. Все мое внимание было приковано к мчащейся ко мне белой сфере. Я продолжал держать перчатку над головой в точности там, где она находилась в момент броска, но при этом готов был в любой миг броситься ничком на землю, чтобы мяч не засветил мне прямо в лоб. Мяч добрался до дальней границы поля – я слышал, как он, полный энергии и угрозы, шипит и плюется, разрезая воздух. Но я остался на месте. У меня хватило времени ровно на то, чтобы один раз сглотнуть, и мяч с треском скрылся в моей перчатке.

Сила удара оказалась такова, что толкнула меня назад; чтобы удержаться на ногах, я был вынужден отступить на пару шагов. Я засунул руку в перчатку, потрогал пойманный мяч и ощутил тепло, пульсировавшее в нем сквозь сыромятную кожу.

– Кори! – кричал мне Дэви Рэй, приложив руки ко рту рупором. – Кори!

Я понятия не имел в тот момент, что мне кричит Дэви, да не настолько это было важно. Я пребывал в трансе. Немо Керлисс обладал неземной, сверхъестественной рукой. В какой мере это было дано ему от природы, а чего он достиг самостоятельными тренировками, я не знал, но одно выглядело несомненным: в лице Немо я видел то редкостное сочетание силы броска и меткости глаза, которое поднимало его на высоту, недостижимую для остальных смертных. Он был парень что надо, своего рода гений.

– Кори! – на этот раз кричал и Джонни. – Смотри, сзади!

– Что? – непонимающе переспросил я.

– Сзади! – повторил Джонни.

Я услышал тихое шуршание, похожее на звук кос, рассекающих воздух на пшеничном поле, и мгновенно обернулся.

Они уже были рядом.

Гота и Гордо Брэнлины, злобно ухмыляясь, катили ко мне на своих черных велосипедах. В осветленных перекисью волосах братьев играло солнце. Налегая на педали, они мчали ко мне сквозь высокую, по колено, сорную траву, росшую за выстриженными окраинами поля. Зеленые кузнечики и черные полевые сверчки спасали свои жизни, разлетаясь во все стороны из-под скрежещущих колес. Первым побуждением было обратиться в бегство, но ноги отказались мне служить. Братья Брэнлин остановились по обе стороны от меня, Гота

справа, а Гордо слева. На костлявых лицах братьев блестел пот, а взгляды их злобных глаз проникали мне в самую душу. Где-то в лесу за моей спиной хрипло каркнула ворона, будто сам дьявол насмеялся надо мною.

Гота, старший из братьев, четырнадцати лет, протянул руку и ткнул указательным пальцем в мою бейсбольную перчатку:

– Что ты с ней делаешь – шарики катаешь? А, Кори?

Тон, которым был задан вопрос, придавал ему отвратительно грязный и унижительный смысл.

– Свои *шарики* он катает, – подхватил Гордо и мерзко захохотал.

Ему было всего тринадцать, но он почти не уступал в росте брату. Брэнлины не отличались особой статью или силой, но оба были жилисты и быстры, как гончие. Лицо Гордо украшали два шрама – между бровями и на подбородке: это свидетельствовало о том, что он знаком с болью и видом крови. Он посмотрел на «дом» и окинул взглядом Джонни, Дэви Рэя и Немо:

– А это еще кто, мать его, такой?

– Это новенький, – ответил я. – Его зовут Немо.

– С виду полный придурок, – проговорил Гота. – Пошли, Гордо, позырим на придурка.

Гордо тоже воззрился на Немо, и я заметил, что в глазах Брэнлинов появилось что-то волчье, словно они учуяли кровь беззащитного ягненка. Гота, нажав на педали, покатил к «дому». Гордо неожиданно ударил снизу по моей бейсбольной рукавице, так что мяч вылетел и упал на землю. Как только я наклонился, чтобы поднять мяч, он сплюнул мне в волосы комок жвачки. Потом как ни в чем не бывало покатил вслед за братом.

Дальнейшие события я в общих чертах себе представлял. Немо был обречен уже в силу своей низкорослости и худобы, а как только Брэнлины услышат, как он шепелявит, они зададут ему на полную катушку. Брэнлины поравнялись с Ракетой, и я затаил дыхание. Проезжая мимо Ракеты, Гота с презрительным высокомерием столкнул ее ногой на траву. Во мне поднялся гнев, но я сглотнул его, будто горькое семя, еще не зная, что скоро оно принесет плоды.

Остановив свои черные велосипеды возле моих друзей, Брэнлины взяли их в клещи.

– Во что это вы тут играете, пацаны? – спросил Гота и улыбнулся, словно змий в райском саду.

– Вот вышли побросать мячик, – отозвался за всех Дэви Рэй.

– А ты что уставился, негритянский ублюдок? – рявкнул в лицо Джонни Гордо. – Что ты там углядел?

Молча пожав плечами, Джонни принялся рассматривать землю у себя под ногами.

– От тебя несет дерьмом, ты это хоть знаешь? – продолжал гнуть свое Гордо.

– Нам не нужны неприятности, – снова подал голос Дэви. – Разойдемся мирно, хорошо, парни?

– О каких это неприятностях ты там щебечешь, пацан? – Плавным, змеиным движением Гота слез с велосипеда, поставил его на траве на подножку, облокотился о руль. – Никаких неприятностей, что ты. Дай-ка мне сигаретку, Гордо.

Тот вытащил из заднего кармана пачку «Честерфилда» и протянул ее брату. Гота достал коробок спичек с рекламой магазина «Скобяные товары и корм для скота. Зефир».

Потом, зажав сигарету во рту, он протянул спички Немо Керлиссу:

– Зажги-ка.

Немо взял спички. Руки у него тряслись. Только с третьей попытки ему удалось зажечь спичку.

– Дай и мне прикурить, – приказал Гордо.

Немо, наверняка повидавший в городках, куда забрасывала судьба его семью, немало таких гордо и гот, молча исполнил то, что ему велели. Глубоко затянувшись, Гордо выпустил дым через широко раздутые ноздри.

– Твое имя Придурок, верно? – спросил он Немо.

– Меня... жовут... Немо.

– *Жовут?* – Гордо сплюнул. – Тебя *жовут?* Что случилось с твоим ртом, придурок?

В тот момент я поднимал Ракету с земли. Мне предстояло сделать выбор: прыгнуть в седло и укатить домой, бросив своих друзей и Немо Керлисса на произвол судьбы, или же остаться и разделить их участь. Я не был героем и никогда не обманывался на этот счет. В драке от меня было мало проку, но я твердо знал одно: если я сейчас отсюда уеду, то буду опозорен на веки вечные. И я остался, хотя каждая

частичка здравого смысла во мне кричала, умоляя немедленно сматываться.

Есть здравый смысл, к которому ты прислушиваешься, но есть и внутренний стержень, без которого твоя жизнь теряет всякий смысл.

И я двинулся навстречу побоям, слыша, как бьется, словно мышшь, мое сердце.

– А ведь ты похож на пидора, – сообщил Гота Немо Керлиссу. – Тебе кто-нибудь об этом говорил?

– Эй, послушайте, парни. – Дэви Рэй выдавил из себя жалкую улыбку. – Почему бы вам не...

Гота метнулся к Дэви, ловко зацепил туфлей ногу моего друга за лодыжку и сшиб его на землю, сильно толкнув в грудь. Дэви плюхнулся на спину, подняв вокруг себя облако пыли. Встав над повергнутым неприятелем, Гота упер руки в боки, дымя своим «Честерфилдом».

– А ты заткнись. Понял?

– Мне нужно домой, – тихо проговорил Немо и повернулся, попытавшись уйти, но Гордо схватил его за ворот рубашки.

– Стоять, пацан, – прошипел он. – Никуда ты не пойдешь.

– Нет, мне нужно скорее идти, потому что моя мама...

Услышав это, Гордо залился визгливым смехом, так что с деревьев, окружавших поле, снялись испуганные птицы.

– Ты только послушай, что этот придурок лопочет, Гота! У него же полный рот дерьма!

– Наверно, оттого, что он постоянно сосет концы, – отозвался Гота. – Верно?

Жесткий взгляд Готы впился Немо в лицо.

– Ты же любишь отсосать, верно?

Что заставляло Брэнлинов быть такими, не мог догадаться никто. Возможно, они родились с черной злобой внутри, а может быть, злоба развилась и нагноилась в них потом, превратившись в незаживающую рану. Как бы то ни было, Брэнлины не признавали никаких законов, кроме собственных. Стало ясно, что сложившаяся ситуация может привести к самым ужасным последствиям.

Гордо встряхнул Немо:

– Давай признавайся. Ты ведь сосешь концы, да?

– Нет, – отозвался Немо.

Его голос звучал едва слышно.

– Да врет он все, – подал голос Гота, чья тень тяжело упала на Дэви Рэя. – По роже видно, что он любит отсосать конец подлиннее и потолще, типа конского.

– Нет, не люблю.

Грудь Немо вздымалась от частого дыхания, наружу был готов вырваться первый всхлип.

– Ах, маменькин сыночек сейчас расплачется! – с кривой улыбкой проблеял Гордо.

– Мне... нужно... домой...

Немо уже отчетливо всхлипывал, за толстыми стеклами его очков собирались слезы.

В этом мире нет никого более жестокого, чем юный дикарь с озлобленным сердцем, всегда готовый к драке. Впрочем, братья предпочитали выбирать предметом своих издевательств лишь ребят моложе себя по возрасту.

Я оглянулся по сторонам. Мимо бейсбольного поля проехала машина, но водитель даже не взглянул в нашу сторону. Мы были предоставлены самим себе. Лишь равнодушное солнце палило наши головы.

– Поставь-ка детку на колени, Гордо, – приказал Гота. Гордо толкнул Немо, заставив его опуститься на землю. – А теперь накорми малютку, – продолжил со смешком Гота.

Гордо расстегнул ширинку своих джинсов.

– Эй, парни, – подал голос Джонни. – Прекратите! Не нужно!

Гордо, уже державший свой перец в кулаке, стоял над Немо Керлиссом.

– Заткнись, негрила, если не хочешь, чтобы и на твою долю досталось.

Я не мог больше этого вынести. Опустив глаза, я взглянул на бейсбольный мяч в своей руке. Немо уже открыто плакал. Гордо дожидался, когда появится первая водичка. Мое терпение подошло к концу.

Я вспомнил, как они пнули и столкнули на землю ракету. Я видел слезы на лице Немо. И я бросил в Гордо бейсбольный мяч. С расстояния в десять футов.

Нельзя сказать, чтобы я вложил в бросок все силы, но мяч с громким шлепком врезался в правое плечо Гордо. Взвывая, как дикий кот, Гордо пошатнулся, и именно в этот момент его мочевой пузырь расслабился и опорожнился. Моча залила джинсы Гордо сверху донизу, до самых ботинок, но ему было не до того: держась за плечо, он орал благим матом и всхлипывал одновременно. Гота Брэнлин повернулся ко мне, выпуская изо рта сигаретный дым. Его физиономия побагровела, и он бросился в атаку. Прежде чем я успел отпрянуть, он налетел на меня со всей силы. Еще через мгновение я уже лежал на земле, прижатый сверху Готой, который давил мне на грудь всей своей массой, не давая вздохнуть.

– Я... я... не могу... дышать... – прохрипел я.

– Вот и хорошо, – прошипел он и ударил меня кулаком в лицо.

Только от первых двух ударов боль была по-настоящему сильной. Потом я перестал ощущать боль. Я не прекращал борьбы: извивался и кричал, пытаюсь вырваться, видя собственную алую кровь на костяшках кулаков Готы.

– О черт, он сломал мне руку! – стонал Гордо, стоя на коленях в траве.

Внезапно в высветленные перекистью волосы Готы впиалась чья-то рука. Голова моего мучителя дернулась назад, сигарета выпала из его рта, и я увидел стоявшего над нами Джонни. Потом раздался голос Дэви Рэя: «Держи его крепче!» – и в нос Готы врезался кулак.

Из ноздрей Готы потекла кровь, залив его лицо. Он взревел, как дикий зверь, и скатился с меня. Набросившись на Дэви Рэя, он принялся молотить его кулаками. Джонни попытался схватить Готу за руки, но тот, извернувшись, что было силы врезал ему сбоку в голову. Гордо с перекошенной от ярости физиономией бросился на Джонни и ловкой подсечкой свалил его на землю. Я видел, как Гордо бьет его кулаком в глаз. С криком «Сволочи!» Дэви Рэй бросился на Готу, но тот был старше и сильнее и, схватив его за шиворот, словно мешок с бельем, помотал в воздухе и отбросил на несколько шагов в сторону. Я сидел на земле с полным ртом крови. Немо вскочил на ноги и рванул наутек, спасая свою жизнь, но запутался в собственных ногах, споткнулся и полетел носом в траву.

О том, что происходило потом, я не люблю вспоминать. Сначала Гота и Гордо вдвоем обрабатывали плачущего Дэви Рэя, прижав его к

земле, потом взялись за Джонни и долго с жестокой размеренностью трудились над ним. Оставив Джонни, захлебывавшегося кровью из ноздрей, лежать на земле, Брэнлины снова двинулись в мою сторону.

– Ты, кусок дерьма, – сказал мне Гота.

Из его носа все еще сочилась кровь. Он ударил меня ногой в грудь, и я снова рухнул на спину. Гордо, по-прежнему держась за свое плечо, заорал из-за спины брата:

– Дай-ка я сам займусь им!

Перед глазами у меня все плыло, я был не в состоянии защищаться. Но даже в лучшей своей форме я мало что смог бы сделать против этой парочки без ошипованной булавы, палаша и дополнительных пятидесяти фунтов веса.

– Надери ему задницу, Гордо! – подзадоривал брата Гота.

Гордо схватил меня за рубашку и рывком поднял с земли. Рубашка разорвалась, и я подумал, что по возвращении домой мама устроит мне головомойку.

– Я тебя убью, – неожиданно раздался чей-то голос.

Смех Готы прозвучал как лай.

– Брось-ка это на землю, детка, – проворковал он.

– Я убью тебя. Ешли ты не отпустишь его, то, клянущь, я убью тебя!

Я немного проморгался, сплюнул кровь и оглянулся. В пятнадцати футах от нас стоял Немо Керлисс. Его тощая рука, отведенная назад для броска, сжимала бейсбольный мяч.

Ситуация принимала любопытный оборот. Я сумел хорошенько приложить Гордо мячом в плечо, и, можно сказать, мне повезло, что я вообще попал; в руках же Немо этот твердый маленький шар становился смертоносным оружием. В том, что Немо при желании способен вклепить любому из Брэнлинов мячом меж глаз и вышибить мозги, я не сомневался ни капельки. Не сомневался я и в том, что, стоит Брэнлинам немного замешкаться, Немо так и сделает! Мне были отлично видны его глаза, увеличенные выпуклыми стеклами очков. Полыхавшую в них неудержимую ярость, похожую на отсвет далекого большого пожара, нельзя было не разглядеть. Немо больше не рыдал и не дрожал. С бейсбольным мячом в руке он был повелителем мира. Я действительно подумал в тот миг, что он готов пойти даже на убийство. Возможно, то была ярость шепелявого очкарика, самим

своим видом привлекающего взгляд хулигана, подобно тому как вид молодого теленка заставляет наполняться слюной пасть хищника. Возможно, количество старых обид – всех перенесенных им тычков и насмешек – превысило некий предел, и чаша его терпения перелилась через край. Но как бы то ни было, в глазах его горела смертоносная решимость.

Гордо разжал руки и отпустил меня. С разбитой губой и в рваной рубашке, я плюхнулся в траву.

– Смотрите, я весь дрожу, – вкрадчиво проговорил Гота, делая шаг в сторону Немо.

Гордо отделял от брата всего один шаг. Его хозяйство все еще болталось на виду, свисая из незастегнутых джинсов. Лучшую мишень трудно было придумать.

– Так бросай же его, куриная душонка! – сказал Гордо.

Он и не подозревал, что находился всего на волосок от смерти.

– Эй, ребята! Что происходит?

Донесшийся до нас голос принадлежал человеку, стоявшему на другой стороне поля, на дороге, что проходила по самому его краю.

– Эй, вы, у вас что там, драка?

Я обернулся, ощущая, что мое лицо отяжелело, словно набитый камнями мешок. У обочины дороги стоял грузовичок почтальона. Сам почтальон спешил в нашу сторону. Лицо его скрывал тропический пробковый шлем. На нем были шорты, черные носки и голубая рубашка, промокшая под мышками от пота.

Подобно любому зверю, Брэнлинам отлично был знаком скрип петель на двери клетки, готовой вот-вот захлопнуться. Не сговариваясь, они повернулись и стремглав бросились к своим велосипедам, прочь от устроенной ими бойни. На бегу Гордо торопливо запихнул свой перец обратно в ширинку, застегнул молнию и оседлал велосипед. Гота чуть замешкался, тычком ноги вновь свалив ракету на землю, – очевидно, инстинкт разрушения возобладал в нем над всеми прочими побуждениями. Оказавшись в седлах, братья стали неистово крутить педали, стремясь поскорей убраться с места преступления.

– Эй, обождите-ка минутку! – закричал им в спину почтальон, но Брэнлины повиновались только своим внутренним демонам.

Они пронеслись через поле, вздымая за собой клубы пыли, свернули на тропинку среди высокой сорной травы и скрылись в перелеске, что начинался неподалеку. Из леса донеслось воронье карканье: стервятники приветствовали своих собратьев.

Все закончилось, осталось только привести себя в порядок.

Наш почтальон мистер Джеральд Харджисон, ежемесячно доставлявший мне «Знаменитых монстров» в простом коричневом конверте, в ужасе остановился, увидев мое лицо.

– Господи боже мой! – выдохнул он. – Кори, неужели это ты?

Я молча кивнул. Моя нижняя губа распухла настолько, что стала большой, как подушка, мой левый глаз совершенно заплыл.

– Ты в порядке?

Я вряд ли был в состоянии крутить хулахуп, это уж точно. Но я твердо стоял на ногах, и все мои зубы были на месте. Дэви Рэй тоже вроде особо не пострадал, хотя его лицо и превратилось в один сплошной синяк, к тому же кто-то из Брэнлинов наступил ему на пальцы. Больше всех досталось Джонни Уилсону. Мистер Харджисон, плотный краснолицый мужчина, неизменно куривший манильские сигары с пластиковым наконечником, сочувственно поморщился, помогая Джонни сесть. Нос Джонни, напомилавший теперь по форме томагавк индейца племени чероки, был, несомненно, сломан. Из ноздрей его текла красная и густая кровь, взгляд заплывших глаз не мог сфокусироваться на одной точке.

– Парень, ты слышишь меня? – с тревогой спросил его мистер Харджисон. – Сколько пальцев у меня на руке?

Выставив руку, он развел три пальца перед носом у Джонни.

– Шесть, – ответил Джонни.

– Похоже, у него...

Затем последовало слово, от которого у меня всегда бегут мурашки по коже: в воображении возникает кровавая каша в голове.

– ...сотрясение мозга. Его нужно срочно отвезти к доку Пэрришу. Вы сможете сами добраться до дому?

Вопрос был обращен ко мне и Дэви Рэю. Оглянувшись по сторонам, я обнаружил, что Немо и след простыл. Мяч, которым он недавно грозил Брэнлинам, лежал на земле. Мальчик с волшебной рукой исчез.

– Парни, что избili вас, были братья Брэнлин, верно? – Мистер Харджисон помог Джонни подняться на ноги и, вытащив из кармана

носовой платок, прижал его к ноздрям Джонни. Не прошло и минуты, как белый платок стал насквозь мокрым от крови. – Этим негодьям нужно хорошенько надрать задницу!

– С тобой все будет в порядке, Джонни, – сказал я другу, но тот ничего не ответил – на подгибающихся ногах он направился к грузовичку, поддерживаемый мистером Харджисоном.

Мы с Дэви стояли и смотрели, как мистер Харджисон усаживает Джонни в свой грузовичок, потом обходит машину, садится за руль и заводит мотор. Джонни сидел, безвольно откинувшись на сиденье, его голова свесилась на сторону. Ему действительно здорово досталось.

После того как почтовый грузовичок мистера Харджисона, развернувшись, умчался в больницу дока Пэрриша, мы вместе с Дэви откатали велосипед Джонни под трибуны, где он не так бросался в глаза. Брэнлины вполне могли вернуться и разнести его велик на мелкие кусочки еще до того, как отец Джонни заберет его домой. Увы, это все, что мы могли сделать. Чуть позже в наши затуманенные головы пришла мысль, что Брэнлины могли затаиться в перелеске, дожидаясь, пока уедет мистер Харджисон.

Это заставило нас поторопиться. Дэви подобрал бейсбольный мяч и оседлал свой велосипед, а я, садясь на Ракету, на какое-то мгновение увидел в фаре золотой глаз. Глаз взирал на меня с холодной жалостью, словно говоря: «Так вот ты каков, мой новый хозяин! Тебе во многом придется помогать, сам ты мало еще на что годишься!» Первый день у Ракеты выдался тяжелым, но я от души надеялся, что дальше у нас все будет хорошо и мы подружимся.

Мы с Дэви покатали с поля прочь, каждый по-своему страдая от боли. Мы знали заранее, что ждет нас впереди: ужас родителей при виде нас, гнев Брэнлинов, неприятные телефонные разговоры, возможно, визит шерифа, пустые обещания мистера и миссис Брэнлин, что их мальчики больше никогда не сделают ничего подобного.

Но мы-то знали, на что способна эта парочка.

Сегодня мы сумели избежать расправы, но Гота и Гордо затаили на нас злобу. В любой момент они могли появиться из-за угла на своих черных велосипедах, чтобы завершить начатое. Или, вернее, то, что начал я, когда бросил в Гордо этот чертов мяч.

Лето внезапно оказалось отравлено этим столкновением с Брэнлинами. Впереди нас ожидали еще июль и август, но шансов на

то, что до сентября нам удастся дожить со всеми зубами, было крайне мало.

Глава 4

«Я тусуюсь!»

Предчувствия нас не обманули.

После возмущенных криков родителей и гневных телефонных звонков шериф Эмори нанес визит Брэнлинам. Готу и Гордо шериф дома не застал – так он сказал потом моему отцу, но их родителям сообщил, что их сыновья сломали Джонни Уилсону нос и едва не проломили череп. На это мистер Брэнлин ответил, что, мол, ничего не поделаешь: мальчишки есть мальчишки, а знакомиться с грубым и суровым миром и учиться жить в нем лучше с детства.

Сдержавшись, шериф Эмори выставил палец перед мистером Брэнлином, взиравшим на него своими слезящимися глазами:

– А теперь послушайте, что я вам скажу! Советую присматривать за своими парнями, иначе им прямая дорога в исправительную школу! Если вы этого не сделаете, я сам займусь ими!

– Не придавайте этому такого значения, – сказал мистер Брэнлин, расположившийся в кресле перед телевизором. Шерифа он принимал в комнате, где по углам валялись грязные рубашки и носки, а на кушетке стонала миссис Брэнлин, жалуясь на больную спину. – Да и что я могу с ними сделать, шериф? Они меня совсем не боятся. Они вообще никого не боятся. Исправительную школу они спалят дотла и сровняют с землей.

– Я требую прислать их ко мне в участок, или мне придется приехать и доставить их туда силой!

Мистер Брэнлин, ковыряя во рту зубочисткой, лишь хмыкнул в ответ и покачал головой:

– Вам не поймать этих парней, Джей-Ти. Вы пробовали когда-нибудь поймать ветер? Они вольные птицы, и никто им не указ.

Не выпуская изо рта зубочистку, он наконец оторвал взгляд от экрана телевизора, по которому шел какой-то фильм:

– Говорите, мои сорванцы надрали задницы *четверым* парням? Сдается мне, Гота и Гордо просто вынуждены были постоять за себя.

Они прибегли к самообороне. Только психи лезут на рожон, когда перед ними стоят четверо. Каково ваше мнение, шериф?

– Насколько я слышал, ни о какой самообороне и речи не шло.

– Я тоже кое-что слышал... – Мистер Брэнлин замолчал, внимательно разглядывая коричневый комочек пищи на острие зубочистки. – Например, то, что этот Маккенсон бросил в Гордо бейсбольным мячом и чуть не раздробил ему плечо. Гордо показывал мне синяк, черный как уголь. Если родичи этих пацанов будут давить на меня, придется выдвинуть обвинения против мальчишки Маккенсонов.

Зубочистка с коричневым кусочком на кончике вернулась в рот мистера Брэнлина, и он вновь уставился в телевизор, где шел фильм с Эрролом Флинном в роли Робин Гуда.

– То-то и оно. Эти Маккенсоны ходят в церковь и строят из себя праведников, а сами втихаря подучивают своего пацана кидаться в других бейсбольными мячами, а потом, когда его за это хорошенько проучат, скулят и визжат, как побитые собаки. – Мистер Брэнлин негодуяще фыркнул. – Те еще *христиане!*

Но в другом шериф Эмори все же добился своего: мистер Брэнлин согласился оплатить счет от дока Пэрриша за лечение, которое потребовалось Джонни Уилсону. По личному приказанию шерифа Гордо и Готе пришлось целую неделю мести и мыть полы в тюрьме, им было запрещено появляться возле общественного бассейна. Но это только раззадорило злость Брэнлинов, и мы с Дэви Рэем это прекрасно понимали. Мне зашили разбитую губу, наложив шесть швов, – ощущение не приятнее того, что я испытал, когда получил эту рану, – но этот счет мистер Брэнлин оплачивать отказался, сославшись на то, что я бросил мяч в Гордо. Мама просто кипела от ярости, но отец не слишком переживал по этому поводу. Дэви Рэю приложили к голове компресс со льдом. Его лицо стало фиолетовым от синяков. От отца я узнал, что у Джонни действительно оказалось сильное сотрясение мозга. Док Пэрриш уложил его в постель на две недели, запретив вставать до тех пор, пока сам не удостоверится, что с Джонни все в порядке. И даже после того, как он поднялся на ноги, ему еще долго не разрешалось бегать, участвовать в мальчишеских играх, а также ездить на велосипеде, который его отец извлек из-под трибун в целости и сохранности. Таким образом, Брэнлины не просто отколошматили нас

– они украли у Джонни Уилсона кусок лета, потому что никогда больше ему не будет двенадцать в июне.

Примерно тогда же я сидел с заплавленными от синяков глазами на кровати. Шторы были опущены, чтобы ослепительный свет не бил мне в лицо. Разложив на коленях пачку моих любимых «Знаменитых монстров», я вырезал из журналов лучшие картинки. Потом, вооружившись скотчем, стал приклеивать картинки на стенах, над письменным столом, на дверцах стенного шкафа – в общем, всюду, где держала клейкая лента. Когда я наконец закончил свой труд, моя комната превратилась в миниатюрный музей чудовищ. С одной стороны на меня смотрел Призрак Оперы Лона Чейни, с другой – Дракула Белы Лугоши, с третьей – Франкенштейн и Мумия Бориса Карлоффа. Вокруг кровати я развесил мрачные черно-белые снимки со сценами из «Метрополиса», «Лондона после полуночи», «Уродов», «Черного кота» и «Дома ночных призраков». На дверцах стенного шкафа расположился коллаж из разнообразных чудовищ: сражающийся со слоном Имир Рэя Харрихаузена; гигантский паук, преследующий Невероятного уменьшающегося человека; Горго, переправляющийся вброд через Темзу; Огромный человек с лицом, исполосованным шрамами; Тварь из Черной Лагуны с жабрами и, наконец, летящий Родан во всей красе. Над моим письменным столом находилось особое, если хотите, почетное место: там поселились вкрадчивый светловолосый Родерик Ашер в исполнении Винсента Прайса и худой кровожадный Дракула Кристофера Ли.

Когда мама заглянула в мою комнату и увидела, что я сотворил, ей пришлось ухватиться за край двери, чтобы удержаться на ногах.

– Кори! – вскричала она. – Сейчас же сними со стен весь этот ужас!

– Но почему? – возмущенно спросил я. Швы на моей нижней губе натянулись. – Ведь это моя комната!

– Конечно, но от этих ужасных созданий, которые смотрят на тебя со всех сторон, у тебя начнутся ночные кошмары!

– Ничего со мной не случится, – успокоил я маму. – Правда ничего.

Она милостиво уступила, и картинки остались висеть на стенах.

Иногда у меня действительно случались кошмары, но главными действующими лицами в них бывали только Брэнлины, а не существа, украшавшие мои стены. Меня успокаивала мысль, что они охраняют мой сон и не позволят Брэнлинам пробраться ночью ко мне в комнату

через окно, а днем они вели со мной долгие разговоры в те тихие часы, когда мне нужно было призвать на помощь все свои силы и терпение, чтобы противостоять миру, который боится того, чего не понимает.

Я никогда не боялся своих чудовищ. Они всецело находились в моей власти. Я спокойно спал в темноте, и они никогда не переступали проложенных меж нами границ. Мои чудовища не по своей воле появились на свет с болтами в шее, чешуйчатыми крыльями, жаждой крови, бурлящей в жилах, или с обезображенными лицами, от которых хорошенькие девушки в страхе шарахались прочь. Мои чудовища не являлись воплощением зла – они просто стремились выжить в этом суровом мире. Глядя на них, я думал о себе и своих друзьях. Нескладные, некрасивые, избитые, но непобежденные – все они были изгоями, ищущими себе место среди мировых катаклизмов: совершаемых маньяками поджогов, амулетов, распятий, серебряных пуль, ядерных бомб, реактивных истребителей и огнеметов. Они были несовершенны и героически переносили свои страдания.

Я расскажу вам о том, что испугало меня на самом деле.

В один прекрасный день в стопке журналов, которые мама собралась выбросить, я отыскал старый номер «Лайф». Усевшись на крыльце, я принялся перелистывать страницы. Бунтарь улегся у моих ног. Слышалось стрекотание цикад в кронах деревьев, а небо словно замерло, как на картине пейзажиста. В журнале были фотографии того, что случилось в Далласе, штат Техас, в ноябре 1963 года. На первом снимке улыбающийся президент едет вместе с женой в длинном черном открытом лимузине и машет рукой толпе. Следующий снимок разительно отличался от первого: изображение на нем было размыто. Конечно, я видел по телевизору, как убили человека по фамилии Освальд, и помнил, как тихо прозвучал выстрел, совсем не страшный хлопок – в общем, ничто по сравнению с оглушительным, как пушечная канонада, грохотом шестизарядных револьверов Мэтта Диллона в сериале «Дымок из ствола». Я вспомнил, как кричал Освальд, падая на пол. Ушибив ногу о камень, я, бывало, кричал гораздо громче.

Рассматривая снимки похорон президента Кеннеди – лошадь без всадника, маленький сын президента, отдающий честь, длинные ряды людей, выстроившихся вдоль улицы, по которой ехал траурный кортеж с гробом президента, – я с ужасом открыл для себя поразительную и

пугающую вещь. На всех этих снимках я видел черные пятна, словно ползущие с краев фотографии к середине. Возможно, причиной стали особенности освещения, дефекты пленки или что-то еще, но создавалось впечатление, что эти снимки буквально заполнены мраком. Черные тени висели в углах, протягивали свои щупальца к мужчинам в костюмах и рыдающим женщинам, касались своими пальцами машин, зданий и аккуратно подстриженных лужаек. Темнота нависала над головами людей, собиралась вокруг их ног, подобно лужицам дегтя. На всех фотографиях тьма напоминала живое существо, нечто зреющее среди людей, словно вирус, стремящийся вырваться за пределы газетного снимка.

На следующей странице журнала я увидел фотографию человека, охваченного пламенем. Мужчина восточного вида с бритой головой спокойно сидел, скрестив ноги, посреди улицы, а пламя бушевало, охватывая его, словно развевающийся на ветру плащ. Его глаза были закрыты, и, хотя огонь уже лизал лицо этого человека, он выглядел столь же безмятежным, как мой отец, когда он слушал по радио Роя Орбисона. В подписи под фотографией говорилось, что этот снимок был сделан в городе под названием Сайгон, а азиат этот был монахом и сжег себя сам: просто облился бензином, уселся на мостовую и чиркнул спичкой.

Кроме того, в журнале содержался и третий снимок, который я не могу забыть до сих пор. Фотограф запечатлел церковь после пожара: витражи в окнах выбиты, пожарные пробираются через развалины. На переднем плане стоят несколько негров, по их лицам видно, как они потрясены происшедшим. На деревьях перед церковью нет листвы, хотя в подписи сказано, что пожар случился 15 сентября 1963 года, лето только-только закончилось. Я прочитал, что это случилось в баптистской церкви Бирмингема на Шестнадцатой стрит: кто-то заложил бомбу, которая взорвалась, когда заканчивались занятия в воскресной школе. Погибли четыре девочки.

Я поднял голову и окинул взором родной город – зеленые холмы, голубое небо и далекие крыши Брутона. Бунтарь у моих ног коротко заскулил в своем собачьем сне.

Я не знал, что такое настоящая ненависть, пока не прочитал, что на свете есть люди, которые запросто могут принести в церковь бомбу и взорвать ее в воскресное утро, убив маленьких девочек.

Я очень плохо себя чувствовал. Разболелась голова, все еще покрытая шишками после кулаков Готы. Поднявшись в свою комнату, я упал на кровать и уснул, окруженный своими чудовищами.

В Зефире было начало лета. Мы просыпались утром в густой духоте, и, хотя жаркое солнце постепенно разгоняло туман, воздух все равно оставался влажным, и даже после прогулки к почтовому ящику и обратно рубашка противно прилипала к телу. Ровно в полдень земной шар, казалось, останавливал свое вращение вокруг оси, и тогда даже птицы неохотно летали в душной и влажной синеве. Ближе к вечеру с северо-востока приплывало несколько облаков с пурпурным обрамлением. Можно было часами сидеть на крыльце со стаканом лимонада и радиоприемником, настроенным на бейсбол, и наблюдать за медленно приближающимися облаками. Потом через какое-то время слышались отдаленные раскаты грома, и в небе блестели зигзаги молний, от которых трещало в эфире. Мог разразиться ливень на полчаса, но чаще всего облака просто проходили мимо без всякого громыхания, не уронив ни капли дождя. В сумерках, когда земля немного остывала, в кустах начинали свой концерт мириады цикад и в воздух поднимались светлячки. Мерцая, они садились на деревья и висели на ветвях, словно рождественские гирлянды, не слишком уместные в начале июля. На небе высыпали звезды, выходила луна. Если карта ложилась удачно, я иногда мог уговорить родителей разрешить мне посидеть подольше, часов до одиннадцати. Тогда я оставался во дворе и смотрел, как один за другим гаснут огни Зефира. Как только исчезал последний огонек, звезды начинали сиять особенно ярко. Я смотрел в самое сердце вселенной и видел, как кружится звездный водоворот. Дул легкий ветерок, несший с собой сладкие запахи земли и леса, где-то во тьме тихо шелестели невидимые деревья. В такое время не поддавалось осознанию, что мир устроен вовсе не так идеально, как ранчо Картрайта в «Золотом дне»^[12], и что не в каждом доме живет семья из «Троих моих сыновей». Я от души желал, чтобы мир был именно таким, но недавно я собственными глазами видел фотографии с растущими пятнами тьмы, человеком, объатым пламенем, и церковью, разрушенной бомбой, и потому начинал догадываться, как обстоят дела на самом деле.

Когда родители позволили мне вновь кататься на велосипеде, я познакомился с Ракетой поближе. Мама сказала твердо:

– Ты можешь упасть. Шов на губе разойдется, ты снова угодишь к доктору Пэрришу, и на этот раз дело закончится пятнадцатью швами, а то и всеми двадцатью!

Я был достаточно умудрен опытом, чтобы не играть с судьбой: старался не уезжать далеко от дома, передвигался медленно и осторожно, как те пони с провислой спиной, что с трудом бредут по кругу на фермерских ярмарках. Иногда я вроде бы замечал в фаре Ракеты золотой глаз, но это каждый раз происходило спонтанно, а когда я смотрел прямо в фару, ожидая появления глаза, этого не случалось. Ракета приняла мои осторожные прикосновения и слушалась меня, хотя я чувствовал по тому, как плавно вращаются педали и плывет цепь, по тому, как щелкает велосипед на поворотах, что Ракете, как всякому породистому скакуну, хотелось нестись во весь опор. Я понимал, что мне еще многое предстоит узнать о своем двухколесном друге.

Моя губа зажила, лицо тоже. Но моя гордость осталась уязвленной, а уверенность в себе дала трещину. С этими ранами, которые никак внешне не проявлялись, я был вынужден жить дальше.

Однажды в субботу мы всей семьей отправились к общественному плавательному бассейну, где всегда было полно школьников. Правда, вынужден вам сообщить, что вход в бассейн был разрешен только белым. Едва мы добрались до бассейна, мама живо бросилась в покрытую рябью голубую воду, а папа уселся в шезлонге и отказался плавать, как мы его ни упрашивали. Мне тогда не сразу пришло в голову, что в последний раз отцу пришлось купаться, когда он видел мертвеца, погрузившегося вместе с автомобилем на дно озера Саксон. Я немного посидел рядом с отцом, пока мама плескалась в бассейне, и рассказал ему в третий или четвертый раз о необыкновенной силе и точности броска Немо Керлисса. На этот раз все внимание отца целиком принадлежало мне – ведь рядом не было ни телевизора, ни радио, к тому же он сам хотел сосредоточиться на чем-то, никак не связанном с водой, на которую, похоже, он не испытывал ни малейшего желания смотреть. Он предложил мне поговорить о талантах Немо с тренером Мердоком, чтобы сам тренер убедил маму Немо позволить ему играть за младшую лигу. Этим советом отца я решил воспользоваться позже.

Ближе к полудню возле бассейна появились Дэви Рэй Коллан со своим шестилетним братом Энди и родителями. С лица Дэви уже сошла большая часть синяков. Родители Дэви Рэя уселись рядом с моими, и разговор у них, конечно, зашел о братьях Брэнлин, о том, что с ними делать, потому что я и мои друзья оказались не единственными, кто был жестоко избит этими мерзкими отродьями. Ни мне, ни Дэви не слишком хотелось вновь переживать подробности своего поражения, и потому мы, попросив у родителей денег на молочный коктейль, отправились к «чертову колесу», зажав по долларовой бумажке в руке. Энди тоже хотелось увязаться за нами, но его не отпустила миссис Коллан, и он проводил нас хныканьем.

«Чертово колесо» находилось на другой стороне улицы, напротив бассейна, рядом с выкрашенным в белый цвет оштукатуренным зданием с белыми потеками на крыше. Перед ним высилась статуя белого медведя, вся покрытая надписями: «Мы лучше всех – выпускники 64-го», «Луи, Луи!» и «Дебби любит Арахис», а также множеством других весьма вольных высказываний. Мы с Дэви сходились во мнении, что мистер Самптер Вомак, владелец «чертова колеса», наверняка полагал, что Арахис – имя какого-то парня, да никто и не пытался его разубедить. «Чертово колесо» считалось главным местом сборищ тинейджеров. Трудно было устоять перед соблазном отведать гамбургеры, хот-доги, жареный картофель и едва ли не тридцать сортов молочных коктейлей с разным вкусом – от персикового до рутбира, корнеплодного пива, оттого на местной стоянке всегда собирались старшеклассники – парни и девицы, приехавшие в родительских автомобилях или грузовичках. Эта суббота не стала исключением. Легковушки и пикапы стояли очень плотно, борт о борт, с открытыми окнами, и из радиоприемников лилась музыка, пахучая и пряная, как дымок от жаровен. Я вспомнил, что именно здесь как-то видел Малыша Стиви Коули в его Полуночной Моне, а вместе с ним – молоденькую светловолосую девушку. Ее голова покоилась на плече Стиви. Волосы у него были черными как смоль, а глаза – голубыми, словно вода в бассейне. Когда я проходил мимо, Малыш Стиви мельком взглянул на меня. В тот день я не разглядел лица девушки Малыша Стиви и теперь подумал о том, знает ли она, что Стиви стал призраком и гоняет теперь за рулем Полуночной Моны по дороге между Зефиром и Юнионтауном.

Дэви, всегда отличавшийся решительностью, мгновенно выбрал себе «Джамбо с перечной мятой» и получил свой коктейль и пятьдесят центов сдачи. Меня он отговорил брать «простой с ванилью».

– Ваниль – это неинтересно, такой коктейль можно получить где угодно! – сказал он мне. – Попробуй... – Дэви провел пальцем вдоль доски с написанными мелом названиями коктейлей. – Попробуй с арахисовым маслом!

Я так и сделал. И не пожалел, потому что это был лучший коктейль, который я пробовал в жизни. То был стаканчик с замороженной и наполовину растаявшей смесью, вкусом напоминавшей шоколадные конфеты «ризес». А через минуту случилось *это*.

Мы шли через парковку под лучами палящего солнца с большими белыми картонными стаканчиками, наполненными ледяными коктейлями. На стаканчиках была красная надпись «чертово колесо». В тот момент зазвучала песня. Вначале она донеслась всего из нескольких машин, но потом и в других машинах ловкие пальцы тинейджеров подкрутили ручки настройки и нашли нужную станцию. Приемники были включены на полную громкость, и музыка поплыла из динамиков во все стороны, растекаясь в горячем летнем воздухе. Через несколько секунд одна и та же песня играла во всех машинах на парковке. Несколько автомобилей завелись и с урчанием отъехали. Молодой смех искрами разлетался в воздухе.

Я остановился и замер. Просто не мог сойти с места. Эта музыка не была похожа ни на что слышанное мною раньше: голоса молодых певцов сплетались, потом звучали порознь и вновь сливались в какой-то фантастической, неземной гармонии. Голоса взмывали все выше, как переполненные счастьем полета птицы, а в основе этой гармонии лежали неистовый ритм ударника и звенящее бречание гитар, от которого по моей обожженной солнцем спине пробегал холодок.

– Что это такое, Дэви? – спросил я. – Что за песня?

– ...*Тусуюсь... я тусуюсь... и тусуюсь... ва-а... ва-а... ву-у-у-у...*

– Что это за песня? – снова спросил я, охваченный паникой, что так ничего о ней и не узнаю.

– Разве ты еще не слышал? Все старшеклассники только ее и поют.

– ...*Снова дорогой привычной я выезжаю в путь... Туда, где клевых парней я могу повстречать...*

– Как называется эта песня? – продолжал расспрашивать я, погруженный в этот всеобщий экстаз посреди парковки.

– Ее крутят по радио раз по десять на дню. Она называется...

Старшеклассники вокруг нас начали подпевать, а некоторые, не удовлетворившись этим, принялись раскачивать машины из стороны в сторону. И посреди этого гама стоял я с арахисовым молочным коктейлем в руке. Горячее солнце било мне в лицо, легкий свежий запах хлорки несся со стороны бассейна на другой стороне улицы.

– ...в исполнении «Бич бойз», – закончил тем временем Дэви Рэй.

– Что?

– «Бич бойз», это они поют.

– Господи! – воскликнул я. – Она похожа... похожа...

Я искал подходящие слова и не мог найти их в своем родном языке. Какими словами мог я передать то ощущение юности и свободы, надежды и желания, сладчайшей жажды приключений и бурлящей в жилах крови? Какими словами можно описать братство старых друзей и уверенность, которая не отпускает тебя, пока звучит песня, уверенность в том, что ты и твоё бесшабашное поколение – самые замечательные ребята на свете и мир принадлежит только вам?

– Круто, – подал голос Дэви Рэй.

Лучше не скажешь.

– *...Забияки знают нас и обходят теперь стороной... Я тусуюсь. Я тусуюсь...*

Я был поражен, охвачен восторгом. Эти несущиеся ввысь голоса подняли меня над землей, оторвали мои ноги от раскаленного асфальта – и вместе с ними я унесся в неведомую страну. Я никогда не ступал на песок пляжа, никогда не видел океана, только по телевизору, в кино и на снимках в журналах. «Бич бойз» – пляжные мальчишки. Стройное звучание их голосов проникло в мое сердце. На мгновение я почувствовал на своих плечах шикарную куртку, увидел себя за рулем красного спортивного автомобиля. Прекрасные блондинки на улицах лезли вон из кожи, чтобы привлечь к себе мое внимание. Я тусовался на славу.

Звуки песни растаяли в воздухе. Голоса затихли в динамиках. Я снова стал прежним Кори Маккенсоном, уроженцем Зефира, но успел почувствовать тепло солнца других краев.

– Я хочу попросить своих родителей, чтобы они позволили мне брать уроки гитары, – небрежно сообщил Дэви Рэй, когда мы переходили на другую сторону улицы.

«Гит-тары» – вот как он сказал.

А я мечтал, вернувшись домой, усесться за свой письменный стол и написать мягким карандашом «тикондерога № 2» рассказ о том, куда уходит музыка, оказавшись в воздухе. Кое-что из услышанного осталось в голове Дэви Рэя, и он насвистывал этот мотивчик снова и снова, пока мы не добрались до бассейна и не уселись рядом с нашими родителями.

Четвертое июля выдалось жарким. В парке устроили большое барбекю. Команда взрослой лиги «Перепела» проиграла 3 : 7 «Шаровым молниям» из Юнионтауна. Я заметил на трибуне Немо Керлисса. Он наблюдал за игрой, сидя между темноволосой женщиной в платье с красными цветами и долговязым мужчиной в очках с толстыми стеклами, чья новенькая белая рубашка обильно пропиталась потом. Отец Немо не слишком-то любил проводить время с женой и сыном: после второй подачи он поднялся и ушел с трибун. Позже я заметил, как он бродил среди толпы отдыхающих, держа под мышкой альбом с образцами рубашек, а на лице застыло выражение отчаяния.

Я не забыл о человеке в шляпе с зеленым пером. Сидя за столом вместе с родителями и обгладывая жареные ребрышки, пока пожилые мужчины состязались в набрасывании подковок на столбики, а подростки гоняли футбольный мяч, я непрестанно следил за толпой, отыскивая в ней подозрительное перо. Очень скоро я понял, что пора зимних шляп давно миновала и наступило время соломенных шляп. Например, на мэре Своупе красовалась соломенная федора: я видел, как он шел сквозь толпу, дымя неизменной трубкой, и весело жал протянутые со всех сторон измазанные жиром и соусом руки. Шеф пожарных Марчетт и мистер Доллар тоже носили соломенные шляпы, да и лысину доктора Лезандера прикрывало соломенное канотье с красной лентой. Он подошел к нашему столу, чтобы осмотреть бледный шрам на моей нижней губе. У доктора были холодные пальцы; он всмотрелся в мои глаза с цепким стальным вниманием.

– Если эти парни еще раз будут к тебе приставать, – проговорил он со своим голландским акцентом, – просто дай мне знать. При случае я

покажу им щипцы для кастрирования. Договорились?

Он толкнул меня локтем в бок и улыбнулся, блеснув серебряным зубом. Могучая жена доктора Лезандера Вероника, тоже голландка, чье вытянутое лицо с большими челюстями напоминало мне лошадиную морду, подошла к нашему столу с картонной тарелкой, полной ребрышек, и увела мужа с собой. Миссис Лезандер отличалась суровым нравом и не дружила ни с кем из женщин. Как рассказывала мама, старшего брата миссис Лезандер и всю его семью, участвовавших в голландском Сопротивлении, убили нацисты. Я размышлял об этом и пришел к мнению, что тяжелые испытания могут подорвать в человеке веру в других людей. Перед падением страны Лезандеры бежали из Голландии, причем доктор лично застрелил из пистолета немецкого солдата, который ворвался в его дом. Эта тема очень занимала меня, поскольку мы с Джонни, Дэви Рэем и Беном играли в лесу в войну, и мне хотелось расспросить доктора Лезандера о том, какова война на самом деле, но отец запретил это делать, сказав, что такие воспоминания лучше не берeditь лишний раз.

Вернон Такстер тоже почтил пикник своим посещением. Лица женщин покрылись густым румянцем, а мужчины принялись сосредоточенно разглядывать свои тарелки. Большинство же вообще не обращало внимания на сына Мурвуда Такстера, словно он был невидимкой. Взяв тарелку с жареным мясом, Вернон уселся под деревом на самом краю бейсбольного поля. Должен сказать, что он не был абсолютно наг: голову его прикрывала соломенная шляпа с обвисшими полями, в которой он походил на тронувшегося с годами умом Гекльберри Финна. Насколько я заметил, Вернон Такстер был единственным мужчиной, к которому мистер Керлисс так и не подошел со своим альбомом с образцами мужских рубашек.

В течение дня я несколько раз слышал песню «Бич бойз», доносившуюся из транзисторов, и каждый раз песня нравилась мне все больше и больше. Услышав «Бич бойз», отец поморщился, как от кислого, а мама сказала, что от такого визга у нее болят уши, но я все равно был без ума от песни. Все ребята были в диком восторге от «Бич бойз». Когда я слушал песню, наверно, уже в пятый раз, неподалеку, оттуда, где старшеклассники лениво пинали футбольный мяч, донеслись шум и громкие выкрики. Кто-то ревел как бешеный бык.

Мы с отцом пробрались сквозь толпу зевак, чтобы посмотреть, в чем дело.

Конечно, это был он. Человек огромного роста, с курчавыми рыжими волосами, длинным и узким лицом, искаженным праведным гневом. На нем был бледно-голубой костюм со значком на лацкане, изображающим американский флаг, и маленьким крестиком, болтающимся поверх него. Лакированные черные ботинки втапывали в пыль маленький ярко-красный транзистор, изгоняя из него дьявола.

– Чтобы! Я! Этого! Больше! Не слышал! – орал он, сопровождая каждое слово новым ударом ноги.

Старшеклассники, игравшие в футбол, стояли с разинутыми ртами, во все глаза глядя на преподобного Ангуса Блессета, а шестнадцатилетняя девушка, чье радио только что растоптали на мелкие кусочки, была готова разрыдаться. Лакированные ботинки заставили наконец замолчать «Бич бойз».

– Этот сатанинский визг необходимо прекратить! – орал преподобный Блессет, проповедник Свободной баптистской церкви, обращаясь к собравшейся толпе. – День и ночь я страдал от этого невыносимого гама, но Господь повелел положить ему конец!

С этими словами преподобный еще раз наступил на вызвавшее всю эту бурю эмоций радио. Из обломков во все стороны полетели проводки и батарейки. После этого преподобный Блессет, с покрасневшими щеками и залитым потом лицом, обратил свой взор к рыдающей девушке и, раскрыв объятия, направился в ее сторону:

– Возлюбленная дочь моя! Господь благословит тебя!

Развернувшись, девушка обратилась в бегство. И я ее не виню. Если бы кто-то растоптал мой новенький приемник прямо у меня на глазах, мне тоже вряд ли захотелось бы с ним обниматься.

Преподобный Блессет, развернувший в прошлом году кампанию против ритуала, совершаемого Леди на мосту с горгульями в Страстную пятницу, теперь обратил свой лик к присутствовавшим:

– Вы видели это? Бедное дитя было настолько смущено, что оказалось не в состоянии отличить благо от греха! И я объясню вам почему. Потому что она наслушалась этого визга, этого дьявольского музыкального мусора!

С этими словами он указал пальцем на останки радио у своих ног.

– Кто-нибудь из вас удосужился узнать, что отравляет уши наших детей этим летом?

– Похоже на жужжание пчел, облепивших осла! – сказал кто-то.

Все засмеялись.

Оглянувшись, я увидел мокрого от пота Дика Моултри; его рубашка на груди была вся заляпана соусом для барбекю.

– Смейтесь, если хотите, но, когда вы предстанете перед Господом, вам станет не до смеха! – в ярости выкрикнул преподобный Блессет. Не помню, чтобы он когда-нибудь говорил нормальным голосом. – Но стоит вам послушать эту песню, и волосы у вас на голове встанут дыбом, как встали у меня!

– Да будет вам, преподобный! – подал голос мой отец. – Это же просто песня!

– Просто песня? – Блестящее от пота лицо преподобного Блессета мгновенно повернулось к моему отцу, пылающие гневом серые глаза настолько налились кровью, что могло показаться, будто их нарисовали. – Просто песня, говоришь, Том Маккенсон? Что ты ответишь, если я скажу, что эта «просто песня» подрывает мораль наших детей? Что она вызывает у них греховные сексуальные желания, подталкивает к безумным гонкам по улицам на автомашинах, учит их злу большого города? Что ты скажешь на это, Том Маккенсон?

Отец пожал плечами:

– Если вы сумели разобрать все это, прослушав песню один раз, то у вас уши, как у гончей. Лично я не понял из этой песни ни слова.

– Ага! Вот в этом и заключаются проделки Сатаны! – Преподобный Блессет ткнул отцу в грудь указательным пальцем с соусом барбекю под ногтем. – Грех пробирается в головы наших детей, а они даже не понимают, что слушают!

– В самом деле? – спросил отец.

К тому времени мама подошла к нам и встала рядом, взяв отца за руку. Он никогда особо не уважал преподобного, и мама боялась, что отец может выйти из себя и наговорить лишнего.

Преподобный оставил в покое моего отца и снова обвел глазами толпу. Если на свете и есть что-то, способное привлечь внимание людей, то это крикун, пугающий Сатаной; кажется даже, что в воздухе разносится его запах, как от горелого мяса.

– Добрые христиане, призываю вас прийти в среду вечером, в семь часов, в Свободную баптистскую церковь, вы сможете собственными ушами услышать все то, о чем я говорю!

Взгляд преподобного скользил по лицам людей.

– Если вы любите Господа, наш город и ваших детей, разбивайте любое радио, когда услышите, что из него льются эти помои!

К моему разочарованию, несколько человек с горящими от возбуждения глазами поддержали преподобного одобрительными возгласами:

– Восславим Господа, братья и сестры, восславим Господа!

Преподобный Блессет стал пробираться сквозь толпу, хлопая людей по плечам и спинам, пожимая на ходу руки.

– Он мне всю рубашку соусом испачкал, – проговорил отец, разглядывая пятно.

– Пойдем отсюда. – Мама потянула отца за руку. – Давайте посидим в тени.

Направившись следом за родителями, я оглянулся, наблюдая, как уходит преподобный Блессет. Вокруг него образовалось кольцо – люди, окружавшие Блессета, что-то быстро и невнятно говорили. Их лица казались какими-то опухшими, а у самого Блессета на спине расплывалось темное пятно пота, напоминавшее формой дыню. Я не мог понять, каким образом та самая песня, что я сегодня впервые услышал на парковке около «чертова колеса» и сразу же полюбил, вдруг оказалась греховной. Я мало что знал о зле большого города, но не чувствовал в себе ни малейшего желания нарушать мораль. Песня просто была клевой, и на душе от нее становилось... клево. Я раз двадцать слышал сегодня эту песню, но так и не сумел разобрать, что там поется хором после «я тусуюсь, я тусуюсь», и ни Бен, ни Дэви Рэй, ни Джонни, который все еще ходил с перевязанным бинтами клювом и пока сидел дома, не смогли мне помочь. Меня снедало любопытство: что такое преподобный Блессет сумел услышать в песне, чего не смог уловить я?

Я решил, что обязательно должен это разузнать.

Поздно вечером в парке устроили фейерверк. Красные, белые и синие огненные цветы долго расцветали над Зефиром.

А после полуночи перед домом Леди запылал крест.

Глава 5

Добро пожаловать, Люцифер!

Я проснулся из-за того, что почувал запах гари.

Пели птицы, и солнце стояло высоко в небе, но я понимал, что произошло что-то ужасное.

Три года назад в двух кварталах к югу от нас случился пожар. Тогда лето выдалось особенно жарким и сухим, и той августовской ночью дом сгорел быстро, как растопка из смолистых сосновых веток. Там жила семья Беллвуд: мистер и миссис Беллвуд, их десятилетняя дочь Эмми и восьмилетний сын Карл. Во время пожара, начавшегося из-за короткого замыкания, спящий Карл получил сильные ожоги, прежде чем родители сумели добраться до него сквозь огонь. Карл умер через несколько дней, его похоронили на Поултер-Хилле и поставили на могиле обелиск с высеченной на нем надписью: «Нашему любимому сыну». Вскоре Беллвуды уехали из Зефира, оставив своего сына лежать в здешней земле. Я хорошо знал Карла Беллвуда, потому что тот часто приходил ко мне во двор поиграть с Бунтарем: у мамы Карла была аллергия на шерсть животных и она не позволяла заводить собаку.

Карл был худеньким мальчиком со светлыми кудрявыми волосами; я помнил, как он любил банановое мороженое на палочке, которое продавал со своего грузовичка Весельчак. Однажды Карл признался мне, что больше всего на свете ему хотелось бы иметь собаку. После того как Карл умер от ожогов, отец сказал, что у Бога на все есть свой план, вот только в этих планах Господа очень сложно разобраться.

В то утро пятого июля отец отправился на работу, а мама объяснила мне, откуда взялся запах гари. Большую часть утра она разговаривала по телефону. Информационная сеть Зефира, включавшая жительниц города, падких до новостей, как коршуны до дичи, всегда располагала самыми точными сведениями о городской жизни. Когда я ел свой завтрак – яичницу с овсянкой, мама подседа ко мне и спросила:

– Ты знаешь, что такое ку-клукс-клан, Кори?

Я кивнул. Я не раз видел по телевизору членов клана, облаченных в белые балахоны с конусообразными капюшонами. Они ходили с

винтовками и дробовиками в руках на фоне горящих крестов. Помню, как их оратор, откинув капюшон, так что открылось его лицо, похожее на кусок жира, говорил, что нужно либо хранить традиционный дух южных штатов «Дикси», либо выметаться из наших мест, что никакой вашингтонский политик не заставит нас целовать цветным ботинки. От злости щеки оратора налились кровью, веки вздулись, а за его спиной фигуры в белых балахонах продолжали свое мрачное шествие вокруг горящего креста.

– Вчера вечером куклуксклановцы зажгли крест во дворе Леди, – сказала мне мама. – Так они ее предупреждают – хотят заставить уехать из города.

– Они хотят прогнать Леди? Но чем она им помешала?

– Ты слышал, что говорил твой отец, – некоторые очень боятся Леди. А еще он сказал, что люди считают, будто она слишком много говорит о происходящем в Брутоне.

– Но она живет в *Брутоне*, – заметил я.

– Да, но некоторые люди боятся, что если дать ей волю, то она начнет говорить и о том, что происходит в Зефире. Прошлым летом она просила мэра Своупа разрешить цветным жителям Брутона купаться в общественном бассейне Зефира. В этом году она повторила свою просьбу.

– И отец тоже ее боится?

– Да, – ответила мама, – но по другой причине. Он боится ее не потому, что у Леди темная кожа, а потому... – Мама замолчала и пожала плечами. – Он боится Леди из-за того, что не понимает ее.

Я повозил вилкой в тарелке с овсянкой, обдумывая услышанное.

– А почему мэр Своуп не позволяет неграм купаться в бассейне?

– Потому что они *черные*, – ответила мне мама. – Белые не любят плавать с цветными в одном бассейне, вот в чем дело.

– Но во время наводнения мы зашли в воду все вместе – и белые, и негры, – заметил я.

– То в реке, – ответила мама. – А в бассейне неграм никогда купаться не разрешали. В петиции Леди просит либо построить в Брутоне бассейн, либо позволить неграм купаться в общественном бассейне Зефира. Наверно, поэтому клан хочет выгнать Леди из города.

– Но она всегда жила здесь. Куда она поедет?

– Не знаю, что и сказать тебе, Кори. Но думаю, что тех, кто зажег перед домом Леди крест, это меньше всего волнует.

Мама нахмурилась, в углах ее глаз собрались крохотные морщинки.

– По правде сказать, я никогда не думала, что у нас в Зефире тоже есть клан. Отец говорит, что крест подожгли несколько напуганных человек, которые изо всех сил цепляются за прошлое. И еще он сказал, что, перед тем как дела меняются к лучшему, все обычно идет наперекосяк.

– А что будет, если Леди не захочет уехать? – спросил я. – Неужели эти люди поднимут на нее руку?

– Боюсь, что они способны и на такое. Они могут предпринять что-то очень скверное.

– Она не уедет, – твердо сказал я, вспомнив холодную красоту зеленых глаз на мгновенно и удивительно изменившемся морщинистом лице Леди. – Эти люди не смогут прогнать ее из родного города.

– Я с тобой совершенно согласна, Кори, – поднялась со стула мама. –

И мне бы не хотелось, чтобы с Леди случилось что-нибудь плохое. Хочешь еще апельсинового сока?

Я отказался. Тогда мама налила сока себе, а я покончил с яичницей. И задал вопрос, услышав который она посмотрела на меня так, словно я просил денег на полет до Луны.

– Можно я схожу на проповедь преподобного Блессета? – спросил я. – Мне хочется узнать, о чем он будет говорить.

Мама буквально потеряла дар речи.

– Он что-то собирается сказать о той песне, – продолжил я. – Я хочу знать, почему он так сильно ее ненавидит.

– Ангус Блессет ненавидит все и вся, – ответила мама, когда к ней вернулась способность говорить. – Он может разглядеть верные признаки конца света в паре грошовых теннисных туфель.

– Это моя любимая песня. И мне хочется узнать, что преподобный сумел расслышать там такое, чего не услышал я.

– Ну, с этим все ясно, – чуть улыбнулась мама. – Его уши – это уши взрослого человека. То же самое можно сказать и про меня. Я с трудом выношу эту песню, но не думаю, что в ней заключено какое-то зло.

– Но все равно я хочу его послушать, – настаивал я.

Впервые в жизни я выказывал желание посетить проповедь, к тому же не в нашем церковном приходе. Отец, вернувшись домой, всячески пытался отговорить меня от этой затеи. Он сказал, что в преподобном столько горячего воздуха, что им можно было бы без труда надуть дирижабль, и что сам он ни за что не переступил бы порог Свободной баптистской церкви. Однако после негромкого совещания с мамой, из которого я уловил слова «любопытство» и «пускай разберется во всем сам», отец скрепя сердце согласился идти вместе с нами в среду вечером на проповедь преподобного Блессета.

Таким образом, наша семья вместе с сотней других людей оказалась под душными сводами Свободной баптистской церкви, находившейся на Шоусон-стрит, недалеко от моста с горгульями. Сегодняшняя служба не являлась торжественной, в отличие от воскресной. Ни я, ни отец не надели пиджаки и галстуки, некоторые явились прямо с полей, в грязных комбинезонах. Я заметил много знакомых лиц. Прежде чем служба началась, в церковь набилось столько народу, что едва-едва хватало места для того, чтобы стоять. Среди присутствующих оказалось немало угрюмых подростков, которых притащили сюда силком их родители. По-видимому, истерические выкрики преподобного, а также расклеенные по всему городу объявления, в которых сообщалось, что «в среду вечером в Свободной баптистской церкви преподобный Блессет вступит в поединок с дьяволом ради спасения наших детей», сделали свое дело.

Перед стоявшей на возвышении кафедрой красовались новенький проигрыватель и колонки.

И вот наконец появился преподобный Блессет собственной персоной, облаченный в белый летний костюм и розовую рубашку, покрасневший и уже совершенно мокрый от пота. Широкими шагами он взошел на кафедру, держа вызвавшую весь этот переполох черную виниловую грампластинку-сорокапятку. В другой руке преподобный нес за кожаную ручку небольшой деревянный ящик с маленькими отверстиями по бокам, который поставил на пол в стороне от кафедры. После этого, повернувшись к собравшимся, он выкрикнул:

– Братья и сестры, вы готовы сегодня сразиться с Сатаной?

– Аминь! – закричали со всех сторон в ответ. – Аминь! Аминь!

Аудитория была готова к проповеди.

И преподобный начал страстно вещать о том, как коварно зло большого города, что оно добралось и до Зефира, как кровожаден Сатана, жаждущий заполучить души наших молодых людей и утащить их в ад, и что необходимо денно и ночью сражаться с дьявольскими искусствами, дабы не гореть в геенне огненной. При этом преподобный Блессет носился по сцене взад-вперед как одержимый, махал руками и отчаянно потел. Нужно отметить, что шоу он устроил отличное: я даже подумал, не прячется ли у меня под кроватью дьявольское отродье, дожидаящееся момента, когда я раскрою «Нэшнл джиографик», чтобы посмотреть на фотографии гологрудых африканок.

Потом, внезапно прекратив бег, преподобный Блессет обратил к собравшимся блестящее от пота лицо. Двери церкви оставались запахнутыми, но духота все равно стояла невероятная: моя рубашка липла к спине, а преподобный в золотистых лучах солнца просто обливался потом. Он поднял над головой черный диск пластинки.

– Вы пришли услышать это, – сказал Блессет. – Так слушайте!

Он включил проигрыватель, насадил пластинку на вал и задержал на весу иглу над первым желобком.

– Слушайте внимательно, – наказал он нам, – вот они, голоса демонов!

С этими словами преподобный опустил иглу на диск, и динамики наполнились треском от царапин.

Чьи это были голоса – демонов или ангелов? Ох уж эти голоса! *«Я тусуюсь, я тусуюсь и тусуюсь. Из города прочь. Я тусуюсь».*

– Вот оно! – внезапно заорал преподобный, поднимая иглу. – Вы слышали это? Он внушает нашим детям, что по другую сторону изгороди трава зеленее! Разве жизнь в родном городе хуже, чем в другом месте? Сатана разжигает в неокрепших душах дьявольскую тягу к перемене мест, вот о чем тут поется!

Игла снова упала на пластинку. Когда песня дошла до места, где говорилось, как здорово иметь автомобиль без единой царапины, который ни разу не разминулся с девчонкой, спешащей на свидание, преподобный Блессет разве что не затрясся от праведной ярости:

– Вот, вы слышали это? Разве дьяволы не призывают целыми днями носиться по улицам на автомобилях? Разве тут не слышно призыва предаться похоти, легкодоступным *плотским* утехам?

Последние слова преподобный произнес с глумливой усмешкой.

– Задумайтесь об этом, люди! Ваши сыновья и дочери горят в пламени этого мусора, в то время как Сатана насмехается над нашей слепотой! Только представьте себе улицы нашего города, красные от крови наших детей, гибнущих в разбитых машинах, наших беременных дочерей и распаленных похотью сыновей! Вы думали, что такое возможно только в больших городах? Вы думали, что наш Зефир защищен от когтей князя тьмы? Сейчас я дам вам еще послушать эту так называемую *музыку*, и вы поймете, как вы ошибались!

Игла в очередной раз упала на пластинку. Звук был отвратительным: судя по скрипу и треску, преподобный Блессет прокрутил пластинку как минимум раз двадцать. Меня мало трогало то, о чем он твердил: эта музыка повествовала о свободе и счастье, в ней ни слова не говорилось о том, чтобы разбивать машины на улицах. Я слышал в песне совсем иное, чем преподобный Блессет. Отзвук лета – частичку небес, спустившихся на землю. Блессет же ощущал лишь запах серы да видел ухмылку дьявола. Просто поразительно, как служителю Господа, вроде преподобного, везде, во всяком слове слышится зов Сатаны. Разве Бог не правит миром во всех его проявлениях, как это сказано в Библии? Если так, то почему преподобный Блессет так боится за наши души?

– Языческий мусор! – орал он, комментируя ту часть песни «Бич бойз», где говорилось, что не дело оставлять дома подружек, собираясь в субботу на вечеринку. – Отвратительная похоть! Господи, спаси наших дочерей!

– Этот парень, – шепнул отец маме на ухо, – напоминает мне спятившую от жары бездомную дворнягу!

Пластинка играла и играла, а преподобный твердил о неуважении к закону, о разрушении семейных уз, грехе Евы и змее-искусителе в райском саду. Он брызгал на первые ряды слюной и исходил потом, лицо его страшно покраснело, и я опасался, как бы он не лопнул по швам.

– «Бич бойз»! – выкрикнул он со злобным смешком. – Знаете ли вы, кто это такие? Это бездельники, которые не желают зарабатывать себе на хлеб насущный честным трудом! Целыми днями они валяются на калифорнийском пляже, предаваясь блуду на песке, как дикие звери! И *это* сутками напролет слушает наша молодежь! Господи, спаси этот мир!

– Аминь! – крикнул кто-то.

Толпа начала заводиться.

– Аминь, братья! – раздались новые выкрики.

– Но вы ничего еще по-настоящему не слышали, вот что я вам скажу! – заорал преподобный Блессет.

Он поднял иглу и, прижав рукой диск, стал останавливать его вращение, так что аппарат протестующе взвыл. Преподобный принялся отыскивать на пластинке нужное место:

– Послушайте-ка вот здесь!

Он опустил иглу, другой рукой вращая диск в обратном направлении.

Раздался звук, похожий на протяжный стон, что-то вроде: *Даадишлсмаастраабаа*.

– Вы слышали это? Слышали?

Глаза преподобного торжествующе блестели, словно он только что разгадал великую тайну музыки.

– «Дьявол спрятался в моем саду!» Вот что они поют: «Дьявол спрятался в моем саду!» Звучит совершенно отчетливо! Они поют песнь во славу Сатаны, им все равно, чьи души после этого будут гореть в геенне огненной! Эта песня звучит из приемников по всей стране! Наверняка и сейчас ее слушают! Наши дети слушают эту песню дни напролет, не сознавая, что творится с ними, и не узнают ничего до тех пор, пока не станет слишком поздно! К тому времени дьявол полностью завладеет их душами!

– Кажется, примерно то же самое в свое время говорили про чарльстон, – сказал отец маме, но я едва расслышал его за хором одобрительных возгласов.

Так уж устроен мир: люди надеются на лучшее, но в любой момент готовы поверить самому плохому. По-моему, если твой слух устроен так, что слышит только то, что желает услышать, можно взять любую песню, самую невинную, и найти в ней послание дьявола. Особенно легко поносить песни, в которых говорится о нашем мире и о людях, живущих в нем, о людях, даже лучшие из которых отягощены грехами и сомнениями, – ведь правда о себе воспринимается очень болезненно.

Я сидел на церковной скамье и слушал, как преподобный кричит и заходится в ярости. Я видел, как наливаются кровью его лицо, как горят глаза и брызжет слюна изо рта. Он боялся – увидеть это не составляло

труда – и своими испуганными воплями разжигал уголья страха в своих слушателях. Он еще несколько раз ставил иглу на пластинку и проиграл три или четыре отрывка песни задом наперед, извлекая на свет то, что мне казалось полной неразберихой, а ему – посланием Сатаны. Я подумал: будь на то его воля, преподобный проводил бы у проигрывателя долгие часы и запил бы пластинку вдоль и поперек, отыскивая в ней следы дьявольских происков. И еще я подумал, что преподобному хотелось не защищать, а вести людей за собой. В последнем он преуспел более всего: вскоре почти весь зал по его указке выкрикивал: «Аминь!» Это очень напоминало крики болельщиков школьной команды Адамс-Вэлли, когда они приветствуют своего игрока, забившего гол. Отец покачивал головой, сидя со скрещенными на груди руками, а мама, как мне казалось, вообще не понимала причины этого переполоха.

Вдруг преподобный Блессет, у которого пот капал с подбородка, а глаза стали совершенно дикими, заорал:

– А теперь, братья и сестры, настала пора дьяволу появиться перед нами! Пускай потанцует под собственную музыку.

Открыв дверцу деревянного ящика, он вытащил из него какое-то живое существо, дергающееся и вырывающееся. «Бич бойз» продолжали петь, и преподобный, схватив конец поводка, заставил зверька на другом его конце отчаянно прыгать и извиваться под музыку.

Это была маленькая обезьянка с неуклюже болтавшимися длинными лапами. Она злобно скалила острые зубы всякий раз, когда ее мучитель дергал поводок то в одну, то в другую сторону.

– Танцуй же для нас, Люцифер! – кричал преподобный так громко, что его голос перекрывал музыку ансамбля, зовущего в Калифорнию. – Пляши под свою музыку!

Люцифер, который до этого просидел в своей коробке бог знает сколько, выглядел не слишком расположенным к подобным забавам. Обезьянка шипела и клацала зубами, ее хвост метался, словно серая плетка, но преподобный все не унимался и орал, продолжая таскать обезьянку на поводке взад и вперед:

– Пляши, Люцифер! Давай пляши!

Некоторые поднялись с мест, стали хлопать в ладоши и извиваться в проходе между скамьями. Какая-то толстуха с животом величиной с

диванную подушку, стоя на своих здоровенных ногах-тумбах, раскачивалась из стороны в сторону, рыдая и взывая к Господу.

– Пляши, Люцифер! – кричал преподобный.

Блессет вошел в раж, – казалось, он вот-вот начнет крутить бедную обезьянку на поводке у себя над головой, словно кроличью лапку – брелок для ключей. Мужчина, стоявший прямо перед нами, раскинул руки и принялся выкрикивать что-то вроде «Господи, помилуй нас!» и «пошли гром на головы грешников!». Я смотрел на его коричневый от загара затылок и искал на нем крестообразную отметину инопланетян, полагая, что без них тут явно не обошлось.

Свободная баптистская церковь превратилась в сумасшедший дом. Взяв маму за руку, отец сказал ей:

– Нам лучше уйти отсюда!

Люди вокруг вращались по кругу и тряслись, заходясь в экстазе. А я-то думал, что баптистам не разрешается плясать!

Преподобный Блессет еще раз сильно встряхнул обезьянку.

– Пляши, Люцифер! – приказал он под громоухание музыки. – Задай им жару!

И тогда неожиданно для всех Люцифер, как видно, решил наконец выполнить его просьбу.

Испустив пронзительный вопль, обезьянка, которая уже не могла больше переносить тычки и рывки, запрыгнула на голову проповедника. Длинные гибкие лапы цепко ухватились за лицо и волосы преподобного, и Блессет вскрикнул от ужаса, когда маленькие, но острые обезьяньи клыки впились в его правое ухо. Одновременно с этим Люцифер изверг содержимое своего кишечника, коричневое, как соус «Боско», прямо на белый костюм преподобного. Это зрелище мгновенно остановило всеобщий экстаз, и на несколько секунд наступила полная тишина. Шатаясь, Блессет принялся метаться взад и вперед, пытаясь сбросить с головы обезьянку, которая безостановочно поливала одежду преподобного отвратительными коричневыми струями. Женщина с огромным трясущимся брюхом пронзительно завизжала. Несколько мужчин из передних рядов бросились на помощь преподобному, ухо которого было настолько изжевано, что свисало ключьями. Как только добровольцы приблизились, обезьяна повернулась и злобно глянула на людей, готовившихся ее схватить, при этом из ее пасти свисал окровавленный кусочек уха Блессета. Что-то

злобно вереща, Люцифер наконец отпустил преподобного и бросился наутек по головам прихожан, заставляя их уворачиваться от струй, которые продолжали исторгаться из его кишечника. Поводок вырвался из рук Блессета, и Люцифер обрел свободу.

Словно желая оправдать свое прозвище, обезьяна бросалась на людей, пытаясь цапнуть их за ухо, обильно орошая их одежду. Не знаю, чем преподобный накормил Люцифера, но пища эта явно не пошла обезьяне впрок. Люцифер пронесся рядом с нами: мама закричала от страха, а отец едва успел увернуться. По счастью, коричневые струи нас миновали. Оттолкнувшись от последнего ряда скамей, Люцифер прыгнул, ухватился за люстру, а потом соскочил на голубую шляпу какой-то женщины, украсив ее ложными гвоздиками. Потом он бросился дальше, замелькали лапы, когти и хвост-плетка, защелкали зубы, раздался пронзительный визг. В церкви стоял настолько сильный запах гнилых бананов, что от него впору было потерять сознание. Кто-то из отважных прихожан попытался схватить поводок, но отшатнулся, получив заряд коричневой жижи прямо в лицо. Человек, временно лишившись способности видеть, резко попятился, его жена отпрянула в сторону. Люцифер, издав звук, похожий на хохот, цапнул за нос какую-то женщину, испачкал волосы стоявшего рядом с ней мальчика и принялся скакать со скамьи на скамью, словно маленькая бесовская версия Фреда Астера^[13].

– Держите его! – вопил преподобный Блессет, держась за кровоточащее ухо. – Ловите это исчадие Сатаны!

Кому-то удалось схватить Люцифера, но храбрец тут же отдернул руку со следами клыков на костяшках пальцев. Обезьяна оказалась шустрой и злобной, как живое порождение ада. Большинство присутствовавших были всецело озабочены, как бы не попасть под зловонные струи, и даже не пытались ловить Люцифера. Я лежал на церковной скамье вниз лицом, а мама и отец скорчились в проходе. Тут преподобный Блессет завопил:

– Двери! Закройте кто-нибудь двери!

Идея была хороша, вот только пришла она ему в голову слишком поздно. Люцифер уже мчался прямо к выходу, его глаза-бусины восторженно блестели. Пробегая, он оставлял на стенах свои автографы.

– Остановите его! – орал преподобный.

Но Люцифер, потанцевав на чьих-то плечах, нырнув с чьей-то головы, с торжествующим визгом вырвался через открытые двери в вечерние сумерки.

Несколько человек бросились в погоню. Остальные вздохнули с облегчением, хотя воздух был не слишком пригоден для дыхания. Отец помог маме подняться, а потом вместе с двумя другими мужчинами усадил на скамью тучную даму, которая, потеряв сознание в разгар этой суматохи, рухнула на пол, как подрубленное дерево.

– Все сохраняйте спокойствие! – дрожащим голосом возвестил преподобный. – Опасность миновала!

Я поразился, как такое мог сказать человек, ухо которого было наполовину отгрызено, а весь костюм перепачкан обезьяньим дерьмом.

Греховная песня, ради которой мы собрались, была забыта. После всего случившегося «Бич бойз» стали казаться чем-то совершенно незначительным. Постепенно народ начал приходить в себя, и на смену потрясению пришел гнев. Кто-то кричал Блессету, что тот не должен был выпускать из рук поводок с обезьянкой, а кто-то и вовсе заявил, что завтра же с утра прийдет преподобному счет за чистку костюма. Женщина с укушенным носом кричала, что подаст на Блессета в суд. Негодующий шум нарастал, и я увидел, как преподобный отпрянул в сторону и весь съежился, словно его покинули силы. Он стал таким же смущенным и жалким, как и все остальные.

Мужчины, погнавшиеся за Люцифером, вернулись, обливаясь потом и тяжело дыша. По их словам, обезьянка забралась на дерево и исчезла. Может быть, она покажется где-то завтра, когда станет светло, и ее удастся поймать сетью.

Роли поменялись: теперь не Люцифер кидался на людей, а они пытались схватить его. Такой расклад показался мне одновременно странным и смешным, но тут в мои мысли ворвался голос отца:

– Напрасно стараются.

Преподобный Блессет опустился на пол прямо у кафедры. Его паства покидала церковь, а он так и сидел в своем перепачканном белом костюме и смотрел на свои руки. На проигрывателе продолжал крутиться диск, и из динамика доносились размеренные щелчки.

Вечер выдался теплым и влажным. Мы шли домой по тихим улицам. Тишину нарушал только монотонный стрекот насекомых. Меня все время не покидало ощущение, что из ветвей за нами следит Люцифер. Теперь, когда он получил свободу, никакая сила на свете не могла загнать его обратно в деревянный ящик.

Один раз мне показалось, будто я снова ощущаю запах пылающего креста, дым от которого вьется над крышами домов. Но, должно быть, кто-то просто жарил сосиски в своем саду.

Глава 6

Мама Немо и неделя с дедушкой Джейбердом

А лето, как обычно, шло своим чередом.

Преподобный Блессет попытался и дальше раздуть праведный гнев, но дело закончилось несколькими письмами читателей «Журнала», требовавших запретить продажу пластинки с песней. Вся энергия преподобного обратилась в отработанный пар. Возможно, причиной стали длинные, наполненные бездельем июльские дни, а может быть, жителей Зефира гораздо больше интересовала тайна горящего креста перед домом Леди. Не исключено, что люди сами послушали знаменитую песню и составили о ней собственное мнение. Так или иначе, горожане поняли, что склочная кампания, затеянная преподобным, не имела никаких серьезных оснований. А потом Блессет и вовсе получил нокаутирующий удар: мэр Своуп нанес ему визит и потребовал прекратить пугать людей демонами, которых нет нигде, кроме головы преподобного.

Что касается Люцифера, то после этого случая его видели многие: он скакал по ветвям деревьев то тут, то там. Банановый торт, остывавший на окошке дома Сони и Катарины Гласс, непонятным образом оказался безнадежно изгаженным. Раньше я бы с уверенностью сказал, что без Брэнлинов тут не обошлось, но последние недели Брэнлины залегли на дно и вели себя очень тихо. Люцифер же обитал на больших высотах. Несколько человек из добровольной пожарной команды шефа Марчетта предприняли попытку изловить Люцифера в сеть, но все их старания увенчались лишь фонтаном обезьяньего дерьма, обильно оросившим их одежду. Люцифер был отлично экипирован со всех сторон, имея верный глаз спереди и устойчивую струю сзади. Посмеиваясь над незадачливыми ловцами, отец сказал, что это весьма надежный способ самозащиты, но мама заметила, что от одной мысли о свободно бегающей по городу обезьяне ей становится дурно.

Днем Люцифер прятался в листве и никого не беспокоил, но с наступлением ночи приходила его пора. Он вопил так пронзительно,

что будил спящих даже на Поултер-Хилле. Не раз и не два я слышал треск ружейных выстрелов: это означало, что кому-то надоел шум, поднятый Люцифером. В него стреляли множество раз, но пули его миновали. После ночной пальбы поднимался собачий лай, и заснуть оказывалось вовсе не возможно. Городской совет Зефира даже принял постановление, запрещающее ружейную стрельбу после восьми вечера. Вскоре Люцифер научился колотить палками в мусорные баки, причем особенно усердствовал под утро, между тремя и шестью часами. Он не притронулся к грозди отравленных бананов, специально положенных под куст мэром Своупом, и обходил проволочные ловушки. Он полюбил оставлять свои коричневые росписи на свежевымытых автомобилях, а однажды, свалившись с дерева прямо на голову следовавшего своим обычным маршрутом мистера Джеральда Харджисона, отгрыз у нашего почтальона кусочек уха. Мистер Харджисон сам рассказал об этом моему отцу, сидя на нашем крыльце и покуривая манильскую сигару в пластиковом мундштуке. Его заметно уменьшившееся левое ухо было забинтовано.

– Жаль, что при мне не было ружья, а то я бы обязательно подстрелил этого маленького ублюдка, – сказал мистер Харджисон. – Но он быстр, как черт, нужно отдать ему должное. Куснул меня и был таков, я его толком и не разглядел.

Мистер Харджисон улыбнулся и покачал головой:

– Что за времена настали: нельзя днем спокойно пройти по улице, того и гляди на тебя набросится проклятая обезьяна.

– Скоро ее поймут, – подал голос отец.

– Может быть, и так, – отозвался мистер Харджисон, пыхнув дымком и глядя, как голубое облачко тает в воздухе. – Знаешь, что я думаю, Том?

– Что?

– Что-то в ней есть необычное, дьявольское, вот что я думаю.

– С чего ты взял?

– А вот с чего. Почему эта обезьяна так и осталась здесь, в Зефире, а не ушла устраивать переполох в Брутоне?

– Не знаю, – ответил отец. – Я об этом даже не думал.

– Я скажу тебе почему. Наверняка тут не обошлось без этой бабы.

– О ком ты говоришь, Джеральд?

– Перестань, Том, ты же все понимаешь. – Мистер Харджисон мотнул головой в сторону Брутона. – Это ее проделки. Их королевы.

– Ты имеешь в виду Леди?

– Точно. Ее самую. Сдается мне, что она наслала на нас какое-то проклятие из-за того... ну, в общем... ты понимаешь... из-за того, что недавно случилось.

– Из-за сожженного креста? – закончил отец.

– Угу.

Мистер Харджисон отодвинулся в тень, потому что солнце добралось до его колен.

– Она устроила какой-нибудь ритуал, свое вуду-шмуду, вот что я думаю. И теперь никто не сможет изловить эту проклятую обезьяну; тут точно дело нечисто, говорю тебе, Том. Прошлой ночью эта тварь орала у меня под окнами, словно дух – вестник смерти. Линду Лу едва удар не хватил.

– В том, что обезьяна гуляет по городу, виноват один преподобный Блессет, и никто другой, – напомнил отец. – Леди к этому отношения не имеет.

– Но ведь в этом нельзя быть до конца уверенным? – Мистер Харджисон стряхнул пепел в траву и вернул мундштук в рот. – Мы ведь не знаем, какая сила ей подчиняется. Клянусь, клан правильно взял ее на заметку. Нам здесь не нужна эта старуха. Ни она, ни ее петиции.

– Я не желаю иметь ничего общего с кланом, Джеральд, – сказал отец. – И никогда не стал бы поджигать кресты. По-моему, это удел трусов.

Услышав это, мистер Харджисон тихонько усмехнулся, из его полуоткрытого рта выскользнул клубочек дыма.

– Не знаю, есть ли вообще в Зефире клан, – отозвался он. – Но кое о чем я недавно слышал.

– Что именно?

– Да... просто всякие разговоры. У меня такая работа, что волей-неволей услышишь много всякой болтовни. Люди говорят, что ребята из клана поступили храбро, решив: пора Леди предупредить. Потому что, Том, многим кажется, что настало время выставить ее отсюда, пока она не перевернула все в Зефире вверх дном.

– Леди живет здесь с незапамятных времен, и до сих пор ничего с Зефиром не случилось.

– До сих пор она помалкивала. А теперь обнаглела и качает права. Цветные и белые должны купаться в одном бассейне, только представь себе! Знаешь что, Том? По-моему, этот размазня мэр Своуп склонен пойти ей на уступки – позволить все, что она только потребует.

– Ну, – отозвался отец, – времена меняются. Раньше или позже перемены неизбежны.

– Господи, Том! – воскликнул мистер Харджисон. – Уж не заодно ли ты с ней? На чьей ты стороне?

– Я ни на чьей стороне, Джеральд. Единственное, что я хотел сказать: нам тут в Зефире не нужны ни овчарки, ни брандспойты, ни бомбы террористов. Дни Булла Коннора^[14] давно миновали. Я ничего не имею против того, что времена меняются, – таково положение вещей в этом мире. – Отец пожал плечами. – Перед будущим мы бессильны, Джеральд. Оно придет и нас не спросит. Ничего тут не попишешь.

– Уверен, что ребята из клана могут тут с тобой поспорить. У них совсем другая точка зрения.

– Может быть. Но их дни сочтены. А ненависть всегда порождает только еще большую ненависть.

Мистер Харджисон несколько минут сидел молча. Его взгляд был устремлен на крыши Брутона, но что он пытался там увидеть, трудно было понять. Наконец он поднялся и, подхватив свою сумку с письмами, закинул ее на плечо.

– Раньше ты казался мне разумным парнем, Том, – сказал он на прощание и двинулся к своему грузовичку.

– Эй, Джеральд! Погоди-ка минутку. Вернись, прошу тебя! – крикнул вслед мистеру Харджисону отец, но тот даже не оглянулся.

Отец и мистер Харджисон учились в школе Адамс-Вэлли в одном классе, и, хотя никогда не были близкими друзьями, оба прошли одни и те же дороги юности. Отец рассказывал, что мистер Харджисон играл в футбольной команде и его имя, выбитое на серебряной табличке, висит теперь на стене почета школы.

– Эй, Большой Медведь! – снова позвал отец, вспомнив школьное прозвище мистера Харджисона.

Но тот молча бросил окурок сигары в канаву, завел свой грузовичок и укатил.

Настал день моего рождения. Я пригласил Джонни, Дэви Рэя и Бена на мороженое и торт, украшенный двенадцатью свечами. Пока мы угощались тортом в гостиной, отец положил праздничный подарок на мой письменный стол.

Еще до того, как я его обнаружил, Джонни пришлось уйти домой. Его все еще иногда мучили головные боли и приступы головокружения. Джонни подарил мне два отличных белых наконечника от стрел из своей коллекции. Дэви Рэй принес мне модель Мумии, а Бен подарил пакетик маленьких пластмассовых динозавров.

А в комнате на моем столе стояла пишущая машинка «Ройял», серая, как линкор, и в ее каретку был вставлен белоснежный лист бумаги.

Пробег этой машины составлял уже немало миль. Часть клавиш оказалась вытерта, на боку, прямо на краске, было выцарапано «П. Б. З.». Позже я узнал, что это значит «публичная библиотека Зефира»: машинку приобрели на распродаже старого имущества. Буква «е» застревала, точка над «і» отсутствовала. И вот вечером, в сгущающихся сумерках, я сел за свой письменный стол, отодвинул в сторону жестянку с карандашами «тикондерога» и с колотящимся сердцем старательно напечатал на листе бумаги собственное имя.

Так я вступил в эру высоких технологий.

Довольно скоро я понял, что печатание на машинке – дело нелегкое. Мои пальцы оказались очень неловкими – придется их тренировать. Этим я и занялся, просидев над машинкой до глубокой ночи, пока мама не велела мне ложиться спать. КОРИ ДЖЭТ МАККЕНСОН. ДЭВИ РЕЙ КАЛКАН. ДЖОНМИ КВИЛСОН. БЕМ СИРС. БУНТАРЬ. СТАРЫЙ МОСИС. ЛЕДИ. ГОРЯЩИЙ КРЕСТ. БРЕМКИНСЫ. ШЛЯПА С ЗЕЛЕНЫМ ПЕРОМ. ЗИФИР. ЗЭФИР. ЗЕФИР.

Мне предстояло пройти очень долгий путь к совершенству, но я уже чувствовал энтузиазм героев вестернов и храбрых индейцев, мощь воинских подразделений, полчищ детективов и отрядов монстров, которые возникали в моем воображении, изо всех сил стремясь появиться на свет и излиться на бумагу.

Однажды днем я катался на Ракете, радуясь свежести воздуха после дождя, и внезапно обнаружил, что нахожусь у дома Немо Керлисса. Сам он гулял во дворе – подбрасывал бейсбольный мяч в воздух и

ловко ловил его, когда тот со свистом мчался вниз. Я поставил Ракету на подножку и предложил Немо немного покидать мячик. На самом деле мне просто хотелось еще раз увидеть Немо в деле. Мальчик с совершенной рукой, какой бы хрупкой она ни выглядела, воистину был осенен десницей Господней. Довольно скоро я пристал к нему, чтобы он попал мячом в дупло дуба, находившегося через улицу. Немо запулил мяч точно в требуемую цель, да не один, а целых три раза, и я едва не упал на колени, готовый чуть ли не боготворить его.

Потом зазвенел колокольчик, и открылась входная дверь. На крыльце появилась мама Немо. Я заметил, как под стеклами очков глаза Немо дрогнули, словно в ожидании удара.

– Немо! – позвала его мама голосом, напомнившим мне жужжание выпускающей жало осы. – Я, кажется, запретила тебе бросать мяч? Я все видела через окно, молодой человек!

Мама Немо сбежала по ступенькам крыльца и обрушилась на нас как ураган. У нее были длинные темно-каштановые волосы; вероятно, когда-то ее называли миловидной, но теперь в ее лице появилась какая-то жесткость. У нее были пронзительные карие глаза с глубокими морщинками в углах и густо наложенный макияж в оранжевых тонах. Одежду ее составляли обтягивающие черные бриджи и белая блузка с узором в крупный красный горошек, на руках – желтые резиновые перчатки. Помада на ее губах выглядела настолько красной, что я поразился, увидев рот такого цвета. Слишком причудливый вид для домохозяйки.

– Подожди, вот отец узнает! – добавила она.

«Узнает о *чем?*» – удивился я. Ведь Немо ничего плохого не сделал, просто играл на улице около дома.

– Я ведь не упал, – сказал Немо.

– Но ты *мог* упасть! – резко бросила его мама. – Ты же знаешь, какие хрупкие у тебя кости! Если ты упадешь и сломаешь себе что-нибудь, что мы будем делать? Где найдем деньги на лечение? Честное слово, Немо, иногда мне кажется, что у тебя не все в порядке с головой!

И тут ее глаза обратились на меня, их свет напомнил мне сияние тюремных прожекторов.

– А *ты* кто такой?

– Это Кори, – проговорил Немо. – Мой друг.

– Друг. Ага.

Миссис Керлисс осмотрела меня с головы до ног. По тому, как поджались ее губы и сморщился нос, мне показалось, что она приняла меня за прокаженного.

– Какой такой Кори?

– Маккенсон, – ответил я ей.

– Твой отец покупает у нас рубашки?

– Нет, мэм.

– *Друг.* – Суровый взгляд миссис Керлисс снова обратился к Немо. – Ведь я же просила тебя не перегреваться на солнце, Немо. И не играть в мяч.

– Я не перегрелша, мама. Я прошто...

– Ты просто не слушаешься меня, вот и все, – оборвала его мама. – Господи боже мой, настанет ли в этой семье когда-нибудь порядок! Должен же быть хоть какой-то порядок, какие-то *правила!* Твоего отца целый день нет дома. Когда он возвращается, то тратит денег больше, чем может себе позволить, а ты так и норовишь сломать руку или ногу и сводишь меня с ума!

Тонкая кожа на лице миссис Керлисс туго обтянула кости, в глазах появился нестерпимый блеск.

– Разве я не напоминаю тебе постоянно, что ты *болезненный* мальчик? Достаточно сильного порыва ветра, чтобы сломать тебе руку!

– Шо мной вше в порядке, мама, – отозвался Немо. Его голос звучал очень тихо, и сам он выглядел жалко. На его затылке выступил пот. – Чештно.

– Ты будешь твердить это, пока тебя не принесут домой с сердечным приступом. Или пока не упадешь и не выбьешь себе зуб. Кто, скажи на милость, будет оплачивать счет дантиста – наверно, не отец твоего дружка?

Миссис Керлисс вновь смирла меня презрительным взглядом:

– Поразительно, неужели в этом городке никто не носит хорошие рубашки? Умело сшитые белые рубашки, неужели они тут никому не нужны?

– Нет, мэм, – чистосердечно признался я. – Думаю, что никому.

– Понятно, мой маленький денди, – проговорила она. В голосе миссис Керлисс не было и намека на веселье. Ее ухмылка выглядела раскаленной докрасна, как полуденное солнце, и на нее было так же больно смотреть. – Вас что, еще не коснулась цивилизация?

Она схватила Немо за плечо затянутой в желтую перчатку рукой.

– Давай-ка в дом! – приказала она ему. – Сию же минуту!

Мама Немо поволокла его к крыльцу, и он оглянулся на меня с выражением печали и сожаления на лице.

Я должен был спросить ее о том, о чем давно хотел. Просто обязан...

– Миссис Керлисс, может быть, вы разрешите Немо играть за младшую лигу?

Поначалу я думал, что она собирается уйти, не ответив, не обратив на меня внимания. Но она неожиданно остановилась у ступеней крыльца и резко повернулась ко мне. Ее глаза от ярости превратились в щелки.

– Что ты сказал?

– Я... спросил вас... почему бы вам не позволить Немо играть за младшую лигу. Я хотел сказать... у него совершенная ру...

– Мой сын – *хрупкое* создание, неужели ты еще не уяснил? Ты вообще понимаешь, что означает это слово?

Не дав мне раскрыть рта, она начала кричать:

– Это означает, что у него слабые и хрупкие кости! Это означает, что он не может бегать и безобразничать с другими детьми. Он не *дикарь*, как другие мальчишки!

– Да, мэм, но...

– Немо не такой, как вы все! Он другой породы, как вы этого не поймете? Он воспитанный и цивилизованный мальчик и не станет, как вы, валяться в грязи, словно дикий зверь!

– Но мне казалось, что ему... может понравиться...

– Послушай, мальчик! – снова прервала меня миссис Керлисс, похоже готовая сорваться на визг. – До каких пор ты будешь стоять на моей лужайке и объяснять мне, что хорошо и что плохо для моего сына? Ведь не ты сходил по ночам с ума, когда Немо было три года и он чуть не умер от пневмонии. А где находился его отец, ты знаешь? Его отец, как обычно, находился в дороге, пытался продать свой товар, чтобы мы могли удержаться на плаву! Но мы все равно лишились нашего дома, прекрасного дома с цветами на окнах! И никто не помог нам! Никто из добродетельных прихожан не помог нам! Ни один человек, можешь себе представить? Мы потеряли наш замечательный дом, где на заднем дворе была похоронена моя собака!

Лицо миссис Керлисс задрожало, и на мгновение под маской раздражения и гнева я заметил отблеск настоящего, разрывающего сердце отчаяния и горькой обиды. Она говорила все это, ни на секунду не отпуская плечо Немо. Потом маска снова восстановила свою целостность, и миссис Керлисс презрительно рассмеялась.

– Я знаю, что ты за мальчик! Я много таких перевидала во всех городках, где нам приходилось жить! Вы только и думаете, как бы обидеть Немо, а сами смеетесь за его спиной! Вы испытываете радость, когда он падает и разбивает себе коленку, вам нравится слышать, как он шепелявит, – это кажется вам смешным. Так знайте: вам придется поискать другой объект для издевательств, потому что мой сын не станет с вами водиться!

– Я и не думал над ним издеваться!

– Убирайся в дом! – заорала миссис Керлисс на Немо и пихнула его в спину по направлению к крыльцу.

– Мне нужно идти, – сказал Немо, отчаянно стараясь сохранить видимость достоинства. – Извини, Кори.

Сетчатая дверь затворилась за его спиной. Потом раздался финальный стук внутренней двери.

Птицы продолжали щебетать, глупые в своем счастье. Я стоял на зеленой лужайке Керлиссов, моя черная тень лежала на траве как выжженный след. Я увидел, как на окнах, выходящих на улицу, опустились жалюзи. Больше ничего нельзя было ни сказать, ни сделать. Я оседлал Ракету и покатил к дому.

Когда я ехал и летний душистый воздух бил мне в лицо, а позади меня кружились вихри пыли и тучи комаров, мне пришло в голову, что не все тюрьмы на свете представляют собой мрачные серые здания со сторожевыми вышками по бокам и рядами колючей проволоки. Иногда тюрьмы – это обычные дома с закрытыми шторами, не пропускающими внутрь ни единого луча солнечного света. Некоторые тюрьмы – это клетки из хрупких костей с узорчатыми решетками в красный горошек. Невозможно сказать, что за тюрьма перед вами, пока вы не узнаете, какой узник томится внутри. Такие мысли роились в моей голове, когда Ракета вдруг резко вильнула в сторону, чтобы избежать столкновения с Верноном Такстером. Уверен, что золотой глаз Ракеты мигнул от удивления при виде мужчины, разгуливающего по городу голышом.

Прошел июль, похожий на сон в летний полдень. Все эти дни я занимался, как у нас говорили, «ничего неделанием». Джонни Уилсон шел на поправку: голова у него почти перестала кружиться, и ему разрешили присоединиться ко мне, Дэви Рэю и Бену в наших прогулках в окрестностях города. Но Джонни было велено соблюдать осторожность, потому что, по словам дока Пэрриша, травмы головы проходят очень не скоро и требуют длительного наблюдения.

Джонни и прежде был самым тихим и спокойным из нас, а теперь, как я заметил, его движения еще больше замедлились. Обычно Джонни занимал место в хвосте нашей велосипедной процессии, даже позади неуклюжего толстяка Бена. С тех пор как Брэнлины жестоко избили его, Джонни словно повзрослел на несколько лет и как будто отдалился от нас, хотя мне это трудно объяснить. Думаю, перемены в Джонни были связаны с тем, что ему довелось вкусить горьких плодов боли и обиды и часть того волшебного беззаботного взгляда на мир, что отличает детей от взрослых, навсегда исчезла. Как бы он ни налегал теперь на педали своего велика, он не мог вернуть прежнюю магию детства. В свои юные годы Джонни заглянул в черную дыру смерти, в которой отчетливо увидел то, что нам, его беспечным друзьям, не дано было видеть: как летнее солнце уже не светит ему и не отбрасывает его тень на землю.

Мы сидели в тени льдохранилища, обдуваемые несшейся из его снежных легких – морозильных камер – прохладой, и говорили о смерти. Эту тему первым затронул Дэви Рэй, поведавший нам, что не далее как вчера его отец сбил на дороге кошку. Когда они приехали домой, часть внутренностей кошки так и не отлепилась от передней шины. Мы сошлись на том, что у собак и кошек есть собственный рай, и задались вопросом, есть ли у них свой ад. «Нет, – предположил Бен, – потому что звери не грешат». «А как быть, когда собака взбесится и начинает кусать всех направо и налево, после чего ее приходится усыпить? – поинтересовался Дэви Рэй. – Разве это не смертный грех?» Но ответа на этот вопрос мы не нашли.

– Иногда, – сказал Джонни, который сидел под деревом, прислонившись спиной к его стволу, – я достаю свои наконечники стрел, смотрю на них и думаю о тех, кто их сделал. Мне порой кажется, что призраки этих людей бродят где-то рядом и ищут, куда

упали их стрелы. Может, они ищут свои потерянные стрелы. Их больше нет, потому что они все у меня.

– Ну ты даешь! – вскричал Бен. – Никаких призраков не существует, все это сказки! Верно, Кори?

Я пожал плечами. Я никогда не рассказывал друзьям о Полуночной Моне, с которой встретился на дороге в лесу. Если мои приятели не захотели поверить в то, что я одолел Старого Мозеса, воткнув ему в глотку метлу, то в шофера-призрака на призрачной машине они тем более не поверят.

– Отец говорит, что есть призрак по имени Первоснег, – подал голос Дэви. – Его никто не может подстрелить, потому что он и так давно мертвый.

– Никаких призраков нет, – упрямо продолжал гнуть свое Бен. – Все это треп, и Первоснега твоего тоже нет.

– Нет, есть! – Дэви преисполнился решимости защищать рассказанную отцом легенду. – Папа говорил, что наш дед однажды, когда был маленьким, видел Первоснега своими глазами. А еще отец рассказывал о человеке с бумажной фабрики, знакомый которого тоже видел Первоснега! Тот стоял на опушке леса, огромный, даже представить страшно. Человек выстрелил в него, но Первоснег умчался так быстро, что пуля не смогла его догнать!

– Все это враки, – упрямо твердил Бен. – Призраков не бывает!

– Бывает!

– Не бывает!

– Бывает!

– Не бывает!

В таком ключе наша дискуссия могла продолжаться весь день. Я поднял с земли сосновую шишку и запустил ею Бену в живот, так что тот аж взвыл от негодования, вызвав всеобщий смех. Первоснег был легендой и тайной мечтой всего охотничьего сообщества Зефира. Как утверждало предание, где-то в чаще леса, раскинувшегося между Зефиром и Юнионтауном, обитал огромный белоснежный олень с рогами до того большими и раскидистыми, что на них можно было качаться, как на ветвях дуба. Каждый год в начале охотничьего сезона кто-нибудь видел Первоснега, и всякий раз очевидец клялся, что олень взмывал в воздух и исчезал в листве своего лесного царства. Целые отряды охотников отправлялись с ружьями, чтобы выследить

Первоснега, но всякий раз возвращались ни с чем, ограничиваясь рассказами о следах гигантских копыт и свежесодранной коре там, где рога Первоснега задевали деревья. Белый олень оставался неуловим. Думаю, на самом деле никто из охотников не хотел подстрелить Первоснега, потому что белый олень-гигант, если он действительно бродил в чаще леса, являлся для них символом всего таинственного и недостижимого, что составляет основу жизни. Первоснег был созданием, которое скрывается в лесной чаще, лишь иногда появляясь на поляне, усеянной пестрой осенней листвой. Первоснег был вечной молодостью, связующей нитью между дедами, отцами и сыновьями, великим ожиданием будущей охоты, дикой природой, которая никогда не покорится человеку. Мой отец никогда не увлекался охотой, поэтому легенда о Первоснеге редко звучала в нашей семье, в отличие от семьи Дэви Рэя. У его отца всегда был наготове «ремингтон», стоило лишь ударить первому утреннему морозцу.

– В этом году отец возьмет меня с собой на охоту, – сообщил нам Дэви Рэй. – Он твердо обещал. Посмотрим, будете ли вы смеяться, когда мы притащим из леса Первоснега.

Я сильно сомневался, что, увидев Первоснега, Дэви Рэй или его отец решится нажать на курок. У Дэви имелось собственное небольшое ружье для подростков, из которого он иногда стрелял по белкам, но ни разу ни одну не подстрелил.

Жуя травинку, Бен подставил лицо прохладному сквозняку, доносящемуся до нас из льдохранилища.

– Сейчас мне больше всего хотелось бы узнать другое, – сказал он. –

Кто все-таки этот мертвец в автомобиле, что лежит на дне озера Саксон?

Я обхватил колени руками и принялся рассматривать ворон, круживших в небе у нас над головами.

– Таинственная история, – продолжал Бен. – Но ведь твой отец видел, как тот парень тонул, а теперь он лежит на дне в тине и его едят черепахи. Что скажешь, Кори?

– Не знаю, – отозвался я.

– Но ты-то сам что думаешь об этом? – не унимался Бен. – Ты же был там и все видел?

– Да, был. Но стараюсь об этом не вспоминать.

Конечно, я не стал рассказывать им, что редкий день не вспоминаю об автомобиле, скатившемся в озеро прямо перед нашим пикапом, о том, как отец бросился в воду, а я заметил в лесу зловещую фигуру незнакомца в шляпе с зеленым пером и ножом в руке.

– Тут что-то нечисто, это наверняка, – высказал свое мнение Дэви Рэй. – Почему этого парня никто не знает, никто не ищет?

– Это потому, что он нездешний, – подал голос Джонни.

– Шериф думал об этом, – ответил я. – Он обзвонил кучу городов.

– Да, – отозвался Бен, – но ведь он не мог позвонить во *все* города? В Калифорнию и на Аляску он ведь не звонил?

– Вот балбес! Скажи, пожалуйста, что парню из Калифорнии или с Аляски делать в нашем Зефире? – с вызовом бросил Дэви Рэй.

– Да мало ли что! Даже ты не можешь все знать, мистер Умник!

– Балбеса я всегда отличу, это точно!

Бен набрал в легкие воздуха, чтобы выдать достойный ответ, но тут снова встрял Джонни:

– А может, тот парень был шпионом?

Услышав такое, Бен прикусил язык.

– Шпион? – поразился я. – Но что ему делать у нас в округе? Здесь не за кем шпионить.

– Как не за кем? Авиабаза Роббинс, к примеру. – Джонни принялся щелкать костяшками пальцев. – Может, он был русским шпионом. Что, если он следил за тем, как наши самолеты сбрасывают бомбы на цели? А вдруг у нас тут вообще происходит что-то такое, о чем мы понятия не имеем?

Мы все потрясенно замолчали. В Зефире убит русский шпион? При этой мысли сердце замирало от сладкого страха.

– А кто же тогда убил этого парня? – спросил Дэви Рэй. – Другой шпион?

– Может, и так. – Джонни несколько секунд обдумывал сказанное, слегка склонив голову к плечу. Веко его левого глаза чуть подергивалось – еще одно последствие недавней травмы. – Или, может быть, человек, утонувший в Саксоне, был американским контрразведчиком, а убил его, наоборот, русский шпион, потому что наш парень его раскрыл.

– Вот это да! – засмеялся Бен. – И кто же тогда у нас тут русский шпион?

– Откуда я знаю? – ответил Джонни, и Бен перестал смеяться. Джонни оглянулся на меня. – Твой отец говорил, что этот парень в машине был совершенно голый?

Я кивнул.

– Знаешь, что это может означать?

Я отрицательно покачал головой.

– А то, что его убийца все предусмотрел и раздел свою жертву, чтобы ничего не всплыло на поверхность. И еще то, что сам он здешний: ведь он знал, насколько глубоко озеро Саксон. А убитый узнал какую-то тайну.

– Тайну? – наострил уши Дэви Рэй. – О какой тайне ты говоришь?

– Я бы сам хотел это знать, – ответил Джонни. – Но тайна здесь есть, это точно.

Его темные индейские глаза снова уставились на меня.

– Твой отец сказал, что этот человек в автомобиле был зверски избит, как будто его долго пытали. Почему его так сильно избили?

– И почему же? – спросил я.

– Убитого пытали, хотели выбить из него какую-то тайну, это ясно как день. Как в фильмах про шпионов, где плохой парень привязывает хорошего к стулу и бьет, чтобы узнать секретный код.

– Какой секретный код? – спросил Дэви Рэй.

– Это я сказал просто для примера, – объяснил Джонни. – Но я уверен, что, если хотят кого-то срочно убрать, его не станут пытаться без всякой причины.

– Но ведь могло случиться так, что его просто забили до смерти.

– Нет, – ответил я. – У парня в машине на шее была струна, его задушили. Если он уже был мертв, какой смысл его душить?

– Господи! – вздохнул Бен и сорвал травинку, чтобы пожевать. Над головой у нас каркали и били крыльями вороны. – Выходит, у нас в Зефире живет убийца, который к тому же может оказаться русским шпионом!

Внезапно он перестал жевать травинку.

– Эй! – позвал он нас: новая мысль пронзила его мозг подобно разряду молнии. – А что теперь мешает ему совершить новое убийство?

Я понял, что пришло мое время. Прочистив горло, я поведал ребятам о таинственной фигуре в лесу рядом с озером, о найденном

зеленом перышке и о человеке в шляпе с зеленым пером, которого я видел во время наводнения.

– Я не сумел разглядеть его лицо, но я точно заметил зеленое перо на его шляпе и видел, как он вытащил нож из кармана пальто. Я думаю, он хотел подкрасться сзади к моему отцу и ударить его ножом в спину. Может быть, он и пытался это сделать, но понял, что не уйдет безнаказанным. Видно, он затаил зло, потому что отец рассказал шерифу Эмори про машину, которая свалилась в озеро. Может, он знал, что я *видел* его тогда на опушке. Но его лица я не разглядел и не имею ни малейшего представления, кто это был.

Когда я закончил, мои друзья какое-то время сидели молча. Первым раскрыл рот Бен:

– Почему ты не рассказал нам об этом раньше? Ты боялся, что мы станем болтать?

– Я хотел рассказать вам, но после того, что произошло со Старым Мозесом...

– Только не заводи эту шарманку снова, – предупредил Дэви Рэй.

– Я не знаю, кто такой человек в шляпе с зеленым пером, – проговорил я. – Он может оказаться кем угодно. Даже тем... кого мы все отлично знаем и о ком никто из нас не подумает ничего плохого. Отец говорит, что узнать людей до конца невозможно, в каждом есть что-то скрытое от посторонних глаз.

Мои друзья, взбудораженные этими невероятными новостями, с радостью примеряли на себя роль детектива. Все обещали зорко смотреть по сторонам в поисках человека в шляпе с зеленым пером и держать язык за зубами: ни о чем не рассказывать даже своим родителям, которые могли, сами того не желая, предупредить убийцу. Я вздохнул с облегчением, словно сбросил ношу с плеч, хотя внутреннее беспокойство не исчезло. Кем был человек, которого, по словам мистера Доллара, убил Донни Блэйлок? Что означала фортепианная музыка во снах Леди, о которых она рассказывала моей маме? Отец так и не согласился сходить к Леди, и иногда я слышал, как он ночью кричит во сне. Я знал, что, хотя тот зловещий рассвет давно миновал, события того дня не забыты и воспоминания о прикованном к рулю мертвце еще долго будут мучить отца. Я подозревал, что он ходил на берег озера Саксон, хотя ничего не

говорил мне об этом: не раз я замечал красную землю, которую он соскребал с ботинок, перед тем как подняться на крыльцо.

На гребне удушливой жары пришел август. Проснувшись однажды утром, я вдруг понял, что скоро мне предстоит провести целую неделю в компании дедушки Джейберда, и эта мысль заставила меня немедленно натянуть на голову простыню.

Но, увы, никому не дано повернуть время вспять. Даже чудовища со стен не могли мне помочь. Каждый год летом, хотел я того или нет, я должен был проводить неделю у дедушки Джейберда и бабушки Сары. Этот обычай был заведен по требованию дедушки Джейберда. Несколько уик-эндов в году я проводил в гостях у дедушки Остина и бабушки Элис, но визит к дедушке Джейберду представлял собой апофеоз безумной эксцентричности.

Однако в этом году я собирался заключить с родителями сделку. Если мне все-таки суждено отправиться на ферму, где дедушка Джейберд будет сдергивать с меня одеяло в пять утра, а в шесть – выгонять с газонокосилкой на лужайку, то я вправе попросить у родителей разрешения отправиться в поход с ночевкой вместе с Дэви Рэем, Беном и Джонни.

Но когда я сказал об этом отцу, он ответил, что подумает. Это было самое большее, на что я мог надеяться. Итак, попрощавшись с Бунтарем, я забрался в наш пикап, и папа с мамой вывезли меня из Зефира за город вместе с чемоданом. Свернув на грязную колдобистую дорогу, идущую через кукурузное поле, мы вскоре добрались до фермы моего дедушки.

Бабушка Сара, несомненно, была милой женщиной. А дедушка Джейберд, как я подозреваю, в молодые годы был изрядным гулякой, человеком предприимчивым, энергичным, обладавшим грубоватым обаянием. Однако с каждым годом его винтики все больше разбалтывались. Отец прямо говорил, что, мол, дедушка Джейберд съезжает с катушек. Мама же говорила, что он просто немного эксцентричен. Что касается меня, то я считал его тупым, злобным старикашкой, который воображает, что весь мир крутится вокруг него, но в одном я должен признаться честно: не будь дедушки Джейберда, я бы никогда не написал свой первый рассказ.

Сроду не видел, чтобы дедушка Джейберд проявлял доброту к кому-то, никогда не слышал от него ласкового слова о своих жене и сыне. В

его обществе я ощущал себя так, будто являюсь его собственностью (слава богу, временной). Его настроения выглядели переменчивыми, как фазы Луны. Но при этом дедушка Джейберд был прирожденным рассказчиком: стоило ему начать повествование о домах с привидениями, одержимых демонами пугалах, индейских кладбищах или собаках-призраках, вам оставалось только слушать его с раскрытым ртом.

Мрачные темы были его коньком. Дедушка Джейберд отличался природной смекалкой, но был совершенно не способен к учению и в свое время не сумел осилить даже четырех классов. Иногда я поражался, как моему отцу удалось выйти в люди и стать тем, кем он стал, после семнадцати лет, проведенных в мрачной тени дедушки Джейберда. Как я уже говорил, у деда начала ехать крыша вскоре после моего появления на свет. Полагаю, что разумное начало передалось мне главным образом по линии бабушки. Я никогда не мог знать заранее, какие страдания мне предстоит вытерпеть на этот раз, но сомневаться не приходилось: меня ждут нелегкие испытания.

Дом дедушки Джейберда был уютным и удобным для жилья, хотя и не представлял собой ничего особенного. На принадлежавшей дедушке земле, кроме чахлого кукурузного поля, имелись просторный огород и лужайка. Вокруг простирался лес, где дедушка охотился.

Бабушка Сара по-настоящему обрадовалась нашему приезду и пригласила пройти в гостиную, где жаркий воздух разгонялся электрическим вентилятором. Вскоре в гостиной появился и сам дедушка Джейберд, облаченный в комбинезон. В руках он держал стеклянный кувшин с золотистой жидкостью, которую отрекомендовал как «медовый чай».

– Я выбраживал его две недели, – объявил он. – Хотел, чтобы настоялся как следует. Вот, отведайте.

У дедушки оказались наготове большие глиняные чашки. Он разлил напиток.

Должен сказать, что чай был совсем неплох. Все, кроме самого дедушки Джейберда, выпили по второй чашке. Вероятно, дедушка знал взрывную силу своего напитка. Потом я чуть ли не полдня почти безвылазно провел в уборной с ощущением, что мои внутренности выворачиваются наизнанку. По рассказам отца и мамы, дома с ними творилось приблизительно то же самое. Бабушка Сара, чей организм

наверняка был привычен к дедушкиному пойлу, проспала как убитая все то время, пока я страдал животом. Только посреди ночи она вдруг издала высокий душераздирающий крик, от которого могли подняться волосы на затылке.

Настало время родителям возвращаться домой, в Зефир. Я почувствовал, как переменялся в лице. Должно быть, я выглядел как побитый щенок, потому что мама обняла меня на крыльце и шепнула на ухо:

– Все будет в порядке, Кори. Позвони мне сегодня вечером, хорошо?

– Хорошо, – пообещал я. После этого долго смотрел вслед нашему пикапу, пока поднятая с дороги пыль не осела на коричневых стеблях кукурузы.

«Всего одна неделя, – сказал себе я. – Всего одна неделя, это совсем немного».

– Эй, Кори! – позвал из своего кресла-качалки дедушка Джейберд. Он ухмылялся: это был плохой знак. – Слушай анекдот! Заходят три гитариста в бар. Первый гитарист говорит: «Эй, налейте-ка мне!» Бармен оглядел его с головы до ног и отвечает: «Мы здесь музыкантам не наливаем». Тогда второй гитарист решил попытать счастья: «Налейте-ка мне!» Бармен поглядел на него: «Я же сказал: мы здесь музыкантам не наливаем, так что проваливайте отсюда!» Тогда третий гитарист, у которого в глотке было сухо, как в дьявольской печи, говорит: «Налейте-ка тогда мне!» Бармен прищурился и спрашивает: «А ты что, еще один долбаный музыкант?» А тот выпятил грудь и отвечает: «Боюсь, что нет, сэр».

Дедушка Джейберд зашелся от хохота, а я стоял перед ним и молча его разглядывал.

– Усек, парень? Усек? «Боюсь, что нет, сэр».

Заметив, что я сохраняю серьезный вид, дедушка нахмурился.

– Черт возьми! – выругался он. – У тебя начисто отсутствует чувство юмора, как и у твоего папаша!

Всего неделя. О господи!

Существовали две темы, на которые дедушка Джейберд мог распространяться часами. Первая из них – как он выжил во время Великой депрессии, когда он кем только не работал: полировал гробы, был тормозным кондуктором на железной дороге, подсобным рабочим на ярмарке. А вторая тема – его успех у женщин в молодые годы: этот

успех, по его словам, был таким оглушительным, что сам Валентино^[15] мог бы ему позавидовать. Эти похвалы, вполне возможно, произвели бы на меня впечатление, если бы я имел хоть малейшее представление, кто такой этот Валентино. Как только мы с дедушкой Джейбердом оказывались вне досягаемости ушей бабушки Сары, дедушка немедленно начинал рассказывать об «Эдит, дочери священника из Тупело», или о «Нэнси, племяннице кондуктора из Нэшвилла», или просто о какой-то «девчонке с выступающими вперед зубами, которая постоянно сосала яблочные леденцы». Во всех рассказах неизменно упоминался дедушкин «джимбоб» и то, как все девчонки сходили по нему с ума. Обманутые мужья и ревнивые поклонники соблазненных девиц стаями гонялись за дедушкой Джейбердом, но он неизменно ловко обходил все ловушки, какими бы хитроумными они ни оказывались. Однажды он почти час провисел, ухватившись за ферму железнодорожного моста, над ущельем на высоте в сотню футов, пока на мосту прямо над ним стояли двое преследователей с дробовиками и вели разговор о том, как они живьем сдерут с него шкуру и прибьют гвоздями к дереву.

– Фокус состоял в том, что я перепортил всех тамошних девок, – закончил свой рассказ дедушка Джейберд, сладострастно жуя травинку. – Да, мы с моим «джимбобом» когда-то отлично повеселились.

Потом всякий раз дедушкины глаза заволакивала пелена печали, и молодой повеса с огненным «джимбобом» незаметно куда-то исчезал.

– Сегодня я не узнаю ни одну из тех девиц, если повстречаю их на улице. Нет уж, сэр. Теперь они все старухи, и мне неохота с ними знаться.

Дедушка Джейберд презирал сон. Возможно, это было навеяно мыслями о том, что недолго уже ему осталось ходить по этой земле. В пять утра, будь то дождь или солнце, он неизменно сдергивал с меня одеяло, и при этом мне казалось, что надо мной проносится ураган. Над моим ухом гремел его глас:

– Вставай, приятель! Ты что, собираешься дрыхнуть весь день?

Мой ответ тоже не отличался оригинальностью.

– Нет, сэр, – бормотал я и принимал сидячее положение.

А дедушка Джейберд поднимал бабулю, отдавая распоряжение стряпать завтрак, которого вполне хватило бы, чтобы подкрепить силы

сержанта Рока и большей части его беспечного воинства.

Дальше, после завтрака, дни, которые я проводил у бабушки с дедушкой, текли по-разному. Я с одинаковой долей вероятности мог быть отправлен на огород с тяпкой и получить разрешение прогуляться к лесному пруду за домом. В хозяйстве дедушки Джейберда обитало несколько дюжин цыплят, три козы, внешне очень напоминавшие его самого, и по какой-то странной прихоти – кусачая черепаха по кличке Мудрость, которая обитала в большой железной бочке с илистой водой, стоявшей на заднем дворе. Однажды одна из коз сунула морду в черепашью бочку, и Мудрость цапнула ее так, что мало не показалось. Нередко во дворе дедушки Джейберда стоял шум и гам – «настоящий гадючник», как он сам называл тот хаос, который возник, после того как страдающая от жажды коза была укушена Мудростью. Дело кончилось тем, что коза ураганом промчалась по двору, сорвала с веревки только что развешанное бабушкой белье и, обмотанная простынями, принялась носиться по огороду, незадолго до того мною прополотому.

Особой гордостью дедушки Джейберда была коллекция скелетов маленьких зверушек, которые он тщательно реставрировал, соединяя косточки проволокой. Скелетики эти могли появиться в самых неожиданных местах, потому что дедушка имел отвратительную привычку класть экспонаты своей коллекции то вам под подушку, то внутрь ботинка, так что вы не могли их увидеть, пока на них не натыкались. Вы, конечно, вопили от ужаса, а он хохотал до упаду. Чувство юмора у дедушки Джейберда было, как бы это помягче сказать, несколько нестандартным. В среду днем он рассказал мне, как с неделю назад нашел неподалеку от дома гнездо гремучих змей и убил их всех лопатой. Вечером, укладываясь спать и с содроганием ожидая утренней пятичасовой пробудки, я внезапно услышал, как открылась дверь и из темноты донесся дедушкин шепот, тихий и зловещий:

– Кори, ты меня слышишь? Ночью, если встанешь пописать, будь осторожен. Сегодня днем бабушка нашла у тебя под кроватью только что сброшенную змеиную кожу. Здоровенная змея, судя по всему. Спи спокойно, внучок.

Сказав это, дедушка затворил дверь. Я же не сомкнул глаз до самого утра.

Спустя какое-то время я понял, что, подобно человеку, который, желая хорошо заточить нож, тщательно шлифует его острие, дедушка Джейберд доводит мои нервы до крайней степени напряженности. Возможно, он не отдавал себе отчета в своих действиях, но все выглядело именно так. Взять хотя бы эту историю со змеей. Я неподвижно лежал в темноте, чувствуя, как постепенно переполняется мой мочевой пузырь, и представлял себе всякие ужасы. Мое воображение рисовало, как гремучая змея, свернувшись где-то в углу комнаты, дожидается, когда скрипнет половица под моей босой ногой. Я отчетливо видел чешуйчатую кожу змеи с узорами цвета леса, ее ужасную плоскую голову, неподвижно застывшую в полудюйме от пола, и зубы, на острие каждого из которых застыла капелька яда. Я видел, как ходят волнами мышцы на боках рептилии, почуявшей мой запах. Я знал, что она ухмыляется во тьме, словно говорит: «Ну, иди же ко мне, дурачок. Все равно ты будешь моим».

Если бы в мире существовала школа по тренировке воображения, дедушка Джейберд мог бы стать ее директором. Урок, который я получил в ту ночь, – что именно можно себе вообразить и во что поверить как в истинную правду – намного превосходил то, чему учат в лучших колледжах. Попутно я научился часами лежать, скрипя зубами, преодолевая боль и кляня себя за тот лишний стакан молока, что выпил за ужином.

Как видите, дедушка Джейберд учил меня очень важным вещам, сам того не подозревая.

Получил я и другой урок, не менее ценный, который тоже оказался испытанием на стойкость и мужество. В пятницу днем бабушка Сара попросила дедушку Джейберда прокатиться в город и купить в бакалее «сухое мороженое» – порошок, который разводили молоком и получали отличный пломбир. Обычно дедушка Джейберд не слишком любил ездить за покупками, но в тот день он оказался на удивление сговорчивым и прихватил с собой меня. На прощание бабушка сказала нам, что чем быстрее мы вернемся домой, тем скорее будет готово ее вкуснейшее мороженое.

День как нельзя лучше подходил для хорошей порции пломбира. Даже в тени было девяносто градусов по Фаренгейту. В такую жару, как говорится, стоит собаке выбежать на солнце, как ее тень тут же останавливается, чтобы передохнуть. Благополучно закупив сухое

мороженое, мы покатали назад в громоздком стареньком «форде», и тут дедушка Джейберд устроил мне еще одно испытание.

– Здесь неподалеку живет Джером Клэйпул, мой старый приятель, – сказал он. – Хочу его проведать.

– Но бабушка ждет, когда мы привезем сухое мороже...

– Да, Джером мой старинный кореш, – прервал меня дедушка Джейберд, сворачивая к жилищу своего друга.

Проехав около шести миль, он остановился у ветхого фермерского домика, во дворе которого были свалены прогнивший диван, сломанная машина для отжимания белья и целая гора дырявых автомобильных покрышек и ржавых радиаторов. Насколько я мог оценить, мы уже пересекли воображаемую линию, проходящую между Зефиром и Догпэтчем, и уже несколько миль ехали по Табачной дороге.

Судя по всему, дедушка Джейберд был не единственным корешем Джерома Клэйпула: у его дома уже стояло четыре машины.

– Выходи, Кори, – сказал мне дедушка Джейберд. – Мы всего на пару минут.

Не успели мы подняться на крыльцо, а я уже учуял запах дешевых сигар. Дедушка Джейберд постучал в дверь: *тук-тук, тук-тук-тук*.

– Кто там? – осторожно осведомились изнутри.

– Кровь и потроха, – отозвался дед.

Я испуганно посмотрел на него, решив, что он лишился и тех крох разума, которые еще имел. Дверь приоткрылась, отчаянно скрипя петлями, и появилось вытянутое морщинистое лицо с темными глазами. Эти глаза остановились на мне.

– А *это* кто такой?

– Мой внук, – ответил дедушка Джейберд и положил руку мне на плечо. – Его зовут Кори.

– Господи, Джей! – сердито заорал человек. – Какого хрена ты приволок сюда мальчишку?

– Все в порядке. Он не станет болтать. Ты ведь не станешь болтать, Кори?

Рука деда стиснула мое плечо.

Я совершенно не понимал, что происходит, но ясно было одно: эта ферма определенно не относилась к числу мест, посещение которых обрадовало бы бабушку Сару. Почему-то я вспомнил дом мисс Грейс

на другой стороне озера Саксон и девушку по имени Лэйни, которая показала мне свой розовый язык.

– Нет, сэр, я не буду болтать, – ответил я.

Дедушкина хватка ослабла. Его тайна, в чем бы она ни заключалась, будет сохранена.

– Бодину это не понравится, – предупредил человек, стоявший в двери.

– Послушай, Джером, если Бодину станет невмоготу, он может засунуть свою башку себе в задницу, потому что мне на него наплевать. Так тыпустишь меня в дом или нет?

– Зелень есть?

– Уже дыру в кармане прожгла, – отозвался Джейберд, хлопнув себя ладонью по карману штанов.

Он потащил меня к двери, но я уперся:

– Дедушка, нам нужно отвезти сухое мор...

Он оглянулся на меня, и я увидел в его глазах частицу истинной природы моего деда. Его взгляд полыхал, как далекая доменная печь. Он выражал нестерпимый голод, распаленный тем, что происходило в глубине этого дома. Сухое мороженое было напрочь забыто. Да и вообще вся эта поездка за мороженым, по-видимому, была только частью плана, ничтожным фрагментом иного мира, начинающегося за шесть миль в сторону от шоссе.

– Иди за мной, я тебе сказал! – прорычал он.

Я продолжал упорствовать:

– Мне кажется, что нам нужно...

– Тебе ничего *не должно* казаться! – заорал на меня дед, и то, что тянуло его внутрь дома с такой нестерпимой силой, заставило его лицо исказиться от злобы. – Ты будешь делать то, что я сказал! Понял или нет?

После этого он сильно дернул меня и волоком втащил в дом. Мое сердце оборвалось. Мистер Клэйпул закрыл за нами дверь и задвинул засов. Сигарный дым клубился под сводами комнаты, в которую не проникал солнечный свет: все окна были заколочены досками, лампочки под потолком еле светили.

Вслед за мистером Клэйпулом мы прошли по коридору в заднюю часть дома, и он открыл дверь. В комнате, где мы оказались, не было окон, под потолком плавали клубы дыма; в центре стоял круглый стол,

за которым сидели четверо мужчин и играли в карты при свете яркой лампочки. Под рукой у каждого игрока лежали столбики покерных фишек, перед каждым стоял стакан с янтарной жидкостью.

– Что за дела, мать вашу! – прорычал один из игроков, отчего у меня сразу же побежали по спине мурашки. – Я никому не позволю мухлевать!

– Тогда прими еще пятерку, мистер Наглец, – отозвался другой игрок.

Красная фишка опустилась на столбик в центре круглого стола. Кончик сигары первого игрока горел подобно жерлу вулкана в преддверии стихийного бедствия.

– Принимаю пятерку! – выкрикнул третий игрок, втискивая сигару в угол рта, напоминающего шрам.

– Давай или повышай ставку, или отваливай...

Я заметил, как его маленькие поросычьи глазки метнулись ко мне. Мужчина бросил свои карты на стол лицевой стороной вниз.

– Эй! – крикнул он. – Что этот пацан тут делает, черт его дери?

Я моментально оказался в центре всеобщего внимания.

– Джейберд, ты что, совсем спятил, мать твою? – спросил один из игроков. – Выведи его вон!

– Это мой внук, – ответил дедушка. – Он будет держать язык за зубами.

– Может, он и твой внук, но не мой.

Мужчина с сигарой в зубах подался вперед, его могучие руки стиснули стол. Каштановые волосы были коротко острижены, а на мизинце правой руки сверкало кольцо с бриллиантом. Он вытащил изо рта сигару, и его глаза превратились в щелки.

– Ты знаешь правила, Джейберд, – сурово проговорил он. – Никто не может войти в этот дом без разрешения.

– Но этот паренек – мой внук. Он нормальный пацан.

– Мне плевать, кто он такой – хоть долбаный принц Англии. Ты нарушил уговор, Джейберд.

– Эй, послушай, у нас нет причин собачиться...

– Ты просто придурок, Джей! – заорал мужчина с сигарой. Его рот кривился на одну сторону, когда из него вылетали слова. На его полном лице блестел пот, белую рубашку пятнали мокрые разводы. На кармане рядом с пятном от табачной слюны имелась монограмма

«ББ». – Ты придурок! – орал он. – Ты хочешь, чтобы сюда нагрянули копы и всех замели? Пацан завтра же все разболтает своим дружкам! С таким же успехом ты мог бы вручить шерифу карту с крестом на нужном месте!

– Кори не станет болтать. Он соображает, что к чему.

– Вот как?

Маленькие свиные глазки снова уставились на меня.

– Ты ведь такой же придурок, как твой дед, верно, пацан?

– Нет, сэр, – ответил я.

Мужчина с сигарой рассмеялся. Его смех напомнил мне те звуки, что исторгал из себя в апреле Фил Кеннер, когда его рвало на парту овсянкой. Поросячьи глаза мужчины так и остались недобрыми, хотя теперь он слегка улыбался.

– Ты, как видно, неглупый парнишка?

– Он весь в меня, мистер Блэйлок, – торопливо вставил дедушка Джейберд.

Я вдруг понял, что человек с пороссячьими глазками – не кто иной, как Бодин Блэйлок собственной персоной, брат Донни и Уэйда Блэйлоков и сын пользующегося дурной славой Большого Дула. Я вспомнил, как при входе дедушка нахально заметил, что если Бодину что-то не нравится, он может засунуть голову себе в зад, а на поверку вышло, что в заднице оказался именно мой дедушка.

– Сильно сомневаюсь, Джей, – сказал Бодин, после чего расхохотался, повернувшись лицом к остальным игрокам.

Те тоже радостно засмеялись, словно добропорядочные индейцы, послушные своему вождю. Неожиданно смех Бодина оборвался.

– Давай-ка вали отсюда, Джейберд, – приказал он дедушке. –

Сегодня здесь собирается приличная публика – крупные игроки, залетные пижоны, которые надумали сорвать с меня немного денег.

Дедушка взволнованно откашлялся. Его глаза не могли оторваться от горки покерных фишек.

– Э-э-э... я просто хотел спросить... раз уж я здесь... то не могу ли я сыграть пару партий?

– Говорю тебе: бери своего пацана и вали отсюда, Джей, – прозвучало в ответ. – Здесь люди играют в покер, а не нянчат младенцев.

– Кори может побыть снаружи, – торопливо ответил дедушка Джейберд. – Он и сам не против. Подождешь меня на улице, ладно?

– Бабушка ждет нас с сухим мороженым, – ответил я.

Бодин Блэйлок снова расхохотался. Я с ужасом увидел, как покраснели щеки деда.

– О каком мороженом ты тут болтаешь? Мне дела нет ни до какого мороженого! – орал на меня дедушка с яростью и мукой в глазах. –

Она может ждать нас хоть до завтрашнего утра, а я сделаю так, как решил!

– Думаю, тебе все-таки лучше двигать домой, Джейберд! – подал голос другой мужчина. – Иди отведай любимого лакомства. Тебе стоило бы держаться подальше от неприятностей, Джей!

– А ты заткнись! – сорвался дедушка. – Вот, бабки при мне! –

Порывшись в кармане, он вытащил двадцатку и припечатал ее к столу. – Я в игре или нет? Отвечай!

Я чуть не задохнулся. Рисковать двадцатью долларами в покер! Это же целая куча денег! Бодин Блэйлок снова засунул сигару в рот и молча сидел, переводя взгляд с денег на лицо дедушки Джейберда.

– Двадцать долларов, – наконец проговорил он. – Этого тебе едва хватит, чтобы сесть за стол.

– У меня есть еще, не беспокойся.

Я понял, что либо дедушка забрался в семейную кубышку, либо у него имелась особая покерная заначка, о которой не знала бабушка. Само собой, она не одобрила бы такую пустую трату денег, и поэтому поездка за мороженым просто удачно подвернулась как повод вырваться из дома. Может быть, поначалу дедушка хотел лишь посмотреть, кто сейчас здесь играет, но потом его обуял азарт, и он решил пуститься во все тяжкие.

– Так я в игре или нет?

– Выведи своего пацана.

– Кори, подожди меня в машине, – приказал дед. – Я вернусь через несколько минут.

– Но ведь бабушка ждет...

– Делай, как я велел! Живо! – заорал на меня Джейберд.

Бодин пристально рассматривал меня сквозь завесу сигарного дыма с таким выражением лица, словно говорил: «Видишь, пацан, ну что я могу поделывать с твоим дедом?»

Я вышел на улицу. Прежде чем взяться за ручку входной двери, я услышал, как к столу придвинули новый стул. Оказавшись на солнцепеке, я засунул руки в карманы и в сердцах пнул сосновую шишку, лежавшую в середине дороги.

Началось ожидание. Прошло десять минут. Потом еще десять. Подъехала машина, из которой вылезли трое молодых мужчин и постучали в дверь. Мистер Клэйпул впустил их внутрь, и дверь закрылась.

Дедушка все не появлялся.

Я немного посидел в машине, но жара в ней стояла такая, что моя рубашка тут же промокла насквозь. Отлепив себя от сиденья, я снова выбрался наружу. Некоторое время я вышагивал перед домом взад-вперед, потом остановился понаблюдать, как муравьи обгладывают до костей мертвого голубя. К тому моменту прошло уже не меньше часа. Я понял, что дедушка просто ни во что меня не ставит, как и бабушку Сару. Зародившись в животе жгучим пульсирующим теплом, во мне все больше закипала злость. Я уставился на дверь, пытаюсь внушить дедушке, что нужно выйти наружу. Но дверь по-прежнему оставалась закрытой.

Тогда мне в голову пришла новая мысль, шокирующая в своей определенности: «Ну и черт с ним!»

Я вытащил из машины коробку с сухим мороженым и двинулся в обратную дорогу пешком.

Первые две мили я прошел очень бодро. На третьей миле меня стала одолевать жара. Пот стекал обильными струйками по моему лицу, а макушку припекало так, словно там развели костер. Дорога, идущая между стенами сосен, расплывалась у меня перед глазами. Мимо прошли всего две машины, да и те двигались мне навстречу. Раскаленный асфальт прожигал мои ступни сквозь подошвы башмаков. Мне хотелось присесть в тени и отдохнуть, но это стало бы проявлением слабости, с тем же успехом я мог бы признаться себе, что не должен был пускаться в дорогу длиной в шесть миль в такую жару под раскаленным солнцем, а надо было оставаться и ждать, пока дедушка наконец соизволит выйти. Ну уж нет! Я должен идти во что бы то ни стало, а о волдырях позабочусь потом.

Чтобы скоротать время, я решил обдумать историю, которую мог бы потом написать обо всем этом. Может, я напишу о мальчике, которому

пришлось пешком пересечь раскаленную добела пустыню, чтобы донести до места коробку с драгоценными алмазами, которую ему доверили. Я поднял голову, чтобы поглядеть на стервятников, парящих в восходящих потоках теплого воздуха, отвлекся, и в ту же секунду моя нога угодила в выбоину. Подвернув лодыжку, я грохнулся на дорогу. Коробка с сухим мороженым раскрылась, и все ее содержимое высыпалось. Я упал животом прямо на нее.

Я готов был разрыдаться.

Я чуть не плакал.

Хотя моя нога сильно болела, но стоять я мог. Больше всего мне было жалко сухого мороженого, блестевшего на мостовой. Дно коробки лопнуло. Я собрал порошок ладонями, сколько смог, и насыпал в карманы, потом захромал дальше.

Я не собирался останавливаться, сидеть в тени и лить слезы, несмотря на то что порошок медленно, но верно высыпался из моих карманов. Мне совсем не хотелось, чтобы дедушка устроил мне взбучку прямо посреди дороги.

Я прошел уже три мили, когда позади меня просигналил автомобиль. Я быстро обернулся, ожидая увидеть дедушкин «форд», однако вместо него ко мне приближался медно-красный «пontiак». Машина притормозила, и я узнал доктора Кертиса Пэрриша, который глядел на меня через опущенное стекло.

– Кори, это ты? Тебя подбросить?

– Да, сэр, – с благодарностью отозвался я и забрался в машину.

Мои подошвы словно горели огнем, а лодыжка здорово распухла. Док Пэрриш нажал на газ, и мы поехали.

– Я сейчас в гостях у дедушки с бабушкой, – счел необходимым объяснить я. – Это около трех миль отсюда.

– Я знаю, где живет Джейберд. – Док Пэрриш взял свой врачебный чемоданчик, который лежал между нами, и перекинул его на заднее сиденье. – Сегодня ужасно жарко. Откуда же ты держишь путь?

– Я... э-э-э... – Нужно было придумать что-нибудь правдоподобное. – Бабушка тут посылала меня кое-куда, – наконец выдавил я из себя.

– Вот как.

Док Пэрриш несколько секунд молчал.

– Что там сыплется у тебя из кармана? Песок?

– Нет, это сухое мороженое.

– Понятно. – Док Пэрриш кивнул, словно не видел в этом ничего особенного. – Как дела у твоего отца? Как у него на работе, полегче стало?

– Не понял, сэр.

– Я говорю о его работе. Том приходил ко мне на прием несколько недель назад и сказал, что сильно устает на работе и поэтому плохо спит. Я прописал ему таблетки. Знаешь, Кори, стресс – очень серьезное дело. Я посоветовал твоему отцу взять отпуск.

– Ага.

На этот раз кивнул я, словно сказанное доком Пэрришем было для меня очевидно.

– Мне кажется, ему становится лучше, – сказал я.

Я не слышал, чтобы отец хоть раз говорил, что у него тяжелая работа или что он собирается идти к доку Пэрришу. «Я прописал ему таблетки». Я уставился прямо перед собой, на ленту шоссе, которая разворачивалась впереди. Отец все еще пытается избавиться от беспокойных призраков, казалось бы оставшихся в прошлом. Я понял, что отец скрывает свои переживания от меня и мамы, точно так же как дедушка Джейберд скрывает от бабушки свою одержимость покером.

Док Пэрриш довез меня до самой дедушкиной фермы, поднялся вместе со мной на крыльцо и постучал в дверь. Когда бабушка Сара нам открыла, док Пэрриш сказал, что встретил меня на дороге, когда я шел по обочине.

– А где же твой дед? – спросила бабушка.

Должно быть, мое лицо выдало страдальческое выражение, потому что, поразмыслив несколько мгновений, она сама ответила на свой вопрос:

– Наверняка снова впутался в какую-то авантюру. Горбатого могила исправит.

– Коробка с сухим мороженым лопнула, – объяснил я бабушке и показал ей пригоршню порошка, оставшегося в моих карманах.

Мои волосы были мокры от пота.

– Ничего, купим еще коробочку. А содержимое твоих карманов я оставлю Джейберду.

Позже я узнал, что целую неделю после этого происшествия каждое блюдо, которое Джейберд получал к столу, было изрядно приправлено

порошком сухого мороженого, и так продолжалось до тех пор, пока он буквально не взвыл.

– Не хотите ли войти в дом и выпить холодного лимонада, доктор Пэрриш?

– Нет, благодарю вас. Мне нужно возвращаться в свой кабинет.

Глаза дока Пэрриша затуманились, на его лицо набежала печать новых забот.

– Миссис Маккенсон, вы ведь знакомы с Сельмой Невилл?

– Конечно, я ее знаю, хотя и не виделась с ней месяц или даже больше того.

– Я как раз от нее, – отозвался док Пэрриш. – Вы, возможно, не знаете: у нее был рак и весь последний год она боролась с ним.

– О господи! Я понятия не имела об этом.

– Да, она была стойкая женщина, но вот уже два часа, как ее нет в живых. Она хотела умереть у себя дома и отказалась ехать в больницу.

– Боже мой, я и не знала, что Сельма больна!

– Она не хотела, чтобы по городу шли разговоры. Каким образом ей удавалось преподавать весь этот год – понятия не имею.

До меня наконец-то дошло, о ком идет речь. О миссис Невилл. О моей миссис Невилл. Об учительнице, которая посоветовала мне в этом году обязательно принять участие в конкурсе на лучший рассказ. «Прощай», – сказала она мне, когда я выходил из класса в первый день лета. Не «увидимся в следующем учебном году» или, скажем, «до сентября», а короткое и твердое «прощай». А ведь она, наверно, уже знала, что умирает, сидя тогда в залитом солнечным светом классе, одна за своим учительским столом, и уже знала, что для нее никогда не наступит новый учебный год, не будет в сентябре нового класса и гогочущих юных мартышек.

– Я подумал, что вам нужно это знать, – объяснил док Пэрриш и прикоснулся к моему плечу рукой, той самой, которая, может быть, всего два часа назад накрыла простыней лицо миссис Невилл. – Береги себя, Кори, – сказал он мне на прощание.

Спустившись с крыльца, он уселся за руль своего «пontiака» и укатил прочь. Мы с бабушкой долго смотрели ему вслед.

Еще через час домой приехал дедушка Джейберд. На его лице было выражение человека, которому лучший друг только что дал пинок под зад, а последняя бумажка с президентом уплыла в чужой карман. Он

попытался изобразить вспышку гнева: ругался, кричал на меня, что я, мол, «сбежал и испугал его до полусмерти». Но не успел он толком разойтись, как бабушка Сара очень тихо и спокойно поставила его на место, спросив, где сухое мороженое, за которым его посылали. Кончилось тем, что дедушка Джейберд до вечера сидел с вытянутым усталым лицом на крыльце в сгущающихся сумерках, среди порхавших вокруг него мотыльков, в таком же угнетенном состоянии духа, в каком, по всей видимости, находился и его притомившийся «джимбоб». Мне даже стало его жалко, хотя дедушка Джейберд был совсем не тот человек, которого стоило особенно жалеть. Одноединственное сочувственное слово с моей стороны – и он тут же начал бы снова глумиться и чваниться. Джейберд никогда ни перед кем не извинялся; он всегда и во всем был прав. Вот почему у него не было настоящих друзей, и именно поэтому он торчал теперь на крыльце в полном одиночестве, в компании глупых мотыльков, вившихся вокруг него, подобно воспоминаниям о прелестных фермерских дочках.

Остаток недели у бабушки и дедушки был ознаменован еще одним происшествием. В пятницу вечером я долго не мог заснуть и потом несколько раз просыпался среди ночи. Мне снилось, будто я вошел в совершенно пустой класс. Только миссис Невилл сидела за своим учительским столом, исправляя наши сочинения. На полу лежали пятна золотистого света, солнечные лучи из окна косо падали на классную доску. Кожа туго обтягивала лицо миссис Невилл, ее глаза казались огромными и блестящими, как у ребенка. Она сидела, как обычно, прямо, будто аршин проглотив, и глядела на меня, стоявшего в нерешительности на пороге класса.

– Кори? – спросила она меня. – Это ты, Кори Маккенсон?

– Да, мэ, – отозвался я.

– Подойди поближе, – позвала она.

Я подошел к ее столу и увидел, что красное яблоко, лежавшее рядом, высохло.

– Лето почти кончилось, – сказала мне миссис Невилл.

Я кивнул ей в ответ.

– И ты повзрослел, – продолжала она, – стал старше за это время.

– У меня был день рождения, – сказал я.

– Очень мило.

Я почувствовал запах дыхания миссис Невилл, не то чтобы неприятный, но похожий на тот дух, что идет от цветов, которые вот-вот завянут.

– На моих глазах повзрослело много мальчиков – некоторые выросли и пустили корни здесь, другие уехали из нашего города. Мальчишеские годы проходят очень быстро, Кори, оглянуться не успеешь.

Миссис Невилл улыбнулась мне краешком рта:

– Мальчики хотят поскорее стать мужчинами, но приходит день, когда они с грустью понимают, что вернуться во времена детства им не суждено. Но я открою тебе один секрет, Кори. Хочешь узнать его?

Я кивнул.

– На самом деле, – прошептала миссис Невилл, – никто никогда не взрослеет.

Я нахмурился. О чем это она говорит? Вот тебе и секрет! Взять хотя бы моих родителей – ведь они давным-давно уже повзрослели. Или мистера Доллара, шефа Марчетта, дока Пэрриша, преподобного Ловоя, Леди, да кого угодно старше восемнадцати лет.

– Со стороны кажется, что они повзрослели, что им много лет, – продолжала миссис Невилл, – но все это маскировка, патина времени, что ложится на их лица. В глубине души все взрослые мужчины и женщины остаются детьми. Им по-прежнему хочется поиграть, побегать и попрыгать, но тяжкий груз времени не позволяет им делать это. Они втайне мечтают сбросить бранные оковы, которые наложил на них мир, снять с рук часы, а с шеи галстуки, освободить ноги от тесных выходных ботинок и голыми броситься в пруд, чтобы хоть на один день снова ощутить себя детьми. Нет такого человека, который не мечтал бы о детской свободе и беспечности, когда дома ждут папа и мама, которые обо всем позаботятся и будут любить тебя, что бы с тобой ни случилось. Поверь мне, под маской самого жестокого мужчины скрывается все тот же испуганный маленький мальчик, который думает только о том, как бы забраться в укромный уголок, где его никто не обидит.

Миссис Невилл отодвинула в сторону тетради и положила руки на стол.

– На моих глазах многие мальчики превратились в мужчин. Но тебе, Кори, я хочу сказать одну вещь: не забывай. *Не забывай*, понимаешь?

– Не забывать? Что?

– Все, – ответила моя учительница. – Все, что видишь вокруг себя каждую секунду своего детства. Попрощавшись с прошедшим днем, обязательно заberi с собой его кусочек, спрячь в самый дальний уголок памяти и храни там как драгоценное сокровище. Потому что твоя память и есть главное сокровище на свете. Память – это дверь в твое прошлое, Кори. Память – твой учитель, воспитатель и друг. Когда ты смотришь на что-то, помни, что смотреть просто так недостаточно, ты должен *видеть*. Так, чтобы, когда будешь писать об этом, это видели и другие. Легче всего пройти по жизни глухим, слепым и бесчувственным ко всему. К несчастью, таких людей большинство – это почти все, кого ты знаешь и кто встретится тебе в будущем. Они проходят мимо чудес нашей жизни, не удостаивая их даже мимолетным взглядом. Но ты, если захочешь, сможешь прожить тысячу жизней. Ты сможешь говорить с людьми, которых никогда не встречал и не встретишь, сможешь посетить страны, где никогда не побываешь.

Миссис Невилл кивнула, наблюдая, как изменяется выражение моего лица.

– Если ты проявишь мудрость, если тебе улыбнется удача и будет что сказать, тогда ты сможешь продлить свою жизнь на долгие годы. –

Миссис Невилл на мгновение замолкла. – А может быть, не умрешь никогда.

– Но это невозможно! – пораженно пробормотал я.

– Начни с малого. Например, с участия в конкурсе на лучший рассказ, как я уже говорила тебе.

– Да какой из меня писатель...

– Никто и не говорит, что ты настоящий писатель. Просто постарайся показать все, на что ты способен, и пошли свою работу на конкурс. Ты сделаешь так, как я тебе говорю?

Я пожал плечами:

– Но я не знаю, о чем мне написать.

– Ничего страшного. Если долго сидеть и смотреть на пустой лист бумаги, тема обязательно появится. И не думай об этом как о писательстве. Представь, что ты просто рассказываешь историю своим друзьям. По крайней мере, сделаешь попытку?

– Хорошо, я подумаю, – ответил я.

– Тут не надо долго ломать голову, – напутствовала меня миссис Невилл. – Иногда понимание приходит в процессе работы.

– Хорошо, мэм.

– Ну вот и ладно.

Миссис Невилл глубоко вдохнула, а потом медленно и тихо выдохнула. Обвела взглядом пустой класс с рядами парт, на которых были вырезаны инициалы многих поколений учеников.

– Я очень старалась, – тихо проговорила она, – и сделала все, что от меня зависело. А у вас, детей, впереди еще целая жизнь.

Ее взор вновь обратился ко мне.

– Урок окончен, – сказала она.

И тогда я проснулся. Еще по-настоящему не рассвело. Кукарекал петух, возвещающая о скором восходе солнца. В спальне бабушки и дедушки уже наигрывало радио, настроенное на кантри. От тихого перезвона стальных гитарных струн, теряющегося в бескрайних просторах темных лесов, лугов и дорог, мое сердце едва не разрывалось на части от грусти.

Днем мама и папа приехали за мной на нашем пикапе. На прощание я поцеловал в щеку бабушку Сару и по-мужски пожал руку дедушке Джейберду. Мне показалось, что его рукопожатие на этот раз было особенно сильным. Мы поняли друг друга без слов. Родители взяли с собой Бунтаря, и я удобно растянулся в кузове, свесив ноги через борт, а Бунтарь свернулся в клубок рядом. Он радостно дышал мне в лицо, но мне это было приятно.

Провожая нас, бабушка Сара и дедушка Джейберд долго стояли на крыльце и махали нам вслед. А я ехал домой, в родные места.

Глава 7

Поход с ночевкой

На свете нет ничего, что могло бы вызвать столь необычайный восторг или внушить такой ужас, как чистый лист бумаги. Вам страшно: наконец-то вы остались наедине с самим собой и вам предстоит проложить черные тропы по этой белоснежной равнине. А восторг вы испытываете потому, что никто, кроме вас, не знает места назначения и даже вы сами не можете сказать, что будет в конце.

Усевшись за машинку с намерением писать рассказ на конкурс, проводимый Советом по делам искусств города Зефира, я почувствовал такой испуг, что все, на что я оказался способен вначале, – напечатать наверху листа свое имя. Сочинять историю для себя или рассказ, который сможет прочитать любой желающий, – это два абсолютно разных зверя: первый из них – привычный и удобный для езды пони, второй – дикий и необъезженный жеребец. Тут остается только вцепиться покрепче в поводья, а там будь что будет.

Некоторое время я просто сидел перед чистым листом бумаги, и мы с ним смотрели друг на друга. В конце концов я решил написать рассказ о мальчике, который убежал из своего маленького городка, чтобы увидеть мир. Я успел настучать две страницы, когда понял, что душа у меня не лежит к этой истории. Тогда я начал писать рассказ о мальчике, который нашел на свалке волшебную лампу. Эта писанина тоже отправилась в мусорную корзину. История об автомобиле-призраке шла хорошо до тех пор, пока этот автомобиль не налетел на стену моего воображения, сгорев в пламени.

Я сидел, уставясь в лист чистой бумаги.

За окном в листве звенели цикады. Где-то во тьме лаял Бунтарь. Издалека доносилось урчание автомобильного мотора. Я задумался о сне, в котором видел миссис Невилл, вспомнил, что она мне сказала: «Не думай об этом как о писательстве. Представь, что ты просто рассказываешь историю своим друзьям».

«Но как это сделать? – спросил я себя. – Как если бы я собрался писать о том, что произошло на самом деле?»

Может, написать о мистере Скалли и зубе Старого Мозеса? Нет, это не пойдет. Мистер Скалли не обрадуется гостям, которые зачастят к нему из любопытства. Хорошо... тогда, может быть, стоит написать про Леди и Человека-Луну? Нет, я их почти не знаю. Тогда о чем же? Что, если мне написать...

...об утопленнике в машине на дне озера Саксон?

Что, если я напишу рассказ о том, что случилось со мной и отцом в то утро? Как автомобиль свалился в озеро у нас на глазах, как отец прыгнул в воду, надеясь спасти водителя? Что, если я напишу обо всем, что я почувствовал и увидел в то мартовское утро перед восходом солнца? А что, если... что, если... я напишу про человека в шляпе с зеленым пером, который следил за нами с опушки леса?

Да, тут я сумел бы развернуться. Начал бы прямо со слов отца, когда он разбудил меня: «Кори? Просыпайся, сынок. Пора».

И вот уже я вновь сижу рядом с ним в нашем грузовичке, и мы едем по тихим предрассветным улицам Зефира. Мы разговаривали тогда с отцом о том, кем я собираюсь стать, когда вырасту. Но потом из леса прямо перед нами выскочил автомобиль, и, чтобы избежать столкновения, отец резко крутанул руль, после чего неизвестный автомобиль свалился с красного утеса в озеро Саксон. Я вспомнил, как отец со всех ног бежал к озеру, как сжалось мое сердце, когда я увидел, что он бросился в воду и плывет к машине. Я отлично помнил, как машина тонула в озере, как бурлила вокруг нее вода. Я помнил, как, оглянувшись зачем-то в сторону леса, заметил на опушке фигуру в длинном пальто, полы которого разлетались на ветру. На голове человека была шляпа с зеленым...

Минуточку.

Все было не совсем так. Я, не заметив, наступил на зеленое перышко и только потом обнаружил его на подошве своего ботинка, измазанного грязью. Но откуда еще могло взяться это перо, если не из-за шляпной ленты? Так я все и напишу, не отступая от истины ни на йоту. До самой ночи наводнения я, по сути дела, не видел шляпы с зеленым пером. Поэтому, решив строго придерживаться фактов, я напечатал на чистом листе бумаги о зеленом перышке и о том, как я нашел его. Я решил умолчать о мисс Грейс, Лэйни и о заведении с дурными девушками, потому что маме наверняка не понравился бы этот кусок.

Добравшись до конца, я перечитал рассказ. Решив, что некоторые фразы можно улучшить, перепечатал свое произведение заново. Переносить на бумагу разговорную речь оказалось делом нелегким. После того как я перепечатал его трижды, мой рассказ был наконец готов. Он занял две страницы через два интервала. Это был мой шедевр.

В мою комнату вошел отец, чтобы пожелать мне доброй ночи. На нем была пижама с красными полосами, волосы еще не просохли после душа. Я показал ему напечатанные страницы.

– Что это такое? – спросил он, поднося мое творение к свету настольной лампы. – «До восхода солнца», – прочитал он заголовок и вопросительно посмотрел на меня.

– Это рассказ, который я хочу послать на литературный конкурс, – ответил я. – Я только что его закончил.

– Вот как? Я могу его прочитать?

– Конечно, сэр.

Отец начал читать. Я следил за выражением его лица. Когда повествование добралось до места, где из леса нам наперерез выкатывается неизвестный автомобиль, его челюсти чуть сжались. Потом отец оперся рукой о стену, и я понял, что он читает то место, где описывалось, как он плывет к тонущей машине. Я видел, как его пальцы медленно напрягаются и расслабляются.

– Кори! – позвала мама. – Пойди посади Бунтаря на цепь!

Я направился к двери, но отец остановил меня:

– Задержись на минуту.

Его взгляд вернулся к первым абзацам.

– Кори! – снова позвала мама из гостиной, где она смотрела телевизор.

– Мы разговариваем, Ребекка! – ответил маме отец, положив страницы с рассказом на мой письменный стол.

Потом повернулся и взглянул на меня. Лицо отца наполовину скрывала тень.

– Тебе понравилось? – спросил я.

– Это не похоже на то, о чем ты обычно пишешь, – тихо ответил отец. – Обычно это истории о привидениях, ковбоях, космических полетах. Почему ты решил написать именно такой рассказ?

Я пожал плечами:

– Не знаю. Просто решил... что если уж писать о чем-то, то лучше о том, что случилось на самом деле.

– Значит, все, что ты здесь написал, правда? И то, как ты заметил человека среди деревьев?

– Да, сэр.

– Тогда почему ты не рассказал об этом раньше? Почему не сообщил ни мне, ни шерифу Эмори?

– Не знаю. Может быть, потому, что не был до конца уверен в том, что действительно кого-то видел.

– Но теперь ты уверен? Прошло почти полгода с того дня, как все это случилось. Почему ты промолчал, хотя должен был сразу обо всем рассказать шерифу?

– Да... наверно, я должен был так поступить. Я хочу сказать, мне *показалось*, что я увидел там какого-то человека. На нем было длинное пальто, и он...

– Это точно был мужчина? – перебил меня отец. – Ты разглядел его лицо?

– Нет, сэр.

Отец покачал головой. Желваки на его скулах снова напряглись, на виске пульсировала жилка.

– Господи, зачем мы вообще оказались на этой дороге! Не надо было мне прыгать в озеро за этой машиной! Человек, что покоится сейчас на дне озера, не дает мне покоя ни днем ни ночью!

Отец крепко зажмурился. Когда снова открыл глаза, они были полны слезами и мукой.

– Кори, никто не должен больше видеть этот рассказ, я требую этого! Ты меня понял?

– Но, сэр... я хотел отдать его на конк...

– Нет! Господи, ни в коем случае!

Рука отца сильно стиснула мое плечо.

– Слушай меня внимательно! Все полгода назад началось – тогда же и закончилось. Не нужно опять все вытаскивать наружу!

– Но я написал правду! – чуть не плакал я. – Все так и было.

– Это был дурной сон, – ответил отец. – Ночной кошмар. В городе никто не пропал, шериф это точно выяснил. В полицейские участки округа, да и всего штата не поступали заявления об исчезновении мужчины с татуировкой, которую я видел у утопленника. Ни одна жена

или мать не обратилась в полицию с заявлением о пропавшем муже или сыне. Ты понимаешь, что это означает, Кори?

– Нет, сэр, – признался я.

– Это означает, что человека, утонувшего в озере Саксон, никогда не существовало, – объяснил мне отец хриплым, срывающимся голосом. – Никто его не ищет, никому *нет дела*, что с ним случилось. Перед смертью он был так сильно избит, что и на человека-то едва стал похож. И покоится он на дне озера, а не на кладбище, как это принято у добрых христиан. Я последний человек на этой земле, который видел его, перед тем как его машина навсегда погрузилась в темную воду Саксона. Ты знаешь, что стало со мной после этого?

Я потряс головой.

Отец взял со стола мой рассказ, потом положил страницы на место, рядом с пишущей машинкой.

– Я знал, что в этом мире существуют зло и жестокость, – сказал он, избегая моего взгляда. – Жестокость – часть нашей жизни, но... она всегда где-то не здесь – может быть, в соседнем городе, но только не здесь. Помнишь, когда я был пожарным, мы ездили тушить машину, что разбилась и сгорела на полдороге между Зефиром и Юнионтауном?

– Это был автомобиль Малыша Стиви Коули, – ответил я. – Полуночная Мона.

– Точно. На дороге остались следы шин. Было очевидно, что другая машина вынудила Стиви Коули съехать с дороги, намеренно его столкнула. Бензобак машины Коули взорвался. Это была чудовищная жестокость, и, увидев, что осталось от молодого, полного жизни парня, я... – Отец содрогнулся, – вероятно, он вспомнил обугленные кости Малыша Коули. – У меня до сих пор в голове не укладывается, как один человек может сделать такое с другим. Мне непонятна подобная ненависть. Я не знаю, как люди становятся такими. Как нужно изуродовать свою душу, чтобы быть способным отнять у другого человека жизнь с легкостью, с какой давишь муху?

Глаза отца наконец остановились на мне.

– Знаешь, как звал меня дедушка, когда мне было столько же лет, как тебе сейчас?

– Нет, сэр.

– Трусишка. Потому что я не любил ходить с ним на охоту, не любил драться, не любил многое, что положено любить мальчику. Отец заставлял меня играть в футбол. У меня это плохо получалось, но я хотел ему угодить. Он говорил мне: «Парень, ты ничего не добьешься в этой жизни, если не воспитаешь в себе инстинкт убийцы». И еще: «Врежь им посильнее, сбей их с ног, покажи им, кто здесь по-настоящему крутой». А все дело в том, что я никогда не был крутым. Мне всегда хотелось тихой и спокойной жизни.

Отец подошел к окну и некоторое время стоял там, слушая, как звенят на улице цикады.

– Сейчас мне кажется, – снова заговорил отец, – что долгое время я только делал вид, будто я сильный и решительный человек. Наверно, я вполне мог бы оставить машину с мертвецом за рулем тонуть в озере и проехать дальше. Но я не смог этого сделать, Кори. И вот теперь он зовет меня со дна озера.

– Он... *зовет* тебя? – потрясенно переспросил я.

– Да, он зовет меня.

Отец по-прежнему стоял ко мне спиной, сжав кулаки.

– Он говорит мне, что хочет, чтобы я выяснил, кто он такой. Он хочет, чтобы я разыскал его семью и узнал, оплакивает ли его хоть кто-нибудь на этой земле. Он хочет, чтобы я узнал, кто и за что убил его. Он хочет, чтобы я не забывал о нем, и говорит, что, пока тот, кто так жестоко избил его и задушил, ходит безнаказанно по земле, мне не будет покоя, даже если это продлится до конца моей жизни.

Отец повернулся ко мне. Мне показалось, что он постарел лет на десять, после того как взял в руки две странички с рассказом.

– Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, я верил, что живу в волшебном городе, – мягко проговорил он, – в котором никогда не случится ничего плохого. Мне хотелось верить, что все вокруг – добрые, честные и справедливые люди. Я хотел верить, что тяжкий труд в конце концов вознаграждается по заслугам и что каждый человек – хозяин своему слову. Мне хотелось верить, что люди – истинные христиане все дни недели, а не только по воскресеньям, что закон справедлив, а политики мудры, и если ты идешь по жизни прямой и ровной дорогой, то обретешь покой, которого ищешь.

Отец улыбнулся, но на его улыбку было тяжело смотреть. На мгновение мне показалось, что я вижу в нем мальчика, скрытого под

той субстанцией, которую миссис Невилл в привидевшемся мне сне назвала «патиной времени».

– В мире нет, не было и никогда не будет такого места, – продолжал отец. – Но понимание этого не может помешать вам страстно желать, чтобы оно было, и каждый раз, закрывая перед сном глаза, я слышу, как мертвец со дна озера Саксон говорит мне, что я проклятый дурак и всегда был им.

Не знаю, что меня подвигло на это, но я сказал ему:

– Может быть, Леди сумеет помочь тебе.

– Каким образом? При помощи гадальных костей, свечей и ладана?

– Нет, сэр. Я просто думал, что вам с ней стоит поговорить.

Он уставился в пол. Потом глубоко вдохнул, медленно выдохнул и сказал мне:

– Пора спать.

И направился к двери.

– Папа?

Отец остановился.

– Ты хочешь, чтобы я порвал свой рассказ?

Он ничего не ответил, но я и не ждал немедленного ответа. Он переводил взгляд с меня на листки бумаги, по-прежнему лежащие на письменном столе.

– Нет, – наконец отозвался он. – Это хороший рассказ. Ведь все, что в нем написано, правда?

– Да, все правда.

– Ты очень старался?

– Да, сэр.

Он огляделся по сторонам, взглянул на картинки чудовищ, прилепленные к стенам, и наконец его глаза остановились на мне.

– Может, будет лучше, если ты представишь на конкурс рассказ о привидениях или о пришельцах с Марса? – спросил он меня, чуть заметно улыбнувшись.

– Только не в этот раз.

Отец кивнул, закусив нижнюю губу.

– Тогда действуй, – сказал он. – Предложи его на конкурс.

И вышел из комнаты.

На следующее утро я положил рассказ в конверт из манильской бумаги, оседлал Ракету и покатил к публичной библиотеке, которая

находилась на Мерчантс-стрит, рядом со зданием суда. В прохладном помещении библиотеки, где под потолком шелестели лопасти вентиляторов, а солнечный свет струился сквозь жалюзи на высоких арочных окнах, я передал свой конверт с конкурсным сочинением, на котором написал темно-коричневым восковым мелком: «Короткий рассказ», миссис Эвелин Пратмор.

– И о чем наш маленький рассказик? – сладким голосом спросила миссис Пратмор и ласково улыбнулась мне.

– Об убийстве, – коротко ответил я, и улыбка тут же исчезла с ее лица. – Кто входит в жюри в этом году?

– Я, мистер Гровер Дин, мистер Лайл Рэдмонд, преподаватель английского языка школы Адамс-Вэлли, мэр Своуп, наша широко известная поэтесса миссис Тереза Аберкромби, а также мистер Джеймс Коннахот, литературный сотрудник «Журнала».

Она взяла мой рассказ двумя пальцами, как тухлую рыбу, и взглянула на меня поверх очков в оправе жемчужного цвета:

– Так, говоришь, рассказ об *убийстве*?

– Да, мэм.

– Почему такой вежливый и приличный молодой человек не нашел темы лучше, чем убийство? Неужели на свете нет других, более приятных тем? Можно написать, например, о своей собаке, лучшем друге или... – Миссис Пратмор нахмурилась, очевидно смутившись из-за того, что перечень более приятных тем оказался так короток. – Короче говоря, о чем-то, что может развлечь и просветить.

– Нет, мэм, – ответил я. – Я должен был написать об утопленнике, который лежит на дне озера Саксон.

– Ах вот как. – Взгляд миссис Пратмор остановился на конверте из манильской бумаги. – Ладно. А скажи, Кори, твои родители знают, что ты предлагаешь этот рассказ на конкурс?

– Да, мэм. Мой отец вчера вечером прочитал его.

Миссис Пратмор взяла шариковую ручку и написала на конверте мое имя.

– Назови свой номер телефона, – попросила она, и, когда я это сделал, она приписала цифры ниже. – Хорошо, Кори, – холодно улыбнулась она. – Я прослежу, чтобы рассказ попал по назначению.

Поблагодарив ее, я пошел к выходу. Прежде чем выйти за дверь, я еще раз оглянулся на миссис Пратмор. Она распечатывала конверт, но,

заметив, что я смотрю на нее, отложила его в сторону. Мне показалось хорошим знаком, что она так торопится ознакомиться с моим сочинением. Я вышел на солнечный свет, отцепил Ракету от парковой скамейки и покатил к дому.

Лето шло к концу, в этом не было сомнений.

По утрам стало заметно прохладнее. Ночи съедали все больше дневного света. Звук цикад казался теперь каким-то усталым: их жужжание превратилось в глухой гул. Сидя на нашем крыльце, можно было глядеть на восток и любоваться одиноким иудиным деревом на лесистом холме: его листва за одну-единственную ночь приобрела темно-красный цвет, резко выделяясь на общем зеленом фоне. И самое грустное для нас, страстных поклонников летней свободы: радио и телевизор с мучительной настойчивостью возвещали о продаже школьных товаров в преддверии нового учебного года.

Время текло неумолимо. Вот почему в один из вечеров за ужином я поднял давно уже волновавший меня вопрос. Собрал все свое мужество в кулак и взял быка за рога. Бросился вперед очертя голову.

– Можно мне пойти с ребятами в лес, в поход с ночевкой? – задал я свой вопрос, и за обеденным столом воцарилась тишина.

Мама взглянула на отца. Отец взглянул на маму. Они оба старались не смотреть на меня.

– Вы обещали, что разрешите мне пойти в поход, если я проведу неделю в гостях у дедушки Джейберда, – напомнил я родителям.

Откашлявшись, отец принялся ковырять вилкой в тарелке с картофельным пюре.

– Что ж, – наконец заговорил он, – почему бы и нет? Можете поставить палатку на нашем заднем дворе и развести костер.

– Нет, я совсем не о том говорю. Мы хотим пойти в лес и там заночевать.

– Сразу за нашим домом начинается лес, – ответил отец. – Лес как лес, что вам еще нужно?

– Нет, сэр, – возразил я, чувствуя, как часто бьется мое сердце, потому что такой разговор с моей стороны был сущей дерзостью. –

Мы хотим пойти туда, где настоящий лес, где не видно ни одного огонька Зефира. Мы хотим, чтобы у нас был настоящий поход с ночевкой.

– О господи! – тихо проговорила мама.

Отец хмыкнул и положил на стол вилку. Потом переплел пальцы и задумался, нахмутив брови, отчего поперек лба у него образовалась складка. Все это, как я знал по прошлому опыту, предвещало заключительный вердикт из одного твердого «нет».

– Значит, вы решили прогуляться в лес? – снова спросил отец. – И насколько далеко?

– Я еще не знаю, – ответил я. – Думаю, что мы пройдем какое-то расстояние, потом выберем место, чтобы остановиться на ночь, а утром вернемся домой. Мы возьмем с собой компас, сэндвичи, порошок для приготовления прохладительных напитков, рюкзаки – в общем, все необходимое.

– А что вы будете делать, если кто-нибудь из вас сломает ногу? – подала вдруг голос мама. – Или кого-то укусит гремучая змея? А что, если вы угодите в заросли ядовитого плюща или бог знает куда? Ведь летом в лесу полно опасностей.

Я притих, потому что мама разошлась не на шутку.

– Что ты будешь делать, Кори, если на вас нападет рысь? Господи, да мало ли что может случиться в лесу!

– Все будет хорошо, мама, – ответил я. – Мы уже не малые дети и сможем сами о себе позаботиться.

– Но еще не такие взрослые, чтобы одним отправиться в лес! Ты собираешься забраться на несколько миль от дома, а что, если ночью разразится гроза с громом и молниями? Что вы будете делать, если у кого-нибудь из вас разболится живот? Если в лесу с вами случится беда, то ты не сможешь позвонить домой по телефону! Том, что же ты молчишь? Скажи ему, что этот поход – плохая идея!

Отец поморщился: самые трудные решения в нашей семье всегда выпадали на его долю.

– Давай, Том, – продолжала гнуть свое мама. – Скажи ему, что он никуда не пойдет, пока ему не исполнится хотя бы тринадцать.

– Год назад, мама, ты говорила, что надо подождать, пока мне не исполнится двенадцать, – напомнил я.

– Хватит умничать, Кори! Том, скажи ему сейчас же!

Я дождался решительного и окончательного «нет». Вот почему моему удивлению не было предела, когда отец наконец произнес:

– А где вы возьмете компас?

Мама с ужасом посмотрела на него. Я почувствовал, как в моей груди зажглась искра надежды.

– Компас даст нам отец Дэви Рэя, – ответил я. – Он ходит с ним на охоту.

– Компас ведь может разбиться, верно, Том? – снова подала голос мама.

Отец пристально смотрел на меня с серьезным выражением лица:

– Поход в лес с ночевкой – это не детская забава, Кори. Я знаю немало взрослых мужчин, которые заблудились в нашем лесу. Они могли бы тебе рассказать, что значит провести ночь на мокрых листьях без подушки и одеяла. Да еще мошка искушает так, что будешь чесаться не переставая. Думаешь, тебе это понравится?

– Все равно я хочу идти в поход, – ответил я.

– Ты уже договорился с другими ребятами? – спросил отец.

– Да, сэр. Мы все твердо решили идти, если, конечно, остальным тоже разрешат родители.

– Том, он еще ребенок! – воскликнула мама. – Может быть, в следующем году?

– Нет, – возразил отец. – Кори уже не маленький.

Мама с беспомощным и несчастным видом открыла рот, чтобы пуститься в дальнейшие споры, но отец приложил к ее губам палец.

– Мы с Кори договорились, – сказал он ей. – А в этом доме мужчина держит свое слово.

Глаза отца снова встретились с моими.

– Позвони друзьям. Если их родители скажут, что разрешают своим детям идти в поход, то и мы тебя отпустим. Но прежде мы должны договориться, как далеко вы отправитесь и когда придете назад. Если ты не вернешься к условленному сроку, просидишь в наказание дома целую неделю. Договорились?

– Договорились! – крикнул я и бросился к телефону.

Отец сказал мне вслед:

– Подожди, не торопись. Сначала доешь свой ужин.

Сразу же после этого начали быстро развиваться события. Родители Бена не возражали против похода. Предки Дэви тоже дали добро. К сожалению, Джонни не удалось присоединиться к нам, хотя он даже попросил моего папу поговорить с его отцом. Тот сделал все от него зависящее, но решение уже было принято. Из-за того что Джонни все

еще временами испытывал головокружение, его родители побоялись отпустить его в лес на всю ночь. Так Брэнлины еще раз ограбили Джонни.

И вот в солнечный полдень пятницы я, Дэви Рэй и Бен, нагруженные рюкзаками с сэндвичами, флягами с водой, средством от moskitov, противоядием от змеиных укусов, спичками, фонариками и картами местности, начали свой путь к вожделенному лесу. Все мы попрощались со своими родителями, посадили на цепь наших псов, убрали в сарай велосипеды. Дэви, на голове у которого красовалась охотничья шапка с камуфляжным рисунком, принес компас своего отца. Мы надели длинные штаны и зимние ботинки, чтобы защитить ноги от острых колючек и змеиных укусов. Мы были хорошо подготовлены для долгого похода и подставляли свои лица лучам солнца, словно пионеры-первопроходцы, входящие в девственный лес. Прежде чем деревья сомкнулись за нашими спинами, до меня донесся последний выкрик моей беспокойной мамы:

– Кори, ты взял с собой достаточно туалетной бумаги?

Я крикнул в ответ, что вполне достаточно. Я представил себе Дэниела Буна^[16], мать которого задает ему перед дальней дорогой аналогичный вопрос.

Поднявшись на холм, мы пересекли поляну, откуда состоялся наш памятный полет в первый день лета. По другую сторону поляны начинался настоящий лес, густая зеленая чаща, которая заставила бы остановиться и призадуматься самого Тарзана. Оглянувшись, я посмотрел на раскинувшийся внизу Зефир; вместе со мной остановились Дэви Рэй и Бен. Все отсюда выглядело таким аккуратным: улицы, крыши, тротуары, цветники и подстриженные лужайки. А впереди нас ждали дикая лесная чаща, всяческие трудности – мир, где нет места ни безопасности, ни комфорту, – только теперь я действительно понял, во что впутался.

– Что ж, – наконец произнес Дэви Рэй. – Думаю, нам пора двигаться дальше.

– Да, – поддержал его Бен, – пошли, парни.

– Ага, – отозвался я.

Мы стояли на опушке, ветерок дул в лицо, охлаждая наши потные шеи. Лес шелестел ветвями. Я вспомнил многоглавую шипящую гидру из фильма «Ясон и аргонавты».

– Все, пора, – сказал Дэви и двинулся в путь.

Отведя взгляд от Зефира, я последовал за ним – ведь у него был компас. Бен подтянул потуже лямки своего рюкзака и, заправив в штаны выбившуюся рубашку, крикнул: «подожди!» – и зашагал вперед быстро, как только мог.

Лес впустил нас в себя и замкнул свои ветви и листья за нашими спинами, словно подждал сотню лет таких зеленых юнцов, как мы. Теперь мы вступили во владения дикой природы и оказались предоставлены самим себе.

Довольно скоро наши рубашки стали мокрыми от пота. Взбираться на склоны лесистых холмов, а потом спускаться было нелегкой задачей в удушливый августовский зной. Запыхавшийся Бен попросил Дэви Рэя сбавить темп.

– Змеиная нора! – заорал Дэви, указывая на мнимую ямку прямо у ног Бена, что заставило того вновь понестись во весь опор.

Наш путь пролегал через солнечный свет и тени безграничного зеленого царства, сквозь густую жимолость, сладчайшие россыпи ежевики. Время от времени мы, конечно, останавливались, чтобы отведать ягод, а потом продолжали свой путь, следя за компасом и солнцем – повелителями наших судеб.

На вершине холма мы нашли огромный валун, на котором расположились отдохнуть. Присмотревшись к царапинам на камне, мы обнаружили символы индейцев. Увы, мы оказались не первыми, кто побывал здесь: рядом валялись обертка от печенья «Мун-пай» и осколки бутылки «Севен-ап». Мы отправились дальше, еще больше углубившись в лес, полные решимости найти такое место, где еще не ступала нога человека.

По пути нам попало пересохшее русло ручья, и мы пошли прямо по нему, хрустя мелкой галькой. Затем на несколько минут наше внимание привлек мертвый опоссум, облепленный мухами. Дэви Рэй пугал Бена, делая вид, что подберет дохлятину с земли и бросит ее в Бена, но мне удалось отговорить приятеля от такой омерзительной шалости, и Бен вздохнул с облегчением.

Дойдя до места, где деревья поредели, а из земли повсюду торчали камни, напоминавшие ребра динозавров, Дэви Рэй снова зачем-то остановился. Он поднял с земли и показал нам черный наконечник

стрелы почти идеальной формы, который положил в карман, чтобы пополнить им коллекцию Джонни.

Солнце клонилось к закату. Мы здорово вспотели, наша одежда запылилась, комары настойчиво вились вокруг наших лиц и лезли в глаза. Я никогда не мог понять, чем глаза так привлекают комаров, – видимо, тем же, чем огонь – мотыльков. Как бы то ни было, но нам время от времени приходилось тереть слезящиеся глаза, извлекая оттуда останки мертвых насекомых. По мере того как солнце спускалось к горизонту, а воздух становился прохладнее, комаров становилось все меньше и меньше. Мы стали подыскивать место для ночлега, и вскоре выяснилось, что разбить лагерь не так-то просто.

Мам и пап, которые могли бы приготовить ужин, с нами не было. Не было ни телевизора, ни радио, ни ванны, ни постели, ни простого электрического света, что стало особенно заметно, когда небо на востоке начало темнеть. Мы понятия не имели, насколько далеко забрались от дома: последние два часа пути нам не попадались следы цивилизации.

– Мы могли бы устроить привал здесь, – сказал я Дэви Рэю, указывая на видневшуюся неподалеку полянку, однако у разгоряченного Дэви явно имелись другие планы.

– Давай пройдем еще немного, – предложил он.

Я понял, что желание узнать, что скрывается за гребнем следующего холма, неудержимо влечет его вперед. Мне и Бену не оставалось ничего другого, как шагать за Дэви следом, – я уже говорил, что он был единственным обладателем компаса.

Вскоре лучи наших фонариков разогнали сгущавшиеся вокруг сумерки. Что-то затрепетало перед моим лицом и унеслось прочь, – возможно, это была выискивающая добычу летучая мышь. Кто-то еще пронесся в подлеске, испуганный нашим приближением. При каждом звуке Бен беспрестанно спрашивал: «Что это? Что это было?» – но никто из нас не мог ему ответить.

Наконец Дэви Рэй остановился, осветил фонариком по сторонам и объявил:

– Разбиваем лагерь здесь.

Мы с Беном тоже полагали, что для остановки самое время, потому что ноги уже отказывались нести нас дальше. Освободив от рюкзаков измученные плечи, мы сбросили свой груз на ковер из сосновых игл и

принялись собирать хворост для костра. Нам не пришлось много трудиться, потому что вокруг нашлось множество сосновых сучьев и шишек, которые запылали от одной спички. Вскоре разгорелся приличный костер, со всех сторон обложенный камнями, в точности так, как учил меня отец. В свете пляшущих алых языков пламени мы с аппетитом принялись за припасенные для нас матерями сэндвичи, ощущая себя первопроходцами.

Весело трещал костер. Бен вытащил из своего рюкзака пачку суфле из кукурузного сиропа, которыми его снабдила мама. Мы наломали палочек и принялись жарить это лакомство на костре. Вне освещенного нашим костром круга стояла непроглядная тьма, в которой не было видно ничего, кроме поблескивавших на ветках светляков. Ветер колыхал вершины деревьев, а на небе можно было разглядеть полоску Млечного Пути.

В лесном уединении наши голоса звучали особенно тихо: храм природы требовал к себе уважения. Мы обсудили свой провальный сезон в младшей лиге и поклялись во что бы то ни стало привлечь в нашу команду Немо на следующий год. Потом разговор перешел на Брэнлинов, которые вполне заслужили, чтобы им набили морды за то, что они испортили лето Джонни. Пospорили, сколько миль до нашего дома: пять или шесть, на чем упорно настаивал Дэви, или десять-двенадцать, как считал Бен. Поговорили и о том, что сейчас поделявают наши родители: они наверняка сходят с ума от беспокойства, но подобный опыт пойдет им только на пользу. Мы уже выросли, и пора им понять, что наше детство почти закончилось.

Где-то вдали заухала сова. Дэви Рэй поделился своим предвкушением возможного появления Первоснега, который, должно быть, сейчас бродит где-то рядом в лесу, слышит те же звуки, что и мы, видит те же пейзажи. Не исключено, что он тоже слышал эту сову. Бен завел разговор о том, что скоро начнутся занятия в школе, но мы на него шикнули, чтобы не портил настроение.

Лежа на спине, мы смотрели, как гаснут угли костра, потом стали глядеть на небо, рассуждая о Зефире и людях, что в нем живут. Мы пришли к общему мнению, что наш городок воистину волшебный. Печать волшебства лежит и на нас, потому что мы тут родились.

Чуть позже, когда костер совсем погас и от него остались только тлеющие красные угольки, сова умолкла, а теплый нежный ветерок

принес сладковатый аромат дикой вишни. Мы стали наблюдать за яркими лазурными и золотыми полосами падающих звезд, пронесившихся в ночном небе. Но и это шоу скоро закончилось. Мы молча лежали, думая каждый о своем.

Дэви Рэй сказал:

– Послушай, Кори, не расскажешь ли нам какую-нибудь историю?

– Не знаю, – отозвался я. – Что-то ничего не идет в голову.

– Подумай, может, что-нибудь проклюнется, – не унимался Дэви Рэй. – Хорошо, Кори?

– Да, Кори, – подхватил Бен. – Только чтобы не *слишком* страшно, а то мне опять будут сниться кошмары.

Я немного подумал и начал так:

– Наверно, вы, парни, слышали, что где-то неподалеку был лагерь для пленных немецких фашистов? Недавно отец рассказал мне об этом. Он сказал, что в самой чаще нашего леса был лагерь для нацистов. Там держали самых страшных убийц, какие только бывают на свете. Лагерь находился там, где сейчас авиабаза, которой тогда, конечно, еще не было.

– Ты правду говоришь? – осторожно прошептал Бен.

– Ты просто болван! – почти крикнул Дэви Рэй. – Он же сочиняет прямо с ходу!

– Может, и сочиняю, – ровным голосом отозвался я, – а может, и нет.

Дэви Рэй промолчал.

– И вот однажды, – продолжал я, – в лагере начался пожар, и несколькими фашистам удалось убежать в лес. Они здорово обгорели, их лица превратились в кошмарные маски, но они бросились прямо в лес и...

– Ты, похоже, видел триллер на эту тему? – спросил меня Дэви Рэй.

– Нет, – отозвался я, – мне рассказал отец. Это случилось очень давно, прежде чем мы родились. Фашисты убежали в лес, но держались все вместе. У них был вожак – здоровенный детина по имени Бруно с обожженным лицом, покрытым шрамами. Они нашли пещеру и стали в ней жить, но в лесу не хватало еды на всех, и, когда кто-нибудь из них умирал, они разрезали его тело ножами на части...

– О господи! – выдохнул Бен.

– ...и ели, а Бруно всегда брал себе мозги. Он разбивал череп камнем, как грецкий орех, черпал из него мозги горстями и запихивал

себе в глотку...

– Меня сейчас вырвет! – прохрипел Дэви Рэй, издав отвратительный звук, и дико захохотал.

Бен засмеялся вместе с ним.

– Прошло довольно много времени, года два, и в пещере остался только Бруно, который сделался еще больше и сильнее, чем раньше, – продолжал рассказывать я. – Но на его лице остались страшные ожоги. Он стал настоящим уродом: один его глаз оказался на лбу, а другой свисал с подбородка.

Последняя моя фраза вызвала новый приступ смеха.

– Так вот, прожив все это время в пещере, питаясь мозгами и мясом своих товарищей-фашистов, Бруно совершенно спятил. Он испытывал постоянный голод, но больше всего желал человеческих мозгов, которые стали для него главным лакомством.

– Просто супер! – выкрикнул Бен.

– Он хотел добыть мозги и мог думать только об этом, – вещал я тем временем своей аудитории, состоявшей из двух друзей. – Он был здоровенным мужиком семи футов ростом, весил три сотни фунтов, и у него был длинный и острый охотничий нож, которым он мог одним махом снести верхушку черепа. Бруно разыскивали целые отряды полиции и армейские подразделения, но так и не сумели поймать. Они нашли лишь лесника, а после – старого самогонщика. У обоих были вскрыты черепа и выедены мозги. Стало понятно, что Бруно подбирается все ближе и ближе к Зефиру.

– И тогда власти вызвали Джеймса Бонда и Бэтмена, чтобы они разобрались с ним! – предположил Дэви Рэй.

– Нет! – мрачно покачал головой я. – Некого было звать на помощь. Там были только полицейские и солдаты. Каждую ночь Бруно бродил по лесу с фонарем и охотничьим ножом, такой уродливый и страшный, что от одного его вида люди застывали на месте, парализованные ужасом, будто перед горгоной Медузой. Тогда он подходил к ним и – *вжик!* – вскрывал череп и ел мозги, запихивая их прямо себе в глотку!

– Могу поспорить, – хихикнул Бен, – что старина Бруно до сих пор живет в этих лесах и лакомится на ужин человеческими мозгами.

– Нет, это не так, – ответил я, подводя итог своей повести. –

Полиция и солдаты в конце концов выследили Бруно и так напихивали пулями, что он стал похож на швейцарский сыр. Но

охотники до сих пор рассказывают, что иногда видят темными ночами, как кто-то огромный бродит в чаще с фонарем.

Это я произнес особенно тихо и зловеще, леденящим душу шепотом. Никто не засмеялся – ни Дэви Рэй, ни Бен.

– До сих пор призрак Бруно скитается по лесу в поисках жертв, чтобы полакомиться их мозгами. Он водит фонарем из стороны в сторону, и если вы окажетесь рядом – увидите, как сверкает его нож. Главное, не смотрите ему в лицо! – Я предостерегающе поднял палец. – Ведь если человек увидит лицо Бруно, он сходит с ума и ему тоже нестерпимо хочется съесть чьи-нибудь мозги! – проорал я последнее слово и вскочил.

Бен завопил от страха, а Дэви Рэй снова только покатился со смеху.

– Послушай, это совсем не смешно! – обиженно протянул Бен.

– Тебе не стоит бояться встречи со стариной Бруно, – сказал ему Дэви Рэй. – Всем известно, что у тебя нет никаких мозгов, поэтому можешь смело...

Внезапно Дэви Рэй замолчал и напряженно уставился в лесную темноту.

– Что ты там увидел? – спросил я.

– Он хочет нас напугать! – хохотнул Бен. – Ничего не выйдет!

Но Дэви Рэй страшно побледнел. Я мог поклясться, что на его голове с шелестом поднимаются волосы.

– Го... го... го... – выдавил из себя Дэви и поднял руку, указывая ею во тьму.

Повернувшись, я взгляделся в ту сторону, куда была простерта рука Дэви Рэя, и услышал, как судорожно вздохнул Бен позади меня. Волосы зашевелились у меня на голове, сердце забилось как сумасшедшее.

Петля между деревьями, к нам приближалось пятно света.

– Го... го... Господи всемогущий! – прохрипел Дэви Рэй.

Мы были поражены страхом, от которого хочется вырыть в земле нору, забраться в нее и закидать за собой вход. Пятно света между деревьями двигалось очень медленно, приближаясь к нам. Неожиданно пятно раздвоилось, и мы одновременно упали на живот, вжавшись в сосновые иглы. Еще через мгновение я понял, что вижу автомобильные фары. Казалось, что машина вот-вот проедет прямо через наш лагерь, но потом фары резко отвернули в сторону, зажглись

габаритные задние фонари – водитель нажал на тормоза. Он ехал по извилистой лесной дороге, которая, как оказалось, проходила всего ярдах в пятидесяти от нашего лагеря. Еще через пару минут машина исчезла за деревьями.

– Вы видели? – прошептал Дэви Рэй.

– Само собой! – шепотом отозвался Бен. – Мы же не слепые, черт побери!

– Интересно, кто в этой машине и что ему здесь нужно? – спросил Дэви Рэй и оглянулся на меня. – Тебе хотелось бы это узнать, Кори?

– Это, наверно, самогонщики, – ответил я. Мой голос еще дрожал от страха. – Думаю, не стоит к ним соваться.

Но Дэви Рэй уже взял свой фонарь. Его лицо все еще оставалось мертвенно-бледным, но глаза уже сверкали живым любопытством.

– Я буду не я, если не узнаю, что тут творится! А вы можете дожидаться здесь, если хотите!

Поднявшись с земли, Дэви щелкнул фонариком и осторожно двинулся в ту сторону, куда укатила машина. Но, увидев, что мы не собираемся следовать за ним, остановился:

– Вы что, на самом деле испугались?

– Можешь идти куда хочешь, – отозвался Бен, – я остаюсь.

Я поднялся на ноги. Если у Дэви Рэя хватает духу пойти, то хватит и у меня. Да мне и самому до смерти хотелось узнать, кто разъезжает в лесу по ночам.

– Пошли! – сказал мне Дэви. – Только смотри под ноги, чтобы сучья не хрустели!

– Я здесь один не останусь, вот уж дудки! – воскликнул Бен и тоже вскочил. – А вы просто спятили!

– Ладно, молчи, – высокомерно осадил его Дэви Рэй. – Идем тихо и не разговариваем.

Мы переползали от дерева к дереву, стараясь держаться лесной дороги, которую не увидели, когда выбирали место для ночной стоянки. Дэви Рэй светил только себе под ноги, чтобы никто нас не заметил. Дорога петляла между деревьями. Где-то опять заухала сова, вокруг нас крохотными огоньками мелькали светляки. Так мы прошли не меньше двухсот ярдов. Неожиданно Дэви Рэй остановился и прошептал:

– Вот они!

Мы увидели машину на дороге. Она стояла на месте, но фары ее по-прежнему горели, а мотор урчал. Мы припали к земле и затаились. Не знаю, как у других, но у меня сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Автомобиль не двигался. Тот, кто сидел за рулем, не торопился выходить.

– Мне нужно отлить! – вдруг прошептал Бен.

Дэви Рэй приказал ему заткнуться и терпеть.

Минут через пять я заметил еще два пятна света, приближавшиеся к нам сквозь деревья, на этот раз с противоположной стороны. Вторая машина, черный «кадиллак», подкатила к первой и остановилась напротив нее. Дэви Рэй взглянул на меня: выражение его лица явно говорило о том, что на этот раз мы действительно вляпались во что-то серьезное. По правде говоря, мне было наплевать на то, что здесь происходило: больше всего на свете мне хотелось побыстрее убраться с этого ночного сборища тех, кого я считал самогонщиками.

Дверцы первой машины открылись, и из нее выбрались два человека.

– О господи! – прошептал Дэви Рэй.

Стоявшие в перекрестье света фар мужчины носили обычную одежду, но лица были скрыты под белыми масками. Один из них был среднего роста, другой – высокий и толстый, поверх пояса джинсов свисало большое пузо. Тот, что пониже, курил то ли сигарету, то ли сигару, время от времени наклоняя голову в маске, чтобы выпустить дым из уголка рта. Когда открылась дверца «кадиллака», сердце у меня ушло в пятки: на дорогу выбрался не кто иной, как Бодин Блэйлок. Я узнал этого человека, так как отлично его запомнил, когда он смотрел на меня через покерный стол в игорном притоне, где мы были с дедушкой.

Другой мужчина, худой, с прилизанными черными волосами и выступающим вперед подбородком, выбрался из «кадиллака» с правой стороны; на нем были узкие черные штаны и красная рубашка с ковбойскими блестками на плечах. Поначалу мне показалось, что это Донни Блэйлок, но у Донни не было такого подбородка. Черноволосый открыл заднюю дверцу «кадиллака», и вся машина закачалась, когда тот, кто в ней сидел, стал выбираться наружу.

Это была гора о двух ногах.

Рубаха в красную клетку и комбинезон туго обтягивали его необъятное брюхо. Когда человек-гора выпрямился в полный рост, в нем оказалось не меньше шести с половиной футов. Он был почти совершенно лыс, если не считать венчика седых волос, обрамлявших его желудеобразный череп. Он имел аккуратно подстриженную остроконечную бороду и пыхтел как паровик. Лицо его напоминало красную морщинистую маску.

– Чего это вы так вырядились, словно на маскарад? – прорычал он голосом, похожим на скрежет бетономешалки.

Утробное *гы-гы-гы*, следовавшее за этим, можно было сравнить с тем звуком, который издает изношенный мотор, когда его заводят. Бодин рассмеялся, а вслед за ним и его спутники. Двое в масках неуверенно переступали с ноги на ногу.

– Парни, вы похожи на мешки с дерьмом, – проговорил человек-гора, с трудом волоча ноги.

Могу поклясться, что его ладони были величиной с добрый окорок, а ногами в изношенных башмаках он запросто растоптал бы молоденькое деревце.

– Мы хотим сохранить полное иког... никог... инкогнито, – пробормотал пузан в маске. – Не хотим, чтобы нас узнали.

– Черт, Дик! – заревел бородатый монстр, раздражаясь новым приступом хохота. – Только законченный идиот не узнает твой жирный зад и огромное пузо!

«Говорил горшку котелок: уж больно ты черен, дружок», – пронеслось у меня в голове.

– Мистер Блэйлок, было бы лучше, чтобы вы не упоминали наши имена, – раздраженно проскулил тот, кого назвали Диком, и я, содрогнувшись, понял, что передо мной не кто иной, как мистер Дик Моултри, а человек-гора – это сам Блэйлок Большое Дуло, грозный глава семейного клана Блэйлок.

Очевидно, до Бена это тоже дошло.

– Давайте убираться отсюда, – свистящим шепотом прошипел он, но Дэви Рэй оборвал его:

– Заткнись!

– Ну что ж, – продолжал тем временем Блэйлок, уперев руки в могучие бедра. – Рядитесь хоть в дерюгу, мне плевать, только бабки платите. Вы привезли деньги?

– Да, сэр, – отозвался мистер Моултри, вынимая из кармана пачку банкнот.

– Пересчитай, чтоб я видел, – пророкотал Большое Дуло.

– Хорошо, сэр. Пятьдесят... сто... сто пятьдесят... двести...

Счет продолжался до четырехсот долларов.

– Забери у них деньги, Уэйд, – рыкнул Большое Дуло.

Мужчина в красной рубашке бросился исполнять его приказание.

– Минутку, сэр, – подал голос второй человек в маске. – Мы хотели бы взглянуть на товар.

Этот человек говорил неестественно низким, хриплым голосом, и мне показалось, что где-то я его слышал.

– Бодин, дай этим парням то, за чем они приехали, – приказал Большое Дуло.

Вытащив ключи из зажигания «кадиллака», Бодин обошел машину кругом и стал возиться в багажнике. Большое Дуло не сводил глаз с человека с фальшивым голосом. Я был благодарен судьбе за то, что не я сейчас оказался объектом этого пристального внимания: ведь сила взгляда Большого Дула, казалось, могла заставить и железо расплавиться.

– Лучший товар, парни, – пророкотал Большое Дуло. – То, что вам нужно, можете не сомневаться.

– Другого и не ждали, мистер Блэйлок. Цена ведь тоже не маленькая.

– Может, хотите проверить качество? – усмехнулся Большое Дуло, обнажив ряды крепких зубов. – На твоём месте, дружок, я бы выбросил сигарку.

Неизвестный в маске послушно сделал последнюю затяжку и выбросил окурок в кусты, как раз туда, где мы прятались. Окурок упал на сосновые иглы всего в четырех футах от меня, и я увидел изжеванный пластиковый мундштук. Я знал, кто курил манильские сигары с таким мундштуком, – мистер Харджисон, наш городской почтальон.

Тем временем Бодин открыл багажник. Достав что-то из машины, он захлопнул багажник и вернулся к людям в масках с небольшим деревянным ящичком в руках. Бодин нес ящик очень осторожно, словно спящего младенца.

– Можно мне взглянуть? – спросил мистер Харджисон тоном, которого я у него никогда не слышал.

– Покажи ему: он имеет право видеть, за что платит деньги, – приказал сыну Большое Дуло, и Бодин, аккуратно освободив защелку ящичка, открыл крышку и продемонстрировал его содержимое.

Никто из нас не мог разглядеть, что находилось внутри, но мистер Моултри заглянул в ящик и удовлетворенно присвистнул под маской.

– То, что вам надо? – спросил Большое Дуло.

– Все в порядке, – ответил мистер Харджисон. – Они поймут, что случилось, только когда будут бить чечетку в аду.

– Я добавил туда пару штук на всякий случай, – усмехнулся Большое Дуло.

Я подумал, что именно так, наверно, выглядит сам Сатана.

– Ладно, удачи вам, – подытожил глава семейства Блэйлок. – Закрывай коробку, Бодин. А ты, Уэйд, заberi у них наши деньги.

– Дэви, по мне что-то ползет! – прошептал Бен.

– Заткнись, придурок!

– Я правду говорю: по мне что-то ползет!

– Вы ничего не слышали? – настороженно вскинул голову мистер Моултри, заставив меня похолодеть.

Стоявшие на дороге замолчали, напряженно прислушиваясь. Мистер Харджисон держал обеими руками ящичек, а Уэйд Блэйлок стискивал в кулаке деньги. Голова Блэйлока Большое Дуло медленно поворачивалась из стороны в сторону, его раскаленные, как домна, глаза проникали в самую чашу. «Ух-ху!» – ухнула сова где-то вдалеке. Бен испустил тихий испуганный вой. Я изо всех сил вжался лицом в сосновые иглы, чувствуя, как совсем рядом со мной тлеет окурок сигары, выброшенный мистером Харджисоном.

– Я ничего не слышу, – наконец сказал Уэйд Блэйлок и передал отцу деньги.

Большое Дуло еще раз пересчитал деньги, то и дело облизывая нижнюю губу. Наконец он сунул банкноты в карман.

– Лады, парни, – удовлетворенно пророкотал Большое Дуло, обращаясь к людям в масках. – На этом, джентльмены, наши дорожки расходятся. В следующий раз, когда снова захотите сделать особый заказ, вы знаете, где меня найти.

С этими словами он стал втискиваться обратно на заднее сиденье «кадиллака», при этом Бодин предупредительно распахнул перед ним дверцу.

– Огромное вам спасибо, мистер Блэйлок.

Что-то в голосе мистера Моултри заставило меня подумать о жалкой собачонке, угодливо лижущей руку грозного хозяина.

– Мы высоко ценим внимание, которое вы...

– Пауки-и-и-и!

Казалось, земной шар перестал вращаться. Невидимая сова онемела. Млечный Путь у нас над головами вспыхнул и почти погас, тускло мерцая.

– Пауки! – снова завопил Бен и принялся кататься по подстилке из сосновых игл. – Они на мне повсюду!

От ужаса у меня перехватило дыхание. Я не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Лежа рядом со мной, Дэви Рэй с открытым ртом смотрел на извивающегося и орущего Бена.

Пятеро мужчин застыли на месте, все без исключения повернувшись в нашу сторону.

Мое сердце бешено колотилось.

Прошли три бесконечные секунды, и рев Большого Дула разнес ночную тишину в клочья:

– Хватайте их!

– Бежим! – выкрикнул Дэви Рэй, моментально вскочив на ноги. – Бежим, если хотите жить!

Бодин и Уэйд рванули к нам через кусты, их тени в перекрещивающемся свете фар выглядели огромными. Дэви Рэй уже несея в обратную сторону, туда, откуда мы недавно пришли.

– Беги! – крикнул я Бену и припустил вслед за Дэви.

Вскочив, Бен еще несколько секунд отряхивался, испуганно взвизгивая. На бегу глянув через плечо, я увидел, как протянулись к Бену руки Уэйда, но поймали пустой воздух, потому что Бен припустил изо всех сил.

– Стоять, маленькие ублюдки! – заорал нам в спину Бодин Блэйлок.

– Хватайте их! – командовал с дороги Большое Дуло. – Не дайте им смыться!

Дэви Рэй всегда был самым быстрым из нас, и тут он вскоре оставил меня позади. К тому же у него был фонарик. Я бежал не разбирая

дороги, все время слыша сзади хриплое дыхание Бодина. Еще раз оглянувшись, я увидел, что Бен бежит в другую сторону от нас, по пятам преследуемый Уэйдом. Участвовали ли в погоне мистер Моултри и мистер Харджисон, я не знаю. Бодин Блэйлок уже почти догнал меня, пытаюсь схватить за воротник, но я пригнулся и рванул в другую сторону, а он поскользнулся на сосновых иглах. Я летел не разбирая дороги, навстречу тьме и неизвестности.

– Дэви Рэй! – крикнул я, потому что потерял из виду свет его фонарика. – Где ты?

– Я тут, Кори! – откликнулся он, но с какой стороны донесся его голос, я так и не смог разобрать.

Позади меня снова трещал подлесок под ногами Бодина. Я бежал изо всех сил, чувствуя, как пот заливает лицо.

– Кори! Дэви Рэй! – раздался зов Бена откуда-то справа.

– Черт возьми, да поймаете вы их, наконец? – ревел в ярости Большое Дуло.

Страшно было даже представить, что могли сделать с нами это похожее на гору чудовище и его выводок, окажись мы у них в лапах. Заключение только что в лесу сделка наверняка являлась противозаконной, и теперь Блэйлоки хотели сохранить это в тайне. Я решил крикнуть Бену в ответ, но не успел и рта открыть, как моя левая нога поскользнулась на сосновых иглах и я полетел кувырком, словно мешок с зерном.

Оказавшись под кустом, перевитым лозой дикого винограда, я затаился, трепеща от страха и чувствуя тошноту, от которой едва не вылез наружу недавно съеденный ужин. Я тихо лежал на животе, чувствуя, как саднит царапина на подбородке, и ждал, что из темноты вот-вот возникнет сильная злая рука и схватит за шиворот. Я с ужасом услышал, как неподалеку от меня треснула сухая ветка, – Бодин был уже близко. Я затаил дыхание, опасаясь, что он услышит стук моего сердца, который, как мне казалось, звучит в тишине так же громко, как кузнечный молот, бьющий в наковальню, и если Бодин ничего не слышал, то определенно он был глух как тетерев.

Внезапно откуда-то слева послышался его голос:

– Эй, вылезай-ка, пацан! Я знаю, где ты!

Я уже готов был повиноваться – голос Бодина звучал очень убедительно, но вовремя понял, что тьма для него оставалась такой же

непроглядной, как и для меня. Поэтому, стиснув зубы, я промолчал и остался лежать неподвижно.

Еще через несколько секунд голос Бодина раздался подальше:

– Вам не спрятаться от нас, маленькие ублюдки! Лучше сразу вылезайте, а то хуже будет!

Он уходил от меня все дальше. Я выждал еще пару минут, прислушиваясь, как перекликаются в лесу Блэйлоки. Судя по всему, и Бену, и Дэви Рэю удалось ускользнуть, а Большое Дуло теперь сходил с ума от злости.

– Вы найдете мне этих проклятых сопляков, пусть даже для этого вам придется бродить по лесу всю ночь! – орал он на своих сыновей.

А те отвечали ему покорно и односложно:

– Хорошо, сэр. Мы найдем их, сэр.

Решив, что настала пора улепетывать, пока позволяет ситуация, я встал и начал осторожно, как побитый щенок, пробираться вглубь леса.

Я понятия не имел, куда иду, зная лишь одно: надо убраться как можно дальше от Блэйлоков. Какое-то время я размышлял, не вернуться ли по собственным следам, чтобы разыскать друзей, но отказался от этой затеи из страха, что Блэйлоки схватят меня. Я продолжал идти дальше во тьму. Встреча с рысью или гремучей змеей представлялась мне менее опасной, чем то, что могли сотворить со мной преследовавшие меня двуногие звери.

Я шел, может быть, с полчаса; потом на пути мне попался большой валун, к которому я прислонился, усевшись рядом. При свете звезд осознал, что оказался в весьма неприятной ситуации: рюкзак со всем содержимым остался у нашего костра, который теперь находился неизвестно где. У меня не было ни воды, ни еды, ни фонарика, ни спичек, ни Дэви Рэя с его компасом.

И тут мне пришла в голову убийственная мысль: мама была права – мне следовало дожидаться тринадцатилетия.

Глава 8

Чили Уиллоу

Мне и прежде приходилось не спать ночами, ожидая наступления рассвета. Например, когда у меня случился острый фарингит: болело горло, и я не спал всю ночь – каждая минута казалась мне мучением. Или когда у Бунтаря завелись глисты, и всю ночь он скулил и кашлял, а я не мог заснуть. Однако эта ночь, которую я провел, скрючившись под валуном, стала для меня вечностью, наполненной раскаянием, страхом и чудовищным дискомфортом, – все это втиснулось в рамки шести часов. Одно я понял наверняка: это был мой последний поход в лес с ночевкой. От любого звука я подскакивал на месте и всматривался в лесную тьму, видя неясные, но внушительные силуэты там, где росли только тощие сосенки. Я готов был швырнуть в костер самый дорогой моему сердцу номер «Нэшнл джиографик», если бы получил взамен пару сэндвичей с ореховой пастой и бутылку «Грин Спот».

Незадолго до рассвета меня обнаружили москиты. Они были такие здоровенные, что при желании я вполне мог схватить парочку из них за ноги и добраться до Зефира по воздуху. Я пребывал в самом жалком состоянии: весь в красных пятнах от укусов этих мерзких тварей, да еще и желудок урчал от голода.

В общем, у меня оказалась уйма свободного времени. Помимо прихлопывания кровососов и вслушивания в ночную тишь в ожидании звука приближающихся шагов, я имел отличную возможность поразмыслить о том, что находилось в деревянном ящике, за который мистер Моултри и мистер Харджисон выложили Блэйлокам четыре сотни долларов. Боже, это же целое состояние! И если к этому делу причастны Блэйлоки, наверняка замышляется какое-то злодейство. Для чего мистер Моултри и мистер Харджисон собирались использовать содержимое этого ящичка? В моей памяти всплыли слова, которые с усмешкой сказал мистер Харджисон: «Они поймут, что случилось, только когда будут бить чечетку в аду».

Что бы ни содержалось в этом ящике, дело было опасным и незаконным, иначе сделка не заключалась бы в лесу под покровом ночи. Я не сомневался, что Блэйлоки, а возможно, и мистер Моултри с мистером Харджисоном, не задумываясь, перерезали бы нам глотки, чтобы сохранить эту сделку в тайне.

И вот наконец на востоке забрезжило солнце, окрашивая небо в розовый и пурпурный цвета. Я решил, что пора идти дальше: не исключено, что Блэйлоки где-то поблизости. Вчера мы весь день шли вслед за солнцем, поэтому я счел, что мой путь должен лежать на восток.

Первым делом следовало забраться на какую-нибудь возвышенность и посмотреть, в какой стороне лежит Зефир, озеро Саксон или какие-нибудь шоссе и железные дороги. Я поочередно поднялся на несколько холмов, но и оттуда, кроме леса, ничего не было видно.

Часа через два после рассвета я решил устроить небольшой привал. Над моей головой с ужасным ревом пронесся реактивный самолет; я видел, как он выпустил шасси. Тогда я немного изменил направление движения, взяв курс туда, где, как я надеялся, находилась авиабаза. Я шел и шел вперед, а лес все не редел, более того – становился гуще. Солнце начало припекать, а земля под ногами была неровной, и вскоре я здорово вспотел. Вновь появились комары и прочие кровососы, их кузины и кузены, дядюшки и тетушки – вся эта нечисть черным ореолом беспрестанно кружилась над моей головой.

Вскоре я вновь услышал рев реактивных двигателей, хотя самих самолетов за деревьями не было видно, а потом глухие разрывы. Я остановился, догадавшись, что нахожусь поблизости бомбового полигона. С гребня следующего холма я увидел вдали, там, где, по моим расчетам, находился северо-восток, столбы черного дыма и пыли, поднимающиеся к небу. Это означало, что мне предстоит еще очень долгий и трудный путь к родному дому.

Желудок и солнце в зените подсказали мне, что время близится к полудню. По нашему с родителями уговору я уже давно должен был вернуться. Я представил себе, как сходит с ума мама, как потирает руки отец, готовя ремень для порки. Но, что самое обидное, приходилось признать, что я вовсе не такой взрослый, как мне казалось еще вчера.

Я двинулся дальше, огибая полигон, на который падали бомбы. Меньше всего мне хотелось, чтобы на меня с неба свалилось несколько сотен фунтов взрывчатки. Мне приходилось продирается сквозь заросли покрытого шипами кустарника, который рвал мне одежду и ранил кожу, но я терпел, стиснув зубы. Паника никак не проходила: каждая тень казалась мне затаившейся гремучей змеей. Сейчас я жалел, как никогда, что не умею летать.

Потом совершенно неожиданно сосны расступились передо мной, и я вышел на изумрудно-зеленую поляну. На покрытой рябью поверхности маленького пруда блестели солнечные лучи. В пруду плавала девушка. По-видимому, она только что вошла в воду: намокли только кончики ее длинных золотистых волос. Она ровно и хорошо загорела, на ее руках и плечах во время гребков поблескивали капли воды. Я хотел было окликнуть ее, но вдруг она перевернулась на спину, и я увидел, что она купается абсолютно голой.

Сердце у меня подпрыгнуло, я мгновенно отступил за дерево и затаился, больше всего боясь испугать ее. Лежа на спине, она блаженно бултыхала в воде ногами, маленькие бутоны ее груди виднелись над поверхностью воды. Ничто не прикрывало место между ее длинными и гладкими бедрами. Подглядывать было стыдно, но я смотрел на нее, словно замороженный. Девушка перевернулась на живот и скользнула под воду, потом вынырнула на середине пруда и, откинув тяжелые мокрые волосы со лба, снова перевернулась на спину и медленно поплыла, глядя в голубое небо.

Ситуация сложилась интересная. Голодный, изнывающий от жажды, весь в укусах moskitov, исцарапанный коллочками, я стоял за деревом в лесу в двадцати футах от сверкающего на солнце зеленоватого пруда, в котором плескалась обнаженная золотоволосая девушка, а в это самое время мои родители названивали шерифу и шефу пожарной команды. Я не успел еще толком разглядеть ее лицо, но она явно была старше меня, лет пятнадцати-шестнадцати. Девушка была высокой и стройной; в том, как она держалась на воде, в ее движениях содержалось не детское легкомыслие, а изящество и грация.

На противоположном берегу пруда я заметил ее одежду, лежавшую под деревом, и тропинку, уходившую в лес. Еще раз нырнув, девушка сильно ударила ногами по воде, потом появилась на поверхности и медленно поплыла к своей одежде. Когда ее ноги нащупали скользкое

дно, она встала во весь рост и начала пробираться к берегу. И тогда меня посетил момент истины.

– Подождите! – закричал я.

Девушка обернулась, мгновенно покраснев. Руки ее взметнулись, чтобы прикрыть грудь, и она мигом присела в воду по горло.

– Кто здесь? Кто это сказал?

– Это я звал вас. – Я смущенно появился из своего укрытия. – Извините.

– Кто ты такой? Давно там стоишь?

– Я только что вышел из леса, – ответил я, решив, что невинная ложь в данном случае устроит нас обоих. – И ничего не видел.

Девушка негодуя смотрела на меня, чуть приоткрыв рот. Мокрые волосы волнами раскинулись по плечам. Сквозь листву на ее лицо лился солнечный свет, и даже в гневе она была прекрасна. Удивительно, что ее красота пронзила меня подобно разряду молнии. Мальчик моих лет может посчитать красивым многое: окраску велосипеда, блеск собачьей шерсти, вращение диска йо-йо на нитке, желтый свет полной луны, сочную зелень луга, несколько предстоящих свободных часов. Черты девичьего лица, какими бы правильными они ни были, обычно не входят в этот перечень. Однако в тот момент я начисто забыл о пустом желудке, укусах москитов и царапинах от колючек. На меня смотрела девушка с самым красивым лицом, какое я когда-либо видел. Глядя в ее глаза нежно-василькового цвета, я будто пробудился от долгого сна, вышел из состояния ленивого оцепенения и очутился в мире, о существовании которого даже не подозревал.

– Я заблудился, – наконец выдал я из себя.

– Откуда ты идешь? Ты подсматривал за мной?

– Нет. Я пришел вон отсюда.

Я махнул рукой вглубь леса.

– Ври больше! – презрительно фыркнула девушка. – Никто не живет на этих холмах!

– Да, я знаю.

Она по-прежнему сидела на корточках под водой, обхватив себя за плечи руками. Я видел, что гнев ее постепенно проходит, взгляд смягчается.

– Значит, ты заблудился? – повторила она. – А где ты живешь?

– В Зефире.

– Опять врешь! Зефир – по другую сторону долины!

– Мы с друзьями вчера заночевали в лесу, – объяснил я. – Случилась одна неприятность, и я заблудился в темноте.

– Что за неприятность?

Я пожал плечами:

– За нами погнались какие-то люди.

– И ты думаешь, что я поверю тебе?

– Я говорю правду, клянусь.

– Значит, ты пришел сюда аж из самого Зефира? Должно быть, ты валишься с ног от усталости?

– Так оно и есть.

– Давай-ка отвернись, – приказала она. – И не смей оглядываться, до тех пор пока я не разрешу тебе. Понял?

– Хорошо, – кивнул я и повернулся к ней спиной.

Я слышал, как она выходила из воды, и мысленно представил себе ее всю, обнаженную с головы до ног. Тихо зашуршала одежда. Прошла минута-другая, и она сказала мне:

– Теперь можешь повернуться.

Когда я увидел ее снова, на ней была розовая футболка, джинсы и теннисные туфли.

– Как тебя зовут? – спросила она, откидывая волосы со лба.

– Кори Маккенсон.

– А меня Чили Уиллоу, – представилась она. – Ну что ж, пошли, Кори.

О, как чудесно было слышать свое имя из ее уст!

Я углубился по тропинке в лес вслед за девушкой. Чили была выше меня, ее походка сильно отличалась от манеры ходить, принятой у моих одноклассниц. Ей не меньше шестнадцати, решил я. Шагая за ней следом, я вдыхал ее запах, сравнимый разве что с ароматом росы на свежескошенной траве. Я старался идти за ней след в след. Если бы у меня был хвост, я бы всю им вилял.

– Я живу здесь недалеко, – сказала мне Чили.

– Ясно, – отозвался я.

У обочины пыльной дороги стояла крытая толем лачуга с курятником неподалеку. Посреди заросшего сорняками двора на блоках из шлакобетона стоял ржавый автомобильный кузов. Жилье выглядело даже более жалким и запущенным, чем тот притон, в

котором мой дедушка Джейберд спустил в покер свою последнюю рубашку. Я уже обратил внимание на то, что ее джинсы были обтрепанными и залатанными, а на футболке светились дыры размером с десятицентовик. И вот я увидел ее дом, по сравнению с которым последняя брутонская лачуга выглядела дворцом.

Поднявшись на крыльцо, Чили отворила сетчатую дверь со скрипящими петлями и крикнула в темноту внутри:

– Мама? Смотри, кого я нашла в лесу!

Вслед за Чили я вошел в хижину. Внутри стоял запах сигаретного дыма и зелени с огорода. В кресле-качалке сидела женщина с вязаньем на коленях. Она подняла на меня васильковые глаза, такие же как у красавицы-дочери, только лицо у матери, с потемневшей от тяжелой работы на солнце кожей, покрывали морщины.

– Можешь выбросить его обратно, – отозвалась она.

Спицы снова замелькали в ее руках.

– Он заблудился, – объяснила Чили. – Говорит, что пришел из Зефира.

– Из Зефира? – переспросила женщина. Ее глаза снова обратились ко мне. На ней было голубое платье с вышитыми на груди желтыми узорами и резиновые шлепанцы. – Далековато же ты забрался, паренек.

Голос у женщины был низким и хриплым, словно солнце вместе с кожей высушило и ее легкие. На низеньком столике рядом с креслом-качалкой стояла пепельница, полная окурков, и в ней дымилась наполовину выкуренная сигарета.

– Да, мэм, – согласился я. – Мне очень надо позвонить своим родителям. Нельзя ли воспользоваться вашим телефоном?

– Здесь его нет, – ответила женщина. – У нас тут не Зефир.

– А, ясно. Тогда... не мог бы кто-нибудь отвезти меня домой?

Мать Чили взяла из пепельницы сигарету и, сделав глубокую затяжку, положила ее обратно. Когда она снова заговорила, из ее рта струйкой вился дым.

– На грузовике уехал Билл, но он должен вскоре вернуться.

Мне захотелось узнать, как быстро наступит это «вскоре», но спрашивать об этом выглядело невежливым.

– Можно мне выпить стакан воды? – обратился я к Чили.

– Само собой. И снимай-ка рубашку, она у тебя насквозь промокла. Снимай, не стесняйся.

Я прошел вслед за Чили в темную кухню, расстегнул пуговицы на рубашке и отлепил ее от тела.

– Ты весь исцарапался, – сказала мать Чили, снова выпуская изо рта сигаретный дым. – Достань-ка йод, Чили, и подлечи своего гостя.

– Хорошо, мама, – отозвалась Чили.

Повесив мокрую от пота рубашку на спинку стула, я замер, ожидая, когда наступит мгновение боли и блаженства.

Чили накачала насосом воду, которая булькала и плескалась во все стороны. Я отпил из кружки с Фредом Флинтстоуном^[17] на боку и обнаружил, что вода теплая и имеет коричневатый оттенок. Вкус у нее был какой-то затхлый. Потом лицо Чили Уиллоу оказалось рядом, сладость ее дыхания напоминала аромат роз. В руках она держала ватный тампончик и пузырек с йодом.

– Будет немножко больно, – предупредила она.

– Ничего, этот стерпит, – отозвалась из своей качалки ее мать.

Чили принялась за работу. Боль оказалась острой, потом стала еще сильнее. Я морщился и старался дышать глубже. Боль все усиливалась, а я глядел на лицо Чили. Ее волосы высохли и падали на плечи золотистыми волнами. Она опустилась на колени, красновато-коричневая ватка в ее пальцах оставляла следы того же цвета на моей коже. Мое сердце забилось чаще. Ее светло-голубые глаза встретились с моими, и она улыбнулась мне.

– А ты молодец, – проговорила она.

Я улыбнулся ей в ответ, хотя от боли готов был заплакать.

– Сколько тебе лет, мальчик? – поинтересовалась мать Чили.

– Двенадцать, – ответил я и снова прибег к невинной лжи: – На самом деле мне уже почти тринадцать.

Говоря это, я не сводил глаз с лица Чили.

– А тебе сколько? – спросил я ее.

– Мне? О, я уже почтенная леди. Мне шестнадцать.

– Ты еще учишься в школе?

– Один год отучилась, – ответила она. – Мне этого хватило.

– Ты не ходишь в школу? – Меня потрясло такое известие. – Вот это да!

– Ее школа еще не окончена, – подала голос мать Чили, не переставая вязать. – Школа тумачков, которые раздает жизнь; я ее тоже прошла.

– Ох, мама! – вздохнула Чили.

Сорвавшись с ее губок в форме лука Купидона, эти два слова прозвучали для меня как музыка.

Я позабыл о боли. Для такого мужчины, как я, боль была просто ничем. Я выдержу все, что угодно, – правильно сказала мама Чили. Я окинул взглядом полутемную комнату, обставленную старой обшарпанной мебелью, а потом вновь посмотрел на Чили и словно увидел солнце после долгой ночной бури. Йод безжалостно жег, но прикосновения рук Чили были легки и нежны. Я подумал, что, должно быть, нравлюсь ей, иначе она не стала бы обращаться со мной так заботливо. Я видел ее совсем голой. До этого мне никогда не приходилось видеть обнаженных женщин, если не считать мамы. Я познакомился с Чили совсем недавно, но что значит время, когда говорит сердце? Сейчас мое сердце говорило с Чили Уиллоу, которая смазывала мне царапины йодом и улыбалась. Мое сердце говорило ей: «Если бы ты была моей подружкой, я бы подарил тебе сотню светлячков в банке из зеленого стекла, чтобы ты не сбилась в темноте с пути. Я бы подарил тебе луг, весь в полевых цветах, среди которых не было бы двух одинаковых. Я бы отдал тебе свой велосипед с золотым глазом в фаре, чтобы он защищал тебя. Я бы написал для тебя рассказ, в котором ты стала бы принцессой и жила в замке из белого мрамора. Если бы я знал, что нравлюсь тебе, я бы подарил тебе волшебство. Только скажи, что я тебе небезразличен.

Только скажи...»

– А ты храбрый парень, – сказала мне Чили.

Где-то в дальнем углу хижины заплакал ребенок.

– О господи, – вздохнула мама Чили, откладывая вязанье. – Бубба проснулся.

Она встала и, шлепая своими резиновыми тапками по растресканному дощатому полу, направилась туда, откуда доносился плач.

– Сейчас я его покормлю, – сказала Чили.

– Ничего, не отвлекайся, я сделаю это сама. Билл скоро вернется, и на твоём месте я бы надела колечко – ты же знаешь, как он бесится,

когда ты его снимаешь.

– Да, знаю, – вздохнула Чили.

Ее глаза потемнели. Она приложила ватку к последней моей царапине и закупорила пузырек с йодом:

– Все, дело сделано.

Мать Чили вышла к нам, держа на руках младенца, которому, как видно, не было еще и года. Я остался стоять посреди комнаты, а Чили поднялась с колен и прошла на кухню. Когда она вернулась, на среднем пальце ее левой руки появилось тоненькое золотое колечко. Чили взяла у матери ребенка и стала его укачивать, что-то напевая вполголоса.

– Ужасный плакса, – сказала мать Чили. – Истинное наказание.

Подойдя к окну, она чуть отодвинула легкую занавеску:

– А вот и Билл. Он подкинет тебя до дома, паренек.

Я услышал, как во дворе прогремел грузовик, подъехавший чуть ли не к самому крыльцу. Дверца открылась и с шумом захлопнулась. Вошел Билл, высокий и стройный, с коротко остриженными волосами, карими глазами с тяжелыми веками, лет восемнадцати на вид. На Билле были грязные джинсы и голубая рубашка с пятном машинного масла на груди. Он жевал спичку.

– А это кто такой? – первым делом поинтересовался он.

– Паренька нужно подвезти в Зефир, – ответила Биллу мать Чили. – Он заблудился в лесу.

– Обратно в Зефир я ни за что не потащусь! – отрезал Билл, смерив меня сердитым взглядом. – Чуть не изжарился в этом чертовом грузовике!

– Где ты был? – спросила Билла Чили, укачивая ребенка.

– Чинил мотор у старика Уолша. И если вы думаете, что это было плевое дело, лучше не злите меня.

Бросив взгляд на Чили, Билл прошествовал на кухню. Я заметил, что он смотрел словно сквозь нее, как будто ее и не было здесь вовсе. Глаза Чили угасли и наполнились тоской.

– Деньги-то хоть привез? – окликнула Билла мать Чили.

– Конечно. Вы что, совсем за идиота меня держите? Думаете, я буду задарма работать?

– Нужно свежее молоко для Буббы! – подала голос Чили.

Я услышал, как полилась илистая вода, закачиваемая насосом.

– Черт! – ругнулся Билл.

– Так ты отвезешь паренька в Зефир или нет? – снова спросила мать Чили.

– Нет, – ответил Билл.

– Подержи-ка. – Чили встала, передавая ребенка матери. – Тогда я сама отвезу его.

– Черта с два! – Билл вошел в комнату, держа в руке кружку с изображением еще одного Флинтстоуна, в которой плескалась коричневая вода. – Ты не можешь никуда ехать, потому что у тебя нет водительских прав!

– Я же тебе сказала, что должна...

– Не твоя забота – развозить пацанов по домам, – оборвал ее Билл. Он снова смотрел на Чили, словно не видя ее. – Твое место в доме. Объясните ей, миссис Перселл.

– Я не пою под чужую дудку, – ответила мать Чили.

Отстранив ребенка, которого протянула ей дочь, она снова опустилась в кресло-качалку и, закурив новую сигарету, взялась за вязанье.

Допив коричневатую воду из кружки до дна, Билл поморщился:

– Ладно. Черт с ним. Отвезу его на бензозаправку рядом с авиабазой. Там есть платный телефон.

– Тебя это устроит, Кори? – спросила меня Чили.

– Меня... – Моя голова до сих пор шла кругом от вида золотого колечка на руке Чили. – Вполне.

– Тебе придется согласиться на то, что я тебе предлагаю, иначе я попросту выброшу тебя за дверь, – предупредил Билл.

– У меня нет денег, чтобы позвонить из автомата, – сказал я.

– Слушай, парень, у тебя чертовски жалкий вид, – заявил Билл, возвращаясь с кружкой на кухню. – Тех денег, что я заработал, я тебе точно не дам, можешь не рассчитывать.

Чили засунула руку в карман джинсов.

– У меня тут есть пара монеток, – сказала она, извлекая маленький красный пластиковый кошелек в форме сердечка.

Кошелек потрескался и истрепался; такие обычно покупают маленьким девочкам в магазинах Вулворта за девяносто девять центов. Чили открыла защелку кошелька. Я увидел внутри несколько монет.

– Мне хватит десятицентовика, – торопливо сказал я.

Чили протянула мне дайм с головой Меркурия на обратной стороне, я взял у нее монетку и засунул в карман. Она подарила мне улыбку, что само по себе стоило целого состояния.

– Счастливо добраться до дома.

– Больше не заблужусь.

Я взглянул на личико ребенка и увидел, что у него такие же красивые васильковые глаза, как у Чили.

– Если идешь, пошли, – сказал Билл, проходя мимо меня к двери.

Свою жену и ребенка он даже не удостоил взглядом. Он вышел на улицу, крепко хлопнув дверью, и я услышал, как зафыркал мотор пикапа.

Я просто не мог оторваться от Чили Уиллоу. Позже, по прошествии многих лет, я услышал о «химии», неких флюидах, что возникают между людьми, и узнал, что это означает. Отец рассказал мне, как это бывает у птиц и пчел, но тогда я уже многое узнал от своих одноклассников. А в тот миг я ощущал лишь невыносимую тоску и страстное желание быть старше, выше, сильнее и красивее, чтобы решиться поцеловать губы на этом милом лице. И еще мне хотелось, чтобы время повернуло вспять и чтобы она не держала на руках ребенка от Билла. В тот момент я хотел сказать ей только одно: «Ты должна была дожидаться меня».

– Тебе пора домой, мальчик, – сказала мне миссис Перселл.

Она внимательно рассматривала меня. Спицы замерли в воздухе, и я задался вопросом, не догадывается ли она, что творится в моей голове.

Никогда мне не суждено больше переступить порог этого дома. Никогда больше я не увижу Чили Уиллоу. Я точно знал это и потому пожирал ее глазами, пока мог.

На улице Билл надавил на гудок. Бубба снова заплакал.

– Спасибо, – сказал я Чили, взял свою мокрую рубашку и вышел из дома на солнцепек.

Борта ядовито-зеленого пикапа Билла несли на себе вмятины, а кузов заметно заваливался на левую сторону. На зеркале заднего вида болталась пара игральные кости из красного бархата. Я уселся рядом с водительским местом, пружины больно впились мне в зад. На полу машины стоял ящик для инструментов, валялись мотки проволоки. Все окна были опущены, но в кабине стоял устойчивый запах пота и чего-то тошнотворно сладкого, что я впоследствии стал связывать с крайней

бедностью. Я оглянулся и увидел, что Чили вышла на крыльцо с ребенком на руках.

– Билл, пожалуйста, на обратном пути зайди в магазин и купи Буббе молока! – крикнула Чили.

В затхлом полумраке хижины я заметил мать Чили – она тоже стояла и смотрела нам вслед. Внезапно я понял, что обе женщины очень похожи друг на друга, хотя мать сильно изменилась под гнетом времени и обстоятельств. Как я догадывался, ей пришлось пережить немало горестей и разочарований. Я искренне надеялся, что Чили удастся избежать столь тяжкого жизненного пути, что она не запрет свою улыбку на замок, потеряв ключ от него.

– Пока! – крикнула мне Чили.

Я помахал в ответ. Билл отъехал от дома и вывел пикап на дорогу. Между Чили Уиллоу и мной поднялись клубы пыли.

Нам пришлось проехать не меньше мили, прежде чем на дороге появился асфальт. Билл, молчавший всю дорогу, высадил меня у заправки возле авиабазы. Только когда я выбрался наружу, он бросил:

– Когда подрастешь, паренек, трижды подумай, прежде чем сунуть куда-нибудь свой стручок.

Билл укатил, а я остался стоять один посреди раскаленной солнцем дороги.

Боль ничего не значила для такого человека, как я.

Хозяин бензозаправки показал мне телефон-автомат. Уже взяв в руку дайм с головкой Меркурия, чтобы опустить его в щель автомата, я передумал – не мог расстаться с дорогой мне монеткой. Ведь совсем недавно эти десять центов лежали в кошельке Чили Уиллоу. Я просто не мог бросить эту монету в телефон, поэтому попросил у хозяина бензоколонки дайм взаймы, пообещав, что мой отец вернет ему деньги.

– У меня здесь не банк, – недовольно сказал хозяин, но монетку мне все-таки выдал, взяв ее из ящика кассы.

В следующий миг монета провалилась в щель телефона. Я набрал свой номер. Мама сняла трубку со второго звонка.

Примерно через полчаса за мной прикатили родители. Я ожидал худшего, но мама чуть не задушила меня в объятиях, а отец с улыбкой потрепал по затылку. Я понял, что это хороший знак. По дороге домой я узнал, что Дэви Рэй и Бен добрались до Зефира сегодня в семь часов

утра. Они рассказали шерифу Эмори всю приключившуюся с нами историю, а также то, что два человека в масках купили в лесу у главы клана Блэйлок, Большого Дула, что-то в деревянном ящике, после чего Блэйлоки гнались за нами по лесу.

– Люди в масках – это мистер Харджисон и мистер Моултри, – сказал я.

Мне тут же стало неловко, потому что я вспомнил, как мистер Харджисон спас нас во время памятной стычки с Брэнлинами. Но как бы то ни было, шерифу следовало узнать обо всем случившемся.

Мы проехали мимо авиабазы. Казармы, взлетно-посадочные полосы и ангары обнесены высоким забором из металлической сетки, поверх которого натянута колючая проволока. Дальше мы покатали по дороге, идущей вдоль леса, по пути миновав поворот к дому с дурными девушками. Когда мы проезжали мимо озера Саксон, отец едва заметно сбросил скорость, но даже не взглянул на него. Опушка, где я видел человека в длинном пальто, теперь заросла высокой травой, и точно определить это место стало невозможно. Как только озеро осталось позади, отец снова прибавил скорость.

Когда мы вернулись домой, я оказался в центре внимания. Я съел большой стакан шоколадного мороженого и все печенье «Орео», которое нашел на кухне. Отец называл меня «приятелем» и «компаньоном» чуть не через слово. Бунтарь в восторге облизывал мне все лицо. Я вырвался из чащи леса и теперь пребывал в полном порядке.

Само собой, родители захотели узнать подробности о моих похождениях, в том числе и о девушке, которая так заботливо смазала йодом мои царапины. Я назвал ее имя, сказал, что ей шестнадцать лет и что она прекрасна, как Золушка из мультика Уолта Диснея.

– Похоже, наш парень втрескался в лесную красавицу по уши, – подмигнул маме отец.

Я хмыкнул и отозвался:

– У меня нет времени на каких-то старых девиц!

Но уснул я на диване с десятицентовиком в кулаке.

Под вечер в субботу к нам заглянул шериф Эмори. Он уже успел побывать у Дэви Рэя и Бена, а теперь настала моя очередь отвечать на его вопросы. Мы уселись на крыльце, Бунтарь улегся у моих ног и лишь иногда поднимал голову, чтобы лизнуть мне руку, а тем временем

где-то за горизонтом в темнеющих тучах ворчал гром. Шериф Эмори внимательно выслушал мой рассказ о деревянном ящике. Когда же я заявил, что узнал двоих людей в масках – то были мистер Джеральд Харджисон и мистер Дик Моултри, – шериф сказал:

– Ты уверен, что это были именно они? Ведь ты не видел их лиц?

– Блэйлок Большое Дуло назвал толстого Диком, и потом я видел окурок, который выбросил мистер Харджисон, – тех самых сигар с белым пластиковым мундштуком, что он курит.

– Ясно.

Шериф кивнул, но его лицо с выступающим подбородком осталось бесстрастным.

– Дело в том, Кори, что в городе есть немало мужчин, которые курят такие сигары. И если Большое Дуло назвал кого-то Диком, это не обязательно Дик Моултри.

– Это были они, – твердо ответил я. – Уверен в этом.

– Дэви Рэй и Бен сказали, что они не узнали людей в масках.

– Может быть, и так, сэр, но я-то узнал.

– Ну хорошо, я выясню, где были Дик и Джеральд прошлой ночью около одиннадцати. Дэви Рэй и Бен сказали, что вряд ли смогут найти то место, где вы видели Блэйлоков и тех двоих. А ты сумеешь его отыскать?

– Не знаю, сэр, это будет трудновато. Я точно помню, что это произошло возле лесной дороги.

– Ага. Проблема в том, что на холмах в лесу уйма тропинок и дорог для вывозки леса. Ты не видел, что там у них было в этом ящике?

– Нет, сэр. Зато я слышал, что содержимое этого ящика поможет кое-кому отправиться прямо в ад бить чечетку, так сказал мистер Харджисон.

Шериф Эмори нахмурился. В его темных глазах блеснула искра неподдельного интереса.

– Что он, по-твоему, имел в виду, когда так говорил?

– Не знаю. Но Большое Дуло сказал, что он добавил туда пару штук на всякий случай.

– Штук чего?

– Не знаю, сэр.

Я увидел вспышку молнии на горизонте от неба до самой земли.

– Вы теперь будете искать Блэйлока Большое Дуло, чтобы допросить его?

– Большое Дуло, – ответил мне шериф, – человек-невидимка. Я много слышал о том, что вытворяют он и его сыновья, но ни разу в жизни его не видел. Думаю, он скрывается где-то в лесу – возможно, неподалеку от того места, где вы его видели.

Шериф Эмори тоже наблюдал за молниями. Пальцы его больших рук были сплетены, костяшки нервно двигались.

– Если бы мне удалось подловить одного из его сыновей на какой-нибудь проделке, то, возможно, я смог бы выкурить Большое Дуло из его норы. Сказать по правде, Кори, в нашем городе у полиции всего один сотрудник, это я. Округ выделяет шерифу очень скромные средства. – Он грустно улыбнулся. – Я получил эту работу только потому, что ею не хотел заниматься никто другой. Жена чуть ли не каждый день уговаривает меня бросить это занятие и вернуться к тому, чем я занимался раньше: красить дома.

Шериф пожал плечами.

– Что ж, – заключил он, прогоняя невеселые мысли, – весь город боится Блэйлоков, в особенности Большого Дула. Можно, конечно, прочесать лес, но вряд ли удастся собрать для этого больше пяти-шести человек. Прежде чем мы найдем его, Большое Дуло узнает о наших планах и предпримет ответные шаги. Ты понимаешь, в чем трудность, Кори?

– Да, сэр. Блэйлоки сильнее закона.

– Они не сильнее закона, – поправил шериф. – Просто меньше стесняются в средствах.

Гроза приближалась. Ветер гнул вершины деревьев. Бунтарь поднялся и стоял, нюхая воздух.

Шериф Эмори встал со стула.

– Мне пора идти, – сказал он. – Спасибо за помощь.

В сумеречном свете приближавшейся грозы Эмори казался старым и обремененным заботами, он слегка сутулился. Заглянув в дом, шериф попрощался с моими родителями. Отец вышел на крыльцо, чтобы пожать ему руку.

– Впредь будь осторожен, Кори, – сказал мне Эмори, и вместе с отцом они направились к машине шерифа.

Я сидел на крыльце и гладил Бунтаря, а отец с шерифом поговорили еще несколько минут. Когда тот наконец уехал, отец вернулся на крыльцо. Его лицо тоже показалось мне усталым, словно что-то тяготило его.

– Пойдем в дом, приятель, – сказал он мне, открывая дверь, – сейчас начнется дождь. Негоже сидеть в такую грозу на улице.

Ветер завывал всю ночь напролет. Дождь стучал в окна, а молнии выписывали над городом зигзаги, словно волшебник что-то писал пальцем на небе.

В ту ночь я впервые увидел сон о четырех девушках-негритянках, одетых в праздничные наряды, в начищенных туфлях. Девушки стояли под деревом с облетевшей листвой и раз за разом повторяли мое имя. Снова и снова, без конца.

Глава 9

Конец лета

Август медленно умирал, а с ним умирало и лето. Впереди ждала школа, долгие дни учебы в обрамлении золотой осени, строгость и порядок, пришедшие на смену летней вольнице.

Это случилось в последние дни лета: я узнал, что шериф Эмори побывал у мистера Харджисона и мистера Моултри. Жены и того и другого клятвенно заверяли шерифа, что всю ту ночь, когда мы втроем лежали в кустах у дороги ни живы ни мертвы, их мужья провели дома и никуда не выходили. Шериф был бессилен сделать что-либо еще; ведь, в конце концов, я не видел лиц тех людей в масках, которым передал деревянный ящик Большое Дуло.

В сентябре в моем почтовом ящике появился новый номер «Знаменитых монстров». На конверте с моим именем были размазаны зеленые сопли.

Однажды утром мама сняла трубку телефона и позвала:

– Кори, тебя!

Я взял у мамы трубку. На другом конце линии оказалась миссис Эвелин Пратмор. Она известила меня, что на литературном конкурсе, устроенном Советом по делам искусств города Зефира, я занял третье место в номинации коротких рассказов, о чем будет свидетельствовать именная пластинка, которую мне вручат. Она звонила, чтобы предупредить меня, что мне предстоит прочитать свой рассказ на церемонии награждения в библиотеке во вторую субботу сентября.

Я буквально лишился дара речи. Пробормотав: «Да, хорошо, мэм», я положил трубку на рычаг. Первым моим чувством была безудержная радость, от которой я чуть не воспарил к потолку, а вторым – панический ужас, от которого я едва не рухнул на пол. Мне придется прочитать свой рассказ перед всеми? Вслух? Перед полным залом людей, которых я едва знаю?

Мама успокоила меня. Это было частью ее работы, с которой она хорошо справлялась. Мама сказала, что у меня еще предостаточно времени, чтобы как следует потренироваться, что она очень гордится

мною и ужасно рада моему успеху. Она немедленно позвонила отцу на работу, и он сказал, что сегодня привезет мне в награду две бутылки холодного шоколадного молока. После этого я сообщил по телефону новость Джонни, Дэви Рэю и Бену. Они тоже поздравили меня, сказав, что третье место на конкурсе – это классно, но, уловив дрожь в моем голосе, поиграли у меня на нервах, представляя на разные лады, как я буду выглядеть, читая вслух свой рассказ.

«Что, если на твоей ширинке сломается молния и тебе не удастся ее застегнуть?» – спросил Дэви Рэй. «Что, если твои руки начнут трястись так, что ты не сумеешь удержать свое сочинение?» – спросил Бен. «А вдруг ты откроешь рот и не сможешь произнести ни слова?» – спросил Джонни.

И это мои друзья! Кто лучше их знает, как сбросить тебя с пьедестала?

За три дня до начала школьных занятий стоял отличный ясный день: по небу плыли кудрявые облака, а с юга дул теплый ветерок. Мы подъехали на великах к бейсбольному полю, привязав перчатки шнурками к рулю. Мы заняли позиции вокруг поля, заросшего за лето сорной травой. Взглянув на табло, мы убедились, что не только наша команда младшей лиги терпит бедствие: команда взрослых «Перепела» тоже продула 0 : 5 «Хайфлайерс», команде военно-воздушной базы. Стоя в высокой траве и перебрасываясь мячиком, мы с грустью рассуждали о том, что лето подходит к концу. Однако в глубине души мы с радостью предвкушали начало учебного года, потому что свобода уже... как бы это сказать, несколько приелась. Мы уже были готовы к тому, что на нас накинута узду, а следующим летом мы снова сможем полетать всласть.

Мы бросали фастболы, делали финты, высоко отбивали мяч вверх, посылали его низом. Бен совершал такие сильные подачи, которые мало кому удавались, а Джонни пускал крученный так, что, перед тем как влететь в перчатку, мяч делал «рыбий хвост». Увы, все мы были свергнутыми королями. Ну что ж, новый сезон всегда впереди.

Мы тренировались уже минут сорок и хорошо пропотели, когда Дэви Рэй крикнул:

– Эй, смотрите-ка, кто идет!

Мы дружно оглянулись. Глубоко засунув руки в карманы джинсов, через траву к нам брел Немо Керлисс. Он был таким же тощим, с

молочно-белой кожей даже в конце лета. Мать явно держала его на коротком поводке.

– Привет! – крикнул я.

– Привет, Немо! – подхватил Дэви Рэй. – Иди к нам, сделай пару бросков!

– Отлично! – подал голос Джонни без особого энтузиазма: он хорошо помнил отбитые пальцы. – Может быть, на этот раз Бен попробует принимать твои подачи!

Немо грустно покачал головой с потупленным взором. Пройдя через поле мимо Джонни и Бена, он направился ко мне в «дом», на основную базу. Когда он остановился передо мной и поднял лицо, я увидел, что он плачет. Следы от слез блестели на его щеках, глаза за толстыми стеклами очков выглядели красными и распухшими.

– Что случилось? – с тревогой спросил я. – Кто-то обидел, избил тебя?

– Нет, – всхлипывая, ответил он. – Прошто я... я...

К нам подошел Дэви Рэй с бейсбольным мячом в руке:

– Что случилось, Немо? Ты плачешь?

– Я...

Немо всхлипнул. Он изо всех сил пытался взять себя в руки, но у него ничего не получалось.

– Я уешаю, – наконец выдавил из себя он.

– Уезжаешь? – Я нахмурился. – Но куда?

– Прошто уешаю. Уешаю иж города... – Немо махнул своей тощей рукой в неопределенном направлении. – Мы переешаем.

К нам в «дом» подошли Джонни и Бен. Так мы и стояли кружком вокруг Немо, который всхлипывал, поминутно вытирая нос. Бен не смог долго это выносить и, отойдя в сторону, принялся пинать ногами камешки.

– Я зашел к тебе домой, Кори, чтобы попрощаться, но твоя мама шкажала, что ты на бейсбольном поле, – объяснил мне Немо. – Я прошто хотел попрощаться.

– Ясно. А куда вы едете? Навестить кого-то? – спросил я.

– Нет.

Новые потоки слез заструились по лицу Немо. Смотреть на это было тяжело.

– Мы переешаем в другой город, Кори.

– Переезжаете? Куда же?

– Не жнаю. Куда-то далеко отсюда.

– Господи, – протянул Джонни. – Да вы всего-то лето в Зефире и прожили!

– Мы надеялись, что в следующем году ты будешь играть в нашей команде! – воскликнул Дэви.

– Вот именно, – подхватил я. – Ты же должен был пойти в нашу школу.

– Нет, – покачал головой Немо, и я отчетливо увидел в его распухших глазах невыносимую муку. – Жавтра мы уешаем.

– Завтра? Куда вы так торопитесь?

– Так шкажала мама. Жавтра мы уешаем. Туда, где папа шможет продавать рубашки.

Рубашки. Вот в чем дело. Рубашки. Никто в Зефире не носит хорошо сшитые белые рубашки. Я сомневался, что они пользовались большим спросом хотя бы в одном городе, куда привозил жену, сына и свои образчики ткани мистер Керлисс. Не думаю, что где-нибудь нашлось бы такое место.

– Я не шмог...

Немо поднял на меня глаза. От боли в его взгляде у меня защемило сердце.

– Я так и не шмог... жавешти себе друзей, – сказал он. – Потому что мы вше время переешали.

– Мне жаль, Немо, – сказал я. – Очень жаль, что тебе приходится переезжать.

Под влиянием внезапного порыва я вытащил из своей бейсбольной перчатки мяч и протянул его Немо.

– Вот, возьми, – сказал я ему. – Сохрани его, чтобы иногда вспоминать о приятелях, которые остались у тебя здесь, в Зефире. Ладно?

Мгновение Немо колебался. Потом протянул свою волшебную руку и схватил мяч тощими пальцами, принимая подарок. Вот тут Джонни проявил себя истинным джентльменом: мяч принадлежал ему, но он не сказал ни слова против.

Немо вертел мяч в руках, перекладывая из ладони в ладонь, и я видел отражение красных швов мячика в стеклах его очков. Он

рассматривал этот мяч с таким вниманием, словно это был магический кристалл.

– Я хочу оштатшя ждещ, ходить в школу, иметь друзей, – тихо проговорил Немо. Из носа у него по-прежнему текло, и он чихнул. Потом снова посмотрел на меня. – Я хочу жить как вше. Мне до шмерти хочетшя оштатшя ждещ ш вами.

– Может, когда-нибудь вы вернетесь, – подал голос Джонни, но это прозвучало слабым утешением. – Может быть, ты сможешь...

– Нет, – перебил его Немо. – Мы никогда не вернемшя. Никогда, даже на один-единштвенный день.

Немо повернулся лицом к дому, который ему предстояло так скоро покинуть. По его щеке скатилась слеза и, дрожа, повисла на подбородке.

– Мама говорит, что папа должен продавать рубашки, чтобы у наш были деньги. По ночам она иногда кричит на него, называет ленивым и говорит, что не должна была выходить жа него жамуж. А он вше отвечает ей: «Вот подожди, в шледующем городе мне непременно повежет».

Немо снова посмотрел на меня. В это мгновение выражение его лица изменилось. Он по-прежнему плакал, но теперь в его глазах пылал гнев такой силы, что мне пришлось отступить на шаг, чтобы жар его ярости не опалил меня.

– В шледующем городе у наш шнова не будет удачи, – продолжал он. – Мы так и будем переешать иж города в город, и мама будет кричать на него по ночам, а папа будет говорить, что в шледующем городе нам обязательно повежет. Но все это ложь.

Немо замолчал. Теперь в нем говорил только гнев: пальцы крепко стиснули мяч, костяшки побелели, а глаза уставились в никуда.

– Нам будет не хватать тебя, Немо, – сказал я.

– Да, – подхватил Джонни. – Ты хороший парень.

– Когда-нибудь и ты пойдешь в гору, Немо, – уверил его Дэви Рэй. – Когда доберешься до вершины, ты еще всем покажешь, чего стоишь. Ты мне веришь?

– Верю, – отозвался Немо, но в его голосе не было убежденности. – Мне ужашно не хочетшя...

Он умолк. Слова не имели смысла: Немо был всего лишь маленьким мальчиком и должен был идти домой.

Стиснув в руке бейсбольный мячик, Немо направился через поле домой.

– Счастливо! – крикнул я ему, но он ничего не ответил.

Я попытался представить, какая у Немо жизнь: игра, для которой ты рожден, для тебя запретна; тебе приходится сидеть взаперти то в одном, то в другом доме в разных городах и жить там ровно столько, чтобы тебя успели поколотить местные хулиганы, но недостаточно долго для того, чтобы успеть сойтись со сверстниками, которые так и не узнают, что за мальчик скрывается под бледной кожей, натянутой на тощий костяк, что таится за шепелявым ртом, за толстыми стеклами очков. Я бы не вынес такой муки.

Немо закричал.

Крик вырвался из него с такой силой, что мы едва не подпрыгнули от неожиданности. Потом крик превратился в пронзительный вой, тоскливый и жалобный, он поднимался все выше и выше. Немо обернулся – сначала только голова, потом плечи и торс, – и я увидел его расширенные, полные ярости глаза и стиснутые зубы. Правая рука с мячом мелькнула в стремительном замахе, превратившись в размытое пятно, позвоночник щелкнул как хлыст – и Немо запустил мяч прямо в небо, почти вертикально вверх.

Я видел, как летит мяч, как он уносится в небо и становится темной точкой. Потом его поглотило солнце.

Немо упал на колени – крик и бросок, по-видимому, отняли у него последние силы. Он щурился, очки криво сидели на его носу.

– Лови его! – крикнул Дэви Рэй, глядя в небо. – Вон он падает!

– Где? – спросил Джонни, выставляя вверх свою перчатку.

– Где ты его видишь? – спросил я, шагнул в сторону и попытался разглядеть мяч в сияющей голубизне.

Бен тоже смотрел вверх. Его рука в перчатке висела вдоль туловища.

– С ума сойти, – тихо проговорил он, – мяч *исчез*.

Мы ждали, глядя в небо.

Мы ждали, держа перчатки наготове.

Мы ждали.

Я взглянул на Немо. Он поднялся с земли и шел к дому, не быстро и не медленно, просто ему уже все стало безразлично. Он знал, что ждет его в следующем городке и в другом, куда они переедут потом.

– Немо! – позвал я.

Но он продолжал идти, не оглядываясь.

А мы ждали мяч, когда же он упадет к нам с небес.

Потом уселись на красную глинистую землю и смотрели на небо, где плыли кудрявые облака, а солнце склонялось к западу.

Все молчали. Никто не знал, что говорить.

Впоследствии Бен высказал предположение, что мяч, скорее всего, снесло в сторону ветром и он упал в реку. По мнению Джонни, мяч угодил в гущу птичьей стаи, изменил траекторию и потерялся. Дэви Рэй настаивал на том, что в самом мяче крылся какой-то дефект и что он, стремительно взлетая к небесам, просто разлетелся на куски, а мы не разглядели, как его обшивка и внутренности упали на землю.

А что думал я?

Я просто верил.

Мало-помалу сгустились сумерки. Мы с друзьями оседлали велосипеды и разъехались с бейсбольного поля по домам, распрощавшись с нашими летними мечтами. Наши взоры теперь обратились в сторону осени. Я собирался вскоре рассказать кому-нибудь свой сон о четырех черных девушках, которые звали меня по имени, стоя под деревом с облетевшей листвой. Кроме того, мне предстояло прочитать перед целым залом свой рассказ о человеке, лежащем на дне озера Саксон. Нужно было также выяснить, что находилось в деревянном ящике, который Блэйлок Большое Дуло продал ночью на лесной дороге людям в белых масках за четыреста долларов.

Мне предстояло помочь моему отцу обрести спокойствие.

Мы, четверо друзей, катили вперед, нажимая на педали; за нашими спинами ревел ветер, и все дороги вели нас к будущему.

Часть третья. Огонь осени

Глава 1

Шляпа с зеленым пером

– Кори?

Делаю вид, что не слышу зловещего шепота.

– Кори?

Нет уж, дудки. Я не собираюсь оборачиваться. У доски миссис Юдит Харпер, известная как Гарпия или Луженая Глотка, объясняет нам правила деления дробей. Для меня арифметика всегда являлась путешествием в Сумеречную зону, а что касается деления дробей, то его можно было сравнить с выпадением за пределы реальности.

– Кори? – снова раздался у меня за спиной шепот. – У меня на пальце здоровенная зеленая козявка, слышишь?

«Господи, – кричу я про себя, – только не это!»

– Если ты сейчас же не повернешься и не улыбнешься мне, я вытру ее о твою шею.

Шел четвертый день школы. С самого начала занятий я понял, что учебный год предстоит долгий и тяжелый, а все потому, что какой-то идиот объявил Демона «одаренным ребенком» и добился ее перевода с перескоком одного класса, где перст непредсказуемой судьбы в лице миссис Харпер, установившей схему рассадки учеников «мальчик, девочка, мальчик, девочка», указал Демону место прямо за моей спиной.

Но самое плохое заключалось в том (рассказывая мне об этом, Дэви Рэй покатывался со смеху), что Демон втрескалась в меня по уши, словно мартовская кошка.

– Кори? – продолжала настаивать она.

Я вынужден был обернуться. В прошлый раз, когда я попытался послушаться Демона, она нарисовала мне слюнями на шее сердечко.

Бренда Сатли широко улыбалась, ее огненно-рыжие сальные волосы торчали лохмами, в шальных глазах светилось лукавство. Она продемонстрировала мне свой указательный палец с черной каемкой грязи под ногтем, но козявки на нем не было.

– Попался, – прошептала Демон.

– Кори Джей Маккенсон! – разнесся под сводами класса рев Луженой Глотки. – Повернись сию же секунду!

Я повиновался, в душе кляня себя за свою слабость. Вокруг слышалось предательское хихиканье – все знали, что Гарпия не удовлетворится этим внешним проявлением покорности.

– Итак, Маккенсон, я вижу, ты уже усвоил деление дробей? – спросила Гарпия, уперев руки в боки, широкие, как танк бригады Паттона^[18]. – Тогда почему бы тебе не выйти к доске и не продемонстрировать нам свое умение?

С этими словами она протянула мне ненавистный желтоватый кусочек мела.

Окажись я преступником, приговоренным к смерти, прогулка от камеры к электрическому стулу стала бы для меня меньшим испытанием, чем путь к мелку в руке миссис Харпер, а затем к неотвратимой классной доске.

– Отлично, – сказала она, глядя на то, как я застыл у доски с понуро опущенными плечами и поникшей головой. – Запиши такие дроби. – И она выпалила их одним духом.

Я едва успел записать то, что она диктовала, даже мел сломался. Нельсон Биттнер хихикнул и через несколько секунд оказался у доски в качестве моего товарища по несчастью.

Все знали: миссис Харпер лобовой атакой не одолеть. Никому еще не удавалось овладеть ее бастионами в один молодецкий наскок, испустив победный клич над поверженными учебниками математики. Предстояла долгая и хитроумная кампания: дуэли снайперов, расстановка мин-ловушек, кропотливое прощупывание для выявления слабых сторон неприятеля. Все мы были уже достаточно умудренными бойцами и точно знали, что у всех без исключения учителей есть свое уязвимое место: некоторые сходят с ума при виде челюстей, перемальвающих жвачку, иные не выносят хихиканья за спиной, другие бесятся от повторяющегося скрипа или шарканья обуви по линолеуму. Пулеметный кашель, ослиное фырканье, рулады прочищаемых глоток, стрельба жеваной бумагой из трубочек в классную доску – в борьбе со зверствующими учителями шел в ход весь арсенал, любые средства были хороши. Может быть, нам даже придется прибегнуть к помощи Демона и уговорить ее принести в класс какую-нибудь вонючую дохлятину в коробке из-под ботинок или

как следует чихнуть, как она, Демон, это умеет: с соплями, лентами вылетающими из ее талантливых ноздрей... В общем, выкинуть что-нибудь эдакое, чтобы у Гарпии зашевелились на голове ее кудряшки.

– Неправильно, неправильно, опять неправильно! – криками прокомментировала Луженая Глотка мои жалкие попытки справиться с делением дробей. – Иди на место, дубина, и впредь внимательно меня слушай!

Я угодил между двух огней – Луженой Глоткой и Демоном, и небо у меня над головой стало с овчинку.

В три часа раздался долгожданный звонок с последнего урока. Я обсудил с Дэви Рэем, Беном и Джонни события дня и поколесил к дому, поглядывая на темное небо, предвещающее пасмурную погоду. Я зашел на кухню за печеньем и увидел там маму – она чистила плиту.

– Кори, – сказала мама, – минут десять назад звонила женщина из мэрии. Мэр Своуп просил, чтобы ты зашел к нему.

– Мэр Своуп? – Моя рука с печеньем «Лорна Дун» замерла на полпути ко рту. – Что ему от меня нужно?

– Его секретарша не сказала, в чем дело, но, очевидно, что-то важное.

Мама с тревогой взглянула в окно:

– Собирается гроза. Подожди часок, вернется папа и подбросит тебя на машине.

Ну уж нет, я просто места себе не находил от любопытства. Что мэру Своупу нужно от меня? Пройдя к окну мимо мамы, продолжавшей чистить плиту, я оценивающе взглянул на небо, где действительно собирались тучи.

– Думаю, что успею до того, как начнется дождь, – сказал я.

Оторвавшись от плиты, мама еще раз взглянула на небо и нахмурилась:

– Ну, не знаю. Если начнется дождь, ты весь промокнешь.

Я пожал плечами:

– Я успею.

Мама заколебалась. Боязливый характер не давал ей покоя. Я знал, что со времен моего похода в лес с ночевкой она борется с собой, старается не трястись надо мной так сильно. Хотя я и заблудился в лесу, но доказал, что умею выживать в условиях дикой природы, преодолевать трудности.

Наконец мама, вздохнув, проговорила:

– Ладно, иди.

Взяв еще пару печенюшек, я вышел на крыльцо.

– Если ливень будет сильный, лучше пережди там! – крикнула мне вслед мама. – Слышишь меня?

– Слышу! – отозвался я и покатил, оседлав Ракету.

Похрустывая печеньем, я немного отъехал от дома, но тут Ракета вздрогнула, и руль ощутимо дернулся влево. Подняв голову, я увидел впереди себя Брэнлинов, неторопливо ехавших бок о бок на своих черных велосипедах в одном направлении со мной и потому не видевших меня. Повинуясь мудрому совету Ракеты, я свернул налево на ближайшем же перекрестке, решив добраться окольным путем.

Когда я подъехал к готическому зданию суда из темного камня, находившемуся в конце Мерчантс-стрит, в вышине уже ворчал гром и начинало накрапывать. Первые капли дождя пронзили меня холодом – лето с теплыми ливнями осталось позади. Приковав Ракету цепью к пожарному гидранту, я вошел в здание. Там пахло плесенью, словно в сыром подвале. Табличка на стене извещала, что офис мэра Своупа находится на втором этаже. Я направился вверх по широкой лестнице, мимо высоких окон, сквозь которые с улицы лился мрачный синеватый предгрозово́й свет. Наверху лестницы перила из черного орехового дерева были увенчаны тремя горгульями, скрестившими свои чешуйчатые ноги и переплетшими на груди когтистые лапы. На стене висел старый рваный флаг Конфедерации и стояли шкафы со стеклянными дверцами, где была выставлена серая военная униформа, порядочно изъеденная молью. Над моей головой, там, куда можно было добраться только по лестнице, виднелся стеклянный купол, темневший по мере того, как усиливались раскаты грома, которые резонировали, словно в колоколе.

Я шел длинным коридором, пол которого был выстлан квадратами из черного и белого линолеума. По обе стороны находились различные офисы: бюро по выдаче водительских удостоверений, налоговый департамент округа, суд по делам о наследствах, завещаниях и опеке, дорожный суд и тому подобное. Стелянные двери кабинетов были закрыты, свет погашен. Только однажды я встретил темноволосого мужчину в голубом галстуке-бабочке: он запира́л на ключ дверь из рифленого стекла с табличкой «Ремонт водопровода и канализации».

Заперев дверь ключом, висевшим на позвякивающей связке, он взглянул на меня.

– Могу я чем-то помочь вам, молодой человек? – обратился он ко мне.

– Мне нужно к мэру Своупу, – ответил я.

– Его кабинет в конце коридора.

Мужчина взглянул на карманные часы:

– Возможно, его уже нет на месте. В три тридцать почти все расходятся.

– Благодарю вас, – сказал я и пошел по коридору дальше.

Я слышал, как за спиной у меня звякнули ключи и каблучки мужчины застучали по направлению к лестнице. На ходу он насвистывал совершенно незнакомый мне мотивчик.

Я прошел мимо зала совещаний городского совета и кабинета мирового судьи – в обоих помещениях не горел свет – и наконец остановился перед большой дубовой дверью с медными буквами «ОФИС МЭРА». Я не знал, постучать мне или нет, – звонка рядом с дверью не обнаружилось. Пытаясь разрешить вопрос этикета, я немного помедлил, а снаружи уже всюду бушевала гроза. Потом постучал кулаком в дверь.

Через пару секунд она открылась. Передо мной стояла женщина в очках с роговой оправой и волосами серо-стального цвета, уложенными в высокую прическу. Ее лицо было словно высечено из гранита и составлено из прямых граней и острых углов. Ее брови вопросительно поднялись.

– Я пришел... Мэр Своуп просил меня зайти, – пролепетал я.

– Ах вот как! Ты, должно быть, Кори Маккенсон?

– Да, мэ.м.

– Тогдаходи.

Женщина открыла дверь шире, и я проскользнул внутрь мимо нее. На мгновение я погрузился в облако фиалкового запаха то ли духов, то ли лака для волос. Я оказался в приемной мэра, где на полу лежал красный ковер, стоял письменный стол, а вдоль стены были расставлены стулья и журнальная стойка. Одну из стен украшала карта Зефира с пожелтевшими краями. На письменном столе стояли лотки для входящих и исходящих бумаг, аккуратная стопка документов, фотография в рамке: улыбающаяся молодая женщина, мужчина и

ребенок между ними, а также табличка с надписью «МИССИС ИНЕС ЭКСФОРД» и внизу, буквами поменьше, «секретарь мэра».

– Присядь, пожалуйста, на минутку.

Миссис Эксфорд прошла через комнату к другой двери. После ее тихого стука из-за двери донесся голос мэра, как всегда звучавший так, словно Своуп набрал каши в рот:

– Да?

Миссис Эксфорд отворила дверь.

– Мальчик пришел, – сказала она.

– Благодарю вас, Инес.

Я услышал, как в соседней комнате скрипнуло кресло.

– На сегодня у нас все, – продолжал мэр. – Идите домой.

– Ему можно пройти к вам?

– Через пару минут я сам приглашу его.

– Хорошо, сэр. Э-э-э... Вы уже подписали заявку на новые светофоры?

– Я хочу еще разок просмотреть бумагу, Инес. Завтра с утра первым же делом займусь этим.

– Хорошо, сэр. Тогда я пойду, пожалуй.

Выйдя из кабинета мэра, миссис Эксфорд затворила за собой дверь и, повернувшись ко мне, сказала:

– Мэр сам позовет тебя через пару минут.

Я принялся ждать. Миссис Эксфорд тем временем заперла свой стол, поправила фотографию. Потом в последний раз окинула взглядом приемную, убедилась, что все на месте, и, зажав под мышкой коричневую сумочку, вышла из кабинета в коридор, не сказав мне ни прощание ни слова.

Я ждал. За окном грохотала гроза, эхо раскатывалось по коридорам. Я услышал, как хлынул ливень: поначалу падали редкие капли, но потом словно кто-то принялся колотить в стены тысячами маленьких молоточков.

Дверь кабинета отворилась, и передо мной предстал сам мэр Своуп. Рукава его голубой рубашки, пересеченной крест-накрест подтяжками в красную полоску, были закатаны. На нагрудном кармане белыми нитками были вышиты его инициалы.

– Кори! – обратился он ко мне с широкой улыбкой. – Входи, нам нужно поговорить.

Я понятия не имел, о чем пойдет разговор. Разумеется, я знал, кто такой мэр Своуп, но ни разу в жизни не перемолвился с ним и словечком. Но вот он сам стоит передо мной и приглашает войти к нему в кабинет. Парни не поверят мне, так же как не поверили в то, что я заткнул метлой глотку Старому Мозесу.

– Входи, не робей! – снова позвал меня мэр Своуп.

Я послушно вошел. Внутри кабинета все было выдержано в темных тонах, блестело полированное дерево. Пахло сладким трубочным табаком. Почти половину кабинета занимал огромный письменный стол, размерами не уступавший взлетной палубе авианосца. На полках стояло множество толстых, переплетенных в кожу книг. Казалось, к этим книгам никто никогда не притрагивался: ни в одной из них не было закладок. На большом персидском ковре стояла пара кресел из черной кожи. Окна выходили на Мерчантс-стрит, но разглядеть что-либо за стеклами не представлялось возможным, поскольку по ним стекали потоки воды.

Мэр Своуп закрыл за мной дверь. Его седые волосы были гладко зачесаны со лба назад, голубые глаза дружелюбно смотрели на меня.

– Присаживайся, Кори, – сказал он мне.

Я мялся в нерешительности.

– Выбирай любое, – улыбнулся мэр, указывая на кресла.

Я выбрал левое. Кожа кресла мягко приняла меня в свои объятия. Мэр Своуп уселся в свое кресло с изогнутыми подлокотниками за письменным столом. На столе имелись телефон, кожаный стаканчик с писчими перьями, коробка табака «Филд энд стрим» и стойка с набором из четырех курительных трубок. Одна из трубок была белая, с вырезанным на ней мужским бородатым лицом.

– Ну и дождь на улице, настоящий ливень, – заметил мэр, переплетая перед собой пальцы на столе.

Он снова улыбнулся мне, и я ясно увидел, до чего белые у него зубы.

– Да, сэр.

– Ну что ж, фермеры рады дождю. Остается надеяться, что ливень не грозит нам новым наводнением.

– Да, сэр.

Мэр Своуп откашлялся. Потом побарабанил пальцами по столу.

– Твои родители ждут тебя на улице? – внезапно спросил он.

– Нет, сэр. Я приехал один, на велосипеде.

– Вот как? Как же ты поедешь обратно? Ты же весь промокнешь.

– Не страшно.

– Это не дело, – сказал мэр. – В такой ливень машинам заливает лобовое стекло, водитель может не заметить тебя и сбить, ты можешь упасть в канаву...

Улыбка мэра исчезла, потом снова вернулась на место.

– Нет, это не дело.

– Ничего, сэр, не волнуйтесь, я доберусь.

– Наверное, ломаешь голову, зачем я пригласил тебя?

Я утвердительно кивнул.

– Вероятно, ты знаешь, что я вхожу в жюри литературного конкурса? Мне очень понравился твой рассказ. Да, ты заслуживаешь награды, Кори.

Мэр выбрал курительную трубку из корня верескового дерева и открыл свою табакерку.

– Ты будешь самым молодым из всех, кто когда-либо получал приз в нашем конкурсе.

Я во все глаза смотрел, как мистер Своуп набивает трубку мелко резанным табаком.

– Я лично просмотрел все записи за прошлые годы. Ты самый молодой из всех участников, занявших призовое место. Твои родители могут гордиться тобой.

– Вероятно, да.

– Ну, не стоит скромничать, Кори! Я в твоём возрасте и мечтать не мог о том, чтобы так писать. Нет, сэр! Я хорошо успевал по математике, но английский никогда не был моим коньком!

Мэр Своуп достал из кармана коробок спичек, чиркнул одной из них и поднес ее к своей трубке. Из уголков его рта заструился голубой дымок. Глаза мэра неотрывно наблюдали за мной.

– У тебя очень живое воображение, – сказал мэр. – Эта часть твоего рассказа, где ты пишешь, как увидел кого-то, стоявшего в лесу на другой стороне дороги... Мне эта часть особенно понравилась. Как тебе такое пришло в голову?

– Это... – *«на самом деле случилось»*, уже готов был выпалить я, но умолк на полуслове, потому что послышался стук.

Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула миссис Эксфорд.

– Мэр Своуп! – сказала она. – На улице льет как из ведра, ужас что творится! Я даже не решилась добежать до машины, ведь я только вчера сделала укладку! Не найдется ли у вас зонтика?

– Не знаю, Инес, посмотрите в шкафу, вон там.

Миссис Эксфорд открыла дверцы шкафа и стала копаться внутри.

– Зонтик должен быть где-то в углу, – подсказал мэр Своуп.

– Ну и запах тут! – донесся до нас голос миссис Эксфорд. – У вас тут что-то отсырело и пахнет плесенью.

– На днях наведу там порядок, – отозвался мэр.

Наконец из-за створок шкафа появилась миссис Эксфорд с зонтиком. В другой руке она держала какую-то одежду, покрытую белой плесенью.

– Вы только посмотрите на это! – воскликнула она, брезгливо сморщив нос. – Еще немного, и у вас тут грибы заведутся!

Мое сердце упало.

Миссис Эксфорд держала в руках непромокаемое пальто в пятнах плесени и шляпу, которая выглядела так, словно побывала в стиральной машине, а потом в прессе для отжимания белья.

Ленточка шляпы была скреплена серебряной пряжкой, под которой отчетливо виднелось смятое зеленое перышко.

– Господи! Какой ужасный запах! – Миссис Эксфорд так скривилась, что от ее выражения лица могло скиснуть молоко. – Для чего вы храните здесь все это старье?

– Эта шляпа долго была моей любимой. Она испортилась в ту ночь, когда случилось наводнение. А этот плащ я ношу уже пятнадцать лет и привык к нему.

– Теперь я понимаю, почему вы так долго не позволяли мне прибрать у вас в гардеробе! Что еще вы там прячете?

– Это вас не касается! Вам пора идти, Инес! Наверное, Лерой уже заждался вас дома.

– Вы позволите мне выбросить этот хлам по дороге?

– Господи, конечно нет! – воскликнул мэр Своуп. – Положите все обратно и закройте шкаф!

– Ей-богу, – заметила миссис Эксфорд, повинувшись приказанию, – мужчины крепче цепляются за свои старые вещи, чем детишки за любимое одеяльце.

Она резко захлопнула дверцы:

– Из шкафа по-прежнему сильно пахнет плесенью, мистер Своуп.

– Все в порядке, Инес. Отправляйтесь домой и ведите машину поосторожнее.

– Постараюсь.

Миссис Эксфорд бросила на меня быстрый взгляд и вышла из офиса с зонтиком под мышкой.

Во время этого разговора я не только не проронил ни слова, но даже затаил дыхание. Наконец, чувствуя, что легким не хватает воздуха, я сделал глубокий вдох.

– Итак, Кори, – продолжил разговор мэр Своуп, – на чем мы остановились? Ах да, мужчина на опушке леса. Почему ты решил вставить его в свой рассказ?

– Я... я...

Шляпа с зеленым пером лежала в шкафу всего в каком-то десятке футов от меня. И мэр Своуп был тем самым человеком в шляпе, которого я видел в ночь наводнения, когда вода заливала улицы Брутона.

– Я... я нигде не написал о том, что это был мужчина, – пролепетал я в ответ. – Просто упомянул, что там стоял кто-то, я даже не разглядел, кто именно.

– Что ж, отличный штрих. Уверен, что ты никогда не забудешь то утро на берегу озера.

Мэр засунул руку в карман и вытащил оттуда... небольшой ножик с серебряным лезвием.

Это был тот самый нож, который я видел в его руке в ночь наводнения, когда решил, что он собирается незаметно подкрасться к отцу и ударить его в спину, потому что тот оказался свидетелем происшедшего на озере Саксон.

– Иногда я ужасно сожалею, что не владею пером, – сказал мне мэр Своуп. Он вертел в руках свой ножик. Вместо ручки нож имел маленький металлический набалдашник, которым мэр уминал горящий табак в трубке. – Мне всегда нравились тайны.

– Мне тоже, – едва слышно ответил я.

Мэр встал, за его спиной по стеклу барабанил дождь. Внезапная молния огромным зигзагом разрезала небо над Зефиром, свет в кабинете мэра замигал. Раздался раскат грома.

– Вот это да! – охнул мэр Своуп. – Эта молния ударила совсем рядом!

– Да, сэр.

Мои руки стискивали подлокотники кресла так крепко, что было удивительно, как они еще целы.

– Я сейчас выйду, – сказал мне мэр, – а ты, пожалуйста, посиди тут минутку, хорошо? Я хочу кое-что тебе показать, так будет яснее.

Сжав трубку в зубах, он пересек кабинет, оставляя за собой клубы дыма. Затем вышел в приемную, во владения миссис Эксфорд, оставив дверь открытой. Я слышал, как мэр Своуп один за другим выдвигает ящики шкафа для хранения документов.

Мой взгляд обратился к гардеробу мэра.

Зеленое перо лежало там. А не выдернуть ли его потихоньку из шляпы, чтобы дома сравнить с тем зеленым пером, которое я нашел на подошве своего кеда? А вдруг перья окажутся одинаковыми?

Если я хочу это выяснить, надо действовать без промедления.

Я слышал, как в приемной задвинули один ящик и выдвинули другой.

– Одну минутку, Кори! – донесся до меня голос мэра. – Никак не могу найти!

Пора решаться. Медлить нельзя.

На подгибающихся ногах я подошел к гардеробу, открыл дверцы и едва не задохнулся от запаха заплесневелой ткани, ударившего мне в лицо, словно мокрая тряпка. Плащ и шляпа лежали в углу. Я услышал, как в приемной задвинулся ящик. Ухватившись за перышко, я принялся его тянуть, но оно не поддавалось.

Мэр Своуп возвращался в свой кабинет. Мое сердце подкатило к самому горлу, застряв в нем холодным камнем. За окном по-прежнему грохотала буря и хлестал дождь. Ухватившись как следует за зеленое перо, я дернул его изо всех сил. На этот раз оно оторвалось от ленты, оставшись в моей руке.

– Кори? Что ты там делаешь...

За окном блеснула молния, так близко, что было слышно ее шипение. Свет погас. Ужасный удар грома сотряс стены здания.

Я стоял в кромешной тьме с пером в руке, а мэр Своуп застыл в дверях.

– Не двигайся, Кори, – обратился ко мне мэр. – Скажи мне что-нибудь.

Я молчал. Сделав шаг назад, я прижался спиной к стене.

– Кори? Ну-ка, прекрати эти глупые игры.

Я услышал, как дверь за спиной мэра закрылась. Половицы тихо скрипнули. Мэр медленно крался ко мне.

– Давай сядем и поговорим, Кори. Я хотел объяснить тебе одну очень важную вещь.

Тучи за окном стали почти черными, а кабинет мэра превратился в темницу. Мне почудилось, будто высокий тощий силуэт бесшумно скользит ко мне по персидскому ковру. Мне нужно было пробраться мимо него к двери.

– Тебе не нужно прятаться, – проговорил мэр Своуп, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно и убедительно.

Но я отчетливо слышал в нем те же фальшивые нотки, что и в голосе мистера Харджисона.

– Кори? – Мэр издал долгий облегченный вздох. – Ты все знаешь, ведь так?

Чертовски верно, я все знаю.

– Где ты, сынок? Поддай голос, прошу тебя.

Вот уж дудки.

– Как же ты догадался? – продолжал расспрашивать мэр. – Объясни мне.

За окном с шипением сверкнула еще одна молния. В ее ослепительной вспышке я увидел прямо перед собой стоявшего посередине комнаты мэра Своупа, мертвенно-бледного, будто зомби, окутанного клубами табачного дыма из его трубки. Мое сердце сильно забилося: молния выхватила из темноты какой-то металлический предмет, который мэр сжимал в правой руке.

– Мне очень жаль, Кори, что ты сам все узнал, – сказал мэр Своуп. – Я не хотел причинять тебе зла.

Больше я не мог этого выносить и выпалил, охваченный паникой:

– Я хочу домой!

– Я не могу позволить тебе уйти, – раздался голос в насыщенной электричеством темноте, и я увидел, как неясная тень двинулась в мою сторону. – Надеюсь, ты меня понимаешь?

Я все понял. Мои ноги отреагировали мгновенно: они молниеносно донесли меня до другой стороны персидского ковра, к выходу из кабинета, легкие судорожно втянули воздух, рука вцепилась в зеленое перышко. Я понятия не имел, насколько близко от мэра мне пришлось проскользнуть. Я попытался повернуть ручку двери, но она выскользнула из моей ладони, скользкой от холодного пота. Должно быть, Своуп услышал звук и крикнул:

– Стой!

Его шаги приближались ко мне, но тут дверная ручка наконец повернулась. Я вылетел из кабинета, как ядро из пушки, и наткнулся на стол миссис Эксфорд, с которого упала фотография.

– Кори! – услышал я позади себя громовой голос мэра. – Нет!

Я отскочил от стола, как бильярдный шар, и, очутившись среди шеренги стульев, ударился коленом об острый угол. У меня сорвался крик боли. Я пытался найти дверь в коридор, но стулья все время путались у меня под ногами, словно обладали собственной злой волей. Рука мэра, как паучья лапа, легла на мое плечо, и холодный озноб пронзил мой позвоночник.

– Нет! – приказал он, и его пальцы начали смыкаться на моем плече.

Отчаянно рванувшись, я освободился. Рядом со мной оказался стул, и я, как щитом, оттолкнул им Своупа.

Споткнувшись, мэр чертыхнулся, его ноги запутались, и он грохнулся на пол. Отвернувшись от него, я лихорадочно шарил по стене в поисках двери. Каждый миг я ожидал, что руки мэра вот-вот сомкнутся на моей лодыжке и притянут к себе, словно щупальца чудовища с головой в виде стеклянной чаши из фильма «Захватчики с Марса». Я сходил с ума от страха, чувствуя, как по моему лицу катятся слезы. Смахнув их ресницами, я внезапно наткнулся на холодную дверную ручку, сулящую избавление. Повернув ее, я вывалился наружу и бросился бежать по темному коридору, слыша, как топот моих ног по линолеуму громовым эхом отдается в пустом здании.

– Кори! Немедленно вернись! – закричал мэр, как будто верил в то, что его крик мог возыметь действие.

Мэр Своуп гнался за мной, я слышал топот его бегущих ног. Воображение рисовало мне ужасную картину: мое тело превращено в кровавую кашу, рука пристегнута к раме Ракеты, которая тонет, уходит вниз, вниз, во тьму, в кошмарную бездну озера Саксон.

Поскользнувшись, я упал и, прокатившись на животе по линолеуму, больно стукнулся подбородком о плитус, но сумел моментально вскочить и снова припустил изо всех сил, потому что шаги мэра Своупа громыхали совсем близко.

– Кори! – снова заорал он, и в его голосе клокотала ярость.

Именно так, по моим представлениям, и должен был кричать настоящий маньяк-убийца.

– Остановись, я приказываю тебе!

«Черта с два», – подумал я.

В тусклом свете, лившемся сверху сквозь купол над лестницей, я наконец различил ступеньки и бросился вниз, даже не держась за перила, – от такой картины мама наверняка поседела бы. Мэр Своуп пыхтел позади меня, но, судя по голосу, он явно выдохся:

– Нет! Кори! Нет!

Достигнув основания лестницы, я опрометью пересек холл и выскочил через входную дверь под холодный дождь. Гроза уже пронеслась над городом и ушла к лесистым холмам, опустившись на них, подобно большой серовато-синей жабе. Ловко отомкнув ракету, я вскочил в седло, оставив болтаться цепь с замком на гидранте. Когда мэр появился на пороге, все еще призывая меня остановиться, я уже всю катил прочь.

Последнее, что он выкрикнул мне вслед, – эти слова показались мне несколько странными, если учесть, что они исходили из уст обезумевшего убийцы:

– Ради бога, будь осторожен!

Ракета летела через рябые от дождя лужи, ее золотой глаз сам выбирал во тьме дорогу. В тучах уже появились разрывы, через которые проникал желтый солнечный свет. Отец всегда говорил, что если во время дождя показывается солнце, значит дьявол колотит свою жену. Уворачиваясь от брызг проходящих по Мерчантс-стрит машин, я покатил к дому.

Добравшись наконец до крыльца, я притормозил ракету и влетел в дом, с прилипшими ко лбу мокрыми волосами. В руке я сжимал пропитанное водой зеленое перо.

– Кори! – закричала мне мама, услышав, как хлопнула дверь. – Кори Маккенсон, немедленно иди сюда!

– Сейчас, минутку!

Я ворвался в свою комнату и бросился к своим семи волшебным ящичкам. Пришлось перерыть их все, пока не нашлась коробка из-под сигар «Белая сова». Откинув крышку, я увидел на дне сигарной коробки перо, то самое, что нашел на опушке леса у озера Саксон.

– Иди сюда сию же секунду! – крикнула мне мама.

– Подожди!

Вытащив первое перышко из коробки, я положил его на письменный стол, а рядом поместил другое перо, вырванное из шляпы мэра Своупа.

– Кори! Тебя к телефону! Мэр Своуп!

Вот это да!

Ощущение триумфа дало трещину, рассыпалось на куски и водопадом низверглось на мои промокшие теннисные туфли.

Первое перышко, найденное мною в лесу, имело темно-изумрудный оттенок. То, что я добыл из шляпы мэра, оказалось намного светлее. Но и это еще не все: перо из шляпы мэра было раза в два больше, чем моя находка с озера Саксон.

Перышки отличались одно от другого, как небо от земли.

– Кори! Подойди и ответь мэру, пока я не пришла за тобой с хлыстом!

Когда я, набравшись духу, наконец вошел в кухню, мамино лицо было красным, как свекла. Она разговаривала по телефону:

– Нет, сэр, с Кори все в порядке, я уверена, что у него нет никакого нервного срыва, он хорошо себя чувствует. Нет, сэр, у него не бывает приступов паники. Вот он подошел, передаю ему трубку.

Бросив на меня мрачный взгляд, она протянула мне телефонную трубку:

– Ты что, спятил? Возьми трубку и поговори с мэром!

Я так и сделал. Все, на что я оказался способен, это выдать из себя жалкое:

– Алло?

– Кори! – взволнованно выкрикнул мэр Своуп. – Я просто хотел убедиться, что ты благополучно добрался до дома. Господи, ну и страху я натерпелся, когда ты сбегал в темноте по лестнице и в любой момент мог сломать себе шею! Когда ты внезапно сорвался с места и бросился бежать, мне показалось, что у тебя... что с тобой... случился какой-то припадок.

– Нет, сэр, – смиренно отозвался я. – Со мной все в порядке.

– Хорошо. Когда свет погас, я решил, что ты, наверно, испугался темноты. Ты мог упасть и ушибиться, и я хотел успокоить тебя. И потом, твои родители наверняка бы не одобрили, если бы я отпустил тебя домой на велосипеде в такой ливень. Тебя могла сбить машина... Слава богу, что все обошлось.

– Мне показалось... – У меня перехватило горло. Спиной я ощущал горящие гневом глаза мамы. – Мне показалось... что вы хотите меня убить, – наконец пролепетал я.

На другом конце линии на несколько секунд воцарилось молчание. Я прекрасно понимал, о чем думает мэр. Ясно, что в его глазах я выглядел явным кандидатом в психушку.

– Я хотел *убить* тебя? Но почему?

– Кори? – охнула мама. – Ты что, спятил?

– Простите, – сказал я мэру. – У меня просто... разыгралось воображение. Но вы сказали, что я что-то узнал о вас, и все спрашивали, каким образом мне удалось это узнать и...

– Речь шла не обо мне, – ответил мэр Своуп. – А о твоём призе.

– О моем призе?

– Да, об именной пластинке. Ты занял третье место в конкурсе короткого рассказа. Именно поэтому я попросил тебя заглянуть ко мне. Я не хотел, чтобы кто-нибудь из жюри рассказал тебе об этом раньше меня.

– Рассказал мне о чем?

– Дело в том, что я сам хотел показать ее тебе. Я как раз нес твою награду к себе в кабинет, когда свет погас и ты словно с цепи сорвался. Видишь ли, дело в том, что гравер сделал ошибку в твоём имени: «Кора» вместо «Кори». Я хотел сообщить тебе об этом перед началом церемонии, чтобы ты не расстроился при вручении награды. Гравер обещал исправить твою пластинку, но сначала он должен срочно изготовить награды для победителей в соревновании по софтболу, и заняться твоим призом он сможет только через две недели. Ты меня понимаешь?

Вот так, горькая пилюля. Еще одна горькая пилюля.

– Да, сэр, – ответил я. Мне было не по себе: правое колено дергало, – кажется, оно начало распухать. – Я вас понимаю.

– Ты... принимаешь таблетки от нервов? – наконец спросил мэр.

– Нет, сэр.

Мэр тихо хмыкнул. «Они тебе не помешали бы» – вот что он явно хотел сказать.

– Извините, я вел себя как дурак, – сказал я. – Не знаю, что на меня нашло.

Если мэр и без того считает меня сумасшедшим, интересно, что он скажет, когда увидит, что я сотворил с его шляпой. Я решил не признаваться, пускай увидит все сам.

– Ну что ж, – проговорил мэр с тихим смешком, как бы намекая, что он находит в случившемся и веселую сторону. – Сегодняшний день выдался для меня интересным, Кори.

– Да, сэр. Э-э-э... Мэр Своуп?

– Да?

– Я хочу сказать: не страшно, что на именной пластинке ошибка. Не нужно отдавать ее исправлять граверу.

Это послужит мне отличным наказанием: каждый раз, глядя на свою награду, я буду вспоминать о том, как бросил в мэра стулом и свалил его с ног.

– Не говори ерунды. Ее обязательно исправят.

– Понимаете, мне почему-то хочется, чтобы пластинка осталась такой, как сейчас, без исправлений, – сказал я мэру, постаравшись, чтобы мой голос звучал твердо.

Вероятно, у меня это получилось, потому что мэр ответил:

– Ну хорошо, Кори, если ты настаиваешь, пусть так и будет.

Потом он сказал мне, что должен идти – его ждет горячая ванна с английской солью – и мы с ним увидимся на церемонии награждения победителей литературного конкурса. Когда я повесил трубку, мне пришлось объяснять маме, почему я вдруг решил, что мэр Своуп собирается меня убить. В ходе этих объяснений в кухне появился пришедший с работы отец. По всем правилам мне полагалось наказание за эту глупую выходку, но родители просто отправили меня в мою комнату, куда я, собственно, и так собирался удалиться.

Оказавшись у себя, я занялся изучением двух перышек. Оба зеленые, но разные. Одно яркое, другое мягких тонов. Одно большое, другое поменьше. Взяв со стола перышко, найденное на берегу озера Саксон, я положил его на ладонь и как следует рассмотрел через увеличительное стекло. Возможно, Шерлок Холмс мог бы извлечь из

него какую-то информацию, но я по своим способностям к дедукции стоял гораздо ниже даже его друга доктора Ватсона.

Мэр Своуп был тем самым человеком в шляпе с зеленым пером, которого я видел во время наводнения. Его «нож» оказался специальным приспособлением для чистки курительной трубки. Что у него могло быть общего с неизвестным, которого, как мне показалось, я видел на опушке леса, или с мертвецом на дне озера? Одно я знал точно: в лесу у озера Саксон не водятся птицы с изумрудно-зеленым оперением. Тогда откуда там могло взяться перо?

Я отложил в сторону перо из шляпы мэра, намереваясь вернуть его позже, хотя в глубине души знал, что этого никогда не случится, а перо с озера Саксон убрал обратно в коробку с белой совой, которую снова спрятал в один из семи волшебных ящичков.

В ту ночь мне вновь снились четыре девочки-негритянки, одетые так, словно собрались в церковь. На мой взгляд, младшей из них было не больше десяти-одиннадцати лет, трем другим – около четырнадцати. На этот раз они стояли под деревом с густой зеленой листвой, оживленно переговариваясь. Две из них держали в руках Библии. О чем они говорили, я не разобрал. Внезапно одна из девочек рассмеялась, а за ней засмеялись ее подруги. Их смех журчал в моих ушах, будто вода в ручье. И тут последовала вспышка такой невиданной силы, что мне пришлось зажмурить глаза. Оказалось, что я стою в эпицентре урагана; горячий ветер рвет с меня одежду и развеивает волосы. Вновь открыв глаза, я обнаружил, что четыре чернокожие девочки куда-то исчезли, а дерево лишилось всех своих листьев.

Когда я проснулся, мое лицо покрывал пот, словно кожу действительно тронуло обжигающее дыхание урагана. На заднем дворе лаял Бунтарь. Взглянув на светящийся циферблат будильника, я обнаружил, что уже почти половина третьего ночи. Бунтарь все гавкал как заводной, к его лаю вскоре присоединились все окрестные собаки, и я решил, что раз все равно не сплю, то выйду и успокою пса.

На пороге своей комнаты я увидел, что в кабинете горит свет.

Слышалось какое-то поскрипывание. Заглянув в кабинет, я увидел отца: он сидел в одной пижаме за рабочим столом, где обычно выписывал чеки для оплаты счетов. Крепко сжимая ручку, он то ли писал, то ли рисовал что-то на листке бумаги при свете лампы. Его

ввалившиеся глаза лихорадочно блестели. Приглядевшись, я заметил, что на его лбу, как недавно и на моем, блестит пот.

Бунтарь перестал лаять и жутко завыл.

– Черт побери, – пробормотал отец. Потом осторожно, стараясь не скрипнуть стулом, поднялся.

Я спрятался в тень. Не знаю, зачем я так поступил, но, казалось, отец не хочет, чтобы его беспокоили. Он вышел через заднюю дверь, и я услышал, как он шикнул на Бунтаря.

Бунтарь перестал выть. Отец должен был вернуться через пару минут.

Я не мог больше выносить эту неизвестность. Мне просто необходимо было узнать, какое важное дело заставило отца подняться в половине третьего ночи.

Зайдя в кабинет, я взглянул на листок бумаги.

Мой отец, который никогда не имел особой тяги к рисованию, изобразил на листке около полудюжины черепов с крылышками на височных костях. Тут же была целая колонка вопросительных знаков и слова «озеро Саксон», повторявшиеся пять раз. Ниже было написано: «Леди», а потом шла еще одна чередка вопросительных знаков. После этого он написал: «Вниз, в темноту», здесь кончик пера едва не прорвал бумагу. Затем следовали два вопроса, оба заглавными буквами: *КТО?* и *ПОЧЕМУ?*

В заключение я прочитал такое, отчего у меня внутри все перевернулось:

«Я не выдержу.

Я больше не выдержу.

Я больше этого не выдержу».

Задняя дверь открылась.

Я спрятался в тени, наблюдая, как отец вошел в каморку. Он снова сел и стал рассматривать то, что было нарисовано и написано на листке бумаги.

Никогда раньше я не видел его таким. В эти тихие предрассветные часы его лицо выглядело неузнаваемым. Это было лицо насмерть перепуганного мальчика, которого мучило что-то, выходящее за границы его понимания.

Открыв выдвижной ящик, отец достал кофейную чашку со сделанной по трафарету надписью «Молочная ферма „Зеленые луга“».

Потом вытащил из кармана коробок спичек, сложил листок бумаги вчетверо и аккуратно порвал его на мелкие клочки. Обрывки отправились в кофейную чашку, после чего отец чиркнул спичкой и поджег бумагу.

Дыма было совсем немного, и отец открыл окно, чтобы проветрить комнатку.

Я бесшумно проскользнул в свою спальню и долго лежал, размышляя об увиденном.

Что за сон видел мой отец, пока мне снились четыре одетые по воскресному негритянки? Может быть, ему грезилось облепленное илом мертвое тело, которое из непроглядного мрака озера Саксон поднимает целая флотилия кусачих черепах с покрытыми мхом спинами? Разбитое, изуродованное лицо покойника, который шепчет ему: «Идем со мной, идем со мной вниз, в темноту?» Наручники на запястье руки с татуировкой в виде черепа? Или понимание того, что покойником мог быть любой человек, закончивший свой жизненный путь в одиночестве, всеми покинутый и погрузившийся в забвение?

Я не знал, что и думать, боялся даже строить какие-нибудь предположения. В одном я был уверен: тот, кто убил незнакомца, убивает теперь и моего отца.

В конце концов пришел сон, избавив меня от этих невзгод. Я спал, а чудовища на стенах несли стражу у моей постели.

Глава 2

Волшебная шкатулка

Наступила суббота, а с ней – церемония награждения победителей в конкурсе, устроенном Советом по делам искусств города Зефира. Приодевшись, мы втиснулись в наш пикап и поехали в библиотеку.

Уровень испытываемого мной ужаса, колебавшийся до тех пор по десятибалльной шкале где-то около восьми, преодолел отметку «девять». Каждый день в течение прошедшей недели мои так называемые приятели живописали мне, что может случиться, когда я начну читать рассказ. Если их предсказания сбудутся, то у меня выступит крапивница, я намочу штаны или в мучительном приступе стыда извергну свой обед с обеих сторон. Чтобы чувствовать себя спокойно, Дэви Рэй посоветовал мне заткнуть зад пробкой. Бен предупредил, что мне следует быть особенно внимательным при восхождении на подиум, так как несчастный случай, вероятнее всего, произойдет именно в этот момент. Джонни сказал, что знал парнишку, который, поднявшись на сцену, чтобы выступить перед публикой, внезапно забыл родной язык и начал бормотать то ли на зулусском, то ли по-гречески.

Обдумав предложение, касающееся пробки, я решил от него отказаться, но, как только увидел огни библиотечных окон и множество машин, припаркованных перед зданием, пожалел, что пренебрег советом Дэви. Мама ободряюще обняла меня за плечи:

– Все будет хорошо, сынок.

– Точно, – подтвердил отец.

Его лицо снова стало обычным «лицом моего отца», если не считать темных кругов под глазами, при виде которых мама завела разговор о том, что отцу хорошо бы попринимать геритол. Она, конечно, тоже видела, что с ним творится что-то неладное, но вряд ли представляла глубину душевного кризиса, в котором он пребывал.

– Все пройдет отлично, – сказал мне отец.

В библиотечном зале стояли расставленные рядами стулья, а на вселявшей ужас сцене находились стол и стулья для жюри. Но самое

ужасное – на подиуме стоял микрофон! На стульях уже сидели человек сорок, в том числе мэр Своуп, миссис Пратмор, мистер Гровер Дин и другие члены жюри литературного конкурса, а остальные прогуливались в проходах, негромко переговариваясь друг с другом. Когда мэр Своуп заметил нас и направился в нашу сторону, мне захотелось съежиться и забиться в угол. Но, почувствовав руку отца на своем плече, я решил выдержать все до конца.

– Привет, Кори! – улыбнулся мне мэр Своуп, но в глазах его ясно читалась настороженность. Он, наверно, думал, что я могу сорваться с катушек в любую секунду. – Ты готов прочитать нам свой рассказ?

«Нет, сэр» – вот что мне хотелось ответить, но наружу вырвалось совершенно иное:

– Конечно, сэр.

– Что ж, чувствую, сегодня вечером у нас будет полный зал народу.

Внимание мэра переключилось на моих родителей.

– Уверен, вы гордитесь своим мальчиком.

– Конечно, – ответила мама. – В нашей семье до сих пор не было писателей.

– У него очень живое воображение. – На лице мэра Своупа появилась натянутая улыбка. – Кстати, Кори, ту шляпу из гардероба в моем кабинете мне пришлось отдать в мастерскую, чтобы ее привели в порядок. Ты не знаешь, что случилось с...

– Лютер! – пророкотал голос, заглушивший конец вопроса мэра. – Ты-то мне и нужен!

К мэру протолкался мистер Доллар, в темно-голубом костюме, источая аромат одеколona «Аква Велва». Никогда за всю свою жизнь я не был так рад кого-то видеть.

– Что такое, Перри? – спросил мэр, наконец-то отвернувшись от меня.

– Лютер, ты должен в конце концов что-то сделать с этой чертовой обезьяной! – заявил мистер Доллар. – Эта проклятая тварь забралась ко мне на крышу и устроила там такой тарарам, что ни я, ни Элен всю ночь глаз не сомкнули! Вдобавок она измазала своим дерьмом всю мою машину! Дьявол ее раздери, должен же быть какой-то способ изловить это исчадие ада!

Речь шла о Люцифере. Обезьяна все еще оставалась на свободе, лазила по деревьям Зефира, и горе было жителям тех домов, чьи

крыши Люцифер выбирал для ночлега. Из-за растущего гнева горожан и угрозы судебных исков за нанесение ущерба имуществу преподобный Блессет тайком бежал из города в середине августа, не оставив даже адреса для пересылки писем.

– Если у тебя, Перри, есть конкретное предложение по этому поводу, ознакомь меня с ним, – отозвался мэр Своуп, в голосе которого явственно прозвучало раздражение. – Мы уже все перепробовали, разве только не просили летчиков с авиабазы сбросить на город бомбу.

– Может быть, доктор Лезандер сумеет изловить этого демона или нам придется заплатить специалисту из зоопарка, чтобы он приехал сюда...

Мистер Доллар все еще говорил, а мэр Своуп уже направился прочь от него. Мистеру Доллару, который продолжал жаловаться на обезьяну, пришлось бежать за ним следом.

Мы с родителями уселись, и я нервно ерзал на своем месте, пока зал наполнялся. Пришел док Пэрриш со своей женой, а после – подумать только! – явилась Демон собственной персоной в сопровождении своей мамочки цвета пожарного гидранта и напоминающего подсвечник папочки. Я попытался вжаться в стул, но Демон немедленно меня обнаружила и радостно замахала рукой в знак приветствия. По счастью, рядом с нами не нашлось свободных стульев, а не то мне пришлось бы подниматься на сцену с козьявкой, размазанной по затылку. Через пару минут я пережил новое нервное потрясение: сначала в дверях появился Джонни Уилсон со своими родителями, потом Бен с матерью и отцом и сразу же за ними – Дэви Рэй со своими предками. Я понял, что мне придется во время своего выступления любоваться ухмыляющимися физиономиями моих приятелей, но, по правде говоря, я был рад их видеть. Ведь, как сказал мне однажды Бен, они были моими старыми добрыми корешами.

Должен признать, что жители Зефира проявили большой интерес к этому мероприятию. Да, похоже, дело обстояло именно так, а возможно, в тот субботний вечер по телевизору не показывали ничего интересного. Народу явилось столько, что из кладовой пришлось доставать складные стулья, чтобы все могли расположиться. Собравшиеся притихли на несколько секунд, когда в зале появился лучезарно улыбающийся Вернон Такстер, прикрывавший тело лишь

остатками своего летнего загара. Люди уже привыкли к Вернону и знали, куда следует смотреть, а куда нет.

– Мамочка, этот дядя опять ходит голышом! – громогласно объявила Демон.

Но если не считать нескольких сдавленных смешков да покрасневших щек, никто не стал придавать большого значения его виду.

Взяв стул, Вернон поставил его в самый дальний угол и уселся там, довольный собой, как корова. Или, вернее, бык.

К тому времени, когда мэр Своуп и миссис Пратмор наконец поднялись на сцену и поставили на стол коробку, полную именных табличек, в зале собралось не менее семидесяти любителей изящной словесности. Мистер Гровер Дин, худощавый человек средних лет, носивший аккуратно уложенный парик под шатена и круглые очки в серебряной оправе, уселся за стол вместе с мэром Своупом и миссис Пратмор. Расстегнув портфель, мистер Дин достал из него стопку бумаг, где, как я понял, были списки победителей в трех номинациях – «рассказ», «эссе» и «стихотворение» – и сами сочинения.

Мэр Своуп подошел к микрофону и для проверки слегка постучал по нему пальцем. Начало речи мэра динамик встретил свистом и слоновьей одышкой, что вызвало в зале взрыв хохота. Мэр замолчал и сделал знак технику, ведавшему звуком. Наконец толпа затихла, микрофон был настроен. Мэр прочистил горло, готовясь заговорить, но тут по залу пополз шепоток. Я оглянулся в сторону двери и почувствовал, как мое сердце нырнуло к животу и забилось, будто пойманная рыба. В зал вошла Леди.

Она была облачена во все фиолетовое, на голове красовалась маленькая шляпка, на руках – перчатки. Ее лицо скрывала тонкая вуаль. Леди казалась очень хрупкой, ее синевато-черные руки и ноги выглядели тонкими, как палки. Ее осторожно поддерживал под локоть Чарльз Дамаронд, плечистый человек с бровями оборотня. В трех шагах позади Леди следовал ее муж Человек-Луна, с обычной своей тросточкой в руках, облаченный в новый черный костюм и красный галстук. Человек-Луна был без шляпы, поэтому сразу бросались в глаза разделенные на две половины – черную и белую – лицо и лоб.

Наступила такая тишина, что можно было услышать, как падает булава. Или, что более подходило к данной ситуации, козявка из носа

Демона.

– Господи! – прошептала мама.

Отец нервно заерзал на стуле. Мне показалось, что он готов был подняться и выбежать вон, но остался только из-за меня.

Леди внимательно осмотрела собравшуюся публику из-под вуали. Свободных стульев не было, все места оказались заняты. На какой-то миг я ощутил на себе быстрый взгляд ее зеленых глаз, но этого оказалось достаточно, чтобы я ощутил запах влажной земли и болотных цветов. Неожиданно для всех Вернон Такстер поднялся с места и, учтиво поклонившись, предложил Леди свой стул.

– Благодарю вас, сэ, – произнесла она своим вибрирующим голосом и села.

Человек-Луна и Чарльз Дамаронд встали по обе стороны от элегантной Леди, а Вернон подпер стенку в дальнем конце зала. Несколько человек – совсем немного, всего пятеро или шестеро, – поднялись с мест, но не для того, чтобы предложить свои стулья, а чтобы выйти из зала. В отличие от отца Леди не пугала их: так они выражали возмущение тем, что чернокожие без позволения вошли в зал, полный белых людей. Мы все это понимали, как, впрочем, и Леди. Ничего не поделаешь: в такие времена мы тогда жили.

– Что ж, теперь, я думаю, можно начинать, – заговорил мэр Своуп.

Обведя глазами публику, Своуп остановил взгляд на Леди и Человеке-Луне, потом опять оглядел зал.

– Хочу поприветствовать всех собравшихся на церемонию награждения победителей литературного конкурса, проводимого Советом по делам искусств города Зефира в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году. В первую очередь я хотел бы поблагодарить всех принявших участие в конкурсе, без них это мероприятие стало бы невозможным.

В таком духе все продолжалось еще некоторое время. Я, может быть, даже задремал бы, если бы не нервничал так сильно. Мэр Своуп представил по очереди членов жюри и членов Совета по делам искусств, после чего отдельно представил мистера Квентина Фаррадея из «Журнала», издававшегося в Адамс-Вэлли. Фаррадей собирался сфотографировать победителей конкурса и взять у них интервью.

Мэр Своуп сел, а миссис Пратмор вызвала на сцену участника конкурса, занявшего третье место в номинации «эссе». Им оказалась

пожилая леди по имени Делорес Хайтауэр, которая, шаркая ногами, поднялась на сцену и, приняв у мистера Дина свое эссе, минут пятнадцать развлекала аудиторию повествованием о радостях садоводства, после чего получила свою именную табличку, спустилась в зал и уселась на место.

Занявший первое место в конкурсе эссе мясистый редкозубый джентльмен по имени Джордж Игерс описал день, когда проколол шину около Таскалусы, и только Медведь Брайант остановился, чтобы поинтересоваться, не нуждается ли мистер Игерс в помощи, что, безусловно, свидетельствовало о доброй душе Медведя.

Следующим шел конкурс поэтических произведений. Вообразите мое удивление, когда оказалось, что второе место заняла мама Демона, зачитавшая свое творение со сцены. Вот несколько строк из ее стихотворения:

«Дождь, уходи, ты пошалил немало, – Однажды солнце в летний день сказало. – Я все вокруг должно обнять лучами, Но в небе мгла, я исхожу слезами».

Мама Демона прочитала все это с таким воодушевлением, что я испугался, как бы слезы и дождь не пролились на наши головы прямо со сцены. Демон и ее отец хлопали в ладоши так громко и восторженно, что можно было подумать, будто только что они стали свидетелями второго пришествия Христа.

Первое место в конкурсе поэтов заняла маленькая морщинистая старушка по имени Хелен Троттер. Ее творение представляло собой, по существу, любовное письмо, первые строки которого были:

Я не безразлична ему, И он мне дает понять почему.

А последние:

О, как приятно видеть мне улыбку его лица, Нашего губернатора штата Джорджа К. Уоллеса.

– Кошмар, – прошептал отец.

Леди, Чарльз Дамаронд и Человек-Луна молчали: они не привыкли проявлять свои чувства на публике.

– Теперь, – объявила миссис Пратмор, – мы переходим к номинации «рассказ».

Мне нужна была пробка. Я хорошо это чувствовал.

– В этом году среди победителей есть самый юный за все время проведения конкурса, начиная с тысяча девятьсот пятьдесят пятого

года. Мы столкнулись с некоторыми затруднениями, определяя, к какому разделу конкурса – эссе или рассказу – отнести сочинение этого автора, поскольку оно основано на реальных событиях, но в конце концов решили, что, создавая свое произведение, автор проявил достаточно воображения и фантазии, и отнесли его к рассказам. Поприветствуйте нашего призера в номинации «рассказ», занявшего третье место. Его произведение называется «Перед восходом солнца». Кори Маккенсон!

Миссис Пратмор первая захлопала в ладоши.

– Иди и покажи им, сынок, – сказал отец.

Сам не знаю как, я поднялся с места и побрел к сцене.

На подходе к подиуму, объятый смертельным ужасом, я услышал позади хихиканье Дэви Рэя и мягкий шлепок подзатыльника, которым наградил Дэви его отец. Мистер Дин передал мне мой рассказ, а миссис Пратмор опустила пониже микрофон, чтобы мне было удобно говорить в него. Я взглянул на это море лиц, – казалось, они расплываются, превращаясь в одну общую массу глаз, носов и ртов. Внезапно меня пронзил ужас: застегнута ли у меня ширинка? Могу ли я проверить это прямо сейчас? Краем глаза я заметил фотографа из «Журнала» с массивным фотоаппаратом в руках. Мое сердце билось, как пойманная в силки птица. В животе что-то отчаянно урчало, к горлу подкатывалась тошнота, но я знал, что, если меня сейчас вырвет, я уже никогда не смогу показаться на публике при свете дня. В зале кто-то кашлянул, кто-то прочистил горло. Все глаза были устремлены на меня. Листки с рассказом дрожали в моих руках.

– Ну, Кори, можно начинать, – подала за моей спиной голос миссис Пратмор.

Опустив глаза, я отыскивал заголовок и начал зачитывать его, но в моем горле, там, откуда выходят слова, казалось, застряло какое-то колючее яйцо. По краям поля моего зрения начала сгущаться тьма: мне только не хватало упасть в обморок на глазах у всех этих людей! Нечего сказать: шикарная тогда получится фотография для первой страницы «Журнала»! Я лежу на полу с закатившимися глазами, а в распахнутой ширинке белеют мои трусы!

– Давай читай, Кори, но только не спеши, – сказала миссис Пратмор.

Чувствовалось, что она начинает нервничать.

Мои глаза, которые, казалось, вот-вот выскочат из орбит, оторвались от листка с рассказом и перескочили на аудиторию. Я видел Дэви Рэя, Бена и Джонни. Они больше не улыбались: это был дурной знак. Я увидел, как мистер Джордж Игерс смотрит на свои наручные часы, – еще один дурной знак. Я услышал, как какое-то злобное чудовище прошептало:

– Он до смерти напуган, бедный мальчик.

Потом я увидел, как в самом конце зала со своего места поднялась Леди. Ее взгляд за тонкой пеленой вуали был спокоен и холоден, словно море в штиль. Она вздернула подбородок, и я угадал единственное слово, обращенное ко мне: «Смелее».

Я глубоко вздохнул. Мои легкие задрезжали, как товарняк, пересекающий шаткий железнодорожный мост. Я стоял здесь, мое время пришло, я должен был двигаться дальше, а там – будь что будет.

– Перед восходом... – начал я.

Мой голос, усиленный динамиками, прогрохотал под сводами библиотечного зала, и я в ужасе снова замолчал. Миссис Пратмор ободряюще коснулась рукой моего плеча.

– ...солнца, – закончил я. – К-к-кори Маккенсон.

Я начал читать. Рассказ я знал наизусть, помнил в нем каждое слово. Мне казалось, что мой голос принадлежит кому-то другому, но рассказ уже успел стать частью моего существа. Переходя от одного предложения к другому, я слышал, как в зале стихает кашель и замолкает шепот, никто уже не пытался прочистить горло. Я читал, будто шел тропинкой через знакомый лес, зная, куда иду, и это несло успокоение. Вскоре я уже настолько освоился, что решился поднять глаза и взглянуть на слушателей. Я увидел лица зрителей и испытал удивительное ощущение.

Это был мой первый опыт такого рода, а когда что-то переживаешь впервые, воспоминания об этом остаются с тобой на всю жизнь. Не могу описать словами, что это было, но оно закралось в мою душу и поселилось там навсегда. Все смотрели на меня и внимательно слушали. Слова, срывавшиеся с моих губ, слова, которые я зачал, которым дал жизнь, обращали время в ничто; мои слова объединяли зрителей и уносили их в путешествие, где нас объединяли общие для всех пейзажи, звуки и мысли; слова слетали с моего языка и достигали сознания и памяти людей, которым не довелось побывать на берегу

озера Саксон в то холодное мартовское утро. Глядя на этих людей, я с уверенностью мог сказать, что они следуют за мной. Но главное – они *хотели* именно этого: идти за мной туда, куда я их вел.

Разумеется, я понял это гораздо позже. Ближе к концу рассказа меня больше всего поразило, до чего тихо и неподвижно все сидели, слушая меня. Казалось, я отыскал ключ к машине времени, открыл в себе источник силы, о котором раньше даже не подозревал. Я нашел волшебную шкатулку, имя которой – «пишущая машинка».

Мой голос зазвучал громче и увереннее, поднялся от монотонного бормотания до подлинной ясности и выразительности. Я был преисполнен изумления и ликования, при этом действительно – чудо из чудес! – наслаждался чтением вслух своего произведения.

Добравшись до последнего предложения, я закончил читать.

Первой захлопала в ладоши моя мама. Вслед за ней принялся аплодировать отец, а затем – весь зал. Я видел, как Леди хлопает ладонями, затянутыми в фиолетовые перчатки. От аплодисментов на сердце было радостно, но еще больше грело душу ощущение, что я веду слушателей в путь и они доверяют мне. Возможно, завтра я захочу стать молочником, как отец, летчиком на реактивном самолете или детективом, но в тот момент больше всего на свете я хотел быть писателем.

Я принял из рук мэра Своупа свою наградную табличку. Когда я, спустившись со сцены, шел между рядами, а потом сидел на своем месте, меня со всех сторон ободряюще хлопали по плечу. По тому, как светились улыбками мои родители, я видел, что они ужасно гордятся мной. И не важно, что имя на табличке было написано неверно. Главное – я понял, в чем мое призвание.

Мистер Терренс Хосмер, завоевавший второе место, писал о фермере, вознамерившемся перехитрить стаю ворон, которые покушались на его пшеничное поле; победитель миссис Ада Йирби описала полуночное поклонение зверей новорожденному Иисусу Христу. После того как все грамоты были розданы, мэр Своуп поблагодарил за внимание и сказал, что можно расходиться.

По пути Дэви Рэй, Бен и Джонни так и вились вокруг меня, и вообще мне уделяли гораздо больше внимания, чем завоевавшей первое место миссис Йирби. Мамаша Демона тоже подошла

поздравить меня и, обратив к моей маме свое широкое лицо с заметными усиками, проговорила:

– Знаете ли, в следующую субботу мы устраиваем праздник по случаю дня рождения Бренды и хотели бы пригласить вашего сына. Знаете, я посвятила свои стихи Брендке, потому что она тонко чувствующий ребенок. Вы позволите вашему мальчику прийти к Брендке на вечеринку? Можно просто так, никакого подарка не нужно.

Мама быстро взглянула на меня, пытаюсь угадать, каким должен быть ответ. А я смотрел на Демона, которая стояла рядом с отцом в другом конце зала. Заметив, что я гляжу на нее, Демон помахала мне рукой и хихикнула. Дэви Рэй толкнул меня локтем в бок – он в тот момент даже понятия не имел, как близко от смерти находился.

– Спасибо за приглашение, миссис Сатли, но, к сожалению, в субботу у меня очень много работы по дому и я вряд ли смогу прийти. Верно, мама?

Слава богу, мама отличалась сообразительностью:

– Ах да, конечно! Ты ведь должен скосить на лужайке траву, а потом помочь отцу покрасить крыльцо.

– Правда? – хмыкнул отец.

– Крыльцо давно нуждается в покраске, – твердо сказала мама. – А суббота – единственный день, когда мы сможем заняться домашними делами все вместе.

– Я позову ребят на помощь, – подал я голос. Но, обернувшись, не обнаружил никого из своих друзей, – видно, на ногах у них выросли крылья.

– Ну что ж, если вдруг тебе все-таки удастся выбраться к Брендке на день рождения, она будет очень рада. Там будут только родственники, больше никого.

Миссис Сатли разочарованно улыбнулась. Она все поняла. Подойдя к Демону, она что-то сказала ей, и Демон тоже мне улыбнулась, той же улыбкой, что и ее мать. Ощущение было такое, словно меня вывалили в грязи, но я не мог подавать Демону надежду – просто не имел на это права! Было бы бесчеловечно так себя вести. И, кроме того, когда я представил себе, каким может оказаться это сборище родственников Демона, просто содрогнулся от ужаса. По сравнению с ними даже мои настенные чудовища, наверно, покажутся милашками!

Мы уже почти добрались до дверей, когда тихий голос произнес:

– Том. Том Маккенсон.

Отец остановился и обернулся.

Перед ним стояла Леди.

Она была гораздо меньше ростом, чем показалось мне при первой встрече. Леди едва доставала моему отцу до плеча, но в этой старой женщине чувствовалась такая сила, что и десяток мужчин с ней тягаться не смог бы. Леди была сильна, как старое дерево, долгие годы сгибавшееся под напором нескончаемых бурь, но так и не сломленное. Она подошла к нам одна: мистер Дамаронд и Человек-Луна ждали ее поодаль.

– Добрый день, – поздоровалась с Леди мама.

Леди кивнула ей в ответ. У отца был вид человека, запертого в темном чулане вместе с тарантулом. Его взгляд метался по сторонам, словно в поисках путей к бегству, но отец был джентльменом и не мог позволить себе неучтивость по отношению к даме.

– Том Маккенсон, – повторила Леди, – вы и ваша жена вырастили очень талантливого сына.

– Я... мы... мы старались воспитать его как можно лучше. Благодарю вас.

– Он отличный оратор, – продолжила Леди и улыбнулась мне. – Все прошло хорошо.

– Благодарю вас, мэм.

– Как твой велосипед?

– Отлично, мэм. Я назвал его Ракетой.

– Прекрасное имя.

– Конечно, мэм. И знаете... – Я немного подумал и решил, что сказать все-таки нужно. – У него в фаре золотой глаз.

Брови Леди чуть-чуть приподнялись. Совсем немножко.

– В самом деле?

– Кори! – проворчал отец. – Прекрати выдумывать!

– Мне кажется, – сказала Леди, – велосипеду всегда необходимо видеть, куда он едет: ровная ли впереди дорога, или имеется какое-нибудь препятствие. Полагаю, в велосипеде, принадлежащем мальчику, должно быть немного от коня, немного от оленя и даже, пожалуй, от рептилии. Чтобы было побольше ума, понимаете?

– Да, мэм, – отозвался я за всех.

Леди знала толк в велосипедах, это точно.

– Вы очень добры, мэ, – обратился к Леди отец. – Велосипед – очень щедрый дар. Обычно я не принимаю подарков, но...

– Это не подарок, мистер Маккенсон, а заслуженная награда за доброе дело. Миссис Маккенсон, мистер Лайтфут по-прежнему готов починить у вас все, что неисправно.

– Нет, благодарю вас. Вроде бы все работает нормально.

– Ну что ж, – вздохнула Леди и взглянула на моего отца. – Трудно предвидеть, когда что-нибудь сломается.

– Я очень благодарен вам за внимание, миссис... гм... Леди. – Отец взял маму под локоть. – Извините, но нам пора домой.

– Мистер Маккенсон, нам с вами есть о чем поговорить, – тихо сказала Леди отцу вслед. – Дело касается жизни и смерти. Надеюсь, вы понимаете меня?

Отец остановился. Я заметил, как перекатываются на его щеках желваки. Он не хотел оборачиваться, но Леди заставляла его сделать это. Может быть, он тоже, как и я, ощутил ее огромную жизненную силу. Было видно, что он хочет идти дальше, но не может сделать ни шага.

– Вы верите в Иисуса Христа, мистер Маккенсон? – спросила Леди.

Вопрос разрушил его последнюю линию обороны. Он обернулся и взглянул на Леди.

– Да, верю, – ответил он с серьезным видом.

– Я тоже верю в Христа, мистер Маккенсон. Иисус Христос был самым совершенным из людей, насколько это вообще возможно, но и он, бывало, доходил до крайней точки, тоже боролся и страдал. Порой и Христу казалось, что больше он не сможет сделать и шага, например когда прокаженные и калеки едва не растоптали его, умоляя о чуде, неотступно следуя за ним до тех пор, пока он все-таки не явил им чудо. Я хочу сказать, мистер Маккенсон, что даже Иисус Христос иногда нуждался в помощи и не считал для себя унижительным просить о ней.

– Но мне не нужна... – Отец замолчал.

– Дело в том, – продолжала Леди, – что видения время от времени бывают у всех, это свойство осталось в человеке от животного. Эти видения словно маленькие кусочки большого лоскутного одеяла, и часто мы не в силах понять, что они означают. Чаще всего они посещают нас во сне, но иногда мы грезим и наяву. Это случается

почти со всеми, вот только мало кому удастся понять смысл того, что он видит. Вы понимаете меня?

– Нет, – ответил отец.

– Неправда, мистер Маккенсон, вы понимаете меня.

Леди подняла тонкий палец:

– Липкая пленка этого мира заклепывает наши глаза и уши, делает нас слепыми, немыми и глухими, поэтому мы не можем знать того, что происходит на другой стороне.

– На другой стороне?

– В другом мире, на другом берегу реки, – объяснила Леди. – Именно оттуда взывает к вам человек, лежащий на дне озера Саксон.

– Я не хочу больше этого слышать, – сказал отец, но не сдвинулся с места.

– Он зовет вас, – повторила Леди. – Я тоже слышу его крик, он не дает мне спать, а я ведь уже немолода и нуждаюсь в покое.

Леди шагнула к отцу и взглянула ему прямо в глаза:

– Этот человек, прежде чем упокоиться с миром, хочет сообщить, кто убил его. Он силится докричаться до нас с вами, мистер Маккенсон, но не может выговорить имя или показать лицо убийцы. Все, что он может нам дать, – несколько фрагментов большого лоскутного одеяла. И если бы вы заглянули ко мне, мы бы вместе поразмыслили и тогда, возможно, смогли бы соединить какие-то кусочки вместе. И вы снова сможете спать спокойно, как, впрочем, и я, а человек со дна озера Саксон сможет уйти туда, где ему надлежит находиться. Более того, мы смогли бы изловить убийцу, если, конечно, он еще ходит по этой земле.

– Я не... верю... в такую че...

– Можете верить или не верить, это ваше дело, – перебила отца Леди. – Но когда к вам сегодня ночью снова явится мертвец – а это непременно случится, – у вас не останется выбора: вам придется слушать его. Мой вам совет, мистер Маккенсон: прислушивайтесь к нему внимательно.

Отец хотел что-то сказать: его рот приоткрылся, но он не смог выдать ни единого слова.

– Извините, – обратился тогда я к Леди. – Я хотел спросить... снятся ли вам... другие сны?

– Да, очень часто, – ответила она. – Но в моем возрасте главная беда в том, что сны зачастую повторяются.

– Я тут подумал... может, вы когда-нибудь видели сон о четырех девочках?

– О четырех девочках? – переспросила Леди.

– Да, мэм. О четырех девочках-негритянках. Они одеты, как будто сегодня воскресенье и они собрались в церковь.

– Нет, – ответила Леди. – Кажется, ничего такого я никогда не видела.

– А вот мне они постоянно снятся. Не то чтобы каждую ночь, но часто. Что бы это значило, вы не можете сказать?

– Это тоже лоскутки одеяла, – сказала Леди. – Скорее всего, это нечто такое, что ты уже знаешь, но еще не знаешь, что ты это знаешь.

– Простите?

– Возможно, причина не в духах умерших, – объяснила Леди, – а в тебе самом, в том, о чем ты постоянно думаешь, пытаюсь понять.

– А-а, – проговорил я.

Вот почему Леди видит сны моего отца, а не мои сны: ведь мои сны не призраки прошлого, а тени будущего.

– Скоро у нас в Брутоне откроется музей; приходите, когда он будет готов, – сказала Леди маме. – Мы собрали деньги на его строительство в Центре досуга. Работа закончится через пару месяцев. В музее будет интересная экспозиция.

– Я слышала об этом, – сказала мама. – Желаю вам всяческих успехов.

– Спасибо. Я сообщу, когда состоится церемония открытия. А вам, мистер Маккенсон, советую хорошенько подумать о том, что я сказала.

Леди протянула отцу свою руку в фиолетовой перчатке, и тот осторожно ее пожал. Может быть, он и боялся Леди, но прежде всего он был джентльменом.

– Если надумаете прийти, вы знаете, где я живу.

Леди вернулась к своему мужу и мистеру Дамаронду, и они втроем вышли в теплую безветренную ночь. Мы вышли следом за ними и видели, как они уехали – не на «пontiаке», украшенном горным хрусталем, а на простом «шевроле» голубого цвета.

Несколько человек, присутствовавших на церемонии, все еще стояли на тротуаре и разговаривали. Они воспользовались случаем, чтобы еще

раз сказать мне, как им понравилось мое сочинение и как здорово я его прочитал.

– Продолжай в том же духе, у тебя отлично получается! – весело бросил мне мистер Доллар, а потом заявил кому-то не без хвастовства: – А знаешь, этот парень – мой постоянный клиент. Да, сэр, я стригу его уже много лет!

Мы отправились домой. Я держал свою наградную пластинку на коленях, стискивая ее обеими руками.

– Мама, – спросил я, – что за музей должен открыться в Брутоне? Там будут показывать кости динозавров и тому подобное?

– Нет, – ответил отец. – Это будет музей гражданских прав. Если я правильно понял, там будут разные письма, документы, фотографии.

– Как я слышала, всякие предметы времен рабовладения, – вставила мама. – Ножные кандалы, клейма и тому подобное. Лизбет Сирс рассказывала, что Леди продала свой «понтиак» и вложила деньги в это строительство.

– Не думаю, что это обрадует парней, которые сожгли крест во дворе Леди, – подал голос отец. – Клан еще обязательно скажет свое слово, я уверен.

– Я думаю, музей в Брутоне – хорошее дело, – сказала мама. – Для того чтобы представлять, что ждет тебя впереди, нужно знать, откуда ты пришел.

– Да, могу вообразить, какое будущее готовит клан обитателям Брутона, – заметил отец, сбрасывая скорость перед поворотом на Хиллтоп-стрит.

Сквозь ветви деревьев я увидел огни в окнах Такстеров.

– А у нее крепкое пожатие, – сказал отец, словно обращаясь к самому себе, – у этой Леди.

Но мы и так знали, о ком он говорит.

– Сильная рука. Мне показалось, что она смотрит прямо в душу и я ничего не могу от нее скрыть...

Внезапно отец замолчал – видимо, осознал, что мы его слышим.

– Я могу сходить вместе с тобой, – предложила мама, – если ты все-таки соберешься поговорить с Леди. Я буду рядом все это время. Она хочет тебе помочь. Думаю, тебе стоит согласиться.

Отец молчал. Мы уже почти добрались до дома.

– Хорошо, я подумаю, – сказал он.

Это означало, что он больше ни слова не желает слышать о Леди.

Отец знал, где живет Леди, и, возможно, собирался попросить ее о помощи в изгнании призрака, взывавшего к нему со дна озера Саксон, но пока был не готов к этому. Окажется ли он когда-нибудь готов, согласится ли пойти к Леди, я не знал. Первый шаг должен был сделать он сам: никто не мог принудить его к этому. А меня сейчас заботило другое: навязчивый сон о четырех девушках-негритянках, втрескавшаяся в меня по уши Демон и предстоящая борьба с Луженой Глоткой. К тому же я собирался написать что-то новое, но в голову ничего не шло.

И конечно, зеленое перо. Везде и всюду – зеленое перышко с опушки леса, лежавшее в одном из моих семи волшебных ящичков. На вопросы, которые оно порождало, у меня пока не имелось ответа.

Тем же вечером отец повесил наградную табличку на стену в моей комнате, прямо над волшебной шкатулкой. Табличка отлично смотрелась между фоткой здорового детины с болтами на шее и некой личностью с выступающими зубами и скрытым под черным капюшоном лицом.

Я чувствовал, что во мне бурлят творческие силы; сегодня вечером я ощутил подлинный вкус жизни. Я выбрал дорогу, сделал по ней первый шаг, и не беда, что он вышел немного неловким. Под грузом дней это ощущение восторга, наверно, исчезнет в реке времени, но в этот вечер, который никогда больше не повторится, это чувство жило во мне.

Глава 3

Обед у Вернона

Сказать, что все время, остававшееся до дня рождения Демона, она охаживала меня, было все равно что сказать, будто кот подружился с мышью. Меж двух огней – между страстными шепотками Демона и ревом Луженой Глотки, от которого дребезжали стекла, – к среде я превратился в комок нервов, но по-прежнему не понимал, как делить дробь.

Вечером в среду после ужина я протирал вымытые мамой тарелки. Неожиданно отец поднял голову от газеты и спросил:

– Перед домом остановилась машина. Мы кого-нибудь ждем?

– Нет, насколько я знаю, – отозвалась мама.

Скрипнув креслом, отец поднялся. Он открыл дверь, собираясь выйти на крыльцо, но остановился и удивленно присвистнул.

– Вам стоит взглянуть на это, – сказал отец и вышел за дверь.

После таких слов мы просто не могли не выбежать на крыльцо вслед за отцом.

Перед нашим домом стоял длинный гляцевитый лимузин черного цвета, блестящий, будто темный атлас. Мне бросились в глаза хромированная решетка радиатора и ветровое стекло не меньше мили в ширину. Это был самый длинный и красивый автомобиль из всех, которые я видел в своей жизни. Наш старый пикапчик, стоявший рядом с ним, казался ржавой жестянкой.

Дверца водителя открылась, и наружу выбрался мужчина в темном костюме.

Обойдя машину, он остановился на лужайке прямо перед нашим крыльцом и поздоровался:

– Добрый вечер.

Судя по акценту, он явно был нездешний. Пройдя по дорожке, незнакомец оказался в круге света под фонарем, и мы увидели, что у него седые волосы и усы, а черные ботинки начищены до невероятного блеска и сверкают так же сильно, как и лимузин.

– Чем могу помочь? – спросил незнакомца отец.

– Вы мистер Томас Маккенсон? – спросил мужчина.

– Да, это я.

– Очень хорошо, сэр.

Мужчина остановился у крыльца.

– Миссис Маккенсон, – вежливо кивнул он моей маме, потом обратился ко мне: – А вы, стало быть, Кори?

– Э-э-э... да, я Кори... сэр, – ответил я.

– Превосходно.

Человек улыбнулся, потом засунул руку во внутренний карман пиджака и извлек оттуда конверт:

– Прошу, это для вас.

Он протянул мне письмо.

Я оглянулся на отца. Кивком головы он позволил мне взять конверт, и, пока я распечатывал его, седовласый мужчина следил за мной, заложив руки за спину. Конверт оказался запечатан красным воском с выдавленной на нем буквой «Т». Я достал из конверта маленькую белую карточку, на которой было напечатано на машинке несколько строк.

– Что там такое? – спросила мама, заглядывая мне через плечо.

Я прочитал вслух:

– «Мистер Вернон Такстер имеет честь пригласить вас на обед, который будет подан в доме Такстеров в субботу, девятнадцатого сентября тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года, в семь часов вечера. Одежда повседневная».

– К одежде никаких особых требований, – пояснил седовласый мужчина.

– О господи, – прошептала мама.

Это означало, что она очень волнуется. Ее брови нахмурились.

– Могу я узнать, кто вы такой? – спросил незнакомца отец, принимая из моих рук белую карточку и разглядывая ее.

– Меня зовут Сирил Притчард, мистер Маккенсон. Я работаю у мистера Такстера, веду в его доме хозяйство. Мы с женой служим у мистера Мурвуда и молодого Вернона вот уже восемь лет.

– Вы мажордом... или что-то в этом роде?

– Моя жена и я служим у мистера Такстера, этим все сказано.

Отец хмыкнул и озабоченно нахмурился:

– А почему приглашение пришло от Вернона, а не от его отца?

– Дело в том, что именно Вернон хочет отобедать с вашим сыном.

– Откуда Вернон Такстер знает моего сына?

– Молодой хозяин Вернон имел честь присутствовать на церемонии награждения победителей литературного конкурса. Мастерское владение языком, продемонстрированное вашим сыном, произвело на него очень большое впечатление. Видите ли, в свое время мистер Вернон тоже мечтал стать писателем.

– Он ведь даже написал книгу? – спросила мама.

– Совершенно верно. Эта книга называется «Луна – моя госпожа». Она вышла в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году в издательстве «Соннейлтон пресс» в Нью-Йорке.

– Я брала эту книгу в библиотеке, – сказала мама. – По правде сказать, покупать ее я бы не стала, в особенности из-за окровавленного мясницкого ножа на обложке. Знаете, мне эта обложка показалась очень странной, потому что на поверку книга повествует по большей части о жизни в маленьком городке, а не о мяснике, который... ну, в общем, вы, наверно, сами знаете.

– Да, конечно, я знаю, – кивнул мистер Притчард.

Я тогда понятия не имел, о чем шла речь. Позднее я узнал, что мясник из романа Вернона Такстера каждый раз во время полнолуния убивал какую-нибудь женщину и вырезал у нее внутренности. Все население вымышленного городка обожало деликатесы, которые искусно готовил мясник: пироги с мясом и почками, острые каджунские колбаски, сэндвичи с мясом.

– По-моему, для первого романа написано совсем неплохо, – высказала свое мнение мама. – А почему он перестал писать?

– К сожалению, по какой-то причине книга не нашла широкого спроса у читателей, и молодой хозяин Вернон, как бы это сказать... разочаровался в своих способностях.

Взгляд мистера Притчарда снова обратился ко мне.

– Так что мне передать молодому мистеру Такстеру по поводу приглашения на обед?

– Подождите, не гоните лошадей, – подал голос отец. – Не люблю говорить об очевидных вещах, но ведь Вернон Такстер не совсем... в себе и вряд ли в состоянии принимать гостей. Или я ошибаюсь?

Взгляд мистера Притчарда сделался ледяным.

– Молодой мистер Такстер вполне способен принять у себя в доме гостя, мистер Маккенсон. Отвечая на ваш невысказанный вопрос, смею заверить, что в его обществе ваш сын будет в полной безопасности.

– Я не хотел никого оскорбить. Но согласитесь, что, если кто-то постоянно разгуливает по улицам в голом виде, закрадывается подозрение, что у него с головой не совсем в порядке. Не понимаю, почему Мурвуд позволяет сыну появляться в городе в таком виде?

– Молодой хозяин Вернон живет своей собственной жизнью. Мистер Такстер предоставляет своему сыну возможность вести себя так, как ему нравится.

– Что ж, это можно понять, – кивнул отец. – Но знаете, вот уже года три о Мурвуде ни слуху ни духу. Он и раньше был затворником, но в последнее время он что же, вообще не выходит на воздух?

– Дела мистера Такстера-старшего находятся в полном порядке. Он регулярно получает свою ренту, его собственность никогда не падает в цене. Бизнес всегда был его главным интересом и удовольствием. Так какой же ответ передать молодому хозяину Вернону?

Вернон Такстер написал книгу, она даже была опубликована. Судя по тому, что сказала мама, это детективный роман. Настоящая книжка, в настоящем нью-йоркском издательстве. Может быть, никогда в жизни у меня больше не появится возможность поговорить с настоящим писателем, подумал я. И какое мне дело до того, что он спятил и разгуливает по улицам в чем мать родила? Он знает мир далеко за пределами Зефира, и, хотя именно эти знания, по-видимому, нанесли его душе такой непоправимый вред, мне было интересно узнать об опыте, вынесенном Верноном из его знакомства с волшебной шкатулкой.

– Я хотел бы встретиться с Верноном, – сказал я.

– С вашей стороны возражений не будет? – обратился мистер Притчард к моим родителям.

– Даже не знаю, что сказать, – замялась мама. – По-моему, Том, один из нас обязательно должен пойти на этот обед вместе с Кори. На всякий случай.

– Мне понятны ваши опасения, миссис Маккенсон. Могу вас заверить, что мы с женой знаем мистера Вернона Такстера как доброго, тонко чувствующего и вполне разумного человека. К

несчастьем, у Вернона совершенно нет друзей. Его отец всегда был очень далек от него.

И снова в глазах мистера Притчарда появился лед.

– Дело в том, что мистер Такстер-старший очень несговорчив. Он всегда выражал несогласие с тем, чтобы молодой хозяин Вернон занимался писательским трудом. До недавнего времени он категорически возражал, чтобы в библиотеке Зефира хранились экземпляры книги его сына «Луна – моя госпожа».

– Что же заставило его изменить свое мнение? – поинтересовалась мама.

– Время и обстоятельства, – ответил мистер Притчард. – Мистеру Такстеру стало совершенно ясно, что молодой хозяин Вернон не имеет склонности к бизнесу. Как я уже сказал, у мистера Вернона очень тонкая и чувствительная натура.

Лед в глазах мистера Притчарда мало-помалу растаял, он сощурился и даже попытался изобразить некое подобие улыбки.

– Прошу прощения, но я не хотел докучать вам рассказом о заботах семейства, которому я служу. Мне нужно дать определенный ответ молодому хозяину Вернону. Могу ли я сообщить ему, что юный Кори Маккенсон принимает его приглашение?

– Только если кто-нибудь из нас пойдет с ним, – ответил Притчарду отец. – Мне всегда хотелось повидать дом Такстеров изнутри.

Отец вопросительно взглянул на маму:

– Ты не станешь возражать?

Мама размышляла примерно минуту. Я видел, как она обдумывает окончательное решение: покусывание нижней губы обычно означало «нет», тогда как вздох и легкое подергивание правого уголка рта свидетельствовали о том, что она склоняется к положительному ответу. Послышался вздох, а затем – подергивание уголка рта.

– Да, – сказала мама.

– Что ж, прекрасно. – На этот раз улыбка на лице мистера Притчарда была искренней. По-видимому, наше согласие обрадовало его. – В соответствии с отданным мне распоряжением в субботу, в шесть тридцать, я заеду за вами на машине. Вы не возражаете, сэр?

Вопрос был адресован мне. Я заверил мистера Притчарда, что это будет здорово.

– В таком случае до встречи.

Отвесив нам виртуозный поклон, при котором спина казалась абсолютно прямой, мистер Притчард прошествовал к своему облаченному в черный атлас лимузину. Звук заводящегося мотора напоминал тихую музыку. Мистер Притчард отъехал от нашего дома и, свернув на следующем перекрестке, покатыл в гору по изгибу Темпл-стрит.

– Надеюсь, все пройдет спокойно, – сказала мама, когда мы вернулись в дом. – От книги Вернона у меня мурашки по спине бегали.

Снова усевшись в кресло, отец продолжил читать отложенную газету с новостями спорта. Заголовки были посвящены грядущей встрече футбольных команд Алабамы и Оберна, хиту осеннего сезона.

– Всегда хотел взглянуть, как живет старина Мурвуд, – повторил отец. – Думаю, другая возможность мне вряд ли представится. Для Кори это тоже будет полезно: он сможет поговорить с Верноном о ремесле писателя.

– Кори, надеюсь, ты не собираешься писать такие же жуткие романы, как книга Вернона? – с тревогой спросила мама. – Эту книжку было тем более странно читать, что казалось, будто все ужасы и кровь специально туда вставлены, хотя им там не место. Если бы не это убийство, то получилась бы милая такая книжка о тихом провинциальном городке.

– Убийства иногда случаются, – подал голос отец. – Кому, как не нам, это знать.

– Я не спорю, но неужели книги просто о жизни читаются с меньшим интересом? И этот обгаренный кровью мясницкий тесак на обложке... я бы и не притронулась к этой книге, если бы не имя Вернона Такстера на обложке.

– Жизнь – это не только розы, но и шипы. – Отец снова отложил свою газету. – Хотелось бы познать жизнь только с лучшей ее стороны, но в ней столько же радости и порядка, сколько хаоса и боли. Хаоса, пожалуй, даже значительно больше, чем порядка. И если человек начинает это понимать, – отец слегка улыбнулся, не сводя с меня печальных глаз, – значит он повзрослел.

Замолчав, он снова развернул газету и углубился в статью о футбольной команде Оберна. Но вскоре отца посетила новая мысль, и он опять отложил газету.

– Знаешь, Ребекка, что мне кажется особенно странным? Видела ли ты хотя бы раз за последние два-три года Мурвуда Такстера? В банке, в парикмахерской, да где угодно?

– Нет, не видела. По правде сказать, я даже не знаю, как он выглядит.

– Такой тощий высокий старикан. Всегда ходит в черном костюме и темном галстуке-бабочке. Я точно помню, что однажды видел Мурвуда, но тогда я был еще мальчишкой. И уже тогда Мурвуд казался мне старым и каким-то высохшим. После того как у Мурвуда умерла жена, он почти перестал выходить из дома. Но хотя бы пару раз за эти годы мы наверняка должны были его увидеть, как ты считаешь, Ребекка?

– Кстати, и мистера Притчарда я увидела впервые. Может, они все там затворники в доме Такстеров?

– Все, кроме Вернона, – вставил словечко и я. – Пока на улице тепло, его можно встретить достаточно часто.

– Верно, как дождь, – согласился отец. – Завтра я поспрашиваю еще народ в городе. Может, кто-нибудь и видел Мурвуда за последнее время.

– Для чего тебе это нужно? – нахмурилась мама. – Не вижу смысла в подобных расспросах. В субботу вечером ты, возможно, сам его увидишь.

– Может, и увижу. Если только он не умер, – ответил отец. – Представляешь, какая это будет новость, если Мурвуд уже пару лет назад отдал Богу душу, а в городе при одном упоминании его имени люди все еще буквально вскакивают с места?

– Но кому это нужно – держать в тайне, что Мурвуд Такстер умер?

Отец пожал плечами, но я был уверен, что в уме он напряженно ищет ответ.

– Вероятно, все дело в налоге на наследство или в жадных родственниках. Или с законами вышла какая-то путаница. Да мало ли что может оказаться.

Его губы растянулись в улыбку, а глаза оживленно заблестели.

– Ответ на этот вопрос может дать Вернон Такстер. Вот была бы умора, если бы большая часть города принадлежала сумасшедшему, который разгуливает голым по улицам, а все его слушаются, потому что считают, что его устами говорит Мурвуд Такстер! Помнишь ту ночь, когда весь город бросился спасать Брутон от наводнения? Мне

уже тогда показалось, что дело нечисто. Мурвуду гораздо выгоднее держать деньги в кулаке, а не раздавать свою наличность добрым самаритянам, тем более что им еще надо пригрозить, чтобы они проявили доброту.

– А что, если за последние годы у него смягчилось сердце? – предположила мама.

– Если он действительно умер, то это вполне можно допустить.

– Вот в субботу вечером ты и выяснишь все сам, – подвела итог мама.

Наверняка мы с отцом хоть что-нибудь да узнаем. А пока мне приходилось выслушивать рассказы Демона о том, каким веселым будет ее день рождения, где, по ее словам, должен был собраться чуть ли не весь наш класс. И так же, как отец расспрашивал знакомых, давно ли им доводилось видеть Мурвуда Такстера, я интересовался у своих одноклассников, не собираются ли они на день рождения Демона.

Оказалось, никто к Демону не идет. Большинство опрошенных заявили, что скорее съели бы сэндвич Демона с собачьими какашками, чем пошли бы на подобную вечеринку, оказавшись во власти ее огненноволосой, козьявчатой родни. В ответ я клялся, что лучше улечься на раскаленные угли или поцеловать того лысого русского парня, что стучал башмаком по столу, чем пойти на вечеринку к Демону и лицезреть ее противных домочадцев.

Конечно, если я и говорил подобное, то лишь предварительно удостоверившись в том, что Демон меня не услышит. Мне даже стало ее чуточку жаль: я так и не нашел ни одного мальчика или девочку, кто собирался бы на ее день рождения.

Не знаю, почему я сделал это. Быть может, представил себе, что ты чувствуешь, когда приглашаешь на свой день рождения целый класс, соблазняешь мороженым и тортом, говоришь, что никаких подарков не нужно, только, ради бога, приходите, а они все как один отвечают «нет». На свете не существует ничего обиднее этого слова, а я был уверен, что Демону доведется услышать его еще много раз. Я все равно не мог пойти к ней, это значило бы самому напрашиваться на неприятности. В четверг после школы я подъехал на Ракете к магазину Вулворта на Мерчантс-стрит и купил для Демона за пятнадцать центов поздравительную открытку по случаю дня рождения, с изображением

щенка в праздничной шапочке. На развороте открытки, под скверными стихами я подписал: «Поздравляем с днем рождения. Твои одноклассники» – и сунул открытку в красивый розовый конверт. В пятницу до начала занятий я проскользнул в класс раньше всех и положил конверт Демону на парту. Хвала Господу, никто меня не заметил – я бы этого не пережил.

После звонка мы оказались во власти Луженой Глотки. Я услышал, как за моей спиной села за парту Демон и вынула из конверта открытку. Луженая Глотка стала орать на парнишку по имени Реджи Даффи, отчитывая за то, что он позволил себе на уроке жевать виноградную жвачку. Это входило в наш совместный план борьбы с Луженой Глоткой: путем проб и ошибок нам удалось выяснить, что нашей училке ненавистен запах виноградной жвачки, поэтому почти каждый день кто-нибудь приходил в класс с полным ртом тягучей розовой массы и отдавал себя на растерзание учительницы.

Позади меня раздался тихий всхлип.

И наступила тишина. Один-единственный звук, от которого могло разорваться сердце. Подумать только: за каких-то пятнадцать центов можно купить слезу счастья!

Во время большой перемены на пыльной площадке для игр Демон буквально порхала от одного ученика к другому, показывая свою поздравительную открытку. У всех оказалось достаточно сообразительности, чтобы сделать вид, будто они заранее знали о сюрпризе. Лэдд Девайн, долговязый парень с рыжими волосами ежиком, уже в ту пору демонстрировавший все признаки футбольной звезды – быстрые ноги, сильные и точные пасы и любовь к дракам, – услышав краем уха, что девочки считают очень милым, что кто-то поздравил Демона с днем рождения, объявил, будто именно он купил эту открытку. Я не стал ему возражать: Демон уже взирала на Лэдда с любовью в глазах и пальцем в ноздре.

В субботу вечером точно в назначенное время мистер Притчард подкатил к нашему дому на своем длинном черном авто.

– Следи за своими манерами! – напутствовала меня мама. Впрочем, ее слова наверняка относились и к отцу.

Как и было велено, мы не стали наряжаться в костюмы, «повседневной одеждой» в нашем случае служили удобные рубашки с короткими рукавами и чистые голубые джинсы. Вслед за отцом я

забрался на заднее сиденье лимузина, обнаружив, что словно попал в пещеру со стенами, обитыми кожей и норковым мехом. Мистер Притчард сидел впереди, его и нас разделяла перегородка из прозрачного пластика. Тронувшись с места, мистер Притчард повернул на Темпл-стрит. Машина шла плавно, мотор работал настолько бесшумно, что мы едва его слышали.

На Темпл-стрит, среди раскидистых дубов и тополей, стояли дома самых богатых и уважаемых жителей Зефира. Тут находился, например, красный кирпичный дом мэра Своупа с кольцевой подъездной дорожкой. По пути отец показал мне особняк из белого мрамора, принадлежавший президенту городского банка. Чуть дальше, за поворотом извилистой Темпл-стрит, находился дом мистера Самптера Вомака, хозяина «чертова колеса», а прямо напротив него в доме с белыми колоннами жил доктор Пэрриш. Темпл-стрит заканчивалась витыми чугунными воротами, за которыми асфальт сменялся булыжником. Им была вымощена изогнутая подъездная аллея, по сторонам которой стояли двумя рядами, словно солдаты на параде, вечнозеленые деревья. В окнах особняка Такстеров горел яркий свет, на покатой крыше виднелось несколько труб и башенок в форме луковицы. Мистер Притчард остановился, чтобы открыть ворота, а потом еще раз, чтобы запереть их. По булыжнику лимузин катил так же плавно, как и по асфальту. Мы проследовали по изгибу подъездной аллеи среди благоухающих сосен и остановились под широким брезентовым навесом в голубую и золотую полосу. Начинаясь под тентом кафельная лестница вела вверх к массивной парадной двери. Прежде чем отец успел справиться с дверцей лимузина, наш водитель уже отворил ее для нас. Затем мистер Притчард, двигавшийся грациозно и бесшумно, как ртуть, открыл двери особняка, и мы вошли внутрь.

Отец замер в ошеломлении.

– Ну и ну! – только и смог сказать он.

Я разделял его благоговейный восторг. Описать интерьер особняка Такстеров во всех подробностях, чего он, несомненно, заслуживал, я не в состоянии. Отмечу лишь, что меня сразу поразили его громадные размеры, высокие потолки, с которых свешивались люстры. Казалось, внутри особняка светится, блестит и сверкает все, что только возможно. Наши ноги утопали в мягком ворсе восточных ковров.

Пахло кедром и дорогой кожей. На стенах висели картины в золоченых рамах, освещенные лучами заходящего солнца. Одну стену целиком занимал громадный гобелен со сценами из средневековой жизни, а широкая лестница плавно, словно сладчайший изгиб плеча Чили Уиллоу, поднималась на второй этаж. Я видел всюду полированное дерево, лоснящуюся кожу, шелковистый бархат и витражи из цветного стекла. Все, вплоть до лампочек в люстрах без малейших следов паутины, сияло чистотой.

Навстречу нам вышла женщина примерно одних лет с мистером Притчардом. Она была облачена в белую униформу, серебряные булавки скрепляли пучок ее снежно-белых волос. У женщины было круглое приветливое лицо и ясные голубые глаза. Она поздоровалась с нами, и я заметил, что акцент у нее точно такой же, как у мистера Притчарда, ее мужа. Как объяснил мне отец, таков британский акцент.

– Молодой хозяин Вернон занимается своими поездами, – сказала нам миссис Притчард. – Он просит вас пройти к нему.

– Благодарю, Гвендолин, – отозвался мистер Притчард. – Не соблаговолите ли проследовать за мной, джентльмены?

Мистер Притчард направился по коридору, по обеим сторонам которого располагались двери комнат, и нам пришлось прибавить шагу, чтобы не отстать от него. Мы уже успели понять, что в особняке Такстеров можно было разместить несколько домов размером с наш и еще осталось бы место для амбара. Мистер Притчард остановился и отворил высокие двери. До нас донеслось завывание паровозного свистка.

И тут перед нами предстал Вернон – как обычно, в чем мать родила. Он стоял к нам спиной, чуть наклонившись вперед, и изучал какой-то предмет, держа его совсем близко от лица.

Мистер Притчард откашлялся. Вернон обернулся, сжимая в руках локомотивчик, и улыбнулся так широко, что мне показалось, будто лицо его сейчас треснет.

– А вот и вы! – воскликнул он. – Входите, пожалуйста!

Мы с отцом так и сделали. В комнате, в которой мы оказались, не было никакой мебели, если не считать огромного стола, на котором среди зеленого ландшафта с миниатюрными холмами, лесом и крохотным городком двигались с пыхтением несколько игрушечных

поездов. В одной руке Вернон держал помазок, а в другой – паровозик, которому, по-видимому, только что чистил колеса.

– На рельсы садится пыль, – объяснил он нам. – Если ее собирается слишком много, может произойти крушение.

Я изумленно уставился на игрушечную железную дорогу. В движении находилось одновременно семь составов. Крохотные стрелки автоматически переключались, перемигивались маленькие огоньки семафоров, перед железнодорожным переездом стояли крошечные автомобильчики. На фоне зелени леса выделялись яркие пятна багрянника. Городские домишки величиной со спичечный коробок были так искусно раскрашены, что их стены казались сложенными из кирпича и камня. В конце главной улицы высилось строение в готическом стиле с куполом – точная копия здания суда, откуда я недавно едва унес ноги. Между холмами извивались змейки дорог. Через реку из зеленого стекла был перекинут мостик, а за пределами городка лежало большое и продолговатое, окаймленное черным цветом зеркало – озеро Саксон, как я догадался. Вернон даже прорисовал красным береговую линию, чтобы обозначить гранитные утесы. Я увидел бейсбольное поле, плавательный бассейн, а также домишки и улочки Брутона. В конце улочки, которая наверняка должна была именоваться Джессамин-стрит, я нашел даже чудной домик, раскрашенный всеми цветами радуги. Я отыскал шоссе номер десять, которое бежало вдоль леса, расступавшегося, чтобы открыть гладь озера Саксон. Я пошарил глазами, отыскивая домик, который, как я теперь знал, должен был там находиться. И действительно увидел его: он был величиной с ноготь на моем большом пальце – дом с дурными девушками, где заправляла мисс Грейс. А в лесистых холмах на западе, между Зефиром и отсутствовавшим на этой своеобразной карте Юнионтауном, имелась округлая выжженная плешь, оставшаяся на месте сгоревших низкорослых деревьев.

– Вероятно, там был лесной пожар, – предположил я.

– Это место, где упал метеорит, – объяснил нам Вернон, едва взглянув в сторону выгоревшего пятна.

Он подул на колесики локомотива – обнаженный Невероятно огромный человек^[19]. Я отыскал Хиллтоп-стрит и наш домик на опушке леса. А когда проследил взглядом за величавым изгибом

Темпл-стрит, уперся в картонный особняк, внутри которого сейчас находились мы – я и мой отец.

– А вы все вот здесь, Кори. И ты, и твой отец тоже, – сказал Вернон, показав рукой в сторону коробки из-под обуви справа от себя.

Рядом были разбросаны железнодорожные вагончики, рельсы и проводки. На крышке картонной коробки черным мелком было написано: «ЛЮДИ». Подняв крышку, я заглянул внутрь и увидел там сотни крохотных человеческих фигурок с тщательно раскрашенными телами и волосами. Все фигурки были голые.

Один из поездов, катившихся по рельсам, испустил резкий свист, похожий на птичий. Другой состав тянул паровозик, выпускавший на ходу крошечные колечки дыма.

Открыв рот от изумления, отец обошел кругом эту огромную, невероятно сложную композицию.

– У вас здесь все, во всех подробностях? – спросил он. – На Поултер-Хилле есть даже надгробия на могилах! Мистер Такстер, как же вам удалось все это сделать?

Вернон поднял голову от своего паровозика:

– Не нужно «мистера Такстера». Зовите меня просто Вернон.

– Хорошо, Вернон. Вы сами все это сделали?

– Не за одну ночь, конечно, – ответил Вернон и опять улыбнулся.

С расстояния в несколько шагов его лицо казалось мальчишеским, вблизи же становились заметными морщины около глаз и две глубокие складки, залегшие скобками вокруг рта.

– Я сделал это потому, что люблю Зефир. Всегда любил и буду любить.

Вернон оглянулся на мистера Притчарда, стоявшего в ожидании у двери:

– Благодарю вас, Сирил. Можете быть свободны. Хотя... одну минуту. Надеюсь, мистер Маккенсон все понял?

– Понял что? – спросил отец.

– Дело в том, – сказал мажордом, – что мистер Вернон хочет отобедать с вашим сыном наедине. Вам обед будет подан на кухне.

– Не понимаю. В чем причина?

Вернон продолжал молча смотреть на мистера Притчарда. Седовласый мажордом ответил:

– Потому что на обед был приглашен только ваш сын, мистер Маккенсон. Вы решили сопровождать его... гм... по собственной инициативе. Если у вас остаются какие-либо сомнения, хочу успокоить вас и сообщить, что кухня находится по соседству со столовой мистера Вернона, где он собирается отобедать с вашим сыном. Таково пожелание молодого хозяина, мистер Маккенсон.

Последняя фраза была произнесена с видом покорности судьбе.

Отец оглянулся на меня, и я пожал плечами в ответ. Я видел, что ему совершенно не нравится такой план, он был готов закусить удила и уйти.

– Но вы тоже пришли, – сказал Вернон. Он поставил локомотив на рельсы, и тот, тихонько застрекотав, ожил и укатил вперед. – И можете остаться на обед.

– Ты можешь остаться, – эхом подхватил и я, обращаясь к отцу.

– Уверен, что вам понравится наша еда, – добавил мистер Притчард. – Гвендолин прекрасно готовит.

Сложив руки на груди, отец некоторое время рассматривал бегавшие по рельсам поезда.

– Хорошо, – наконец проговорил он. – Пусть будет так.

– Вот и отлично! – просиял Вернон. – Это все, Сирил.

– Да, сэр, – отозвался мистер Притчард и затворил за собой двери.

– Вы ведь молочник? – спросил отца Вернон.

– Да, именно. Я работаю в «Зеленых лугах».

– Мой отец – владелец «Зеленых лугов». – Вернон прошествовал мимо меня к дальней стороне стола, чтобы проверить там соединение проводков. – Это вон там. – Вытянув худую руку, Вернон указал туда, где находилась сыроварня. – Слышали, что в Юнионтауне через месяц открывается новый бакалейный магазин? Кроме того, там почти закончено строительство нового торгового центра. С недавних пор такие магазины называются «супермаркетами». Там будет большой отдел молочных продуктов. Молоко будет продаваться в пластиковых бутылках, можете себе представить?

– В пластиковых бутылках? – хмыкнул отец. – Черт знает что!

– Скоро пластик войдет в нашу жизнь повсеместно, – продолжал Вернон, выравнивая один из домиков. – Это наше будущее. Пластик везде и всюду.

– Ваш отец... Вернон, в городе его давно не видели. Вчера я разговаривал об этом с мистером Долларом. Сегодня говорил с мэром Своупом и доктором Пэрришем, потом зашел в банк и спросил там. Никто не видел вашего отца года два или даже больше. Клерки в банке сказали, что важные бумаги забирает из банка мистер Притчард, потом привозит их обратно, уже подписанные Мурвудом.

– Да, именно так все и происходит. Ну что, Кори, как тебе нравится вид на Зефир с высоты птичьего полета? Можно вообразить, что ты летишь над крышами домов.

– Совершенно верно, сэр.

Как ни странно, но в ту минуту я именно об этом и думал.

– Нет, Кори, не нужно никакого «сэр». Просто «Вернон», договорились?

– Мы учили Кори уважительно обращаться к взрослым, – заметил отец.

Вернон посмотрел на него с удивлением и легким испугом:

– К взрослым? Но ведь мы с ним сверстники.

На несколько секунд отец словно лишился дара речи. Наконец он нашел в себе силы с опаской произнести:

– Ага.

– Кори, хочешь сам управлять поездами? Иди сюда!

Вернон стоял над пультом управления с рычажками и цифровыми шкалами.

– Приближается товарный состав, следующий без остановки! Ту-ту!

Я подошел к пульту управления и увидел, что его устройство по сложности не уступает делению дробей.

– Что мне можно делать?

– Все, что угодно, – ответил Вернон. – Это и есть самое интересное.

Я осторожно повернул пару рычажков и покрутил цифровую шкалу. Один из поездов побежал быстрее, другой – медленнее. Из-под колес паровоза вовсю повалил пар. Мигнули сигнальные огни, и раздался свисток.

– Мурвуд по-прежнему живет в особняке, Вернон? – спросил у нас за спиной отец.

– Он отдыхает у себя наверху.

Все внимание Вернона было сосредоточено на поездах.

– Я могу с ним повидаться?

– Когда мой отец отдыхает, к нему никто не допускается, – объяснил Вернон.

– Но не всегда же он отдыхает? – спросил отец.

– Само собой. Но отец всегда слишком утомлен, чтобы держать меня в курсе дела.

– Вернон? Не могли бы вы повернуться ко мне?

Вернон исполнил просьбу отца, краем глаза продолжая следить за железной дорогой.

– Мистер Мурвуд еще жив?

– Живо, живо. Моллюски и мидии мне, живо, живо! – негромко пропел Вернон, потом нахмурился, словно понял наконец суть вопроса. – Конечно, он жив! Кто, если не он, по-вашему, ведет семейные дела?

– Может быть, мистер Притчард?

– Мой отец сейчас находится наверху, он *отдыхает*, – повторил Вернон с легким нажимом на последнем слове. – Кто вы, мистер Маккенсон: молочник или инквизитор?

– Молочник, – ответил отец. – Любопытный молочник.

– Не просто любопытный, а очень и очень любопытный. Давай, Кори, добавь ходу! Шестой скорый идет с опозданием!

Я продолжал с упоением крутить ручки и цифровые шкалы. По мановению моей руки поезда проносились мимо, лавируя между холмами и плавно вписываясь в повороты.

– Знаешь, Кори, мне очень понравился твой рассказ про озеро, – сказал вдруг Вернон. – Оно всегда представлялось мне зловещим, поэтому я и нарисовал его черным. Там внутри скрыта страшная тайна, правда?

– Да, сэ... Вернон, – вовремя исправился я.

Я не мог сразу приучить себя обращаться к старшему по имени.

– Я прочитал в «Журнале» о том, что случилось, – сказал Вернон и, наклонившись над миниатюрным Зефиром, поправил покосившееся деревце на склоне холма, при этом его тень упала на землю. Выполнив задуманное, он отступил на шаг и посмотрел на город сверху вниз. –

Убийца наверняка знал, что озеро Саксон в наших краях считают бездонным, а это означает, что он сам из местных. Возможно, он живет в одном из этих домов в Зефире. Что же касается убитого, раз никто с марта не заявил о его исчезновении и никто не опознал в нем по

описанию своего родственника или знакомого, значит он человек нездешний. Таким образом, необходимо установить, какая связь может существовать между этими двумя людьми, один из которых местный убийца, а другой – жертва, приехавшая откуда-то издалека.

– Шериф тоже хотел бы это выяснить.

– Шериф Эмори – хороший человек, – заметил Вернон, – но не слишком хороший шериф. Он первый с этим согласится. У него нет собачьего инстинкта ищейки, он вполне может выпустить птичку, когда она находится в его когтях.

Задумчиво склонив голову к плечу, Вернон почесал живот под пупком. Потом подошел к медной пластине с выключателями, привинченной к стене, и выключил свет. Как только над игрушечным Зефиром сгустилась тьма, в нескольких домишках зажегся свет. Локомотивы освещали пути лучами своих прожекторов.

– Итак, было раннее утро, – медленно проговорил Вернон. – Убивать кого-то лучше еще до рассвета, чтобы, когда придется сбрасывать труп в озеро, никто не появился бы на шоссе номер десять. Почему убийца дожидался утра, чтобы осуществить свой план?

– Хотелось бы и мне узнать, – отозвался отец.

Я продолжал поворачивать рычажки, на шкалах зажглась подсветка.

– Наверняка убийца – человек, к которому никогда утром не приезжает грузовик из «Зеленых лугов», – продолжал Вернон. – Вот почему он не принял во внимание график доставки молочных продуктов. Знаете, в чем я почти уверен?

Отец молча ждал ответа.

– Мне кажется, что убийца – «сова», полуночник. Думаю, последнее, что он сделал, – сбросил тело своей жертвы в озеро и лишь после этого вернулся домой и лег спать. Таким образом, если вам удастся найти «сову», которая не пьет молоко, то вы с большой вероятностью сможете считать, что нашли убийцу.

– Не пьет молоко? А откуда вы это знаете?

– Молоко способствует крепкому сну, – объяснил Вернон. – Убийца не любит спать, а если он работает днем, должно быть, пьет черный кофе.

В ответ отец лишь приглушенно хмыкнул, что могло означать согласие или понимание.

Двери растворились, и мистер Притчард объявил во тьму, что обед подан. Включив свет и прекратив бег железной дороги, Вернон позвал меня с собой:

– Пойдем, Кори.

Я прошел вслед за ним в столовую, а отец вместе с мистером Притчардом удалились на кухню. В столовой Такстеров у стен располагались рыцарские доспехи, а на длинном столе стояли два прибора, один напротив другого. Вернон предложил мне самому выбрать место, и я предпочел то, откуда мог лучше видеть рыцарей. Через несколько минут в столовой появилась Гвендолин, с серебряным подносом в руках, – и начался обед, наверно самый странный в моей жизни.

На первое был земляничный суп с крошенными в него ванильными вафлями. Затем подали равиоли и шоколадные пирожные в одной тарелке. Еду мы запивали лимонно-лаймовой шипучкой «Физзи». Вернон ужасно насмешил меня, засунув целую таблетку «Физзи» себе в рот, отчего у него пошли оттуда зеленые пузыри. Потом подали запеченные в тесто гамбургеры и попкорн, намазанный маслом, а на десерт мы получили по чашке с начинкой для шоколадного торта, которую можно было есть прямо ложкой. С удовольствием уминая угощение за обе щеки, я испытывал некоторое чувство вины: если бы мама узнала, какое ребяческое пиршество устроил мне Вернон, она бы упала в обморок. На столе не было никаких овощей – ни моркови, ни шпината, ни брюссельской капусты. С кухни доносился легкий запах тушеной говядины: это означало, что отца все-таки потчуют настоящей едой для взрослых. Скорее всего, он даже не догадывался, какой массивной атаке я подвергаю свой желудок. Вернон разделял мое счастье: мы смеялись, слизывая остатки сливочного крема с наших тарелок с алчностью прирожденных сластен.

Вернон хотел знать обо мне все. Он спрашивал, чем я люблю заниматься, кто мои друзья, какие книги я предпочитаю, какие фильмы мне особенно нравятся. Оказывается, Вернон тоже смотрел «Захватчиков с Марса» – это еще больше укрепило наше взаимопонимание. Он рассказал, что когда-то давно у него был целый сундук, полный комиксов о разных супергероях, но отец заставил его выбросить все эти сокровища. Когда-то у него было несколько полок,

заставленных исключительно книжками серии «Братья Харди», но однажды его отец страшно разозлился на него и сжег все эти книги в камине. Вернон рассказал, что у него имелись и все выпуски «Дока Сэвиджа», и Тарзан, и Джон Картер с Марса, и Тень в журнале «Таинственные истории», и целый ящик журналов «Аргоси» и «Жизнь мальчишки», но его отец однажды заявил, что Вернон вырос и не нуждается в подобной чепухе, после чего все это богатство отправилось в огонь или в мусор, превратившись в пепел или канув на свалке. Вернон признался, что не пожалел бы и миллиона долларов, чтобы вернуть все это, и посоветовал мне ни за что не расставаться с такими книгами, если они у меня есть, потому что в них заключена настоящая магия.

Стоит только сжечь свое волшебство или выбросить его в мусор, и ты становишься нищим и сможешь думать лишь о том, как вернуть эту удивительную магию.

– Мне нужно было продолжать носить короткие штаны, – сказал Вернон.

– Что? – не понял я.

Никогда не видел, чтобы Вернон носил штаны. Хоть какие-нибудь.

– Однажды я написал книгу, – сказал он.

– Да, я знаю. Моя мама читала ее.

– А ты хотел бы стать писателем, когда вырастешь?

– Не знаю, – замялся я. – Может быть... если удастся.

– Мне очень понравился рассказ, который ты написал. Было время, я тоже писал рассказы. Отец говорил, что он не имеет ничего против такого хобби, но при этом нельзя забывать, что когда-нибудь ответственность за все это ляжет на мои плечи.

– За что «все это»?

– Я не знаю. Он так и не сказал мне больше ничего.

– А.

В этом был какой-то смысл.

– А почему вы не написали больше ни одной книги?

Вернон хотел что-то ответить: его рот открылся, потом закрылся снова. Какое-то время он сидел, глядя на свои руки, на пальцы, измазанные сливочным кремом. Внезапно его глаза заблестели.

– Во мне была только одна книга, – наконец ответил Вернон. – Я принялся искать внутри себя следующую и искал довольно долго. До

сих пор ищу. Но во мне больше ничего нет. Ничего не было вчера, ничего нет сегодня... и вряд ли что-нибудь появится завтра.

– Но как же так вышло? – удивился я. – Разве вы не можете просто придумать сюжет?

– Придумать? Послушай, я тебе кое-что расскажу.

Я принялся терпеливо ждать.

Вернон глубоко вздохнул, потом так же неторопливо выдохнул. Его взгляд блуждал, – казалось, он всеми силами старался не уснуть, но его неудержимо влекло в сон.

– Жил-был мальчик, – наконец заговорил Вернон. – Однажды он решил написать книгу про город. Про маленький город, такой же, как наш Зефир. Для того чтобы написать книгу так, как нужно, ему потребовалось четыре года. И пока мальчик писал свою книгу, его отец... – Голос Вернона снова стих.

Я ждал продолжения.

– Его... отец... – Вернон нахмурился в явной попытке собраться с мыслями. – Да! – воскликнул он. – Его отец постоянно говорил, что его занятие – просто глупость, и ничего больше. Отец твердил это с утра до вечера. «Ты глупец, – говорил он, – сумасшедший глупец. Все свое время ты тратишь на эту книгу, а ты должен изучать дело, семейный бизнес. Именно для этого я тебя растил. Чтобы ты продолжал семейное дело. Не для того, чтобы ты тратил время и разочаровывал меня, упуская свой шанс. Я вырастил тебя, чтобы передать тебе дело, и твоя мать укоризненно смотрит на тебя из могилы, потому что ты и ее разочаровал. Ты разбил ей сердце, когда бросил колледж, из-за этого она приняла таблетки и рассталась с жизнью, только из-за тебя и ни из-за кого больше. Ты бросил колледж, и деньги, потраченные на тебя, ушли на ветер. С таким же успехом я мог просто выбросить эти деньги в окно – ниггерам и белой швали».

Вернон прищурился, выражение его лица изменилось.

– «Неграм, – поправил отца мальчик. – Нужно быть культурным, папа». Ты понимаешь меня, Кори?

– Я... не совсем...

– Тогда глава вторая, – продолжил Вернон. – Прошло еще четыре года. Все эти четыре года мальчик терпеливо переносил насмешки и ругань отца. И продолжал писать свою книгу о городе и о людях, которые в нем живут, благодаря которым город таков, каков он есть.

Возможно, в книге не имелось настоящего сюжета, ничего такого, что с первых же страниц берет вас за глотку и трясет так, что все ваши кости стучат, – но эта книга была о *жизни*. Там был ее непрерывный поток и голоса, все те незаметные повседневные мелочи, из которых складывается память живущего. Повествование в книге текло плавно, но непредсказуемо, как река: нельзя было знать заранее, куда вас вынесет следующий поворот, пока не увидишь это собственными глазами, но само путешествие было завораживающим и сладким, хотелось, чтобы оно не кончалось никогда. В книге присутствовала та настоящая жизнь, которой не было в существовании мальчика.

Вернон опять замолчал и уставился в никуда. Я заметил, как крепко вцепились в край стола его измазанные в шоколаде пальцы.

– Потом мальчик нашел издателя, – продолжил рассказ Вернон. – Настоящего издателя в самом Нью-Йорке. Ты, наверное, знаешь, что именно там находится сердце нашего мира. Там выходят в свет сотни тысяч книг, и каждая из них – дитя, непохожее на других; некоторые из них ходят ровно и прямо, а другие рождены калеками, но все они появляются на свет именно там. И вот мальчику позвонили из Нью-Йорка и сказали, что готовы издать его книгу при условии, что он слегка ее изменит. Они объяснят ему суть этих поправок, от которых книга только выиграет. Мальчик очень обрадовался. Он был горд и сказал, что согласен и сделает все от него зависящее.

Остекленевший взгляд Вернона скользил по комнате, он словно вглядывался в картины, возникавшие в воздухе.

– Вот так, – сказал он тихим голосом. – Мальчик уложил чемодан в дорогу. Отец продолжал твердить ему, что он глупый осел, что он приползет обратно на коленях и время покажет, кто из них прав. Но в тот день мальчик был очень упрям и несговорчив. Он ответил отцу, что прав окажется он, его сын, и что хорошо смеется тот, кто смеется последним. И он поехал из Зефира в Бирмингем на автобусе, а из Бирмингема в Нью-Йорк на поезде, а там разыскал в огромном здании офис издательства, чтобы узнать, какая судьба ждет его ребенка, его книгу.

Вернон вновь погрузился в молчание. Он взял со стола тарелку из-под сливочного крема и посмотрел, не осталось ли в ней еще что-нибудь слизнуть.

– Что же случилось дальше? – решился подать голос я.

– Люди из издательства все объяснили ему.

Вернон улыбнулся, но его улыбка была полна мýки.

– Первым делом они объяснили ему, что книги – это такой же бизнес, как и всякий другой. Они показали ему графики и диаграммы, во множестве развешенные на стенах. Они сказали, что в этом году читатели предпочитают триллеры – книги о зловещих и загадочных убийствах, а город, описанный в книге мальчика, – идеальное место для такого преступления. Зловещее и загадочное убийство, так они и сказали. Триллер, способный вселить в человека ужас. Сегодня книгоиздательствам приходится выдерживать серьезную конкурентную борьбу с телевидением. Раньше было легче: тогда у людей имелось время для чтения. А сегодня люди хотят читать триллеры, а графики и схемы это подтверждают. Мальчику сказали, что если он сумеет вплести в канву книги загадочное убийство – на самом деле это совсем не сложно, нужно только хорошенько подумать, и все получится, – то книгу обязательно напечатают, а на ее обложке будет указано имя мальчика. И еще они сказали, что название «Лунный город» не подходит для триллера и его надо изменить. «Ты можешь писать круто? – спросили издатели мальчика. – В этом году нам нужны крутые писатели».

– Он сделал так, как они его просили? – спросил я.

– О да! – ответил Вернон. – Он сделал все, как они его просили. Потому что цель была так близка, что он уже ощущал вкус победы. И еще он знал, что отец неотступно следит за ним. Да, он сделал все, что от него требовалось.

Улыбка Вернона напоминала свежий рубец на теле.

– Но люди из издательства ошиблись. То, что они потребовали от мальчика, оказалось невероятно сложным. Мальчик поселился в номере отеля и принялся за работу. Отель... это было все, что он мог себе позволить. Он печатал на взятой напрокат машинке, сидя целыми днями в убогом маленьком номере отеля. Мало-помалу и отель, в котором он жил, и город, в котором находился отель, проникали в сознание мальчика, а потом просачивались сквозь его пальцы и оседали на страницах книги. И вот наступил день, когда мальчик уже не понимал, где находится. Он заблудился, и не нашлось ни единого знака, который указал бы ему дорогу. Он слышал, как люди вокруг него плачут, видел, как они причиняют друг другу боль, и от этого что-

то внутри у него закрылось и сжалось, как стиснутая в кулак ладонь. С этих пор ему хотелось только одного – как можно скорее добраться до последней страницы книги и покончить с ней. Ночами ему чудился смех отца. Мальчик слышал, как отец твердит, что он все такой же дурачок, маленький идиот, но он все равно не должен сдаваться. Его отец как бы жил в нем, проделав вместе с ним путь из Зефира в Нью-Йорк, и словно стоял все это время у него за спиной.

На несколько мучительных секунд Вернон крепко зажмурился. Когда его глаза открылись снова, я увидел, что они покраснели.

– Этот мальчик, этот глупый мальчик все-таки взял деньги у издателей и бежал из большого города. Он вернулся в Зефир, назад к чистым холмам, туда, где он мог думать. А потом книга появилась на свет с именем мальчика на обложке. Он увидел эту обложку и понял, что он сам, своими руками вырядил своего ребенка в одежды проститутки, так что теперь только люди с больной и уродливой душой захотят взять книгу в руки. Возьмут, получают от нее низменное удовольствие, которое им нужно, и выбросят, потому что теперь она стала одной из сотни тысяч таких же изуродованных книг. И мальчик сам сделал ее такой, потому что был жадным и порочным.

Голос Вернона сорвался на хрип, и я вздрогнул от испуга.

Вернон прижал ладонь к губам. Когда он опустил руку, от его нижней губы протянулась тонкая серебристая нить слюны.

– Довольно скоро, – очень тихо, почти шепотом заговорил он, – мальчик узнал, что его книга провалилась. Этого не пришлось долго ждать. Он позвонил тем людям. «Все, что угодно, – сказал он им. – Я сделаю все, что угодно, чтобы спасти книгу». Они ответили, что у них на стенах висят графики и схемы, таблицы и цифры. Они заявили, что людям надоели триллеры и теперь читатель желает чего-то другого. И они хотели бы издать следующую книгу мальчика – ведь он весьма многообещающий автор. Вот только пусть эта книга станет другой. Они сказали ему, что он молод и впереди у него будет еще очень много книг.

Вернон вытер рот тыльной стороной руки, медленным, затрудненным движением.

– Отец мальчика ждал. Он наблюдал, не скрывая насмешки, за попытками мальчика добиться своего, с его губ не сходила улыбка. Лицо отца сделалось большим, словно солнце, и каждый раз, когда

мальчик смотрел на него, свет этого солнца обжигал его. Отец сказал мальчику, что ему никогда не суждено стать достойным его, своего отца. Даже обувь, рубашка и брюки мальчика куплены на деньги отца. Ему, мальчику, нечем заплатить за то, что стоит приличных денег. Все, за что мальчик ни брался, кончалось провалом, и всю оставшуюся жизнь его ждут одни неудачи. Отец сказал, что если он сегодня ночью внезапно умрет во сне, это случится потому, что его сын убивает его своими неудачами. А мальчик стоял у подножия лестницы и плакал, а потом крикнул отцу: «Ну что ж, иди и умирай, скорей бы ты умер, несчастный... сукин сын!»

Как только прозвучали эти ужасные, исторгнутые из глубины души слова, я увидел, как из глаз Вернона брызнули слезы, словно его насквозь пронзили копьем. Вернон тихо застонал, и на его лице отразилась такая неизбывная боль, какую я видел всего один раз, в «Нэшнл джиографик», на картине испанского художника, где был изображен обнаженный святой мученик. Слеза заскользила вниз по лицу Вернона, за ней другая – она застряла в пятнышке шоколадного крема в уголке его рта.

– О... – еле слышно стонал он. – О... о... нет.

– Мистер Вернон?

Голос говорившего был столь же тих, как голос Вернона, но тверд. В дверях стоял мистер Притчард. Вернон даже не взглянул на него. Я хотел было встать, но мистер Притчард сказал:

– Прошу вас, Кори, оставайтесь пока на своем месте.

Я повиновался. Мистер Притчард пересек комнату и, остановившись позади Вернона, ласково положил руку на его худое плечо:

– Обед закончен, молодой хозяин.

Сидевший напротив меня голый человек ничего не сказал и не двинулся с места. Взгляд его глаз был тусклым и безжизненным, в лице не осталось ничего живого, кроме медленно катившихся слез.

– Вам пора идти спать, сэр, – сказал мистер Притчард.

– Я проснусь снова? – спросил Вернон каким-то загробным далеким голосом.

– Уверен, что проснетесь, сэр.

Рука мистера Притчарда погладила плечо Вернона, в этом прикосновении было что-то отцовское.

– Попрощайтесь со своим гостем.

Вернон поднял на меня глаза. Казалось, он видит меня впервые, словно я незнакомец, случайно оказавшийся в его доме. Но через мгновение его глаза снова ожили, он шмыгнул носом и улыбнулся мне своей мальчишеской улыбкой.

– Пыль садится на рельсы – вот незадача, – сказал он. – Если пыли соберется слишком много, состав может сойти с рельсов и выйдет крушение.

По его лицу пронеслась тень, но быстро скрылась, так и не превратившись в грозное облако.

– Кори, – еще раз улыбнулся он, – спасибо, что нашел время победать со мной сегодня.

– Да, сэр...

Он поднял палец:

– Вернон.

– Вернон, – поправился я.

Он встал из-за стола, вслед за ним поднялся и я.

– Ваш отец ожидает вас у парадной двери, – сказал мистер Притчард. – Когда выйдете из комнаты, поверните направо и пройдите через холл к выходу. Через несколько минут я отвезу вас домой. Подождите меня у машины.

Взяв Вернона под локоть, мистер Притчард повел его к двери. Вернон шел, едва переставляя ноги, словно глубокий старик.

– Спасибо за прекрасный обед! – крикнул я.

Остановившись, Вернон взглянул на меня. Улыбка то появлялась на его лице, то исчезала, словно свет мигающей неоновой вывески, которая вот-вот перегорит.

– Надеюсь, ты не бросишь писательства, Кори. Желаю тебе всего хорошего.

– Спасибо, Вернон.

Вернон кивнул, очевидно довольный тем, что мы поняли друг друга. В дверях столовой он еще раз остановился:

– Знаешь, Кори, иногда по ночам я вижу удивительный сон. Вокруг ясный день, повсюду люди, а я иду по улице совершенно голый.

Вернон рассмеялся:

– Совсем голый! Можешь себе представить?

Наверно, мне следовало улыбнуться, но в тот момент я забыл, как это делается.

Потом Вернон позволил мистеру Притчарду вывести себя из столовой. Я взглянул на гору грязных тарелок, оставшихся после нашего пиршества, и почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

Парадную дверь я разыскал без труда. Отец ждал меня там. Судя по его улыбке, он не имел ни малейшего представления о том, чему я только что стал свидетелем.

– Как вы поболтали?

Я пробормотал что-то невразумительное, но отца ответ устроил.

– Вернон с тобой нормально обходился?

Я молча кивнул. Теперь, когда обед закончился и Вернон не сделал мне ничего дурного, а отец ощущал приятную сытость от съеденной им тушеной говядины, он был оживлен и весел.

– Отличный у них дом, верно? – спросил он, когда мы спускались по лестнице к длинной черной машине. – Такой дом... даже страшно подумать, сколько он стоит!

Я не знал, что ответить отцу, но понимал: этот дом стоит гораздо дороже, чем человеку следует платить.

Вскоре появился мистер Притчард, который доставил нас до нашей двери.

Глава 4

Гнев Пяти Раскатов Грома

В понедельник утром я обнаружил, что Демон ко мне охладела; ее вероломные пальцы оставили в покое мой затылок. Теперь ее взгляд был устремлен на одного Лэдда Девайна. И все это сделали поздравительная открытка и легкомысленное заявление Лэдда, что это он ее написал. В старших классах школы из Лэдда вышла настоящая звезда футбола – наверно, потому, что с некоторых пор ему только и приходилось, что без усталости практиковаться в умении быстро бегать и уворачиваться.

История с днем рождения Бренды имела и еще одно последствие. Во время большой перемены, когда Демон наблюдала, как Лэдд делает пас Барни Гэллоуэю, я поинтересовался у нее, как прошел праздник. Она взглянула на меня так, словно я лишь на йоту отстоял от состояния полной невидимости.

– О, было очень весело! – ответила она, и ее взгляд вновь обратился к юной звезде футбола. – Собрались все мои родственники. Был именинный пирог и мороженое.

– А подарки были?

– Угу. – Демон принялась грызть свой грязный ноготь, свисающие прядями сальные волосы упали ей на глаза. – Мамочка и папуля подарили мне детский медицинский набор, тетя Гретна – перчатки, которые сама связала, а моя кузина Чили – засушенный венок из лесных цветов, чтобы повесить его над кроватью на счастье.

– Здорово, – проговорил я. – Это действительно...

Я уже готовился уйти, но тут меня словно током ударило.

– Кузина Чили? – переспросил я. – А как ее фамилия?

– Перселл. Вернее, раньше у нее была такая фамилия. До тех пор, пока она не вышла замуж и аист не принес им ребеночка.

Демон вздохнула:

– Правда, Лэдд самый красивый в школе?

Иногда мне кажется, что Бог просто обожает над нами насмеяться.

Прошел сентябрь, и однажды утром мы проснулись уже в октябре. За одну ночь холмы, словно по волшебству, оказались расписаны золотом и пурпуром. Днем по-прежнему было тепло, даже жарко, но утром хотелось надеть свитер. Стояло бабье лето, в витринах бакалейной лавки появились корзины, полные кукурузы с багряно-желтыми зернами, а на тротуаре под ногами стали попадаться шуршащие палые листья.

У нас в классе прошел урок «Покажи и расскажи», на который каждый должен был принести что-нибудь важное и интересное и рассказать, что это такое. Я притащил несколько выпусков «Знаменитых монстров», зная наперед, что, увидев их, Луженая Глотка взорвется, как шутиха, отчего я надолго укреплю свою репутацию героя сопротивления. Дэви Рэй принес сорокапятку «Я тусуюсь» и фотографию электрогитары, на которой он мечтал научиться играть, когда его родители смогут оплачивать уроки. Бен принес доллар Конфедерации. Джонни принес свои наконечники для стрел, аккуратно завернутые в вату и рассортированные по отдельным ящичкам металлической коробки для рыболовной наживки.

Без всякого сомнения, коллекция Джонни казалась нам настоящим чудом, любоваться которым можно бесконечно. Наконечники – маленькие и большие, гладкие и шершавые, светлые и темные – наводили на размышления о временах, когда леса еще оставались густыми и девственными, единственным источником света по ночам были индейские костры, а Зефир мог существовать лишь в воспаленном воображении какого-нибудь бесноватого шамана. Джонни собирал эти наконечники, сколько я его знал, то есть со второго класса. В то время, когда все остальные лишь бегали и играли, совершенно не интересуясь пыльными осколками прошлых эпох, Джонни обшаривал лесные тропинки и русла ручьев в поисках этих остроконечных предметов для пополнения своей коллекции. К тому моменту у него набралось уже около сотни экземпляров. Он любовно чистил свои наконечники, избегая пользоваться шеллаком – это было бы оскорбительно для умельца, вырезавшего кремневые орудия, – а потом прятал их обратно в коробку для рыболовной наживки. Иногда я представлял себе, как Джонни перебирает по ночам свое богатство, размышляя при этом, какой была жизнь в Адамс-Вэлли двести лет назад. Возможно, в воображении Джонни возникают четыре приятеля-

индейца, у которых есть четыре собаки и четыре быстрые лошади. Индейцы живут в вигвамах в одной деревне и любят поболтать о жизни, о школе и прочих вещах. Я никогда не спрашивал у Джонни, но, наверно, он думал именно об этом.

В день, когда должен был состояться урок «Покажи и расскажи», которого я дожидался с тайным содроганием, пытаюсь угадать, что же принесет нам похвастаться Демон, я встретился со своими друзьями перед началом занятий на обычном месте, у гимнастических брусьев на пыльной игровой площадке. Мы оставили наши велосипеды рядом с десятками других, приковав их цепями к ограде. Некоторое время мы посидели на солнышке, которое в это прохладное ясное утро только-только начинало пригревать.

– Давай покажи, – попросил Бен. – Не терпится посмотреть.

Трясшийся над своей коллекцией, словно над редкостными драгоценностями, Джонни тем не менее всегда с удовольствием демонстрировал ее желающим. И на этот раз его не пришлось упрашивать.

– Вот, нашел в прошлую субботу, – сказал он, разворачивая комочек ваты и показывая нам наконечник стрелы бледно-серого цвета. – Если присмотреться, можно увидеть, что этот наконечник делали в спешке. Видите, какие неровные и грубые сколы? Не нашлось времени думать о красоте – просто нужен был наконечник для новой стрелы, чтобы пойти и добыть себе еду.

– Судя по его размеру, этот парень вряд ли сумел раздобыть что-нибудь больше суслика, – заметил Дэви Рэй.

– Наверно, это был неумелый стрелок, – предположил Бен. – Он знал, что, скорее всего, промахнется.

– Может, и так, – согласился Джонни. – Возможно, этот наконечник сделал мальчик, который только учился этому ремеслу.

– Если бы каждый раз, чтобы добыть еду, мне нужно было делать наконечники для стрел, то я бы очень скоро протянул ноги от голода, – заметил я.

– Сколько у тебя здесь наконечников, Джонни! – У Бена явно чесались руки покопаться в коробке, и его сдерживало только уважение к собственности приятеля. – А какой у тебя из них самый любимый?

– Сейчас покажу. – Достав комок ваты, Джонни развернул его и показал нам свой лучший наконечник – черный, гладкий, почти идеально правильной формы.

Я его сразу узнал.

Этот наконечник Дэви Рэй нашел в лесной чаще во время нашего памятного похода.

– Какой красивый! – восхитился Бен. – Его словно маслом смазали.

– Я просто недавно начистил его. А вообще он сам так блестит.

Легко потерев наконечник смуглыми пальцами, Джонни положил его в пухлую ладонь Бена.

– Пощупай, – сказал Джонни. – Ты не ощутишь ни одного скола – такой он гладкий.

Подержав наконечник в руке, Бен передал его Дэви Рэю, а тот – мне. На поверхности наконечника имелась всего одна маленькая зазубрина, но все равно казалось, что лежавший на ладони овальный предмет сливается с кожей. Стоило слегка сжать пальцы – трудно было сказать, где кончается наконечник, а где начинается плоть.

– Интересно, кто его сделал? – поинтересовался я.

– Хотелось бы и мне это знать. Ясно одно: тот, кто его делал, никуда не спешил. Он стремился, чтобы его наконечник вышел таким, как надо, чтобы снаряженная им стрела летела точно в цель, пусть даже ему и не удастся потом найти ее. Для индейцев наконечники стрел были больше чем просто наконечники, они были как деньги – показывали меру труда и усердия, вложенных в работу. По наконечникам можно было судить, насколько ты хороший охотник: нужно ли тебе множество дешевых старых наконечников или немного, но самого высокого качества, которые тебя не подведут. Да, было бы здорово узнать, кто сделал этот наконечник.

Чувствовалось, как важно это для Джонни.

– Готов биться об заклад, что это был вождь, – сказал я.

– *Вождь?* – Глаза Бена удивленно расширились. – Откуда ты знаешь?

– Кори приготовил для нас новую сказку, – объяснил ему Дэви Рэй. – Ни единого слова правды, одно вранье с начала до конца.

– Конечно же вождь! – настаивал я. – Самый молодой вождь из всех, что когда-либо были у племени! Ему было всего двадцать, а до него вождем был его отец!

– Ой, мама! – Дэви Рэй подтянул к груди колени, на его лице появилась понимающая улыбка. – Если бы у нас в городе разыгрывался конкурс на лучшего трепача, то Кори наверняка отхватил бы там первый приз!

Джонни тоже улыбнулся, но в его глазах горел неподдельный интерес.

– Рассказывай дальше, Кори. Давайте послушаем историю этого вождя. Как его звали?

– Я не знаю. Может быть... Бегущий Олень, я еще...

– Нет, это имя не подходит, оно какое-то девчоночье! – заявил Бен. – У вождя должно быть имя воина. Например, Большое Грозное Облако!

– Большое Грозное Хныканье! – хихикнул Дэви Рэй. – Очень подходит тебе, Бен.

– Вождя звали Раскат Грома, – сказал Джонни, глядя мне прямо в глаза и не обращая внимания на пререкающуюся парочку. – То есть не совсем так. Его звали Пять Раскатов Грома. Потому что он был высок, силен, мрачен и...

– Косоват, – подал голос Дэви Рэй.

– Скорее, косолап, как медведь, – закончил обсуждение Джонни, и Дэви Рэй перестал хихикать.

Я какое-то время молчал, глядя на наконечник, который поблескивал на моей ладони.

– Давай, Кори, – тихо, но настойчиво повторил Джонни. – Расскажи нам историю об этом вожде.

– Вождь Пять Раскатов Грома, – задумчиво проговорил я, пытаюсь соединить воедино отдельные фрагменты истории, при этом сжимая нагретый в ладони кусок кремня, – он был чероки.

– Нет, из племени крик, – поправил меня Джонни.

– Хорошо, он был из племени крик, и до него у них вождем был его отец, который погиб на охоте. Отец ушел охотиться на оленей и не вернулся. Его нашли уже умирающим: он сорвался с утеса и разбился. Перед смертью старый вождь успел рассказать своему сыну, что видел Первоснега. Да, именно так. Он видел Первоснега так близко, что отчетливо разглядел его белоснежную шкуру и рога, огромные, словно ветви дуба. Старый вождь сказал, что мир будет существовать до тех пор, пока в этих лесах будет жить Первоснег. Но если Первоснега кто-

нибудь убьет, миру придет конец. После этого старый вождь умер, и Пять Раскатов Грома стал новым вождем вместо своего отца.

– Мне всегда казалось, нужно быть воином и сражаться, чтобы стать вождем, – заметил Дэви Рэй.

– А кто сказал, что Пять Раскатов Грома не сражался? – возразил я. –

Всем была известна его воинственность. Ему пришлось вступить в борьбу со многими храбрецами, которые тоже хотели стать вождем. И все же он предпочитал жить с людьми в мире, а не сражаться. Не то чтобы он не умел драться, когда это было необходимо, он просто знал, когда лучше решать споры мирно, а когда дракой. У него был характер. Именно поэтому его звали не Раскат Грома и даже не Два Раската Грома. Пять Раскатов Грома не часто удавалось вывести из себя, но уж если это случалось, тогда берегись! Его гнев напоминал пять одновременных раскатов грома.

– Скоро звонок, – сказал Джонни. – А что было дальше?

– Он был вождем... гм... довольно долго. Пока ему не исполнилось шестьдесят лет. Тогда вождем стал его сын Мудрый Лис.

Я оглянулся на школу: дети уже потянулись на уроки.

– Люди запомнили Пять Раскатов Грома, потому что при нем все племена жили в мире. После смерти вождя индейцы взяли его лучшие наконечники для стрел и рассеяли по лесу, чтобы их нашли через сто лет. Потом люди из его племени вырезали его имя на скале и похоронили его на тайном индейском кладбище.

– Вот как? – хихикнул Дэви Рэй. – А где это кладбище?

– Не знаю, – признался я. – Это тайна.

Мои приятели тяжело вздохнули – зазвенел звонок, возвещающий начало занятий. Я вернул наконечник стрелы Джонни, и он снова завернул его в вату и спрятал в коробку для рыболовной наживки. Поднявшись, мы направились к дверям школы, вздымая башмаками облака пыли.

– Как ты думаешь, может быть, такой вождь, как Пять Раскатов Грома, действительно существовал? – спросил меня Джонни перед самой дверью.

– Само собой! – подал голос Бен. – Раз Кори говорит, что он был, значит так оно и есть.

Дэви Рэй издал звук, словно пустил ветры, но я был уверен, что он сделал это не ради насмешки надо мной. У него была особая роль в

нашей компании – роль зубоскала и задиры, и он играл ее очень хорошо. Я отлично знал, кем был Дэви Рэй на самом деле, – ведь, в конце концов, именно он дал жизнь Пяти Раскатам Грома.

И тут я услышал крик Лэдда Девайна:

– Отойди от меня со своими беличьими головами!

Несколько девчонок завизжали, потом кто-то закричал. Демон была в своем репертуаре.

Как я и предсказывал, демонстрация киношных чудовищ всему классу вызвала недовольство Луженой Глотки. Она впала в такую ярость, по сравнению с которой гнев Пяти Раскатов Грома мог показаться детской забавой. Луженая Глотка хотела знать, известно ли моим родителям, каким мусором я забиваю себе голову. Она разразилась длинной тирадой: мол, как жаль, что все чистое и прекрасное в этом мире приходит в упадок, и почему я не читаю хорошие книги вместо этой макулатуры про монстров? Я тихо сидел за партой и молча внимал поучениям стоявшей рядом Луженой Глотки, как и подобало в моем положении. Но тут Демон открыла свою коробку, ткнув ее чуть ли не в лицо Луженой Глотки, – и зрелище четырех отрезанных беличьих голов с выковырянными зубочисткой глазами, по которым ползали муравьи, заставило учительницу поспешно вернуться на свою кафедру.

Наконец в три часа прозвенел звонок, и мы радостно покинули школу до следующего утра. В классе осталась лишь Луженая Глотка, крики которой скрипучим тихим эхом все еще звучали в наших ушах. На игровой площадке в теплом дневном воздухе стлались клубы пыли: школьники спешили воспользоваться дарами свободы. Как обычно, Дэви Рэй поддразнивал Бена, Джонни поставил на землю свою коробку, чтобы отомкнуть велик, я тоже опустился на колени, пытаюсь разобраться с цепью, которой Ракета крепилась к ограде.

Дальнейшее произошло очень быстро. Обычно так и бывает.

Они появились из клубов пыли. Я почувствовал их прежде, чем увидел, и покрылся мурашками.

– Все четыре сосунка тут! – прозвучала первая насмешка.

Я резко повернул голову, потому что узнал этот голос. Дэви Рэй и Бен прекратили свою перепалку. Джонни поднял голову, и его глаза потемнели от страха.

– Вот мы их и накрыли, – проговорил Гота Брэнлин, из-за спины которого выглядывал Гордо. Их улыбки напоминали лезвия опасной бритвы, позади виднелись черные велики. – Ты только посмотри на этих щенков, Гордо!

– Точно, щенки и есть.

– А это что такое?

Молниеносным движением Гота выхватил у меня из рук журнал. Обложка, на которой граф Дракула в исполнении Кристофера Ли шипел от бессильной ярости, разорвалась на две половинки.

– Гляди, что за дерьмо! – толкнул локтем в бок своего брата Гота.

Гордо мерзко захохотал, кивая на изображение холеной женщины-робота из «Метрополиса».

– Все видать, вплоть до ее долбаных титек! – воскликнул Гордо. – Дай-ка мне взглянуть!

Он попытался вырвать у Готы страницу, но тот не хотел расставаться с добычей, и страничка журнала исчезла в их ладонях, словно разъеденная кислотой. У Готы осталась бóльшая часть картинка – та, где через отливавшую металлом одежду проглядывали груди, – скомканная и грязная, она исчезла в кармане его джинсов.

Гордо завопил:

– Ты, засранец, ну-ка верни ее!

Он вцепился в остатки журнала, однако Гота тянул его к себе. В следующее мгновение скрепки не выдержали такого напора, и страницы журнала, запечатлевшие мрачные и великолепные сны, героев и злодеев, фантастические видения, заколыхались в пыльном воздухе, как летучие мыши, вдруг оказавшиеся в потоке дневного света.

– Ты *порвал* его! – завопил Гота и так сильно пихнул брата в грудь, что тот грохнулся в пыль на спину, а изо рта у него брызнул фонтан слюны.

С перекошенным от гнева лицом Гордо поднялся с земли и сел. Выражение его лица было трудно передать словами. Гота стоял над братом с занесенным кулаком, словно Годзилла над Гидрой.

– Ну что, мало тебе? – спросил Гота. – Вставай – и получишь еще!

Гордо и не думал двигаться с места. Его локоть упирался в картинку с Кинг-Конгом, сражающимся со скользким гигантским змеем. Даже у чудовищ случаются столкновения и смертельные битвы. На лице

Гордо застыло выражение злобы и обиды. Любой другой мальчишка, получивший такой сильный удар, непременно заплакал бы. И я понял, что слезы для Брэнлинов такая же диковина, как зубы дракона, и что все непролитые слезы и кипящая на медленном огне ярость превратили Гордо и Готу в тех, кем они были, – в диких зверей, лишенных возможности покинуть свои клетки, как бы отчаянно они ни дрались и как бы далеко ни заезжали на своих хищных велосипедах.

Возможно, поразмыслив, я бы даже пожалел их, но они не дали мне на это времени.

Прежде чем Джонни успел схватить свой ящичек для рыболовной наживки, Гота сгреб его с земли и спросил:

– А тут у нас что такое?

Когда Гота откинул защелку и поднял крышку, Джонни издал жалобный, всхлипывающий звук. Здоровенная грубая лапа забралась внутрь и стала разворачивать ватные комочки.

– Эй, приятель! – крикнул Гота, повернувшись к Гордо. – Погляди, что тут прячет этот недобитый индеец! Наконечники для стрел!

– Почему бы вам не оставить нас в покое? – начал было Дэви Рэй. – Ведь вас никто не трогает...

– Заткни пасть, придурок! – заорал на него Гота.

Гордо, ухмыляясь, поднялся с земли.

Братья, враз забыв о вражде, принялись перебирать коллекцию Джонни, хватая то один, то другой наконечник, – это было отвратительное зрелище, напоминавшее пиршество стервятников.

– Отдайте, они мои, – подал голос Джонни.

Увы, слова не могли остановить Брэнлинов раньше, не остановили они их и на этот раз.

– Эти наконечники мои. Отдайте, – повторил Джонни, его щеки блестели от пота.

В голосе Джонни прозвучала нотка, заставившая Готу поднять на него глаза.

– Что ты там бормочешь, черномазый?

– Это мои наконечники, и я хочу... чтобы вы отдали их мне.

– Он хочет получить их обратно! – прокаркал Гордо.

– Вы, мерзкие щенки, принесли нам кучу неприятностей. – В правой руке Гота держал пригоршню наконечников. – Пошли плакаться

шерифу, чтобы он заставил нашего папашу надрать нам задницы.

Этот выпад не мог отвлечь Джонни от поставленной цели.

– Отдайте мои наконечники для стрел, – повторил он.

– Эй, Гота! Сдается мне, что этот индейский ублюдок хочет получить назад свои долбанные наконечники!

– Ребята, – начал я, – почему бы вам не...

Но через мгновение проворный Гордо уже дышал мне в лицо, его руки стискивали отвороты моей рубашки, а моя голова была прижата к ограде.

– Маленький сосунок. – Гордо издал ртом противный всасывающий звук. – Маленький сосунок-извращенец.

Я заметил, как в фаре Ракеты на миг появился золотой глаз, словно оценивающий создавшуюся ситуацию, и так же быстро исчез.

– Держи свои наконечники, индейский сын.

С этими словами Гота швырнул пригоршню наконечников в пыль игровой площадки. Джонни явственно дрожал, словно его пробрал озноб. Он молча смотрел, как рука Готы снова пошарила в коробке и как полетела очередная пригоршня наконечников, словно это была дешевая щебенка.

– Сосунок, сосунок, сосунок! – твердил мне в лицо Гордо, стискивая мою шею своей крепкой, как проволока, рукой.

От него пахло машинным маслом и какой-то тухлятиной, да еще вдобавок текло из носа.

– Перестань, – прохрипел я.

Даже дыхание его никак нельзя было назвать ароматом французской парфюмерии.

– Ву-у-ву-у! Ву-у-ву-у! – Гота принялся издавать индейские вопли, продолжая разбрасывать вокруг коллекцию Джонни. – Ву-у-ву-у! Ву-у-ву-у!

– Хватит! Прекрати это сейчас же! – заорал что есть мочи Дэви Рэй.

И тогда в руке Готы появился тот самый наконечник стрелы, гладкий и черный, почти идеальной формы. Даже Готе хватило ума понять, что он держит в руке что-то особенное, потому что он вдруг прервал свое подлое занятие и стал пристально рассматривать черный наконечник.

– Не надо, – с мольбой в голосе прошептал Джонни.

Что бы там ни разглядел Гота в черном наконечнике вождя Пять Раскатов Грома, это было мимолетное видение. Широко

размахнувшись, Гота разжал пальцы, и черный наконечник пронесся в воздухе. Он взмыл высоко, а потом упал в заросли сорной травы у мусорных бачков. Я услышал, как Джонни захрипел, словно его ударили кулаком в живот.

– Что ты на это скажешь, индейский... – начал Гота.

Но не успел договорить, потому что в следующее мгновение Джонни бросился к нему и, размахнувшись, сильно ударил кулаком в подбородок.

Гота покачнулся, удивленно заморгал, на его лице отразилась сильная боль. Из его рта вывалился язык, на котором отчетливо виднелась кровь. Отбросив в сторону коробку с наконечниками стрел, Гота прохрипел:

– А вот теперь ты труп, негритянское отродье!

– Задай ему, Гота! – заорал Гордо.

Джонни не следовало начинать драку. Я знал это, да и сам Джонни это понимал. Кулаки Брэнлинов однажды уже уложили его в больницу. До сих пор Джонни временами страдал от приступов головокружения, к тому же он был гораздо ниже Готы.

– Беги, Джонни, беги! – закричал я.

Но времена, когда Джонни убегал, прошли.

Гота, шатаясь, пошел на него. Удар пришелся Джонни в плечо и отбросил его назад, от второго удара в лицо Джонни увернулся и тут же что есть силы всадил кулак Готе под ребра.

– Драка! Драка! – раздались крики детей, которые все еще оставались к тому времени на школьном дворе.

Изо всей силы я оттолкнул от себя Гордо. Ему пришлось разжать руки, сжимавшие мне горло, и, чтобы удержаться на ногах, он схватился за руль Ракеты.

– Мать твою! – вдруг заорал Гордо и, приблизив к лицу руку, посмотрел на палец.

Между большим и указательным пальцем, в белой ложбинке плоти, показалась кровь.

– Эта дрянь меня укусила!

Я подумал, что он имел в виду неплотно затянутый винт или заусенец – что-нибудь в этом роде. Впоследствии я тщательно осмотрел ракету и не нашел ни выступающего винта, ни острой металлической кромки.

Гордо повернулся ко мне спиной и пнул Ракету. И вот тут во мне заговорил индейский вождь Пять Раскатов Грома.

Он сказал мне то же самое, что сказал недавно Джонни: «С меня хватит».

Я никогда не был драчуном, но если Гордо захотелось пнуть Ракету – пусть пеняет на себя. Сделав шаг вперед и чувствуя, как в жилах бурлит кровь, я ударил его ногой в голень. Он завопил и стал прыгать, словно в каком-то безумном танце. Джонни и Гота, сцепившись, катались по земле, вокруг них клубилась пыль, их кулаки взлетали и падали. Дэви Рэй и Бен уже были готовы ввязаться в драку, если бы Гота оседлал Джонни и начал молотить его кулаками, но Джонни успешно отбивался. Извиваясь, как змея, он вырывался и уклонялся от ударов, его мокрое лицо побледнело от пыли. Гота ухватил Джонни рукой за волосы, но тот сумел освободиться. Гота врезал Джонни кулаком в подбородок, но в глазах того не отразилось и тени боли. Джонни набросился на Готу с отчаянием человека, которому нечего терять, кроме своего достоинства. Пропустив целую серию ударов, Гота стал хрипеть от боли и извиваться, как червяк.

– Драка! Драка! – неся отовсюду веселый клич.

Вот уже вокруг Джонни и Готы, отчаянно молотивших друг друга кулаками, собралось кольцо зевак.

И тут Гордо погнался за мной с палкой в руке.

Меня совсем не радовало, что из моей головы вот-вот выбьют мозги или вместо меня пострадает Ракета. Я прыгнул в седло, ловко убрал подножку и налег на педали, мечтая как можно больше увеличить расстояние между нами. Я надеялся, что, может быть, Гордо отвернет в сторону и даст мне возможность ловким маневром выбить из его руки палку. Но мои расчеты не оправдались. Вскочив на своего черного скакуна, Гордо пустился за мной вдогонку, оставив Готу сражаться в одиночку.

У меня не осталось времени, чтобы хоть что-то прокричать Дэви Рэю и Бену. В любом случае они вряд ли услышали бы меня сквозь рев толпы, распаленной видом крови. Я направил Ракету прочь от Гордо и бешено покатил через площадку для игр к калитке в ограде и дальше, чтобы выехать на городские улицы. Оглянувшись, я увидел налегавшего на педали Гордо. Он низко наклонил голову к рулю, ноги работали как сумасшедшие. И я, не доехав до калитки, попытался

свернуть назад, в сторону игровой площадки, надеясь, что друзья хоть как-то мне помогут.

Но Ракета не позволила мне это сделать.

Она летела вперед к калитке. Руль будто приварили к раме. У меня не было выбора: оставалось только гнать вперед и вперед по выбоинам тротуара.

И тут случилась странная вещь.

Педали начали крутиться быстрее, ход стал таким легким и быстрым, что я едва мог удерживать на них ноги. По правде сказать, мои теннисные туфли не раз и не два слетали с педалей, которые продолжали крутиться самостоятельно. Перестук велосипедной цепи превратился в какое-то высокое мощное пение.

Ракета неслась все дальше вперед, а я лишь старался удержаться в седле своего взбесившегося коня. Скорость нарастала, так что ветер свистел в ушах. Я оглянулся через плечо: Гордо по-прежнему висел у меня на хвосте, подобно неотвратимому року.

Он был готов содрать с меня шкуру и не собирался останавливаться до тех пор, пока эта шкура не окажется в его руках.

На школьной площадке Гота с трудом поднялся, но, прежде чем ему удалось прицелиться и нанести новый удар, Джонни схватил его за колени и снова повалил на землю под восторженные крики зрителей. Дэви Рэй и Бен, потеряв меня, оглядывались по сторонам, но обнаружили лишь, что Ракета исчезла, а вместе с ней и черный велосипед Гордо.

– Вот это да! – только и мог сказать Бен.

Велосипед Гордо был очень быстрым: на нем не составляло труда обогнать любой велик в Зефире. Но Ракета не походила на остальные велосипеды: она неслась с адской скоростью, и я с ужасом думал, что произойдет, если цепь соскочит со звездочки. Мы пролетели мимо человека, сгребавшего граблями палую листву со своей подъездной дорожки, пронесли мимо двух женщин, беседовавших во дворе перед домом. Мне до смерти хотелось остановиться, но всякий раз, как я пытался надавить на тормоза, Ракета сердито шипела, отказываясь мне повиноваться. На следующем перекрестке я попытался свернуть направо, к дому, но Ракета хотела повернуть влево. Когда мой велосипед свернул за угол на бешеной скорости, я заорал от страха, потому что заднее колесо занесло, и я едва избежал катастрофы. Но

Ракета снова неслась по мостовой, и ветер по-прежнему свистел в моих ушах.

– Чего ты добиваешься? – заорал я. – Куда ты меня везешь?

Увы, ответ мог быть только один: Ракета взбесилась.

Вновь оглянувшись, я убедился, что Гордо все еще держится у меня за спиной; он тяжело дышал, его лицо покрылось алыми пятнами.

– Лучше остановись! – заорал он мне в спину. – Я ведь все равно тебя поймаю!

Едва ли, пока Ракете по силам такая гонка. Каждый раз, когда я пытался заставить Ракету свернуть к дому, она отказывалась повиноваться. У моего велика явно имелось впереди собственное место назначения, и мне оставалось лишь отдаться на волю событий.

Бойцы, сражавшиеся в клубках пыли на школьном дворе, снова поднялись на ноги. Гота, не привыкший получать отпор, стал давать слабину: он бил наудачу, не целясь, и так устал, что шатался как пьяный. Джонни танцевал вокруг него, уклоняясь от ударов, заставляя Готу раз за разом промахиваться. Когда же Гота, взревев от ярости, бросился на него, невысокий Джонни ловко уклонился, так что Гота, споткнувшись, упал головой вперед, ободрав до крови о каменистую землю свой и без того покрытый синяками подбородок. Гота нашел в себе силы подняться и вновь бросился в атаку, но Джонни увернулся, поворачиваясь на своих косолапых ногах с такой ловкостью, словно это были копыта Пана.

– Стой на месте! – заорал Гота, ловя ртом воздух. – Стой на месте, негритянский ублюдок!

Грудь Готы вздымалась, его щеки были красными, как говядина.

– Хорошо, – кивнул Джонни, у которого текла кровь из носа, а на скуле зияла здоровенная ссадина. – Давай иди сюда.

Гота пошел в атаку, Джонни сделал ложный выпад влево. Дэви Рэй рассказывал потом, что смотреть на это было все равно что воочию видеть в бою самого Кассиуса Клея. Гота поддался на обман, и Джонни вложил всю оставшуюся силу в прямой удар в подбородок противника, отчего голова Готы резко дернулась. В тот миг, по словам Бена, глаза Готы закатились, так что виднелись только белки. Но у Джонни оставался для Готы еще один удар грома: шагнув вперед, Джонни так врезал Готе по зубам, что все услышали, как костяшки пальцев Джонни щелкнули, будто пистолетные выстрелы.

Гота не издал ни звука. Даже не всхлипнул.

Просто упал на землю, как большое подрубленное дерево.

Так он и лежал, весь перемазанный кровью. Один из передних зубов выскользнул из его губ, после чего в тяжелой, гнетущей тишине Гота затрясся и зарыдал.

Никто не предложил ему помощь. Кто-то засмеялся, кто-то презрительно фыркнул:

– Рева-корова, иди плакаться домой к мамочке!

Бен похлопал Джонни по спине. Дэви Рэй сказал ему, обняв за плечи:

– Ты показал ему, кто здесь крутой, верно?

Джонни, высвободившись из объятий, вытер нос тыльной стороной ладони. Вскоре доктору Пэрришу придется наложить на сломанные суставы пальцев две шины. Родители Джонни зададут ему перцу. Они в конце концов поймут, почему он столько времени проводил один в своей комнате: долгими летними днями он читал книгу за три с половиной доллара, заказанную по почте и присланную прямо из издательства. Книга называлась «Основы рукопашного боя», автор Шугар Рэй Робинсон.

– Никакой я не крутой, – ответил Джонни и, наклонившись к Готе, спросил: – Помочь?

К сожалению, я не был знаком с теорией рукопашного боя Робинсона. Подо мной была лишь Ракета, а позади – Гордо, неумолимый преследователь. И когда Ракета внезапно повернула на лесную тропинку, я с ужасом понял, что гонка близится к концу.

Ракета не слушалась тормозов, не отзывалась даже на мои отчаянные попытки повернуть руль. Если мой велосипед окончательно спятил, пора с него слезать. Привстав в седле, я приготовился нырнуть в кусты.

Однако, когда Ракета прорвалась сквозь заросли на опушке, мы оказались перед большой канавой, полной сорняков и всяческого мусора, и мой велик понесся напрямик туда со скоростью, от которой волосы у меня на затылке встали дыбом.

Наверно, я пронзительно заорал. Штаны, во всяком случае, намочил точно и так крепко вцепился в руль, что кисти у меня болели после этого еще долго.

Ракета перелетела канаву и приземлилась на другой стороне, ударившись о землю с такой силой, что зубы у меня лязгнули, а позвоночник натянулся, как тетива. Этот прыжок обошелся недешево и самой Ракете: рама издала бречающий звук, шины заскользили по ковру из листьев и сосновых игл, и мы кубарем полетели на землю. Я видел, как продирается ко мне сквозь кусты Гордо, как перекошилось от страха его лицо, когда он увидел внезапно разверзшийся перед ним ров. Гордо нажал на тормоза, но он ехал слишком быстро, чтобы остановиться вовремя. Черный велосипед Гордо, скользнув, опрокинулся набок, а его хозяин упал в сорную траву, перемешанную с мусором.

Канавка оказалась не особенно глубокой. Там не торчали колючки, не валялись острые камни. Гордо мягко приземлился в густых зарослях дикого винограда, заваленных всякой всячиной: разодранными подушками с вываливающейся набивкой, крышками мусорных баков, пустыми консервными банками, алюминиевыми поддонами от пирогов, рванными носками и рубашками, тряпками и прочими отходами. Гордо с минуту барахтался в путанице виноградных лоз, пытаясь выбраться из-под своего черного велосипеда. Он был не из тех, кто легко сдается.

– Никуда не уходи, маленький засранец. Жди меня там, если жизнь дорога.

Внезапно он вскрикнул от страха.

В канаве он был не один – там сидел кто-то еще.

Гордо приземлился прямо на голову этого существа, когда оно подало остатки пирога с кокосовым кремом из коробки, украденной с подоконника кухни близлежащего домика не более десяти минут назад.

Это был Люцифер, который совершенно не желал делиться сокровищами из своей мусорной кучи, и он был очень, очень зол.

Выскочив из зарослей дикого винограда, обезьяна оскалилась и бросилась на Гордо, выпустив из-под хвоста струю жидкого вонючего дерьма.

Гордо пришлось отчаянно бороться за свою жизнь. Зловредная обезьяна впиалась в его щеки, руки и уши, откусив от них по кусочку, потом почти отгрызла Гордо палец, прежде чем он, вереща, как поросенок, и распространяя вокруг жуткую вонь, сумел выбраться из

канавы и пустился наутек. Люцифер несся сзади, визжа, плюясь и испражняясь. Напоследок я увидел, как Люцифер запрыгнул на голову Гордо и вырвал большой клочок обесцвеченных волос. Оседлав Гордо, Люцифер ехал на нем, как император на слоне.

Я поднял Ракету и забрался в седло. Мой велик вновь стал послушным: его своеволие испарилось как по волшебству. Объезжая канаву в поисках тропинки, я с ужасом представил себе, на кого будет похож в ближайшие дни Гордо с лицом и руками, искусанными Люцифером. К тому же в канаве, где сидел Люцифер, виноградные лозы были переплетены с ядовитым плющом, таящим немалую угрозу для здоровья. Он превратится в ходячую гноящуюся рану. Если, конечно, вообще *сможет* ходить.

– Однако жестоко ты его отделала, – сказал я Ракете.

Потерпевший крушение черный велосипед остался лежать на дне канавы. Кто бы ни попробовал достать его оттуда, этому смельчаку следовало запастись каламиновым лосьоном.

Я покатил обратно. Драка на школьном дворе уже закончилась, но трое мальчишек все еще бродили по игровой площадке. Один из них держал под мышкой коробку для рыболовной наживки.

Мы разыскали большую часть наконечников для стрел. Но не все. Не менее десятка будто поглотила земля – можно сказать, они были принесены в жертву. Среди них оказался и гладкий черный наконечник стрелы вождя Пять Раскатов Грома.

Из-за пропажи этого наконечника Джонни не стал особо горевать. Он сказал, что еще поищет его, а если поиски не увенчаются успехом, кто-нибудь другой, возможно, найдет его лет этак через десять-двадцать или того больше. В любом случае он не являлся подлинным владельцем этого уникального предмета, а был только хранителем на короткое время, пока наконечник не оказался нужен вождю в раю для охотников, где он, несомненно, пребывает.

Мне всегда было интересно, что имеет в виду преподобный Ловой, когда говорит о милости. Теперь я это понял. Отдать то, что тебе дороже всего на свете, и чувствовать себя от этого счастливым – вот что такое милость.

Итак, милость для Джонни являлась чем-то священным. Сам же я в ту пору еще не знал, что вскоре и мне предстоит пройти нелегкое испытание.

Глава 5

Дело № 3432

После драки на школьном дворе Брэнлины больше нас не трогали.

Гота вернулся в школу со вставным передним зубом и униженностью во взгляде, а Гордо, после того как выписался из больницы, обходил меня стороной. Самое интересное, что Гота подошел к Джонни и попросил показать в замедленном темпе тот прямой в челюсть, который свалил его с ног. Глупо думать, что Гота и Гордо за одну ночь сделались святыми. Но поражение Готы и позор Гордо явно пошли им на пользу. Они испили чашу горечи до дна, и этот урок оказался точкой отсчета, с которой мы стали наблюдать изменения в их поведении.

Наступил октябрь, раскрасивший склоны холмов золотом и пурпуром. В воздухе стоял привычный для осени дым сжигаемой листвы. Команды Алабамы и Оберна шли в лидерах, Луженая Глотка приглушила свои тирады, Демон втюрилась в кого-то еще – по счастью, не в меня. Все в мире потихоньку налаживалось.

За небольшим исключением.

Я часто думал об отце и о вопросах, которые он писал ночью на клочке бумаги, не в силах дать на них ответы. Отец совершенно исхудал, у него пропал аппетит. Когда ему удавалось вымучить улыбку на лице, его зубы казались слишком большими, а глаза сияли странным блеском. Мама не отставала от отца, уговаривая его сходить показаться доку Пэрришу или Леди, но тот отказывался наотрез. Пару раз они ссорились, после чего отец темнел лицом, молча выходил из дома, садился в грузовичок и куда-то уезжал, а мама плакала в своей комнате. Не единожды я слышал, как она уговаривала бабушку Сару вселить в отца хоть немного разума.

– Что-то гложет его изнутри, – слышал я ее разговоры по телефону и выходил во двор поиграть с Бунтарем, потому что мне больно было видеть, как переживает моя мать.

Отец, по-видимому, решил страдать в одиночку, не перекладывая ни на кого свою муку.

И конечно, этот сон, один и тот же. Он повторялся две ночи подряд, затем следовала одна спокойная ночь, а потом сон приходил снова; после этого шли три спокойные ночи, а затем эта мука длилась семь ночей кряду.

«Кори? Кори Маккенсон?» – шептали мне негротяночки в белых платьях под ветвями обгорелого дерева без листьев. Их голоса были тихими, как шелест крыльев летящих голубок, но в этом шепоте слышалась такая неотступная настойчивость, что страх молнией пронзал меня. Этот сон повторялся вновь и вновь, и каждый раз в нем проявлялись новые детали, словно видимые мной сквозь запотевшее стекло: позади четырех негротянок возвышалась стена из темного камня с окном, стекла которого были выбиты, осталось лишь несколько зазубренных осколков. «Кори Маккенсон?» Откуда-то издали доносился тихий тикающий звук. «Кори?» Тиканье становилось все громче, и во мне поднимался непонятный страх. «Кор...»

На седьмую ночь мне в лицо ударил свет. Сквозь сон, все еще застилающий мне глаза и сознание, я разглядел перед собой родителей.

– Что за шум тут был? – спросил отец.

– Ты только посмотри на это, Том! – потрясенно проговорила мама.

На стене, как раз напротив кровати, виднелась выбоина. На полу валялись шестеренки часов и битое стекло, стрелки на циферблате показывали два девятнадцать.

– Я понимаю, что время иногда летит, – заметила мама, – но будильник стоил недешево.

Они списали это происшествие на последствия употребления мексиканской энчилады^[20] в горшочке, которую мама приготовила на ужин.

Вскоре события начали обретать форму и наполняться смыслом, в котором угадывалось и предначертание судьбы, и место действия. Я же пока пребывал в полном неведении, как, впрочем, и мои родители. Точно так же ничего не ведал о близящемся несчастье водитель грузовика из Бирмингема, каждое утро доставлявший согласно своему графику прохладительные напитки сначала на бензозаправочные станции, а потом в продуктовые магазины. Как по-вашему, что-нибудь изменилось бы, если бы водитель грузовика провел лишнюю пару минут в душе тем утром? Если бы ел яичницу не с беконом, а, к

примеру, с сосисками? Или если бы я бросил Бунтарю палку еще один, лишний раз, прежде чем отправиться в школу? Изменило бы это хоть что-нибудь в ткани грядущих событий?

Будучи полноценным кобелем, Бунтарь, когда приходила пора, убежал из дома бродяжничать. Доктор Лезандер не раз предлагал нам удалить у него «хозяйство», после чего его пыл к странствиям должен был ослабнуть, но отца даже мысль об этом приводила в содрогание, да и меня совсем не радовала подобная перспектива. Короче говоря, наш Бунтарь так и остался нестерилизованным. Маме не нравилось, что псу целый день приходится проводить взаперти, поэтому большую часть времени он лежал на крыльце, к тому же движение транспорта на нашей улице никогда не было оживленным.

Итак, сцена для действия была готова. И трагедия не заставила себя долго ждать.

Тринадцатого октября, придя из школы, я обнаружил, что отец вернулся домой раньше обычного и явно дожидается меня.

– Сынок, – начал он.

Это слово и тон, каким оно было сказано, означали, что случилось что-то ужасное и непоправимое.

Отец довез меня на нашем пикапе до дома доктора Лезандера. Дом стоял на трех акрах обнесенной штакетником земли между Мерчантс-стрит и Шентак-стрит. На зеленой траве перед домом паслась на солнышке пара лошадей. С одной стороны дома была устроена собачья площадка с конурой, с другой – сарай. Аккуратный двухэтажный белый домик доктора Лезандера имел математически выверенную прямоугольную форму. По подъездной дорожке мы попали на задний двор, где над черным ходом висела табличка с надписью: «Пожалуйста, привяжите ваших животных». Оставив там пикап, мы поднялись на крыльцо, и отец потянул за цепочку звонка. Через минуту дверь открылась и миссис Лезандер заслонила собой проход.

Как я уже упоминал раньше, лошадиное лицо и могучее бесформенное тело миссис Лезандер могли устрашить даже гризли, не то что человека. Обычно она была неулыбчива и мрачна, будто грозовая туча. Но я плакал, мои глаза покраснели, и, возможно, именно это явилось причиной внезапного преобразования, свидетелем которого я стал в тот день.

– Ах ты, бедный маленький ангелок, – проворковала миссис Лезандер, и на ее лице отразилось такое несвойственное ей участие, что я едва не лишился дара речи. – Господи, мне так жалко твоего песика!

Она сказала «*песеика*» – вот как это вышло у нее.

– Пожалуйста, входите! – сказала она отцу.

Вслед за ней мы прошли в небольшую приемную, где на обшитых сосновыми панелями стенах висели снимки счастливых детей, обнимающих своих собак и кошек. Она отворила дверь на лестницу, ведущую в подвал, где располагался кабинет доктора Лезандера. Каждый шаг был для меня мукой, потому что я уже знал, что меня ждет.

Моя собака умирала.

Около часа дня грузовик с прохладительными напитками из Бирмингема сбил Бунтаря, когда он перебежал Мерчантс-стрит. Как сообщил маме по телефону мистер Доллар, Бунтарь был среди целой стаи собак. Выходя после ланча из кафе «Яркая звезда», мистер Доллар услышал пронзительный визг тормозов и последний короткий лай моего пса. Бунтарь лежал на мостовой, а собаки стояли над ним и лаем пытались заставить его подняться. Увидев это, мистер Доллар позвонил шефу Марчетту, они погрузили Бунтаря в кузов пикапа Уинна Гилли и отвезли к доку Лезандеру. Для мамы известие стало тяжким ударом, потому что еще с утра она хотела посадить Бунтаря в загончик, но забыла об этом, увлекшись очередной серией «В поисках завтрашнего дня». Никогда раньше Бунтарь не забирался на Мерчантс-стрит. На этот раз он связался с дурной компанией, за что ему пришлось заплатить дорожную цену.

Внизу пахло животными, запах был не то чтобы неприятный, но резкий. Вокруг стояли клетки из блестящей нержавеющей стали, стены были выложены сверкающей белой кафельной плиткой, а свет давали флуоресцентные лампы. Доктор Лезандер был одет в свой обычный белый халат, его лысина блестела под ярким светом ламп. Когда он здоровался с отцом, его голос был тихим, а лицо невеселым. Доктор Лезандер взглянул на меня и положил мне руку на плечо.

– Кори, – сказал он, – хочешь посмотреть на Бунтаря?

– Да, сэр.

– Тогда я отведу тебя к нему.

– Он ведь не... он ведь не умер, правда?

– Нет, он еще не умер. – Рука доктора принялась осторожно разминать напряженную мышцу у основания моей шеи. – Но он умирает. Я хочу, чтобы ты это понимал.

Глаза доктора Лезандера поймали мой взгляд и больше не отпускали его.

– Я сделал все для того... чтобы Бунтарю не было больно... но ему все равно очень плохо.

– Пожалуйста, помогите ему! – крикнул я. – Вы же доктор!

– Верно, но даже если я сделаю операцию, это ему не поможет. Он очень сильно пострадал.

– Но вы же... не можете... просто так дать ему умереть!

– Пойдем поглядим на Бунтаря, сынок, – позвал меня отец. – Нам лучше поторопиться.

«Пока там еще есть на кого смотреть» – вот что он хотел сказать.

Отец остался ждать снаружи, а мы с доктором Лезандером вошли в маленькую комнату. Еще в дверях я услышал свистящий звук закипающего чайника. Наверху, в кухне, миссис Лезандер готовила для нас чай: на плите у нее кипела вода. В комнате, куда мы вошли, стоял резкий, тошнотворный запах. Я увидел полку, полную пузырьков, и небольшой столик с врачебными инструментами, аккуратно разложенными на голубой ткани. В центре комнаты стоял стол из нержавеющей стали с продолговатым возвышением посередине, накрытым одеялом размером как раз с собаку. У меня подкосились ноги: одеяло было пропитано подсыхающей кровью.

Должно быть, меня начало трясти, потому что доктор Лезандер сказал:

– Можешь не смотреть, если тебе не хочется...

– Нет, я хочу посмотреть.

Доктор осторожно откинул край одеяла.

– Спокойно, спокойно, – проговорил он, словно обращаясь к раненому ребенку.

Бугор на столе начал дрожать, и я услышал, как кто-то заскулил под одеялом, отчего у меня сразу же оборвалось сердце. Глаза мои наполнились горячими слезами. Я хорошо помнил, кто так скулил: когда отец впервые принес Бунтаря к нам домой щенком в коробке, тот

боялся темноты. Подойдя к столу, я взглянул на то, что показал мне доктор Лезандер.

Колесо грузовика проехало по голове пса. Белая шерсть и кожа на одной стороне его черепа были содраны, и там теперь виднелись розовая кость и оскаленные зубы. Красный язык сновал в кровавой каше. Один глаз приобрел серый, какой-то мертвенный цвет, другой был влажным, полным страха. Кровавые пузыри вырывались из ноздрей Бунтаря, дыхание было затрудненным, хриплым. Одна из передних лап превратилась в бесформенное месиво, торчали острые обломки костей.

Наверно, я застонал в тот момент, не помню. Когда единственный глаз Бунтаря нашел меня, мой друг сделал отчаянную попытку подняться, но доктор придержал его сильной рукой, и пес снова замер.

Я увидел иглу, воткнутую в бок Бунтаря, трубку, через которую из бутылки текла в его тело какая-то прозрачная жидкость. Бунтарь заскулил, и я инстинктивно протянул руку к его изуродованной морде.

– Осторожно! – предупредил меня доктор Лезандер.

Конечно, мне даже в голову не пришло, что в агонии животное может укусить все, что движется в поле его зрения, даже руку мальчика, который всегда его любил. Окровавленный язык Бунтаря вывалился из пасти и слабо лизнул мои протянутые пальцы. Не в силах что-либо сказать или сделать, я так и стоял, глядя в тупом отчаянии на алую полосу крови на своей руке.

– Его муки не поддаются описанию, – сказал доктор Лезандер. – Ты ведь и сам это видишь, верно?

– Да, сэр, – ответил я будто в кошмарном сне.

– У него сломано несколько ребер, их осколки проткнули ему легкое. Удивляюсь, как у него до сих пор не отказало сердце. Этого можно ожидать в любую минуту.

Доктор Лезандер снова накрыл Бунтаря одеялом. Я стоял и молча смотрел на дрожащий холмик.

– Ему, наверно, холодно? – наконец проговорил я. – Он замерз.

– Нет, не думаю.

«Нит» – вот как док Лезандер сказал это. Снова взяв меня за плечо, он проводил меня до двери.

– Пойдем, нам есть о чем поговорить с твоим отцом.

Отец ждал нас в коридоре.

– Как дела, приятель? – спросил он.

Я ответил, что все в порядке, хотя испытывал сильную тошноту. Запах крови все еще стоял в моих ноздрях, густой и горячий как грех.

– Бунтарь – очень сильный пес, – сказал нам док Лезандер. – Большинство собак на его месте давно бы умерли.

Взяв со стола папку, он достал оттуда листок бумаги. Это был незаполненный бланк, поверх которого значилось: «Дело № 3432».

– Я не знаю, сколько еще проживет Бунтарь, но уже сейчас участь его решена.

– То есть надежды нет? – спросил отец.

– Никакой, – ответил док Лезандер и быстро перевел взгляд на меня. – Мне очень жаль, Кори.

– Бунтарь – *моя* собака, – сказал я им, и слезы вновь заструились по моим щекам. Нос заложило, и я не мог продохнуть, словно бетон заполнил ноздри. – Он еще может поправиться.

Еще не договорив, я уже знал, что никакое воображение в мире не поможет осуществить мое желание.

– Том, если вы сейчас подпишете этот бланк, я сделаю собаке укол, после которого она... хм...

Док Лезандер снова взглянул на меня.

– Она уснет, – закончил за него отец.

– Совершенно верно. Лучше не скажешь. Надо вот тут подписать. Ах да, конечно, вам же нужна ручка.

Док Лезандер выдвинул ящик письменного стола, нашарил в нем ручку и протянул нам.

Отец взял ручку. Я знал, о чем идет речь. Меня не нужно было утешать и обманывать, как шестилетнего. Я отлично понимал, что Бунтарю необходимо сделать укол, чтобы помочь ему умереть. Возможно, в данной ситуации это было самое правильное и гуманное решение. Но Бунтарь был моей собакой, я кормил его, когда он был голоден, и мыл, когда он прибежал с улицы весь в грязи, я отлично знал его запах и помнил ощущение его языка на своем лице. Я знал его как никто другой. Такого пса, как Бунтарь, у меня больше не будет никогда. Большой комок встал у меня в горле. Отец склонился над бланком, уже почти касаясь его ручкой. Я не знал, куда девать глаза, пока мой взгляд не остановился на черно-белом снимке в серебряной рамке на столе доктора. Молодая белокурая женщина на фотографии

махала кому-то рукой. На заднем фоне виднелась ветряная мельница. У меня ушло несколько секунд на то, чтобы разобрать: эта молоденькая девушка со щеками-яблоками – не кто иная, как Вероника Лезандер.

– Эй, Кори, – вдруг позвал отец. – Давай-ка ты.

Он протягивал мне ручку.

– Ведь Бунтарь – твой пес. Тебе и решать. Что скажешь?

Я онемел. Мне никогда в жизни не приходилось принимать подобных решений. Я находился в затруднении.

– Я очень люблю животных, – сказал нам доктор Лезандер, – и понимаю, что значит для мальчика его собака. Но в том, что я вам предлагаю, нет ничего плохого. Это обычное дело. Бунтарь очень страдает, эта боль ужасна, и он не поправится. Все, что родилось на свет, когда-нибудь суждено умереть. Такова жизнь. Ты слышишь меня?

– А вдруг он не умрет, – пробормотал я.

– Допустим, он не умрет в течение следующего часа. Может быть, двух или трех. Возможно, он протянет еще одну ночь. Я даже готов допустить, что Бунтарь сумеет как-то продержаться еще сутки. Но он не стоит на ногах и едва дышит. Его сердце бьется с трудом, он в глубоком шоке.

Доктор Лезандер нахмурился, не замечая никакой реакции на моем лице.

– Если ты любишь Бунтаря, Кори, ты должен помочь ему уйти. Он не должен понапрасну страдать.

– Давай-ка лучше я подпишу, Кори, – предложил отец. – Такое решение принять непросто, я понимаю.

– Я могу... побыть с ним минутку наедине?

– Конечно. Только не трогай его, ладно? Он может укусить тебя.

– Да, сэр.

Как сомнамбула, я вернулся к месту своего кошмарного сна. Бунтарь все так же дрожал на столе из нержавеющей стали. Он скулил и плакал, его единственный глаз искал меня, хозяина, – того, кто может избавить его от боли.

Я заплакал. На этот раз слезы невозможно было сдержать, рыдания буквально сотрясали меня. Я упал на жесткий холодный пол и склонил голову, обхватив ее руками.

Крепко зажмурив глаза, я принялся молиться, чувствуя, как слезы горячими ручейками текут по моим щекам. Не помню, что в точности я говорил, но о чем просил – запомнил. Я умолял Всевышнего протянуть руку с небес, из рая, и оградить моего пса от СМЕРТИ, закрыть перед ним ее врата. Пусть СМЕРТЬ остается в своих владениях, хотя она может неистовствовать, визжать и выпускать когти, чтобы сцапать моего пса. Я умолял Всевышнего коснуться Бунтаря рукой и исцелить его, отвести от него СМЕРТЬ, выбросить ее, как мешок с костями, прогнать, как мокнущего под дождем нищего. Да, СМЕРТЬ голодна, я слышал, как она облизывает губы где-то в углу этой маленькой комнаты, дожидаясь поживы. Но рука Всевышнего способна заткнуть СМЕРТИ рот, выбить ей зубы и обратить в ничтожную, скулящую тварь с дурнопахнущими деснами.

Вот о чем я просил Господа. Я молился всем сердцем, желал этого всеми силами души и разума. Я чувствовал, как молитва исходит из каждой поры моего тела; я молился так, будто каждый волос на моей голове был посылающей радиосигналы антенной и каждый из них трещал от разрядов, и мой крик силой в несколько мегамиллионов ватт разносился по всему беспредельному космосу, достигая далеких ушей Всезнающего и Всемогущего.

Только ответь мне.

Умоляю.

Не помню, сколько я простоял так на коленях, молясь и проливая слезы. Может быть, десять минут, а может, и дольше. Я знал, что, когда встану, должен буду выйти туда, где меня ждали доктор Лезандер и отец, и сказать им...

И тут я услышал хрип, ужасный звук, с которым воздух ворвался в разорванные, полные крови легкие.

Подняв голову, я посмотрел на Бунтаря и увидел, что пес собирает все силы, чтобы подняться. У меня на затылке зашевелились волосы, по спине пробежал холодок. Бунтарь приподнялся на передних лапах, его голова моталась из стороны в сторону. Он завыл, и этот долгий ужасный вой пронзил меня, словно кинжал. Он повернул морду назад, будто собирался схватить себя за хвост, его единственный живой глаз блеснул, а на морде с оскаленными зубами застыла улыбка смерти.

– Помогите! – заорал я. – Папа! Доктор Лезандер! Помогите, скорее!

Спина Бунтаря внезапно сильно изогнулась. Мне пришло в голову, что его истерзанный позвоночник не выдержит подобной нагрузки и сломается. Послышался странный шелест, похожий на шуршание семян в сосуде из высушенной и выдолбленной тыквы. После этого тело Бунтаря забилося в конвульсиях, он упал на бок и больше не двигался.

В комнату вбежал доктор Лезандер, следом за ним – отец.

– Отойди от него, – приказал доктор и положил руку на грудь собаки.

Потом он достал стетоскоп и послушал сердце Бунтаря. Приподнял веко здорового глаза собаки: тот закатился наверх, так что оставался виден только белок.

– Держись, приятель, – шепнул отец и взял меня за плечи обеими руками. – Нужно держаться.

– Ну что ж, – проговорил наконец доктор Лезандер, – думаю, что подписывать ничего уже не придется.

– Нет! – выкрикнул я. – Нет! Папа, нет!

– Пойдем домой, Кори.

– Но, папа, я же *молился*! Я просил, чтобы он не умирал. Бунтарь не мог просто так взять и умереть.

– Кори. – Голос доктора Лезандера был тих, но тверд.

Я взглянул на него сквозь пелену горячих слез.

– Бунтарь...

Кто-то чихнул.

Мы все вздрогнули – звук оказался настолько неожиданным и громким, словно в гулком, выложенном кафелем помещении прозвучал взрыв. Потом кто-то тяжело и хрипло вздохнул.

Бунтарь привстал, из его ноздрей сочилась кровь и пена. Здоровый глаз метался по сторонам, он тряс своей ужасной головой, будто хотел стряхнуть с себя долгий тяжкий сон.

– Мне казалось, он... – начал было отец.

– Но он *умер*! – Доктор Лезандер был совершенно потрясен, его глаза расширились от удивления. – *Майн...* Господи боже мой! Эта собака была мертва!

– Бунтарь жив! – крикнул я. Шмыгнув носом, я широко улыбнулся. – Он жив! Я же говорил вам!

– Это невозможно! – потрясенно выкрикнул доктор Лезандер. – У него же перестало биться сердце! Он умер.

Бунтарь попытался встать на лапы, но у него не хватило сил. Потом сильно рыгнул. Я подошел к своему псу и дотронулся до теплого изгиба его спины. У Бунтаря началась икота; он припал головой к столу и принялся лизать холодную сталь.

– Он не умрет, – уверенно сказал я, перестав плакать. – Я молился, и смерть ушла от него.

– Я не могу... я не в силах... – начал было доктор Лезандер, но больше ничего не смог выговорить.

Дело № 3432 так и осталось неподписанным.

Бунтарь спал и просыпался, вновь засыпал и опять просыпался. Доктор Лезандер время от времени проверял его пульс и измерял температуру, записывая показания в журнал. Спустившись из кухни, миссис Лезандер спросила нас с отцом, не хотим ли мы чая с яблочным пирогом, и мы поднялись вслед за ней наверх, в кухню. Во мне укрепилась уверенность, что, пока меня не будет рядом, мой пес не умрет. Мы с отцом выпили по чашке чая с пирогом. Потом отец позвонил маме и сказал, что, похоже, Бунтарь выживет, а мы скоро вернемся домой.

Между делом я забрел в каморку рядом с кухней, где на крючках, вбитых в потолок, висели четыре птичьи клетки, а в собственной клетке безостановочно носился в колесе хомяк. Из птиц там жили канарейка и длиннохвостый попугай, две другие клетки были пусты. Канарейка сладкозвучно запела. Вошла миссис Лезандер с пакетиком птичьего корма.

– Покормишь наших пациентов? – спросила она.

Я ответил согласием.

– Только давай им понемножку. Они еще не совсем поправились, но скоро им должно полегчать.

– Кто их хозяева?

– Попугайчика принес мистер Гровер Дин. А владелица этой милой канарейки – миссис Юдит Харпер.

– Миссис Харпер? Моя учительница?

– Да, совершенно верно.

Наклонившись вперед, к клетке с канарейкой, миссис Лезандер стала издавать тихие чмокающие звуки. Они звучали странно,

поскольку исходили от женщины, чье лицо более всего напоминало морду лошади. Увидев корм, канарейка принялась осторожно выбирать себе семена.

– Ее зовут Колокольчик. Привет, Колокольчик, ты мой ангел!

У Луженой Глотки есть канарейка по имени Колокольчик! Вот это да! В голове не укладывается.

– Больше всего на свете я люблю птиц, – сообщила мне миссис Лезандер. – Они так добры и доверчивы, так близки к Богу. Только посмотри на них, на моих крылатых друзей!

Проводив меня обратно в гостиную, миссис Лезандер показала мне набор из двенадцати сделанных из керамики и раскрашенных вручную птичек, аккуратно расставленных на пианино.

– Я привезла их с собой из Голландии, – сказала она. – Сколько я себя помню, они всегда были со мной, эти маленькие птички.

– Они очень красивые.

– Они не просто красивые. Глядя на них, я предаюсь приятным воспоминаниям: я вижу Амстердам, каналы и тюльпаны – тысячи тюльпанов, распускающихся весной.

Миссис Лезандер взяла в руку керамическую малиновку и указательным пальцем погладила ее алую грудку.

– Когда мы бежали, мне пришлось в спешке укладывать чемоданы, и мои птички разбились. Но я склеила их снова, собрала буквально по кусочку. Видишь, Кори, трещины почти незаметны.

Миссис Лезандер показала мне вблизи, как она склеила их.

– Я тоскую по Голландии, – проговорила она. – Очень тоскую.

– Вы собираетесь туда вернуться?

– Кто знает, может быть, когда-нибудь это случится. Мы с Францем много говорим об этом. Даже купили проспекты туристических фирм. Но то, что мы пережили... нацисты и все эти ужасы...

Она нахмурилась и осторожно вернула малиновку на ее прежнее место между иволгой и колибри.

– Не все, что однажды разбилось на части, удастся так просто склеить снова.

Послышался собачий лай. Это был голос Бунтаря, хриплый, но уже окрепший. Лай доносился до нас из подвала через вентиляционное отверстие.

Сразу после этого я услышал, как доктор Лезандер зовет нас:

– Том! Кори! Пожалуйста, идите сюда!

Когда мы спустились, доктор Лезандер в очередной раз измерял температуру Бунтарю. Мой пес по-прежнему выглядел сонным и вялым, но умирать, похоже, не собирался. Доктор Лезандер принялся осторожно накладывать белую мазь на искалеченную морду Бунтаря. По двум капельницам в тело Бунтаря все еще текла прозрачная жидкость.

– Я хочу, чтобы вы посмотрели показания температуры этого животного, – сказал он нам. – За последний час я измерил ее четыре раза.

Док Лезандер взял со стола свой журнал и прочитал нам цифры, взятые с термометра.

– Это неслыханно! Совершенно неслыханно!

– О чем вы? – спросил отец.

– Температура тела Бунтаря все время снижается, медленно, но неуклонно. Сейчас температура вроде бы стабилизировалась, но полчаса назад я думал, что он вот-вот умрет. Взгляните сами.

– Господи боже мой! – ошеломленно воскликнул отец. – Неужели она настолько низкая?!

– Вот именно, Том, ни одно животное не может существовать при температуре тела шестьдесят шесть градусов по Фаренгейту. Это... совершенно невозможно!

Я дотронулся до Бунтаря. Тепло ушло из моего пса – он был ужасно холодный. Белая шерсть Бунтаря стала жесткой и грубой. Его голова медленно повернулась, и единственный уцелевший глаз отыскал меня. Он начал вилять хвостом, хотя это и потребовало видимых усилий. Потом его язык выскользнул между зубами наружу из ужасной раны и лизнул мою руку. Язык был холоден, как могильный камень.

Но мой пес все еще был жив.

Бунтарь остался в доме дока Лезандера и пробыл там несколько дней. За это время доктор зашил ему рану на морде, буквально накачал антибиотиками и собрался ампутировать искалеченную лапу, но она вдруг начала сохнуть. Белая шерсть на лапе Бунтаря выпала, открыв мертвую серую плоть. Заинтригованный этими переменами, доктор Лезандер решил повременить с ампутацией, укутал сохнущую лапу и стал наблюдать, что будет дальше. На четвертый день лечения у Бунтаря начался приступ кашля и его вырвало массой мертвой плоти с

кулак величиной. Доктор Лезандер положил эту массу в банку со спиртом и показал мне и отцу. Это оказалось пробитое легкое Бунтаря.

Но пес все еще был жив.

Каждый день после школы я ездил на Ракете к доку Лезандеру, чтобы проведать Бунтаря, и всякий раз доктор встречал меня с озадаченным выражением лица. Он всегда сообщал мне что-нибудь новое: то Бунтаря вырвало кусочками костей, которые, очевидно, были осколками его раздавленных ребер, то из разбитой челюсти выпадали зубы, то поврежденный глаз выкатился из глазницы, словно белый камешек. Сначала Бунтарь ел немного мяса, прокрученного в мясорубке, и лакал воду. Газеты, которыми было выстлано дно его клетки, сбились в комки и пропитались кровью. Через несколько дней Бунтарь совсем перестал есть и пить, он отказывался даже смотреть на еду, какие бы лакомства я ему ни приносил. Свернувшись клубком в углу клетки, он все время разглядывал что-то, находившееся у меня за спиной. Я понятия не имел, что могло так привлечь его внимание. Он мог часами оставаться неподвижным, словно погрузившись в дремоту с открытым глазом или видя сны. Не реагировал даже тогда, когда я щелкал у него перед носом пальцами. Иногда, неожиданно очнувшись от этого забытья, Бунтарь принимался лизать мои руки своим холодным, как могильная плита, языком и тихо скулить. Потом засыпал, или дрожал, или снова погружался в ступор.

Но Бунтарь все еще жил.

– Кори, я хочу, чтобы ты послушал его сердце, – сказал как-то док Лезандер и дал мне стетоскоп.

Прислушавшись, я различил тихий, затрудненный удар: *тук*, потом опять *тук* – это стучало сердце моей собаки. Звук дыхания Бунтаря напомнил мне скрип двери в старом заброшенном доме. Его тело было ни холодным, ни теплым – он просто был жив. Потом доктор взял игрушечную мышь, завел ее и отпустил. Мышь принялась бегать взад и вперед перед носом у Бунтаря, а я слушал стук его сердца через стетоскоп. Бунтарь слабо вилял хвостом, но ритм ударов его сердца при виде мыши не участился ни на йоту. Создавалось впечатление, будто в груди Бунтаря работает на малых оборотах мотор, который не останавливается ни днем ни ночью и всегда функционирует в определенном ритме, независимо от того, какая ему поставлена задача. Это был стук бездушного механизма, работающего в крошечной тьме,

не ведающего ни цели, ни радости, ни понимания. Я очень любил Бунтаря, но сразу же возненавидел этот пустой стук.

Потом мы с доком Лезандером сидели на крыльце, согреваемые теплом октябрьского дня. Я выпил стакан чая и съел кусок яблочного пирога миссис Лезандер. Доктор надел темно-синий вязаный шерстяной джемпер с пуговицами золотистого цвета – по утрам уже было холодно. Сидя в кресле-качалке и глядя на багряные холмы, он сказал:

– Все это выше моего понимания, Кори. Никогда в жизни не видел ничего подобного. Никогда. Мне следовало бы подробно описать этот случай и послать статью в научный журнал, но я не думаю, что там кто-нибудь мне поверит.

Сложив руки на груди, он подставил лицо последним темно-желтым лучам заходящего солнца.

– Бунтарь умер, Кори.

Я молча сидел, уставившись на дока Лезандера, облизывая сладкую верхнюю губу.

– Бунтарь умер, – повторил доктор. – Наверно, ты этого не поймешь, потому что это непонятно мне самому. Бунтарь ничего не ест и не пьет, не опорожняет кишечник и мочевой пузырь. Его тело настолько охладилось, что внутренние органы просто не могут действовать. То, что у него бьется сердце... это можно сравнить с барабаном, из которого выбивают однообразную дробь без малейших вариаций. Его кровь, если мне удастся что-то выжать из его вен, – сплошной яд. Он исхудал до последней степени, но продолжает жить. Ты можешь это объяснить, Кори?

«Да, – ответил я про себя. – Своей молитвой я прогнал от него смерть».

Но вслух я не сказал ничего.

– Ну ладно. Тут какая-то тайна, не поддающаяся моему пониманию, – проговорил доктор Лезандер. – Из тьмы мы вышли, и во тьму мы уйдем.

Последние слова, сложив руки на груди и мерно покачиваясь в кресле, он произнес больше для самого себя.

– И не важно, о ком идет речь – человеку или животному.

Мне не нравилась тема этого разговора: страшно было думать о том, что Бунтарь совсем отощал, что его шерсть выпадает, что он ничего не

ест и не пьет, но тем не менее никак не умирает. Мне был ненавистен пустой, бессмысленный звук ударов его сердца, так напоминающий стук часов в доме, где никто не живет. Чтобы отделаться от этих мыслей, я сказал:

– Отец рассказывал мне, что вы убили фашиста.

– Что-что? – испуганно переспросил док Лезандер.

– Отец сказал, что вы убили немецкого фашиста в Голландии. Вы были так близко от него, что видели его лицо.

Док Лезандер с минуту молчал. Мне стало неловко: я вспомнил, что отец просил никогда не расспрашивать доктора об этом, потому что люди, побывавшие на войне, как правило, не любят вспоминать, как кого-то убивали. Что касается моих знаний о войне, то они в основном сводились к похождениям Храбрых парней^[21], сержантов Рока и Сондерса. Все мои представления о героях войны укладывались в некое телевизионное шоу, приправленное картинками из комиксов.

– Да, – наконец ответил доктор Лезандер. – Я находился всего в паре шагов от него.

– Господи! – выдохнул я. – Вот уж, наверно, страху вы натерпелись! То есть... я хотел сказать... на вашем месте я бы наверняка испугался.

– Да, я и сам тогда струсил не на шутку. Этот немец, вооруженный винтовкой, ворвался ко мне в дом. У меня был пистолет. Немец был очень молод – юноша, почти мальчик. Такой светловолосый голубоглазый юнец из тех, что обожают парады. И я застрелил его. Он рухнул как подкошенный.

Доктор Лезандер продолжал мерно покачиваться в кресле.

– Никогда раньше я не стрелял из пистолета. Но на улицах было полно фашистов, они врывались в наши дома. Что еще мне оставалось делать?

– Значит, вы герой? – спросил я.

Доктор Лезандер невесело улыбнулся:

– Нет, никакой я не герой. Просто сумел выжить.

Я смотрел, как его руки стискивают и вновь отпускают подлокотники кресла. Его короткие и тупые пальцы походили на какие-то мощные орудия.

– Все мы до смерти боялись фашистов. Блицкриг, коричневые рубашки, «Ваффен СС», люфтваффе – эти слова вызывали ужас. Через

несколько лет после войны я встретил одного немца. Во время войны он был нацистом, настоящим чудовищем.

Подняв голову к небу, доктор Лезандер посмотрел на стаю птиц, летевших на юг.

– Однако это был обычный человек, не более того. С плохими зубами, перхотью и запахом пота. Вовсе не супермен – рядовой человек. Я рассказал ему, что был в Голландии в тысяча девятьсот сороковом году, когда немцы захватили нашу страну. Он ответил мне, что никогда не бывал в Голландии, а после... попросил у меня прощения.

– И вы простили его?

– Да. Я простил это исчадие ада, хотя многие мои друзья были раздавлены фашистским сапогом. Потому что он был солдат и исполнял приказы. У немцев стальной характер. Они беспрекословно исполняют полученный приказ, даже если их заставляют идти прямо в огонь. Конечно, я мог бы дать этому человеку пощечину, плюнуть ему в лицо или осыпать проклятиями. Я мог бы поставить перед собой цель – травить его до самой смерти. Но я не зверь. Что было, то прошло, и не следует будить спящую собаку. Ты согласен со мной?

– Да, сэр.

– А теперь, раз зашла речь о собаках, пойдём и взглянем на Бунтаря.

Доктор встал, скрипнув коленными суставами, и мы пошли в дом.

И вот настал день, когда доктор Лезандер сказал, что он сделал все, что было в его силах, и держать Бунтаря в его лечебнице больше нет смысла. Он возвращал нам Бунтаря, и мы отвезли его домой в своем пикапе.

Я по-прежнему любил своего пса, несмотря на то что сквозь его редкую белую шерсть просвечивала серая мертвая плоть, череп был деформирован и покрыт шрамами, а высохшая лапа была тонкой и кривой, как веточка. Мама не могла находиться рядом с ним – таким он стал страшным. Отец завел разговор о том, что Бунтаря нужно усыпить, но я не хотел даже слышать об этом. Бунтарь был моим псом, и он, несмотря ни на что, был жив.

Бунтарь ничего не ел, не выпил и капли воды. Он все время лежал в своем загончике, потому что его лапа была изуродована и он едва мог передвигаться. Мне ничего не стоило пересчитать его ребра: их сломанные концы различались под тонкой, как бумага, кожей. Когда я

буду приходить днем из школы, Бунтарь станет приветствовать меня, виляя хвостом. Я буду ласково гладить его, хотя, если честно, от ощущения мертвой плоти под рукой у меня мурашки бежали по коже. Потом Бунтарь надолго устает в пространство, и я все равно что останусь один, пока он вновь не вернется к действительности. Мои приятели в один голос твердили, что Бунтарь безнадежно болен и лучше бы его усыпить. В ответ я спрашивал, как бы они отнеслись к тому, что их самих решили бы усыпить в случае болезни, и это сразу затыкало им рты.

Вот так для нас начался сезон призраков.

Дело не только в том, что на горизонте замаячил Хеллоуин. На полках у Вулворта появились картонные коробки с шелковыми костюмами и масками из пластмассы наряду с блестящими волшебными палочками, тыквенными головами из резины, шляпами колдуний и резиновыми пауками, покачивающимися на черных ниточках. В прохладном сумеречном воздухе разлилось странное пугающее ощущение, над холмами повисла гнетущая тишина. Призраки собирались с силами, чтобы вволю порезвиться в октябрьских полях и поболтать с теми, кто согласится их слушать. Из-за моего повышенного интереса к чудовищам мои приятели и даже родители пребывали в полной уверенности, что Хеллоуин – моя любимая пора.

Они были правы, хотя и ошибались относительно причин моей любви к этому празднику. По их мнению, мне доставляли удовольствие скелет в шкафу, ночные шорохи, завернутые в белые простыни привидения в населенном призраками доме на холме. Но это было не совсем так. В канун Хеллоуина я ощущал в притихшем октябрьском воздухе не присутствие дешевых проказливых духов, а действие таинственных титанических сил. У них не могло быть названия: это были не воюющие на луну оборотни, не скалящие зубы вампиры, не Всадник без головы. Эти силы были древними, как мир, и целомудренными, как стихии в проявлениях добра и зла. Вместо того чтобы искать под своей кроватью гремлинов, я видел армии ночи, точившие мечи и топоры, чтобы столкнуться в яростной схватке в клубящейся над землей туманной мгле. Воображение рисовало мне шабаш на Лысой горе во всем его диком и безумном неистовстве, прерываемый в финале криком петуха, который возвещал о

наступлении рассвета. Тысячи скачущих демонов с горечью и ненавистью поворачивали свои ужасные лица в сторону востока и разбредались с протестующими воплями по своим зловонным норам. Перед моим взором представали изнывающий от тоски во тьме влюбленный, чье сердце разбито, бледный до прозрачности, потерявший родителей рыдающий ребенок, женщина в белом, жаждущая сострадания от незнакомца.

И вот в один из таких тихих и прохладных вечеров в преддверии кануна Дня Всех Святых я зашел в загончик Бунтаря и увидел, что там кто-то стоит.

Бунтарь сидел на задних лапах, склонив набок покрытую шрамами голову. Он не отрываясь глядел на незнакомца, стоявшего напротив, за ограждением из стальной сетки. Я рассмотрел, что эта маленькая фигурка – мальчик, который, казалось, разговаривал с моим псом. Я даже различил негромкое бормотание. Задняя дверь, которую я прикрывал за собой, скрипнула – мальчик, испугавшись, подскочил на месте и бросился в лес, как ошпаренный кот.

– Эй! – крикнул я ему вслед. – Подожди!

Но он и не думал останавливаться. Он бесшумно несясь по палой листве. Лес расступился перед ним и принял его в свои объятия.

Дул ветер, о чем-то шептались деревья. Бунтарь ходил кругами по своему загончику, приволакивая искалеченную лапу. Он лизнул мою руку своим холодным языком и ткнулся мне в ладонь носом, напоминая кусок льда. Я посидел с ним немного. Он попытался лизнуть меня в щеку, но я отвел лицо в сторону, не в силах вынести запаха мертвечины, исходящего из его пасти. Потом Бунтарь снова впал в свое привычное оцепенение, его взгляд был устремлен в сторону леса. Он вильнул хвостом несколько раз и заскулил.

Стало холодно, и я вернулся в дом, оставив Бунтаря смотреть в никуда.

Ночью я проснулся от мучительного стыда за то, что не позволил Бунтарю лизнуть меня в щеку. Это было чувство, которое постепенно растет где-то внутри до тех пор, пока становится невыносимо жить вместе с ним. Я отказал в ласке своему псу, необъяснимо и жестоко. Я молитвой прогнал от него смерть, и теперь из-за моего эгоизма он продолжает существование между жизнью и смертью, не в силах прибиться ни к одному, ни к другому берегу. Я оттолкнул его, а ведь

все, чего он хотел, – выразить свою преданность, лизнув меня в лицо. Поднявшись с постели, я в полной темноте натянул на голое тело свитер и вышел на улицу через заднюю дверь. Я поднял руку, чтобы включить на заднем крыльце свет, но, услышав короткий лай Бунтаря, замер, не донеся руку до выключателя.

Если собака живет у тебя много лет, ты узнаешь все ее повадки. Начинаешь понимать смысл любого ее рычания, поскуливания и лая. Малейшее подергивание ее уха или виляние хвоста воспринимаются тобой как вопрос или высказывание. Я сразу же узнал этот лай: в нем звучали радость и веселье, чего я не слышал в голосе моего пса с тех пор, как Бунтарь умер, а потом вернулся к жизни.

Медленно и осторожно я приоткрыл локтем заднюю дверь. Замерев в темноте перед противомоскитной сеткой, я стал прислушиваться. Выл ветер, неутомимо стрекотали последние полевые сверчки. Я слышал, как Бунтарь еще раз радостно гавкнул.

– Хочешь быть моей собакой? – услышал я голос маленького мальчика.

Мое сердце сжалось. Кем бы он ни был, он старался вести себя как можно тише.

– Я очень хочу, чтобы ты стал моей собакой, – повторил мальчик. – Ты такой хороший.

Оттуда, где я стоял, я не мог видеть ни Бунтаря, ни мальчика. Я услышал лязг двери загончика и понял, что Бунтарь привстал и положил лапы на сетку, так, как он делал это раньше, когда к нему приходил я.

Мальчик стал снова что-то шептать, но я не смог различить ни единого слова.

К тому времени я уже точно знал, кто этот мальчик и откуда взялся.

Я открыл дверь, стараясь сделать это как можно осторожнее, но петли все-таки скрипнули. Шум получился не громче стрекотания сверчков. Но когда я вышел на крыльцо, мальчик уже бежал к лесу. Луна бросала серебристый отсвет на его вьющиеся рыжеватые волосы.

Ему было всего восемь лет, и он никогда не станет старше.

– Карл! – крикнул я ему. – Карл Беллвуд!

Это был тот самый мальчик, что жил когда-то в самом конце нашей улицы и приходил поиграть с Бунтарем, потому что его мама не разрешала ему завести собственную собаку. Это был тот самый

мальчик, который получил смертельные ожоги во время пожара, начавшегося от искры в неисправной электропроводке. Теперь он спал на Поултер-Хилле под тяжелым надгробным камнем с надписью: «Нашему любимому сыну».

– Карл, постой! – крикнул я.

Мальчик оглянулся на бегу. Я увидел неясные очертания его бледного лица, испуганные глаза, в которых блеснул лунный свет. Мне показалось, что он не добежал даже до опушки леса, а просто растворился в воздухе, словно его и не было.

Беспокойно скуля, Бунтарь снова принялся кружить по клетке, волоча за собой искалеченную лапу. Время от времени он с тоской смотрел на лес. Я остановился перед дверью загона. Задвижка находилась рядом, у меня под рукой.

Бунтарь был моей собакой. *Моей* собакой.

На заднем крыльце вспыхнул свет. Заспанный отец спросил:

– Кто это тут кричал, Кори?

Чтобы как-то выкрутиться, я соврал, что кто-то рылся в мусорных баках. У меня не было возможности свалить происшедшее на Люцифера: обезьянку в начале октября застрелил из дробовика Габриэль «Джазист» Джексон. Выстрел разнес Люцифера в клочья. Джазист обнаружил, что обезьянка повадилась лакомиться тыквами, которые выращивала его жена. Я сказал, что в наших бачках, наверно, хозяйничал опоссум.

Утром за завтраком я не смог проглотить ни кусочка. В школе мой сэндвич с ветчиной так и остался нетронутым. Дома за обедом я долго ковырял вилкой бифштекс, но так и не решился его отведать. Мама пощупала мой лоб.

– Температуры нет, – сказала она, – но вид у тебя все равно какой-то скислый. Что с тобой, Кори?

Мама всегда говорила «скислый», на манер южан, когда я выглядел больным.

– Как ты себя чувствуешь?

– Вроде бы хорошо, – пожал я плечами.

– В школе все в порядке? – спросил отец.

– Да, сэр.

– Брэнлины больше не пристают?

– Нет, сэр.

– Но что-то все-таки случилось? – продолжала допрос мама.

Я ответил им молчанием. Родители читали мои мысли с такой же легкостью, как водитель читает на шоссе транспарант «ПОСЕТИТЕ РОК-СИТИ» высотой в пятьдесят футов.

– Может быть, ты все-таки расскажешь, в чем дело?

– Я...

Подняв голову, я поглядел на родителей, на которых падал мягкий уютный свет нашей кухонной люстры. За окном на улице стояла темень. Ветер дребезжал в свесах крыши, луна скрылась за облаками.

– Я кое-что натворил, – сказал я, чувствуя, как глаза наполняются слезами, – кое-что плохое.

Я рассказал родителям, как вымолил для Бунтаря жизнь, прогнав от него смерть, и как теперь об этом сожалею. Я не должен был этого делать, потому что смерть для Бунтаря, страдавшего от ужасных ран, стала бы избавлением. Лучше бы я тогда не молился. Я запомнил бы Бунтаря резвым и игривым, с радостными блестящими глазами, а теперь от него осталось лишь полумертвое тело, в котором жизнь теплилась лишь благодаря моему эгоизму. Мне жаль, что все так вышло. Я поступил дурно, и теперь мне ужасно стыдно.

Пальцы отца все крутили и крутили чашку с кофе. Это помогало ему сосредоточиться, все разложить по полочкам, когда нужно было взвесить множество обстоятельств.

– Я понимаю тебя, – наконец сказал отец.

Никакие другие его слова не могли бы так меня обрадовать.

– К счастью, – продолжал он, – нет такой ошибки, которую нельзя исправить. Все, что для этого нужно, – наше желание. Иногда это бывает очень трудно: нужно приложить много усилий, вытерпеть боль, но ты все равно должен это сделать.

Взгляд отца остановился на мне.

– Ты знаешь, что надо сделать?

Я кивнул:

– Нужно отвести Бунтаря обратно к доктору Лезандеру.

– Я тоже так думаю, – согласился отец.

Мы решили, что на следующий день так и сделаем. Поздним вечером, перед тем как ложиться спать, я достал кусок гамбургера, который припас для Бунтаря. Это лакомство порадовало бы всякую собаку. Я очень надеялся, что Бунтарь съест мясо, но он только

понюхал гамбургер и, отвернувшись, снова уставился в сторону леса, будто дожидаясь, что кто-то за ним придет.

Я перестал быть хозяином для своей собаки.

Я немного посидел рядом с Бунтарем, ежась на холодном ветру. Бунтарь издавал тихие скулящие звуки, исходящие откуда-то из глубин его горла. Я гладил его, и он позволял мне делать это, но сам находился где-то далеко. Я вспоминал, каким он был веселым щенком, полным безудержной энергии, как неумоимо гонял он желтый мяч с маленьким колокольчиком внутри. Я вспоминал, как мы носились друг за другом и как истинный джентльмен-южанин Бунтарь всегда уступал победу мне. Я вспоминал, как мы вместе летали над холмами. Все это теперь хранилось лишь в моей памяти и могло быть вызвано только силой моего воображения. Но все равно это было правдивей самой правды. Я поплакал. Если честно, я ревел как корова.

Потом я встал и повернулся к лесу.

– Ты здесь, Карл? – спросил я.

Конечно, никто мне не ответил. Карл всегда был очень стеснительным мальчиком.

– Я согласен отдать тебе Бунтаря, – сказал я. – Ты слышишь меня?

Ответа не было. Но Карл был здесь, я знал это точно.

– Можешь прийти и забрать его, слышишь, Карл? Я не хочу, чтобы он долго оставался в одиночестве.

Лишь тишина в ответ. Молчаливая тишина.

– Бунтарь любит, когда его чешут за ухом, – продолжал я. – Карл? – снова позвал я. – У тебя ведь теперь нет ожогов? Может быть, и Бунтарь... тоже станет таким, как раньше?

Только шелест ветра в ответ, и ничего больше.

– Я ухожу, – сказал тогда я. – И больше сегодня не буду выходить.

У самых дверей я оглянулся на Бунтаря. Он не сводил глаз с леса и слегка вилял хвостом. Я зашел в дом, запер за собой дверь и выключил свет на заднем крыльце.

Далеко за полночь меня разбудил счастливый лай Бунтаря. Я знал, что увижу, если выйду на заднее крыльцо и взгляну на собачий загончик. Пускай они познакомятся друг с другом – я не стану их беспокоить. Я перевернулся на другой бок и снова погрузился в сон.

На другой день отец и доктор Лезандер позволили мне немного побыть наедине с Бунтарем. Они знали, что нам нужно попроситься.

Он облизал меня своим холодным языком. Я приласкал его, погладил по изуродованной голове, понимая, что это не может продолжаться долго. Доктор Лезандер уже приготовил бланк, который нужно было подписать, прежде чем все будет кончено, а отец держал наготове ручку. Последнее слово оставалось за мной.

– Папа? – спросил я. – Бунтарь ведь мой пес?

Мой отец все понял.

– Конечно твой, – ответил он и протянул мне ручку.

И я подписал Дело № 3432, оставив его на столе доктора Лезандера. Когда мы с отцом приехали домой, я пошел взглянуть на собачий загончик. Он показался мне ужасно маленьким.

Уходя, я оставил дверь загончика открытой.

Глава 6

Наперегонки с мертвецом

В конце октября отец купил велосипедную проволочную корзину, которую мы прикрепили к Ракете. Поначалу мне казалось, что велик с корзиной – это круто, но вскоре я понял, что корзина нужна для того, чтобы помогать маме, выполняя ее распоряжения. Примерно в то же время мама прилепила к доске объявлений у церкви написанное от руки извещение о том, что у Маккенсонов всегда можно купить пироги и прочую домашнюю выпечку. Точно такое же объявление мама повесила в парикмахерской. Начали поступать первые заказы; не прошло и нескольких дней, как вся жизнь мамы стала крутиться вокруг бачков для перемешивания муки, яичной скорлупы и коробок с сахарной пудрой.

Позднее я узнал: отцу сократили рабочие часы в «Зеленых лугах», что и стало причиной этих перемен. Наши доходы уменьшились, и родителям пришлось искать дополнительные источники заработка, правда мне этого не объяснили. Дела сыроварни шли плохо: многие старые клиенты перестали делать заказы. Всему виной стал новый супермаркет, появившийся в Юнионтауне. Супермаркет был торжественно открыт под фанфары духового оркестра, составленного из старшеклассников средней школы Адамс-Вэлли. Громадина-супермаркет под названием «Кладовая Большого Пола» без труда мог поглотить наш малюсенький магазинчик «Пигли-Вигли», подобно тому как кит глотает креветку. В супермаркете имелись секции для всего, что только способен представить себе истинный гурман. Молочная секция занимала целый проход, а молоко продавалось в непрозрачных пластиковых бутылках, которые не нужно было мыть и возвращать в магазин. Поскольку объемы продаж молока в «Большом Поле» были велики, супермаркет мог позволить себе назначать такие низкие цены, от которых «Зеленые луга» затрещали по швам. Все эти перемены в молочном бизнесе привели к тому, что обычный маршрут моего отца становился все короче и короче. Людям нравилось приходить в новый, чистый, оснащенный кондиционерами

супермаркет, покупать молоко в пластиковых бутылках, которые можно было потом, не задумываясь, выбрасывать. Помимо всего прочего, «Кладовая Большого Пола» была открыта до восьми часов вечера, что само по себе являлось неслыханным делом.

Водрузить корзину на Ракету было примерно то же самое, что загружать галетами мешки для писем. Тем не менее я старательно исполнял свои обязанности и день за днем развозил пироги и кексы нашим клиентам, чувствуя, как время от времени Ракета подо мной напрягается в безмолвном протесте. Однако ни один пирожок ни разу не упал на землю за все время нашего совместного труда.

Чтобы отблагодарить доктора Лезандера за то, что он уделил Бунтарю столько внимания, мама решила специально испечь для него и его жены пирог с тыквой, который удавался у нее лучше всего, и угостить их бесплатно. Когда пирог был готов, она положила его в коробку, перевязав ее бечевкой. Я сунул коробку с пирогом в корзину Ракеты и покатил к дому доктора Лезандера. По пути мне встретились братья Брэнлин, ехавшие на своих черных велосипедах. Гота поприветствовал меня легким кивком, а Гордо, чья ободранная Люцифером голова все еще кровоточила и была забинтована, что есть духу припустил прочь от меня.

Добравшись до цели, я постучал в дверь. Через минуту мне открыла миссис Лезандер.

– Вот мама испекла для вас и доктора, – сказал я, вручая ей коробку. – Это пирог с тыквой.

– О, как мило!

Миссис Лезандер взяла у меня из рук коробку и осторожно понюхала ее:

– Ах, боже мой, ведь это со сливками?

– Нет, по-видимому, только сгущенное молоко.

Я знал это наверняка. На кухне у мамы было полно банок «Пет милк».

– Она испекла его сегодня утром.

– Передай маме, что я ей очень благодарна, но, к несчастью, ни я, ни мой муж не едим молочных продуктов. У нас с ним аллергия на все молочное.

Миссис Лезандер смущенно улыбнулась мне:

– Благодаря аллергии мы и познакомились. Мы встретились в клинике в Роттердаме, куда попали все покрытые красными пятнами.

– Очень жаль. Может быть, вы тогда отдадите кому-нибудь этот пирог? Он действительно вкусный.

– Я уверена, что это чудесный пирог.

«*Чадесный*» – вот как сказала миссис Лезандер.

– Стоит мне оставить пирог на кухне, как Франц обязательно доберется до него ночью и отгрызет кусочек, как маленькая мышка. Он у меня настоящий сластена и не выдержит такого соблазна. А потом через пару дней будет выглядеть так, словно заболел корью, кожа начнет чесаться настолько сильно, что он не сможет надеть никакой одежды. Так что пусть он лучше даже не почувствует *запах* этого пирога, иначе ему придется ходить голым, как Вернон Такстер.

Представив себе эту картину, я рассмеялся.

– Хорошо, мэм. Я отвезу пирог обратно. Мама приготовит для вас что-нибудь другое.

– В этом нет необходимости. Она и так была очень добра к нам.

Я задержался в дверях, вспомнив, что пришло мне недавно на ум.

– Что-то еще, Кори? – спросила меня миссис Лезандер.

– Могу я увидеть доктора? Всего на минутку, я не задержу его надолго.

– Он только-только прилег отдохнуть. Опять всю ночь слушал свои радиопостановки.

– Он слушает радиопостановки?

– Да, для этого он купил себе коротковолновый приемник. Иногда Франц почти до рассвета слушает иностранные радиостанции. Что-нибудь ему передать?

– Нет, лучше я сам поговорю с ним когда-нибудь потом.

Я хотел спросить у доктора, не нужен ли ему помощник для работы днем. Наблюдая за его трудом, я пришел к выводу, что ветеринар – очень важная профессия. Ничто не мешало мне быть одновременно и ветеринаром, и писателем. Ветеринары всегда будут нужны людям, как, впрочем, и молочники.

– Я как-нибудь еще зайду, – сказал я миссис Лезандер.

Положив коробку с тыквенным пирогом в корзинку Ракеты, я сел в седло и покатил к дому.

На обратном пути я не торопился, лениво крутя педали. Ракета вела себя немного нервно, но я отнес ее недовольство на счет неудобной корзинки, которая, наверно, мешала ей, как поводок гончей.

Солнце пригревало, и холмы полыхали желтым пламенем. Через неделю листва в лесах станет коричневой и начнет опадать. Стоял один из тех чудесных дней, когда даже синие тени прекрасны и ты инстинктивно ощущаешь, что нужно замедлить шаг и насладиться красотой природы, которая очень скоро увянет.

Я хмыкнул, представив себе дока Лезандера, расхаживающего по городу голышом, как Вернон Такстер. Вот это действительно было бы незабываемым зрелищем! Я слышал, что у людей бывает аллергия на траву и табак, собак и кошек, амброзию и одуванчики. Дед Остин страдал аллергией на лошадей: они вызывали у него такое сильное чихание, что он едва мог устоять на ногах. Именно по этой причине он перестал ходить на Брэндивайнскую ярмарку, которая приезжала в наш городок каждый год в ноябре. Бабушка Сара часто повторяла, что у дедушки Джейберда аллергия на любую работу. Как я догадывался, аллергия у людей могла возникнуть на что угодно, существующее в этом мире. Подумать только: Лезандеры были не в состоянии есть мороженое! Ни доктору, ни его жене недоступны прелести бананового пудинга или молочного коктейля. Случись со мной что-нибудь подобное, я бы, наверно, давно уже спятил...

Вдруг мне вспомнился Вернон.

Вернон, стоящий перед своей чудесной железной дорогой. Вернон на фоне миниатюрного Зефира.

«Знаешь, что мне кажется?»

Я вспомнил, как замерцал свет в маленьких окошках, когда Вернон нажал на выключатель.

«Мне кажется, что когда ты найдешь „сову“, которая не пьет молоко, то найдешь и убийцу».

Я что есть силы надавил на тормоз. Неожиданность моего поступка изумила Ракету. Велосипед послушно замер у тротуара.

«Он опять всю ночь слушал радиопостановки», – сказала миссис Лезандер.

Я с трудом сглотнул. Ощущение было такое, что в горле у меня встало комом сухое молоко.

«Иногда Франц почти до рассвета слушает иностранные радиостанции».

– О господи, только не он! – прошептал я. – Это не может быть док Лезандер!..

Автомобиль промчался рядом со мной так близко, что едва не содрал мне с ноги кожу, а потом резко свернул, перегородив мне дорогу. Это был темно-синий приземистый «шевроле» со здоровенной вмятиной на правом боку, ближе к багажнику, и с пятнами ржавчины, разбросанными вокруг вмятины, словно мертвые листья ядовитого плюща. С зеркала заднего вида свешивалась белая кроличья голова. Мотор под капотом «шевроле» фырчал и клокотал от переполнявшей его сдерживаемой энергии, так что вся машина тряслась.

– Эй, пацан! – крикнул мне из-за покрытого синим мехом руля водитель. – Ты, что ли, отродье Маккенсонов?

Он говорил, глотая слова, его красные глаза были наполовину прикрыты веками. Донни Блэйлок собственной персоной, к тому же вдрызг пьяный. Резкие черты его лица казались вырубленными из камня, густо напомаженные бриллиантином волосы свисали липкими сосульками.

– Я тебя запомнил по халупе Сима, – хмыкнул он. – Маленький поганец.

Я почувствовал, как Ракета подо мной задрожала. Мой велик неожиданно рванулся вперед и гулко врезался в борт «шеви», как терьер, набросившийся на добермана.

– Суешь нос куда не следует, – продолжал свою обвинительную речь Донни. – Сколько неприятностей нам доставил, стервец малолетний!

– Я не хотел ничего плохого, сэр, – отозвался я.

Ракета чуть попятилась и снова въехала в борт «шеви».

– Нечего прикидываться, будто ты тише воды ниже травы. Большое Дуло будет рад повидаться с тобой, приятель. Хочет поговорить насчет твоего носа, который ты суешь куда не следует, и твоего болтливой рта. Давай-ка полезай в машину.

Если бы мое сердце могло биться еще хоть немного быстрее, оно, наверно, вырвалось бы из груди.

– Я сказал, полезай в машину. Живо!

Внезапно вскинув правую руку, Донни схватил пистолет и направил его прямо мне в лоб.

Ракета снова налетела на «шеви». Она спасла меня от Гордо Брэнлина, но против этой грязной крысы, вооруженной пистолетом, она была бессильна.

– Сейчас снесу твою поганую башку к чертям! – угрожающе прорычал Донни.

Я испугался до полусмерти, потеряв от ужаса всякую способность соображать. Пистолетное дуло казалось огромным, как пушечный ствол. Это был убедительный аргумент. Когда я слезал с Ракеты и забирался в машину, в голове у меня звучал предостерегающий крик мамы, но что я мог в тот момент поделать?

– Немного прокатимся, – бросил Донни.

Перегнувшись через меня и обдав при этом удушающим зловонием затхлого пота и самодельного виски, он захлопнул дверцу с моей стороны и нажал на педаль газа. Заворчав, «шеви» заполз на край тротуара и лишь потом выкатился на дорогу. Я оглянулся на брошенную Ракету, стремительно уменьшавшуюся в размере. На тыльной стороне ветрового стекла автомобиля пластмассовая гавайка тряслась в танце хула-хула.

– Сидеть тихо! – приказал Донни.

Я не посмел ему противиться, потому что пистолет сделал меня самым послушным мальчиком на свете. Подошва Донни крепче прижала педаль газа. Движок «шеви» взвыл, и мы, промчавшись по Мерчантс-стрит, свернули к мосту с горгульями.

– Куда вы меня везете? – отважился спросить я.

– Сам скоро увидишь.

Стрелка спидометра приблизилась к шестидесяти. Мы пронеслись мимо горгулий, разинувших рты, словно в удушье. «Шеви» завывал как буря; по дороге, извиравшейся вдоль озера Саксон, мы неслись со скоростью семьдесят миль в час. Я что есть силы вцепился в подлокотники, а Донни лишь ухмылялся. По полу у меня под ногами перекачивались пустые бутылки, источавшие едкий запах ядовитого пойла, от которого у меня слезились глаза.

Лес по обе стороны дороги слился в две желтые стены. Тормоза «шевроле» визжали на поворотах извилистой дороги.

– Я жив, мать вашу! – орал Донни.

Может быть, и так, но мне он показался ходячим мертвецом. Его глаза запали, подбородок зарос клочковатой бородой, одежда была

мятой и грязной, словно он три дня кряду спал в свинарнике. Скорее всего, он беспробудно пьянствовал несколько суток подряд.

– Я следил за тобой, ублюдок! – орал он, стараясь перекрыть шум ветра. – Подстерег тебя! Да, сэр, старина Донни краляся как лис и поймал-таки птичку в свой мешок!

При этом он заложил такой крутой вираж, что от ужаса мои глаза чуть не выскочили из орбит.

– А этот толстый сукин сын говорит, что я придурок! Пусть эта жирная задница убедится, кто из Блэйлоков самый умный!

Пистолет, быстрая машина и большая доза выпитого зелья делали Донни в собственных глазах таким умным, словно Леонардо да Винчи, Коперника и Эйнштейна скатали в одну гениальную тестообразную массу.

Не успел я и глазом моргнуть, как озеро с красными утесами осталось далеко позади.

– Тпру, тпру, Большой Дик! – орал Донни, давя на тормоза, чтобы вписаться в очередной поворот.

Машина замедлила ход ровно настолько, чтобы свернуть направо, на грязную дорогу, не налетев на деревья. Потом Донни снова поддал газу, и мы с шумом пронеслись по этой дороге пятьдесят ярдов, разделявшие десятое шоссе и небольшой белый домик с крыльцом, закрытым противомоскитной сеткой. Мне уже приходилось бывать здесь. Под зеленым пластиковым навесом все так же стоял красный «мустанг», но старый ржавый «кадиллак» куда-то пропал. Кусты роз по-прежнему были на своем месте, все в шипах, но без единого цветка.

– Тпру! – крикнул Донни, и Большой Дик, дрожа, остановился рядом с крыльцом дома мисс Грейс и ее дурных девушек.

«Господи, помоги! – пронеслось у меня в голове. – Что все это значит?»

С пистолетом в руке Донни Блэйлок выбрался из машины. Еще раз продемонстрировав мне уродливое тупорылое дуло своей пушки, он сказал:

– Советую сидеть тихо и дожидаться меня! Не вздумай сбежать, иначе я тебя выслежу и пристрелю как собаку! Понятно?

Я кивнул. Если верить мистеру Доллару, Донни Блэйлоку уже случалось убивать человека. Я не сомневался, что он может сделать это еще раз, поэтому мой зад прилип к сиденью, словно его приклеили.

Пошатываясь, Донни доплелся до двери белого домика и принялся колотить в нее кулаками. Изнутри что-то прокричали в ответ. Пинком ноги распахнув дверь, Донни ворвался внутрь с дикими воплями:

– Где она? Где эта чертова телка?

Я попал в чудовищную переделку – сомневаться в этом не приходилось. Где-то в глубине моего парализованного страхом разума зародилась мысль, что док Лезандер не мог быть убийцей того несчастного, что лежит на дне озера Саксон. Это наверняка дело рук Донни Блэйлока. Мистер Доллар сам слышал об этом от Сима Сирса. Донни Блэйлок – вот кто настоящий убийца, но никак не доктор Лезандер!

Не прошло и полминуты после того, как Донни Блэйлок скрылся в доме, и он появился снова. Теперь он был не один. Он тащил за собой девушку, схватив ее за светлые волосы. Девушка отбивалась изо всех сил, осыпая Донни ругательствами.

Это оказалась не кто иная, как Лэйни, девушка, что в тот памятный день показала мне свернутый трубочкой язык.

– Полезай в машину! – заорал Донни, волоча ее за собой по земле.

Лэйни была одета в розовый топик на бретельках, пурпурные штаны и лишь одну серебристую туфлю.

– Полезай в машину сейчас же!

– Отпусти меня, сволочь! Отпусти, сукин ты сын!

Из дверей домика пулей вылетела рыжеволосая приземистая мисс Грейс, в белом свитере и голубых джинсах такого большого размера, что в них при желании можно было устроить сельский праздник с танцами. С перекошенным от ярости лицом, она подняла над головой сковородку, явно собираясь огреть ею Донни по лбу.

Грохнул выстрел: *бах!* Все произошло мгновенно.

Мисс Грейс вскрикнула и схватилась рукой за плечо. На белой шерсти свитера быстро растеклось темно-красное пятно, словно распустилась роза. Продолжая кричать, мисс Грейс упала на колени:

– Стрелять в меня вздумал, идиот проклятый! Тупой мерзкий ублюдок!

Из домика выскочили еще две девушки, обе брюнетки – одна толстушка, другая тощая. Бросившись к мисс Грейс, они опустились рядом с ней на колени. А третья девушка, блондинка, кричала с крыльца:

– Все, хватит, я вызываю шерифа! Сию же минуту ему звоню!

– Дура набитая! – заорал в ответ от машины Донни. – Мы давно купили твоего шерифа со всеми потрохами!

Распахнув дверцу с моей стороны, он толкнул Лэйни прямо на меня. Я торопливо перебрался на заднее сиденье, потому что Лэйни, стремясь выбраться из машины, принялась пинаться и царапаться.

– Замолкни, сука! – крикнул Донни.

Он с размаху залепил ей сильную оплеуху, так что я, лишь миг назад созерцавший ее затылок, увидел миловидное лицо, искаженное от боли. Из уголка ее рта струилась кровь.

– Если не хочешь получить еще, закрой рот! – предупредил ее Донни.

Обойдя машину, он сел за руль. Мотор «шеви» ожил. Я хотел было выпрыгнуть наружу и дать тягу, но Донни, заметив мое движение в зеркале заднего вида, замахнулся пистолетом, целя мне в голову. Если бы я вовремя не пригнулся, он заехал бы мне прямо в лоб и я, может быть, и в самом деле обрел бы крылья и воспарил к праотцам.

– Сидеть, сволочи! Не дергаться, мать вашу! – прорычал Донни и, сделав замысловатый зигзаг, выехал на десятое шоссе.

– Ты спятил, Донни, совсем обезумел, – всхлипывала Лэйни, прижав ладонь ко рту. – Сколько раз я просила тебя оставить меня в покое!

– Ни хрена!

– Клянусь, Донни, я не стану этого терпеть. Мисс Грейс...

– Что мисс Грейс?! Что? Будет путаться под ногами, я ей мозги вышибу!

Лэйни попыталась открыть дверцу машины и выскочить на дорогу. Но было уже поздно: «шеви» выехал на шоссе, и Донни поддал газу. Шины завизжали по асфальту, и мы помчались в сторону Зефира. Рука Лэйни лежала на ручке дверцы, но сделать она ничего не могла: мы неслись со скоростью миль пятьдесят в час, не меньше.

– Что же ты не прыгаешь? – осклабился Донни. – Кишка тонка?

Пальцы Лэйни разжались. Она отпустила ручку дверцы.

– Я сообщу о тебе властям, попомни мое слово!

– Как я испугался, гляди, даже коленки дрожат! – Ухмылка Донни стала еще шире. – У властей нет времени возиться с такой дешевкой, как ты.

– Ты совсем спятил от виски, понятно, Донни?

Лэйни наконец оглянулась назад и заметила в машине меня:

– Какого черта ты тащишь с собой мальчишку?

– Это семейное дело. А теперь заткнись и будь куколкой.

– Чтоб тебя черти забрали, чтоб ты сдох! – Лэйни плюнула в его сторону, но Донни только рассмеялся.

Мы снова промчались через мост с горгульями. Промелькнула брошенная Ракета. На корзинке велосипеда устроилась ворона. Она пыталась разорвать коробку клювом, чтобы добраться до пирога. Какое унижение! Донни промчался через Зефир, ни разу не сбросив скорость ниже шестидесяти миль в час; потревоженная палая листва еще долго кружилась за нами следом. Мы пересекли городок, вылетев с другой его стороны на шоссе номер шестнадцать, и помчались в сторону Юнионтауна.

– Так ты похитил этого мальчишку? – Лэйни еще не успокоилась. –

Точно, ты его украл! Тебя пристрелят за это, Донни! Тебе это не сойдет с рук просто так!

– Мне плевать. А ты теперь будешь жить со мной – я давно этого хотел.

– Я не стану жить с тобой!

Лапа Донни схватила Лэйни за подбородок и крепко стиснула. «Шеви» бросило к обочине, у меня перехватило дыхание, когда деревья стремительно приблизились к нам. Резко крутанув руль, Донни снова вернул машину на середину дороги – все это время мы держались разделительной линии.

– Больше никогда не говори так! Иначе сильно пожалеешь.

– Сейчас умру от страха!

Лэйни попыталась вырваться, но Донни крепко держал ее своими железными пальцами.

– Ей-богу, мне совсем не хочется делать тебе больно, детка.

Рука Донни разжалась, но следы от его пальцев так и остались на ее коже.

– Я не твоя детка! Много раз говорила тебе, что не желаю связываться ни с тобой, ни с твоими окаянными братьями!

– Но ведь ты берешь наши деньги? Да и под бок к себе пускаешь?

– Я профессионалка! – не без гордости отозвалась Лэйни. – Я никогда не любила тебя, как ты не понимаешь? Ты мне даже не

нравишься! В жизни я любила только одного парня, но он сейчас на небесах!

– На небесах? – В голосе Донни явно прозвучала насмешка. – Этот слизняк гниет сейчас в аду.

Глаза Донни метнулись к зеркалу заднего вида и сузились от удивления.

– Это еще что за хреновина! – прохрипел он.

Я оглянулся назад. На большой скорости нас догоняла какая-то машина.

Черный автомобиль. Черный, как пантера.

– Нет! – затряс головой Донни. – Я не мог *так* надраться!

Лэйни тоже оглянулась назад, ее разбитая нижняя губа распухла.

– Что там такое?

– Машина. Видишь ее?

– Какая еще машина?

Ее карие глаза ничего не замечали на дороге позади нас. Но я все видел отчетливо и ясно. И Донни тоже видел. Я это понял по тому, как завилял «шевроле» на дороге. Черный автомобиль настигал нас. Через мгновение я различил языки пламени, которыми был разрисован его капот. За ветровым стеклом виднелся силуэт водителя, пригнувшегося к рулю. Казалось, он мечтал только об одном – догнать нас.

– Что за чертовщина! – прохрипел Донни, стискивая пальцами руль так, что побелели костяшки. – Неужто я с катушек срываюсь?

– Наконец-то до тебя дошло! Уже за одно то, что ты увез меня силой, тебя по головке не погладят, а ведь ты еще и ранил мисс Грейс! А если бы ты ее убил?

– Заткнись, сука!

Крохотные капли пота вдруг высыпали на лбу Донни. Его глаза продолжали метаться от зеркала заднего вида к извивавшейся впереди дороге. На несколько мгновений черный автомобиль позади нас скрылся за поворотом, но сразу же Полуночная Мона вылетела на дорогу и устремилась за нами. Сквозь тонированное лобовое стекло «шевроле» солнце казалось тусклым кружком. Донни разогнался до семидесяти, но Полуночная Мона настигала нас, делая не меньше девяноста миль в час.

– Вот то место, где это случилось, – проговорила вдруг Лэйни, указывая в сторону леса. Ветер развеивал волосы вокруг ее

напряженного, мрачного лица. – Здесь убили моего парня.

Ее рука указывала туда, где не было видно ничего примечательного, только сорная трава и густой подлесок, если не считать двух стоящих рядом мертвых почерневших деревьев с зияющими в стволах большими уродливыми дырами. Ветви деревьев тесно переплелись, словно, умерев, они продолжали крепко обнимать друг друга.

Я повернулся к Лэйни и, приглядевшись, сразу же вспомнил ее.

Эта самая светловолосая головка покоилась на плече Малыша Стиви Коули, давным-давно, на парковке у «чертова колеса».

– Смотри вперед! – вдруг заорала в смертельном ужасе Лэйни и схватилась за руль.

Большой грузовик с прицепом взревел на холме прямо перед нами, его радиатор внезапно заслонил все лобовое стекло Большого Дика, словно рот, полный серебряных зубов. Донни, чье внимание было поглощено Полночной Моной, отражение которой стремительно увеличивалось в зеркале заднего вида, заорал от ужаса и резко крутанул руль в сторону. Огромные колеса грузовика пронеслись мимо нас, могучий басовитый гудок негодуя заревел. Я обернулся и успел увидеть, как Полночная Мона и грузовик на мгновение слились, после чего Мона вылетела из-под задних колес грузовика и продолжила свою гонку, предоставив грузовику, тупому, как бык Пола Баньяна^[22], тащиться своей дорогой.

Донни явно не заметил этого чуда: в тот момент он внимательно смотрел вперед, пытаясь избежать аварии.

– Черт, мы едва не столкнулись с ним! – потрясенно выдохнула Лэйни.

Она оглянулась назад, и по выражению ее лица с уверенностью можно было сказать, что никакой черной машины позади нас она не замечала.

Но я-то все знал. И Донни тоже знал. Малыш Стиви Коули летел на выручку своей девушке.

– Если он хочет со мной поиграть, то черт с ним, я не прочь! – заорал вдруг Донни, и его нога резко вдавила педаль газа. Движок «шеви» завыл, машина пугающе затряслась, и все, что не было закреплено болтами, задрезбужало и зазвенело. – Он никогда не побьет меня! Черта с два!

– Какого дьявола ты так гонишь? – крикнула Лэйни. – Притормози, а то всех нас отправишь на тот свет!

Но Полуночная Мона, похожая на черный реактивный самолет, привыкший противопоставлять скорости только скорость, уже почти настигла нас. Темный силуэт водителя маячил за рулем. Шины «шевроле» заелозили по асфальту, обливавшийся потом Донни заскрежетал зубами и, вцепившись в руль, продолжал опасную гонку. Свистел ветер, ревел мотор; Лэйни кричала, чтобы Донни сбросил скорость. Лишь Полуночная Мона не издавала ни звука.

– Ну давай, сукин сын! – рычал Донни. – Один раз я уже прикончил тебя! Если нужно, я убью тебя снова!

– Ты спятил! – Лэйни цепко, как кошка, ухватилась за свое сиденье. – Я не хочу умирать!

На поворотах, которые Донни делал, не снижая скорости, меня бросало на заднем сиденье из стороны в сторону. Донни боролся с рулем изо всех сил.

Мысли прыгали у меня в голове, но определенная цепочка рассуждений все же выстраивалась; летая по салону «шевроле», как мешок с грязным бельем, я понял, что именно Донни Блэйлок убил Малыша Стиви Коули. О том, как это случилось, я мог только догадываться: две машины, одна синяя, другая черная, гнали так, что чертям было тошно, по этой самой дороге. При свете прошлогодней октябрьской луны из их выхлопных труб било пламя. Возможно, они гнали ноздря в ноздю, словно колесницы в фильме «Бен Гур», и вот тогда-то Донни подло вильнул в сторону, так что правое заднее крыло Большого Дика ударило Полуночную Мону. Возможно, машина Малыша Стиви вышла из-под контроля и ее занесло или лопнула шина. Так или иначе, Полуночная Мона взлетела и, грациозная, как черная бабочка, пронеслась сквозь серебристую тьму, а едва коснувшись земли, взорвалась. Я почти слышал дьявольский хохот Донни Блэйлока, уносившегося прочь от горящих руин искореженного металла и стекла.

Этот злобный смех не грезился мне, я его слышал прямо сейчас.

– Я с тобой покончу! – орал Донни.

Его глаза блестели уже совершенно безумным огнем, а напояженные волосы поднялись на голове дыбом и развевались, как змеи-щупальца горгоны Медузы. Он явно дошел до предела.

Неожиданно Донни вдавил в пол педаль тормоза. Лэйни закричала, я тоже. Даже Большой Дик и тот закричал вместе с нами.

Полуночная Мона, расстояние от которой до нашего заднего бампера составляло не более пяти футов, врезалась в нас.

Чувствуя, как глаза едва не вылезают мне на лоб, я увидел, как разрисованный языками пламени капот Моны появляется из обивки заднего сиденья. Потом неторопливо, как в замедленной киносъемке, Полуночная Мона стала заполнять собой салон «шеви». Я почувствовал запах горящего масла и обожженного металла, сигаретного дыма и одеколona «Английская кожа». На краткий миг рядом со мной возник сжимающий руль молодой темноволосый парень с глазами голубыми, как вода в плавательном бассейне, с зажатым в зубах окурком «Честерфилда». Острый подбородок его грубоватого, но симпатичного лица был гордо и упрямо выставлен вперед, словно нос «Летучего голландца». Я почувствовал, как у меня на голове шевелятся волосы.

Полуночная Мона пронеслась сквозь Большого Дика. Черный автомобиль пронзил собой переднее сиденье, и на пути к двигателю сидящий за рулем парень протянул руку и, как мне показалось, коснулся щеки Лэйни. Я увидел, как она подскочила на месте и побледнела. Донни втиснулся в сиденье, вопя благим матом от охватившего его панического страха. Он крутил руль то в одну, то в другую сторону, пытаясь избавиться от загнавшего его призрака: ведь он видел его, а вот Лэйни упорно не замечала. Полуночная Мона прошла через передний бампер Большого Дика, блеснула красными рубинами задних габаритных фонарей и пыхнула выхлопом в лицо Донни. «Шеви» закрутился, скрипя тормозами и вереща шинами, как будто из леса на дорогу вырвалась на ночную охоту толпа пьяных привидений.

Я почувствовал сильный удар и услышал скрежет, меня швырнуло на спинку переднего сиденья, на котором сидела Лэйни, и прижало к нему, словно невидимым утюгом.

– Господи! – услышал я сдавленный крик Донни; на этот раз он ни над кем не смеялся.

Зазвенело стекло, в брюхе «шевроле» что-то безнадежно сломалось, громко затрещали кусты и ветви деревьев, и «шеви» наконец остановился, зарывшись носом в кучу красной глины.

– *Йи-йи-йи!* – завизжал Донни, словно пес со сломанной лапой.

Я почувствовал во рту привкус крови, мой нос болел так, словно его вдавили в лицо. Я заметил, как бешено крутит по сторонам головой Донни; его волосы на висках поседели.

– Я прикончил его! – завизжал он высоким и безумным голосом. – Убил эту сволочь! Полуночная Мона сгорела! Вы видели, как валил из нее дым?

Лэйни смотрела на Донни, взгляд ее блуждал, на лбу быстро вздувался красный бугор размером с яйцо.

– Так это ты... убил... – с трудом ворочая языком, прошептала она.

– Да, я убил его! Сшиб с дороги к чертовой матери! *Хрясь!* И он улетел в кусты! *Хрясь!* И нет его!

Донни залился истерическим смехом и стал выбираться из машины прямо через окно с водительской стороны, не открывая дверцы. Его мокрое лицо распухло, вытаращенные глаза выглядели совершенно безумными, весь перед его джинсов пропитался мочой. Выбравшись наружу, Донни принялся ходить кругами.

– Папаша! – звал он. – Помоги мне, папаша!

Потом Донни что-то забормотал, всхлипывая, и начал взбираться на кучу красной глины на опушке леса.

Я услышал щелчок.

Открыв бардачок, Лэйни достала оттуда пистолет, взвела курок и прицелилась в едва державшуюся на ногах фигуру, в эту безумную развалину, которая рыдала, в отчаянии призывая на помощь своего папашу.

Рука Лэйни дрожала. Я увидел, как напрягся ее палец на курке.

– Лучше не надо, – прошептал я.

Ее палец меня не послушался, но рука Лэйни откликнулась на мой призыв, сдвинувшись на дюйм. Пистолет дернулся, и пуля с чмоканием вонзилась в красную глину. Лэйни продолжала жать на курок: еще четыре пули с чавканьем впились в глину, разбрасывая ее комья по сторонам.

Донни Блэйлок уже бежал к желтеющему невдалеке лесу. Ветви поймали его в свои объятия; в попытке высвободиться он разорвал о сучья рубашку и помчался со всех ног дальше. Мы слышали, как он одновременно смеется и плачет. Эти ужасные звуки смолкли лишь тогда, когда он исчез в глубине леса.

Опустив голову, Лэйни спрятала лицо в ладонях. Ее спина вздрагивала. До моих ушей донеслись тихие, похожие на стоны всхлипывания. У меня в носу было такое ощущение, словно там полыхал пожар.

Нос болел, но все же я отчетливо различал легкий запах одеколona «Английская кожа».

Внезапно Лэйни в испуге подняла голову. Ее рука дотронулась до мокрой от слез щеки.

– Стиви? – прошептала она с надеждой в голосе.

Я уже говорил, что это время года как нельзя лучше подходило для призраков. Они собирались с силами, чтобы бродить по октябрьским полям и дорогам и говорить с теми, кто хотел их выслушать.

Лэйни, наверно, так и не увидела Стиви. Быть может, если она что-то и почувствовала, то сама себе не поверила, иначе в будущем ее ожидал бы тот же дом с комнатами, обитыми резиной, куда теперь суждено было отправиться Донни.

Но мне кажется, она слышала голос Стиви отчетливо и ясно. Или, может быть, почувствовала запах его кожи, вспомнила прикосновение.

И мне хотелось верить, что для нее этого было достаточно.

Глава 7

Полдень в Зефире

Мой нос оказался не сломан, хотя и раздулся, как дыня, и через несколько дней приобрел отвратительный багряно-зеленый цвет, а веки стали черно-синими и опухли, превратив глаза в щелочки. Сказать, что маму до смерти перепугал мой рассказ о случившемся, все равно что заявить, что в Мексиканском заливе местами есть водичка. Но главное – я уцелел, а вскоре и мой нос приобрел нормальный вид.

Мисс Грейс вызвала шерифа Эмори, и тот подобрал нас с Лэйни, когда мы пешком возвращались в Зефир по шестнадцатой трассе. Мне не хотелось перед ним особенно распространяться: в моих ушах еще стоял крик Донни, что, мол, Блэйлоки купили зефирского шерифа с потрохами. Я рассказал об этом отцу, когда родители приехали забрать меня от дока Пэрриша. Отец никак не прокомментировал мой рассказ, но я ясно увидел, что в нем зреет грозовая туча. Я знал, что он не оставит это дело просто так.

Мисс Грейс поправилась. Ее отвезли в больницу в Юнионтауне, но оттуда она вскоре вышла: пуля не задела никаких жизненно важных органов, рана быстро зажила. У меня сложилось ощущение, что мисс Грейс не из тех, кому удастся легко заткнуть рот.

Историю Лэйни и Малыша Стиви Коули я позднее услышал от отца, которому в свое время все рассказал шериф: Лэйни и Донни Блэйлок повстречались в Бирмингеме, где девушка, в семнадцать лет сбежавшая из дома, работала стриптизершей в ночном клубе «Порт-Саид». Донни уговорил Лэйни присоединиться к семейному «бизнесу» Блэйлоков, посулив ей роскошную жизнь и большие деньги. Он убедил ее, что парни с авиабазы – настоящие джентльмены и привыкли щедро платить по счетам. Лэйни согласилась работать у мисс Грейс, но вскоре, подбирая себе летний гардероб у Вулворта, встретила с Малышом Стиви. Скорее всего, это не была любовь с первого взгляда, но что-то в этом роде и, безусловно, очень романтическое. Малыш Стиви уговорил Лэйни уйти от мисс Грейс и вести добропорядочный образ

жизни. Они собирались пожениться. Мисс Грейс не стала мешать Лэйни: ей не нужны были девушки, не способные полностью отдаваться работе. Но к тому времени Донни Блэйлок вообразил себя дружкой Лэйни. К тому же он питал давнюю ненависть к Малышу Стиви, поскольку, что бы там ни говорил Донни, Полуночная Мона всегда легко обставляла Большого Дика. Донни решил, что единственный способ заставить Лэйни и дальше работать на Блэйлоков – покончить с Малышом Стиви. Внутри потерпевшей аварию, пылавшей Полуночной Моны сгорели и мечты Лэйни о новой жизни. После смерти Стиви собственная судьба стала ей совершенно безразлична: она уже не задумывалась, чем занимается, с кем и где. Как заметила мисс Грейс, душа Лэйни стала грубой, как камень.

Последнее, что я слышал о Лэйни: она решила вернуться домой, повзрослевшая, умудренная жизненным опытом и хлебнувшая лиха.

Впрочем, едва ли кто-нибудь пребывает в уверенности, что все в жизни имеет счастливый конец.

Дошли до меня и кое-какие сведения о Донни. Его арестовали и теперь держали в городской тюрьме рядом со зданием суда. Донни обнаружил фермер с большим дробовиком, когда он танцевал на пару с огородным чучелом. Зрелище железной решетки перед глазами немного привело в порядок мысли Донни и позволило ему обрести здравый ум ровно настолько, чтобы сознаться, что он столкнул с дороги машину с Малышом Стиви. Теперь никто не сомневался, что Донни не удастся уйти от длинной руки правосудия, даже если эта рука запачкана деньгами Блэйлоков.

Пришел ноябрь и коснулся Зефира холодными пальцами. Холмы вокруг города сделались коричневыми, листва почти вся облетела. Листья высохли и, когда кто-нибудь ступал на них, громко хрустели под ногами.

Этот хруст мы слышали под окнами своего дома во вторник вечером. В очаге горел огонь, отец читал газету, а мама колдовала над поваренной книгой, изучая рецепт нового пирога или пирожного.

В дверь постучали, и отец поднялся, чтобы открыть. На крыльце в свете фонаря стоял шериф Джуниор Талмедж Эмори, со шляпой в руках, его большеротое лицо хранило угрюмое выражение. Воротник его куртки был поднят: на улице уже здорово похолодало.

– Можно мне войти, Том? – спросил шериф.

– Не знаю, что и сказать, – ответил отец.

– Ты не хочешь больше со мной разговаривать, это понятно. Я не стану закатывать по этому поводу истерику. Но... я уверен, Том, что ты выслушаешь то, что я хочу сейчас тебе сказать.

Мама подошла к дверям и встала позади отца.

– Пусти его в дом, – сказала она.

Отец распахнул дверь, и шериф вошел.

– Привет, Кори, – бросил он.

Я сидел на полу рядом с камином и делал домашнее задание по истории штата Алабама. Теплое местечко у камина, так любимое Бунтарем, сейчас казалось душераздирающе пустым. Но жизнь все равно продолжалась.

– Привет, – отозвался я.

– Кори, поднимись, пожалуйста, в свою комнату, – приказал мне отец.

Но шериф Эмори остановил его:

– Том, мне бы хотелось, чтобы Кори тоже слышал, потому что именно благодаря ему все выплыло наружу.

Я остался сидеть у камина. Шериф Эмори, согнувшись в три погибели, уместил в кресле свое тощее тело Икабода Крейна и положил шляпу на кофейный столик. Потом некоторое время сидел молча, разглядывая серебряную звезду, украшавшую шляпу. Отец снова уселся в кресло, а мама, которая в любой ситуации оставалась гостеприимной хозяйкой, спросила шерифа, не желает ли он подкрепиться куском яблочного пирога или тортом с корицей, на что тот отрицательно покачал головой. Тогда мама тоже опустилась в кресло, стоявшее на таком же расстоянии от камина, что и кресло отца, только с другой стороны.

– Мне недолго осталось носить звание шерифа, – заговорил наконец Эмори. – Мэр Своуп подыскивает нового человека на эту должность, и, как только его выбор будет сделан, я сниму звезду. Думаю, что я сложу полномочия к середине месяца. – Шериф тяжело вздохнул. – До начала декабря я собираюсь уехать вместе с семьей из города.

– Жаль все это слышать, – отозвался отец. – Но еще обиднее мне было узнать то, о чем рассказал Кори. Впрочем, у меня нет никаких доказательств, чтобы обличать тебя. Ведь если бы я пришел к тебе с обвинениями, ты мог бы просто все отрицать.

– Должен признать, что, скорее всего, так оно и вышло бы. Но ты поверил своему сыну, потому что если ты не веришь своей плоти и крови, то кому еще можно верить?

Отец нахмурился. Казалось, во рту у него невыносимая горечь, от которой он никак не мог избавиться.

– Бога ради, почему ты так поступил, Джей-Ти? Что заставило тебя взять у Блэйлоков деньги и покрывать этих подонков? Они травят людей самогоном и обманывают в игорном притоне. И ты закрывал на все это глаза! Не говоря уже о заведении мисс Грейс. Я уважаю ее, но, Бог свидетель, было бы лучше, если бы она нашла себе другое занятие. Что еще ты сделал для Большого Дула? Чистил ему обувь?

– Да, – ответил шериф.

– Что «да»?

– Я чистил ему ботинки. Я действительно это делал.

На лице шерифа Эмори появилась вымученная улыбка. Его глаза превратились в пару черных дыр, полных горя и раскаяния. Его улыбка ушла, на лице осталась лишь гримаса боли.

– Я регулярно приезжал за деньгами в дом Большого Дула. Он платил мне каждое первое число месяца. Две сотни долларов в белом конверте с моим именем: «Шерифу Джуниору». Так он называл меня.

Шериф скривился от воспоминаний.

– В тот день, когда я приехал к Блэйлокам, все сыновья Большого Дула были в сборе: Донни, Бодин и Уэйд. Большое Дуло чистил ружье. Он сидел в массивном кресле, казалось заполняя собой всю комнату. Взглядом он мог сбить человека с ног. Я взял конверт с деньгами, и вот тогда он наклонился, снял свои ботинки, все в свежей грязи, поставил их на стол и сказал: «Шериф Джуниор, вот мои грязные ботинки, у меня что-то нет настроения самому их чистить. Как ты посмотришь на то, чтобы почистить их для меня?» Я открыл рот, чтобы сказать «нет», и тогда он вытащил из нагрудного кармана пятидесятидолларовую бумажку, положил ее внутрь одного из своих больших башмаков и сказал: «Само собой, не бесплатно, шериф».

– Я не хочу этого слышать, Джей-Ти. Зачем ты мне это рассказываешь? – спросил отец.

– Мне нужно все рассказать. Хочу, чтобы кто-нибудь это услышал.

Шериф взгляделся в огонь, и я увидел, как отсветы пламени заплясали на его лице.

– Я сказал Большому Дулу, что ухожу и не собираюсь чистить ему ботинки. На это он усмехнулся и ответил: «Всему есть своя цена, шериф Джуниор. Почему бы тебе не назвать ее прямо сейчас?» Он достал из кармана еще пятьдесят долларов и положил их во второй башмак.

Шериф Эмори приблизил к глазам свою предательскую правую руку, пристально рассматривая ее.

– Мне нужно было купить дочерям новую одежду, приличную обувь, – продолжал он. – Все, что у них было, сносилось и изорвалось. И тогда я подумал: почему бы мне не заработать сейчас лишнюю сотню долларов? А Большое Дуло знал, что в тот день я к нему приеду, и специально топтался в грязи. Почистив его ботинки, я вышел на улицу, и там меня вырвало, настолько мне было противно. Я слышал, как смеялись в доме сыновья Большого Дула.

Шериф крепко зажмурился и через несколько секунд снова открыл глаза.

– На следующий день я отвез своих девочек в лучший обувной магазин в Юнионтауне, а для Люсинды купил букет цветов. И дело не только в том, что я хотел обрадовать жену, – после этих вонючих башмаков мне самому хотелось ощутить запах чего-то приятного.

– Значит, Люсинда все знает?

– Нет, она думает, что я получил прибавку к жалованью. Если бы вы только знали, сколько раз я просил мэра Своупа и его чертов городской совет, чтобы мне повысили оклад! И каждый раз он отвечал мне одно и то же: «Джей-Ти, мы обязательно учтем это в бюджете на следующий год».

Шериф горько усмехнулся:

– Старый добрый Джей-Ти! Он все стерпит, его можно не принимать в расчет. Он может жить на грошовое жалованье до второго пришествия, да и с какой стати прибавлять ему жалованье? Чем он занимается целый день? С утра старина Джей-Ти объезжает город на своей машине с гербом шерифа, а вторую половину дня сидит у себя в офисе за столом и читает «Настоящих детективов». Всего-то дел у него, что время от времени растащить драчунов, разыскать потерявшегося пса да вразумить соседей, повздоривших из-за сломанной изгороди. Ну, случается, конечно, иногда ограбление, или стрельба, или машина с мертвым водителем свалится в озеро Саксон.

Но ведь всем понятно: это вовсе не значит, что старина Эмори – настоящий шериф. Он всего лишь долговязый простофиля в шляпе с шерифской звездой, а в Зефире почти ничего не происходит – так что нет никаких оснований повышать ему жалованье, делать скидку на бензин, иногда выплачивать премию или хотя бы похлопать по спине в качестве поощрения.

Глаза шерифа заблестели от лихорадочной ярости. И я, и мои родители поняли, что даже представить себе не могли, какую муку все это время таил он в себе.

– Черт, – выругался он, – не для того я пришел сюда, чтобы выливать на вас свою желчь. Мне очень жаль, что так вышло.

– Зачем же вы все это терпели? – спросила мама. – Почему просто не ушли в отставку?

– Потому что... мне нравилось быть шерифом, Ребекка. Мне нравилось знать, кто, чем и где занимается, нравилось сознавать, что люди зависят от меня. Я словно был для всех горожан и отцом, и старшим братом, и лучшим другом одновременно. Может быть, мэр Своуп и его городской совет не считались со мной, но жители Зефира смотрели на меня с уважением. *Раньше* смотрели, я хотел сказать. Вот почему я все тянул и тянул, хотя уже давно мог выйти из игры – еще до того, как однажды Большое Дуло позвонил мне посреди ночи и сказал, что у него есть для меня предложение. Он сказал, что его бизнес не приносит вреда. Немного алкоголя никому не вредит: от этого человек расслабляется. Люди сами приходят к нему и просят товар, иначе он никогда не стал бы гнать самогон – так он мне сказал.

– И ты поверил ему? Господи, Джей-Ти!

Отец покачал головой, на лице его было написано отвращение.

– Большое Дуло сообщил мне еще кое-что: если бы он и его сыновья не держали в Зефире этот бизнес, то из соседнего округа сюда уже давно бы заявила банда Райкера, настоящие хладнокровные убийцы, что ни для кого не секрет. Может быть, принимая от Большого Дула деньги, я и вступал в союз с дьяволом, но знакомый дьявол все-таки лучше, чем тот, которого не знаешь. Так сказал мне Большое Дуло. И я поверил ему, Том. Я и сейчас считаю, что в его словах была правда.

– Так, значит, все это время ты знал, где находится берлога Большого Дула? А нам говорил, что понятия не имеешь, где он прячется.

– Именно так. Дом Большого Дула находится неподалеку от того места, где Кори и его друзья видели, как Блэйлоки продали свой ящик. Я не знаю, что там было внутри, Богом вам в этом клянусь, могу сказать только одно: Джеральд Харджисон и Дик Моултри состоят в клане уже давно. И вот теперь я, предатель, грешник и слизняк, не имею даже права идти по улице рядом с порядочными людьми.

Шериф Эмори в упор взглянул на моего отца:

– Нет нужды говорить, Том, что я сам во всем виноват. Я знаю, что поступил бесчестно, опозорив не только звание шерифа, но и свою семью. Для меня хуже смерти, когда люди, которых я считал своими хорошими друзьями, смотрят на Люсинду и девочек так, словно они замараны грязью. Я уже говорил вам, что скоро мы уедем отсюда навсегда. Но сегодня я все еще шериф города Зефира, избранный на эту должность его жителями, и у меня осталось одно обязательство, которое я должен выполнить.

– Что же это за дело? Открыть для Большого Дула сейфы городского банка?

– Нет, – тихо ответил шериф. – Отправить Донни в тюрьму за убийство. Он убил человека и должен за это поплатиться.

– Ах вот что, – отозвался отец, и я ясно услышал нотки раздражения в его голосе. – А что на это скажет Большое Дуло? Ведь он исправно платил тебе за то, чтобы ты сидел тихо?

– Большое Дуло никогда не платил мне за то, чтобы я защищал убийц. А Донни – убийца. К счастью, он только ранил мисс Грейс, и она жива, слава богу. Я знал Стиви Коули. Он тоже был крутым парнем, доставлял мне немало неприятностей, но он был порядочным человеком. И его родители – тоже вполне достойные люди. Я не хочу, чтобы Донни сошло с рук это убийство, и мне наплевать на угрозы Большого Дула.

– Он угрожал вам? – спросила мама, а отец поднялся, чтобы помешать кочергой поленья в камине.

– Да. Точнее, он меня предупредил.

Брови шерифа Эмори сошлись, на переносице залегли морщины.

– Послезавтра сюда на автобусе компании «Трэйлвейз» должны будут приехать два судебных исполнителя из административного центра округа. Номер автобуса – тридцать третий, он приходит в

полдень. Мне нужно подготовить бумаги для передачи преступника властям округа, и они возьмут его под стражу.

Автобус «Трэйлвейз», следовавший в Юнионтаун, проезжал через Зефир каждый второй день. В редких случаях он делал остановку у заправочной станции «Шелл» на Риджтон-стрит, чтобы высадить или забрать одного-двух пассажиров, но, как правило, автобус просто проскакивал наш город без остановки, торопясь к своему месту назначения.

– В бардачке в машине Донни я нашел записную книжку в черной обложке, – пояснил шериф Эмори.

Отец положил в камин новое полено, не переставая слушать шерифа.

– Там записаны имена и телефоны людей, имеющих отношение к ставкам на результаты футбольных матчей, – продолжал Эмори. –

Некоторые имена из этой книжки вас здорово удивят. Эти люди не из Зефира, но вы, если, конечно, интересуетесь политикой, наверняка хорошо знаете их из газет. Я почти уверен, что Блэйлоки подкупили нескольких тренеров, чтобы те устроили своим командам проигрыш.

– Господи боже мой, – прошептала мама.

– Когда судебные исполнители приедут забирать Донни, я должен быть уверен, что он в целости и сохранности будет передан им в руки.

Шериф Эмори провел пальцем по краю своей звезды:

– Большое Дуло сказал, что, прежде чем его сын сядет в этот автобус, он убьет меня. Я уверен, он не шутит, Том.

– Он блефует, пытается запугать тебя! – отозвался отец. – Думает, что ты отдашь ему Донни.

– Сегодня утром, когда я вышел на крыльцо, я нашел там останки животного, по-видимому кота, изрубленного на куски, так что все вокруг было забрызгано кровью. На нашей двери было написано кровью: «Донни из города не уедет». Мне трудно описать лица девочек, когда они вышли за мной следом и увидели весь этот ужас.

Шериф Эмори на миг опустил голову, разглядывая пол.

– Я боюсь, Том. Ужасно напуган. Думаю, Большое Дуло попытается отбить Донни, прежде чем автобус появится в городе. Меня он точно не пощадит.

– Я бы больше боялась, что эти проклятые змеи могут сотворить с Люсиндой и твоими девочками, Джей-Ти, – сказала мама.

Я понял, что она просто кипит от негодования, – такие резкие выражения нечасто срывались с ее уст.

– Еще утром, сразу же после происшедшего, я отправил девочек вместе с Люсиндой к ее матери. Около двух часов дня жена позвонила и сказала, что они благополучно добрались до места.

Шериф поднял лицо и взглянул на отца. В его глазах застыла мука.

– Я один не справлюсь, Том. Мне нужна помощь.

Эмори объяснил, что ему нужны три-четыре добровольца, чтобы сопроводить Донни к автобусу, и что сегодняшнюю ночь и завтра с утра эти волонтеры будут стеречь Донни в камере. Он сказал, что Джек Марчетт уже вызвался в добровольцы и сейчас надзирает за Донни, но больше никто не согласился помогать властям. Прежде чем идти к нам, шериф переговорил с десятком человек, и все отказались. Предстоящая миссия будет очень опасной. Он заплатит добровольцам по пятьдесят долларов из своего кармана, но это все, что он может себе позволить. В полицейском участке есть пистолеты и патроны, а тюремная камера там неприступна, как крепость. Самым сложным будет доставить Донни из участка к автобусу и без помех передать его судебным исполнителям.

– Вот и вся история. – Шериф Эмори крепко сжал ладонями свои костлявые колени. – Как ты посмотришь на то, чтобы пойти добровольцем, Том?

– Ни за что! – громко выкрикнула мама. – Ты что, Джей-Ти, с ума сошел?

– Мне очень жаль, Ребекка, что приходится просить об этом Тома. Но это нужно сделать.

– Тогда найди кого-нибудь другого, только не моего мужа!

– Так ты ответишь мне, Том? – настойчиво повторил шериф.

Отец молчал, стоя рядом с камином, в глубине которого потрескивали поленья. Его взгляд скользил от шерифа к маме и обратно, на какое-то мгновение он остановился и на мне. Потом отец опустил глаза в пол и засунул руки глубоко в карманы.

– Не знаю, что и сказать.

– Ты признаешь, что моя просьба справедлива?

– Да, это так. Но я всей душой ненавижу насилие, даже сама мысль о нем для меня непереносима. В особенности после того... что творилось со мной последние месяцы. Словно я ходил по яичной

скорлупе с привязанной к спине наковальней. Я знаю точно, что не смогу заставить себя нажать на курок и в кого-то выстрелить.

– Тебе не обязательно иметь при себе оружие, Том. Просто мне нужно, чтобы рядом были люди и Большое Дуло убедился бы, что убийство не сойдет ему с рук.

– Если, конечно, Блэйлоки вас всех не перестреляют! – в отчаянии крикнула мама. – Нет и нет! В последние месяцы Том пережил тяжелый стресс, он не пригоден для такого дела ни морально, ни физически...

– Ребекка! – не выдержал отец, и мама замолчала. – Я сам могу за себя сказать, – добавил он.

– Только скажи мне «да», Том, – почти умолял шериф Эмори. – Это все, что я хочу от тебя услышать.

Решение давалось отцу непросто. Я видел, какая мука отражается на его лице. Он знал, как правильно поступить, но его душа корчилась и разрывалась на части, а ледяная рука человека со дна озера Саксон сжимала его затылок.

– Нет, – проговорил наконец отец хриплым голосом. – Я не смогу пойти с тобой, Джей-Ти.

Пусть Бог меня простит, но только одно слово возникло в тот момент в моем сознании: «Трус». Горький стыд мгновенно охватил меня, и я с горящим лицом выскочил за дверь и бросился в свою комнату.

– Кори! – крикнул отец. – Подожди!

– Хорошо, это мне и нужно было услышать! – сказал шериф Эмори.

Он поднялся, взял с кофейного столика свою шляпу и нахлобучил ее на голову. Шляпа помялась и села криво, серебряная звезда шерифа перекосилась.

– Отлично, черт возьми! Все только и говорят, что давно пора упрятать Блэйлоков за решетку, все кому не лень пинают меня за то, что я брал их грязные деньги, но, как только представляется возможность что-нибудь сделать, все прячутся в кусты и тянут туда своих братьев, мужей, дядьев и всю родню. Отлично, черт возьми!

– Мне очень жаль, но я действительно не могу... – начал было отец.

– Забудь, Том. Сиди дома в тишине и покое. Спокойной ночи.

Шериф Эмори вышел за дверь на холод. Под его ногами зашуршали и затрещали листья. Вскоре все звуки стихли. Отец постоял у окна,

наблюдая, как шериф садится в машину.

– Не расстраивайся, – сказала мама. – Он найдет себе других добровольцев.

– А что, если никто не пойдет с ним? Что, если все предпочтут отсиживаться в кустах?

– Ну что ж, если в городе некому помочь шерифу, это означает, что никому нет дела до закона и порядка. Значит, Зефир заслуживает того, чтобы его иссушило солнце и стер с лица земли ветер.

Отец повернулся к маме, его губы были плотно сжаты.

– Но *мы* и *есть* Зефир, Ребекка. Ты, я, Кори. Шериф Джей-Ти. И те десять человек, что отказались идти вместе с ним защищать закон. Все мы и есть Зефир. Не дома Зефира падут первыми, солнце и ветер в первую очередь иссушат и развеют в прах души его жителей.

– Ты не сможешь помочь ему, Том. Если с тобой что-то случится...

Она не нашла в себе сил закончить фразу: стоило только подумать об этом, как на душе становилось смертельно холодно.

– Может, шериф и поступил дурно, но он заслуживает помощи. Я не должен был ответить отказом.

– Нет, ты поступил правильно. Ты не боец, Том. Блэйлоки убьют тебя, прежде чем ты глазом успеешь моргнуть.

– Значит, тогда мне придется вообще не моргать, – холодно ответил папа, и его лицо окаменело.

– Делай так, как сказал тебе Джей-Ти. Остайся дома, подальше от опасности. Ладно?

– Хороший же пример я подаю Кори. Ты заметила, как он посмотрел на меня?

– Он все поймет, – отозвалась мама, пытаясь выдать на лице улыбку. – Как насчет хорошего куска торта с корицей и чашечки кофе?

– Мне в рот ничего не лезет: ни торт с корицей, ни яблочный пирог, ни кокосовые пирожные, ни оладьи с черникой. Все, что мне сейчас нужно, – это... – Отец замолчал, словно потерял дар речи от переполнявших его эмоций. «Покой» – вот что он, наверное, имел в виду. – Пойду поговорю с Кори, – сказал он маме.

Остановившись перед моей дверью, отец тихо постучал.

Я сказал, что можно войти. В конце концов, он был мой отец. Он присел ко мне на кровать, а я даже не поднял на него глаз, продолжая рассматривать книжку комиксов о Черном Ястребе.

Еще до того, как отец поднялся ко мне, я вспомнил слова Вернона Такстера: «Шериф Эмори – хороший человек, но не слишком хороший шериф. У него нет собачьего инстинкта ищейки, он вполне может выпустить птичку, когда она находится в его когтях». Судя по тому, что рассказал шериф Эмори, нельзя было сказать, что он не заботится о своей семье.

Отец прочистил горло:

– Ну что, наверно, я пал в твоих глазах ниже некуда?

В другой раз я, наверно, улыбнулся бы ему в ответ. Но в тот момент я упорно рассматривал одну и ту же страницу комиксов, пытаюсь проникнуть в мир изящных черных самолетов и героев с квадратными челюстями, без промедления пускающих в ход кулаки и свой недюжинный разум во имя справедливости.

Наверно, я чем-то выдал себя, и отец прочитал мои мысли.

– Мир – это не книжка комиксов, сынок, – сказал он.

Потом он коснулся моего плеча, поднялся и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

В ту ночь мне снились кошмары. В них не было четырех девочек, звавших меня по имени, но был автомобиль, несшийся к краю красной скалы и падавший вниз, в темную воду озера Саксон; в них была Полуночная Мона, проезжающая сквозь меня. Снилось мне и бородатое демоническое лицо Большого Дула, который повторял одно и то же: *«Я добавил туда пару штук на всякий случай»*, и оторванная дробовым зарядом голова Люцифера, которая пронзительно кричала что-то из его могилы, и миссис Лезандер, которая протягивала мне стакан чая со словами: *«Иногда Франц почти до рассвета слушает иностранные радиостанции»*.

Я проснулся и долго лежал, не смыкая глаз.

О том, что док Лезандер – «сова» и не спит по ночам до утра, а кроме того, на дух не переносит молока, я не сказал ни маме, ни отцу. Конечно же, ни то ни другое не имеет никакого отношения к автомобилю на дне озера Саксон. Да и для чего, скажите на милость, мистеру Лезандеру могло понадобиться убивать незнакомца? К тому же док Лезандер – добрый человек, который любит животных. Предположить, что он дикий зверь, способный забить человека до полусмерти, а потом удушить его рояльной струной, было немыслимо. Это даже в голове не укладывалось!

Тем не менее я продолжал об этом думать.

Вернон оказался абсолютно прав в своей оценке шерифа Эмори. Может, он был прав и тогда, когда говорил про «сову», ненавидящую молоко?

Вернон, конечно, сумасшедший, но, как и «Бич бойз», он любит потусоваться. Подобно Божьему оку, он видел все, что происходило в Зефире, куда направлялись его жители и что с ними случалось, отлично разбирался в их грандиозных надеждах и низких интригах. Он видел жизнь нашего городка во всей ее неприкрытой наготе и, возможно, замечал даже больше, чем был способен понять.

Итак, я принял решение. Я буду следить за доком Лезандером и за миссис Лезандер тоже. Не может быть, чтобы док Лезандер оказался чудовищем в шкуре воспитанного, доброжелательного человека, а его жена ничего об этом не знала.

На другой день после школы, в морось и холод, я прокатился на Ракете мимо дома дока Лезандера. Конечно, в такую погоду они оба сидели дома. Даже лошади доктора и те стояли в конюшне. Я понятия не имел, что именно ожидал увидеть, но точно знал, что должен был приехать сюда. Что-то наверняка связывало дока Лезандера с происшествием на озере Саксон более прочной связью, чем умозрительная теория Вернона.

Вечером дома за ужином царила такая плотная тишина, что, казалось, ее можно было резать ножом. Я не решался поднять глаза, потому что боялся встретиться взглядом с отцом. Родители тоже избегали смотреть друг на друга. Веселенький получился ужин, нечего сказать.

Когда мы доедали пирог с тыквой, который, сказать по правде, всем нам изрядно надоел, отец сказал:

– Сегодня рассчитали Рика Спаннера.

– Рика? Но ведь он работал в «Зеленых лугах» почти столько же, сколько и ты!

– Именно.

Отец подцепил корочку пирога вилкой.

– Сегодня утром я говорил с Нилом Ярброу. Он слышал, что они сокращают производство. А что поделаешь? Этот чертов... этот супермаркет, – поправился отец, не сумев сдержать ненароком вырвавшееся бранное слово. – Все из-за него, из-за «Большого Пола».

Отец так громко фыркнул, что я испугался, как бы кусок тыквенного пирога не вылетел у него через нос.

– Молоко в пластиковых бутылках! Что, скажите на милость, они придумают дальше?

– Лия Спаннер родила в августе, – проговорила мама. – Это у них уже третий ребенок. Что Рик собирается теперь делать?

– Откуда я знаю? Он ушел домой, как только ему сообщили об увольнении. Нил сказал, что ему заплатили за весь месяц, но надолго ли этого хватит, когда нужно кормить четыре рта?

Отец отложил вилку.

– Может быть, испечешь для них пирог или еще что-нибудь?

– С утра испеку им свеженький.

– Вот и хорошо.

Ладонь отца накрыла мамину руку. В этом жесте было столько всего – и сказанного, и невысказанного, – что у меня защемило в груди.

– Сдается мне, Ребекка, что Рик – это только начало. «Зеленые луга» не смогут тягаться с ценами, которые устанавливает супермаркет. На прошлой неделе мы опустили цены для постоянных клиентов, а еще через пару дней «Большой Пол» сделал их еще ниже. Похоже, дела пойдут совсем плохо, и просвета в ближайшее время не предвидится.

Я увидел, как рука отца сжала мамину ладонь, она тоже ответила пожатием. За долгие годы они научились понимать друг друга без лишних слов.

– И вот еще что.

Отец замолчал. Его скулы то сжимались, то вновь расслаблялись. Было видно, что ему трудно поднимать эту тему, чего бы она ни касалась.

– Сегодня днем я разговаривал с Джеком Марчеттом. Он был на заправке «Шелл», когда я остановился там залить бензин. Он сказал...

Отец снова замолчал, словно в его горле что-то застряло.

– Он сказал, что, кроме него, Джей-Ти сумел отыскать только одного добровольца. И знаешь кого?

Мама молча ожидала продолжения.

– Человека-Луну.

Невеселая улыбка промелькнула на лице отца.

– Представляешь? Среди всех здоровых мужиков в этом городе только Джек и Человек-Луна решились встать на сторону Джей-Ти

против Блэйлоков. Я сильно сомневаюсь, что Человек-Луна вообще когда-нибудь в жизни держал в руках пистолет, не говоря уже о том, чтобы стрелять из него! А остальные, как видно, решили, что лучше отсидеться дома в безопасности. Вот так.

Мама вырвала руку из ладони отца и отвернулась. Тогда отец взглянул на меня так пристально, что я заерзал на стуле, потому что от этого пронизывавшего насквозь взгляда мне стало не по себе.

– Что за отец у тебя, приятель? Можешь рассказать в школе своим друзьям, как твой отец помогает поддерживать в городе закон и порядок.

– Нет, сэр, я ничего не собираюсь говорить, – сказал я.

– А следовало бы. Расскажи все как есть Бену, Джонни и Дэви Рэю.

– Вряд ли мы увидим, как отцы одноклассников Кори выстраиваются в очередь, чтобы получить пулю от Блэйлоков! – нервно выкрикнула мама. – Где эти бравые парни, которые умеют обращаться с ружьями? Где наши храбрые охотники? Где те пустобрехи, которые, если им верить, побывали в самых отчаянных заварушках и легко могут решить любую проблему с помощью кулаков и пистолета?

– Я не знаю, где они. – Отец отодвинул стул и поднялся. – Зато я знаю, где я сам.

Он уже шел к двери, когда мама, затаив дыхание, с испугом спросила:

– Куда ты идешь?

Отец остановился. Постояв так, между нами и дверью, он поднял руку к лицу:

– Я иду на крыльцо, Ребекка. Просто на крыльцо. Хочу посидеть там немного и подумать.

– На улице холодно, идет дождь!

– Ничего, я это переживу, – ответил отец и вышел.

Он вернулся примерно через полчаса. Усевшись в свое кресло перед камином, он стал греться. Был вечер пятницы, и мне разрешалось посидеть подольше. Когда для меня настало время идти в постель между половиной одиннадцатого и одиннадцатью, отец все еще сидел в кресле перед очагом, подперев подбородок сложенными руками. Ветер рвался в дом и стучал в окна, дождь бил в стекла так, словно швырял в них горсти песка.

– Спокойной ночи, мама! – сказал я.

Мама тоже пожелала мне спокойной ночи, на минутку оторвавшись от своей геркулесовой работы на кухне.

– Спокойной ночи, папа.

– Кори?

– Да, сэр?

– Если бы мне пришлось убить человека, чем бы я отличался от того негодяя, который приковал несчастного к рулю автомобиля и отправил на дно озера Саксон?

Я задумался над ответом на несколько секунд.

– Это было бы совсем другое дело, потому что в данном случае речь шла бы о самозащите.

– А может быть, тот человек тоже каким-то образом защищал себя?

– Трудно сказать. Но ему нравилось убивать, а тебе это не доставит никакого удовольствия.

– Да, – ответил отец. – Это уж точно.

Я хотел сказать еще кое-что, но не знал, захочет ли отец меня слушать. И все-таки я должен был это сказать.

– Папа, – позвал я.

– Что, Кори?

– Мне кажется, что мир и покой для себя можно завоевать только своими руками. За мир и покой нужно сражаться, хочешь ты этого или нет. Как это случилось, например, с Джонни и Готой Брэнлином. Джонни не искал драки – ему ее навязали. И в результате он завоевал мир и покой для всех нас, его друзей.

Отец внимательно слушал меня, но выражение его лица совершенно не изменилось, и я не был уверен, что он понимает, к чему я клоню.

– Как ты считаешь, я прав?

– Абсолютно, – отозвался он.

Потом вздернул подбородок, и я заметил, как в уголках его рта мелькнула улыбка.

– Завтра играет Алабама, будут передавать по радио. Матч будет что надо. А тебе пора идти спать.

– Хорошо, сэр, – ответил я и отправился в свою комнату.

– Спасибо, сынок, – сказал отец.

Я проснулся в семь утра от урчания мотора, который прогревали после ночного заморозка.

– Том! – услышал я крик матери с крыльца. – Том, не смей!

Выглянув в окно, я увидел, как мама прямо в халате выбегает на улицу. Но пикап уже набирал скорость.

– Не уезжай, Том! – закричала мама.

Из окошка грузовичка показалась рука отца и помахала на прощание.

По всей Хиллтоп-стрит лаяли собаки, проснувшиеся от суматохи и криков на улице. Я знал, куда и зачем поехал отец.

Мне стало страшно за него, но ночью он принял важное решение. Он ехал туда, где рассчитывал завоевать мир для себя и своей семьи, не дожидаясь, пока мир и покой установятся сами собой.

Утро стало настоящей пыткой. Мама не вымолвила и двух слов. Она бродила по дому в халате, глаза ее были полны смертельного ужаса. Каждые пятнадцать минут она звонила в офис шерифа и звала к телефону отца, пока наконец в девять часов он не запретил ей больше звонить.

В девять тридцать я оделся. Натянул джинсы и рубашку, а поверх надел еще и свитер: на улице было холодно, несмотря на то что в голубом небе сияло яркое солнце. После этого я почистил зубы и причесался. Потом стал следить, как стрелка часов ползет к десяти. Я думал об автобусе № 33 компании «Трэйлвейз», который катил к нашему городу по извилистой дороге. Прибудет ли он точно по расписанию, запоздает или появится раньше обычного? Сегодня жизнь и смерть моего отца, шерифа Эмори, Человека-Луны и шефа пожарных Марчетта могли зависеть от какой-то лишней секунды. Я изо всех сил гнал от себя эти страшные мысли, но они упорно возвращались, отравляя меня страхом, словно ядовитый плющ.

В десять тридцать я понял, что мне надо уйти из дома, чтобы оказаться там, на месте событий, и видеть отца. Я не мог просто сидеть и ждать, когда позвонят по телефону и скажут, что Донни уехал в автобусе под охраной судебных исполнителей или что отец лежит на дороге с пулей Блэйлоков в груди. Я должен быть там. Я надел на руку «таймекс» и приготовился уходить.

Когда до одиннадцати оставалось всего ничего, мама разнервничалась так, что включила одновременно и радио, и телевизор и принялась готовить три пирога сразу. Матч Алабамы вот-вот должен был начаться, но мне было наплевать на это.

Я вошел в кухню, где пахло тыквой и мускатным орехом, и сказал:

– Мам, я пойду схожу к Джонни.

– Что? – Мама уставилась на меня расширенными от страха глазами. – Куда ты собрался?

– К Джонни. Мы договорились встретиться, чтобы... – Я бросил взгляд на радиоприемник.

– Го-о-ол! – завыл стадион.

– Чтобы послушать игру по радио, – объяснил я.

Это была ложь во спасение.

– Нет, никуда ты не пойдешь! Ты останешься здесь, со мной!

– Но я обещал ребятам...

– Я сказала тебе...

Лицо мамы искажилось от гнева. Она швырнула на стол тазик, в котором смешивала ингредиенты для пирога. Миска с тыквой соскользнула со стола. Ложки и прочие кухонные принадлежности, перепачканные в муке, со звоном попадали на пол. Глаза мамы наполнились слезами, она подняла руку ко рту, чтобы заглушить крик боли и обиды, готовый сорваться с ее губ.

На улице холод, а внутри у меня такая жара, что чертям тошно станет. Вот что творилось со мной в тот момент.

– Мне нужно идти, – твердо повторил я.

Мама больше не могла сдерживать крик.

– Давай иди! – закричала она, потому что нервы ее были на пределе и она не могла больше переносить эту муку. – Иди куда хочешь, мне все равно!

Я повернулся и стремглав выскочил из кухни, не дожидаясь, когда вид маминых слез ослабит мою решимость, приковав ботинки к полу. Выбежав из дома, я вскочил на Ракету и услышал, как на кухне что-то с грохотом полетело на пол. Навалившись на педали, я что есть духу покатил к Риджтон-стрит, чувствуя, как меня пронизывает холодный ветер.

В тот день Ракета была особенно быстра, словно предчувствуя надвигающуюся трагедию. Город еще пребывал в субботней дреме, холод загнал в дома всех обитателей, за исключением нескольких детишек. Большинство мужчин включили радиоприемники в предвкушении триумфа «Медведей». Я наклонился вперед, разрезая

подбородком ветер. Шины Ракеты шуршали по мостовой, а когда мои ноги теряли педали, колеса продолжали крутиться сами по себе.

Я добрался до бензоколонки в одиннадцать пятнадцать. Заправка была маленькая: всего-то пара насосов да пневматический шланг. В конторе при заправке, примыкавшей к гаражу на две машины, обычно расхаживал среди выставленных на продажу гаечных ключей и приводных ремней престарелый горбатый владелец заправки мистер Хайрам Уайт, словно Квазимодо между колоколами. Сейчас он сидел за столом, подперев ладонью голову и повернув ухо к радиоприемнику. На углу здания из шлакобетона висел желтый жестяной знак с надписью «Автобусные линии „Трэйлвейз“», прикрученный к стене ржавыми винтами. Я оставил Ракету на заднем дворе заправки, среди пустых емкостей из-под масла, и уселся на солнышке дожидаться полудня.

Без десяти двенадцать мои кулаки сжались так, что ногти впились в ладони, – я услышал звук моторов. Я осторожно выглянул из-за угла на улицу. К автобусной остановке подъехали машина шерифа и пикап моего отца. Рядом с отцом сидел Человек-Луна, на голове которого красовался его обычный цилиндр. Шеф пожарных Марчетт находился спереди в машине шерифа, за спиной которого виднелся арестованный. Донни Блэйлок, в серой одежде заключенного, самодовольно ухмылялся. Машины остановились, но никто из них не вышел. Моторы продолжали урчать.

Из своей конторы выбрался мистер Уайт, скособоченный, будто краб. Шериф Эмори опустил окошко со своей стороны и обменялся с хозяином заправки несколькими фразами, из которых я не расслышал ни слова. Затем мистер Уайт возвратился в свою контору. Через несколько минут он появился снова, в перепачканной маслом куртке и бейсбольной кепке. Забравшись в свой «десото», он торопливо укатил восвояси, оставив за собой несколько облачков сизого дымка, напомнивших мне точки и тире азбуки Морзе.

Шериф снова поднял окно. Я бросил взгляд на «таймекс». Без двух двенадцать.

Две минуты миновали, но автобус не появился.

– Не двигайся, паренек, – внезапно сказал кто-то позади меня.

Прежде чем я успел повернуться, крепкая рука взяла меня сзади за шею и сжала будто тисками. Жилистые пальцы давили так сильно, что

сердце заледенело от ужаса.

Сжимавшая меня рука потянула назад, и я отодвинулся от угла здания. Кто подкрался ко мне и застал врасплох – Уэйд или Бодин? Господи, помоги! Смогу ли я как-нибудь предупредить отца? Рука незнакомца продолжала тянуть меня назад, до тех пор пока мы не оказались за кучей пустых канистр. Потом меня отпустили, и я наконец смог обернуться, чтобы увидеть лицо противника.

– Что ты здесь делаешь, парень, черт возьми? – спросил меня мистер Оуэн Каткоут.

Я, казалось, утратил дар речи. Морщинистое лицо мистера Каткоута покрывали бурые пятна, голову венчала пропотевшая коричневая ковбойская шляпа, своей формой скорее вызывавшая воспоминания о Габби Хэйесе, чем о Рое Роджерсе^[23]. Нечесанные светлые волосы мистера Каткоута неряшливо свисали на плечи. Помимо мятых черных штанов и свитера цвета глины, мистер Каткоут надел бежевый плащ-пыльник, выглядевший скорее заплесневелым, чем запыленным. Обтрепанные полы пыльника свисали почти до самых лодыжек, закрытых грубыми черными башмаками. Но не это стало причиной моей немоты. Я совершенно утратил дар речи при виде кожаного ремня с патронташем, висевшего на тощей талии Каткоута, и револьвера, засунутого в кобуру на левом боку. На рукоятке, торчавшей из кобуры толстым концом вверх, можно было различить изображение скелета. Мистер Каткоут оценивающе разглядывал меня, прищурился.

– Я задал тебе вопрос, – напомнил он.

– Мой отец, – сумел-таки выдать я. – Он здесь. Чтобы помочь шерифу.

– Что ж, верно, твой папаша действительно здесь. Хотя это не объясняет, почему здесь находишься ты.

– Я просто хотел...

– Чтобы тебе прострелили голову? Или я плохо знаю Блэйлоков, или здесь наверняка будет небольшой фейерверк. Так что давай-ка садись на свой велик и дуй отсюда подобру-поздорову.

– Автобус опоздал, – сообщил я, пытаюсь отвлечь его внимание.

– Не заговаривай мне зубы! – шикнул на меня мистер Каткоут. – Давай крути педали!

Он подтолкнул меня к Ракете.

Я не собирался сдаваться. И уходить тоже не собирался.

– Нет, сэр, – твердо ответил я. – Я останусь здесь, с отцом.

– Хочешь, чтобы я тебе зад надрал прямо тут, сию же минуту?

На шее мистера Каткоута надулись жилы. Я сжался, ожидая порки, по сравнению с которой то, что устраивал обычно отец, могло показаться ласковым поглаживанием пуховкой для пудры. Мистер Каткоут двинулся на меня. Я попятился, но уже в следующую секунду решил, что не сойду с места, что бы он со мной ни делал.

Мистер Каткоут остановился в трех футах от меня. Жесткая улыбка растянула углы его рта.

– Что ж, – хмыкнул он, – вижу, упрямства и решительности тебе не занимать.

– Я останусь здесь, – сказал я.

Послышался шум приближающейся машины, а это значило, что время для споров закончилось. Круто развернувшись, так что зашуршали полы пыльника, мистер Каткоут прижался к стене и осторожно выглянул из-за угла на улицу. И тут я понял: передо мной уже не мистер Оуэн Каткоут.

Передо мной стоял Кид Леденец.

Я тоже подкрался к углу и, прежде чем мистер Каткоут взмахом руки прогнал меня прочь, успел кое-что разглядеть.

От того, что я увидел, мое сердце подпрыгнуло к самому горлу. Никакого автобуса «Трэйлвейз» там не было. Вместо него перед заправкой появился черный «кадиллак». Он остановился у тротуара, как раз напротив машины шерифа. Увернувшись от руки мистера Каткоута, который пытался меня поймать, я стремглав бросился к куче старых покрышек у гаража и затаился, упав на живот. Теперь место действия открылось передо мной во всех подробностях, и я решил там остаться, проигнорировав грозные жесты мистера Каткоута, звавшего меня обратно в укрытие за углом здания.

Передняя дверца «кадиллака» открылась, и Бодин Блэйлок, в белой рубашке с открытым воротом и в сером костюме, гладкая ткань которого переливалась на солнце, вылез из-за руля. Его волосы торчали коротким ежиком, тонкий рот был крепко сжат в злобной усмешке. Нагнувшись, он взял с сиденья пистолет с красивой перламутровой рукояткой. Следующим из машины, с переднего пассажирского сиденья, вылез Уэйд Блэйлок. Его темные волосы были

гладко зачесаны назад, подбородок выдавался вперед. Уэйд надел узкие черные брюки, такие тесные, что казались нарисованными, и ковбойскую рубашку в синюю клеточку – ее рукава, несмотря на холод, были закатаны по локоть, и из них торчали худые татуированные руки. На его плече висела кобура с пистолетом, а из машины он достал ружье и лихо передернул затвор: *ка-чунк*.

Потом отворилась задняя дверца «кадиллака», вся машина закачалась, и наружу медленно выплыла огромная туша. На Блэйлоке Большое Дуло был камуфлированный комбинезон и темно-коричневая рубашка. Глядя на него, можно было подумать, что один из ноябрьских холмов внезапно ожил и, оторвавшись от своего гранитного основания, покатился по земле. Большое Дуло улыбался во весь рот, хохолок седых волос на его лысой голове блестел от пота. Он тяжело дышал, – очевидно, ему стоило немалых усилий выбраться из машины.

– Давайте покажем им, ребята, – пророкотал он.

Уэйд вскинул ружье, Бодин взял на изготовку пистолет. Они открыли стрельбу по машине шерифа.

Я едва не лишился чувств от страха. Первые же пули пробиты передние покрышки, выпустив из них воздух. После этого Блэйлоки перенесли огонь на машину моего отца. Тот сделал попытку избежать опасности, дав задний ход, но, увы, бесполезно: обе передние шины оказались прострелены, и искалеченный пикап закачался на амортизаторах.

– Все, хватит! Поговорим теперь о деле, шериф Джуниор! – крикнул Большое Дуло.

Шериф Эмори и не думал вылезать. Донни, ухмыляясь, прижался лицом к стеклу машины, словно ребенок, оказавшийся у витрины кондитерской. Я оглянулся, чтобы посмотреть, чем занимается мистер Каткоут. Но Леденец Кид куда-то исчез.

– Автобус вам придется подождать! – крикнул Большое Дуло.

Чуть повернувшись, он взял с сиденья машины двуствольный дробовик, легко стиснул его своей похожей на окорок рукой и подхватил камуфлированный охотничий подсумок. Бросив подсумок на крышу «кадиллака», он расстегнул на нем молнию и просунул внутрь руку.

– Чертовски удачно все сложилось, шериф Джуниор!

Раскрыв дробовик, Большое Дуло вытащил из подсумка с боеприпасами пару патронов и вложил в стволы.

– Представляешь, в шести милях от города на трассе десять у автобуса спустили сразу две шины! Чтобы их поменять, понадобится уйма времени.

Большое Дуло облокотился на «кадиллак», который застонал и просел под его непомерным весом.

– Что касается меня, то я всегда ненавижу менять колеса.

Раздались два выстрела, слившиеся в один: *крак-крак!*

Оба задних колеса «кадиллака» взорвались. Большое Дуло, при всем своем огромном весе, подскочил на месте. При этом он издал нечто среднее между носорожьим мычанием и «до» оперного баса. Уэйд и Бодин резко обернулись. Большое Дуло приземлился на тротуар, который заскрежетал под подошвами его башмаков.

Дымок от выстрела стлался от одинокой фигуры с револьвером, стоявшей позади «кадиллака» рядом с буксировщиком мистера Уайта.

– Что за черт, мать твою!.. – заорал, трясая бородой, Большое Дуло, лицо которого пугающе наливалось кровью.

Шериф Эмори выскочил из машины:

– Оуэн! Я же запретил тебе приходить сюда!

Кид Леденец ничего не ответил. Не обращая внимания на крики шерифа, он смерил холодным взглядом толстую тушу Большого Дула.

– Эй, Блэйлок, знаешь, как это называется? – крикнул Кид Леденец отцу лесного семейства, ловко покрутив револьвер на указательном пальце вперед-назад, так что солнце заблестело на вороненом металле, а потом с сочным звуком: *шранк!* – отправил оружие в потертую кожаную кобуру на левом боку. – Это называется *один на один!* Слышал о такой стойке?

– Хрен тебе, а не стойка! – взревел Большое Дуло. – Гаси его, ребята!

Уэйд и Бодин открыли огонь.

– Нет! – выкрикнул шериф и вскинул ружье.

Оуэн Каткоут был стар и морщинист, но то, что оставалось в нем от Леденца, вернуло ему былой пыл и характер. Он нырнул за буксировщик мистера Уайта за миг до того, как пули пробили его ветровое стекло и царапнули дверцу. Шериф Эмори дважды выстрелил, и лобовое стекло «кадиллака» разлетелось на куски.

Истошно завопив, Уэйд рухнул на тротуар, но Бодин обернулся с искаженным яростью лицом и, вскинув свой пистолет, с первого же выстрела сбил шляпу с головы шерифа Эмори. Следующая пуля шерифа просвистела в дюйме от короткого ежика Бодина, который, явственно почувствовав ее обжигающее дыхание, ойкнул и бросился на землю.

Из машины шерифа с пистолетом в руке выбрался шеф Марчетт. Мой отец выскочил из пикапа и бросился на землю. Со смешанным чувством гордости и страха я заметил, что отец тоже сжимает пистолет в руке. Человек-Луна остался сидеть в машине, только пригнул немного голову, так что наружу выглядывал лишь его цилиндр.

Бу-у-ум! – грохнула двустволка. Буксировщик закачался, осколки стекла и металла полетели во все стороны. Большое Дуло стоял на коленях возле «кадиллака», не решаясь подняться во весь рост.

– Папаша! – заголосил из машины шерифа Донни. – Забери меня скорей отсюда, папаша!

– Никому еще не удавалось отнять у меня то, что принадлежит мне по праву! – заревел в ответ Большое Дуло.

Он вскинул свою двустволку и выпустил заряд в машину шерифа, продырявив радиатор. Вода и пар хлестали из пробоины, как гейзер. С заднего сиденья, по-видимому прикованный наручниками, снова ошалело заголосил Донни:

– Только не убивайте! Папаша, спаси меня!

Донни был сметлив, и теперь стало ясно, откуда он набрался такого ума.

Схватив с крыши «кадиллака» подсумок с патронами, Большое Дуло торопливо принялся перезаряжать двустволку.

Щелкнул еще один выстрел, разбив задний габаритный фонарь «кадиллака». То была работа Кида Леденца.

– Бесполезное занятие, молокососы! – заорал в ответ Большое Дуло, вновь перезаряжая свой дробовик. – Мы пройдем сквозь вас, как нож сквозь масло! Слышишь меня, шериф Джуниор?

В тот же миг отец вскочил на ноги. Похолодев от страха, я чуть было не закричал, чтобы он не делал этого, но он уже, пригнувшись, бежал вдоль машины шерифа и припал к асфальту рядом с ним. Я отлично видел, какой он бледный. Но отец был здесь, на стороне закона, а все остальное не имело значения.

Наступило кратковременное затишье: Блэйлоки собирали в кулак остатки своей храбрости. Потом Бодин и Уэйд вновь принялись палить по машине шерифа, в которой скрючился на заднем сиденье Донни.

– Прекратить стрельбу, идиоты! – рявкнул Большое Дуло. – Вы что, хотите снести голову своему брату?

Возможно, мне это только показалось, но, услышав этот приказ, ни Бодин, ни Уэйд не прекратили стрельбу сразу.

– Зайди им в спину, Уэйд! – крикнул Бодин.

– Сам и зайди, придурок чертов!

Бодин, продемонстрировав, что ловкость и хитрость хорошего игрока в покер не всегда сказываются в обычной жизни, вскочил на ноги и помчался к углу дома. Но успел сделать всего три шага, когда щелкнул выстрел, и он, схватившись за правую ногу, повалился на мостовую.

– Я ранен, папаша! – запричитал он. – Господи, папаша, меня подстрелили! – рыдал он, забыв о пистолете, который теперь валялся в стороне.

– Не хрен было высовываться! Или ты думал, что пули будут облетать тебя стороной? – рявкнул в ответ Большое Дуло. – Надо хоть немного шевелить своими цыплячьими мозгами!

– Эй, парни, покажитесь кто-нибудь! – крикнул Кид Леденец, укрывшийся в тени буксировщика. – У меня тут с собой пушка, полная застоявшихся пуль!

– Сдавайся, Большое Дуло! – крикнул шериф. – Тебе никуда не деться, ты окружен!

– Прежде я накормлю тебя свинцом, приятель!

– Я не хочу, чтобы кто-нибудь еще пострадал! Бросайте оружие, и пойдем на мировую!

– На мировую? Черта с два! – рыкнул в ответ Большое Дуло. – Думаешь, я не бывал в таких переделках? Не для того я поднялся от хлопковых полей и свиного дерьма, чтобы позволить какой-то жестяной звезде заграбастать моего мальчика и все разрушить! Ты неправильно использовал те деньги, что я давал тебе, шериф! Тебе надо было обратиться к доктору, чтобы подлечить голову!

– Брось ерепениться, Большое Дуло, все кончено! Ты окружен!

Это уже раздался голос моего отца. До самой смерти я не забуду звеневшую в этом голосе сталь. Ведь как бы то ни было, он был

Черным Ястребом.

– Сдаваться? А попробуй-ка вот это! – крикнул Уэйд и, вскочив, принялся неистово палить из ружья в моего отца.

Большое Дуло крикнул, чтобы он лег, но Уэйд, по-видимому, подошел к самому краю безумия, который недавно переступил его брат, и не обращал ни малейшего внимания на окрики своего отца. Пули с визгом отскакивали от бетона, выбивая из него искры, изредка долетая даже до горы покрышек, за которыми я прятался. Мое сердце замерло, когда почти над моей головой в резину впилось несколько пуль. И тут снова раздался треск револьвера Кида Леденца – от головы Уэйда отлетел кусок левого уха, и красная кровь забрызгала «кадиллак» Блэйлоков.

Могло показаться, что пуля Леденца оторвала Уэйду какой-то гораздо более важный орган, потому что он завизжал, как баба. Схватившись за свое разорванное ухо, он грохнулся наземь и стал извиваться, словно Керли из сериала «Три бездельника».

– Сволочь проклятая! – застонал из своего укрытия Большое Дуло.

Мне стало ясно, что точно так же, как и Брэнлины, семейство Блэйлок умело только издеваться над беззащитными, но, когда они получали отпор, вся их прыть пропадала.

– Эх черт, жаль, что промахнулся! – крикнул Кид Леденец. – Целился ему в голову, а попал в зад!

– Я убью тебя, гад поганый! – Большое Дуло снова ревел как буря. – Я убью вас всех и спляшу на ваших могилах!

Звук его громового голоса был страшен. Но Уэйд и Бодин корчились на мостовой, Донни скулил, словно маленький щенок, – похоже, в этой грозовой туче не осталось больше молний.

И вот тогда правая передняя дверца пикапа открылась, и наружу вышел Человек-Луна. На нем был его обычный черный костюм и красный галстук-бабочка, на голове – все тот же цилиндр. На шее у Человека-Луны болтались шесть или семь ниток бус, с которых свисали какие-то маленькие пакетики, напоминавшие чайные. К лацкану пиджака была приколата цыплячья лапка, а на каждом запястье красовалось по трое часов. В отличие от остальных, он даже не пытался пригнуться или прятаться; неторопливо обогнув машину шерифа, он прошел мимо лежащих на асфальте шефа пожарной команды Марчетта, моего отца и Эмори.

– Эй! – крикнул Марчетт. – Пригнитесь!

Но Человек-Луна решительно шел вперед с высоко поднятой головой. Он направлялся туда, где сидел, скорчившись за своим «кадиллаком», Большое Дуло с заряженным двуствольным дробовиком в руках.

– Предлагаю прекратить бессмысленное насилие, – негромко проговорил на ходу Человек-Луна мягким, почти детским голосом. Никогда раньше я не слышал, чтобы он вообще говорил. – Прекратите насилие, ради всего святого!

Приблизившись к Уэйдю, он, не раздумывая, переступил через него, благо длинные ноги легко позволяли это сделать.

– Держись от меня подальше, негритянская образина! – грозно предупредил Человека-Луну Большое Дуло.

Но того уже было не остановить.

– Осторожно! Вернитесь! – крикнул старому негру в спину отец и начал подниматься, но рука шерифа Эмори крепко стиснула его предплечье.

– Я сейчас вышибу тебе мозги вместе со всеми твоими вуду-шмуду! – снова подал голос Большое Дуло.

Он давал понять, что ему известна репутация Человека-Луны и его супруги Леди. Глаза Большого Дула влажно блестели от страха.

– Не смей подходить, черномазый, держись от меня подальше!

Человек-Луна наконец остановился, не дойдя совсем немного до Большого Дула. Глядя на него, Человек-Луна прищурил глаза и улыбнулся, потом вытянул вперед свои длинные изящные руки.

– Давайте все вместе искать свет! – проговорил он.

Большое Дуло вскинул двустволку и прицелился в Человека-Луну.

– Сейчас тебе станет светло! – насмешливо произнес он и дернул толстыми пальцами сразу оба курка.

Я вздрогнул, приготовившись услышать оглушительный залп.

Но выстрела не последовало.

– Встань и иди, как подобает человеку, – сказал Большому Дулу Человек-Луна, продолжая улыбаться. – Еще не поздно.

Большое Дуло судорожно глотнул воздух и открыл рот от изумления. Потом снова взвел курки двустволки и нажал на них. Тишина. Тогда Большое Дуло раскрыл свое ружье, и то, что находилось в его стволах, вывалилось ему на руки.

Это были маленькие зеленые садовые змейки. Множество извивающихся змеек, сплетенных в клубок. Совершенно безобидные пресмыкающиеся, но Большому Дулу они сумели причинить несомненный вред.

– *Ик-к-хх!* – икнул он.

Вытряхнув змеек из стволов ружья, он схватился за подсумок с патронами и вытащил оттуда целую пригоршню зеленых извивающихся тел. Большое Дуло издал звук, похожий на тот, что когда-то произвел Лу Костелло, очутившись лицом к лицу с оборотнем в исполнении Лона Чейни-младшего^[24].

– *Ва-ва-ва!* – сказал он.

Неожиданно эта массивная туша вскочила на ноги и продемонстрировала, что может не только ходить, как человек, но и быстро бегать, не хуже кролика. Но, увы, грубая реальность наложила на его прыть свои ограничения: не успев далеко удалиться, Большое Дуло споткнулся и всем своим весом грохнулся об асфальт. Упав, он принялся беспомощно барахтаться, словно черепаха, которую перевернули на спину.

Завизжали шины. Грузовик, полный народу, с ревом подрулил к заправке мистера Уайта. Среди прочих я узнал мистера Уилсона и мистера Коллана. Большинство людей вооружились бейсбольными битами и топорами, но у некоторых имелись и ружья. Один за другим подъехали два легковых автомобиля, а затем и второй грузовик. Здесь были люди не только из Зефира, но и из Брутона, исполненные решимости, если потребуется, проломить не одну голову.

– Я здесь! – крикнул шериф Эмори, поднимаясь с земли.

Люди из грузовиков испытали горькое разочарование, что все закончилось без них. Позже я узнал, что, заслышав ружейную пальбу у заправки, жители Зефира обрели наконец мужество и решили, что настала пора постоять за своего шерифа, самих себя и свой город. До этого, как я догадывался, они в глубине души надеялись, что все как-нибудь обойдется и кто-то другой возьмет на себя ответственность, пока они будут отсиживаться дома в безопасности. Жены со слезами умоляли их остаться, но все-таки они пришли нам на выручку. Конечно, на шум выстрелов явились далеко не все мужчины Зефира и Брутона, но их оказалось более чем достаточно, чтобы восстановить в городе полный порядок. Могу предположить, что, увидев толпу

разъяренных людей с мясницкими тесаками, топорами, бейсбольными битами, охотничьими ружьями и дедовскими револьверами в руках, Блэйлоки наверняка возблагодарили судьбу, что отправятся в тюрьму, а не на кладбище.

Пользуясь всеобщим замешательством, я выбрался из своего укрытия. Мистер Каткоут нагнулся над Уэйдом, объясняя ему, чем отличаются кривые дорожки от прямых и светлых путей. Для того чтобы слушать, у Уэйда осталась ровно половинка уха. Отец и Человек-Луна стояли возле «кадиллака» Блэйлоков. Я подошел к ним. Заметив меня, отец, как видно, хотел спросить, что я здесь делаю, но промолчал, потому что знал: ответ может стоить мне порки. Поэтому он не сказал мне ничего, а просто кивнул.

Мы с отцом постояли немного рядом, глядя на дробовик и охотничью сумку Большого Дула. Внутри сумки сплелись в клубок несколько десятков зеленых садовых змеек, похожих на массу морских водорослей. Змеи постепенно выбирались на мостовую.

Человек-Луна только усмехнулся.

– Моя жена, – тихо сказал он, – самая настоящая сумасшедшая старая леди.

Глава 8

Из Затерянного мира

Остается добавить, что Блэйлоки отправились напрямиком в тюрьму. У них не было пропуска на свободный выход из тюрьмы, они не смогли внести залог в двести долларов, и с их монополией на производство спиртного в Зефире было покончено. Как я слышал, поначалу они держали рот на замке, но, по мере того как следователи прижимали их все больше и больше, семейные узы Блэйлоков начали ослабевать. Уэйд узнал, что Донни присваивал изрядную долю его выручки от продажи самогона. Бодин открыл, что Уэйд утаивал от семьи толику доходов от игорного притона. В свою очередь Донни подозревал Уэйда, что тот подсыпал ему мышьяка в виски и оттого ему явился на дороге призрак. Пока между братьями шли позорные препирательства, Большое Дуло решил устроить публичное покаяние. Рухнув на колени при всем честном народе, он принялся, рыдая, исповедоваться, да так, что сам Шекспир не смог бы состязаться с ним в красноречии. Он говорил, что как будто снова родился на свет и только теперь понял, что его непутевые сыновья обманом завлекли его на путь Сатаны. Как видно, они пошли в своих распутных матерей. Он поклялся, что посвятит всю дальнейшую жизнь Господу и станет его служителем, если судья протянет ему чашу милосердия.

В ответ Большому Дулу сказали, что скоро у него будет очень много времени для того, чтобы попрактиковаться в проповедях, а также очень уютное и безопасное место, в котором он сможет сполна предаваться чтению Библии.

Когда Большое Дуло выволакивали из зала суда, он кричал и вырывался, проклиная всех, кто попадался ему на глаза, включая стенографистку. Говорили, что Большое Дуло успел изрыгнуть такое количество ругательств, что если бы каждое слово удалось превратить в кирпич, то их хватило бы, чтобы сложить отличный дом с тремя спальнями и гаражом на пару машин. Братья тоже предстали перед судьями – результат оказался аналогичным. Я не испытывал к ним ни капли жалости, поскольку достаточно хорошо знал Блэйлоков и

понимал, что не пройдет и месяца, как они приберут к рукам тюремную лавочку и примутся вынимать из своих товарищей по несчастью душу за сигарету и клочок туалетной бумаги.

Единственное, в чем категорически не пожелали сознаться Блэйлоки, – что именно находилось в деревянном ящике, который они продали Джеральду Харджисону и Дику Моултри. Суду не удалось даже доказать, что этот ящик вообще существовал. Но я-то видел его собственными глазами.

Семья шерифа Эмори уехала из города. Мистер Марчетт снял с себя полномочия шефа пожарной команды и вступил в должность шерифа. Как я понял, мистер Оуэн Каткоут получил от шерифа Марчетта предложение стать его помощником. Мистер Каткоут ответил шерифу, что Кида Леденца больше нет – он ушел бродить вдоль дальних границ Дикого Запада, туда, откуда пришел однажды, – и что теперь он снова стал старым добрым Оуэном.

После нашего с отцом счастливого возвращения мама некоторое время пребывала в полуобморочном состоянии, потрясенная роящимися в ее воображении картинками всего, что могло с нами случиться, но через день-другой пришла в себя. Уверен, в глубине души она хотела, чтобы отец всегда оставался дома в безопасности, но после того, как он показал ей, что сам принимает важные решения, она стала уважать его еще больше. Мое вранье выплыло наружу, и отец пригрозил, что не отпустит меня на Брэндивайнскую ярмарку, когда она приедет к нам в городок, но, к счастью, наказание свелось к тому, что мне было велено целую неделю мыть посуду. Я не возразил ни словом. В конце концов, за все хорошее приходится платить.

Через несколько дней в городе появились афиши: «Скоро! Брэндивайнская ярмарка». Джонни с нетерпением ждал встречи с индейскими пони и акробатами-наездниками. Бен обожал карусели с мигающими гирляндами разноцветных огней. Я же предвкушал тот миг, когда вновь окажусь в «доме с привидениями»: там ездили в темноте на шатких тележках, вздрагивая от страха, когда кто-то незримый касается твоего лица или завывает над ухом. Дэви Рэй не мог думать ни о чем, кроме балагана с карликами и уродами. Я в жизни не встречал никого, кто так сходил бы с ума по всяким ярмарочным диковинкам. У меня от одного вида уродов мурашки бежали по коже, я едва мог на них смотреть, а Дэви был преданным

поклонником и знатоком всего уродливого. Выпади Дэви Рэю счастье наткнуться на урода с тремя руками, крошечной головой и крокодилей чешуей вместо кожи, через поры которой сочится кровь, восторгу его не было бы предела.

Поздним вечером в четверг, когда по всему Зефиру гасли огни, участок земли возле нашего бейсбольного поля, где в праздник Четвертого июля устраивалось барбекю, был еще пустым, а уже в пятницу утром дети стали свидетелями невиданных превращений, случившихся буквально за несколько часов. Брэндивайнская ярмарка возникла словно дивный остров среди моря древесных опилок. Туда-сюда сновали грузовики, рабочие натягивали шатры, крепили винтами каркас карусели, пока еще напоминавший скелет гигантского динозавра, повсюду вырастали палатки для ярмарочной снеди и разных забав, где за пару долларов, которые приходилось выложить, чтобы метнуть несколько подков, можно было легко выиграть куклу Кьюпи, не стоившую и четвертака.

Перед школой я и мои друзья сделали несколько кругов на великах вокруг территории ярмарки. Другие мальчишки, слетевшиеся, как мотыльки на огонек фонаря, проделали то же самое.

– Вон «дом с привидениями»! – крикнул я, указывая в сторону летучих мышей на стенах готического замка, который сколачивала бригада рабочих.

– Смотрите, на этот раз они привезли с собой колесо обозрения! – обрадовался Бен.

Взгляд Джонни был устремлен на прицеп с намалеванными на бортах лошадьми и индейцами.

– Смотрите, вот это да! – заорал Дэви Рэй.

Оглянувшись, мы увидели то, что привело его в такой восторг: здоровенная, грубовато нарисованная на холсте морщинистая рожа с единственным страшным вытаращенным глазом. «Уроды от рождения! – сообщала надпись под жуткой мордой. – Такое вам и не снилось!»

Сказать по правде, наша ярмарка была не из самых крупных, скорее даже меньше средней по масштабам. Многие шатры были залатаны, трейлеры покрыты ржавчиной, и грузовики, и рабочие, казалось, устали после долгой дороги. Для ярмарки Зефир являлся едва ли не конечным пунктом осеннего турне. Но нам не было никакого дела до

того, что яблочные леденцы, которыми нас угощали, выгребались из остатков, что наездники на пони проделывали свои трюки из последних сил, что карусели дребезжали, давно нуждаясь в смазке, а голоса зазывал звучали визгливо и хрипло – их глотки не выдерживали многодневного крика. Мы видели перед собой ярмарку, манящую, сияющую огнями.

– В этом году праздник будет что надо! – подвел итог Бен, когда мы наконец решили свернуть в сторону школы.

– Да, это уж точно...

Сзади раздался рев автомобильного гудка, и я едва успел крутануть руль к обочине, как мимо нас проехал грузовик «мак». Под его мощными колесами хрустели опилки. Грузовик был выкрашен в разные цвета, словно не хватило одной краски; издавая натужный скрип, он тянул за собой широкий прицеп без окон. На бортах прицепа рука какого-то доморощенного живописца намалевала перевитую лианами зеленую листву джунглей. Среди зарослей тропического леса танцевали большие красные буквы, истекавшие струйками алой крови. Буквы складывались в загадочную надпись: «Из Затерянного мира».

Неуклюжий «мак» с грохотом подъехал к скопищу других трейлеров и грузовиков, подыскивая себе место. Я сразу учуял запах, тянувшийся за прицепом. Это не был дым от выхлопов, обильно стлавшийся по земле из-под брюха «мака». Это было что-то другое. Что-то... змеиное.

– Фу! – Дэви Рэй сморщил нос. – Бен опять испортил воздух!

– Это не я!

– Тихо, но смертельно! – не унимался Дэви Рэй.

– Сам ты и пернул, понятно? Не вали на меня!

– Да, воняет, – спокойно подтвердил Джонни, и Дэви Рэй с Беном мигом заткнулись. С некоторых пор мы привыкли прислушиваться к тому, что говорит Джонни. – Этот запах идет от прицепа.

Мы наблюдали, как грузовик с прицепом повернул в сторону и, проехав между двумя палатками, скрылся из виду. Колеса прицепа оставили в земле глубокие коричневые колеи, вдавив опилки глубоко в грунт.

– Интересно, что там внутри? – задумчиво проговорил Дэви Рэй, очевидно мечтавший увидеть какого-то нового, небывалого уroda.

Я пожал плечами и ответил, что понятия не имею, но, по-видимому, нечто невероятно тяжелое.

По дороге в школу мы обсудили наши планы.

– Если разрешат родители, мы встретимся у моего дома в шесть тридцать и отправимся на ярмарку вместе, как четыре мушкетера. Это всех устраивает? – спросил я.

– Я не могу, – ответил Бен, накручивая педали рядом со мной.

В его голосе послышался зловещий звон колокола.

– Но почему? Мы всегда раньше встречались в шесть тридцать! В это время начинает работать карусель!

– Я не могу, – повторил Бен.

– Эй, Бен, что ты твердишь как попугай «не могу, не могу»? Объясни толком, что у тебя стряслось? – спросил Дэви Рэй.

Бен вздохнул, выпустив облачко пара в морозный воздух солнечного утра. На голове у него красовалась вязаная шапочка, щеки были красные, как помидоры.

– Просто не могу... и все. Не раньше семи часов.

– Но мы всегда встречаемся в шесть тридцать! – настойчиво продолжал гнуть свое Дэви Рэй. – Это наша... наша... – Дэви оглянулся на меня в поисках помощи.

– Традиция, – подсказал я.

– Вот именно! Точно, традиция!

– По-моему, у Бена от нас какие-то тайны, – заметил Джонни и развернул велосипед, заехав с другой стороны от Дэви Рэя. – Давай выкладывай, Бен, говори начистоту.

– Просто... ну, в общем, я не могу, и все.

Бен нахмурился и выдохнул в воздух очередное облачко пара. Похоже, играть в молчанку он больше не мог.

– В общем, в шесть часов у меня будет урок *пианино*.

– *Что?* – почти выкрикнул Дэви Рэй.

Ракета подо мной вильнула в сторону. На лице у Джонни появилось такое выражение, словно он только что пропустил удар наотмашь от Кассиуса Клея.

– Урок *пианино*, – повторил Бен.

По тому, как он это сказал, мне моментально представились легионы самодовольных маменькиных сынков, восседающих за пианино, в то время как их умиленные матери поощрительно гладят их по головкам.

– Мисс Гласс Голубая, – продолжал он, – будет обучать меня игре на пианино. Мама с ней договорилась. Сегодня в шесть у меня первый

урок.

Мы окаменели от ужаса.

– Но для чего это тебе, Бен? – спросил я. – Зачем твоя мама это придумала?

– Ей всегда хотелось, чтобы я научился играть рождественские гимны. Можете себе представить? Рождественские гимны!

– Господи! – сочувственно промолвил Дэви Рэй. – Жаль, что мисс Гласс Голубая не может выучить тебя играть на гитаре.

«Гит-таре» – вот как сказал он.

– Вот это было бы круто! А пианино... эх!

– Да сам знаю, – грустно пробормотал Бен.

– Все равно выход есть, – проговорил Джонни, когда мы уже подъезжали к школе. – Мы можем встретиться около дома сестер Гласс и поедем на ярмарку в семь вместо половины седьмого.

– Точно! – радостно кивнул Бен. – Так мы поспеем всюду.

Таким образом, все было обговорено, оставалось только уломать родителей. Каждый год мы отправлялись на ярмарку ровно в шесть тридцать вечера пятницы и развлекались там до десяти, и родители никогда не имели ничего против. Ярмарка была единственным местом, куда я и мои сверстники могли сходить в нашем городке вечером. Утро и день субботы были отданы чернокожим обитателям Брутона, а субботний вечер на ярмарке – старшим ребятам. В десять утра в воскресенье на месте ярмарки уже была чистая площадка, если не считать нескольких кучек опилок, раздавленных стаканчиков и билетных корешков, которые уборщики всегда оставляют на месте ярмарки, словно псы, которые метят свою территорию.

День в ожидании ярмарки тянулся мучительно медленно. Луженая Глотка дважды назвала меня болваном и наказала Джорджи Сандерса, заставив его стоять у классной доски, упершись носом в нарисованный мелом круг. Лэдд Девайн был отправлен к директору за то, что нарисовал похабную картинку в тетради, после чего Демон за моей спиной шепотом поклялась, что Луженой Глотке это даром не пройдет. Я подумал, что ни за какие коврижки не согласился бы оказаться в шкуре Луженой Глотки.

Вечером, как только в небе начали собираться темно-синие сумерки и появился серп луны, я увидел огни Брэндивайнской ярмарки из окон своего дома. Колесо обозрения, очерченное кругом красных огней, уже

вовсю крутилось. Центральная ось колеса сверкала гирляндами белых лампочек. Звуки музыки, смех и веселые крики неслись над крышами Зефира, достигая моих ушей. В кармане у меня лежало пять долларов – подарок отца. Приготовившись к морозу, я надел куртку с подкладкой из овечьей шерсти.

Сестры Гласс жили на Шентак-стрит, в полумиле от меня. Когда я добрался до их жилища, похожего на пряничный домик, которому могли бы позавидовать Гензель и Гретель, было уже без пятнадцати семь. Велосипеды Дэви Рэя и Бена стояли рядышком перед домом. Оставив Ракету у крыльца, я поднялся по ступенькам. За дверью вовсю колотили по клавишам пианино.

Послышался высокий, подобный звуку флейты, голос мисс Гласс Голубой:

– Мягче, Бен, мягче.

Я надавил на кнопку дверного звонка. Внутри мелодично зазвенел колокольчик, и голос мисс Гласс Голубой произнес:

– Дэви Рэй, открой дверь, будь так любезен!

Когда он распахнул передо мной дверь, грохот пианино усилился. Увидев лицо Дэви, я понял: слушать, как Бен раз за разом пытается выбить пять одних и тех же нот, едва ли полезно для здоровья.

– Это, должно быть, Унифред Осборн? – крикнула из гостиной мисс Гласс Голубая.

– Нет, мэм, это Кори Маккенсон, – отозвался Дэви Рэй. – Он тоже хотел бы подождать Бена.

– Пускай входит внутрь. На улице холодно.

Переступив порог, я оказался в гостиной, представлявшей собой самый жуткий кошмар, который только может привидеться мальчишке. Вся мебель выглядела хрупкой и шаткой, не способной выдержать даже вес голодного москита. На низеньких столиках были расставлены фарфоровые фигурки танцующих клоунов, детей со щенками и кошками на руках и тому подобная чушь. Серый ковер на полу обладал свойством навеки запечатлевать следы от ваших ботинок. Антикварный застекленный шкаф высотой, наверно, с моего отца хранил на своих полках целый лес разноцветных хрустальных бокалов, кофейные чашки с ликами всех президентов, больше двух десятков керамических куколок в кружевных платицах и в довершение всего – около двадцати украшенных горным хрусталем

декоративных яичек, каждое на четырех медных ножках. Во что превратятся все эти хрупкие вещицы, если какой-нибудь увалень случайно опрокинет это стеклянное сооружение? На пьедестале из мрамора с зелеными и синими прожилками покоилась открытая Библия огромного размера, не уступающая моему гигантскому словарю, с таким крупным шрифтом, что ее можно было читать с другого конца комнаты. Все казалось слишком хрупким, чтобы к нему прикоснуться, и слишком драгоценным, чтобы получать от него удовольствие; мне даже стало любопытно, как можно существовать в этом мире замороженной красоты. Само собой, в комнате стояло коричневое полированное пианино, над которым трудился Бен, а рядом мисс Гласс Голубая помахивала дирижерской палочкой.

– Здравствуй, Кори. Пожалуйста, найди себе место и садись, – сказала она.

Мисс Голубая была, как обычно, в голубом платье с повязанным вокруг осиной талии широким белым поясом. Ее белесые светлые волосы были взбиты кверху наподобие пенного фонтана, очки в черной оправе имели такие толстые стекла, что глаза казались выпученными.

– Куда мне можно присесть? – спросил я.

– Вот сюда. На софу.

Софа, покрытая бархатным покрывалом с пастушками, которые наигрывали что-то на арфах резвящимся на лугу овцам, поддерживалась ножками, столь же прочными на вид, как намокшие от дождя веточки. Я осторожно опустился в мягчайшие объятия рядом с Дэви Рэем. Софа лишь тихонько скрипнула, но мое сердце ушло в пятки.

– Раз, два, три! Внимание! Пальцы движутся волной, раз, два, три!

Мисс Гласс Голубая снова замахала своей дирижерской палочкой, а Бен старательно бил по клавишам пухлыми пальцами, пытаясь сыграть эти пять нот так, чтобы они выстраивались в нужный ритм. Впрочем, довольно скоро Бен принялся тупо молотить по клавишам, как будто давил муравьев.

– Пальцы движутся словно волны! – командовала мисс Гласс Голубая. – Мягче, мягче! Раз, два, три, раз, два, три!

Но Бен играл так, что его движения напоминали скорее не волну, а застойное болото.

– Не могу! – наконец простонал он, отдергивая руки от ненавистных клавиш. – У меня ничего не получается. Пальцы заплетаются!

– Соня, пускай мальчик отдохнет! – раздался крик мисс Гласс Зеленой откуда-то из задней части дома. – Так он у тебя сотрет все пальцы до костей.

Голос мисс Зеленой более напоминал тромбон, чем флейту.

– Катарина, я веду урок, а не ты, так что не лезь не в свое дело! – парировала мисс Гласс Голубая. – Бену с самого начала нужно поставить правильную технику.

– Милочка, это же первый урок, ради бога!

Мисс Гласс Зеленая вошла из прихожей в гостиную. Уперев руки в костлявые бедра, она сердито глядела на сестру поверх очков в черной оправе. Мисс Зеленая оделась во все зеленое, оттенки которого распределялись от бледно-зеленого до насыщенных тонов лесной чащи. От одного взгляда на нее могла начаться морская болезнь. Светлые волосы мисс Зеленой вздымались еще выше, чем у ее сестры Сони, при этом прическа немного напоминала формой пирамиду.

– Помни, что не все одарены такими же блестящими музыкальными способностями, как ты, Соня!

– Да, я стараюсь не забывать об этом, огромное тебе спасибо. – На бледных, как слоновая кость, щеках мисс Гласс Голубой появились красные пятна. – Надеюсь, ты больше не станешь прерывать наш с Беном урок!

– Он все равно вот-вот кончится. Кто твоя следующая жертва?

– Моя следующая *ученица* – Уинифред Осборн, – язвительно заметила мисс Гласс Голубая. – И если бы не эти твои подписки на журнальчики, мне не пришлось бы проводить вечера за этими монотонными уроками!

– Мои журналы тут ни при чем! Ты сама во всем виновата: не нужно было столько тратить на наборы обеденных тарелок, которых у тебя и без того хоть пруд пруди! Да что тут говорить! Для чего нам эти тарелки, если к нам все равно никто не приходит на обед?

– Они нам нужны, потому что они миленькие! Мне нравятся изящные вещи! Я же не спрашиваю, зачем ты купила точно такой же набор для вышивания, как у супруги президента, – ты ведь в жизни и стежка не сделала!

– Потому что эти наборы будут подниматься в цене, это хорошее вложение денег, вот почему! А вот что ты будешь делать, когда придет нужда, – есть свои обеденные тарелки с печеньем?

Я со страхом взирал на сестер, опасаясь, как бы дело не дошло до драки. Тембры их голосов напоминали пару слегка расстроенных музыкальных инструментов. А Бен был только рад, что о нем на время забыли.

Внезапно откуда-то с задней половины дома донесся странный резкий звук: *кроа-а-ак*. Примерно такой же звук, по моим представлениям, мог бы издать марсианин со щупальцами и головой в виде чаши. Мисс Гласс Голубая, дав своей сестре тычка дирижерской палочкой, завопила:

– Видишь, что ты наделала? Ты расстроила его и вывела из равновесия! Теперь ты довольна?

Зазвенел дверной звонок.

– Наверно, пришли со своими претензиями соседи: им надоели твои скандалы! – прошипела мисс Гласс Зеленая. – Твои крики, вероятно, можно услышать даже в Юнионтауне!

Но в дверях, которые открыла мисс Зеленая, стоял Джонни, в темно-коричневой куртке поверх черного свитера с высоким воротом.

– Я только хотел спросить, скоро ли выйдет Бен, – смущенно проговорил он.

– Господи, помилуй нас! Сегодня весь город решил собраться у нас, чтобы ждать Бена.

Мисс Гласс Зеленая сморщила нос, словно укусила лимон, но все же пригласила Джонни пройти внутрь:

– Бен заканчивает урок через пять минут. Можешь войти и подождать своего друга.

Оказавшись в комнате и увидев наши вытянутые физиономии, Джонни сразу понял, что происходящее никак нельзя назвать приятным времяпрепровождением.

– *Кроа-а-ак! Кроа-а-а-ак!* – снова скрипуче прокричали в задней комнате.

– Может быть, ты хотя бы заглянешь к нему, если не слишком занята? – раздраженно спросила у сестры мисс Гласс Голубая. – Ты сама его разбудила, так что иди и займись им!

– Клянусь, тотчас съехала бы отсюда, если бы удалось найти жилье размером хотя бы с картонную коробку! – проворчала мисс Гласс Зеленая.

С этими словами она удалилась в прихожую, и через несколько минут гвалт в задних комнатах затих.

– Господи, да я с ног валяюсь от усталости! – Мисс Гласс Голубая взяла с кофейного столика старый церковный бюллетень и принялась обмахиваться им, словно веером. – Бен, уступи мне место, на сегодня урок закончен. Сейчас я покажу тебе, как ты мог бы играть, если бы выполнял упражнения как следует.

– Хорошо, мэм!

Бен немедленно вскочил.

Мисс Голубая удобно расположилась за пианино. Ее руки с элегантными длинными пальцами замерли над клавишами. Она закрыла глаза, видимо настраиваясь на нужный лад.

– Этой композиции я учу всех своих учеников, которым даю уроки игры на фортепиано, – объявила она нам. – Мелодия называется «Прекрасный мечтатель». Вы когда-нибудь слышали ее?

– Нет, мэм, – поспешно отозвался Бен.

Дэви Рэй толкнул меня локтем в бок и закатил глаза.

– Тогда слушайте, – сказала мисс Голубая и заиграла.

Конечно, это были не «Бич бойз», но все-таки тоже неплохо. Изливаясь из пианино, музыка заполняла собой комнату. Ловко перебирая пальцами по клавишам, мисс Голубая покачивалась на табурете из стороны в сторону. Как я уже говорил, играла она очень и очень здорово.

Но вскоре снова раздался пронзительный звук. От неожиданности у меня на затылке волосы поднялись дыбом, я ощущал их от кончиков до самых корней. Казалось, что в ушах звучит скрежет битого стекла.

– *Череп и кости! Ханна Фюрд! Череп и кости! Сверчок за печкой!*

Руки мисс Гласс Голубой замерли, и музыка прекратилась.

– Катарина! Да заткни ты ему рот печеньем, в конце-то концов!

– Он там совсем сойдет с ума! Он бьется в клетке!

– *Череп и кости! Дайте мне поправиться! Череп и кости!*

Сказать по правде, я не мог в точности разобрать, что за слова выкрикивала птица в задней комнате, – эти самые или они мне только

показались. Бен, Дэви Рэй, Джонни и я переглянулись, чувствуя себя так, словно очутились в сумасшедшем доме.

– *Ханна Фюрд! Кроа-а-ак! Сверчок за печкой!*

– Я говорю, дай ему печенье! – вне себя заорала мисс Голубая. – Ты что, забыла, что такое печенье?

– Если ты сейчас же не замолчишь, я проломлю тебе голову!

Хриплые визгливые выкрики продолжались. Среди этого переполоха вдруг снова зазвонил дверной колокольчик.

– Это все твоя мелодия! – с криком ворвалась в гостиную мисс Зеленая. – Я же просила тебя никогда не играть эту пьесу! Он каждый раз начинает беситься!

– *Череп и кости! Дайте мне поправиться! Ханна Фюрд! Ханна Фюрд!*

Вскочив с места, я отворил входную дверь, собираясь спастись бегством. На крыльце стояли мужчина средних лет и девочка лет восьми-девяти, которую он держал за руку. Я сразу узнал этого человека: это был мистер Юджин Осборн, который работал поваром в кафе «Яркая звезда».

– Я привел Уинифред на урок му... – заговорил он, но хриплый голос в задней комнате оборвал его на полуслове:

– *Череп и кости! Кроа-а-а-ак! Сверчок за печкой!*

– Господи, что это за крики? – изумленно спросил мистер Осборн, положив руку девочке на плечо.

В широко раскрытых голубых глазах дочери мистера Осборна читалось удивление. На покрытых волосками пальцах мужчины я заметил вытатуированные буквы: «А», «Р», «М», «И», «Я».

– Это мой попугай, мистер Осборн.

Мисс Гласс Голубая подошла, отодвинув меня в сторону. Для своего худощавого телосложения она обладала немалой силой.

– Он сегодня не в духе.

Из прихожей снова появилась мисс Гласс Зеленая с огромной клеткой в руках, в которой, как оказалось, и находился источник всего этого переполоха. Это был здоровенный попугай, который летал по клетке и бился о прутья, дрожа, словно лист под порывами ураганного ветра.

– *Череп и кости!* – выкрикивала птица, показывая всем свой черный язык. – *Дайте мне поправиться!*

– Никакого ему больше печенья – он только что едва не отклевал мне палец! – Мисс Гласс Зеленая со стуком поставила клетку на рояльный табурет.

– Я твоего кормила, рискуя своими пальцами, и ты моего покорми!

– В жизни больше не подойду к этому гаду!

– *Ханна Фюрд! Дайте мне поправиться! Череп и кости!*

Попугай был бирюзового цвета, без единого пятнышка, за исключением разве что желтого клюва. Он с криками бросался на прутья, голубые перья летели во все стороны.

– Тогда отнеси его в спальню! – предложила мисс Голубая. – Накрой покрывалом, пусть он успокоится!

– Я тебе не прислуга! Я не прислуга в своем доме, понятно? – завопила мисс Гласс Зеленая, но взяла клетку и с гордо поднятой головой вышла из гостиной.

– *Череп и кости!* – прохрипел на прощание попугай. – *Сверчок за печкой!*

Дверь закрылась, в доме наступила благодатная тишина.

– У него нелады со здоровьем, – объяснила с несколько нервной улыбкой мистеру Осборну мисс Гласс Голубая. – А кроме того, ему не нравится моя любимая пьеса, та, что я только что исполняла на пианино. Прошу вас, входите в дом! Бен, на сегодня урок закончен! Ты должен запомнить: главное – постоянная концентрация внимания и руки движутся плавно, словно волны.

– Хорошо, мэм! – отозвался Бен. И, повернувшись ко мне, прошептал: – Давайте убираться отсюда подобру-поздорову!

Я поспешил прочь вслед за Дэви Рэем. Попугай наконец-то замолчал, – видимо, клетку накрыли покрывалом и для него наступила ночь. Перед тем как взяться за ручку двери, я услышал, как мистер Осборн сказал мисс Голубой:

– Первый раз в жизни слышу, чтобы попугай ругался по-немецки!

– Как прикажете вас понимать, мистер Осборн? – удивленно подняла подведенные карандашом брови мисс Голубая.

Остановившись в дверях, я повернулся, чтобы услышать продолжение. От неожиданности Джонни налетел на меня.

– Ваш попугай ругается по-немецки, – упрямо повторил мистер Осборн. – Кто научил его таким словам?

– Честно говоря, я не понимаю, о чем вы говорите.

– Я служил в Европе поваром в Первой пехотной дивизии. Мне приходилось встречаться с пленными немцами, и, уж поверьте мне, я узнаю немецкие бранные слова. Наслушался всякой всячины.

– Мой попугай ругается как солдафон? – Мисс Голубая растерянно улыбнулась, потом вновь помрачнела. – Вы, конечно же, ошибаетесь, мистер Осборн!

– Пошли! – пихнул меня в бок Джонни. – А то ярмарка закончится!

– Конечно, он не только ругался, – примирительно продолжил мистер Осборн. – Там были и другие немецкие слова, но они прозвучали невнятно.

– Мой попугай – американец! – гордо заявила мисс Гласс Голубая, вскинув подбородок. – Я понятия не имею, о чем вы говорите!

– Ладно, лично меня это не касается, – пожал плечами мистер Осборн.

– Мальчики! Хватит стоять в дверях. Вы выпускаете из дома тепло.

– Пошли, Кори! – позвал меня Дэви Рэй, уже сидя на велосипеде. – Мы опаздываем!

Дверь гостиной снова открылась.

– Слава богу, наконец он затих! – раздался голос мисс Гласс Зеленой. – Прошу тебя об одном, Соня, не играй больше эту свою песню, ради всего святого!

– Это не песня виновата, сколько можно тебе повторять, Катарина! Я всегда играла эту вещь для него, и она ему нравилась!

– А теперь он ненавидит эту мелодию! Больше не играй ее!

Сестры Гласс напоминали мне пару дерущихся старых попугаев, хрипло кричащих друг на друга. Зеленого и голубого.

– Пожалуйста, закройте дверь, мальчики! – крикнула мисс Голубая.

Джонни с силой толкнул меня в спину, и я пулей вылетел на крыльцо.

Он закрыл дверь, но пронзительные крики сестер Гласс, напоминавшие скрежет лесопилки, еще долго доносились из дома. Мне было отчаянно жалко маленькую девчонку Осборн.

– Эти старые девы – просто психованные! – сказал Бен, забираясь на свой велик. – Тут еще хуже, чем в школе!

– Ты, должно быть, устроил что-то такое, что очень рассердило твою маму, и она в наказание отправила тебя на уроки музыки! А сейчас время не ждет!

Издав радостный вопль, Дэви налег на педали и покатил в сторону ярмарки. Я отстал от остальных, стараясь не обращать внимания на призывы своих приятелей догонять их. Разумеется, я думал о немецких ругательствах. Насколько мне было известно, сестры Гласс не говорили ни на одном языке, кроме английского, на котором изъяснялись в наших краях, – диалекте американского Юга. Я понятия не имел о том, что мистер Осборн служил в Первой пехотной дивизии – весьма знаменитом армейском соединении, как мне было известно из книг. Выходит, мистер Осборн воевал на той же истерзанной войной части земли, что и сержант Рок! «Вот это да!» – сказал я себе.

Но откуда попугай мисс Голубой научился немецким ругательствам?

Тут до меня донеслись радостные звуки ярмарочного веселья вместе с ароматами жареного попкорна и яблочной карамели. Я решил оставить сквернословящего по-немецки попугая до лучших времен и приналег на педали, чтобы настигнуть своих приятелей.

Выложив доллар за входной билет, я вслед за своими друзьями ринулся в самую гущу ярмарочных наслаждений, подобно изголодавшемуся бродяге, завидевшему угощение. Гроздья гирлянд мигали над нашими головами, словно пойманные в сети звезды. Вокруг было полно народу: и наши сверстники, одни и с родителями, и взрослые, и старшеклассники. Карусель без устали кружилась, оглашая окрестности треском веселой музыки и мерным скрипом.

Первым делом, завладев билетами, мы уселись в «чертово колесо», причем я допустил ужасную ошибку, согласившись разделить сиденье с Дэви Рэем. Когда мы вознеслись на самый верх и колесо остановилось, чтобы внизу желающие прокатиться успели рассестись по своим местам, Дэви со зловещей усмешкой внезапно закричал, что болты наших кресел вываливаются из своих гнезд, раскачивая при этом гондолу взад и вперед.

– Перестань, Дэви, пожалуйста, перестань! – взмолился я, чувствуя, как руки и ноги леденеют от ужаса, а тело становится жестким и негнущимся. С жуткой высоты, куда подняло нас колесо, мне была видна вся ярмарка. Внезапно мой взгляд остановился на кричащей надписи с потеками театрально-красной крови среди намалеванной зелени джунглей: «Из Затерянного мира».

С Дэви Рэем я рассчитался в «доме с привидениями».

Когда ведьма с бородавкой на носу вдруг выскочила из темноты навстречу нашей скрипучей тележке, я схватил Дэви за волосы на затылке и заорал ему в ухо жутким голосом, в сравнении с которым все слышанные нами здесь наспех записанные на пленку завывания призраков и гоблинов могли показаться детским лепетом.

– Прошу тебя больше так не делать! – попросил меня Дэви, когда наконец смог найти в себе силы снова усесться на место.

После того как мы оказались снаружи, Дэви заявил, что ярмарочные «дома с привидениями» – самые глупые выдумки, которые он только видел в жизни, и что на самом деле ему ни капельки не было страшно. При этом, однако, походка его выглядела несколько скованной, и он поспешил к рядам передвижных туалетов.

Потом мы погрузили свои физиономии в клубы сахарной ваты, поели жареного попкорна и угостились покрытыми глазурью маленькими пончиками. Мы отведали засахаренных яблок с арахисом, умяли по хот-догу в кукурузном тесте и наполнили животы безалкогольным пивом из корнеплодов. Бен пожелал прокатиться на мотоцикле-скремблере. Результат оказался более чем печальным: нам пришлось под руки сопроводить Бена в туалетную кабинку, где его прицел, к счастью, оказался верным и он сумел не забрызгать одежду. Бен гордо прошествовал мимо шатра с изображением морщинистой физиономии с единственным глазом. Что касается Дэви, тот просто прорвался сквозь очередь, чтобы поскорее попасть внутрь. Мы с Джонни, вопреки своему скептическому отношению к подобным зрелищам, отправились следом.

Представлением в глубине тускло освещенного сарая заправлял угрюмый мужчина, чей нос напоминал маринованный огурец. Перед началом действия он держал речь перед полудюжиной любителей уродов о грехах плоти и всевидящем оке Господнем. После вступительных слов конференсье отдернул занавес и направил прожектор на вместительную бутылку, внутри которой находилось сморщенное розовое тельце нагого младенца с двумя руками, двумя ногами и единственным циклопическим глазом посреди выпуклого лба. Затем, чтобы дать нам разглядеть получше, мужчина поднял наполненную формальдегидом бутылку, в которой младенец-циклоп плавал в своем вечном сне; я вздрогнул, а Джонни заерзал на своем стуле.

– Вот перед вами наглядный пример плотского греха и всевидящего ока Божьего, отмечающего и наказывающего греховодников, – объявил конферансье.

Мне показалось, что, если бы добавить немного пафоса, он вполне мог бы составить конкуренцию преподобному Блессету.

Когда мужчина со своей бутылью остановился прямо передо мной, я потрясенно заметил, что единственный глаз младенца такой же золотой, как и у моей Ракеты. Личико младенца было сморщенным, словно у маленького старичка, а беззубый ротик слегка приоткрыт, словно в немой просьбе к небесам ниспослать белую молнию, дабы освободить его от муки.

– Сынок, обрати внимание на то, как перст Божий изничтожил все приметы греховного орудия, – сказал мне конферансье.

Его заплывшие глаза с мешками под ними блестели от проповеднического экстаза. Приглядевшись, я понял, что именно он имел в виду: дитя было неопределенного пола, ни мальчик, ни девочка, на причинном месте у него не имелось ничего, кроме складки сморщенной розовой кожи. Мужчина повернул ко мне бутылку обратной стороной, чтобы я смог разглядеть младенца со спины. Тот плавно переместился в своем формальдегиде, и я услышал, как его плечо, столкнувшись со стеклом, издало мягкий глухой звук. Я увидел на спине младенца выступающие лопатки. На них имелись утолщения вроде хрящевых выступов. «Как будто отростки будущих крыльев», – подумал я, уже догадываясь, что на самом деле за этим крылось.

Нет, я знал это точно.

Младенец-циклоп был ангелом, по какой-то причине упавшим на землю.

– Горе грешнику! – объявил конферансье, поворачиваясь к Джонни и Дэви Рэю. – Горе грешнику, которого узрит око Божье!

– А, лажа! – объявил Дэви, когда мы наконец выбрались на свежий воздух. – Я думал, мы увидим живого уродца. Думал, он сможет говорить с нами!

– В самом деле? – холодно осведомился я, и Дэви посмотрел на меня так, будто я не понимал самой сути жизни.

Вслед за этим мы отправились посмотреть на гонки по вертикальной стене, туда, где отважные мотоциклисты носились по кругу внутри высокого цилиндра, защищенного от зрителей тонкой металлической

сеткой. Ревели моторы, покрышки скрипели в опасной близости от лиц зрителей.

Потом наступил черед скачек на индейских пони. Под просторным тентом бледнолицые, не способные отличить Джеронимо^[25] от Сидящего Быка^[26], скакали вокруг в перьях и набедренных повязках, пришпоривая и пытаясь вдохнуть жизнь в кляч, явно дожидавшихся отправки на мыльную фабрику.

В конце действия на арену выкатил фургон с ковбоями, преследовавшими псевдоиндейцев. Ковбои принялись палить холостыми, а белые «краснокожие», спасаясь бегством, с пронзительными криками бросились врассыпную. История Алабамы никогда не казалась мне настолько скучной. Что же касается Джонни, то, когда мы оказались на улице, он со смущенной улыбкой заметил, что один из пони, рыжевато-коричневый, с круглой спиной, наверно, хорошо бы несся галопом, если бы оказался на просторе.

К тому времени Дэви Рэй уже жаждал встречи с новыми уродами, и нам пришлось отправиться смотреть на рыжеволосую женщину, худую как щепка, способную зажигать электрические лампочки, просто держа их во рту.

Следующим номером нашей программы стал «Смертельный автомобиль Аль-Капоне», где нам предлагалось насладиться зрелищем усыпавших тротуар окровавленных тел, в то время как злобные гангстеры оглашали окрестности треском очередей своих автоматов. Сам автомобиль представлял собой развалюху, которой побрезговал бы, наверно, даже мистер Скалли; за рулем и вокруг машины располагались манекены. Мы плелись вслед за Дэви, пока тот наслаждался милым его сердцу зрелищем, будь то Мальчик-аллигатор, Человек-гусеница или Женщина с шеей жирафа.

А потом мы повернули за угол и учуяли знакомый запах. Точнее, лишь намек на него, принесенный к нам ветерком из облака преобладающих запахов жиров, на которых жарились гамбургеры и пончики.

Запах был змеиный, как я уже говорил.

– Бен все-таки обделался! – крикнул Дэви Рэй, исправно исполняя свою роль хохмача.

– Ничего подобного! – немедленно отозвался Бен, позволяя в очередной раз завлечь себя в безвыходный круг насмешек.

– Вот он, – объявил Джонни, и мы увидели перед собой прицеп с огромной кроваво-красной надписью «Из Затерянного мира» на обоих бортах.

К большому квадратному входу в трейлер, напоминающий фургон американских колонистов, вела лесенка. Дверь прикрывал грязно-коричневый полог. В окошечке кассы сидел на табурете мужчина с зачесанными на лысый череп редкими прядями сальных темных волос. Он жевал зубочистку и читал комиксы о похождениях Джагхеда. Когда мы подошли, маленькие бледно-голубые глазки мужчины стрельнули в нашу сторону, и его рука сонно потянулась к микрофону. В динамике заскрипел его голос:

– Заходите, заходите! Только у нас вы сможете увидеть чудовище из Затерянного мира! Торопитесь увидеть своими глазами!

Вскоре он потерял к нам интерес и вернулся к своим комиксам.

– Здесь воняет! – заметил Дэви Рэй. – Давайте свалим отсюда.

– Подожди немного, – сказал я. – Минутку.

– Зачем?

Слово «затерянный» целиком завладело моим воображением.

– Мне хочется посмотреть, что это такое.

– Только деньги напрасно истратишь! – предостерег меня Бен. – Какая-нибудь большая змея или что-то вроде этого.

– Змея не тупее «смертельного автомобиля».

С этим трудно было не согласиться.

– Эй, сдаётся мне, что вон там показывают двухголового быка! – крикнул нам Дэви Рэй, указывая рукой на ярко раскрашенный шатер. – Это по мне!

Дэви направился к новой цели, Бен тоже шагнул за ним, но остановился, увидев, что ни я, ни Джонни не собираемся к ним присоединиться. Дэви Рэй оглянулся и нахмурился.

– Там наверняка какая-то лажа! – крикнул он.

– Может, и так, – отозвался я. – А может быть, там...

«Что-нибудь замечательное» – вот что я хотел сказать.

Внезапно изнутри фургона послышалась возня какого-то тяжелого тела, которое ворочалось, устраиваясь поудобнее. Трейлер заскрипел всеми своими рессорами. *Бум-м-м!* Массивная туша ударилась о деревянную стену. Все сооружение сильно затряслось. Сидевший в окошке кассы мужчина наклонился и достал что-то из-под стола. В его

руках оказалась бейсбольная бита, утыканная гвоздями, которой он несколько раз ударил в стену трейлера рядом с собой, призывая находившееся внутри существо к спокойствию. Приглядевшись, я обнаружил, что красная краска с некоторых букв на борту трейлера уже порядком облупилась.

То, что находилось внутри фургона, послушно затихло. Стены трейлера перестали содрогаться. Не меняя выражения лица, мужчина отложил свою битку.

– Ого, – тихо проговорил Бен. – Там внутри, должно быть, что-то здоровенное.

Мое любопытство выиграло не на шутку. Невыносимый застойный дух болота гнал прочь от трейлера потенциальных посетителей, но мне позарез нужно было увидеть, что там внутри. Я подошел к окошку кассира.

– Один билет? – не поднимая головы, спросил он.

– А что там внутри? – спросил я.

– Зверь из Затерянного мира, – ответил человек.

При этом он даже не поднял на меня глаз, продолжая рассматривать комиксы. Его угреватое лицо казалось изможденным.

– Я понимаю, сэр, но что именно там находится?

На этот раз он поднял на меня взгляд. Я едва удержался от того, чтобы не отпрянуть назад, – такая свирепая ярость горела в его глазах, живо напомнив мне бессмысленную злобу Брэнлинов.

– Я уже объяснил тебе, мальчик, – проговорил мужчина, чмокая зубочисткой. – Если я стану рассказывать, никакого сюрприза не выйдет.

– У вас там... какой-то урод или что-то такое?

– Входи, и все увидишь сам. – Мужчина холодно улыбнулся, показав остатки съеденных до корней зубов. – А после расскажешь, что ты там увидел.

– Кори, брось, пошли отсюда! – кричал из-за моей спины Дэви Рэй. – Наверняка там какая-то лажа!

– Ты так считаешь? – Мужчина наконец отложил в сторону свои комиксы. – Что ты можешь знать, паренек? Что ты видел в жизни, кроме этого занюханного городка?

– Если я вижу перед собой лажу, то знаю точно, что так оно и есть, – сказал Дэви и, спохватившись, добавил: – Сэр.

– В самом деле? Так вот, пацан, у тебя не хватит ума, чтобы отличить свою башку от собственного зада! Либо платите деньги, либо проваливайте и прекратите морочить мне голову.

– Я ухожу, – отозвался Дэви Рэй. – Пошли, Кори, хватит тут торчать.

Дэви направился дальше, но я остался. Увидев, что я не иду за ним, Дэви презрительно фыркнул и пошел смотреть двухголового быка.

– Один билет, – сказал я кассиру и вытащил четвертак из кармана джинсов.

– Пятьдесят центов, – объявил мне хозяин.

– Но везде вход стоит четвертак! – возразил Бен, присоединяясь ко мне и Джонни.

– У меня вход пятьдесят центов, – непреклонно повторил хозяин. – Эта зверюга жрет столько, что на нее не напасешься.

Я выложил на конторку два четвертака. Хозяин смахнул деньги в жестяную банку, которая, судя по звуку, была почти пуста, и оторвал билет.

– Поднимайся по ступенькам, проходи за занавес и дожидайся меня. Напротив будет другой занавес. Туда даже и не думай заглядывать, пока я не войду. Понятно?

Я ответил, что все понял, и поднялся по ступенькам. Болотная змеиная вонь сделалась совершенно невыносимой, к ней прибавился тошнотворно-сладкий запах гниющих фруктов. Оказавшись внутри, я усомнился в правильности своего поступка, на который меня толкнуло неутолимое любопытство. Я вошел за занавес и оказался в полной темноте.

– Я тоже решил посмотреть, – раздался позади меня голос Джонни.

Протянув вперед руку, я нащупал грубую ткань другого занавеса, скрывавшего содержимое трейлера.

Что-то загрохотало, как далекий товарный поезд.

– Пройди немного дальше, – сказал хозяин фургона, поднимавшийся по ступеням в сопровождении Джонни и Бена.

Он откинул первый занавес, и я увидел в его руке утыканную гвоздями бейсбольную битку. Я подвинулся, так чтобы и мои приятели смогли зайти внутрь.

– Меня сейчас вырвет! – прохрипел Бен, зажимая пальцами ноздри.

– Он любит перезрелые фрукты, – объяснил хозяин. – А от гнилья, сами знаете, бывает понос.

– Так все-таки что это такое? – спросил Джонни. – И что значит «затерянный мир»?

– Затерянный мир, он и есть затерянный, иначе бы он так не назывался. То, что раз потеряно, невозможно больше найти. Надеюсь, хоть это вы способны уразуметь?

Никому из нас не понравились его грубые манеры. Возможно, у Джонни хватило бы сил хорошенько ему врезать. Но он покорно ответил:

– Да, сэр.

– Эй, я тоже хочу войти посмотреть, – донесся голос Дэви Рэя. – Где вы все?

Хозяин сделал шаг к входу и преградил Дэви путь.

– Пятьдесят центов, или можешь разворачиваться и уходить, – сказал хозяин.

Само собой, Дэви не мог так просто снести подобную несправедливость. Чуть отодвинув занавес, я наблюдал, как Дэви Рэй препирается с хозяином. Разговаривая, Дэви не переставал жевать белый карамельный батончик «Зеро» с начинкой из шоколада и нуги.

– Если ты сейчас же не заткнешься, – наконец не выдержал хозяин «Затерянного мира», – я подниму цену до семидесяти пяти центов! Так что либо плати, либо проваливай!

Еще пара четвертаков поменяла владельца. Через миг Дэви Рэй протиснулся между нами, а за ним зашел хозяин, продолжая что-то злобно бормотать.

– Эй ты, парень! – кивнул он мне. – Давай заходи первым!

Я отодвинул в сторону второй дерюжный занавес и шагнул вперед, но тут же мне в нос ударила такая вонь, что я едва не бросился обратно. Друзья потянулись за мной следом. Последним вошел хозяин, мистер Вежливое Обращение с Клиентами.

Свисавшие с потолочных крюков четыре керосиновые лампы давали скудный свет, в помещении царил полумрак. Прямо передо мной находилось нечто, похожее на большой загон для свиней с железными прутьями толщиной с доброго питона. За оградой кто-то лежал, такой громадный, что у меня колени затряслись от страха. Я услышал, как Бен ахнул у меня за спиной. Джонни тихонько присвистнул.

В углу загона высилась целая гора гниющей заплесневелой кожуры. Зловонная разлагающаяся фруктовая масса плавала в зеленовато-

коричневом месиве. Среди этой грязи выделялись, как бы это помягче сказать, коричневые валы, числом не менее дюжины, длиной с руку моего отца и вдвое большей толщины. Темный рой мух кружился по загону наподобие небольшого торнадо. Запах стоял такой, что даже у скунса разом сошли бы все полоски. Неудивительно, что жестяная банка для выручки мистера Вежливое Обращение была пуста.

– Можете пройти вперед и посмотреть поближе! – сказал он. – Идите и смотрите, вы за это заплатили!

– Меня сейчас вырвет! – завопил Бен и, повернувшись, выскочил наружу.

– Никакого возврата денег! – закричал ему вслед мистер Вежливое Обращение.

Возможно, причиной последовавших затем событий стал именно крик хозяина балаганчика. А может быть, виною всему был наш запах, непривычный для обитателя загона. Так или иначе, животное внезапно задвигалось и стало подниматься со своего отвратительного ложа. По мере того как туша вставала, освобождаясь от жидкого месива, она становилась все огромней и огромней. Животное фыркнуло, да так басовито, словно сотня фаготов разом сыграла самую низкую ноту. Встав на лапы, зверь, неуклюже переваливаясь, прошествовал в самый дальний угол загона. Его серая шкура блестела от стекавших по ней потоков вонючей жижи, в которой копошились мириады мух. Скрипя всеми своими рессорами и балками, трейлер неожиданно начал крениться в ту сторону, куда направилось существо, и вся наша честная компания разразилась дружным воем, охваченная страхом, равного которому мы никогда не испытывали ни в одном «доме с привидениями».

– Куда тебя несет, засранец! – заорал на громадину хозяин, забравшийся на деревянную платформу сбоку от загона. – Говорят тебе, стой смирно или развалишь тут все к чертям!

Взмахнув бейсбольной битой, он со злобой опустил ее на зверя.

От шлепка дерева о шкуру животного у меня свело живот. Я едва не распрощался со всем своим ярмарочным угощением, но, стиснув зубы, сдержался. Мистер Вежливое Обращение продолжал колотить животное: еще раз, потом еще и еще. Чудовище не издало ни звука, но после четвертого удара все-таки, шатаясь, отошло от дальнего борта

трейлера и перебралось к центру загона, после чего фургон снова выпрямился.

– Тут и стой, болван этакий! – проорал мистер Вежливое Обращение.

– Так вы, мистер, можете забить его до смерти, – проговорил Дэви Рэй.

– Этот сукин сын не чувствует боли! У него шкура толщиной с железный лист. Послушай, пацан, не учи меня, что делать, или я выброшу тебя отсюда за шиворот!

Я не знал, чувствовало ли животное боль на самом деле. Все, что я видел наверняка, – это капли крови, появившиеся на серой шкуре там, где ее пробили гвозди бейсбольной биты.

Животное было наполовину ниже слона, величиной примерно с наш пикап. Толстые бугры мышц на его спине вздрогнули, и рой мух лениво поднялся в воздух. Оно стояло неподвижно, освещенное тусклым искусственным светом, утопая короткими толстыми лапами в месиве из собственных экскрементов и остатков гнилых фруктов. В основании шеи, покрытой сероватой кожей, виднелись остатки трех спиленных рогов.

Я едва не сел на пол от изумления. Удержало меня лишь то, что я хорошо помнил, что находилось у нас под ногами.

– Этот зверь очень старый, – объявил мистер Вежливое Обращение. – Вы, наверно, слышали о том, что некоторые черепахи живут по двести или даже триста лет? Так вот, по сравнению с этим зверем из Затерянного мира черепахи покажутся вам подростками. Вот кто настоящий старый хрыч! – воскликнул он и захохотал так, будто сказал что-то ужасно смешное.

– Где вы его нашли? – словно бы со стороны услышал я собственный голос, поскольку мое сознание было слишком потрясено увиденным, чтобы продолжать работать.

– Я купил его за семьсот долларов наличными. Тогдашний владелец этого зверя возил его по Луизиане, я встретил его в краю Каджунов^[27]. Перед этим его показывал публике один техасец, а еще раньше таскал по ярмаркам парень из Монтаны. Это, как я понимаю, происходило еще в двадцатые годы. Да, этому чудовищу довелось помотаться по свету.

– У него кровь течет, – тихо и тревожно проговорил Дэви Рэй.

Половинку батончика «Зеро» он держал в кулаке, опустив руку вниз. Аппетит у него, как видно, совершенно пропал.

– Ну и что с того? Иначе он бы и голову к вам не повернул, такая ленивая и тупая скотина. В его здоровенной башке мозгов всего-то с грецкий орех, уж я-то знаю.

– А откуда он вообще взялся? – спросил я. – Я хочу сказать... кто поймал его первый?

– А, это было давным-давно. Тот придурок в краю Каджунов что-то болтал мне, да я позабыл. Вроде бы его поймал какой-то профессор то ли в джунглях Амазонки, то ли в Бельгийском Конго, точно не помню. Короче говоря, на каком-то труднодоступном плато, где никто ни до профессора, ни после него так и не бывал. А звали его... то ли профессор Чандлер, то ли Калландер... нет, не так...

Хозяин балаганчика щелкнул пальцами:

– Профессор Челленджер! Он-то и поймал эту зверюгу и привез к нам. Это три... тре...

– Трицератопс! – выпалил я.

Я-то знал названия динозавров, мне не нужно было объяснять.

– Точно, тре... цератопс, – кивнул в знак согласия мистер Вежливое Обращение. – Так его и зовут.

– А зачем ему отпилили рога? – спросил Джонни.

Джонни, как видно, тоже опознал породу зверя и, встав рядом со мной, даже отважился взяться рукой за железную перекладину.

– Кто отпилил динозавру рога, мистер?

– Я и отпилил, надо думать. А что оставалось делать? Посмотрели бы вы на них прежде! Рога у него были как копыта: он протыкал ими не только стенки трейлера, но даже листовую металл. Моя цепная пила изломалась на мелкие кусочки, пока я отпилил рога до половины, пришлось остальное рубить топором, будь оно все неладно. А ему хоть бы что – лежит себе на боку и в ус не дует, только жрет да гадит.

Мистер Вежливое Обращение пнул ногой половинку недозрелого арбуза, которую динозавр вывернул из жидкой грязи.

– Можете себе представить, какая прорва денег у меня уходит, чтобы это чудовище могло лакомиться фруктами круглый год? Я никогда не прощу себе, что выкинул на ветер эти семь сотен так глупо!

Дэви Рэй подошел к решетке и остановился рядом с Джонни.

– Он ест только фрукты? – спросил он хозяина.

– Нет, эта прорва жрет все, что угодно, только давай! Когда ярмарочный сезон заканчивается, я кормлю его всякими отбросами и древесной корой. – Мистер Вежливое Обращение ухмыльнулся. – Но от фруктов запах становится чуть получше.

Маленькие черные глазки трицератопса медленно закрылись и снова открылись. Его массивная голова покачивалась из стороны в сторону, словно в поисках какой-то мысли. В загоне ему едва хватало места, чтобы развернуться. Глубоко и печально вздохнув, зверь облегчился прямо в жижу под ногами, после чего замер, уставившись в пустоту, только струйки крови медленно стекали по его шкуре.

– Здесь у него ужасно тесно! – заметил Дэви Рэй. – Я хочу спросить: вы когда-нибудь выпускаете его наружу, погулять?

– Черт, вот умник! Конечно нет! Как после этого я смог бы загнать его обратно?

Хозяин перевесился через железную ограду, которая доходила ему до пояса, когда он стоял на своем деревянном возвышении.

– Эй ты, говноед! – крикнул он трицератопсу. – Почему бы тебе не сделать хоть что-нибудь, чтобы отработать свою чертову жратву? Сколько времени я потратил, чтобы научить тебя удерживать мяч на носу или прыгать сквозь обруч? Все надеялся обучить тебя каким-нибудь трюкам! Только и знаешь, глупый ленивец, что сидеть в дерьме и ничего не делать!

Лицо мистера Вежливое Обращение исказилось, злоба сделала его еще уродливее.

– Эй, я ведь с тобой говорю!

Он ударил трицератопса по спине утыканной гвоздями битой, потом еще раз. Из ран потекла кровь. Влажные глаза животного закрылись в безмолвном страдании. Мистер Вежливое Обращение взмахнул битой для нового удара, его стиснутые зубы хищно оскалились.

– Перестаньте его бить, мистер! – крикнул Дэви Рэй.

Решительный голос Дэви звякнул сталью.

Бита замерла в верхней точке.

– Что ты сказал, парень?

– Я сказал, перестаньте его бить, – повторил Дэви. – Пожалуйста. Зачем такая жестокость?

– А затем, – ответил мистер Вежливое Обращение. – Может быть, это и жестоко, но доставляет мне удовольствие. К тому же он просто

не понимает другого обращения.

И хозяин балаганчика ударил зверя в третий раз, изо всех сил.

Я увидел, как сжалась рука Дэви, раздавив остатки батончика.

– С меня хватит, – сказал Джонни.

Развернувшись, он направился мимо нас прочь от загона, к выходу из трейлера.

– Давай, Дэви Рэй, пойдем, нам пора, – сказал я своему приятелю.

– Его нельзя бить, – повторил Дэви Рэй. – Это несправедливо.

Мистер Вежливое Обращение вырвал битую шкуру животного и повернулся к нам. С гвоздей стекали капли крови.

– Такого редкого зверя, как этот динозавр, нельзя держать в клетке в куче дерьма.

– Мне кажется, парень, ты уже насмотрелся на свои пятьдесят центов, – проговорил хозяин балагана.

Его голос звучал устало, на лбу блестели капли пота. Похоже, бить трицератопса бейсбольной битой было нелегко: ведь каждый раз, когда гвозди втыкались в шкуру, приходилось с усилием выдирать их обратно. Поработав битой, хозяин, как видно, дал выход своей злобе и немного остыл.

– Давайте, деревенщина, пора вам двигаться домой, – сказал он.

Но Дэви Рэя не так-то просто было унять. Его глаза напомнили мне пару горящих углей.

– Послушайте, мистер, вы хоть понимаете, *что* оказалось у вас в руках?

– Понимаю. Ходячий мешок с дерьмом. Хочешь купить его у меня? Черт, я уступлю его тебе со скидкой. Пусть твой папаша принесет мне пять сотен долларов, и я выгружу его у вас на дворе. А там делай с ним что хочешь: можешь даже брать его с собой в кроватку.

Однако Дэви Рэй не внял его призыву.

– Его нельзя бить, – упрямо повторял он. – Это жестоко и несправедливо. Нельзя ненавидеть кого-то только за то, что он живой.

– Да что ты вообще можешь знать? – фыркнул мистер Вежливое Обращение. – Такой сопляк, как ты, еще ничего не знает о жизни! Поживи еще хотя бы лет двадцать и нахлебайся с моего этого вонючего мира, а потом приходи ко мне и учи, что хорошо, а что плохо!

Далее Дэви Рэй сделал нечто странное. Он бросил остатки своего батончика за ограду загона, прямо в грязь, под самую носатую морду

трицератопса. Сладость упала в отвратительную жижу с легким хлопком: *пlop*. Трицератопс даже не сдвинулся с места, плотно закрыв глаза тяжелыми веками.

– Эй, ты! Не смей ничего бросать за загородку! Вам всем пора выметаться – представление окончено!

Я заторопился к выходу.

Услышав за собой хлюпающий звук, я обернулся и увидел, как трицератопс, опустив морду, сгреб лакомство вместе с жидкой грязью, работая своей пастью, как живой бульдозер. Сделав несколько жевательных движений, зверь запрокинул голову, позволив навозной жиже стечь в желудок.

– Давайте выметайтесь! – снова подал голос мистер Вежливое Обращение. – Я закрываюсь.

Трейлер затрясся. Трицератопс снова поднимался на лапы, словно древний болотный дуб. Могу поклясться, что на моих глазах он высунул изо рта, заляпанного комками грязи, здоровенный язык цвета ржавчины и размерами не меньше обеденной тарелки и облизнул остатки угощения. Потом, повернув голову с обрубками рогов в сторону Дэви Рэя, трицератопс неуклюже двинулся вперед.

Он напоминал танк, набиравший ход. Перед самой железной загородкой зверь наклонил голову, и его плотная костяная масса врезалась в железо с грохотом, напоминавшим усиленный во много раз треск столкнувшихся футбольных шлемов. Затем, отступив назад на три шага, трицератопс возбужденно фыркнул и снова ударил головой в железные прутья.

– Эй, эй! Что еще за шутки! – заорал вне себя от ярости мистер Вежливое Обращение.

Трицератопс снова бросился вперед, скользя лапами в жидкой грязи. Его невероятная сила внушала благоговейный ужас, под слоноподобной кожей перекачивались бугры здоровенных мышц, от содрогания которых в страхе разлетались мухи. Железные прутья загородки, заскрипев, прогнулись вперед, болты начали со скрежетом вылетать из своих гнезд.

– Прекрати биться, сволочь паршивая! Прекрати сейчас же!

Мистер Вежливое Обращение принялся изо всех сил колотить трицератопса битой, и во все стороны полетели брызги крови. Но зверь, не обращая никакого внимания на удары, вновь отступал назад и

с неумолимой настойчивостью бросался на загородку; насколько я понимал, он хотел вырваться наружу и уйти вместе с Дэви Рэем.

– Сволочь, сукин сын! Старый поганый идиот! – орал вне себя от ярости владелец фургона.

Бейсбольная бита раз за разом поднималась и обрушивалась вниз. С глазами дикими от ярости, хозяин оглянулся на нас:

– Выметайтесь сейчас же! Это вы его довели!

Схватив Дэви Рэя за плечо, я рывком выдернул его за занавес. Мы вместе сбежали вниз по лесенке, слыша, как скрипят болты, не выдерживая напора огромной туши. Трейлер раскачивался подобно чертовой колыбели – я понял, что трицератопс впал в ярость. Выбравшись наконец из трейлера, мы увидели Джонни, стоявшего с подветренной стороны, и Бена, который, спрятав лицо в ладонях, сидел на перевернутом ящике из-под прохладительных напитков.

– Он пытается вырваться на свободу, – сказал Дэви Рэй, и мы обратили взоры к трейлеру, который продолжал трястись, дребезжать и раскачиваться. – Видел, что творится?

– Да, – ответил я. – Трицератопс разошелся не на шутку.

– Бьюсь об заклад, что раньше он никогда не пробовал карамельных батончиков, – объяснил мне Дэви. – Ни разу за всю свою жизнь. «Зеро» понравился ему точно так же, как нравится мне, вот в чем дело. Господи, да у нас дома целая коробка этих батончиков – вот где ему было бы раздолье!

Не до конца уверенный в том, что именно восхитительный вкус карамельных батончиков оказался виной случившемуся, я все-таки ответил:

– Да, точно.

Мало-помалу трейлер перестал ходить ходуном. Через несколько минут сам мистер Вежливое Обращение появился на ступеньках своего заведения. Его одежда и лицо были забрызганы каплями грязи и жидкого помета. Мы с Дэви затряслись, пытаясь сдержать смех. Мистер Вежливое Обращение задернул занавес, закрыл дверь и навесил на нее замок с цепью, который запер на ключ. Потом, обернувшись, заметил нас и немедленно взорвался:

– Я, кажется, сказал, чтобы вы убирались отсюда! Валите, пока я вам не...

С этими словами злобный хозяин двинулся в нашу сторону, размахивая своей утыканной гвоздями битой. Нам не оставалось ничего другого, как дать стрекача.

Ярмарка закрывалась на ночь; народу поубавилось, карусель остановилась, перестали пронзительно кричать зазывалы из шоу уродов. Повсюду один за другим гасли огни.

Мы пошли к велосипедам. В воздухе чувствовался морозец. Зима была на носу.

Бен, словно сбросив ношу с плеч и вернувшись в страну живых, трещал без умолку. Джонни по большей части молчал, лишь обратив наше внимание на то, как ловко катались мотоциклисты. Я сказал, что мог бы построить такой дом с привидениями, в котором люди будут пугаться до полусмерти, и, если у меня возникнет настроение, я так и сделаю. Дэви Рэй шел молча.

Когда мы наконец добрались до наших велосипедов, Дэви заметил:

– Мне не хотелось бы так жить.

– Как? – спросил Бен.

– В таком гнилом загоне. Как этот динозавр из Затерянного мира.

– А-а, – протянул Бен. – Он, наверно, уже привык к такому свинару.

– Привыкнуть, – отозвался Дэви, – совсем не то же самое, что полюбить. Болван ты, Бен.

– Послушай, тебе испортили настроение, так не срывай злобу на мне!

– Я ни на ком не срываю злобу. – Дэви Рэй оседлал велосипед и крепко стиснул руками руль. – Просто... я представить себе не могу, как жить в таком кошмаре. Он там едва может двигаться. Совсем не видит солнца. Каждый день там похож на предыдущий, и ничего не меняется, проживи хоть миллион дней. Мне невыносима даже мысль об этом. А ты что скажешь, Кори?

– Да, такому житью не позавидуешь, – согласился я.

– Если хозяин так и будет колотить его каждый день, то в конце концов убьет. А потом выбросит на свалку и на следующий день забудет.

Выдохнув пар, Дэви прищурился и взглянул на лунный серп.

– Этот зверь – подделка. А хозяин фургона – просто трепло. Его динозавр на самом деле – носорог, возможно, урод от рождения.

Понимаете? Все это лажа с начала до конца, как я вам и говорил.

Дэви оттолкнулся ногой и нажал на педали, прежде чем я успел что-нибудь возразить.

Так закончился наш вечер на Брэндивайнской ярмарке.

В ночь на субботу, примерно около трех часов, на крыше здания суда пронзительно завывала сирена гражданской обороны. Отец одевался с такой поспешностью, что напялил на себя белье задом наперед, и, вскочив в пикап, помчался выяснять, в чем дело. Я же спросонья решил, что русские все-таки начали нас бомбить. Через час отец вернулся и рассказал, что случилось.

Один из экспонатов ярмарки ночью сбежал. Проломил стену своего трейлера – и был таков. Человек, которому принадлежал беглец, в это время спал в другом трейлере. Чуть позже я услышал, как отец рассказывал маме, что хозяин беглеца проводил ночь с рыжеволосой женщиной, умеющей проделывать какие-то странные штуки с лампочками. Вырвавшись на свободу, зверь напролом промчался по ярмарке, как танк армии Паттона, сметая палатки и шатры, словно они были кучами палой листвы. Выбравшись на Мерчантс-стрит, зверь разбил витрины в нескольких магазинах и перевернул немало припаркованных машин, после чего некоторые из них оставалось лишь отправить на свалку мистера Скалли. Отец слышал от мэра Своупа, что, по самым грубым подсчетам, зверюга с ярмарки причинила городу убытков на десяток тысяч долларов. До сих пор беглец еще не пойман. Устроив в городе переполох, зверь направился напрямиком в лес и скрылся где-то в холмах, прежде чем его преследователи успели обуться. Никто его не видел, за исключением мистера Уинна Гилли, которому зверь проломил головой стену спальни. Мистер Гилли и его жена теперь оправляются от пережитого потрясения в больнице Юнионтауна.

Таким образом, зверь из Затерянного мира вырвался на волю, лишив посетителей ярмарки удовольствия лицезреть его.

В тот день я не предпринимал никаких действий. В воскресный вечер я был у Джонни, и, пока его родители смотрели в гостиной телевизор, мы позвонили Колланам из комнаты в задней части дома. Трубку снял Энди, младший братишка Дэви Рэя. Я попросил его позвать к телефону мистера Коллана.

– Привет, Кори, – сказал отец Дэви. – Чем могу помочь?

– Я звоню вам по поручению отца, – сказал я ему. – На этой неделе мы хотим разобрать загончик Бунтаря, и отец велел мне спросить у вас... не могли бы вы одолжить нам вашу цепную пилу?

– Зачем она вам? Ведь загон проволочный, и вы вполне сможете обойтись обычными кусачками.

– Отец сказал, что, возможно, придется перерезать цепь.

– Хорошо. Нет проблем. Я попрошу Дэви занести ее вам завтра днем, раз уж без нее никак нельзя обойтись. Только мне придется поискать цепную пилу. Я купил ее несколько лет назад и с тех пор ни разу ею не пользовался.

– Может, Дэви Рэй знает, где она? – предположил я.

Мистер Вежливое Обращение исчез в неизвестном направлении, очевидно сообразив, что потеря семи сотен долларов все-таки выгоднее, чем выплаты за причиненный ущерб на общую сумму в десяток тысяч или отдых в тюрьме. Зверя из Затерянного мира выслеживало немало умелых и бесстрашных охотников, но все они вернулись ни с чем – лишь с пометом на ботинках и уязвленным самолюбием.

В моем воображении возникла картина.

Я видел, как ярмарка свернула свои шатры и укатила восвояси. Поле возле бейсбольной площадки опустело, на нем осталось лишь несколько кучек опилок, раздавленные стаканчики да билетные корешки, которые уборщики всегда оставляют на месте ярмарки, словно псы, которые метят свою территорию.

А в этом году было особенно много оберток от батончиков «Зеро», которые ветер с шуршанием уносил прочь из города.

Часть четвертая. Холодная правда ЗИМЫ

Глава 1

Одинокий путник

– Твоего отца уволили, – сказала мама.

Я только что вернулся из школы. Меня ожидали четыре выходных в честь Дня благодарения. Новость ударила меня как кулак, внезапно врезавшись в живот. Лицо у мамы было невеселым, она уже предвкушала долгие дни тяжелой экономии. Продажа пирогов и прочей выпечки не давала дохода: у «Большого Пола» имелся целый кондитерский отдел, как раз рядом с молочной секцией, заполненной пластиковыми бутылками одноразового использования.

– Они сразу объявили об этом, не успел он порог переступить, – продолжала рассказывать мама. – Заплатили за две недели вперед и дали премиальные, а потом сказали, что больше им не нужен водитель на доставку.

– А где папа? – спросил я, бросив учебники на ближайшую ровную поверхность.

– Около часа назад куда-то уехал. Почти целый день он сидел дома, ничего не ел и все время молчал. Потом пытался поспать, но не смог сомкнуть глаз. Я боюсь, Кори, как бы он не сорвался.

– А куда он уехал?

– Не знаю. Сказал, что ему нужно побыть одному и подумать.

– Ясно. Поеду поищу его.

– Куда ты собрался?

– Съезжу на озеро Саксон, – ответил я и направился к Ракете.

Мама проводила меня до крыльца.

– Кори, ради бога, будь осторожен... – заговорила она, но сразу же осеклась. Я уже доказал, что становлюсь настоящим мужчиной. – Надеюсь, что тебе удастся его разыскать, – добавила она.

Под низким серым небом, грозившим разразиться дождем со снегом, я покатиł на поиски отца.

Я рад был уехать из дома и чем-то себя занять. Ветер дул мне в лицо. Пригнув голову к рулю, я катил по трассе номер десять, опасливо поглядывая по сторонам на лес, насквозь продуваемый

ветром. Зверь из Затерянного мира все еще оставался в бегах. Для города он не представлял особой опасности: едва ли, один раз обжегшись, трицератопс решится снова ступить в коварную выгребную яму человеческой цивилизации. Я опасался другого: за несколько дней до Дня благодарения мистер Марти Баркли, возвращаясь рано утром со свежей почтой из Бирмингема, был атакован огромным зверем, который внезапно выскочил из леса и врезался в его автомобиль. После этого я видел машину мистера Баркли. Ее борт со стороны пассажирского сиденья был вмят внутрь, словно от удара гигантского стального башмака, окно оказалось разбито вдребезги. Мистер Баркли рассказывал, что чудовище просто-напросто столкнуло его со своего пути и побежало дальше. По-видимому, трицератопс объявил таким образом о своих претензиях на труднопроходимые заболоченные леса вокруг озера Саксон. Всем машинам на десятой трассе теперь угрожала опасность, так как зверь видел в них пришлых соперников-динозавров. А вдруг он решит, что и Ракета заслуживает подобного нападения? Я изо всех сил жал на педали, поглядывая по сторонам. Было совершенно очевидно, что мистер Вежливое Обращение понятия не имел о том, что обладал не просто ленивой глыбой серого мяса, дни напролет дремавшей, лежа на боку в навозе, а настоящим паттоновским танком, способным обогнать автомобиль. Свобода придает скорость ногам – в этом не приходится сомневаться. К тому же, несмотря на свой немалый возраст и огромные размеры, в душе трицератопс как был, так и остался мальчишкой.

Добившись, чтобы Дэви Рэй явился ко мне с цепной пилой, я не стал делиться с ним своими подозрениями. Джонни тоже держал рот на замке, а Бену мы ничего не сказали, потому что у него всегда был слишком длинный язык. В свою очередь и сам Дэви Рэй не особенно распространялся по поводу трицератопса, лишь вскользь обронил, что, как он надеется, люди дадут зверю возможность дожить до конца своих дней в мире и спокойствии. Я никогда не был уверен до конца, что Дэви причастен к бегству динозавра, но такая проделка выглядела вполне в его духе. Откуда ему было знать, что, вырвавшись на свободу, трицератопс учинит в городе погром, нанеся урон на десять тысяч долларов? Но в любом случае стекла можно вставить, а вмятины на автомобилях выправить. Мистер Уинн Гилли и его жена переехали во

Флориду, о чем они мечтали вот уже пять или шесть лет. Перед самым отъездом мистера Гилли мистер Доллар в шутку сказал ему, что в болотах Флориды водится такое огромное количество динозавров, что, случается, они забредают к жилищам людей и выклянчивают объедки на задних дворах. От этих слов мистер Гилли побелел как бумага и затрясся от страха. Правда, вскоре Джазист Джексон сжалился над ним и объяснил, что мистер Доллар морочит ему голову.

Свернув в сторону озера Саксон, я сразу же увидел отцовский пикап, стоявший рядом с гранитным утесом. Остановившись, я еще не знал, о чем буду говорить. Внезапно у меня словно отнялся язык. То, что происходило, не шло ни в какое сравнение с детскими забавами: это была настоящая жизнь со всей ее неумолимой жестокостью.

Устанавливая Ракету на подножку, я не заметил отца вблизи грузовика. Вскоре я увидел его: он сидел на гранитном валуне почти у самой воды. Отец неотрывно глядел на черную, рябую от порывов ветра поверхность озера. Я видел, как он поднес к губам бутылку и сделал большой глоток, потом снова замер в прежней позе.

Я оставил велосипед и пошел к отцу сквозь тростник и колючки. Под ботинками местами хлюпала красная глина, в которой отпечатались следы отца. Следов было много: он не раз и не два наведывался на это место – в траве и низких кустиках даже образовалось что-то похожее на узкую тропку. Даже здесь он продолжал оставаться моим отцом, проложив для меня тропу, чтобы легче было идти.

Когда я подошел к нему совсем близко, он наконец заметил меня, но не взмахнул приветственно рукой, а лишь опустил голову еще ниже, и я понял, что отец, как и я, не может найти, что сказать мне в такой момент.

Я отошел футов на десять от отца и забрался на валун, который когда-то появился из недр Саксонской каменоломни. Отец сидел, опустив голову и закрыв глаза, рядом с ним на земле стояла наполовину опорожненная пластиковая бутылка с виноградным соком. Я понял, что, перед тем как отправиться сюда, отец заглянул к «Большому Полу».

Выл ветер, стучали голые ветви деревьев.

– Ты в порядке, папа? – спросил я.

– Нет, – отозвался отец.

– Мама мне уже все рассказала.

– Я понял.

Засунув руки поглубже в карманы своей джинсовой куртки, подбитой овечьей шерстью, я глядел на темную воду озера. Довольно долго мы оба молчали.

– Хочешь сока? – спросил он.

– Нет, сэр.

– Здесь еще много осталось.

– Спасибо, сэр. Мне не хочется пить.

Тогда он поднял лицо. В жестком холодном свете осеннего дня он казался ужасно постаревшим. Мне почудилось, будто я вижу под тонкой кожей кости черепа, и от этой мысли по спине у меня пробежал озноб. Ощущение было сродни тому, словно сидевший передо мной любимый человек медленно умирал. Его душевные силы находились на исходе; казалось, что он с трудом держит себя в руках. Я снова вспомнил полные отчаяния вопросы, которые отец написал на клочке бумаги посреди ночи, и невысказанный страх, что он может вот-вот сломаться, не выдержав страшного психического напряжения. Я понимал, что мой отец не мифический герой, не супермен, а просто хороший человек – одинокий путник, бредущий через пустыню страдания.

– Я соглашался на все, о чем они меня просили, – сказал он. – Я отработывал по двойному маршруту, выходил сверхурочно, когда требовалось. Выезжал на работу в самую раннюю рань и оставался допоздна на складе. Я делал все, о чем меня просили.

Он взглянул вверх, в поисках солнца, но облака висели стальными плитами.

– Том, сказали они, ты должен нас понять. Для того чтобы удержать «Зеленые луга» на плаву, нам приходится сокращать штат, резать до самых костей. И знаешь, что еще они сказали мне, Кори?

– Нет, сэр.

– Они сказали, что доставка молока на дом давно уже всюду вымерла, как динозавры. Ей нет места в мире полок с рядами пластиковых бутылок. Они сказали, что будущее состоит в упрощении процесса торговли: пришел, взял, что тебе нужно, и ушел, – именно это и нравится людям.

Отец переплел пальцы рук, на его исхудалом лице играли желваки.

– Но мне это совсем не нравится.

– Мы выкарабкаемся, – сказал я.

– Да, конечно, – кивнул отец. – Я нисколько в этом не сомневаюсь. Я подыщу себе какую-нибудь другую работу. Перед тем как приехать сюда, я побывал в магазине скобяных товаров и оставил там заявление о приеме на работу. Мистеру Вандеркампу-младшему может понадобится шофер грузовика для развозки товара. Да я ведь могу работать и кассиром! Совсем недавно я надеялся, что через каких-нибудь три года меня повысят до помощника менеджера в отделе доставки. Я действительно так думал. Глупо, верно?

– Ты не мог знать наперед.

– В том-то и беда, я никогда не умел предугадывать, что случится.

Ветер пронесся над водой, вздымая рябь, гоня на прибрежные камни мелкие волны. В лесу за нашими спинами каркали невидимые вороны.

– Холодает, отец, – сказал я. – Пора возвращаться домой.

– Мне невыносима мысль, что твой дедушка узнает, что я потерял работу, – сказал он, имея в виду, конечно же, дедушку Джейберда. – То-то он повеселится!

– Ни я, ни мама – никто не станет над тобой смеяться, – ответил я. – Тут нет ничего смешного.

Отец снова подхватил свою бутылку с виноградным соком и как следует глотнул.

– В «Кладовую Большого Пола» я тоже ходил. Специально зашел туда, чтобы посмотреть на все эти бутылки в молочном отделе. Молока там целое море.

Отец снова поднял на меня глаза. Его губы посинели от холода.

– Я никогда не любил перемен. Не хочу отдавать свои деньги жующей жвачку девчонке, которая даже не знает моего имени и не улыбнется мне, когда я спрошу, как у нее дела. Мне неприятно думать об огромном, открытом аж до восьми часов вечера супермаркете, в котором от яркого света режет глаза. В восемь часов вечера люди должны быть дома, в кругу семьи, а не шататься по магазинам, где с потолка свешиваются рекламные плакаты, советующие вам, что купить. Я хочу сказать... что если до этого дойдет, обратной дороги у нас не будет никогда. Наступит день, когда каждый скажет: «Как здорово, что в любой вечер, даже в темноте, мы можем сходить в супермаркет, где на полках найдешь товары, о которых ты раньше и

слыхом не слыхивал». И если даже кто-нибудь спросит: «А что случилось с молочниками, с фермерами, что продавали нам спелые арбузы прямо со своих грузовиков и свежие овощи из своего огорода, с людьми, которые улыбались покупателям, словно солнышко, когда те с ними здоровались?» – ему ответят, что, мол, они теперь продают весь свой товар в супермаркет, чтобы людям было удобно приходить и покупать здесь все сразу под одной крышей и не нужно ничего искать. Почему бы тогда не загнать все магазинчики в городе в одно помещение, чтобы не нужно было бродить под дождем, рискуя простудиться? Разве это не превосходная идея?

Несколько мгновений отец молча хрустел пальцами.

– После этого у нас не останется больше города, будут только дома, дороги и супермаркет. Того города, в котором мы живем сейчас, больше не будет. Мы будем ходить в этот магазин, где все под одной крышей, и, спросив у девчонки, жующей жвачку, о чем-то, мы услышим от нее: «Нет, у нас нет такого товара, потому что это больше не выпускают. Этот товар больше никому не нужен, люди не хотят его покупать. Люди теперь приобретают только то, что им велят покупать рекламы, свисающие с потолка. И только тот товар теперь есть в магазине, который машины штампуют тысячами в минуту. Это лучший товар. Ни малейшего изъяна в целой партии, представляете? А когда вы попользуетесь этим товаром, или когда он вам надоест, или когда реклама под потолком изменится, вы просто выкинете его в мусор, потому что эта вещь как раз и сделана так, чтобы ее выкидывали легко и беззаботно. Так что поторопитесь и выберите себе что-нибудь из этих прекрасных вещей, то, что потребуется вам прямо сегодня, и не задерживайте очередь, которая уже выстроилась позади вас».

Отец замолчал. Я снова услышал, как затрещали его пальцы.

– Но это всего лишь супермаркет, – подал я голос. – Единственный в округе.

– Он первый, – ответил отец. – За ним будут другие.

Прищурившись, отец с минуту молча рассматривал поверхность озера, по которой ветер чертил свои письмена.

– Я слышу тебя, – тихо проговорил он.

Я знал, к кому он обращается.

– Папа! – сказал я. – Пора ехать домой.

– Можешь отправляться, если хочешь. Я посижу еще и послушаю своего приятеля.

Я прислушался, но смог разобрать только карканье ворон и шум ветра. Отец же слышал другой голос.

– Что он говорит тебе, отец? – спросил я.

– То же, что и всегда. Он не оставит меня в покое до тех пор, пока я не приду к нему, не отправлюсь вместе с ним вниз, в темноту.

Мне на глаза навернулись слезы. Крепко зажмурившись, я согнал их с глаз.

– Но ты ведь не пойдешь к нему? – спросил я.

– Нет, сынок, – ответил он. – Во всяком случае, не сегодня.

Я почти решился рассказать отцу про дока Лезандера. Открыл было рот, но тут же задал себе вопрос: «А что я ему скажу? Что док Лезандер – „сова“ и он не пьет молоко? Что, по мнению Вернона Такстера, именно этими особенностями должен обладать убийца?»

В результате с моих губ сорвалось нечто совершенно иное:

– Отец, Леди – мудрая женщина и очень многое знает. Она может помочь нам, нужно только попросить ее.

– Леди, – глухо повторил отец. – Хорошую шутку она сыграла с Большим Дулом, верно?

– Да, отец. Она поможет нам, если мы придем к ней.

– Может, ты и прав. А может быть, от нее не будет никакого толку.

Отец нахмурился, словно сама мысль о том, чтобы обратиться к Леди, причиняла ему боль. Но эта боль, конечно, не превышала ту, что уже давно мучила его.

– Вот что я сделаю, Кори, – проговорил он, когда морщины на его лице немного разгладились. – Я спрошу своего друга, что он об этом думает.

Я до смерти испугался этих его слов. Очень, очень испугался.

– Пожалуйста, возвращайся домой поскорее, – сказал я ему.

– Скоро вернусь, – пообещал он.

Я оставил отца на валуне под низким серым небом со свинцовыми облаками. Добравшись до Ракеты, я оглянулся и увидел, что отец стоит на самом краю утеса. Взгляд его был обращен вниз, в ужасные глубины озера, словно он искал там следы канувшего туда автомобиля. Я крикнул ему, чтобы он отошел от опасного края, но отец сам повернулся и, возвратившись к своему валуну, уселся на него снова.

«Не сегодня», – сказал он. Мне оставалось лишь верить ему.

Я покатил к дому той же дорогой, что и приехал сюда, но на обратном пути уже не думал о звере из Затерянного мира – голову мою занимали другие, более важные мысли.

Следующие дни были такими же холодными и серыми, холмы вокруг Зефира сделались коричневыми, как трава на Поултер-Хилле. Пришел декабрь, месяц веселья и удовольствий. Иногда, когда я возвращался из школы, отец был дома, а иногда нет: он куда-то уезжал. Мама, усталая не по годам и пребывавшая в постоянном напряжении, объясняла, что отец уезжает искать работу. Мне хотелось надеяться, что отец больше не ездит к утесу над озером Саксон, к знакомому валуну, откуда так удобно смотреть на темную зеркальную гладь воды, размышляя о будущем.

Матери моих друзей помогали нам как могли. Под тем или иным предлогом они заглядывали к нам в гости, приносили еду в кастрюльках, корзиночки с бисквитами, домашние соленья и маринады, всякую всячину. Мистер Коллан пообещал угостить нас олениной с первой же охоты в нынешнем сезоне. В ответ мама настойчиво угощала всех своей выпечкой. Отец ел то, что приносили нам знакомые, но я знал, что ему было стыдно принимать эту неприкрытую милостыню. Выяснилось, что в скобяном магазине не требовался водитель для доставки товара, никто не нуждался и в новом кассире. Часто по ночам я слушал, как отец поднимается с кровати и ходит по дому. Вошло в обыкновение, что утром, часов до одиннадцати, он отсыпался, а по ночам не спал часов до четырех. Он тоже превращался в «сову».

Однажды в воскресенье мама попросила меня съездить к Вулворту на Мерчантс-стрит и купить ей коробку формочек для пирожных. Я отправился в путь. Ракета бежала сегодня подо мной особенно быстро. В магазине я исполнил поручение мамы и поехал обратно.

По пути я остановился у кафе «Яркая звезда».

Здесь трудился мистер Юджин Осборн, который в войну служил в Первой пехотной дивизии. Тот самый Юджин Осборн, который так легко узнавал немецкие ругательства, стоило ему их услышать.

С самой Брэндивайнской ярмарки воспоминания о том, что я услышал в доме сестер Гласс, не давали мне покоя. Где попугай мог научиться немецким ругательствам, если его хозяйка не знает ни слова

по-немецки? Кроме того, я вспомнил еще кое-что, а именно слова мистера Осборна: «Конечно, он не только ругался. Там были и другие немецкие слова, но они прозвучали невнятно».

Как такое могло получиться?

Я оставил Ракету на тротуаре и вошел в кафе.

Кафе было совсем маленькое, всего на несколько столиков, пару кабинок и стойку, у которой сидели посетители, болтая с официантками – миссис Мадлен Хакаби и молоденькой Кэрри Френч. Нужно сказать, что хорошенькая блондинка мисс Френч пользовалась большим успехом, а миссис Хакаби более всего напоминала пару миль разбитой проселочной дороги. Но миссис Хакаби служила официанткой в «Яркой звезде» задолго до того, как я появился на свет, и хватало одного ее сурового взгляда, чтобы в кафе воцарился порядок.

В это время дня здесь было пустовато, вот и сейчас за столиками сидели лишь несколько человек, преимущественно пенсионеры. Среди них был и мистер Каткоут, который читал газету. Работал телевизор. Сидевший у стойки мужчина ухмылялся, глядя на мисс Френч. Это был не кто иной, как Дик Моултри, похожий на тюленя в людском обличье.

При виде меня его улыбка испарилась как призрак, которого коснулся первый рассветный луч.

– Привет! – крикнула мисс Френч, увидев, что я направился к стойке, и просияла лучезарной улыбкой. Если бы не выступающие вперед зубы, она могла бы поспорить красотой с самой Чили Уиллоу. – Чем могу служить?

– Мистер Осборн сегодня работает?

– Само собой.

– Можно мне поговорить с ним?

– Обожди минутку.

Мисс Френч повернулась к окошку в стене между залом и кухней. Я увидел, как большой живот мистера Моултри вдавился в край стойки, когда он наклонился вперед, чтобы получше разглядеть ноги мисс Френч.

– Юджин! – позвала она. – Тут с тобой хотят поговорить!

– Кто? – услышал я в ответ.

– Как тебя зовут? – спросила меня мисс Френч.

Мы с ней вращались в разных кругах, да и я был в «Яркой звезде» слишком редким гостем, чтобы меня узнавали в лицо.

– Кори Маккенсон.

– А, так ты сын Тома? – удивилась она, и я утвердительно кивнул в ответ. – Это мальчишка Маккенсонов! – крикнула она мистеру Осборну.

Мой отец, как и «Бич бойз», иногда любил потусоваться. Я почувствовал на себе пристальный взгляд мистера Моултри. Он с шумом отхлебнул кофе, пытаясь привлечь мое внимание, но я и ухом не повел.

Из вращающейся двери в кухню появился мистер Осборн. На нем были фартук и белый поварской колпак. Он шел, на ходу вытирая руки полотенцем.

– Добрый день! – приветствовал он меня. – Что привело тебя сюда?

Мистер Моултри весь подался вперед – и ушами, и пузом.

– Может быть, мы присядем за столик? – спросил я мистера Осборна. – Вон туда.

Я кивнул в сторону одного из самых дальних столиков.

– Можно и присесть. Давай веди.

Я, намеренно усевшись так, чтобы находиться спиной к мистеру Моултри, сказал:

– Я был в доме мисс Гласс в тот вечер, когда вы привели свою дочь Уинифред на урок музыки.

– Да, я помню тебя.

– А того попугая помните? Вы еще сказали, что он ругается по-немецки.

– Да, то, что он болтал, насколько я понимаю, звучало как немецкая речь.

– А вы не помните, что именно говорил попугай, кроме ругательств?

Мистер Осборн откинулся на спинку стула. Склонив голову набок, он задумчиво вертел в руке вилку из столового набора, так что была видна татуировка на пальцах с буквами «А», «Р», «М», «И», «Я».

– А для чего тебе нужно это знать, могу я спросить? – осведомился он.

– Да просто так, – легкомысленно пожал я плечами. – Стало любопытно, и все.

– Значит, тебе стало любопытно? – Мистер Осборн слегка улыбнулся. – И ты пришел сюда только для того, чтобы спросить у меня, что наболтал попугай?

– Именно так, сэр.

– Но это случилось почти три недели назад. Почему же ты не заглянул ко мне раньше?

– Дело в том... что у меня не было времени.

Все это представляло собой чистую правду: я хотел зайти к мистеру Осборну и расспросить его, но последние события – сбежавший динозавр из Затерянного мира и то, что мой отец потерял работу, – действительно оказались для меня более важными, и эта встреча отошла на задний план.

– Сейчас я уже не помню точно, что именно говорил попугай, за исключением, конечно, соленых словечек, которые я тебе не могу сказать без разрешения Тома.

– Так мой отец заходит к вам? Я и не знал.

– Иногда бывает. Последний раз он приходил, чтобы написать заявление для приема на работу.

– Вот как? – удивился я. – Не знал, что мой отец умеет готовить.

– Мыть посуду, – поправил мистер Осборн, внимательно меня разглядывая. Кажется, я вздрогнул. – У нас в кафе приемом на работу заведует миссис Хакаби. Она тут установила просто казарменные порядки.

Я кивнул в ответ, стараясь не встречаться с внимательным взглядом мистера Осборна.

– Так вот, попугай, – снова заговорил он, и его улыбка стала шире. – Попугай цвета морской волны. Ругается без умолку. Но он ведь живет в доме сестричек и принадлежит мисс Гласс Голубой. Чему же тут удивляться?

– Не она же научила его этим ругательствам!

Я и не знал, что взрослые тоже называют ее мисс Гласс Голубая.

– Признавайся начистоту, Кори. Зачем тебе понадобилась болтовня этого несчастного попугая?

– Дело в том, что я хочу стать писателем, – объяснил я, сам удивляясь своей находчивости. – И меня интересуют всякие любопытные вещи.

– Писателем? Собираешься писать рассказы и все такое?

– Именно, сэр.

– Сдается мне, трудновато тебе будет заработать этим кусок хлеба.

Мистер Осборн поставил локти на стол.

– Так ты сейчас вроде как собираешь материал для своего рассказа, или что ты там решил написать?

– Да, сэр, – кивнул я, видя вдали луч надежды. – Вы попали прямо в точку!

– Но ты ведь не собираешься писать о мисс Гласс Голубой?

– Нет, – честно признался я. – Но в моей истории будет попугай, говорящий по-немецки.

– Вот как? Что ж, это меняет дело. В твои годы я тоже мечтал, повзрослев, стать либо солдатом, либо сыщиком. В одном моя мечта, можно сказать, сбылась. – Мистер Осборн взглянул на свои татуированные пальцы. – Жаль, что не удалось стать детективом: заработки у них получше, – сказал он с тихим вздохом, из которого можно было понять, чем реальная жизнь солдата отличается от того, что пытались изображать мы, играя в лесу в войну.

– Вы помните, что еще, кроме ругательств, говорил попугай?

Мистер Осборн хмыкнул, но его улыбка не утратила своего дружелюбия.

– Если у тебя все же хватит настойчивости, чтобы стать писателем, думаю, ты преуспеешь. Это действительно так важно для тебя?

– Да, сэр. Мне необходимо это узнать.

Мистер Осборн помолчал, о чем-то размышляя.

– Болтовню этого попугая было тяжело разобрать, – наконец снова заговорил он. – Почти невозможно было услышать нечто связное.

– Но я все-таки хотел бы узнать.

– Хорошо, писатель, давай попробуем вспомнить. Надо собраться с мыслями. Впрочем, открою тебе один секрет.

Мистер Осборн подался немного вперед:

– Работая с миссис Хакаби, наслушаешься столько ругани, что хватит на всю оставшуюся жизнь.

Я посмотрел, нет ли ее поблизости, но, по-видимому, она вышла то ли на кухню, то ли в комнату отдыха.

– Помнится, попугай болтал что-то о... – Мистер Осборн закрыл глаза, вспоминая. – «Кто еще знает?» – вот что он говорил.

– А что-нибудь, кроме этого, вы можете вспомнить? – настаивал я.

– Да, именно это он и говорил, – кивнул мистер Осборн. – «Кто еще знает?» – вот что болтала эта птица в перерывах между руганью.

– «Кто еще знает» о чем? – спросил я.

– Непонятно. Просто «Кто еще знает?», а остальное я просто не разобрал. И было еще какое-то слово, похожее на имя.

– На имя? Какое имя?

– Ханнафорд, вот какое. По крайней мере, близкое к этому по звучанию.

«Ханна Фюрд», – вспомнил я.

– Может быть, я и ошибаюсь, ведь я слышал это имя только один раз. Но ругается попугай забористо, уж поверь мне!

– Вы помните что-нибудь о том, как мисс Зеленая... гхм... мисс Катарина Гласс говорила, что попугай начинает беситься, стоит ему услышать, как играют на пианино ту пьесу?

Я постарался вспомнить название мелодии.

– «Прекрасная мечта», так, кажется, она называется?

– «Прекрасный мечтатель», – поправил меня мистер Осборн. – Конечно, я помню эту песню, потому что мисс Гласс Голубая учила ей и меня.

– Учила вас?

– Да, именно так. Я всегда мечтал научиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте и решил брать уроки у мисс Гласс Голубой... это было, кажется, четыре года назад, когда она преподавала музыку целую рабочую неделю. У нее было много взрослых учеников, и всех нас она заставляла учить эту мелодию. Послушай, теперь, когда ты мне сказал об этом, я вспомнил, что в те времена попугай никогда не кричал в задней комнате, как в тот вечер. Правда, смешно?

– Скорее странно, – в свою очередь поправил я мистера Осборна.

– Да, пожалуй. Что ж, мне пора возвращаться к работе, – сказал мистер Осборн, заметив миссис Хакаби, выходящую из комнаты отдыха с суровым видом, способным вселить страх даже в бывалого солдата. – Ну как, помог я тебе?

– Думаю, что да. Хотя я еще не до конца уверен.

Мистер Осборн поднялся со стула.

– Послушай, может, ты и меняставишь в этот свой рассказ?

– В какой рассказ?

Взгляд мистера Осборна снова сделался подозрительным.

– В ту историю, где главным действующим лицом будет голубой попугай.

– А, в этот рассказ! Конечно, сэр, почему бы и нет?

– Надеюсь, ты сделаешь меня положительным героем, – высказал напоследок пожелание повар и направился к кухонной двери.

По телевизору выступал какой-то крикливый человек в коричневой униформе.

– Эй, Юджин! – крикнул мистер Моултри. – Только послушай, что говорит этот болван!

– Мистер Осборн! – позвал я повара, прежде чем тот успел переключить свое внимание на телевизор. – Как вы думаете, если вдруг мисс Гласс Голубая опять станет играть эту мелодию на пианино, а попугай снова начнет орать, может, тогда вы разберете побольше?

– Вряд ли мне представится такая возможность, – ответил он.

– Почему?

– Пару недель назад мисс Гласс Голубая отнесла попугая доку Лезандеру. Тот объяснил ей, что у птицы началось не то воспаление мозга, не то какая-то другая болезнь. Так или иначе, попугай сыграл в ящик.

Повар повернулся к мистери Моултри:

– Что он там болтает, Дик?

– Ты только послушай его! – Мистер Моултри кивнул на человека, беснующегося на экране телевизора. – Его зовут Линкольн Рокуэлл! Этот сукин сын заправляет Американской фашистской партией! Можешь поверить в такое?

– Американские фашисты? – Затылок мистера Осборна на моих глазах стал наливаясь кровью. – Хочешь сказать, что эти сволочи, которых я помогал бить в Европе, теперь пробрались к нам в Штаты?

– Он говорит, что они собираются прийти к власти в Америке! – сообщил мистер Моултри. – Ты только послушай его, упадешь от удивления!

– Попадись он мне в руки, свернул бы его мерзкую шею!

Я уже шел к выходу из кафе, погружившись в собственные размышления. У самых дверей я услышал, как мистер Моултри,

который, по словам нашего бывшего шерифа мистера Эмори, состоял членом ку-клукс-клана, засмеялся и сказал:

– А вот тут этот парень прав! Пора всех негров вышвырнуть обратно в Африку. Уж я бы не стал терпеть черномазого в своем доме, как некоторые, которые приглашают к себе всяких Лайтфутов!

Я знал, кому предназначались эти язвительные слова. Остановившись, я взглянул на него. Широко улыбаясь и наблюдая за мной краем глаза, мистер Моултри разговаривал с мистером Осборном. Человек на телеэкране вещал что-то о «расовой чистоте».

– Да, это верно, мой дом – моя крепость! Уж я-то не стану звать в свою крепость ниггеров, чтобы дом провонял до самых половиц! А ты что скажешь, Юджин?

– Линкольн Рокуэлл, говоришь? – спросил мистер Осборн. – А что, неплохое имя для фашиста!

– Есть еще в наших краях парни, которые не станут якшаться с ниггерами, верно, Юджин?

Мистер Моултри продолжал гнуть свое, словно закидывая для меня крючок с наживкой.

В конце концов болтовня Моултри достигла сознания мистера Осборна. Он брезгливо взглянул на него, как, наверно, глядел на заплесневелый сыр.

– Парень по имени Эрни Грейверсон спас мне жизнь в Европе, Дик. А он был чернее, чем туз пик.

– Послушай... я совсем не то имел в виду... – Улыбка мистера Моултри вдруг сделалась жалкой. – Я готов признать, – торопливо заговорил он, спасая остатки достоинства, – что у одного или двух черномазых на сотню встречаются мозги белого человека вместо обезьяньих.

– Знаешь, что я скажу тебе, Дик? – проговорил мистер Осборн, положив свою пятерню с армейской татуировкой на плечо Моултри и крепко сжав его. – Закрой-ка ты лучше свой рот, ладно?

После этого мистер Моултри не издал больше ни звука.

Когда я выходил из кафе «Яркая звезда», мужчина в коричневой униформе исчез с экрана. Забравшись на Ракету, я покатиł обратно к дому, погромыхая формочками для выпечки в своей корзинке. Недавно скончавшийся голубой попугай, который умел разговаривать по-немецки, не шел у меня из головы.

Когда я добрался до дома, отец уже спал в своем кресле. Трансляция матча команды Алабамы по радио закончилась, когда я отправлялся к Вулворту, и сейчас из динамика доносилась музыка в стиле кантри. Я вручил формочки маме, а потом сел в гостиной и стал смотреть, как спит отец. Он свернулся калачиком, обхватив себя руками. Мне пришло в голову, что так он пытается взять себя в руки. Во сне он глубоко дышал с тихим сипящим звуком на грани храпа. Внезапно нечто, всплывшее в сознании отца, заставило его вздрогнуть. Его воспаленные красные глаза раскрылись и несколько секунд смотрели прямо на меня, а потом снова закрылись.

То, как выглядело лицо отца во сне, вселяло в меня тревогу. Оно было печальным и осунувшимся, хотя мы не испытывали недостатка в еде. Это было лицо человека, потерпевшего поражение и почти смирившегося с ним. Все профессии важны, в том числе и посудомойщика, человека труда надо уважать, ибо каждый труд необходим. Но мне была невыносима мысль, что, после того как должность помощника менеджера в отделе доставки уже казалась такой близкой, моему отцу теперь приходится обивать пороги городских кафе, выпрашивая любую работу, вплоть до посудомойщика, – воистину для этого нужно было дойти до последней грани отчаяния.

Полуденный кошмар заставил отца содрогнуться от ужаса, с его приоткрывшихся губ сорвался тихий то ли стон, то ли хрип. Даже во сне он не знал покоя, не будучи в силах скрыться от преследовавших его страхов.

Я прошел в свою комнату, закрыл за собой дверь и взял одну из семи волшебных шкатулок. Достав оттуда коробку из-под сигар «Белая сова», я вынул перышко и долго рассматривал его при свете настольной лампы.

Да, сказал себе я, чувствуя, как сердце колотится все быстрее и быстрее. Да.

Это перо вполне может быть пером попугая.

Вот только цвет зеленый, изумрудно-зеленый. Ругающийся по-немецки попугай мисс Гласс Голубой был бирюзового цвета, без единого пятнышка, за исключением желтого надклювья.

Жаль, что обладательницей птицы была не мисс Зеленая, а то бы... Тогда бы ее попугай был изумрудно-зеленым!

«Вот именно!» – озарила меня мысль. Ощущение от этой догадки было такое, словно я прыгнул в озеро Саксон с гранитного утеса.

Я вспомнил, что сказала мисс Гласс Голубая, когда мисс Гласс Зеленая отказалась дать ее попугаю печенье из боязни, что тот отключит ей палец.

Всего три слова.

«Я твоего кормила...»

Кого это *твоего*? Попугая?

Могли ли сестры Гласс, всю жизнь проведенные в странном сочетании подражания друг другу и соперничества, одновременно завести себе по попугаю? Мог ли где-нибудь в этом доме обитать второй попугай – изумрудно-зеленый и настолько же тихий, насколько был криклив голубой?

Для того чтобы получить ответ на этот вопрос, мне хватило бы телефонного звонка.

Я крепко сжал в ладони изумрудное перышко. С колотившимся сердцем я вышел из своей комнаты и направился к телефону. Нужный мне номер можно было без труда отыскать в телефонной книге.

Я едва успел найти номер сестер Гласс, когда телефон рядом с моим ухом вдруг резко зазвонил.

– Нашел! – торжествующе прошептал я и схватил трубку.

Голос, который я услышал, запомнился мне на всю жизнь.

– Кори, это миссис Коллан. Позови маму, пожалуйста.

Голос в трубке был насмерть перепуганным и дрожащим. Я сразу понял: случилось что-то ужасное и непоправимое.

– Мама! – заорал я. – Мама, к телефону! Тебя зовет миссис Коллан!

– Тише, отец спит! – шикнула мама, прежде чем взять у меня трубку.

Но покашливание и шорох, донесшиеся из гостиной, подсказали мне, что беспокоиться по этому поводу уже слишком поздно.

– Привет, Диана, как дела... – Неожиданно мама замолчала, и улыбка исчезла с ее губ. – Что? – выдохнула она. – О господи!

– Что такое? – спросил я. – Что случилось?

К нам подошел заспанный отец.

– Хорошо, конечно, мы приедем, – сказала в трубку мама. – Сейчас же выезжаем. Ох, Диана, господи, как же это!

Положив трубку на рычаг, мама наконец-то повернулась к нам. Я увидел, что она сильно побледнела, а глаза полны слез. Она едва

держалась на ногах.

Мама посмотрела сначала на отца, а потом на меня.

– Дэви Рэй ранен, – сказала она. – Очень тяжело.

Изумрудное перышко выскользнуло из моей раскрывшейся ладони и плавно опустилось на пол.

Через пять минут мы все уже сидели в пикапе и ехали в больницу Юнионтауна, где врачи боролись за жизнь Дэви Рэя. Зажатый между родителями, я снова и снова прокручивал в голове то, что рассказала мама. Дэви с отцом отправились сегодня с утра на охоту. Дэви Рэй давно дожидался начала сезона охоты на оленей и страшно радовался, что отец взял его с собой в зимний лес. Они спускались с холма, с обыкновенного холма, как сказала миссис Коллан, но Дэви Рэй оступился – его нога попала в нору суслика, присыпанную сверху палой листвой, – и он упал лицом вперед. В момент падения его ружье, оказавшееся прямо под ним, само собой выстрелило. Заряд попал Дэви в грудь. По-видимому, выстрел произошел от сотрясения в момент падения тела на землю. Мистер Коллан, немолодой мужчина, далеко в наилучшей физической форме, бегом нес своего сына на руках через лес целую милю, пока не добрался до своего пикапа.

Мама объяснила нам, что Дэви Рэй находится в реанимации хирургического отделения. Ранение очень тяжелое.

Больница в Юнионтауне представляла собой здание из стекла и красного камня. По моему мнению, оно было недостаточно большим для столь важного сооружения. Мы вошли через вход реанимационного отделения, где пожилая санитарка с седыми волосами объяснила, как нам пройти. В комнате ожидания с белыми стенами мы встретили родителей Дэви Рэя. На мистере Коллане все еще была охотничья одежда с камуфляжной раскраской, перепачканная кровью, увидев которую я похолодел от ужаса. На щеках и переносице мистера Коллана специальной пастой были нанесены зелено-коричневые маскировочные полосы, которые размазались и растеклись от пота и походили теперь на ужасные синяки. Было понятно, что мистер Коллан настолько потрясен случившимся, что ему даже не пришлось в голову вымыть лицо, да и что значат вода и мыло по сравнению с такими субстанциями, как кровь и плоть? Под его ногтями засохла лесная грязь. Он пребывал в состоянии шока, поразившего его в момент трагедии. Мама обняла миссис Коллан, и та

разразилась рыданиями. Отец отошел с мистером Колланом к окну. Энди, младшего братишки Дэви Рэя, здесь не было: его, вероятно, оставили у родственников или соседей. Из-за слишком юного возраста он не смог бы понять, что делает нож хирурга в груди его старшего брата.

Присев на диванчик, я взял журнал и попытался читать. Буквы на странице расплывались.

– Все случилось так быстро, – услышал я голос мистера Коллана, – так быстро.

Мама и миссис Коллан сидели рядом, взявшись за руки. Где-то в глубине больничного холла прозвенел колокольчик, и голос в динамике попросил доктора Скофилда срочно выйти. В комнату ожидания заглянул какой-то человек в голубом свитере, и все тотчас же повернули к нему голову, но он всего лишь осведомился, не мы ли Расселы, и тут же ушел на поиски какого-то другого несчастного семейства.

Пришел священник пресвитерианской церкви Юнионтауна и предложил нам взяться за руки и всем вместе помолиться. Именно к этой церкви принадлежало семейство Коллан. Я взял за руку мистера Коллана; он очень нервничал, его ладонь была вся мокрая от пота. Теперь, зная силу своей молитвы, я больше не мог позволить себе быть эгоистичным. Я от души желал Дэви Рэю поправиться и всем сердцем молил Господа об этом, но никоим образом не мог пожелать Дэви оставаться в том жутком состоянии полужизни-полусмерти, в котором оказался Бунтарь.

Приехали Джонни Уилсон и его родители. Мистер Уилсон, от которого Джонни унаследовал качества стойка, тихо разговаривал с мистером Колланом, не выказывая бурных эмоций. Миссис Уилсон и моя мама теперь сидели по обе стороны от миссис Коллан, которая лишь глядела в пол и беспрестанно повторяла, словно готовя себя к бесконечному спору с Господом Богом за жизнь Дэви Рэя:

– Он хороший мальчик, такой хороший мальчик.

Мы с Джонни смотрели друг на друга, не зная, что сказать. Хуже этого с нами в жизни ничего не случалось. Через несколько минут после Уилсонов прибыл Бен со своими родителями, а еще чуть позже – родственники Колланов. Пресвитерианский священник пригласил отца и маму Дэви отойти с ним в сторону, как я догадывался, для более

сокровенной молитвы. Мы – я, Бен и Джонни – вышли в коридор, чтобы обсудить происшедшее.

– Он обязательно поправится, – сказал Бен. – Папа сказал, что эта больница очень хорошая.

– А мой отец говорит, что Дэви здорово повезло: он мог погибнуть сразу, на месте, – сказал Джонни. – Отец знал парня, который случайно выстрелил себе из ружья в живот и протянул после этого лишь пару часов.

Я взглянул на «таймекс». Четыре часа назад Дэви увезли на операцию, и он все еще был жив.

– Он выкарабкается, – уверенно сказал я. – Дэви сильный. Он обязательно поправится.

Мучительно медленно прошел еще один час. Спускалась ночь, а с ней – холодный туман. Мистер Коллан побывал в туалете, смыл с лица маскировочные полоски, вычистил грязь из-под ногтей, после чего переделся в предложенную медсестрой зеленую больничную рубашку.

– Больше я на охоту не пойду, никогда в жизни, – сказал он моему отцу. – Христом Богом клянусь. Когда Дэви Рэй поправится, в доме не останется ни одного ружья.

Мистера Коллана начали душить рыдания, и он закрыл лицо руками. Отец обнял его за плечи.

– Знаешь, что он сказал мне сегодня, Том? – спросил мистер Коллан. – Всего за десять минут до того, как это случилось? Он вдруг говорит: «Мы ведь не станем стрелять в него, если увидим? Мы ведь вышли поохотиться на оленей, правда, папа? Мы ведь не станем стрелять в него?» Знаешь, про кого он говорил?

Отец покачал головой.

– Про того зверя, что сбежал с ярмарки. Почему он думал именно о нем перед тем, как случилось несчастье? Как ты считаешь, Том?

Мне было очень больно все это слышать.

В комнате ожидания появился седовласый врач в очках с тонкой стальной оправой. Мистер и миссис Коллан моментально вскочили и бросились ему навстречу.

– Могу я поговорить с вами за дверью, в коридоре? – спросил врач тихо.

Мама схватила отца за руку. Мы все поняли: седой врач принес плохие новости.

Когда Колланы вернулись, мы узнали, что операция закончена и Дэви перевезли в палату. За состоянием здоровья Дэви ведется постоянное наблюдение, а о том, чего ждать дальше, можно будет сказать только утром. Отец Дэви поблагодарил нас всех за то, что мы приехали, за помощь и поддержку, и попросил вернуться домой и поспать.

Бен с родителями оставались в больнице до десяти часов вечера, после чего уехали. Через полчаса домой отправились Уилсоны. Родственники Колланов тоже мало-помалу разъехались. Священник сказал, что останется с нами столько, сколько понадобится. Схватив мою маму за руку, миссис Коллан попросила ее задержаться еще ненадолго. Мы остались сидеть в комнате ожидания с белыми стенами, а на улице туман превратился в дождь, затем он перестал, а потом мимо окна опять поплыл клочьями туман, пронизанный мелкой моросью.

После полуночи мистер Коллан вышел в холл к кофейному автомату, но уже через несколько минут вернулся в сопровождении седовласого врача:

– Диана, он пришел в себя!

Взявшись за руки, родители Дэви заторопились к своему сыну.

Прошло десять минут, которые показались мне вечностью, и мистер Коллан снова появился в комнате ожидания. В горящих огоньках сигарет бывает больше жизни, чем я сумел увидеть в тот момент в его глазах.

– Кори? – тихо позвал он. – Дэви Рэй хочет с тобой поговорить.

Я понял, что от страха не могу двинуть ни рукой, ни ногой.

– Давай, Кори, – настойчиво сказал отец. – Все в порядке, проведай его.

Поднявшись со стула, я направился вслед за мистером Колланом.

У входа в палату, в которой лежал Дэви, беседовали священник и седой врач. Глядя на них, ни о чем хорошем не думалось. Мистер Коллан открыл передо мной дверь палаты, и я зашел внутрь. Рядом с кроватью, покрытой прозрачной пленкой кислородной палатки, сидела на стуле миссис Коллан. От лежавшего под бледно-голубой простыней тела змеились пластиковые трубочки, по которым из бутылок на

высоких штативах текли прозрачная жидкость и что-то темно-красное, наверно кровь. Рядом с кроватью имелся прибор, на круглом черном экране которого периодически появлялась зеленоватая точка. Увидев меня, миссис Коллан наклонилась к изголовью кровати Дэви и тихо шепнула ему:

– Кори пришел.

Я услышал звук тяжелого дыхания и почувствовал запах отбеливателя тканей «Клорокс» и чистящего средства «Пайн-Сол». Снаружи по стеклу барабанил дождь.

– Присядь сюда, – сказала миссис Коллан, поднимаясь со стула.

Я подошел к кровати. Миссис Коллан взяла Дэви Рэя за руку, белую, как итальянский мрамор.

– Я постою рядышком, Дэви, – проговорила она. Потом вымученно улыбнулась, что, по-видимому, стоило ей немалого труда, и опустила руку Дэви на простыню.

Я стоял рядом с кроватью, глядя на лицо моего друга сквозь прозрачную пленку кислородной палатки.

Он был очень бледен, под его глазами залегли темно-бордовые впадины. Кто-то аккуратно причесал ему волосы, и теперь они блестели от влаги. Простыня укрывала его до самого горла, и я не видел ни малейшего следа тех тяжелых ран, из-за которых он оказался здесь. В ноздри были вставлены прозрачные трубки, губы приобрели сероватый оттенок. Лицо Дэви Рэя казалось восковым, глаза смотрели прямо на меня.

– Это я. Кори.

Дэви Рэй с трудом сглотнул. Мне показалось, что зеленый сигнал на экране монитора замигал чуть быстрее, но, скорее всего, мне это только почудилось.

– Ты споткнулся, – сообщил я Дэви Рэю и тут же понял: сказать что-нибудь глупее вряд ли было возможно.

Дэви Рэй ничего не ответил. «Он не может говорить», – подумал я.

– Бен и Джонни тоже приходили, – продолжал я. – Только они ушли.

Дэви Рэй вздохнул. Вместе со вздохом с его губ сорвалось слово:

– Бен.

Уголок его рта чуть-чуть приподнялся.

– Чудило он.

– Точно, – подтвердил я и попытался улыбнуться. Я не обладал такой выдержкой, как миссис Коллан. – Ты помнишь, как все случилось?

Дэви Рэй кивнул. Его глаза лихорадочно блестели.

– Хочу рассказать, – проговорил он, и его голос сорвался на хрип. – Нужно рассказать тебе.

– Хорошо, – кивнул я и присел рядом с кроватью.

Дэви улыбнулся:

– Я его видел.

– Ты его видел?

Я наклонился вперед, словно заговорщик, готовый услышать какую-то тайну. В ноздри ударил легкий запах крови, но я не подал виду.

– Ты видел зверя из Затерянного мира?

– Нет. Лучше.

Дэви Рэй с трудом сглотнул, его лицо перекопилось от боли, улыбка угасла, но потом появилась снова.

– Я видел Первоснега, – сказал Дэви Рэй.

– Первоснега, – прошептал я.

Огромного белого оленя с рогами, раскидистыми, будто ветви дуба. Да, сказал себе я. Если кто и заслужил увидеть Первоснега, так это Дэви Рэй.

– Я видел его. Потому и упал. Не смотрел себе под ноги. Ох, Кори, – сказал он. – Олень такой красивый.

– Да уж надо думать, – отозвался я.

– Он огромный, еще больше, чем говорят! И очень-очень белый!

– Я уверен, – ответил я, – что Первоснег – самый красивый олень на свете.

– Он стоял прямо передо мной, – продолжал шептать Дэви Рэй. – Я хотел сказать о нем отцу, и в этот миг Первоснег прыгнул. Всего один прыжок – и его не стало. А я споткнулся и упал, потому что не смотрел себе под ноги. Но Первоснег тут ни при чем, он не виноват, Кори. Никто не виноват. Просто так вышло, и все.

– Ты поправишься, – сказал я.

В углу рта Дэви собиралась пузырьками кровавая слюна.

– Я все равно рад, что мне довелось повидать Первоснега, – сказал Дэви Рэй. – Ни на что бы это не променял.

После этого Дэви замолчал, слышался лишь тихий влажный шелест его дыхания. Монитор с зеленым огоньком продолжал тихо попискивать: *блип, блип, блип...*

– Я, наверно, пойду, – сказал я и начал подниматься со стула.

Белая, как мрамор, рука Дэви схватила мою руку.

– Расскажи мне историю, – прошептал он.

Я замер. Дэви Рэй смотрел на меня не отрываясь, молящими глазами. Я снова опустился на стул. Он держал меня за руку, и я не пытался освободиться. Рука Дэви была холодна как лед.

– Хорошо, – кивнул я.

Мне нужно было сложить рассказ из отдельных фрагментов, как в сказке про вождя Пять Раскатов Грома.

– Жил-был мальчик.

– Да, – кивнул Дэви Рэй. – Пусть это будет мальчик.

– Этот мальчик умел летать на другие планеты с помощью одной лишь силы своего воображения. К подошвам его кедров пристал красный песок Марса, ему случалось кататься на коньках на Плутоне. Он гонял на велосипеде по кольцам Сатурна и сражался с динозаврами на Венере.

– А мог он долететь до Солнца, Кори?

– Конечно, это для него не составляло труда. Он мог летать на Солнце хоть каждый день, стоило ему только захотеть. Он отправлялся туда, когда ему нужно было хорошенько загореть. Он надевал темные очки, когда летел на Солнце, а к вечеру возвращался домой коричневым, как головешка.

– На Солнце, наверно, страшно жарко, – предположил Дэви Рэй.

– А он брал с собой вентилятор, – пояснил я. – Этот мальчик водил знакомство с королями и королевами со всех планет, он был желанным гостем в их замках. Он побывал в красном песчаном замке короля Людвиг Марсианского и в облачном замке короля Николаса Юпитерского. Он помирил короля Зантаса Сатурнского и короля Дэймона Нептунского, а ведь дело едва не дошло до войны из-за спора по поводу ничейной кометы. Он посетил огненный замок короля Берла Меркурийского, а на Венере помог тамошнему королю Свейну построить замок из голубых деревьев. На Уране король Фаррон предложил мальчику остаться жить во дворце и обещал присвоить ему звание адмирала ледового военно-морского флота. Все коронованные

особы знали об этом мальчике. Знали они и то, что другого такого мальчика не появится даже после того, как все звезды погаснут и загорятся снова еще миллион раз. Ведь этот мальчик, единственный во всей Вселенной, умел странствовать, легко перемещаясь с одной планеты на другую, поэтому только его имя значилось во всех книгах гостей на любой планете.

– Эй, Кори?

– Что?

Голос Дэви звучал все более и более сонно.

– Мне хочется посмотреть облачный замок. А тебе?

– Мне тоже, – отозвался я.

– Господи.

Дэви Рэй больше не смотрел на меня. Его взгляд был направлен куда-то в сторону, словно у одинокого путника, устремленного к своей вымышленной и только ему одному зримой стране.

– Я ведь никогда не боялся летать, верно? – спросил он.

– Нисколечко, Дэви.

– Я ужасно устал, Кори. – Дэви Рэй нахмурился, кровавая слюна медленно потекла по его подбородку. – Мне неловко перед тобой, что я так устал.

– Тогда отдохни, – сказал я. – А я загляну к тебе завтра.

Морщины на лбу Дэви разгладились. Улыбка скользнула по его губам.

– Если я не улечу к Солнцу сегодня ночью. Я там как следует загорю, а вы тут будете дрожать от холода.

– Кори, – проговорила миссис Коллан. – Кори, доктору нужно побыть с Дэви.

– Хорошо, мэм.

Я поднялся. Холодная рука Дэви Рэя еще несколько мгновений держала мою руку, а потом его пальцы разжались.

– Завтра увидимся, – сказал я ему сквозь пластик кислородной палатки. – Пока.

– Прощай, Кори, – прошептал Дэви Рэй.

– Прощ... – Я осекся, потому что вспомнил миссис Невилл и первый день лета. – Пока, – с наигранным весельем кивнул я Дэви и, миновав миссис Коллан, вышел в коридор.

Я с трудом сдерживал рыдания и лишь огромным усилием воли не позволил им вырваться наружу, прежде чем за мной затворилась дверь. Я стерпел, выдюжил, как сказала бы мама Чили Уиллоу.

Мы сделали все, что было в наших силах. Домой мы ехали по затянутой туманом шестнадцатой трассе, где в поисках своей возлюбленной время от времени проносился Малыш Стиви Коули на Полуночной Моне. За всю дорогу мы едва проронили несколько слов: в жизни бывают ситуации, когда слова кажутся пустым звуком. Дома я подобрал с пола зеленое перышко, и оно отправилось на свое место в сигарную коробку.

Утром в воскресенье я проснулся, как будто меня кто-то толкнул в бок. В глазах у меня стояли слезы, на полу косыми полосами лежали солнечные лучи. Потом в дверях моей комнаты появился отец, одетый в ту же одежду, что и вчера.

– Кори, – позвал меня он.

Проводить жизнь в пути, странствовать, повидать королей: Людвига, Николаса, Зантаса, Дэймона, Фаррона, Берла и Свейна. Совершить путешествие к замку из красного песка и к тому, что вытесан из голубого дуба, к огненному дворцу и, наконец, к самому прекрасному из них – сложенному из фигурных облаков. Странствовать и странствовать, оставляя за спиной планеты и звезды, всюду находя одно свое имя в книгах гостей. Одинокий путник оставил этот мир. Ему не суждено вернуться.

Глава 2

Вера

Я думал, что знаком со Смертью.

Я шел со Смертью шаг в шаг, когда глядел на экран телевизора или сидел с пакетом жареного попкорна перед серебристым экраном в «Лирике». Сколько сотен ковбоев и индейцев погибло на моих глазах, простреленные навывлет или сраженные стрелой, падая лицом вниз в клубящуюся из-под колес фургонов пыль? Сколько десятков полицейских и сыщиков полегло от гангстерских пуль, корчась на земле в предсмертный миг? Сколько армий было скошено огнем пулеметов и залпами картечи, сколько кричащих от ужаса жертв было перемолото в безжалостных пастьях чудовищ?

Я считал, что близко познакомился со Смертью, когда следил за пустым, неподвижным взглядом Бунтаря, устремленным в пространство. Я знал о Смерти из краткого «прощай» миссис Невилл. Я ощущал Смерть в свисте воздуха и бульканье воды, когда машина вместе с прикованным к рулю водителем уходила в холодные глубины озера Саксон.

Я ошибался.

Потому что Смерть нельзя познать. С ней нельзя подружиться. Если представить Смерть в виде маленького мальчика, то это одинокая фигура, что в большую перемену обычно стоит на школьном дворе в самом дальнем углу, в то время как воздух дрожит от радостных криков остальной детворы. Если бы Смерть была маленьким мальчиком, с ним никто не стал бы водиться. Он говорил бы шепотом, а в его глазах светилось бы знание, которое не в силах вынести человеческий разум.

Слова, которые иногда всплывают в моем сознании в тихую минуту: *«Из тьмы мы вышли, и во тьму мы уйдем».*

Я вспомнил, что так говорил док Лезандер, когда мы с ним сидели на крыльце его дома, глядя на золотистые осенние холмы. Мне не хотелось в это верить. Мне не хотелось даже думать, что Дэви Рэй попал в такое место, куда не проникает свет, где не увидишь даже

огонька свечи, зажженной в память о нем в пресвитерианской церкви. Я не хотел думать, что мой друг Дэви Рэй теперь лежит в гробу, крышка которого закрыла от него солнце, что больше он не может ни дышать, ни смеяться, пусть даже это покажется всего лишь игрой теней. В дни, последовавшие после смерти Дэви Рэя, я понял, какой высокохудожественный обман мне довелось наблюдать всю свою сознательную жизнь. Все эти ковбои и индейцы, полицейские и детективы, воины и несчастные жертвы чудовищ вставали как ни в чем не бывало, как только гасли огни софитов. Потом они отправлялись по домам и ждали следующего вызова на съемку. Дэви Рэй умер навсегда, и я не мог вынести мысли о том, что он попал в царство вечной тьмы.

Дошло до того, что меня стала мучить бессонница. В комнате мне было слишком темно, начали мерещиться неясные фигуры, вроде той, что я видел ночью у клетки Бунтаря. Дэви Рэй ушел во тьму, туда, где пребывали Карл Беллвуд, Бунтарь и все, кто лежит на Поултер-Хилле, – многие поколения, чьи кости покоятся под перевитыми корнями деревьев; все они, конечно, ушли во тьму.

Я часто вспоминал похороны Дэви Рэя. Какой плотной, густой и тяжелой была красная земля по краям могилы. После того как священник закончил отпевание, присутствующие стали расходиться. Кладбищенские служители, негры из Брутона, забросали могилу землей, гроб исчез во тьме, и не осталось никакого просвета – ничего. Только тьма, и под ее непомерной тяжестью во мне что-то надломилось.

Я больше не был уверен, есть ли рай на небесах, не знал, есть ли у Бога здравый смысл, какой-то план действий или причина поступать так, а не иначе. Наверно, Он тоже пребывает во тьме. Я ни во что больше не верил: ни в земную жизнь, ни в загробную, ни в Бога, ни в добро – и мучился от этого. А тем временем Мерчантс-стрит одевалась в свое рождественское убранство.

До Рождества оставалось еще целых две недели, но Зефир уже жил в предвкушении праздника. Конечно, смерть Дэви Рэя омрачила всеобщую радость. Об этом говорили у мистера Доллара, в кафе «Яркая звезда», даже в здании городской администрации – везде и всюду. Люди говорили, что он был совсем еще мальчик, что это ужасная трагедия. Но, увы, такова жизнь, нравится нам это или нет.

Я тоже слышал эти разговоры, но от них не становилось легче. Родители пытались меня утешить, объясняя, что для Дэви мучения закончились и теперь он пребывает в лучшем мире.

Но я не мог им поверить. Разве может быть где-то место лучше, чем наш Зефир?

– Он на небесах, – говорила мне мама, когда мы сидели перед огнем, потрескивающим в камине. – Дэви Рэй поднялся на небеса, ты должен в это верить.

– Но почему я должен в это верить? – возразил я.

Мама взглянула на меня так, словно ее ударили по лицу.

А я ждал ответа. Я надеялся получить такой ответ, который расставил бы все на свои места, но слова, которые я слышал, не удовлетворили меня: они сводились лишь к одному – вере.

Тогда родители отвели меня к преподобному Ловою. Мы сидели в его комнате при церкви, он дал мне лимонный леденец из коробочки, которая стояла у него на столе.

– Кори, – спросил он, – ты ведь веришь в Христа?

– Да, сэр.

– И ты веришь в то, что Христос был ниспослан к нам Богом для того, чтобы принять смерть за грехи людей?

– Да, сэр.

– Тогда, стало быть, ты веришь и в то, что Христос был распят, после чего умер и был похоронен, а на третий день воскрес из мертвых?

Тут я нахмурился:

– Да, сэр. Но это же Иисус Христос. А Дэви Рэй был обыкновенным мальчиком.

– Я согласен с тобой, Кори. Дело в том, что Христос был послан к нам для того, чтобы показать, что жизнь – это не только то, что для всех понятно и очевидно. Он показал нам, что если мы станем жить с верой в Него, если пройдем по жизни указанным Им путем и станем жить так, как Он завещал, то и для нас у Бога найдется место на небесах. Понимаешь?

С минуту я размышлял над словами преподобного Ловоя. Священник сидел, откинувшись на спинку стула, и наблюдал за мной.

– А на небесах лучше, чем в Зефире? – спросил я.

– В миллион раз лучше, – ответил он.

– Там есть книжки с комиксами?

– Как бы тебе сказать... – улыбнулся преподобный Ловой. – Людям не дано знать точно, что их ждет на небесах. Мы знаем, что небеса неопишимо прекрасны, – и это все.

– Откуда мы это знаем? – спросил я.

– Потому что так нам говорит наша вера, – ответил преподобный. – Потому что жить без веры нельзя.

Он снова протянул мне коробку со стола:

– Хочешь еще леденец?

Сколько я ни напрягал воображение, представить себе небеса мне не удавалось. Как можно верить, что где-то тебе будет хорошо, если там нет того, что доставляет тебе радость? Если там нет комиксов и фильмов о чудовищах, нет велосипедов и проселочных дорог, по которым можно на них ездить? Где нет ни бассейнов, ни мороженого, ни лета, ни барбекю на Четвертое июля? Где нет грозы и крыльца, на котором можно сидеть и смотреть, как сгущаются тучи? Небеса представлялись мне чем-то вроде библиотеки, в которой можно взять книги только по одному предмету и провести там целую вечность за чтением этих бесчисленных книг. Что могут значить для меня небеса без бумаги, пишущей машинки и волшебных шкатулок?

В таком случае небеса просто превратятся в ад, вот и все!

Дни перед Рождеством прошли серо и буднично, ничем не примечательные. Рождественские огни, красные и зеленые, светились на Мерчантс-стрит. Лампы в форме головы Санта-Клауса горели на перекрестках, светофоры были украшены серебристыми блестками.

Отец наконец устроился на работу. Теперь он три дня в неделю работал клерком на складе «Большого Пола».

В один прекрасный день Луженая Глотка обозвала меня дубиной стоеросовой шесть раз кряду. Она вызвала меня к доске и велела рассказать классу о том, что я знаю о простых числах.

Я ответил, что ни к какой доске не пойду.

– Кори Маккенсон, немедленно встань и выйди к доске! – заорала она так, что задребезжали стекла.

– Нет, мэ, – ответил я.

За моей спиной радостно засмеялась Демон, предвкушавшая новую вылазку в нашей войне с миссис Харпер.

– Поднимайся. Сейчас же. Сию. Минуту! – Физиономия Луженой Глотки начала наливать кровью.

Я покачал головой:

– Нет.

Через мгновение Луженая Глотка налетела на меня, словно буря. Она двигалась гораздо проворнее, чем я мог себе представить. Луженая Глотка сгребла мой свитер обеими ручищами и рывком выдернула меня из-за парты, да так резко, что мое колено ударилось о крышку и меня пронзила острая боль. Я просто взбесился от ярости.

Помня о Дэви Рэе, канувшем во тьму, сознавая всю бессмысленность слова «вера», колючкой засевшего в моем мозгу, я бросился на нее.

Я врезал ей прямо в лицо. Точнее попасть я просто не мог, если бы даже прицелился. С носа Луженой Глотки слетели очки, от изумления она издала странный каркающий звук. Злость моя быстро испарилась, но дело было уже сделано.

– Ты ударил меня, как ты смел! – завопила Луженая Глотка и, схватив меня за волосы, принялась таскать из стороны в сторону.

Класс ошеломленно взирал на происходящее: то, что я себе позволил, оказалось чересчур даже для моих одноклассников. Я же в их глазах превратился едва ли не в мифического героя, еще сам того не сознавая. Луженая Глотка влепила мне оплеуху, и я грохнулся на парту Салли Мичем, едва не сшибив ее на пол. Луженая Глотка, вереща как резаная, поволокла меня к двери и дальше – в кабинет директора.

Легко было предугадать, что по телефону тут же вызвали в школу моих родителей. Они были, мягко говоря, потрясены моим поведением. Мне запретили появляться в школе в течение трех дней. Наш директор, маленький и щуплый человечек, похожий на птичку, с очень подходящей ему фамилией Кардинале приказал мне, прежде чем я переступлю порог класса, извиниться перед миссис Харпер в письменной форме. Эта бумага должна быть подписана обоими моими родителями.

Глядя мистеру Кардинале прямо в глаза в присутствии родителей, я заявил, что меня могут исключить из школы хоть на целых три месяца, но никаких извинений миссис Харпер я писать не стану, потому что мне надоело, что меня каждый день называют дубиной стоеросовой, а кроме того, меня тошнит от математики и вообще от всего.

Отец поднялся со стула.

– Кори? – пораженно спросил он. – Да что с тобой творится?

– Никогда еще в истории этой школы ни один ученик не посмел ударить учителя! – пропищал мистер Кардинале. – Я не знаю ни единого такого случая! Этого мальчика нужно хорошенько высечь, чтобы преподать ему урок на всю жизнь!

– Мне тяжело это говорить, – подал голос отец, – но я с вами согласен.

По дороге домой я попытался еще раз объяснить все родителям, но они не хотели меня слушать. Отец сказал, что моему проступку нет оправдания, а мама добавила, что ей еще никогда в жизни не было так стыдно. Поэтому я угрюмо молчал всю дорогу, а за моей спиной в кузове пикапа погромыхивала Ракета. Отец действительно собственноручно меня выпорол. Все произошло быстро, но довольно болезненно. Тогда я не знал, что за день до случившегося отец получил от босса разнос за то, что неправильно подсчитал коробки с леденцами к Рождеству. И я, конечно, ничего не знал о том, что босс моего отца в «Большом Поле» был на целых восемь лет его моложе, при этом гонял на красном «тандерберде» и обращался к моему отцу запросто: «Томми».

Порку я вынес без единого звука, но, оказавшись у себя в комнате, бросился лицом в подушку.

Вошла мама. У нее в голове не укладывалось, что заставило меня так ужасно поступить. Она, конечно, понимает, что я еще не пришел в себя после гибели Дэви Рэя, но жизнь продолжается, а Дэви Рэй на небесах. И еще она сказала, что мне все равно придется извиниться перед миссис Харпер в письменной форме, хочу я этого или нет, и чем раньше я это сделаю, тем лучше. Оторвав голову от подушки, я ответил, что отец может пороть меня хоть каждый день и до скончания века, но я не стану писать никаких извинений.

– В таком случае, молодой человек, тебе придется посидеть дома и поразмыслить над своим поведением, – сказала она. – А на голодный желудок всегда думается легче.

Я ничего не ответил маме, потому что в этом не было необходимости. Мама вышла из комнаты, а я лежал и слушал, как родители обсуждают мое поведение: дескать, со мной происходит что-то неладное и я стал совершенно неуправляем, потеряв всякое

уважение к взрослым. Потом я услышал звон расставляемых на обеденном столе тарелок, до моих ноздрей донесся запах жареного цыпленка. Тогда я повернулся лицом к стене и уснул.

Мне снова приснились четыре негритянки, а в самом конце сна я увидел ярчайшую вспышку света и беззвучный взрыв – и проснулся. Я опять сшиб спросонья будильник с прикроватного столика, но на этот раз родители не прибежали на шум. Будильник уцелел, стрелки на его циферблате показывали два часа ночи. Я встал с кровати и выглянул в окно. На острых концах серповидной луны запросто можно было повесить шляпу. По другую сторону холодного оконного стекла в тишине ночи сияли звезды. Я подумал, что ничто на свете не заставит меня извиняться перед Луженой Глоткой. Может быть, во мне проявлялись черты характера дедушки Джейберда, но я точно знал, что не приду к Гарпии с повинной головой. Черта с два.

Мне нужно было поговорить с кем-то, кто мог бы меня понять. С кем-то вроде Дэви Рэя.

Теплая куртка, подбитая овечьей шерстью, висела в чуланчике возле входной двери. К сожалению, выйти через нее я не мог, потому что скрип двери обязательно разбудил бы отца, поэтому я натянул вельветовые брюки, надел два свитера и перчатки. Потом я принялся осторожно открывать окно. Петля рамы скрипнула всего раз, но так пронзительно, что у меня волосы встали дыбом. Я подождал минутку, но не услышал за дверью шума шагов и выбрался на улицу, на морозный воздух.

Прикрывая за собой окно, я предусмотрительно оставил щелочку, в которую можно было просунуть пальцы. Потом вскочил на Ракету и понесся по дороге, освещенной скудным светом остророгой луны.

Я ехал по пустынным улицам, огни светофоров мигали желтым цветом. Облачко пара от моего дыхания, похожее на белого осьминога, клубилось передо мной. В окошках некоторых домов горел свет: кто-то не потушил его, чтобы обезопасить прогулку в туалет в ночное время. Нос и уши моментально заледенели; в такую ночь все сидели по домам: и собаки, и Вернон Такстер. Направляясь к Поултер-Хиллу, я сделал приличный крюк влево, примерно с четверть мили, потому что мне обязательно нужно было кое-что увидеть. Медленно, стараясь не шуметь, я проехал мимо дома с конюшней, стоявшего на участке площадью в три акра.

В одном из окон наверху горел свет, слишком яркий для ночной лампы у ванной комнаты. Док Лезандер не спал. Он слушал иностранные радиостанции.

Любопытная мысль пришла мне в голову. А что, если док Лезандер стал «совой» оттого, что боится темноты? Стремление уверить себя, что он не одинок, заставляет его сидеть всю ночь при свете, когда все спят, и крутить ручку радиоприемника, слушая голоса со всего мира.

Я решительно повернул руль Ракеты и покатил прочь от дома ветеринара. После того как с Дэви Рэем произошло несчастье, я не пытался разгадать тайну зеленого перышка. В дни после его смерти, наполненные горем и тяжкими сомнениями, даже телефонный звонок мисс Гласс Голубой требовал слишком большого напряжения душевных сил. Единственное, что я мог сделать, чтобы изгнать из своей души сгущавшуюся тьму, – как можно меньше ломать голову над мрачной тайной темных глубин озера Саксон. О том, что док Лезандер имеет к этому какое-то отношение, я просто не хотел думать. Если он и вправду причастен к подобному злодейству, что тогда остается подлинным в этом мире?

Я наконец добрался до Поултер-Хилла. Кованые железные ворота кладбища были заперты, но для того, чтобы перебраться через двухфутовую каменную стену, не требовалось прибегать к магии. Оставив Ракету ждать снаружи, я стал подниматься на холм мимо залитых лунным светом надгробий. Поултер-Хилл, будучи незримой границей между двумя мирами, сам был поделен надвое Зефиром и Брутоном. Белых людей хоронили с одной стороны холма, в то время как чернокожие покоились по другой, противоположной стороне. На мой взгляд, не было ничего удивительного в том, что люди, которые никогда не купались вместе в одном бассейне, пользовались разными магазинами и ходили в разные кафе и после смерти предпочитали лежать так, чтобы не видеть друг друга. Глядя на кладбище, я решил при первом же удобном случае спросить преподобного Ловоя: суждено ли встретиться на небе черным и белым, например Дэви Рэю с Леди и Человеком-Луной? А поскольку черные и белые живут на небе вместе, то почему бы им и на земле не позавтракать в одном кафе? Если небеса у черных и белых действительно общие, то не значит ли это, что на земле мы нарушаем Божью волю и ведем себя глупо, когда сторонимся друг друга? Или, может быть, все обстоит как раз наоборот, и мы мним

себя умнее Бога, исправляя Его ошибку? Конечно, если впереди нас ожидает лишь непроглядная тьма, то все вопросы о небесах и Боге просто теряют смысл. Но остается загадкой, как Малышу Стиви Коули, которого я видел так же ясно, как сейчас город из надгробий вокруг меня, удастся гонять в такой тьме на своей Полуночной Моне.

Надгробных камней было много. Очень много. Я где-то слышал, что со смертью старика сгорает целая библиотека его знаний. В «Журнале», выходящем в Адамс-Вэлли, о Дэви Рэе написали в некрологе, что он погиб в результате несчастного случая на охоте. Там говорилось, кем были его родители, что у него остался младший братишка Энди и что его семья принадлежит к пресвитерианской общине Юнионтауна. В заключение сообщалось, что похороны Дэви состоятся в половине одиннадцатого утра. Меня потрясло, как много о Дэви Рэе осталось не сказано. Ни слова не говорилось о морщинках, которые появлялись в уголках его глаз, когда он смеялся, или о том, как язвительно кривился его рот, когда он собирался сказать очередную колкость в адрес Бена. Там ничего не было написано о том, как оживленно блестели его глаза, когда он находил новую, неисследованную лесную тропинку, как он прикусывал нижнюю губу, собираясь сильно швырнуть бейсбольный мяч. В некрологе о нем говорилось скупое и сухо, там не было ни капельки настоящего Дэви Рэя.

Шагая среди могил, я размышлял об этой несправедливости. Сколько удивительных историй здесь похоронено и забыто! Сколько старых библиотек сожжено и развеяно по ветру, сколько новых, едва начинавших складываться! Все это богатство теперь оказалось навеки утеряно. Жаль, что нет на свете места наподобие кинозала, куда можно было бы прийти и, выбрав из миллионов имен нужное, нажать кнопку и, глядя на появившееся на экране лицо, услышать всю историю этого человека, рассказанную им самим.

Это стало бы замечательным памятником для ушедших поколений: можно было бы слушать голоса тех, кто умолк навеки сотни лет назад. Когда я думал об этих навсегда смолкнувших голосах, мне пришло в голову, что мы расточительное поколение. Мы отказались от прошлого, обеднив тем самым свое будущее.

Так я добрался до могилы Дэви Рэя. Надгробия еще не было, на голой земле лежал лишь плоский камень, отмечавший место

захоронения. Дэви лежал не на вершине холма и не у его подножия, а посередине. Я присел возле могильного камня, стараясь не наступить на невысокий холмик, который скоро наверняка размоют дожди и сгладит грядущая весна. Сидя под холодной серповидной луной, я глядел в темноту. Я знал, что днем, когда взойдет солнце, отсюда откроется отличный вид на весь Зефир и на холмы за городком. Отсюда будет виден мост с горгульями и река Текумсе. Можно будет смотреть на мост через реку, на железную дорогу, петляющую среди холмов и уходящую от Зефира к большим городам. Вид открывался прекрасный, только некому было им наслаждаться. Отчего-то я сильно сомневался, что для Дэви Рэя сейчас сколько-нибудь важно, какой вид открывается от его могилы – на город и холмы или на болотистую низину. Подобное может иметь значение разве что для нас, скорбящих, но не для тех, кто уже упокоился.

– Господи, – проговорил я. Из рта вырвалось облачко пара. – Чего только не лезет в голову!

Ждал ли я, что Дэви Рэй мне ответит? Нет, конечно. Поэтому тишина нисколько не расстроила меня.

– Не знаю, где ты сейчас, во тьме или на небесах, – продолжал я. – Что хорошего в этих небесах, если там нет мелких невзгод, которые есть на земле? Наверно, там ощущаешь себя как в церкви. Хорошо ходить туда на часок по воскресеньям, но обретаться там вечно я бы не хотел. И темнота мне тоже совсем не нравится. Вечное ничто. Все, о чем ты думал, во что верил, уходит безвозвратно, пропадает, словно рябь на поверхности озера, которой даже никто не видит.

Подтянув колени к груди, я обхватил их руками.

– Там нет ни голоса, чтобы говорить, ни глаз, которыми можно смотреть, ни ушей – ничего нет. Для чего тогда мы рождались на свет, скажи мне, Дэви Рэй?

И снова ответом мне было молчание.

– Не понимаю я эту веру, совсем не понимаю, – сказал я. – Мама считает, что я обязательно должен верить. Преподобный Ловой тоже так считает. Но во что мне верить, Дэви Рэй, если там ничего нет? Выходит, верить – это все равно что разговаривать по телефону, когда на другом конце линии никого нет, но ты не узнаешь, что там никого нет, пока не задашь вопрос, а ответа не получишь. Жить, всю жизнь разговаривая с пустотой, – разве это не безумие, а, Дэви?

Тут я осознал, что именно этим и занимаюсь сию минуту – болтаю с пустотой. Но меня утешало, что Дэви Рэй здесь, рядом со мной. Сдвинувшись чуть в сторону, туда, где пожухлая трава уцелела от острых лопат, я лег на спину. Я смотрел вверх, на небосвод, усыпанный звездами, ощущая благоговейный восторг.

– Посмотри на это небо, – сказал я. – Только посмотри. Вид у него такой, словно Демон высморкалась на кусок черного бархата.

Я улыбнулся, решив, что Дэви наверняка оценил бы мою шутку.

– Нет, в самом деле, – продолжал я, – оттуда, где ты находишься, тебе видно небо или нет?

В ответ – молчание. Молчание и тишина.

Я сложил руки на груди. Прижимаясь спиной к земле, я почти не чувствовал холода. Моя голова лежала рядом с головой Дэви Рэя.

– Сегодня меня выпороли, – признался я. – Отец снял с меня три шкуры. Может, я это и заслужил. Но почему Луженой Глотке все сошло с рук? Разве она не заслужила такой же порки? Почему никто и никогда не слушает детей, даже когда им есть что сказать?

Я вздохнул, и пар от моего дыхания поднялся в небо к созвездию Козерог.

– Мне велели извиниться перед ней в письменной форме, Дэви Рэй, но мне не за что извиняться. Я просто не могу этого сделать, и никто не сможет меня заставить. Может быть, я и не прав, но только наполовину, а взрослые взвалили на меня всю вину. Я не могу и не хочу извиняться! Что мне делать, Дэви?

И тогда я услышал ответ.

Но это был не урезонивавший меня голос Дэви Рэя.

То был свисток товарного состава, донесшийся до меня откуда-то издалека.

Я приподнялся и сел. Вдали, между холмами, я увидел свет локомотива, который, словно летящая звезда, держал курс на Зефир. Я наблюдал, как приближается поезд.

Перед мостом через Текумсе поезд обязательно притормозит. Так бывает всегда. А через мост товарняк пройдет и вовсе медленно, заставляя скрипеть и дребезжать балки и фермы старой конструкции.

Так что перед мостом, если у кого-то возникнет желание, вполне можно успеть вскочить в открытую дверь какого-нибудь вагона.

Только удобный момент для этого долго не продлится. Товарняк постепенно наберет скорость, а добравшись до противоположной окраины Зефира, снова помчится во весь дух.

– Не могу я писать извинения, Дэви Рэй, – тихо проговорил я. – Ни завтра, ни послезавтра. Никогда. В таком случае дорога в школу мне будет закрыта, как ты полагаешь?

В ответ Дэви не высказал своего мнения, не дал совета. Мне предстояло решать все самому.

– Что, если я отправлюсь в путешествие ненадолго? Дня на два-три? Просто чтобы дать им понять, что я лучше сбегу из дома, чем стану извиняться перед Луженой Глоткой? Может, тогда они наконец прислушаются ко мне, как ты думаешь?

Говоря это, я не сводил глаз с приближавшейся звезды. Паровоз опять свистнул, может быть отпугивая с путей оленя. Мне показалось, что паровоз зовет меня: «Кор-р-ри-и-и-и-и».

Я поднялся с земли. Если я сейчас добежу до Ракеты, как раз успею к мосту. Еще пятнадцать секунд – и впереди меня ждет новый день родительского гнева и недовольства. Новый день для мальчика, запертого в своей комнате, откуда можно выбраться, только написав покаянное письмо. Товарные поезда, проходившие через город, всегда возвращались. Я засунул руку в карман и нашупал там пару четвертаков, оставшихся со сдачи за попкорн или конфеты, купленные в «Лирике» в ту пору, когда дела еще шли хорошо.

– Я пошел, Дэви Рэй! Я пошел!

Я бросился бежать через кладбище. Добравшись до Ракеты и вскочив в седло, я уже не верил, что успею. Я крутил педали как сумасшедший, изо рта шел пар. Добравшись на гравий железнодорожной насыпи, я слышал, как стонет и трещит мост под тяжестью товарняка; состав только-только въехал на мост, и я вполне успевал исполнить задуманное.

Вот появился локомотив, освещая путь мощным прожектором. Огромная махина съехала с моста, двигаясь чуть быстрее скорости пешехода. Потом мимо покатила вагоны с надписью «Южные железные дороги», гроыхая по шпалам: *бум-ка-туд, бум-ка-туд, бум-ка-туд*. Поезд снова начинал разгоняться. Я откинул подножку и установил Ракету. Потом на прощание провел рукой вдоль руля. На

мгновение я увидел промелькнувший в фаре моего велика золотой глаз, освещенный лунным сиянием.

– Я вернусь! – пообещал я.

На первый взгляд казалось, что все вагоны закрыты, но вдруг в самом конце состава я увидел вагон, дверь которого оказалась приоткрыта. Я вспомнил изуродованных коров с отрезанными головами, угодивших под поезд, несчастных искалеченных бродяг, сорвавшихся с подножек, но отогнал от себя трусливые мысли. Дождавшись вагона с приоткрытой дверью, я побежал рядом с поездом. Ступеньки находились совсем близко от меня. Вскинув правую руку, затянутую в перчатку, я крепко ухватился за металлическую перекладину, потом зацепился другой рукой и резко оторвал свое тело от земли.

И вот я уже у двери вагона. Собственная ловкость поразила меня. Наверно, когда под тобой грохочут несколько тонн стали и угрожающе скрежещут колеса, ты поневоле быстро становишься заправским акробатом. Оторвав пальцы от железной перекладины, я протиснулся внутрь вагона и упал на дощатый пол, местами покрытый сеном. Мое появление в вагоне было достаточно шумным: эхо раскатилось по пустому пространству с единственным выходом наружу, которым я только что воспользовался. Приподнявшись, я уселся на охапку сена.

Вагон раскачивался и грохотал. Он явно не был предназначен для перевозки пассажиров.

Тем не менее пассажиры в нем были.

– Эй, Принси! – крикнул кто-то. – Смотри-ка, к нам залетела птичка!

Я вскочил. Голос, который раздался из темноты, напоминал одновременно скрежет каменного крошева, дробящегося в бетономешалке, и жалобные стенания лягушки.

– Да, я тоже вижу его! – отозвался второй голос. Этот голос, с заметным иностранным акцентом, был гладкий, словно черный шелк. – Сдается мне, Франклин, что птичка чуть не сломала себе крылышки!

Итак, я оказался в компании вагонных бродяг, которые могли, не моргнув глазом, перерезать мне глотку за пару жалких четвертаков, что болтались в моем кармане. Я поспешно повернулся, чтобы выпрыгнуть через дверную щель, но Зефир уже стремительно проносился мимо.

– На твоём месте я поостерегся бы здесь прыгать, – наставительно заметил голос с иностранным акцентом. – То, что останется от тебя, будет представлять собой жалкое зрелище.

Я замер у самой двери, слыша, как колотится мое сердце.

– Мы не кусаемся, паренек! – сказал человек с голосом лягушки-бетономешалки. – Верно, Принси?

– Пожалуйста, говори за себя.

– Эй, парень, мы ведь просто шутим. Принси всегда шутит. Верно, Принси?

– Да, – отозвался шелковый голос, – я просто шучу.

Внезапно рядом с моим лицом вспыхнула спичка. Едва не подпрыгнув от испуга, я оглянулся, чтобы разглядеть того, кто был рядом.

Передо мной стоял типичный персонаж ночного кошмара, причем так близко, что я ощущал его зловонное дыхание.

По сравнению с этим человеком железнодорожная шпала могла показаться Чарльзом Атласом^[28]. Человек выглядел до предела истощенным, его запавшие черные глаза окружали полукружья теней, скулы выпирали, натягивая кожу. Но что это была за кожа! Пожалуй, даже в пересохшем от зноя русле ручья остается больше влаги. Каждый миллиметр этого лица покрывали трещины и морщины. Эти трещины тянулись от углов рта с желтыми зубами до безволосого купола его черепа, образуя нечто вроде кепки причудливой формы. Его длинные тощие пальцы при свете спички казались высохшими, как, впрочем, и сама рука. Горло его представляло собой скопление пересохших трещин. Человек этот был одет в насквозь пропыленный костюм некогда белого цвета, но оставалось только гадать, где рубашка переходит в брюки. Больше всего он походил на палку с нацепленным на нее грязным мешком.

Я замер на месте, не в силах пошевелить от ужаса ни рукой, ни ногой, ожидая, когда бандитское лезвие перережет мне горло.

Другая рука сморщенного человека начала подниматься, словно голова гадюки. Я сжался в комок.

Он сжимал в кулаке пакетик с несколькими ванильными печеньями «Фиг ньютонс».

– Так-так! – проговорил с явным удивлением человек с иноземным акцентом. – Вижу, ты понравился Ахмету! Возьми печенье, не

стесняйся.

– Я не думаю, что... я...

Спичка догорела и погасла. Я ощущал запах Ахмета, такой сухой, что от него, казалось, вот-вот начнут хрустеть волоски в ноздрях. Его дыхание напоминало шелест опавших листьев.

Вспыхнула и разгорелась вторая спичка. Поперек остроконечного подбородка Ахмета шла темная полоса. Ахмет по-прежнему держал в руке «Фиг ньютонс» и кивал мне. Мне показалось, что я слышу, как скрипит его кожа.

Он скалил зубы, и казалось, что это улыбается сама Смерть, слегка подогретая или даже прожаренная до хрустящей корочки. Трясущейся рукой я достал печенье из пачки. Это порадовало Ахмета. Он прошел, волоча ноги, в дальний угол вагона, где опустился на колени, зажег новую спичку и поднес огонек поочередно к трем коротким свечным огаркам, прикрепленным воском к днищу перевернутого ведра.

В вагоне стало немного светлее, и то, что я начал различать в полумраке, мне не хотелось бы видеть ни при каких обстоятельствах.

– Так-то лучше, – сказал иноземец, прислонившись к куче рогожных мешков. – Теперь мы можем посмотреть друг другу в глаза.

Я бы предпочел сидеть к нему спиной и чтобы нас разделяло расстояние миль в пять.

Если допустить, что лицо этого человека когда-нибудь видело солнце, то с таким же успехом можно было утверждать, что Леди – моя бабушка. Его кожа была настолько бледной, что Луна по сравнению с ней казалась темной, как Дон Хо^[29]. Он выглядел еще не старым, по крайней мере моложе моего отца. Его красивые светлые волосы были зачесаны назад так, что оставался открытым высокий лоб, но виски уже тронула седина. Блондин был облачен в темный костюм, белую рубашку и галстук, которые знали куда лучшие времена, судя по заплаткам на плечах, обтрепанным обшлагам рубашки и коричневым пятнам на галстук. Однако в облике блондина сквозила определенная элегантность: даже сидя, он производил впечатление человека с хорошими манерами, а в его взгляде можно было заметить некоторое высокомерие. Ботинки его были изношены. То, что я сначала принял за белые носки, оказалось голыми лодыжками. Глаза блондина вызывали у меня беспокойство – при свете свечей они мерцали багряным цветом.

Но по сравнению с третьим, совершенно чудовищным обитателем вагона, бледный блондин и усохший Ахмет казались Троем Донахью^[30] и Юлом Бриннером^[31].

Третий человек стоял в дальнем углу. Его голова, поразительно напоминая формой лопату, подпирала потолок, а рост, по-видимому, превышал семь футов. Плечи казались широкими, как крылья самолетов с авиабазы Роббинс. Все его тело было громоздким и неуклюжим, так что возникало ощущение чего-то в корне неправильного. Его облачение составляли свободная коричневая куртка и серые брюки с заплатками на коленях. Штаны, похоже, насквозь промокли, а потом их высушили, не снимая, отчего они сели, став тесными. Размер башмаков великана потряс меня более всего: назвать их здоровенными было все равно что назвать атомную бомбу гранатой. Они скорее напоминали землеройные машины.

– Пливет, – прошамкал великан и, грохнув ботинками, направился ко мне. – Я Фланклин.

Он улыбался, но я от души пожелал, чтобы он этого больше не делал. По сравнению с его ухмылкой выражение лица мистера Сардоникуса^[32] можно было назвать лишь умиротворенно-печальным. Эта улыбка на самом деле была следствием страшного шрама, разрезавшего поперек неандертальский лоб великана. По-видимому, рана была зашита грубыми стежками каким-то косоглазым студентом-медиком, страдавшим к тому же хронической икотой. Широченное лицо великана выглядело сплюснутым, блестящие черные волосы казались нарисованными на голове. В мерцании свечей возникало впечатление, что съеденная им недавно пища плохо усвоилась и теперь великан страдает несварением желудка. Лицо несчастного урода было нездорового сероватого оттенка. И – подумать только! – с обеих сторон его толстой, как у быка, шеи выступали наружу ржавые болты!

– Пить хочешь? – спросил он, протягивая мне какую-то смятую флягу, казавшуюся в его лапище хрупкой морской раковиной.

– Нет, сэр. Спасибо, сэр. Мне не хочется пить.

– Глотни водицки, паленек. А то печенье застрянет у тебя в глотке.

– Нет, сэр, все в порядке. – Я откашлялся, чтобы подтвердить свои слова. – Видите?

– Это холошо. Если все в полядке, это холошо.

Великан вернулся в свой угол, где снова застыл причудливой статуей.

– Франклин у нас весельчак, – объяснил мне Принси. – Зато Ахмет самый молчаливый.

– А вы? – спросил я.

– Можно сказать, что я честолюбив, – ответил мне иноземец. – А ты, молодой человек?

– Я очень испуган, – ответил я, слыша, как завывает ветер у меня за спиной.

Товарняк набрал ход, и мирно спящий Зефир остался где-то позади.

– Можешь присесть, если хочешь, – предложил мне Принси. – Здесь не очень чисто, но ведь никто не обещал тебе дворец, верно?

Я тоскливо оглянулся на дверь. Поезд уже мчался, наверно, со скоростью...

– ...Не меньше шестидесяти миль в час, – предположил Принси. –

Что-то около шестидесяти четырех, если точнее. Так мне кажется. Я хорошо чувствую ветер.

Я присел на мешки, выбрав местечко подальше от всех.

– Итак, Кори, – продолжал Принси, засовывая руки в карманы пальто, – не соблаговолишь ли поведать нам, куда ты держишь путь?

– Думаю, что я... Стоп, минутку. Разве я называл вам свое имя?

– Безусловно. Как и положено при знакомстве любому приличному человеку.

– Но я не помню этого.

Франклин расхохотался. Его смех наводил на мысль о пустой железной бочке, по которой лупят молотком.

– Гу-у! Гу-у! Гу-у! Плинси опять за свое! Ох уж этот Плинси, вот это шутник!

– Мне кажется, что я не называл вам своего имени, – настойчиво повторил я.

– Да не будь ты так упрям, – сказал Принси. – У каждого человека есть имя. Назови же нам свое.

– Ко... – начал я и осекся. Интересно, кто из нас спятил, я или они, все трое? – Кори Маккенсон, – закончил я, – из Зефира.

– И ты направляешься?..

– А куда идет этот поезд? – спросил я.

– Из ниоткуда, – с улыбкой ответил Принси, – в никуда.

Я оглянулся на Ахмета. Сидя на корточках, он пристально разглядывал меня поверх колеблющихся огоньков свечей. Его тощие, высохшие ноги были обуты в сандалии, из которых виднелись пальцы с ногтями длиной не менее двух дюймов.

– Холодно, наверно, ходить в сандалиях на босу ногу? – спросил его я.

– Ахмету все равно, – отозвался Принси. – Эта обувь как раз для него. Ведь он египтянин.

– Египтянин? Как же он попал сюда?

– Его путь был долог и усыпан прахом, – уверил меня Принси.

– Кто же вы такие? Может, вы...

– Ты сразу все поймешь, если проявишь немного смекалки. Бокс, вот и весь ответ, – проговорил Принси, тяжело, как лопатой, переворачивая слова во рту. – Ты слышал когда-нибудь о человеке по имени Франклин Фицджеральд? Он известен также как Большой Филли Фрэнк?

– Нет, сэр.

– Тогда зачем ты сказал нам, что знаешь его?

– Я... так сказал?

– Познакомься с Франклином Фицджеральдом.

Принси кивнул в сторону великана, стоявшего в углу.

– Привет, – пролепетал я.

– Плиятно познакомиться, – отозвался Франклин.

– Меня зовут Принси фон Кулик. А это – Ахмет Не-Выговоришь-Кто.

– Ги-ги-ги. – Франклин смущенно прикрыл рот пятерней с покрытыми шрамами костяшками.

– Так вы не американец? – спросил я Принси.

– Я гражданин мира, к вашим услугам, – поклонился тот.

– А откуда вы прибыли сюда? – поинтересовался я.

– Я принадлежу к народу, у которого нет родины. По сути дела, и народом его не назовешь. – Принси снова улыбнулся. – Да, не народ. Но мне это нравится. Мою страну столько раз завоевывали и грабили иноземные захватчики, что на ней просто клейма некуда ставить. Здесь, в ваших краях, гораздо легче выжить.

– Вы тоже боксер?

– Я? – Принси скривился, словно ему в рот попало что-то горькое. – О нет! Я мозг, дополняющий мускулы Франклина. Я его менеджер.

Ахмета же можно назвать тренером. Мы прекрасно ладим, за исключением тех дней, когда готовы убить друг друга.

– Го-го! – громыхнул Франклин.

– В данный момент мы держим путь из последнего места, где находились, в следующий пункт, где вскоре окажемся. – Принси слегка пожал плечами. – Вот так мы и существуем.

Пообвыкнув, я решил, что, каким бы пугающим ни казалось поначалу это трио, никто из них не собирается меня обижать.

– А часто мистеру Фицджеральду приходится драться? – поинтересовался я.

– Франклин способен вступить в бой в любое время, в любом месте и с любым противником. К сожалению, из-за внушительных размеров быстрота его движений оставляет желать лучшего.

– Плинси хочет сказать, что я медлительный, – пояснил Франклин.

– Именно. Что ты можешь к этому добавить, Фрэнки?

Брови гиганта нависли у него над переносицей, и мне почудилось, что они вот-вот рухнут на землю, – столь нелегким оказался для него заданный вопрос.

– У меня нет инстинкта убийцы, – добавил он наконец.

– Но мы усердно работаем над этим, верно, Молчаливый Сэм?^[33] – спросил Принси египтянина.

Ахмет обнажил в улыбке свои желтые кривые зубы и энергично закивал. Я подумал, что ему надо быть осторожнее, чтобы голова не сорвалась с плеч.

Взгляд мой наткнулся на болты в шее у Франклина.

– Мистер Принси, а откуда у мистера Фицджеральда эти болты?

– Дело в том, что Франклин состоит из многих частей, – начал объяснение Принси, а Франклин снова хихикнул. – Некоторая часть его составляющих имеет свойство со временем ржаветь. Его бои на боксерском ринге не всегда заканчивались для него благополучно. Короче говоря, у него такое количество переломов, что докторам пришлось скреплять его сломанные кости проволокой. Эти болты крепятся к металлическому стержню, который поддерживает позвоночник Франклина. Это болезненно, но такова необходимость.

– Эй, – подал голос Франклин, – это вовсе не так больно.

– У нашего Фрэнки сердце льва, – пояснил Принси. – К сожалению, это сочетается с разумом мыши.

– Ги-ги-ги! Этот Плинси такой болтун!

– Меня мучит жажда, – сказал Принси и поднялся с места.

Он тоже был высок, где-то шесть футов четыре дюйма, и худ, хотя ему было далеко до тощего, как жердь, Ахмета.

– Тогда делжи.

Франклин протянул Принси свое питье.

– Нет, это мне не нужно! – Бледная рука Принси отстранила флягу. – Мне хочется... Я не знаю, чего мне хочется.

Он оглянулся на меня:

– С тобой такое бывало, когда тебе чего-то хочется, а чего – никак не можешь понять?

– Конечно, сэр, – с готовностью откликнулся я. – Однажды я думал, что хочу кока-колу, а на самом деле мне хотелось пива из корнеплодов.

– Вот именно. У меня в горле так же сухо и пыльно, как под подушкой у Ахмета!

Прошествовав мимо меня, Принси выглянул, чтобы полюбоваться проносящимся лесом. Снаружи не было ни огонька – только темные деревья на фоне звездного неба.

– Итак! – воскликнул он. – Теперь ты узнал, кто мы такие. А как насчет тебя? Сдается мне, что ты решил сбежать из дома?

– Нет, сэр. Я хочу сказать... что просто решил ненадолго уехать, вот и все.

– Неприятности в школе? Или поссорился с родителями?

– И то и другое, – ответил я.

Прислонившись спиной к стене вагона рядом с приоткрытой дверью, Принси понимающе кивнул:

– Обычные невзгоды в жизни каждого мальчика. Поверь, Кори, мне это знакомо. Я тоже сбегал из дома, думая, что это ненадолго. Ты полагаешь, это поможет решить твои проблемы?

– Я не знаю. Ничего другого мне не пришло в голову.

– Мир совсем не похож на твой родной Зефир. Он не знает жалости к маленьким мальчикам. Мир может быть прекрасным, но бывает и жестоким, и подлым. Это следует знать.

– Правда? – усомнился я.

– Это так же верно, как то, что мы странствуем уже много лет. Нам довелось повидать мир, и мы знаем людей, населяющих его. Иной раз, когда я размышляю об этом мире, меня охватывает страх: вокруг полно

насилия, грубости, неуважения к людям. И увы, Кори, год от года мир не меняется к лучшему – он становится все хуже и хуже.

Принси взглянул на небо, где по пятам за нами неслась луна.

– «О мир, о мир превратный! – продекламировал он. – Несчастья так нам ухудшают жизнь, что облегчают смерть»^[34].

– Как мило, – проворковал Франклин.

– Это Шекспир, – счел необходимым пояснить Принси. – Его рассуждения о вечных бедах человечества.

Повернувшись спиной к луне, он взглянул на меня своими алыми зрачками:

– Хочешь услышать совет от выдавшего виды скитальца, Кори?

Мне не особенно этого хотелось, но из вежливости я кивнул:

– Конечно, сэр.

Принси выглядел озадаченным, словно он сумел прочитать мои мысли.

– Так или иначе, я считаю себя обязанным дать тебе этот совет. Не торопись взрослеть. Оставайся мальчиком так долго, как только сможешь, потому что стоит только растерять магию детства, обратно ее вернуть не удастся, как бы ты ни старался.

Мне показалось, что я уже где-то слышал это, но не смог вспомнить, кто говорил мне нечто подобное.

– Но ты все равно не прочь повидать мир, верно, Кори? – с улыбкой спросил Принси.

Я кивнул, загипнотизированный его горящими зрачками.

– Тогда считай, что тебе крупно повезло. Я вижу огни большого города.

Вскочив, я выглянул за дверь. Вдали, за извилистой линией драконьего хребта холмов, звездное небо словно было промыто земным свечением.

Принси объяснил, что, как только товарный состав замедлит ход перед станцией, мы сможем покинуть вагон без риска сломать себе ноги.

Город медленно поднимался ввысь по обе стороны от нас, деревянные приземистые постройки сменились кирпичными и каменными домами. Даже в этот поздний час город наполняла жизнь. Жужжали, перемигиваясь, неоновые вывески. По улицам торопливо катили машины, по тротуарам брели темные фигуры. Состав

загрохотал по рельсам, где железнодорожные пути, перекрещиваясь, расходились во все стороны, где вокруг спали другие поезда, и начал замедлять ход. Наконец, когда скорость поезда сравнялась со скоростью пешехода, огромные башмаки Франклина коснулись земли. За великаном, подняв облачко пыли, выбрался наружу Ахмет.

– Если собираешься выходить, то сейчас самое время, – сказал Принси, стоявший за моей спиной.

Я спрыгнул и удачно приземлился. За мной последовал Принси. Мы прибыли в город, и я понял, что меня и мой дом разделяют многие мили.

Мы пошли вдоль железнодорожных путей, слыша вокруг свистки и пыхтение паровозов. В воздухе пахло гарью, но то был холодный огонь. Принси сказал, что нам нужно подыскать какое-нибудь место для ночлега. Мы углубились в переплетение серых улиц с высокими серыми домами, время от времени останавливаясь, чтобы дождаться Франклина, который действительно оказался невероятно медлительным.

Наконец мы добрались до района, где сплошные стены домов перемежались узкими переулками, свет неоновых фонарей отражался в лужах стоячей воды, а асфальт был испещрен выбоинами и трещинами. Проходя мимо одного из переулков, я услышал приглушенное рычание, за которым последовал звук ударов по человеческому телу. Я остановился и увидел, что один мужчина держал другого под руки, а третий методично бил его кулаками в лицо. Из носа и рта избиваемого текла кровь, его глаза были мокрыми от слез, в них застыли изумление и страх. Человек, работавший кулаками, делал свое дело не спеша, совершенно спокойно, словно рубил дерево.

– Говори, где деньги, сукин сын, – твердил первый мужчина тихим и злобным голосом. – Говори, все равно ведь отдашь!

Избиение продолжалось, костяшки пальцев третьего мужчины уже были обгарены алой кровью. Жертва стонала и всхлипывала, а кулаки продолжали взлетать и обрушиваться на покрытое синяками, распухшее лицо несчастного.

Бледная рука стиснула мое плечо.

– Мы ведь идем своей дорогой, Кори? Так будет лучше.

Невдалеке от нас подъехала к тротуару и затормозила полицейская машина. Из нее вылезли двое полицейских и встали слева и справа от

человека с длинными волосами, в грязной одежде. Полицейские были крепкие и упитанные, их револьверы блестели в кобурах из черной кожи. Подавшись вперед, один из них что-то прокричал прямо в лицо длинноволосому человеку. Потом второй полицейский, схватив его за волосы, развернул кругом и ударил лицом о ветровое стекло машины. К моему изумлению, стекло даже не треснуло, но колени длинноволосого подкосились. Полицейские принялись запихивать его в машину, и тот даже не пытался сопротивляться. Когда они проезжали мимо, я на мгновение увидел лицо длинноволосого, тарасившегося через окно, – с его разбитого лба стекали струйки крови.

Из открытой двери дома доносилась музыка. В ней отсутствовали мелодия и смысл, звучал только ритм. Рядом прямо в луже собственной мочи сидел, опираясь спиной о стену, мужчина. Он бессмысленно улыбался, глядя в пространство перед собой. К нему подошли двое парней, один из них держал в руках жестяную канистру с бензином.

– Эй, давай поднимайся! – крикнули они и стали пинать его ногами.

Но тот продолжал улыбаться с отсутствующим видом.

– Поднимайся, поднимайся! – насмешливо передразнил он их.

В следующее мгновение он оказался с головы до ног облит бензином. Один из парней выхватил из кармана коробок спичек.

Принси увлек меня за угол. Франклин, с унылым выражением на лице тащившийся позади Ахмета, тяжело дышал.

Раздалось завывание сирены, но машина промчалась мимо. Я почувствовал, как к горлу подступает тошнота, голова раскалывалась от боли. Все это время Принси держал свою руку на моем плече – от этого становилось чуточку спокойнее.

На перекрестке в мигающем неоновом свете стояли четыре женщины. Все они были примерно одного возраста – помоложе мамы, но постарше Чили Уиллоу. Платья так туго обтягивали их тела, что казались нарисованными на коже. Может быть, они ждали какую-то важную персону. Когда мы проходили мимо них, я почувствовал аромат духов. Внимательнее всмотревшись в лицо одной из них, я увидел перед собой белокурого ангела. Но это лицо выглядело лишенным жизни, напоминая мордашку красивой куклы.

– Если эта скотина будет так со мной обходиться, он горько пожалеет, – сказала блондинка другой девушке, брюнетке. – Я

заставлю этого ублюдка считаться с собой.

Возле девушек затормозила красная машина. На ангельском лице блондинки тут же появилась, словно ее включили, дежурная улыбка, обращенная к водителю. Остальные девушки столпились вокруг нее, в их глазах горела тщетная надежда.

Мне не понравилось то, что я увидел, но Принси вел меня дальше.

В дверном проеме следующего дома лежала женщина, а над ней стоял, застегивая молнию на штанах, мужчина в джинсовой куртке. Лицо женщины, все в черных кровоподтеках, представляло собой сплошное месиво.

– Так тебе и надо, – говорил мужчина. – Теперь надолго запомнишь, кто твой хозяин.

Нагнувшись, он схватил женщину за волосы и рывком приподнял ее голову:

– Отвечай, сука! Теперь ты поняла, кто твой босс?

Ее опухшие глаза молили о пощаде. Окровавленный рот приоткрылся, обнажив осколки зубов.

– Ты, – прохрипела она и заплакала. – Ты босс.

– Пойдем дальше, Кори, – сказал Принси. – Не нужно останавливаться.

Я поплелся дальше. Куда ни кинешь взгляд – всюду один убогий бетон. Нигде нет ни деревца, ни клочка травы. Я поднял голову, но не увидел звезд сквозь серую пелену, затянувшую небо. Мы свернули за угол, и я услышал какой-то стук. Маленькая белая собачонка с торчащими ребрами рылась в мусорном баке, выискивая остатки пищи среди пустых консервных банок. Внезапно появившийся грузный мужчина злобно прохрипел, глядя на собачку, из пасти которой свисала банановая кожура:

– Вот я тебя и застукал.

Размахнувшись, он обрушил бейсбольную биту на спину собачки. Пронзительно завизжав от боли, она забилась на асфальте с переломанным хребтом, выронив изо рта кожуру. Стоявший над ней мужчина еще раз вскинул биту и вновь обрушил ее вниз, на этот раз на голову несчастной собачки, разбив ее вдребезги, так что не осталось ничего, ни морды, ни глаз – одна сплошная кровавая каша. Белые лапы продолжали отчаянно биться и скрести тротуар, словно собака пыталась убежать.

– Кусок дерьма, – прохрипел мужчина и наступил тяжелым башмаком на худые торчащие ребра собаки.

Слезы навернулись мне на глаза. Я пошатнулся, но рука Принси удержала меня.

– Не останавливайся, – сказал он. – Иди скорей вперед.

Я так и сделал, и скоро кровавое месиво осталось позади. Но тут я почувствовал, что меня вот-вот вырвет, и мне пришлось остановиться, прислонившись к стене из грубого камня.

– Паленек заблался слишком далеко от дома, Плинси, – проговорил за моей спиной Франклин. – Это неполадок.

– Ты думаешь, *мне* это нравится? – отозвался Принси.

Дойдя до края стены, я снова остановился. Впереди светило окно, за которым находилась жилая комната. Мне были слышны громкие голоса о чем-то жарко спорящих людей, но видел я только мальчика, сидящего у окна. Он был примерно моего возраста, но что-то в его лице подсказывало мне, что он значительно старше. Мальчик смотрел в пол остекленевшим взглядом, а голоса за его спиной становились все громче и громче. Неожиданно в руках мальчика появились губка и тюбик с клеем, такой же, каким я и мои друзья склеивали пластмассовые модели самолетов. Выдавлив клей на губку, мальчик поднес ее к лицу и, закрыв глаза, принялся вдыхать испарения. Через минуту он упал вместе со стулом назад, его тело затряслось в ужасных конвульсиях. Рот открылся, а зубы стали с лязганьем стучать друг о друга, то и дело прикусывая язык.

Я вздрогнул, всхлипнул и отвернулся. Рука Принси коснулась моего затылка и притянула меня к себе.

– Ты видел, Кори? – спросил он, с трудом сдерживая ярость. – Этот мир сжирает мальчиков без остатка. А ты еще не готов засунуть ручку метлы ему в глотку.

– Я хотел... я просто хотел...

– Тебе пора домой, – сказал Принси. – Обрато в Зефир.

Сам не знаю как, мы снова оказались на железнодорожной станции. Принси сказал, что они проедут часть пути вместе со мной, чтобы удостовериться, что я сел в нужный мне поезд. Через несколько минут к нам подкатил на малой скорости товарняк Южной железнодорожной компании, один из вагонов был приоткрыт.

– Садимся! – крикнул Принси и прыгнул.

За ним последовал Франклин, проделавший все достаточно ловко и быстро, несмотря на свои огромные башмаки. Затем в вагон прыгнул Ахмет, подняв облачко пыли.

Поезд набирал ход. Я бежал рядом, пытаюсь за что-то ухватиться, но не решаюсь на прыжок, потому что у этого вагона не было лесенки.

– Эй! – крикнул я. – Только не бросайте меня!

Поезд начал обгонять меня. Я поддал ходу, чтобы не отстать. В темном проеме двери никого не было – ни Принси, ни Франклина, ни Ахмета.

– Не бросайте меня! – что есть силы закричал я, чувствуя слабость в ногах.

– Прыгай, Кори! – крикнул из темноты Принси. – Прыгай!

Рядом со мной скрежетали тонны стали.

– Я боюсь! – крикнул я в ответ, ощущая, как земля уходит из-под ног.

– Прыгай! – снова позвал Принси. – Мы тебя поймаем!

Я больше не видел их. Сколько ни вглядывался, не видел ничего, кроме тьмы. Со спины ко мне подбирался город, часть того мира, что заживо съедает мальчишек.

И мне не оставалось ничего другого – только верить.

Бросившись вперед, я нырнул в темный зев вагонной двери.

И полетел вниз – сквозь ледяную ночь и звезды.

Внезапно мои глаза раскрылись.

Я услышал свисток товарного состава, который удалялся от Зефира в иной мир.

Поднявшись с земли, я сел, глядя на могилу Дэви Рэя.

Я проспал всего около десяти минут. За это короткое время я успел проделать долгий путь и вернуться назад – потрясенный и подавленный, но зато в целостности и сохранности. Я понимал, что мир за пределами Зефира не так уж плох. Я ведь много читал о нем в «Нэшнл джиографик». Я знал, как прекрасны города, музеи, памятники отваге и человеколюбию. Но часть мира оставалась от меня скрытой, как обратная сторона Луны, подобно тому как человек, убитый близ нашего городка, лежал скрытый от лунного света под толщей воды. Так же как мой Зефир, внешний мир не был однозначно плох или хорош. Принси, кем бы он ни был, прав: прежде чем мне доведется лицом к лицу предстать перед этим чудовищем, я должен вырасти и

повзрослеть. А сейчас я просто мальчик, который хочет засыпать ночью в своей кровати и просыпаться утром в доме, где есть отец и мама. Необходимость извиняться перед Луженой Глоткой по-прежнему лежала на мне тяжелым грузом. Я должен был пробиться сквозь джунгли, в которых оказался.

Я стоял при свете сияющих звезд и с печалью смотрел на свежую могилу.

– Прощай, Дэви Рэй, – сказал я и, забравшись на Ракету, покатил к дому.

На следующий день мама заметила, что у меня утомленный вид. Она спросила, не мучают ли меня по ночам кошмары. Я ответил, что со своими проблемами вполне могу справиться сам. На завтрак мама приготовила превосходные блины.

Я так и не написал никакого извинения, сидя вечером в своей комнате один, а чудовища сочувственно смотрели на меня со стен. Я слышал, как в разное время четыре раза звонил телефон. Потом пришли отец и мама, чтобы поговорить со мной.

– Почему ты ничего нам не сказал? – спросил отец. – Мы не знали, что эта ваша учительница так издевается над учениками.

Как я уже говорил, отец знал по собственному опыту, как туго приходится, когда тебя третируют.

Нам позвонили родители моих одноклассников: мама Салли Мичем, усатая мамаша Демона, отец Лэдда Девайна и мать Джо Петерсона. Они рассказали моим родителям о том, что услышали от своих детей, и все в один голос заявили: пусть я и не прав, что вышел из себя и распустил руки, сбив очки с носа Луженой Глотки, но та тоже во многом виновата.

– Учитель не имеет права называть ученика дубиной стоеросовой. Все люди заслуживают уважения независимо от возраста, – сказал отец. – Завтра я собираюсь поговорить с мистером Кардинале и прояснить ситуацию.

Отец озадаченно посмотрел на меня:

– Но почему ты ничего не рассказал нам, Кори?

Я пожал плечами:

– Наверно, потому, что не рассчитывал на твою поддержку.

– Да-а, – протянул отец, – выходит, мы недостаточно верили в тебя, приятель.

И взъерошил мне волосы.
Как здорово иногда бывает вернуться домой!

Глава 3

Лоскутки одеяла

Отец сдержал обещание. Он действительно отправился с визитом к мистеру Кардинале. Директор, до которого от других учителей давно доходили слухи, что Луженая Глотка окончательно распоясалась, решил, что тех дней, что я провел под домашним арестом, вполне достаточно для наказания. Мне было позволено вернуться в школу. Приносить извинения больше не было необходимости.

В школе меня приняли как героя-победителя. В ближайшие годы со мной не мог бы сравниться славой ни один астронавт, даже те из них, кто побывал на Луне. Луженая Глотка была угрюма и унижена: суровый выговор директора Кардинале рождественскими колоколами звенел в ее голове. Но и я тоже наломал дров и должен был признать свою долю вины. Вот почему в первый же день по возвращении в школу, а он был последним днем учебы перед началом рождественских каникул, как только закончилась переключка, я поднял руку. Луженая Глотка раздраженно спросила:

– В чем дело?

Я поднялся с места. Все глаза были устремлены на меня в ожидании очередного героического жеста в великой войне с несправедливостью, ущемлением прав и запретом на виноградную жевательную резинку.

– Миссис Харпер... – начал я и остановился, ощутив, как поколебалась моя благородная решимость.

– Давай говори, да побыстрее! – брызнула слюной Гарпия. – Я не умею читать мысли, дубина ты стоеросовая!

Что бы ни сказал Гарпии мистер Кардинале, этого явно не хватило, чтобы она сложила оружие. Тем не менее я решил продолжить, зная, что поступаю правильно:

– Я не имел права поднимать на вас руку, миссис Харпер. Приношу вам свои извинения.

О повергнутые герои! О колоссы на ногах из хлипкой глины! О могучие воины, которые пали от укуса крошечной мухи, проникшей к ним под доспехи сквозь едва различимую щель! Я понял, что они

испытывали в тяжкую минуту, когда услышал неодобрительный гул и шепот разочарования, распутившиеся вокруг меня, подобно горьким цветам. Сойдя с пьедестала, я тут же угодил в выгребную яму.

– Ты приносишь извинения? – Луженая Глотка, казалось, была поражена больше всех остальных. Она сняла с носа очки и тут же нацепила их обратно. – Ты хочешь сказать, что виноват передо мной?

– Да, мэм.

– Ну что ж... ну что ж...

Она явно растерялась и не могла найти нужных слов. Она ступила в незнакомые ей воды великодушия и прощения и осторожно нащупывала дно под ногами.

– Я не знаю... что и сказать...

Возможность прощения манила ее – великодушие, исполненное красоты и волшебной силы, милосердие, прекрасное своей быстротечностью. Я увидел, как ее лицо стало расслабляться и разглаживаться.

– ...Хотя... – Миссис Харпер с трудом сглотнула. Наверно, у нее встал в горле комок от волнения. – Хотя я рада, что у тебя в конце концов хватило ума извиниться, дубина ты стоеросовая!

Комок в ее горле определенно был горстью гвоздей. Исторгнув его наружу, она наконец смогла внятно изъясняться:

– Сядь на место и открой учебник математики!

Выражение ее лица вовсе не смягчилось, решил я, со вздохом усаживаясь на место. Это было лишь секундное затишье перед новым сильным порывом ветра.

Среди оглашаемого воплями бедлама, в который превращалась школа в большую перемену, пока Луженая Глотка распекала какого-то несчастного мальчишку за то, что тот извел все свои обеденные деньги на бейсбольные карточки, я заметил, как Демон выскользнула из столовой. Она вернулась примерно через пять минут и, прежде чем Луженая Глотка успела заметить ее отсутствие, с невинным видом устроилась на своем месте возле самой двери. Я обратил внимание, что Демон и окружающие ее девочки переглядываются и хихикают, явно что-то замышляя.

Прозвенел звонок, и мы гурьбой повалили в класс. Вместе с нами за свой стол с плотоядным видом львицы, выписывающей круги вокруг мясной кости, уселась Луженая Глотка.

– Открыть книги по истории Алабамы! – проорала она. – Глава десятая! Период Реконструкции! Живо!

Она потянулась за собственным учебником истории, и я услышал, как из ее горла вырвался придушенный хриплый звук.

Оказалось, что книгу невозможно оторвать от стола. На глазах у всего класса Луженая Глотка схватила книгу обеими руками и, упершись локтями в стол, потянула изо всех сил, но книга осталась лежать на своем месте. Кто-то фыркнул, с трудом сдерживая смех.

– Что тут смешного? – рявкнула классная, с яростью взирая на нас. – Кто думает, что это смешно... – начала она, но тут же вскрикнула от испуга, потому что ее локти наотрез отказались покидать поверхность стола.

Чувствуя подвох, Луженая Глотка предприняла попытку подняться с места. Но ее обширный зад тоже не захотел расставаться с сиденьем, а когда она приподнялась выше, то вслед за юбкой потянулся и стул.

– Что происходит? – выкрикнула она.

Большая часть класса, включая и меня самого, уже визжала от смеха. Луженая Глотка дернулась было к двери и тут же с ужасом обнаружила, что ее крепкие коричневые туфли прочно прилипли к полу, словно прибитые гвоздями. Так она и осталась сидеть, скрючившись за столом, задом приклеившись к стулу, словно притянутая подошвами к незримому магниту, влипнув локтями в стол. Со стороны могло показаться, что Луженая Глотка склонилась перед нами в глубоком поклоне, но на ее перекошенном от ярости лице не было и следа учтивости.

– Помогите! – завопила Луженая Глотка; на ее глаза навернулись слезы, она была близка к помешательству. – Кто-нибудь, помогите мне!

Крики о помощи были направлены в сторону двери, но все так смеялись и кричали, что ее вопли едва ли были слышны по ту сторону стекла. Рванувшись, она сумела-таки высвободить один локоть ценой разорванного платья, но тут же, по ошибке опершись свободной рукой о столешницу, вновь оказалась скованной по рукам и ногам.

– Помогите! – опять заорала она. – Кто-нибудь, освободите меня!

В конце концов директор школы мистер Кардинале прислал чернокожего сторожа мистера Денниса освободить Луженую Глотку из плена. Для того чтобы одолеть прочную субстанцию, прикрепившую различные части Луженой Глотки к столу, стулу и полу,

мистер Деннис в конце концов был вынужден воспользоваться слесарной ножовкой. В процессе отпиливания рука мистера Денниса нечаянно соскользнула, и Гарпия лишилась небольшого клочка кожи.

После того как Луженую Глотку, пыхтевшую и бессвязно бормотавшую всякую чушь, увезли на каталке «скорой помощи» по украшенному остролистом коридору прочь из школы, я услышал, как мистер Деннис сказал директору Кардинале, что это был самый крепкий клей, с которым ему доводилось иметь дело. По словам мистера Денниса выходило, что вещество это меняло цвет в зависимости от того, на что было намазано, становясь совершенно незаметным. Клей почти не имел запаха, разве что чуть-чуть отдавал дрожжами. Под конец мистер Деннис добавил, что Луженой Глотке, которую он почтительно величал миссис Харпер, еще сильно повезло, что ее кисти не оторвались от запястий, настолько сильным оказался клей. Мистер Кардинале зашелся в припадке ярости, но во всем классе не было обнаружено ничего, что напоминало бы баночку или тюбик для хранения клея. Директор топал ногами, кляня детей, которые становятся такими коварными и дерзкими в своих шалостях.

Мистер Кардинале плохо знал Демона. Я так и не сумел ничего выяснить точно, но подозреваю, что она заранее подвесила бутылку с клеем за окном на прочной леске и, пока весь класс уминал ланч, втянула клей в окошко и исполнила задуманное. Когда все необходимые поверхности оказались смазаны, бутылка была выброшена через окно на газон, чтобы можно было незаметно подобрать ее там после уроков. Я никогда не слышал о клее, который держал бы так прочно. Позднее я узнал, что Демон сварила клей сама, используя для него в качестве ингредиентов ил со дна Текумсе, пригоршню земли с кладбища Поултер-Хилл и кое-какие рецепты своей матери, например пирога, который та стряпала на день рождения дочери. С тех пор я даже думать не мог, что когда-нибудь решусь отведать дьявольской стряпни миссис Сатли. Кстати, миссис Сатли называла свой пирог «суперским», что в какой-то мере отражало его суть.

Я понимал: за тем, что Демону удалось перескочить сразу через класс, стояли объективные причины, но никогда не догадывался, что подлинный ее талант лежал в области химии.

В один промозглый день мы с отцом отправились в лес. Выбрав подходящую небольшую елку, мы срубили ее и принесли домой. В тот же вечер мама налущила кукурузы, и мы все вместе развесили на елке бусы из кукурузных зерен, блестящую серебряную и золотую мишуру и прочие рождественские украшения, которые весь год хранились в картонной коробке в чулане, чтобы быть извлеченными оттуда всего на одну неделю.

Бен разучивал рождественские гимны. Я несколько раз пытался дознаться у него, есть ли у мисс Гласс Зеленой попугай, но ничего определенного он так и не сказал. Никакого зеленого попугая он ни разу не видел, хотя и допускал, что сестры могли что-то прятать в задних комнатах своего домика.

Мы с отцом сходили в магазин и купили маме поваренную книгу и новую сковородку, а потом мы с мамой купили отцу несколько пар носков и белье. Отец в одиночку наведалься к Вулворту и приобрел для мамы флакончик духов, а она приготовила ему в подарок клетчатый шарф. Таким образом, я хорошо был осведомлен, что находилось внутри красивых пакетов, разложенных под елкой, и испытывал от этого приятное чувство. Ничего не знал я только о содержимом двух пакетов с моим именем. Один из них был побольше, другой – поменьше: внутри их хранились тайны, ожидавшие назначенного часа.

Я сходил с ума от желания снять телефонную трубку и набрать номер сестер Гласс. В последний раз, когда подобная мысль пришла мне в голову, разыгралась трагедия. Однако я никогда не забывал о зеленом перышке. Очнувшись от очередного сна, в котором четыре негритянские девочки звали меня по имени, я протер глаза, щурясь от зимнего солнца, и взял зеленое перышко с ночного столика, куда положил его еще с вечера. Я решил не звонить сестрам Гласс, а лично навеститься к ним.

Оседлав Ракету, я покатил по улицам Зефира, украшенным к Рождеству гирляндами, к пряничному домику на Шентак-стрит. Нащупав в кармане перышко, я поднялся на крыльцо и постучал в дверь дома сестер Гласс.

Мне открыла мисс Гласс Голубая. Было еще довольно рано, едва минуло девять утра. На мисс Гласс Голубой был лазурный халат, на ногах – стеганые голубые шлепанцы. Ее светлые волосы были убраны

в обычную высокую, как Маттерхорн^[35], прическу, которую она, по-видимому, соорудила первым же делом, проснувшись поутру. Мисс Гласс Голубая взглянула на меня сквозь свои очки в черной оправе с толстыми стеклами. Под глазами у нее залегли темные круги.

– А, Кори Маккенсон, – проговорила она вялым голосом. – Что привело тебя ко мне?

– Я могу войти к вам на минутку?

– Я в доме одна.

– Гм... Я только на минуточку.

– Я одна, – повторила мисс Гласс Голубая, и я заметил, как на ее глаза за стеклами очков навернулись слезы.

Она вошла в дом, оставив дверь открытой. Я прошел вслед за мисс Голубой в жилище, по-прежнему являвшее собою музей изящных и легко бьющихся вещиц, каким я увидел его во время первого урока Бена. И тем не менее... чего-то не хватало.

– Я одна, – в очередной раз сказала мисс Гласс Голубая. И, рухнув на хлипкий диван, разрыдалась.

Чтобы не напустить в комнату холод, я притворил за собой дверь и вошел в гостиную.

– А где мисс Зел... я хотел сказать, ваша сестра мисс Гласс?

– Нет больше мисс Гласс, – ответила мисс Голубая с гримасой боли на лице.

– Ее нет дома? – не понял я.

– Нет. Она сейчас... только небесам известно, где она сейчас.

Мисс Голубая сняла очки, чтобы промокнуть слезы голубым кружевным платочком. Приглядевшись, я обнаружил, что без очков и с несколько менее высокой прической мисс Голубая выглядит совсем не такой... устрашающей – пожалуй, это слово наиболее подходило к ситуации.

– Что случилось? – спросил я с тревогой.

– Что случилось? – повторила она. – А то, что мое сердце вырвано у меня из груди, разбито и безжалостно растоптано. Вот так!

По ее лицу заструились новые слезы.

– О господи, – почти прошептала она, – я не могу об этом даже думать!

– Вас кто-то обидел?

– Обидел?! Да меня просто предали! – воскликнула мисс Голубая. – И кто это сделал? Моя плоть и кровь!

Она взяла со столика листок светло-зеленой бумаги и протянула его мне:

– Вот, сам прочитай!

Я послушно взял листок. Текст был написан темно-зелеными чернилами изящным почерком.

Дорогая Соня! Можно ли противиться взаимному зову двух сердец? Нет, конечно, остается лишь отдаться подобной страсти. Я не могу больше сопротивляться собственному чувству. В моей душе бушует пожар страстей. Музыка всегда остается прекрасной, дорогая сестра, но ноты выцветают. А любовь правит миром, и песнь ее разносится вечно. Я просто обязана отдать свою судьбу во власть этой сладчайшей и глубочайшей симфонии. Я должна уехать с ним, Соня. У меня нет другого выбора, кроме как отдать ему себя, отдаться и душой и телом. К тому времени, когда ты будешь читать это, мы должны будем уже...

– Пожениться?

Должно быть, я это выкрикнул, потому что мисс Гласс Голубая подскочила на своем диване.

– Пожениться, – мрачно подтвердила она.

...пожениться, и я от души надеюсь, что ты сумеешь понять: таким образом мы не просто претворяем в жизнь наши бранные мечты и желания, а исполняем волю Великого Маэстро.

С любовью и наилучшими пожеланиями,

твоя сестра Катарина.

– Разве справедливо так со мной поступать, черт возьми? – спросила мисс Гласс Голубая.

Ее нижняя губа задрожала.

– И с кем же убежала ваша сестра?

Мисс Голубая назвала мне имя, от звука которого ее хрупкое тело, казалось, вот-вот переломится пополам.

– Вы хотите сказать, что ваша сестра вышла замуж... за мистера *Каткоута*?

– За Оуэна, – пролепетала сквозь слезы мисс Голубая. – Мой милый Оуэн сбежал от меня с моей собственной сестрой.

Я не мог поверить своим ушам. Оказывается, мистер Каткоут не только сбежал с мисс Гласс Зеленой и женился на ней, но еще и крутил с мисс Гласс Голубой. До сих пор я был уверен, что в нем все еще сохранилась толика ковбоя с Дикого Запада, но, как оказалось, в нем жив еще и удалой южанин, не менее дикий.

– Не кажется ли вам, что мистер Каткоут для вас несколько *староват*? – спросил я мисс Голубую, осторожно положив записку рядом с ней на софу.

– В душе мистер Каткоут все так же юн и молод, – отозвалась она, и глаза ее подернула мечтательная поволока. – О господи, как я тоскую по нему! Как мне не хватает этого мужчины!

– Я хотел вас кое о чем спросить, – поторопился сказать я, прежде чем краны мисс Голубой открылись снова. – У вашей сестры был попугай?

Теперь мисс Голубая уставилась на меня так, будто у меня с головой было не в порядке.

– Попугай? – недоверчиво переспросила она.

– Совершенно верно, мэм. Насколько я знаю, у вас был голубой попугай. Может, у вашей сестры был зеленый?

– Нет, у нее нет попугая, – ответила мисс Голубая. – Я твержу тебе, что мое сердце разбито, а ты болтаешь о каких-то попугаях!

– Прошу прощения. Мне просто нужно было узнать.

Вздыхнув, я обвел глазами комнату. Кое-что из безделушек исчезло. Я глубоко сомневался, что мисс Зеленая когда-нибудь вернется, и чувствовал, что и мисс Голубая это понимает. Птичка наконец выскользнула из клетки. Засунув правую руку в карман, я нащупал там зеленое перышко.

– Извините, что побеспокоил вас, – проговорил я, направляясь к двери.

– Я осталась одна, даже мой попугай и тот покинул меня, – пожаловалась мисс Голубая. – А ведь он был такой ласковый и внимательный.

– Да, мэм. Мне очень жаль.

– Не то что грязная жадная птица, принадлежавшая Катарине! – в ярости выкрикнула она. – Как я была слепа, почему не разглядела ее истинную суть? Оказывается, все это время она имела виды на моего Оуэна!

– Подождите! – воскликнул я. – Вы ведь только что сказали, что у вашей сестры не было попугая?

– Я сказала не так. Я сказала, что у нее *нет* больше попугая. Когда он наконец издох, дьявол в аду перевернулся!

Возвратившись от двери, я вытащил из кармана зеленое перышко и, держа на раскрытой ладони, показал ей. Мое сердце билось как сумасшедшее.

– Попугай вашей сестры был вот такого цвета, мисс Гласс? Такого, как это перо?

Она мельком взглянула на мою руку:

– Да, такого. Бог свидетель, уж я-то всегда узнаю его перья: ведь он постоянно бился в клетке и выбрасывал перья наружу. А перед смертью он почти совсем облысел.

Внезапно спохватившись, она замолчала.

– Постой-ка. Откуда у тебя перо этого исчадия ада?

– Я нашел его. В одном месте.

– Эта птица издохла... Не помню, когда же это было?

– В марте, – подсказал я, потому что знал наверняка.

– Точно, это случилось в марте. Только-только начали набухать почки на деревьях, а мы с Катариной разучивали пасхальные гимны. Но... – Мисс Голубая нахмурилась, на минутку забыв о своем разбитом сердце. – Откуда ты это знаешь, Кори Маккенсон?

– Птичка на хвосте принесла, – быстро ответил я. – А от чего умер попугай мисс Катарины?

– От мозговой лихорадки, как и мой попугай. Доктор Лезандер сказал, что среди тропических птиц это обычное явление и, если такое случается, ничего нельзя поделать.

– Доктор Лезандер?

От этого имени у меня перехватило дыхание.

– Он так любил моего попугая! Говорил, что в жизни не видел такую ласковую птицу.

Губы мисс Голубой презрительно искривились.

– А как он не любил попугая Катарины, просто ненавидел! Иногда мне казалось, что он готов убить его, как, впрочем, и я, лишь бы от него избавиться!

– Да, он вполне на это способен, – тихо проговорил я.

– На что способен? – удивленно переспросила мисс Гласс Голубая.

Я пропустил ее вопрос мимо ушей.

– Что же случилось с зеленым попугаем после того, как он умер? Доктор Лезандер забрал его?

– Нет, попугай заболел, отказался есть и пить, и Катарина сама отнесла его к доктору Лезандеру. А на следующий день попугай издох.

– От мозговой лихорадки, – добавил я.

– Да, от мозговой лихорадки, – кивнула мисс Голубая. – Почему ты задаешь такие странные вопросы, Кори? И откуда, скажи на милость, у тебя взялось это зеленое перо?

– Я не могу сказать вам... пока не могу. Мне очень жаль, мисс Гласс.

Почувяв какую-то тайну, мисс Голубая подалась вперед:

– Что ты от меня скрываешь, Кори? Если это секрет, клянусь, я не выдам его ни одной живой душе!

– Я не могу вам сказать. Честно, не могу!

Я засунул перышко обратно в карман, видя, что мисс Голубая снова опечалилась.

– Я лучше пойду. Поверьте, я ни за что не стал бы вас беспокоить, но дело очень важное.

Направляясь к двери, я заметил пианино, и тут меня внезапно пронзила мысль – словно стрела вождя Пять Раскатов Грома впилась в голову, прямо меж глаз. Я вспомнил слова Леди, что в кошмарных снах про озеро Саксон она слышит фортепианную музыку и видит руки, сжимающие рояльную струну и бейсбольную битку. В то же время я припомнил пианино, стоявшее в комнате с керамическими птичками, которые мне показывала миссис Лезандер.

– Доктор Лезандер тоже брал у вас уроки игры на фортепиано? – спросил я.

– Не он, а его жена.

Жена дока Лезандера. Массивная Вероника, похожая на лошадь.

– Когда это было? Недавно?

– Нет, лет пять назад, когда у меня было полно учеников. Когда Катарина едва не заставила нас побираться, – ледяным тоном добавила

мисс Голубая. – Насколько я помню, миссис Лезандер получила несколько золотых звездочек.

– Золотых звездочек?

– Успехи своих учеников я поощряла золотыми звездочками. По моему мнению, миссис Лезандер вполне могла бы стать профессиональной пианисткой. У нее отличные руки для игры на фортепиано. И она любила мою песню.

Лицо мисс Голубой просветлело.

– Какую песню?

Вместо ответа мисс Голубая поднялась и прошествовала к пианино. Она принялась наигрывать ту самую мелодию, которую я слышал в тот вечер, когда попугай ругался по-немецки.

– «Прекрасный мечтатель», – сказала мисс Голубая и закрыла глаза, наслаждаясь музыкой. – Увы, это все, что у меня теперь осталось. Прекрасные, прекрасные мечты.

Застыв посреди комнаты, я слушал музыку. Почему эта красивая мелодия так испугала попугая в тот вечер?

Я припомнил слова мисс Гласс Зеленой: «Это все твоя мелодия! Я же просила тебя никогда не играть эту пьесу! Он каждый раз начинает беситься!»

На что мисс Голубая ответила: «Я всегда играла эту вещь для него, и она ему нравилась!»

Сквозь сгустившуюся тьму пробился слабый лучик света, словно проблеск солнца, увиденный со дна сквозь толщу темной воды. Общая картина пока не выстраивалась, но я уже знал, что нахожусь на верном пути.

– Мисс Гласс, – обратился я к ней. Точнее, не просто обратился, а прокричал, потому что мисс Голубая, как в тот день, когда учила Бена, уже почем зря колотила по клавишам. – Мисс Гласс!

Мисс Голубая перестала играть на самой горестной ноте. Слезы стекали по ее щекам к подбородку.

– Ну, что еще?

– Эта музыка, которую вы сейчас играете... ваш попугай из-за нее тоже кричал и волновался?

– Конечно нет! Как ты мог так подумать! Это все – злые наговоры Катарины. Она сама ненавидела мою любимую мелодию.

Судя по тону, которым это было сказано, я понял, что она говорит неправду.

– Вы ведь совсем недавно снова стали давать уроки игры на фортепиано, правда? С тех пор как зеленый попугай... э-э-э... умер, вы часто играли свою любимую музыку?

Мисс Голубая задумалась.

– Насколько я помню, не слишком часто. Я несколько раз исполняла ее на репетиции в церкви, чтобы размять руки. А дома я не очень много играю, поскольку уроков сейчас не даю. Не то чтобы мне этого не хотелось, просто Катарина, – мисс Голубая произнесла это имя с презрительной усмешкой, – вечно твердила, что я причиняю боль ее утонченному слуху. И кто бы это говорил – развратная похитительница мужчин!

Свет вдали продолжал брезжить. Нечто постепенно принимало форму, но впереди лежал еще долгий путь.

– Всюду эта Катарина! – внезапно выкрикнула мисс Голубая, ударив по клавишам с такой силой, что весь инструмент сотрясся. – Я всегда на цыпочках ходила перед всемогущей Катариной, только и делала, что плясала под ее дудку! А как я ненавидела и презирала все зеленое!

Мисс Голубая поднялась с места, тощая, кипящая от негодования.

– Я сейчас же вынесу из дома все зеленое и сожгу, пусть даже для этого придется спалить все до основания! Если я больше никогда не увижу ничего зеленого, то лягу в могилу с улыбкой на устах!

Жажда разрушения разгоралась в мисс Голубой с необычайной силой. Я понял, что не вынесу этого зрелища, и взялся за дверную ручку:

– Спасибо, что смогли уделить мне минутку, мисс Гласс.

– Вот именно – мисс Гласс! – выкрикнула она. – Одна-единственная мисс Гласс! И я горжусь этим, слышишь меня, Кори Маккенсон? Я горжусь этим!

Она схватила прощальное письмо, написанное на бледно-зеленой бумаге, и, стиснув зубы, принялась рвать его на мелкие клочки. Воспользовавшись благоприятной обстановкой, я выскочил вон. Но прежде чем за мной затворилась дверь, я услышал, как со звоном опрокинулся шкаф с безделушками. Мое предчувствие меня не обмануло: грохот от падения был просто ужасающим.

По дороге домой я попытался уложить в голове все фрагменты новых знаний. «Лоскутки одеяла», как сказала бы Леди. В моих руках оказалось немало таких лоскутков, но как сложить их вместе, чтобы получился правильный узор?

Убит человек, которого никто не знает.

На месте преступления найдено перо мертвого зеленого попугая.

Другой попугай, голубой, от звуков некой красивой мелодии сходит с ума и начинает ругаться по-немецки.

Доктор Лезандер – «сова», и он на дух не переносит молоко.

Кто еще знает?

Ханнафорд?

Если зеленый попугай сдох в лечебнице дока Лезандера, как его перо очутилось возле озера?

Что связывает между собой двух мертвых попугаев, убитого мужчину и доктора Лезандера?

Добравшись до дому, я первым делом побежал к телефону. Чувствуя, что необходимость добраться до истины пересиливает страх перед возможной трагедией, я набрал номер сестер Гласс. Мисс Голубая сняла трубку только после девятого гудка, когда я уже отчаялся дождаться ответа.

– Алло?

– Мисс Гласс, это снова я, Кори Маккенсон. Мне очень нужно задать вам еще один вопрос.

– Я больше не хочу ничего слышать об этой Бенедиктине Арнольд!
[\[36\]](#)

– О ком? Нет, я хочу спросить не о вашей сестре, а о попугае. Прежде чем умереть у доктора Лезандера, ваш попугай когда-нибудь болел?

– Да, оба наших попугая заболели в один и тот же день, и мы с Катариной отнесли их к доктору Лезандеру. На следующий день ее проклятая птица умерла.

В голосе мисс Голубой послышалось раздражение.

– Да в чем дело, Кори Маккенсон, можешь ты мне, наконец, сказать? Свет, брезживший вдали, сделался немного ярче.

– Еще раз огромное спасибо, мисс Гласс, – поспешно протараторил я и повесил трубку.

Мама из кухни поинтересовалась, зачем это я звонил мисс Гласс. Я немедленно ответил, что собираюсь написать рассказ об учительнице музыки.

– Что ж, это будет чудесно, – кивнула мама.

Так я обнаружил, что профессия писателя позволяет с удобством манипулировать истиной по своему усмотрению. Надо только следить, чтобы это не стало пагубной привычкой.

Наконец я добрался до своей комнаты и там крепко призадумался. Размышления заняли немало времени, но несколько лоскутков одеяла я все-таки сумел пришить друг к другу.

Вот к какому выводу я пришел: в ночь убийства незнакомца, тогда, в марте, оба попугая находились в лечебнице у дока Лезандера. Зеленый попугай издох в ту же ночь, а голубой выжил, но приобрел привычку скверно ругаться по-немецки, стоило ему только слышать «Прекрасного мечтателя». Миссис Лезандер играет на пианино, и ей знаком «Прекрасный мечтатель».

Если это так, можно ли допустить, что, когда мисс Гласс Голубая садилась за пианино и наигрывала эту мелодию, попугай вспоминал нечто услышанное им – то, что кто-то сказал или прокричал по-немецки, сопровождая свои слова руганью, в то время как миссис Лезандер исполняла на пианино ту же самую песню? Но для чего, скажите на милость, миссис Лезандер нужно было играть на пианино, когда рядом с ней кто-то кричал и ругался?

Да, решил я. Вот именно.

Меня вдруг озарило.

Миссис Лезандер специально играла на пианино «Прекрасного мечтателя», чтобы заглушить крики и ругань. Оба попугая находились с ней в одной комнате, сидели в своих клетках. Вместе с тем казалось маловероятным, чтобы кто-то кричал и ругался там, где играла пианистка, прямо рядом с ней.

Я вспомнил голос дока Лезандера, доносившийся из вентиляционного отверстия его подвального кабинета. Док Лезандер позвал нас с отцом спуститься к нему, и мы отлично его слышали. Ему даже не было нужды подниматься по лестнице на несколько ступенек. Не для того ли миссис Лезандер весь вечер наигрывала первую же пришедшую ей на память мелодию, чтобы никто снаружи

не слышал криков в доме? А пара попугаев в комнате все слышала и запоминала.

А что, если доктор Лезандер избил в своем подвале незнакомца бейсбольной битой, а потом удушил рояльной струной? Попугаи же могли все это слышать. Возможно, избиение продолжалось всю ночь, а птицы, взбудораженные этими жуткими звуками, до утра метались в своих клетках, теряя перья. А когда ужасное преступление было совершено, доктор Лезандер и его похожая на лошадь супруга вытащили из подвала нагое тело убитого и усадили за руль его собственной машины, укрытой до времени в сарае. После этого один из них поехал на своей машине к озеру, а другой повел следом машину убитого. Почему бы и нет? Предположим, в спешке никто из них не заметил, что одно из перьев зеленого попугая вылетело из клетки и застряло в складке плаща или в кармане. Поскольку у Лезандеров аллергия на молоко, их не было в списке клиентов молочника и они не могли знать, что в это же время на десятой трассе окажется мой отец!

Кто еще знает?

Ханнафорд?

Да, события могли развиваться именно так, вполне могли.

Но совсем не исключено, что все произошло совсем не так.

Случившееся могло бы стать хорошим сюжетом для очередной загадочной истории из сериала «Братья Харди». Все доказательства, которыми я располагал, – зеленое перышко мертвого попугая и наполовину сшитое лоскутное одеяло со швами, которые грозили вот-вот разойтись. Как быть, например, с немецкими ругательствами? Док Лезандер был голландцем, а не немцем. Кем был неизвестный? Что может связывать человека с татуировкой в виде крылатого черепа на плече и ветеринара из маленького городка? Швы расходились, лоскутки могли распасться.

Но все же оставались «Прекрасный мечтатель», зеленое перышко и «Кто еще знает?».

Кто еще знает *что*? Я чувствовал: это могло стать ключом к разгадке всей шарады.

Родителям я, конечно, не сказал ни слова. Когда сомнений не останется, я им все открою. А до тех пор, пока я не пойму, что готов к этому, буду держать рот на замке. Единственное, что я знал теперь наверняка, – среди нас живет совершенно не известный нам человек.

Глава 4

Крепость мистера Моултри

За два дня до Рождества в нашем доме раздался телефонный звонок. Мама сняла трубку. Отец был на работе в «Большом Поле».

– Слушаю? – сказала мама и услышала на другом конце линии голос Чарльза Дамаронда.

Мистер Дамаронд звонил нам, чтобы пригласить нашу семью на прием, который устраивала Леди в брутонском центре досуга в честь окончания строительства и предстоящего 26 декабря открытия Музея гражданских прав. Прием должен состояться в сочельник. Одежда повседневная. Мама спросила, согласен ли я пойти, и я ответил, что, конечно, согласен. Отца даже не пришлось спрашивать, потому что он все равно не пошел бы, а кроме того, он работал в сочельник: на склад пришли коробки с яичным коктейлем^[37] и мороженая индейка, которую следовало принять и расфасовать.

Отец не имел ничего против нашего похода в Брутон. Когда мама сказала об этом, он не стал возражать – просто кивнул, а взгляд его был устремлен куда-то вдаль. Наверно, он видел большой валун на берегу озера Саксон. Вот почему мама, подкинув отца на пикапе утром в сочельник к «Большому Полу», вернулась домой, чтобы мы успели подготовиться к поездке в Центр досуга Брутона. Хотя парадной формы одежды не требовалось, мама велела мне надеть белую рубашку с галстуком. Сама она облачилась в нарядное платье, и мы отправились в Брутон.

Одна из интересных особенностей климата южной Алабамы состоит в том, что, хотя в октябре может здорово подморозить, а в ноябре выпасть снег, на Рождество погода в этих краях всегда стоит теплая. Не то чтобы как в июле, но не хуже бабьего лета, это точно. Тот год тоже не стал исключением. Свитер, который я надел, оказался совершенно лишним: когда мы добрались до красного кирпичного здания Центра досуга рядом с баскетбольной площадкой на Бакхарт-стрит, я здорово вспотел.

Красная стрелка указывала на Брутонский музей гражданских прав – выкрашенное в белый цвет деревянное строение размером с крупный жилой трейлер, пристроенное к Центру досуга. Белое здание музея было окружено красной ленточкой. До официального открытия оставалось еще два дня, но на парковке стояло много машин и чувствовалось сильное оживление. Приехавшие на машинах – в основном черные, но было здесь и несколько белых – проходили в Центр досуга. Мы с мамой пошли за ними следом.

В главном зале, где на стенах были развешены рождественские венки из сосновых шишек и стояла большая украшенная елка с красными и зелеными гирляндами на ветвях, пришедшие выстроились в очередь, чтобы расписаться в книге посетителей, которой заведовала миссис Вельвадайн. Гости наливали себе напиток цвета лайма из вместительной чаши. На столиках располагалось праздничное угощение: чипсы, соусы и маленькие сэндвичи, пара индеек, прожаренных до золотистой корочки и поджидających, пока их разрежут, коротенькие колбаски и два увесистых окорока. Три последних стола оказались буквально уставлены яствами: торты, пудинги, пироги – всего вволю. Жаль, что отец не пришел сюда, хотя бы для того, чтобы взглянуть на это изобилие. Настроение царило веселое и праздничное, люди оживленно болтали и угощались под аккомпанемент двух скрипок. Обстановка была самая непринужденная, хотя присутствующие принарядились словно на бал. Преобладали костюмы и воскресные платья, мелькали белые перчатки и шляпки, украшенные цветами. В этой пестроте красок и богатстве нарядов даже павлин ощутил бы себя мокрой курицей. Собравшиеся гордились Брутоном и самими собой, это было ясно без слов.

Нила Кастайл подошла к нам и крепко обняла маму. Потом вручила нам картонные тарелки и провела сквозь толпу. Индейку как раз собрались резать; если мы не поторопимся, лучшие куски расхватывают. По пути Нила Кастайл указала на мистера Торнберри, который, облачившись по случаю праздника в мешковатый коричневый костюм, отплясывал под пиликанье скрипачей. Улыбавшийся во весь рот Гэвин пытался не отставать от дедушки. Мистер Лайтфут, элегантный, как Кэри Грант^[38], в своем черном костюме с бархатными лацканами, медленно продвигался сквозь толпу с картонной тарелкой, на которой были уложены слоями ломтики

ветчины, куски пирога и сэндвичи, немислимым образом сохраняя равновесие. Нам с мамой до краев наполнили тарелки всякой вкусной едой, лаймовая шипучка пузырилась в высоких стаканах. Появились Чарльз Дамаронд с женой. Они поблагодарили маму за то, что она нашла время заглянуть на праздник. Мама сказала в ответ, что не пропустила бы его ни за что на свете. Вокруг сновали дети, их бабушки и дедушки тщетно пытались их догнать. Повернувшись ко мне с лукавой улыбкой на устах, мистер Деннис спросил, не знаю ли я, случайно, что за проказник намазал клеем стол несчастной миссис Харпер, да так ловко, что та завязла, как муха в патоке. Я ответил, что у меня есть на этот счет некоторые соображения, но ничего конкретного я сказать не могу. Мистер Деннис спросил, не имею ли я в виду некую обладательницу козавчатого носа. Я ответил, что это не исключено.

Кто-то заиграл на аккордеоне, кто-то достал губную гармошку, и скрипки немедленно подхватили мотив. Какая-то пожилая дама в платье цвета свежей орхидеи пустилась в пляс с мистером Торнберри, и, по-моему, в этот момент он очень радовался тому, что остался в живых. Мужчина с бородкой серо-стального цвета схватил меня за плечо и, низко наклонившись, прошептал в самое ухо:

– Значит, взял да и засунул ручку от метлы ему прямо в глотку? Вот это здорово, хе-хе-хе!

Крепко сжав на прощание мое плечо, мужчина исчез в толпе.

Миссис Вельвадайн и другая такая же полная дама, обе в платьях с цветочными узорами, настолько яркими, что природа блекла рядом с ними, поднявшись на сцену, шутивными криками согнали с нее музыкантов. Встав перед микрофоном, миссис Вельвадайн сказала, что Леди счастлива приветствовать всех пришедших разделить с ней эту радость. Музей гражданских прав, на строительство которого было отдано столько сил, почти готов. Он откроется на следующий день после Рождества и расскажет не только о жителях Брутона, но и о той борьбе, что позволила им стать такими, какие они есть. Сражения еще предстоят; не надо думать, что впереди все безоблачно. И хотя многого надо добиться, пройден уже немалый путь – именно это должен продемонстрировать Брутонский музей гражданских прав.

Во время этой речи мистер Дамаронд подошел к нам с мамой.

– Она хочет повидаться с вами, – тихонько прошептал он маме на ухо.

Не стоило объяснять, о ком шла речь, – мы молча двинулись за ним следом.

Из зала мы вышли в коридор, по пути миновав комнату со столом для пинг-понга, мишенями для дартса на стенах и автоматом для игры в пинбол. В другой комнате стояли рядом четыре доски для игры в шаффлборд^[39], а в следующей – спортивные снаряды и боксерская груша. В конце коридора мы подошли к белой двери, еще пахнувшей свежей краской. Мистер Дамаронд открыл дверь и пропустил нас вперед.

Мы оказались в Музее гражданских прав. Деревянный пол был покрыт лаком, свет притушен. За стеклянными витринами на черных манекенах демонстрировались подлинные одеяния рабов и белых южан времен Гражданской войны, а также примитивные глиняные горшки, вышивка и кружева. В отделе с книжными полками хранилось примерно с сотню тонких томиков, переплетенных в кожу. Книжки были похожи на дневники или блокноты. На стенах висели увеличенные черно-белые фотографии. На одной из них я увидел Мартина Лютера Кинга, а на другой – губернатора Уоллеса^[40], заслоняющего собой вход в школу.

Посреди комнаты стояла Леди, в платье из белого шелка и в белых перчатках, по локоть закрывавших ее тонкие руки. Ее голову покрывала белая шляпка с широкими полями, под которой сияли прекрасные изумрудные глаза.

– Вот это, – сказала она нам, – моя мечта.

– Все чудесно, – ответила мама.

– Это необходимо, – поправила маму Леди. – Никто в целом мире не сможет понять, куда он идет, пока у него не окажется под рукой карты тех мест, которые он уже успел посетить. Ваш муж не пришел?

– Сегодня он на работе.

– Он теперь не на молочной ферме, насколько я знаю?

Мама кивнула. У меня сложилось впечатление, что Леди знает, где сейчас работает отец.

– Привет, Кори, – поздоровалась со мной Леди. – Недавно тебе снова пришлось пережить приключение?

– Да, мэм.

– Если ты всерьез собрался стать писателем, тебе стоит обратить внимание на эти книги.

Леди кивнула в сторону полок:

– Ты знаешь, что это?

Я ответил, что нет, не знаю.

– Это дневники, – объяснила Леди. – Голоса людей, которые жили в этих местах задолго до нас. Кстати говоря, не только чернокожих. Если кто-нибудь захочет узнать, как жили люди сто лет назад, – вот они, эти голоса, они ждут его здесь.

Подойдя к одной из стеклянных витрин, Леди провела по ней затылком в перчатку пальцами, проверяя, нет ли пыли. Не обнаружив ее следов, Леди что-то удовлетворенно пробормотала.

– По моему твердому убеждению, каждый должен знать, откуда он пришел. И это относится не только к чернокожим, но и к белым. Я считаю, что если человек потерял прошлое, то и будущее он для себя не отыщет. Вот для чего нужен этот музей.

– Значит, вы хотите, чтобы жители Брутона *помнили*, что их предки были рабами? – спросила мама.

– Да, я хочу, чтобы они помнили и об этом. И не для того, чтобы испытывать к себе жалость, ощущать себя обиженными, заслуживающими того, чего они лишены. Напротив, я хочу, чтобы, зайдя в этот музей, они могли сказать себе: «Вот посмотрите, кем мы были и кем стали».

Леди повернулась и взглянула на нас.

– Двигаться можно только вперед и вверх, – сказала она. – Нужно читать. Писать. И думать. Вот три ступени великой лестницы, ведущей к свету. Нельзя все время оставаться жалобно скулящим рабом, смиренным и тупым. Все это в прошлом и больше не вернется. Впереди нас ожидает новая жизнь.

Сделав несколько шагов, она остановилась перед картиной с горящим крестом.

– Я хочу, чтобы мои соплеменники не забывали, откуда они пришли, – продолжала она. – Нельзя вычеркивать прошлое из своей памяти. Не стоит также задерживаться на нем, ведь это значит – предавать будущее. Но я помню, что мой прадед тащил за собой по полю плуг. Он трудился от рассвета до заката, в жару и в холод. За свою работу он не получал от хозяина никакой платы – только скудную

еду да крышу над головой. Он тяжело работал и часто бывал жестоко бит. Порой вместо пота из его пор сочилась кровь, но он продолжал идти вперед, даже когда уже не оставалось сил и хотелось упасть на землю. Он нес свой крест и отвечал: «Да, масса», в то время как его сердце разрывалось в груди, а гордость была втоптана в грязь. Он покорно трудился, прекрасно понимая, что его жену и детей в мгновение ока могут отправить на рынок рабов, где их продадут с аукциона и навеки разлучат с ним. Он пел днем в поле и лил слезы по ночам. Он работал и страдал, терпел невероятные муки, для того чтобы... Господи... для того, чтобы я могла хотя бы окончить школу. Я хочу, чтобы об этом знали и помнили все мои соплеменники. – Леди с вызовом подняла подбородок к нарисованным языкам пламени. – Вот такая у меня мечта.

Я отошел от мамы и остановился перед одной из увеличенных фотографий, на которой злощипый полицейский пес рвал на упавшем чернокожем мужчине рубашку, а полицейский уже занес над головой негра свою дубинку. На другой фотографии худенькая чернокожая девочка шла сквозь толпу, сжимая в руках учебники, а белые мужчины и женщины с перекошенными от злобы лицами выкрикивали ей в спину насмешки и оскорбления. На третьем снимке...

Я замер.

Мое сердце подпрыгнуло.

На третьей фотографии была сгоревшая церковь с выбитыми витражными стеклами, среди руин бродили пожарные. На лицах чернокожих застыло выражение горя и недоумения от только что пережитого шока. Перед церковью – голые деревья без единого листочка.

Где-то я уже видел этот снимок, точно видел.

Мама и Леди о чем-то тихо разговаривали, стоя перед витриной с изготовленной рабами глиняной посудой. Я снова посмотрел на снимок и вспомнил, где его видел. В старом номере журнала «Лайф», который мама собиралась выкинуть.

Я повернул голову влево, всего на шесть дюймов.

И увидел *их*.

Четырех девочек-негрятенок из своего навязчивого сна.

Под каждым снимком на медных пластинках были выгравированы их имена: Дениза Макнэйр, Кэрол Робинсон, Синтия Уэсли, Эдди Мэй

Коллинз.

Они весело улыбались, еще не ведая о том, какое ужасное будущее им уготовано.

– Мэм? – глухо проговорил я. – Мэм?

– В чем дело, Кори? – с тревогой спросила мама.

Но я смотрел на Леди.

– Кто эти девочки, мэм? – спросил я дрогнувшим голосом.

Подойдя ко мне, Леди рассказала о начиненной динамитом бомбе замедленного действия, которая убила этих девочек 15 сентября 1963 года в Бирмингеме, в баптистской церкви на шестнадцатой стрит.

– О... нет, – прошептал я.

Я услышал голос Джеральда Харджисона, приглушенный маской на лице, когда он держал в руках деревянный ящик: *«Они поймут, что случилось, только когда будут бить чечетку в аду».*

И голос Блэйлока Большое Дуло: *«Я добавил туда пару штук на всякий случай».*

Я с трудом сглотнул. Глаза четырех мертвых девочек внимательно следили за мной.

– Кажется, я знаю, – наконец проговорил я.

Примерно через час я и мама вышли из дверей центра досуга Брутона. Мы должны были встретиться с отцом, чтобы вместе идти на вечернюю службу в церковь. Ведь сегодня был сочельник.

– Привет, Тыква! Счастливого Рождества тебе, Подсолнух! Заходи внутрь, Дикий Билл!

Я услышал дока Лезандера прежде, чем увидел. Как всегда, он стоял в дверях церкви, в своем сером костюме с галстуком-бабочкой в красную и зеленую полоску и красном жилете. На лацкане у него был значок Санта-Клауса, и, когда док Лезандер улыбался, его передний серебряный зуб ярко блеснул.

Мое сердце застучало изо всех сил, а ладони сильно вспотели.

– Счастливого Рождества, Калико! – приветствовал док Лезандер маму, назвав ее так непонятно почему.

Потом схватил руку моего отца и потряс ее:

– Как дела, Мидас?

Взгляд ветеринара упал на меня. Он положил руку мне на плечо:

– Счастливых каникул тебе, Шестизарядный!

– Благодарю, Птичник, – ответил я.

И тут я ясно это увидел.

Его губы продолжали улыбаться, рот вел себя умно и не дрогнул. Но глаза едва заметно дернулись. Из них ушел рождественский свет, что-то жесткое, как камень, появилось в его взгляде. Но уже через пару секунд выражение его лица вновь изменилось.

– Что ты задумал, Кори? – Рука на моем плече слегка напряглась. – Хочешь отнять у меня работу?

– Нет, сэр, – ответил я, чувствуя, как сжимается рука дока Лезандера, а все мое остроумие улетучивается.

Он еще секунду пристально смотрел на меня, и в это мгновение я испытал настоящий страх. Потом его пальцы разжались, отпустив мое плечо, и док Лезандер обратился к новому семейству, появившемуся в дверях вслед за нами.

– Давай-ка заходи внутрь, Маффин! Счастливого Рождества, Даниэль Бун!

– Эгей, Том! Поторопись, я занял тебе местечко!

Мы сразу поняли, кто кричит. Дедушка Джейберд, бабушка Сара, дед Остин и бабушка Элис уже ждали нас. Дед Остин, как обычно, выглядел глубоко несчастным. Дедушка Джейберд, стоя между скамьями, махал нам руками и кричал, ставя себя в неловкое положение и устраивая на Рождество точно такой же переполох, как и на Пасху. Он оставался верен своим дурным привычкам в любое время года. Однако, когда он взглянул на меня и сказал: «Здравствуй, молодой человек», я понял, что повзрослел в его глазах.

Во время праздничной службы, когда мисс Гласс Голубая исполняла на пианино «Тихую ночь», орган напротив нее молчал. Я не сводил глаз с четы Лезандер, сидевших пятью рядами впереди нас. Я видел, как, медленно повернув свою лысую голову, док Лезандер обвел глазами присутствующих, словно выясняя, все ли пришли. Но я-то знал, в чем дело. Наши взгляды на мгновение встретились. На лице ветеринара появилась холодная улыбка. Потом он наклонился к уху своей жены и что-то прошептал, но та сидела неподвижно.

Я представил себе, как крутится в его голове злоеший вопрос: «Кто еще знает?» И то, что он сказал своей похожей на лошадь Веронике, где-то между «тьма рассеивается» и «все залито светом», могло быть: «Кори Маккенсон знает».

«Кто ты такой? – думал я, наблюдая за ним, пока преподобный Ловой проводил рождественское богослужение. – Кто ты такой на самом деле, под этой своей вечно улыбающейся маской, которую так ловко носишь?»

Все зажгли свечи, и церковь наполнилась мерцающими огоньками. Преподобный Ловой пожелал нам здоровья и счастья, добавив, что мы должны нести в своих сердцах царящий на Рождество дух веселья, после чего служба закончилась. Отец, мама и я отправились домой. Завтрашний день посвящался бабушкам и дедушкам, но сочельник был наш, и только наш.

В этом году наш рождественский обед не блистал яствами, как прошлогодний, но благодаря щедрости «Большого Пола» у нас было сколько душе угодно яичного коктейля, который мне очень нравился, и мы вдоволь им наелись. Наступило время открывать подарки. Мама нашла радиостанцию, передающую рождественские песнопения, а я, расположившись под елкой, наконец-то принялся разворачивать оберточную бумагу на своих подарках.

От отца я получил книжку в бумажной обложке. Она называлась «Золотые яблоки Солнца» и принадлежала перу писателя по имени Рэй Брэдбери.

– У «Большого Пола» книжками тоже торгуют, – сказал отец. – Им там отведен целый стеллаж. Парень из отдела реализации продукции сказал мне, что Брэдбери – отличный писатель. Сам он тоже купил эту книгу и говорит, что там есть хорошие рассказы.

Открыв книгу, я прочитал название первого рассказа. Он назывался «Туманная Сирена». Просмотрев его, я выяснил, что речь здесь идет о морском чудовище, привлеченном жалобными стенаниями туманного горна. Я немного почитал рассказ, и у меня возникло ощущение, что его писал мальчишка моего возраста.

– Спасибо, папа! – радостно воскликнул я. – Отличная книга!

Пока мама и отец распаковывали свои подарки, я занялся вторым пакетом, предназначенным лично мне. Из красивой обертки выскользнула фотография в серебристой рамке. Я поднес ее к свету камина.

Человека на снимке я знал отлично. Это был один из моих лучших друзей, хотя он сам об этом понятия не имел. Внизу, чуть наискось, было написано: «Кори Маккенсону. С наилучшими пожеланиями.

Винсент Прайс»^[41]. От восторга у меня перехватило дыхание. Винсент Прайс знает мое имя!

– Я знаю, что тебе нравятся его фильмы, – объяснила мне мама. – Я написала на киностудию и попросила их прислать фотографию, и видишь, они откликнулись на мою просьбу.

О рождественская ночь! Волшебная пора!

После того как подарки были распакованы, оберточная бумага убрана, в камин подкинули новое полено, а наши желудки согрела очередная чашка яичного коктейля, мама рассказала отцу о нашей поездке в Музей гражданских прав. Отец сидел молча, не сводя глаз с трещавших в камине поленьев, но слушал внимательно. После того как мама закончила свой рассказ, отец сказал:

– Невероятно. Никогда не думал, что подобное может случиться у нас.

Отец нахмурился, и я знал, о чем он думает. Прежде ему никогда не пришло бы в голову, что многое из происшедшего в Зефире со времени трагедии на озере Саксон могло случиться здесь. Возможно, виной всему был наш жестокий век, который, похоже, добрался и до нашей глуши. В новостях все чаще упоминалась страна под названием Вьетнам. Гражданские конфликты то и дело вспыхивали в крупных городах, напоминая сражения какой-то необъявленной войны. Смутные дурные предчувствия расплзались по нашей стране словно утренний туман, предчувствие эры сплошного пластика, одноразовых вещей, циничной коммерции. Мир становился другим, и Зефир изменялся вместе с ним. Пути назад, в мир, каким он являлся прежде, не было.

Но сегодня на землю опустилась рождественская ночь, а завтра наступит Рождество, и в мире должны царить покой и счастье.

Увы, покой продлился не более десяти минут.

Мы услышали, как над Зефиром с воем пронесся реактивный самолет. Это не выглядело необычным: самолеты часто взлетали или садились на авиабазу Роббинс. Звук реактивных двигателей был знаком нам так же хорошо, как свистки товарных поездов, но на этот раз...

– Слышите, как низко пролетел? – спросила нас мама.

Отец сказал, что, судя по звуку, самолет едва не задел крыши домов. Он собирался выйти на крыльцо, но в этот миг мы услышали громкий

шум, словно кто-то бил молотом в пустую бочку. Эхо гулкого удара разнеслось над Зефиром, а через миг по всему городу, от Темпл-стрит до Брутона, звонко залаяли собаки, так что даже бродячая труппа исполнителей рождественских гимнов вынуждена была прекратить пение. Выскочив на крыльцо, мы с тревогой прислушивались к переполоху. Первой моей мыслью было, что реактивный самолет упал и разбился, но потом я снова услышал рев его двигателей. Он сделал несколько кругов над Зефиром, мигая огнями на концах крыльев, а потом повернул в сторону базы ВВС Роббинс.

Собаки продолжали лаять и выть. Из домов выходили люди, чтобы узнать, в чем дело.

– Что-то случилось, – с тревогой сказал нам отец. – Позвоню Джеку и узнаю, что к чему.

Новый шериф Марчетт только-только вступил в должность, ставшую вакантной, когда Дж. Т. Эмори уехал из города. После того как Блэйлоки оказались за решеткой, преступность в Зефире резко пошла на спад. Наиболее серьезной задачей, стоявшей перед шерифом Марчеттом, была поимка зверя из Затерянного мира. Зверь в один прекрасный день атаковал автобус компании «Трэйлвейз» и с такой силой врезался в него своими отпиленными рогами, что водитель автобуса и все восемь пассажиров были доставлены в больницу Юнионтауна с травмами.

Отец дозвонился до миссис Марчетт, и та сообщила ему, что шериф убежал, едва успев натянуть шляпу, после телефонного звонка, оторвавшего его от праздничного стола. Миссис Марчетт пересказала отцу то небольшое, что узнала от мужа. Выслушав ее, отец ошеломленно сказал нам:

– Бомба. На город упала бомба.

– Что? – Мама уже успела вообразить вторжение русских. – Куда?

– На дом Дика Моултри, – ответил отец. – Миссис Моултри сказала Джеку, что бомба пробила крышу, пол в гостиной и застряла где-то в подвале.

– Господи боже мой! Неужели весь дом взорвался?

– Нет. Но бомба в подвале, и Дик тоже находится там.

– Дик в подвале?

– Вот именно. Миссис Моултри подарила мужу на Рождество новый верстак. Дик как раз собирал его в подвале, когда все это случилось.

Теперь он не может выбраться оттуда из-за неразорвавшейся бомбы.

Не прошло и нескольких минут, как по всему городу раздалось завывание сирен гражданской обороны. Вскоре отцу позвонил мэр Своуп и попросил присоединиться к группе добровольцев, собиравшихся у здания суда. Им будет поручено оповестить всех жителей Зефира и Брутона о срочной эвакуации.

– Вы собираетесь эвакуировать целый город в рождественскую ночь? – переспросил отец, не веря своим ушам.

– Именно так, Том, – ответил мэр Своуп. – Ты ведь знаешь, что бомба с реактивного самолета упала прямо на дом...

– ...Дика Моултри, я об этом слышал. Так, значит, она вывалилась из самолета?

– Совершенно верно. Нам нужно немедленно эвакуировать жителей, потому что эта чертова штуковина может взорваться в любую минуту.

– Почему бы тебе не позвонить на авиабазу? Пускай они приедут и заберут бомбу!

– Я только что разговаривал по телефону с их офицером, отвечающим за связи с общественностью. Когда я сказал, что один из их реактивных самолетов уронил на наш город бомбу, знаешь, что он мне ответил? Он сказал, что я, должно быть, съел слишком большой кусок рождественского торта с ромом. Этот офицер заверил меня, что ничего подобного не может случиться в принципе: мол, ни один из пилотов авиабазы не может проявить такую небрежность, чтобы случайно нажать на предохранительный рычаг и сбросить бомбу на город с гражданским населением. Он сказал также, что *если* это на самом деле произошло, то их команда саперов все равно в Рождество отдыхает, и поэтому, *если бы* то, о чем я говорю, действительно случилось, он надеется, что у властей в городе, на который бомба никак *не могла* упасть, хватит ума немедленно эвакуировать население, потому что такая бомба, которая, конечно, *никак не могла* просто так взять и упасть с самолета, может взорваться, и тогда от большей части города останутся одни щепки! Что ты на это скажешь, Том?

– Он должен понимать, что ты говоришь ему правду, Лютер. Этот парень обязан послать кого-нибудь, чтобы тот обезвредил бомбу.

– Может, он и пришлет кого-нибудь, но только *когда*? – спросил мэр Своуп. – Завтра днем? Но разве кто-то сможет спать, зная, что рядом

всю ночь будет тикать адская машина? Я не имею права рисковать, Том: нам немедленно нужно вывезти людей из города.

Отец попросил мэра Своупа подвезти его до сборного пункта. Потом повесил трубку и объявил мне и маме, что нам придется сесть в наш пикап и отправиться на ночь к деду Остину и бабушке Элис. Когда ситуация прояснится, он приедет за нами. Мама принялась уговаривать отца ехать вместе с нами – ее просьба выглядела вполне предсказуемой, так же как дождь, которым раздражаются грозовые облака. Но отец твердо стоял на своем, а по недавнему опыту мама знала, что спорить с ним в таких ситуациях бесполезно. Поэтому она сказала мне:

– Возьми свою пижаму, Кори. Захвати зубную щетку, пару чистых носков и белье. Мы едем к деду Остину.

– Папа, а Зефир не взорвется? – спросил я.

– Нет. Мы уезжаем для большей безопасности, на всякий случай. Скоро с военно-воздушной базы пришлют кого-нибудь, чтобы обезвредить эту бомбу, я в этом абсолютно уверен, – ответил он.

– Том, пожалуйста, будь осторожен, – сказала мама.

– Обещаю тебе. Счастливого Рождества, – улыбнулся он нам.

Мама тоже выдавила в ответ улыбку.

– Ты сумасшедший, Том! – сказала она и крепко поцеловала отца.

Мы с мамой собрали необходимую одежду. Сирены гражданской обороны завывали почти пятнадцать минут без перерыва: от них по спине бежали мурашки, и даже собаки вынуждены были замолчать. Жители города, получая оповещение об эвакуации, отправлялись в путь, чтобы провести ночь в домах своих друзей и родственников в окрестных городках или в мотеле «Юнион пайнс» в Юнионтауне. Вскоре приехал мэр Своуп, чтобы подвезти отца. К тому времени мы с мамой уже были готовы к отъезду. Прежде чем мы успели выйти за дверь, позвонил Бен и сообщил, что он с родителями едет в Бирмингем к тете и дяде.

– Вот это да! – выпалил Бен. – Знаешь, что я слышал? Говорят, у мистера Моултри сломаны обе ноги и позвоночник, а бомба лежит прямо на нем! Вот это действительно круто!

Я не мог с этим не согласиться. Никто из нас не ожидал, что столько всего случится в сочельник.

– Ну все, мне нужно бежать! Поговорим после. Да, постой... Счастливого Рождества!

– Счастливого Рождества, Бен!

Я повесил трубку. Мама подняла мне воротник, мы уселись в пикап и покатали к дому деда Остина и бабушки Элис. Никогда в жизни я не видел на десятой трассе столько автомобилей. Если бы зверю из Затерянного мира вздумалось тогда атаковать вереницу машин, только небеса могли бы спасти нас: легковушки и грузовики посыпались бы друг на друга, как кегли, а если бы и бомба позади нас все-таки рванула, люди полетели бы по воздуху даже без всяких крыльев.

Зефир, залитый рождественскими огнями, остался позади.

Все, что произошло потом, я узнал позже, потому что, понятно, никак не мог быть свидетелем этих событий.

Любопытство всегда отличало моего отца. Вот и тут он внезапно понял, что ему просто необходимо увидеть бомбу собственными глазами. Когда Зефир и Брутон постепенно опустели, он покинул группу добровольцев, с которыми объезжал город, и прошел несколько кварталов до дома мистера Моултри.

Это было небольшое деревянное строение бледно-голубого цвета с белыми ставнями. Через пробитую крышу струился свет. Перед домом стояла машина шерифа с включенными фарами. Отец поднялся на крыльцо, перекосившееся от чудовищного удара. Входная дверь была распахнута, стены покрыты трещинами. Бомба, врезавшись в дом, сдвинула его с фундамента.

Войдя внутрь, отец сразу увидел в просевшем полу огромную дыру, занявшую едва ли не половину гостиной. Вокруг дыры на полу валялись елочные украшения, на самом ее краю каким-то непонятным образом удерживалась на весу маленькая серебристая звездочка. Самой елки не было видно.

Отец подошел к дыре и заглянул вниз. Доски и балки были перекручены, словно гигантские макароны. На них лежал слой штукатурки, похожей на сыр пармезан. Стабилизаторы из серого металла высывались наружу из обломков, а нос бомбы воткнулся в земляной пол подвала.

– Вытащите меня отсюда! Ох, мои ноги! Отвезите меня в больницу! Я умираю!

– Ты не умрешь, Дик. Старайся не двигаться.

Мистер Моултри лежал посреди груды обломков, на нем покоился плотницкий верстак, припертый сверху балкой, толстой, как ствол столетнего дуба. Балка была расколота – как догадался отец, она раньше служила опорой для пола в гостиной. Поперек балки крест-накрест лежала рождественская елка, а по сторонам поблескивали осколки лампочек, шаров и прочих украшений. Бомба вовсе не придавила мистера Моултри, но находилась всего в каких-то четырех футах от его головы. Рядом с Моултри стоял на коленях шериф Марчетт, оценивая причиненный урон.

– Джек! Это я, Том Маккенсон!

– Том? – Шериф Марчетт поднял голову, и отец увидел, что все его лицо покрыто известковой пылью. – Тебе нельзя здесь находиться – немедленно выйди!

– Я заглянул, чтобы узнать, как у вас дела! А бомба-то совсем не такая здоровая, как про нее болтали!

– Но заряд в ней приличный, – отозвался шериф. – Если бомба взорвется, то не только от этого дома, но и от всего близлежащего квартала камня на камне не останется.

– О-о-о-ох-х! – застонал Дик Моултри. Острые щепки разорвали на нем рубашку, и было видно, как его объемистый живот переваливается с одной стороны на другую. – Джек, я умираю!

– Дик тяжело ранен? – спросил шерифа отец.

– Трудно сказать: не удалось подобраться к нему достаточно близко. Говорит, что у него сломаны ноги, а еще, похоже, и пара ребер в придачу, судя по тому, как он хрипит.

– У него всегда такое дыхание, – заметил сверху отец.

– «Скорая помощь» вот-вот прибудет. – Шериф Марчетт взглянул на свои наручные часы. – Я вызвал «скорую» сразу же, как попал сюда. Не знаю, что их задерживает.

– А что ты сказал им? Что несчастного парня ударило свалившейся с неба бомбой?

– Да, – ответил шериф.

– В таком случае Дику еще долго придется ждать помощи.

– Вытащите меня отсюда! – снова заорал мистер Моултри, пытаясь спихнуть с себя нагромождение пыльных досок, но, сморщившись от боли, отказался от этой затеи. Потом, повернув голову с блестящими

от пота щеками, он взглянул на бомбу. – Ради всего святого, уберите *это* отсюда! – взмолился он. – Господь мой Иисус, помоги мне!

– А где миссис Моултри? – поинтересовался отец.

– Ищи ветра в поле! – Белое от известковой пыли лицо мистера Моултри скривилось в презрительную усмешку. – Она задала стрекача сразу, как поняла, что здесь происходит. И пальцем не пошевелила, чтобы мне помочь!

– Тут ты не прав, Дик! Ведь это она позвонила мне, верно? – подал голос шериф.

– Да какой от тебя толк? О-ох, мои ноги! Говорю вам, у меня переломы в двух местах!

– Может быть, мне спуститься? – спросил шерифа отец.

– На твоём месте я бы не стал этого делать, а рванул бы из города, как все разумные люди. Но если тебе так хочется, конечно, спускайся. Только будь осторожен! Лестница обвалилась, поэтому я поставил стремянку.

Отец осторожно спустился и какое-то время стоял, обозревая груды досок и балок, под которой находился мистер Моултри. На вершине этой кучи красовалась елка.

– По-моему, мы сможем сдвинуть вот эту балку, – предложил отец шерифу. – Ты, Джек, возьмешься за один конец, а я – за другой.

Первым делом они сняли сверху елку, а потом оттащили в сторону балку, которая толщиной могла поспорить с дубом, так что попотеть им пришлось изрядно. Увы, тяжесть, давившая на мистера Моултри, по-прежнему оставалась велика.

– Мы освободим Дика из-под обломков, перенесем его в твою машину, Джек, и отвезем в больницу, – предложил отец. – Сдается мне, что «скорая помощь» не приедет.

Шериф снова опустился рядом с мистером Моултри на колени:

– Эй, Дик! Когда ты в последний раз вставал на весы?

– Давно ли я взвешивался? Черт возьми, не помню! А зачем тебе это понадобилось?

– Сколько ты весил, когда в последний раз проходил врачебный осмотр?

– Сто шестьдесят фунтов.

– Когда это было? – поинтересовался шериф Марчетт. – Когда ты учился в третьем классе? Я спрашиваю, сколько ты вешишь сейчас,

понимаешь меня, Дик?

Мистер Моултри нахмурился и что-то раздраженно пробормотал себе под нос. Потом ответил:

– Более двухсот фунтов.

– А точнее?

– Черт, Джек! Я вешу двести девяносто фунтов! Теперь ты доволен, садист ты этакий?

– Возможно, Дик, у тебя сломаны ноги. И ребра тоже. Не исключено, что вдобавок повреждены какие-то внутренние органы. А теперь оказывается, что ты весишь двести девяносто фунтов. Как ты думаешь, Том, сможем мы втащить его наверх по стремянке?

– Ни за что на свете, – ответил отец.

– Я тоже так думаю. Ему придется ждать, пока сюда доставят лебедку.

– К чему это вы клоните? – взвизгнул мистер Моултри. – Хотите бросить меня здесь? – Он вновь испуганно оглянулся на бомбу. – Тогда хотя бы уберите подальше от меня эту чертову штуковину!

– Я готов сделать для тебя, Дик, все, что угодно, – отозвался шериф. – Но бомбу я трогать не могу. Что, если взрывной механизм на взводе и все, что нужно для того, чтобы она взорвалась, – это прикоснуться к ней пальцем? Думаешь, я хочу брать на себя ответственность за твою жизнь, не говоря уже о Томе и самом себе? Нет уж, увольте, сэр!

– Мэр Своуп сказал мне, – подал голос отец, – что разговаривал с каким-то военным с авиабазы Роббинс. Этот парень ему не поверил...

– Я знаю. Лютер заглянул сюда, прежде чем отправился прочь из города вместе с семейством. Он в подробностях рассказал мне, что наболтал ему этот сукин сын. Но не исключено, что пилот, сообразив, что натворил, мог до смерти перепугаться и просто ничего никому не сказать. Может быть, он и в кабину самолета забрался, изрядно нагрузившись, прямо из-за праздничного стола. Так или иначе, помощи с авиабазы придется ждать долго.

– А что мне прикажете здесь делать? – завопил мистер Моултри. – Просто лежать и терпеть эти невыносимые муки?

– Если хочешь, я могу сходить наверх и принести тебе подушку, – предложил шериф Марчетт.

– Дик? Как ты, в порядке? – донесся сверху тихий, испуганный голос.

– Да я просто хоть куда! – заорал в ответ мистер Моултри. – Я безумно рад лежать здесь с переломанными ногами и этой чертовой бомбой рядом с башкой! Господи всемогущий! Не знаю, кто ты, там, наверху, но ты еще больший идиот, чем тот парень, что уронил на меня бомбу, раз задаешь такие вопросы... А, это ты!

– Привет, Дик! – робко проблеял мистер Джеральд Харджисон. – Как дела?

– Отлично: мы только что прервали танцы и прилегли отдохнуть! – Лицо мистера Моултри стало покрываться красными пятнами. – Вот дерьмо!

Стоя на краю дыры в полу, мистер Харджисон опасливо глянул вниз.

– Так это и есть та самая бомба, вон там? – снова проблеял он.

– Нет, это жирный гусиный огузок, – огрызнулся мистер Моултри. – Конечно, это бомба!

Мистер Моултри сделал несколько резких движений, пытаясь выбраться из-под кучи мусора, но не преуспел, только поднял облако густой удушливой пыли и причинил себе сильную боль.

Отец оглядел подвал. В одном из углов стоял письменный стол, над которым на стене висела табличка с надписью «Мой дом – моя крепость». Рядом красовался плакат, изображающий пучеглазого негра, отплясывающего степ. По низу плаката шла приписка от руки: «Бремя белого человека». Отец подошел к столу и обнаружил на нем кипу беспорядочно разбросанных газет. Потянув на себя верхний выдвижной ящик стола, потрясенный отец увидел огромные голые груди красотки с обложки журнала «Джаггз». Под журналом обнаружилась мешанина из канцелярских скрепок, карандашей, аптечных резинок и тому подобных мелочей. Под руку отцу попалась передержанная фотография, сделанная на «кодаке». На фото мистер Моултри был в белом одеянии, с винтовкой в одной руке, а другой прижимал к груди белый остроконечный колпак и капюшон. Мистер Моултри широко улыбался, чрезвычайно довольный собой.

– Эй, Том, уйди оттуда! – внезапно крикнул мистер Моултри, с трудом повернув голову. – Хоть я и не могу двигаться, но я еще не умер, и ты не имеешь права запросто копать в моем столе!

Закрыв ящик с фотографией, отец вернулся туда, где стоял шериф Марчетт. Наверху, прямо над их головами, нервно шаркал подошвами по перекошенному полу мистер Харджисон.

– Эй, Дик, – наконец снова подал он голос, – я просто хотел заглянуть к тебе. Чтобы убедиться, что ты... ну, в общем, жив и все такое, сам понимаешь!

– Да, пока я еще жив. Это так же верно, как то, что моя жена предпочла бы, чтобы эта бомба стукнула меня прямо по черепу.

– Мы уезжаем из города, – смущенно объявил мистер Харджисон. – Скорее всего, вернемся на следующий день после Рождества, часов около десяти утра. Ты слышишь меня, Дик? В десять утра!

– Да, слышу! Мне наплевать, когда ты вернешься!

– И все же, Дик, я вернусь после Рождества в десять утра. Я думал, что тебе нужно это знать... Чтобы ты смог верно поставить часы.

– Чтобы я смог поставить часы? Ты что, спятил... – Мистер Моултри внезапно замолчал. – Ах да, все в порядке. Я обязательно это сделаю.

Мистер Моултри ухмыльнулся, повернувшись к шерифу Марчетту:

– Дело в том, что мы с Джеральдом договорились помочь одному нашему другу вынести весь ненужный хлам из его гаража на следующий день после Рождества. Вот почему он все твердит мне о времени, когда вернется.

– Ах вот как! Что это за друг, Дик?

– Этот парень живет в Юнионтауне, – торопливо отозвался мистер Моултри. – Ты его не знаешь.

– Я знаю многих жителей Юнионтауна. Так как же его зовут?

– Джо, – отозвался мистер Харджисон, в то время как мистер Моултри назвал совсем другое имя: «Сэм».

– Джо Сэм, – торопливо поправился мистер Моултри, улыбаясь и истекая потом. – Джо Сэм Джонс.

– Сдается мне, Дик, что тебе не удастся помочь после Рождества никакому Джо Сэму Джонсу расчистить его гараж, – покачал головой шериф Марчетт. – Скорее всего, ты встретишь утро этого дня в уютной палате какой-нибудь больницы.

– Эй, Дик, я уйду! – крикнул сверху мистер Харджисон. – Уверен, у тебя все будет хорошо, так что не переживай.

И тогда мистер Харджисон случайно задел носком левого ботинка серебрястую звездочку, давно уже висевшую на краю пробитой бомбой дыры в полу. Отец наблюдал, как маленькая звездочка плавно и грациозно, словно большая снежинка, летит вниз.

Звездочка ударилась в один из стабилизаторов в хвостовой части бомбы и разлетелась дождем блестящих кусочков стекла.

В последовавшее за этим мгновение полной тишины все четверо мужчин слышали *это*.

Из бомбы донесся шипящий звук, как будто внутри проснулась змея, растревоженная в своем логове. Потом шипение стихло, и из недр железной машины донеслось негромкое зловещее тиканье, не похожее на тиканье будильника, а скорее напоминавшее звук перегретого мотора, в котором вот-вот закипит вода.

– Вот черт! – прошептал шериф Марчетт.

– Господи помилуй! – задыхаясь, произнес мистер Моултри.

Его лицо, только что пылавшее румянцем, стало белым, как у восковой куклы.

– Бомба заработала, – сказал отец, едва сдерживая волнение.

Речь мистера Харджисона оказалась еще более выразительной. За него все сказали ноги, которые моментально вынесли его по искривленному полу на скособоченное крыльцо домика мистера Моултри и дальше, к припаркованной у обочины машине, да так шустро, словно почтальоном, как ядром, выстрелили из пушки. Автомобиль мистера Харджисона унесся прочь стремительно, как Роуд Раннер^[42]: мгновение назад он был еще здесь – и тут же исчез.

– Господи, Господи, Господи, – твердил мистер Моултри, обливаясь слезами. – Не дай мне умереть!

– Том! – подал голос шериф Марчетт. – Нам, похоже, пора уносить ноги.

Он говорил тихо, словно взрывной механизм бомбы мог сработать от сотрясения воздуха.

– Не оставляйте меня одного! Джек, ты не имеешь права! Ты ведь шериф!

– Ничего не могу больше для тебя сделать, Дик. Клянусь, что хотел бы тебе помочь, но это не в моих силах. Возможно, тебе поможет чудо или волшебство, но, боюсь, дело – труба.

– Не бросайте меня здесь одного! Вытащите меня отсюда – я заплачу вам столько, сколько вы захотите!

– Извини, Дик. Будем выбирать, Том.

Отцу не требовалось второго приглашения. Ловко, как обезьяна по стволу дерева, он взлетел по стремянке.

– Я подержу стремянку, Джек, – сказал он, оказавшись наверху. – Давай выбирайся.

Бомба продолжала тикать, отмеряя время.

– Ничем не могу помочь тебе, Дик, – еще раз повторил шериф Марчетт, взбираясь по лестнице.

– Нет! Послушайте! Я все для вас сделаю, только вытащите меня! Я вытерплю любую боль!

Но отец и шериф Марчетт уже шли к двери.

– Умоляю вас! – заорал им в спину мистер Моултри.

Его голос задрожал, из горла вырвались глухие рыдания. Он вновь попытался вырваться из-под обломков, но безуспешно. Сильная боль заставила его кричать еще громче:

– Вы не можете оставить меня умирать здесь одного! Это бесчеловечно!

Когда шериф и отец оказались на улице, мистер Моултри все еще кричал им вслед и плакал. Их лица были вытянутыми и напряженными.

– Да, работу здесь предстоит проделать нелегкую, – заметил шериф Марчетт. – Тебя куда-нибудь подвезти, Том?

– Да, – ответил отец, нахмурившись. – Нет. Не знаю.

Он прислонился к машине.

– Да не убивайся ты так, Том. Мы все равно ничем не можем ему помочь, ты и сам это прекрасно знаешь.

– Может быть, кому-нибудь из нас стоит подождать снаружи, на случай если появится команда саперов.

– Отличная мысль. – Шериф Марчетт оглянулся по сторонам. – Хочешь вызваться добровольцем, Том?

– Нет.

– Я тоже. А кроме того, саперы все равно подъедут не скоро. У меня предчувствие, что бомба вот-вот взорвется, а с ней взлетит на воздух весь квартал, так что поступай как знаешь, а я собираюсь унести отсюда ноги, пока цел.

Шериф подошел к своему автомобилю и открыл дверцу.

– Эй, Джек, обожди-ка минутку, – сказал отец.

– Ни единой минуты. Если ты едешь, садись.

Отец забрался в машину, и шериф завел мотор:

– Куда тебя подвезти, Том?

– Послушай, Джек. Ты сам сказал: Дика может спасти только чудо или волшебство. Кто, по-твоему, единственный человек, способный сотворить для Дика чудо?

– Преподобный Блессет, но он давно покинул наш город.

– Нет, я говорю не о нем. *О ней.*

Шериф Марчетт, взявшийся было за рычаг переключения передач, замер.

– Тот, кто способен превратить патроны в охотничьем подсумке в клубок зеленых садовых змей, сможет сладить и с бомбой. Как ты думаешь, Джек?

– Никак, Том! Я думаю, что Леди тогда была ни при чем. Наверно, Блэйлок Большое Дуло просто спятил от своего поганого виски и вместо патронов запихнул в свой подсумок несколько пригоршней змей!

– Перестань, Джек! Ты же видел этих змей, как и я, собственными глазами! Там их были сотни! Как ты думаешь, сколько времени потребовалось бы Большому Дулу, чтобы их собрать?

– В эти фокусы с вуду я не верю, – твердо сказал шериф Марчетт. – Ничуть.

И тогда отец сказал первое, что пришло ему на ум, и даже сам испугался своих слов:

– Не нужно бояться просить у нее помощи, Джек. У нас нет другого способа спасти Дика.

– Черт побери, – пробормотал шериф. Он оглянулся на дом Моултри, из дыры в крыше которого в небо струился свет. – Но она, наверно, уже давно уехала из города.

– Может быть, да, а может, и нет. Что нам мешает доехать до дома Леди и проверить?

Большинство домов в Брутоне стояли с темными окнами: их обитатели, напуганные сигналами сирен, бежали, спасаясь от угрожавшего городу взрыва. Однако в окнах жилища Леди мерцали, переливаясь, огоньки.

– Я подожду в машине, – сказал шериф Марчетт.

Отец кивнул и выбрался наружу. Глубоко вдохнув холодный рождественский воздух, он заставил свои ноги сдвинуться с места и донести его до двери. Взявшись за маленькую серебряную рукоятку дверного молотка, он сделал то, на что, как ему казалось, не решился бы никогда в жизни, – оповестил Леди о том, что пришел к ней в дом.

Он ждал, надеясь, что она ответит ему.

Он ждал, глядя на ручку входной двери.

Он ждал.

Через пятнадцать минут после того, как отец постучал в дверь дома Леди, на улице, где жил мистер Моултри, раздался шум: грохот и лязг, звяканье и брнчание, вызвавшие неистовый лай собак. Пикап с заржавелыми бортами и просевшей подвеской остановился у обочины перед домом четы Моултри. Дверца со стороны водителя открылась, и на дорогу выбрался высокий и тощий чернокожий человек. На дверце по трафарету не очень аккуратно была намалевана надпись: «Починка Лайтфута».

Человек двигался очень медленно, – казалось, каждое движение причиняет ему боль. На нем был свежестырианный комбинезон и серая кепка, из-под которой выбивались седые волосы. Чрезвычайно медленно человек подошел к кузову пикапа и нацепил монтерский пояс, с которого свешивались различные молоточки, отвертки и какие-то загадочные гаечные ключи. Он не спеша поднял с асфальта ящик для инструментов, старинное металлическое чудо, где можно было найти любой из болтов и гаек, о которых может только помыслить монтер. Двигаясь так медленно, словно на него давило бремя минувших веков, мистер Маркус Лайтфут подошел к покосившейся входной двери дома Дика Моултри. Перед тем как войти, он постучал, хотя дверь была распахнута. Один раз, потом, не дождавшись ответа, второй...

Одна вечность сменялась другой. Цивилизации достигали своего расцвета и гибли. Звезды рождались в яростном сверкающем великолепии, дрожали и умирали в холодных просторах космоса.

...и третий раз.

– Слава богу! – крикнул в ответ мистер Моултри измученным, охрипшим голосом. – Я знал, что ты не бросишь меня умирать тут одного, Джек! Господи мило...

Он затих, умолкнув на полуслове, потому что наверху, в дыре в полу гостиной, куда он неотрывно устремлял свой взор, вместо помощи с небес он узрел черное лицо посланца из геенны огненной.

– Так-так, – проговорил мистер Лайтфут, глаза которого сразу обнаружили бомбу, а ухо уловило тиканье ее взрывного механизма. – Похоже, вы действительно угодили в нешуточную передрагу.

– Зачем ты сюда явился, черный дикарь? Полюбоваться, как меня разнесет на куски? – прохрипел мистер Моултри.

– Не-а. Наоборот, пришел для того, чтобы сохранить вас в целостности и сохранности.

– Ты?! Ты пришел сюда, чтобы помочь мне?

Набрав в легкие побольше воздуха, мистер Моултри заорал что было силы, надсаживая горло:

– Джек! Кто-нибудь, помогите мне! Кто-нибудь белый!

– Мистер Моултри, сэр, – сказал монтер, дождавшись, когда крик лежавшего внизу человека стихнет. – От такого шума бомба может взорваться раньше времени.

Мистер Моултри, покраснев, как кетчуп, с выступившими на лбу капельками пота, вновь принялся метаться в отчаянных попытках освободиться. Он молотил руками в тщетной надежде разгрести обломки, в приступе ярости схватил собственную рубашку и сорвал с себя ее остатки, его пальцы судорожно цеплялись за воздух, но не находили опоры. Но боль вновь придавила его к полу, подобно тому как один борец прижимает к коврику другого. Мистер Моултри замер, хватая воздух широко раскрытым ртом; он так и остался лежать со сломанными ногами и тикавшей возле его головы бомбой.

– Сдается мне, – пробормотал мистер Лайтфут и зевнул, потому что час и вправду был поздний. – Сдается мне, лучше будет, если я спущусь вниз.

Казалось, уже наступил Новый год, когда подошва ботинка мистера Лайтфута, на поясе которого позвякивали инструменты, коснулась нижней перекладины стремянки. Взяв свой ящик, мистер Лайтфут направился было к мистеру Моултри, но тут его внимание привлек плакат на стене с пучеглазым танцором. Лайтфут внимательно

разглядывал его, а внутри бомбы продолжал тикать неумолимый механизм, отсчитывающий секунды.

– Ага, – наконец проговорил Лайтфут и покачал головой. – Хе-хе.

– Над чем это ты потешаешься, безмозглый дикарь?

– Это не негр, – отозвался монтер. – Это белый человек, выкрашенный в черный цвет, и выглядит он чрезвычайно глупо.

Наконец заставив себя оторваться от фотографии Эла Джолсона^[43], мистер Лайтфут подошел к бомбе. Отбросив в сторону несколько досок с торчавшими гвоздями и кровельную дранку, он уселся прямо на пол, в красную пыль. Наблюдать за ним было все равно что смотреть на переползающую футбольное поле улитку. Ящик с инструментами он придвинул поближе к себе, словно старого и надежного товарища. Потом достал из нагрудного кармана очки в тонкой проволочной оправе, подышал на них и тщательно протер линзы рукавом рубашки. Все это мистер Лайтфут проделывал невыносимо медленно.

– Господи, да чем же я заслужил такую муку? – простонал мистер Моултри.

Мистер Лайтфут нацепил на нос очки.

– А вот теперь можно приступить к делу, – сказал он. Наклонившись поближе к бомбе, он нахмурился, и морщинки между бровями сделались глубже. – Посмотрим, что к чему.

Мистер Лайтфут снял со своего пояса самый миниатюрный молоточек, облизнул большой палец и медленно-медленно смочил своей слюной его головку. Потом он принялся выстукивать бок бомбы, лишь слегка касаясь его, так что звук едва можно было расслышать.

– Не смей бить по ней молотком, господи ты боже мой! Из-за тебя мы оба взлетим на воздух!

– Не взлетим, – ответил мистер Лайтфут, продолжая осторожно простукивать молоточком поверхность бомбы.

Потом прижался ухом к железной оболочке.

– Ага, – удовлетворенно проговорил он. – Я слышу тебя.

Молча наблюдая за тем, как пальцы Лайтфута скользят по поверхности бомбы, словно глядя маленькую собачонку, Моултри испытывал невыразимые мучения.

– Ага. – Пальцы монтера нащупали едва различимый шов. – Вот где скрывается дверца к твоему сердцу!

Чуть ниже стабилизаторов в хвосте бомбы он обнаружил четыре винтика и со скоростью таяния ледника принялся выбирать на своем поясе подходящую отвертку.

– Ты ведь пришел сюда для того, чтобы убить меня? – простонал мистер Моултри. Внезапно его осенила догадка сродни озарению. – Это ведь *она* послала тебя, чтобы расправиться со мной? *Она*, верно?

– Угадали, но лишь наполовину, – спокойно отозвался мистер Лайтфут, примериваясь отверткой к первому винту.

Прошла еще целая вечность, и на ладонь Лайтфута упал последний винтик. Глядя на него, мистер Лайтфут принялся напевать «Раз в морозную ночь снеговик...» в своей убаюкивающей манере. Примерно между вторым и третьим винтом звук часового механизма изменился: тиканье перешло в скрежет. Мистер Моултри лежал, обливаясь потом, с остекленевшими глазами и дергающейся в приступе безумного страха головой. За короткое время он потерял не меньше пяти фунтов веса.

Мистер Лайтфут достал из ящика с инструментами маленький пузырек синего цвета. Открыв пузырек, он подцепил кончиком указательного пальца немного жирной смазки, напоминавшей цветом кожу угря. Плюнув на эту субстанцию, он стал втирать ее в шов, опоясывающий бомбу. Потом, ухватившись за стабилизаторы, он попытался повернуть их против часовой стрелки, но ничего не получилось. После этого мистер Лайтфут попробовал повернуть хвостовую часть бомбы в противоположном направлении, однако и на этот раз его усилия не дали результата.

– Вот незадача! – Мистер Лайтфут посуровел и неодобрительно нахмурил брови. – Но со мной не балуй!

Снова взявшись за миниатюрный молоток, он еще раз простучал все отверстия, из которых только что выкрутил винты. Тут мистер Моултри потерял еще несколько унций веса: его штаны внезапно насквозь промокли. А мистер Лайтфут снова крепко ухватился за стабилизаторы обеими руками и сильно надавил на них.

Медленно, не желая поддаваться, с пронзительным «*скри-и-и-ик*» хвостовая часть бомбы стала поворачиваться. Откручивать бомбе «хвост» было крайне тяжело, и мистер Лайтфут время от времени делал вынужденную передышку, чтобы размять затекшие пальцы. Потом он снова брался за оперение бомбы с упорством ленивца,

вцепившегося в ветку дерева. В конце концов хвостовая часть высвободилась, открыв электронные схемы, целые джунгли разноцветных проводов и черные блестящие пластиковые цилиндры, напоминавшие спинки тараканов.

– Ого-о-о! – пораженно выдохнул мистер Лайтфут. – Вот это красотища!

– Он убьет меня! – простонал мистер Моултри. – Убьет до смерти!

Скрежет сделался громче. С помощью металлического зонда мистер Лайтфут прощупал маленькую красную коробочку, из которой доносился шум. Затем проделал то же самое собственным пальцем, а убрав его, удовлетворенно присвистнул:

– Ага! Потихоньку нагревается.

Мистер Моултри заплакал, хлюпая носом, слезы тонкой струйкой потекли из опухших глаз.

Ловкие пальцы мистера Лайтфута снова принялись за дело, прощупывая проводки до мест их подключения. Над красной коробочкой поднимались волны теплого воздуха. Мистер Лайтфут в задумчивости потер подбородок.

– Знаете, – проговорил он, – возникла одна проблема...

Мистер Моултри весь дрожал, – казалось, он вот-вот потеряет сознание.

– Видите ли, – мистер Лайтфут легонько постучал по подбородку пальцем, напряженно размышляя, – всю жизнь я только чинил вещи. Я никогда не ломал их.

Сделав глубокий вдох, он так же медленно выдохнул:

– А здесь, сдается мне, без маленькой поломки никак не обойтись. – Он утвердительно кивнул. – Господи! Рука не поднимается разбивать такую красоту.

Он выбрал другой молоток, более тяжелый:

– Но делать нечего.

Он с силой опустил молоток на красную коробочку, чье пластиковое покрытие с треском расколосось от края до края. Мистер Моултри до крови прикусил язык. Сняв красные пластиковые половинки, мистер Лайтфут принялся рассматривать механизмы и проводки, открывшиеся внутри коробочки.

– Одна тайна внутри другой, – пробормотал он.

После чего порылся в своем ящичке и вытащил маленькие кусачки для проволоки, новенькие, еще с магазинной биркой, на которой значилась цена – 99 центов.

– Ну ладно, – сказал он бомбе и вздохнул. – Смотри только не рыгни мне в лицо.

– О Господи, о Иисус в небесах, о райские врата, откройтесь мне, ибо я иду к вам, – забормотал, задыхаясь, мистер Моултри.

– Когда доберетесь туда, скажите святому Петру, что старого монтера ему осталось ждать недолго.

Сказав это, мистер Лайтфут потянулся кусачками к паре проводков, перекрещивавшихся у самого сердца механизма, – одному черному, другому белому.

– *Подождите*, – вдруг прошептал мистер Моултри. – Подождите...

Рука мистера Лайтфута замерла.

– Я должен облегчить душу, – торопливо проговорил мистер Моултри, тараща глаза не хуже танцора на плакате. – Мне надо исповедаться, пробиться к свету, чтобы попасть на небеса. Послушайте, что я скажу...

– Я слушаю, – отозвался мистер Лайтфут, сидя рядом с бомбой, механизм которой продолжал работать.

– Джеральд и я... мы с ним... но в основном это затея Джеральда... я с самого начала хотел от всего отказаться... но сейчас... сейчас устройство уже запущено, и... оно сработает в десять утра. В первый день после Рождества. Слышите меня? В десять утра. Там ящик, полный динамита, а в нем – часовой механизм. Мы заплатили Блэйлоку Большое Дуло... и он достал его для нас.

Мистер Моултри с трудом сглотнул, как видно ощущая адское пламя, уже начавшее припекать ему задницу.

– Бомба заложена так, чтобы взорвать Музей гражданских прав. Мы... но это была идея Джеральда, он все задумал, когда узнал, что Леди собирается строить этот музей. Послушайте меня, Лайтфут.

– Я слушаю вас, – спокойно и тихо отозвался негр.

– Богом клянусь, я не знаю точно, где лежит бомба. Джеральд спрятал ее где-то возле музея или Центра досуга. Но бомба уже там, и она взорвется на следующий день после Рождества ровно в десять часов утра.

– Вот как? – спросил мистер Лайтфут.

– Именно так, истинная правда! И пусть Бог теперь заберет меня на небо, потому что я очистил свою душу!

– Ага-ага!

Мистер Лайтфут протянул руку. Подцепив черный проводок, он щелкнул кусачками, и тот оказался перерезанным пополам. Но бомбу не так-то легко было заставить молчать.

– Вы слышите меня, Лайтфут? Этот ящик с динамитом уже сейчас там, возле музея!

Мистер Лайтфут подцепил кусачками белый проводок. На его скулах напряглись желваки, на лбу мелкой россыпью алмазного порошка блеснул пот.

– Нет, – ответил он, – ее там нет.

– Чего нет?

– Бомбы нет. Теперь уже нет. Бомбу нашли. А теперь я перережу последний проводок.

Рука Лайтфута задрожала.

– Возможно, я ошибся и сначала нужно было перерезать другой провод. Теперь всякое может случиться.

– Господи, помилуй меня! – запричитал мистер Моултри. – Клянусь, что буду хорошим мальчиком до конца своих дней, только дай мне еще пожить!

– Ну что ж, перережаю! – сообщил мистер Лайтфут.

Мистер Моултри крепко зажмурил глаза. Кусачки тихо щелкнули.

Б-БА-А-А-А-БАХ!

Посреди оглушительного вихря огня и разрушения мистер Моултри пронзительно закричал.

Но когда его крик затих, вместо ангельских арф или пения чертей «Он был веселым и хорошим парнем» он услышал уже знакомое «ага, хе-хе-хе».

Мистер Моултри изумленно вытаращил глаза.

А мистер Лайтфут широко улыбался. Он задул синеватый огонек пламени на отрезанном конце белого провода. Укрошенная бомба лежала тихо и неподвижно. Мистер Лайтфут заговорил голосом, охрипшим после того громкого вопля, который он только что исторг в самое ухо Моултри.

– Прошу прощения, сэръ, – улыбнулся он, – но выпал такой случай, что никак невозможно было удержаться.

Казалось, из мистера Моултри выпустили воздух, словно из воздушного шара, который проткнули насквозь. Испустив тихое шипение, он потерял сознание.

Глава 5

Шестнадцать капель крови

Я вернулся домой.

Ящик с динамитом, снаряженный часовым механизмом и взрывателем, с дополнительной шашкой, добавленной щедрой рукой Блэйлока Большое Дуло, действительно был найден вскоре после того, как я поведал Леди, кто и при каких обстоятельствах являлся мне во снах. Разглядывая снимок в журнале, я, должно быть, накрепко запомнил его, и после истории с горящим крестом, а тем более после того, как я стал свидетелем ночной сделки в лесу, я подсознательно знал, что могло содержаться в ящике. Вот почему я несколько раз сбивал с прикроватного столика тикающий будильник. Единственным слабым местом в этом логическом построении оставалось то, что до своего визита в Музей гражданских прав я никогда не видел фотографии девочек-негритянок, погибших во время взрыва в баптистской церкви на шестнадцатой стрит. Не уверен, но, может быть, их фотография тоже была в журнале «Лайф». Впрочем, мама выбросила журнал, и сказать что-то наверняка я не могу.

Леди поняла, что к чему, как только я описал ей свои сны. Она сразу же привлекла всех посетителей Центра досуга на поиски деревянного ящичка, который мог находиться либо в самом Центре, либо в Музее гражданских прав, либо где-то поблизости на улице. Поиски закончились безрезультатно, хотя мы обшарили все вокруг. Потом Леди вспомнила, что мистер Харджисон служит почтальоном. На Букхарт-стрит, прямо перед Центром, стоял большой почтовый ящик. Чарльз Дамаронд подсадил Гэвина, тот заглянул внутрь, и мы все услышали, как он крикнул: «Нашел!» Гэвин не сумел вытащить ящичек, потому что тот оказался слишком тяжел для него. Вызвали шерифа Марчетта, явившегося вместе с зефирским почтмейстером мистером Конрадом Оутмэном, который принес ключ. В деревянном ящичке оказалось столько динамита, что им можно было взорвать не только Музей гражданских прав, но и Центр досуга, а заодно и два-три

близлежащих дома. Оказывается, за четыре сотни долларов можно устроить очень большой взрыв.

Мистер Харджисон отлично знал, когда достают письма из почтовых ящиков. Никто не должен был туда соваться до полудня 26 декабря, поэтому таймер был установлен ровно на 10 часов утра. По словам шерифа Марчетта, бомба была изготовлена настоящим профессионалом: часовой механизм можно было установить так, чтобы он сработал через двенадцать, двадцать четыре и даже сорок восемь часов. Он попросил Леди не разглашать известие о находке, потому что не хотел, чтобы мистер Моултри или мистер Харджисон узнал об этом раньше, чем с внутренностей ящичка будут сняты отпечатки пальцев. По возвращении домой из Брутона мы с мамой рассказали обо всем отцу, и тот, конечно, держал язык за зубами, когда вместе с шерифом Марчеттом находился в доме Моултри и там появился мистер Харджисон. Признание мистера Моултри завершило дело, поскольку полиция обнаружила на бомбе отпечатки пальцев мистера Харджисона. Их обоих препроводили в бирмингемский офис Федерального бюро расследований, и, понятное дело, их имена надолго исчезли из списка жителей нашего города.

Торжества по случаю открытия Музея гражданских прав удались на славу. Кошмарные сны с участием четырех девочек-негритянок больше не посещали меня. Теперь, если бы вдруг мне захотелось увидеть их снова, я знал, куда идти.

В последовавшие за Рождеством дни главной темой разговоров были две бомбы – та, что упала на город с реактивного самолета, и та, которую нашли в почтовом ящике рядом с Музеем гражданских прав в Брутоне. Бен, Джонни и я устроили дискуссию о том, действительно ли мистер Лайтфут боялся перерезать проводки бомбы или нет. Бен считал, что на месте мистера Лайтфута любой бы испугался, а мы с Джонни придерживались точки зрения, что в области механики, пусть даже дело касалось бомбы, монтер-негр являлся таким же асом, как Немо Керлисс в бейсболе, и, глядя на проводки, он точно знал, что делает в каждое мгновение. Кстати, в Бирмингеме Бен повидал кое-что любопытное. Вместе с родителями он гостил у своего дяди Майлса, служащего одного из городских банков, и дядя устроил Бену экскурсию в подвал, где хранятся деньги. Теперь единственное, о чем мог говорить Бен, – какой приятный аромат у денег и как красив их

зеленый цвет. Он рассказал, что дядя Майлс даже дал ему подержать пачку из пятидесяти стодолларовых купюр, от которых Бен до сих пор испытывает приятное покалывание в пальцах. Бен объявил, что хоть и не решил еще, чем будет заниматься в жизни, но одно знает наверняка: его занятие будет связано с деньгами, большими-большими деньгами. Слушая Бена, мы почувствовали, как нам не хватает Дэви Рэя: уж он-то нашел бы, что ему ответить.

Джонни получил два рождественских подарка, о которых давно мечтал. Первым был полицейский комплект с номерным значком, справочником полицейского, комплектом для снятия отпечатков пальцев, наручниками и порошком, который пристаёт к обуви грабителей и обнаруживается только под ультрафиолетовым светом. Вторым подарком стал специальный деревянный ящичек для коллекций с множеством отсеков, в котором удобно хранить и демонстрировать наконечники для стрел. Джонни уже заполнил все отсеки, оставив только один-единственный для идеально гладкого наконечника вождя Пять Раскатов Грома, если, конечно, тот соизволит когда-нибудь вернуть его Джонни.

Оставался невыясненным лишь один вопрос, касающийся бомбы и мистера Лайтфута. Мама задала его на третий день после Рождества, когда на крыши домов Зефира лил холодный дождь.

– Том, – сказала она.

Мы сидели в гостиной и грелись перед пылающим камином. Я читал «Золотые яблоки Солнца» – эту книгу с недавних пор невозможно было вырвать у меня из рук даже силой.

– Скажи мне, каким образом мистер Лайтфут оказался в доме Моултри? Не думаю, что он добровольно вызвался разминировать бомбу.

Отец ничего не ответил.

Точно так же как родители каким-то шестым чувством догадываются о настроении своих детей, так и дети чувствуют настроение своих родителей. Я отложил книгу. Отец как ни в чем не бывало продолжал читать газету.

– Том, так ты не знаешь, кто велел мистеру Лайтфуту это сделать?

Отец откашлялся и прочистил горло.

– Можно сказать, что знаю, – тихо отозвался он.

– И кто же это был?

– Можно сказать... что я приложил к этому руку.

– Ты приложил руку? Каким же образом?

Отец оставил газету, очевидно поняв, что придется выложить все до конца.

– Я... съездил к Леди и попросил ее помочь.

Мама потрясенно молчала. В окно барабанил дождь, в камине трещало полено.

– Я так поступил, решив, что это единственный шанс для Дика. После того, что она сделала с патронташем Большого Дула... в общем, я подумал, что, может быть, она сумеет ему помочь. И я оказался прав. Леди тут же, прямо при мне, позвонила Маркусу Лайфуту.

– Так ты был у Леди дома? Ушам своим не верю! Ты сам пришел к Леди?

– Да, я побывал у нее. Сидел в ее кресле. Она угостила меня чашечкой кофе.

Отец пожал плечами:

– Честно говоря, я ожидал увидеть высохшие черепа на стенах и пауков черная вдова в каждом углу. Но ничего такого я не заметил. Я даже не знал, что она верующая.

– Ты был в доме у Леди, – повторила мама. – Не могу поверить! И это после всех твоих страхов – ты вдруг сам явился к ней!

– Я никогда не боялся Леди, – поправил маму отец. – Просто мне было немного не по себе, когда я думал о ней, только и всего.

– И она согласилась помочь Дику Моултри? Зная, что это он подложил бомбу к музею в Брутоне?

– Как тебе сказать... там все было не так просто, – признался отец.

– Не так просто? – Мама ждала продолжения, но отец молчал. – Я хотела бы услышать, как все произошло, – сказала мама.

– Она заставила меня пообещать, что я к ней загляну. Говорит, одного взгляда на меня достаточно, чтобы понять: меня что-то гложет изнутри, просто ест заживо. Ей даже не нужно было видеть меня, это заметно и на твоём лице, Ребекка, и на лице Кори. Будто бы это утопленник на дне озера Саксон не дает нам всем покоя.

Отложив газету, отец устремил взор на огонь.

– И знаешь, она права. Я пообещал прийти к ней завтра в семь часов вечера. Я собирался тебе все рассказать. А может быть, и не сказал бы ничего, не знаю.

– Это все твоя гордость, Том, – упрекнула его мама. – Выходит, ты сделал для Дика Моултри то, что отказался сделать для меня?

– Не совсем так, Ребекка. Просто я тогда не был готов прийти к Леди. А Дику нужна была помощь, и я нашел ее для него. А теперь я готов обратиться к ней за помощью для себя и для вас с Кори.

Поднявшись из кресла, мама подошла к отцу и встала за его спиной. Опустив руки ему на плечи, она прислонилась подбородком к его затылку. Я взглянул на их тени и увидел, что они слились в одну. Отец поднял руку и обнял маму за шею. Несколько мгновений они так и стояли, прижавшись друг к другу, под треск огня в камине.

И вот настал вечер, когда отец должен был отправиться к Леди.

Мы подъехали к ее дому без десяти минут семь. Мистер Дамаронд открыл нам дверь. Отец без всяких колебаний переступил порог дома Леди, все его страхи улетучились. К нам вышел Человек-Луна, в халате и домашних туфлях, и предложил отведать сухих крендельков, посыпанных солью. Миссис Дамаронд сварила нам кофе с цикорием по-новоорлеански, и мы подождали в гостиной, пока Леди готовилась принять нас.

Свои подозрения относительно дока Лезандера я решил пока держать при себе. Я все никак не мог поверить, что док Лезандер, который был так добр и внимателен к Бунтарю, может оказаться жестоким убийцей. Я составил цепочку из двух попугаев, но в конце этой цепочки отсутствовало звено, которое соединяло бы ее с доктором Лезандером и мертвецом на дне озера Саксон. Кроме зеленого перышка, у меня не было ничего – одни догадки. Разве тот факт, что доктор не любит молоко и не спит по ночам, делает его убийцей? Прежде чем я расскажу родителям о своих подозрениях, я должен запасть куда более весомыми доказательствами.

Нам не пришлось долго дожидаться. Мистер Дамаронд пригласил нас следовать за ним, но провел нас не в спальню Леди, а в комнату напротив. Там нас дожидалась Леди, сидевшая на стуле с высокой спинкой перед раскладным карточным столиком. На ней не было ни мантии жреца культа вуду, ни шляпы колдуна – она надела обычное темно-серое платье с булавкой в форме танцующего арлекина на отвороте. Но эта комната определенно представляла собой ее приемную; на полу лежал плетенный из тростника коврик, а в углу в большом глиняном горшке росло кривое деревце. Выкрашенные

бежевой краской стены оставались голыми. Мистер Дамаронд вышел, закрыв за собой дверь, после чего Леди кивнула моему отцу:

– Присядьте, Том.

Отец повиновался. Я знал, что папа нервничает: он сглотнул, и в горле у него щелкнуло. Когда Леди взяла с пола докторский саквояж, стоявший возле стула, отец чуть вздрогнул. Поставив саквояж на стол, Леди раскрыла его.

– Надеюсь, будет не больно? – спросил отец.

– Не знаю. Это от многого зависит.

– От чего?

– Насколько глубоко мы должны залезть, чтобы добраться до истины, – ответила Леди.

Она вынула из саквояжа что-то завернутое в кусок синей ткани. Развернув ткань, она поставила на стол серебряную шкатулку филигранной работы и положила рядом колоду карт. Вслед за картами на стол лег листок бумаги для пишущих машинок. В свете лампы я увидел на бумаге водяные знаки «Нифти» – точно таким же сортом я пользовался, печатая свои рассказы. Вслед за бумагой Леди достала из саквояжа аптекарский пузырек с тремя речными камешками-голышами: один был черный, как эбеновое дерево, другой – красновато-коричневый, третий – белый с серыми полосками.

– Раскройте правую руку, – сказала она отцу и, когда тот исполнил ее просьбу, вытряхнула из пузырька речные голыши ему на ладонь. – Теперь потрите камни в руке, – велела она.

Услышав эту просьбу, отец нервно улыбнулся, но повиновался.

– Эти камни, случайно, не из живота Старого Мозеса?

– Нет. Это простые голыши, я сама их нашла. Покатайте их в руке, они успокоят вас.

– Хорошо, – отозвался отец, и камни зашуршали в его ладони.

Мы с мамой стояли в стороне, не желая мешать Леди, что бы там она ни собиралась делать. Я терялся в догадках, чего следует ожидать. Может быть, сейчас начнется церемония с факелами, когда люди танцуют, образовав круг, и безумно орут? Хотя ничего на это не намекало. Леди принялась тасовать колоду. Судя по тому, как ловко она это делала, я заподозрил, что она давала уроки Мэверику^[44].

– Расскажите мне о своих снах, Том, – попросила она под монотонный шелест летящих между ее гибкими пальцами карт.

Отец с тревогой оглянулся на нас.

– Вы хотите, чтобы они вышли? – спросила Леди.

Но отец покачал головой:

– Мне снова и снова снится, как автомобиль падает в озеро Саксон. После этого я оказываюсь в воде и вижу сквозь стекло автомобиля мертвеца. Его лицо... оно полностью разбито. На его запястьях – наручники. Вокруг горла затянута рояльная струна. Машина погружается в пучину, вода заливают салон... – Отец на секунду замолчал. Камешки щелкали в его руке. – И тут утопленник поворачивается ко мне и улыбается. На его разбитом лице улыбка выглядит особенно ужасно. А потом он начинает говорить, и голос звучит глухо... словно грязь булькает в его горле.

– Что он говорит вам?

– Он говорит... он говорит мне: «Пойдем со мной вниз, в темноту».

Лицо отца исказилось от боли. Глядя на него, я тоже страдал.

– Именно это он и говорит мне обычно: «Пойдем со мной вниз, в темноту». Потом он протягивает ко мне руку, ту, на которой нет наручника. Он тянет руку, и я отшатываюсь, потому что не могу позволить ему прикоснуться ко мне. На этом сон кончается.

– У вас бывают и другие сны?

– Бывают иногда, но этот повторяется особенно часто. Иногда мне кажется, что я различаю доносящуюся откуда-то издалека музыку, словно кто-то играет на пианино или рояле. Иногда мне кажется, что я слышу, как кто-то громко кричит, но разобрать слова невозможно. Иногда я вижу пару рук: в одной из них рояльная струна, а в другой – толстая деревянная дубинка, обмотанная черной изолентой. Лица во снах, как правило, расплывчатые, будто я вижу их сквозь кровь, которая заливают мне глаза, а иногда я едва могу сфокусировать взгляд. Но все-таки чаще всего я вижу во сне падающую в озеро машину.

– Ребекка рассказывала вам, что иногда я тоже вижу обрывки ваших снов? – спросила Леди, не прекращая тасовать карты. Звук был гипнотическим, успокаивающим. – Как и вы, я тоже слышу фортепианную музыку и вижу рояльную струну и бейсбольную битку. Я видела и татуировку, но больше ничего.

Леди тихо улыбнулась:

– Сдается мне, Том, что мы во сне подключены к одной и той же розетке, но на вашу долю достается больше электричества. Что

скажете?

– Вам виднее, ведь это вы мистик, а не я, – ответил отец.

– Точно, я. По крайней мере, так считают. Но у всех людей, Том, во сне открывается особое зрение. Все люди, кто больше, кто меньше, видят во сне отдельные лоскутки одеяла. Вышло так, что вы, Том, оказались ближе всех к иному, не нашему миру. Ближе меня, Том. Вот такие дела.

Отец продолжал катать в ладони камешки. Леди тасовала карты и ждала.

– Сначала я видел сны сразу, как засыпал, – заговорил он. – Но потом сны начали приходить, когда я вообще не спал, и даже днем. Мерещится одно и то же, раз за разом – лицо за окном машины и распухшие губы, которые зовут: «Пойдем со мной вниз, в темноту». Я слышу этот голос, словно в горле у него булькает донная грязь, и я... Я уже близок к помешательству, потому что никак не могу от этого избавиться. Совсем не отдыхаю. А по ночам я не сплю, просто боюсь заснуть... – Голос отца смолк.

– Чего вы боитесь? – попыталась помочь Леди.

– Боюсь... снова услышать мертвеца, боюсь, что он заставит меня сделать то, чего желает.

– Чего же он хочет от вас, Том?

– Думаю, он хочет, чтобы я убил себя, – глухо ответил отец.

Леди перестала тасовать карты. Рука мамы нашла мою руку и крепко сжала ее.

– Мне кажется, он хочет, чтобы я пришел к озеру и утопился. Он ждет меня к себе вниз, в темноту.

Леди пристально смотрела на отца, – казалось, ее изумрудные глаза вбирают в себя свет.

– Зачем же ему это нужно, Том?

– Не знаю. Может быть, ему одиноко там, внизу.

Отец попытался улыбнуться, но у него ничего не вышло: губы его не слушались.

– Я хочу, чтобы вы крепко-крепко подумали. Вспомните, что говорит утопленник, слово в слово.

– Да. Он говорит мне: «Пойдем со мной вниз, в темноту». Он говорит это неразборчиво, потому что у него разбита челюсть и в горле

что-то клокочет. Грязь, или кровь, или вода, не знаю... но слова точно такие.

– И больше ничего? Он не называет вашего имени?

– Нет, ничего такого.

– Вам не кажется это забавным, Том? – спросила отца Леди.

Отец хмыкнул:

– Хотел бы я знать, что тут можно найти забавного!

– Дело вот в чем: мертвец имеет возможность поговорить с вами – передать послание с того света – и тратит все время на то, чтобы склонить вас к самоубийству. Почему бы ему не сказать вам, кто его убил?

Отец мигнул. Теперь настала его очередь прекратить катать в ладони камешки.

– Я... я никогда не задумывался об этом.

– Тогда подумайте теперь. У мертвеца есть голос, пусть даже и не слишком разборчивый. Почему бы ему не назвать имя убийцы?

– Не знаю. По-моему, он бы сделал это, если бы мог.

– Он назвал бы это имя, – согласилась Леди. – Если бы знал, что разговаривает с *вами*.

– Не понимаю.

– Может быть, в эту розетку включены три вилки?

Лицо отца озарилось пониманием. Точно так же, как и мое лицо, и лицо мамы.

– Мертвец разговаривает вовсе не с вами, Том, – сказала Леди. – Он разговаривает со своим убийцей.

– Вы... хотите сказать, что я...

– Вы видите сны убийцы, Том, точно так же, как я вижу ваши сны. Господи, Том! Похоже, во сне у вас открывается зоркое око!

– Значит, он не хочет... чтобы я убил себя за то, что не смог вытащить его из машины?

– Нет, – ответила Леди. – Я в этом уверена.

Отец зажал свободной рукой рот. В его глазах заблестели слезы, и я услышал, как мама рядом со мной всхлипнула. Отец наклонил голову вперед. На стол упала одна-единственная слеза.

– Теперь надо сделать разрез поглубже, – сказала Леди, кладя руку на предплечье отца. – Это будет больно, но принесет вам облегчение, Том. Словно вырезать из тела раковую опухоль.

– Да. – Голос отца звучал хрипло. – Да.

– Если хотите, можете выйти и полчаса погулять, а потом возвращайтесь назад.

Плечи отца задрожали. Непомерная ноша покидала его, тонна за тонной. Он глубоко, с усилием вдохнул воздух, словно человек, чья голова только что показалась на поверхности темных вод.

– Со мной все в порядке, – сказал он, но так и не поднял глаз. – Дайте мне всего минуту.

– Я не тороплю вас, подождем сколько нужно.

Наконец отец взглянул на Леди. Он по-прежнему оставался тем же человеком, что и мгновение назад; его лицо все так же было изрезано морщинами, а подбородок немного отвис. Но в глазах его появился свет, словно он снова стал мальчишкой. Он был свободен.

– Наверно, вы пытаетесь угадать, кто убийца? – спросила отца Леди.

Отец кивнул.

– На том берегу реки у меня много друзей. Доживете до моих лет, Том, и у вас там друзей окажется больше, чем на этом берегу. Они видят и знают гораздо больше нас и иногда говорят об этом мне. Но они обожают играть со мной в игры, загадывать всякие шарады. Ни разу в жизни я не получила от них четкого и прямого ответа на свой вопрос. Ответ всегда был уклончивым, но я не помню ни одного случая, чтобы обитатели того берега ошиблись. Как вы посмотрите на то, если я обращаюсь к ним по этому поводу?

Леди спросила отца так, словно говорить о таких вещах для нее было делом привычным.

– Я не возражаю.

– У вас не должно быть возражений. Вы ведь твердо решили, Том?

– Да, – после краткого колебания ответил отец.

Открыв серебряную шкатулку, Леди вытряхнула на стол шесть небольших гладких костей.

– Положите на стол голыши, – приказала она отцу. – А это возьмите в правую руку.

Отец брезгливо посмотрел на то, что лежало перед ним на столе.

– Это обязательно? – спросил он.

Леди ответила не сразу. Потом вздохнула и сказала:

– Вовсе нет. Эти кости создают нужное настроение, только и всего.

Быстрым движением руки Леди смахнула со стола кости обратно в серебряную шкатулку и отставила ее в сторону. Потом снова взялась за саквояж. На этот раз на столе появился флакон с прозрачной жидкостью и пластмассовая коробочка с ватными тампонами. Поставив все это между собой и отцом, Леди откупорила бутылочку.

– Оставьте в покое голыши, Том, – сказала она отцу. – И дайте мне указательный палец.

– Зачем?

– Затем, что я об этом прошу.

Отец повиновался. Откупорив пузырек, Леди перевернула его, смочив один из ватных тампонов, после чего протерла тампоном кончик указательного пальца отца.

– Это спирт, – объяснила она. – Я купила его у доктора Пэрриша.

Взяв лист бумаги, она положила его на стол. Потом развернула нечто, находившееся в куске синей ткани. Это была палочка с двумя иглками на одном из концов.

– Не отдергивайте палец, – предупредила Леди отца, взяв в руку палочку с иглами.

– Что вы собираетесь делать? Вы что, хотите уколоть меня этим?

Быстро качнувшись вниз, иглы впились в кончик отцовского пальца.

– Ой! – вскрикнул он.

Я тоже вздрогнул, даже почувствовал в кончике указательного пальца фантомную боль. Через мгновение в дырочках, пробитых иглами, появилась кровь.

– Держите палец так, чтобы кровь не попадала на бумагу, – велела Леди отцу.

После этого, действуя очень быстро, она протерла спиртом кончик собственного указательного пальца на правой руке, а левой резко уколола себя иглой. У нее тоже потекла кровь.

– Теперь задайте свой вопрос, – сказала она. – Проговорите его отчетливо, но не вслух, а про себя. Спрашивайте так, будто ожидаете, что вам сразу ответят. Действуйте.

– Сделано, – сказал отец через несколько секунд. – Что теперь?

– Какого числа машина упала в озеро Саксон?

– Шестнадцатого марта.

– Капните восемь капель крови в центр листа. Не жалеите. Восемь капель – ни больше ни меньше.

Отец сдвинул кончик пальца, и капли крови закапали на бумагу. Леди добавила на белый лист бумаги восемь капель своей крови.

– Хорошо, что это случилось не тридцать первого, – пробормотал отец.

– Возьмите бумагу в левую руку и скомкайте так, чтобы кровь оказалась внутри, – приказала Леди отцу, не обращая внимания на его шутку.

Отец сделал все так, как она сказала.

– Держите бумагу и повторите свой вопрос вслух.

– Кто убил человека, который лежит на дне озера Саксон?

– Сожмите бумагу крепче, – сказала отцу Леди, зажимая ранку на своем кровоточащем пальце другим ватным тампончиком.

– Ваши друзья сейчас здесь? – спросил отец, стискивая левой рукой бумажный комок.

– Мы скоро все узнаем, чуточку терпения.

Леди вытянула вперед левую руку, раскрыв ладонь:

– Отдайте бумагу мне.

Как только смятый комок оказался на ее ладони, Леди строго проговорила, обращаясь в пустоту:

– А теперь не выставляй меня душой. Вопрос, который ты слышала, очень важный и заслуживает ответа. И по возможности, поменьше загадок. Нам нужен ответ, который мы могли бы понять. Надеюсь, ты поможешь нам.

Леди замолчала и ждала, наверно, секунд пятнадцать. Потом бросила скомканный листок бумаги на середину стола:

– Разверните бумагу, Том.

Отец послушно принялся разворачивать листок. Сердце мое бешено колотилось. Если бы я увидел написанное кровью имя «доктор Лезандер», наверно, тут же грохнулся бы в обморок.

Когда листок наконец был развернут и разглажен на столе, мы с мамой заглянули туда через плечо отца. В самом центре листка расплылось большое пятно крови, несколько капелек поменьше неровным кольцом окружали его со всех сторон. Я не смог бы разглядеть в этом беспорядке имя, даже если бы речь шла о моей жизни. Леди несколько секунд рассматривала бумагу, а потом, достав из саквояжа карандаш, принялась соединять между собой отдельные пятнышки.

– Я ничего не вижу, – признался отец.

– Нужно верить, – сказала Леди.

Как замороженный, я следил за тем, как кончик карандаша скользит по бумаге от одного пятнышка крови к другому. За карандашом тянулась длинная изогнутая линия.

Кончик карандаша продолжал двигаться, и неожиданно я понял, что вижу перед собой цифру 3.

Карандаш снова вывел кривую.

Вторая тройка.

Карандаш остановился и оторвался от бумаги. Все пятна крови были соединены между собой.

– Вот все, что мы получили, – сказала Леди, нахмурившись. – Две тройки.

– Но это не имя, верно? – спросил отец.

– Они снова решили заставить меня поломать голову. Хотела бы я, чтобы на этот раз они предложили загадку *полегче!*

Леди в раздражении отбросила от себя карандаш.

– Что ж, это все, чем мы располагаем, – сказала она.

– Неужели *это* все? – Отец пососал уколотый палец. – Вы уверены, что сделали все правильно?

Взгляд, которым Леди удостоила отца, невозможно описать словами.

– Две тройки, – повторила она. – Вот и весь ответ. Может быть, это тридцать три. Если мы догадаемся, что это значит, раскроем имя убийцы.

– Не знаю никого, у кого было бы по три буквы в имени или фамилии. Или это адрес?

– Понятия не имею. Все, что мне известно, – эти две тройки, что я вижу перед собой.

Леди подтолкнула измятый листок к отцу – теперь бумага, которой надлежало оберегать его от душевной боли и неприятностей, принадлежала ему.

– Извините, Том, но это все, что я могу сделать.

– Понимаю, – сказал отец, вставая и беря со стола бумагу.

Как только это было сказано, Леди тотчас сняла маску официальности и снова превратилась в общительную пожилую женщину. Она сказала, что чувствует запах свежего кофе и шоколадного рулета, приготовленного миссис Перл из булочной «Бейк-

шопп». Отец, который до визита к Леди ел как птичка, умял два огромных куска рулета, запив их двумя чашками черного кофе с цикорием. Они с Человеком-Луной поговорили немного о том памятном дне, когда семейство Блэйлок потерпело поражение в схватке с законом у автобусной остановки компании «Трэйлвейз». Отец посмеялся, вспомнив, какой ужас охватил Большое Дуло, когда он вместо патронов обнаружил в своем подсумке садовых змеек.

Отец выздоровел и снова стал самим собой, а может быть, даже лучше прежнего.

– Спасибо вам за все, – сказал он Леди, когда мы уже стояли в дверях.

Мама взяла ее за руку и поцеловала в черную, как эбеновое дерево, щеку. На прощание Леди взглянула на меня своими зелеными, сияющими, как изумруд, глазами.

– Ты по-прежнему собираешься стать писателем? – спросила она.

– Я еще не решил, – ответил я.

– Мне кажется, писатель держит в своих руках множество ключей. За свою жизнь он успевает посетить огромное количество миров и побывать в шкуре самых разных людей. А если писателю повезет и он по-настоящему талантлив, ему выпадает шанс жить вечно. Как тебе это нравится, Кори? Тебе хотелось бы жить вечно?

Я подумал об этом. Вечность, так же как и небеса, были понятиями, подразумевавшими невероятную протяженность времени.

– Нет, мэм, – наконец ответил я. – Я бы просто устал.

– Ты должен понимать, – сказала она, положив мне руку на плечо, – что я веду речь о голосе писателя, о его книгах – они-то и живут вечно, в отличие от мальчика, который вырастет, и мужчины, который когда-нибудь умрет.

Леди наклонилась ко мне, приблизив лицо. Я почувствовал исходившее от нее тепло жизни, словно в глубине ее тела горело неугасимое солнце.

– Тебя будут целовать девушки, много девушек, – прошептала она мне. – Ты тоже будешь целовать девушек. Но *это* ты должен запомнить навсегда.

Она легко поцеловала меня в лоб.

– Помни во все следующие лета, полные поцелуев и девушек, что первой, кто тебя поцеловал, – на ее старом, но прекрасном лице

появилась улыбка, – была Леди.

После этого мы отправились домой. Взяв телефонную книгу, отец проштудировал все страницы, разглядывая и сравнивая имена, изучая адреса в поисках заветного числа 33. Оно встречалось в адресах двух частных домов и одного офиса. То были: Филип Колдуэлл, Риджтон-стрит, 33; Дж. И. Грэйсон, Дирман-стрит, 33, и «Крафтс барн» на Мерчантс-стрит, 33. По словам отца, мистер Грэйсон ходил в ту же церковь, что и мы, и ему было около девяноста лет. Что касается мистера Филипа Колдуэлла, то, насколько мог припомнить отец, тот служил коммивояжером в компании «Вестерн авто» в Юнионтауне. В «Крафтс барн» всем заведовала женщина с голубыми волосами по имени Эдна Хатауэй, которую мама немного знала. По маминым словам, выглядело весьма сомнительным, что миссис Хатауэй, дама преклонного возраста, которая не отваживается на прогулки по городу в одиночестве, имеет какое-либо отношение к трагедии на озере Саксон. Отец решил нанести визит мистеру Колдуэллу завтра, с утра пораньше, пока тот не уехал на работу.

Любая тайна не могла оставить меня равнодушным и гнала из постели. Не успела стрелка часов указать на цифру 7, как я уже подскочил с горящими глазами, и отец сказал, что я могу составить ему компанию в поездке к мистеру Колдуэллу, если обещаю держать рот на замке, когда он будет разговаривать с хозяином.

По дороге отец сказал, что я должен понимать: из дипломатических соображений в разговоре с мистером Колдуэллом ему придется прибегнуть к откровенной выдумке. Я изобразил изумление и встревоженность, услышав от отца такое признание, но так как сам в последнее время нередко прибегал ко лжи во спасение, то, разумеется, никак не мог разочароваться в своем родителе. Так или иначе, оправдание у нас имелось.

Небольшой дом мистера Колдуэлла, сложенный из красного кирпича, находился в четырех кварталах от заправочной станции и выглядел ничем не примечательным. Припарковав пикап у тротуара, мы вылезли из машины и направились к входной двери. Отец нажал кнопку звонка. Ждать нам пришлось долго. Дверь открыла женщина средних лет, с отвислыми щеками и заспанными глазами. На ней был розовый стеганный халат.

– Прошу прощения, мистер Колдуэлл дома? – спросил отец.

– Филип! – крикнула женщина внутрь дома. – Фи-и-и-ли-и-ип!

Ее голос напоминал циркулярную пилу, на высоких оборотах вгрызающуюся в толстое бревно.

Через минуту перед нами появился седовласый мужчина с галстуком-бабочкой, в коричневых брюках и свитере цвета ржавчины.

– Слушаю вас.

– Здравствуйте, я Том Маккенсон. – Отец протянул мужчине руку, и тот пожал ее. – Я слышал, что вы работаете в компании «Вестерн авто» в Юнионтауне? Вы шурин Рика Спаннера?

– Совершенно верно. Вы знаете Рика?

– Одно время мы работали вместе в «Зеленых лугах». Как у него дела?

– Дела у него пошли в гору после того, как он недавно нашел работу. Правда, для этого ему пришлось переехать в Бирмингем. Не завидую Рику, сам бы я ни за что не согласился жить в большом городе.

– Совершенно с вами согласен. По правде сказать, я заявился к вам в такую рань только потому, что сам недавно потерял работу на молочной ферме.

Отец невесело улыбнулся:

– Теперь я работаю у «Большого Пола».

– Я бывал там. Здоровенный магазин.

– Да, сэр, в точности так. Но поэтому мне там и неуютно. Я хотел спросить у вас... э-э-э... гм...

Хотя отец и подготовился к вранью, ложь застряла у него в горле.

– В «Вестерн авто» для меня не найдется работы?

– Вряд ли. В прошлом месяце мы уже взяли нового человека, так что сами понимаете. – Мистер Колдуэлл нахмурился. – А почему вы пришли ко мне? Могли бы зайти в контору и спросить там.

Отец пожал плечами:

– Решил сэкономить на бензине, только и всего.

– Все равно советую заглянуть в офис и написать заявление. Никогда не знаешь, что случится завтра. Менеджера по кадрам зовут мистер Аддисон.

– Благодарю вас. Возможно, я так и сделаю.

Мистер Колдуэлл кивнул. Отец продолжал топтаться у двери.

– У вас ко мне что-то еще?

Глаза отца внимательно изучали лицо хозяина дома. Мистер Колдуэлл недоуменно поднял бровь.

– Нет, – ответил отец, и по его голосу я понял, что он не нашел ответа на свой вопрос. – Благодарю вас. Извините за беспокойство.

– Пожалуйста. Ничего страшного. Советую все-таки заглянуть в офис и написать заявление. Мистер Аддисон подошьет его в папку, и при случае у вас может появиться шанс.

– Хорошо. Обязательно.

Мы возвратились в машину. Запустив двигатель, отец спросил:

– Похоже, с ним мы промахнулись, как ты считаешь?

– Похоже на то, сэр.

Все это время я старался понять, что общего с доком Лезандером могло иметь число 33, но так и не нашел ни одной зацепки. Сплошная пустота.

Как и в баке у нашего грузовичка.

– Ого! – присвистнул отец, взглянув на стрелку. – Придется заправляться. Надеюсь, не возражаешь?

Он улыбнулся мне, и я ответил ему улыбкой.

Мы завернули на стоянку. Мистер Хайрам Уайт, выбравшись из своего святилища радиаторов и ремней передачи, прошаркал к колонке, чтобы накачать нам бензина.

– Отличный денек выдался, – заметил мистер Уайт, поглядывая на голубое небо.

Вновь похолодало. Январь рвался поскорее войти в свои права, словно норовистая лошадка, грызущая удила.

– Это точно, – отозвался отец, прислонившись плечом к дверце грузовичка.

– Сегодня не собираетесь устраивать стрельбу?

– Нет, вроде бы ничего такого не намечается.

Мистер Уайт ослабился:

– Скажу тебе честно, Том, это было даже круче, чем по телевизору.

– Слава богу, что никого не убили.

– Да, хорошо еще, что автобус тогда опоздал, а то не обошлось бы без жертв.

– Верно, как дождь.

– Слышал о том, как чудовище напало на автобус на трассе десять?

– Само собой.

Отец взглянул на часы.

– Эта зверюга едва не перевернула автобус, такую-то махину. Знаешь Корнелиуса Макгроу? Он вот уже восемь лет водит тридцать третий.

– Лично незнаком.

– Так вот, он мне рассказывал, что чудище было здоровенное, что твой бульдозер. А бегаёт быстро, как олень. Он сказал, что в последний момент пытался свернуть в сторону, но зверюга так саданула автобус рогом в борт, что он едва не развалился. Пришлось отправить его на свалку.

– Да ну?

– Точно.

Наполнив бак, мистер Уайт вытащил пистолет из отверстия и вытер его тряпкой, чтобы не испачкать бензином борт нашего грузовика.

– Вчера пришел новый автобус взамен разбитого. Гляжу, а за рулем-то снова старина Корни! И номер тот же – тридцать третий. Выходит, на свете мало что меняется. Как считаешь, Том?

– Никогда об этом не задумывался, – ответил отец и расплатился.

– Поезжай осторожнее! – крикнул вслед мистер Уайт.

Мы уже проехали половину дороги к дому, когда отец вдруг сказал:

– Нужно просмотреть телефонную книгу еще раз. Может быть, я все-таки что-то упустил.

Он мельком взглянул на меня, а потом снова перевел взгляд на летевшую под колеса дорогу.

– Выходит, насчет Леди я ошибался, Кори. Она оказалась вполне приличной женщиной.

– Да, сэр.

– Ну и ладно, хорошо, что так все вышло. Теперь, когда я узнал, что этот парень совсем не меня зовет со дна озера, у меня здорово полегчало на душе. А того, кого он зовет, можно только пожалеть. Этот несчастный, наверно, глаз ночью не может сомкнуть, если вообще спит.

«Убийца – „сова“», – вспомнил я слова Вернона. Все, теперь, кажется, пора.

– Папа! – начал я. – Мне кажется, я знаю, кто...

– Господи помилуй! – внезапно воскликнул отец и так ударил по тормозам, что пикап развернуло и вынесло на чью-то лужайку. Мотор

содрогнулся и умолк. – Ты слышал, что сейчас сказал мистер Уайт?

Голос отца дрожал от возбуждения.

– Он сказал «тридцать третий»! «Тридцать третий номер» – вот что он сказал!

– Не понял, сэр.

– Автобус компании «Трэйлвейз»! Номер тридцать три! Он несколько раз повторил это, а я и ухом не повел! Может быть, Леди говорила нам именно об этих цифрах?

Я почувствовал прилив гордости, оттого что отец интересуется моим мнением, но все, что я мог ответить, было:

– Не знаю.

– Корнелиус Макгроу точно не мог быть убийцей. Он даже не местный. Но какая связь может существовать между автобусом и убийцей человека, которого сбросили в озеро Саксон?

Отец крепко задумался, стиснув руль. На крыльце появилась женщина с метлой в руках и закричала нам, чтобы мы немедленно убирались, пока она не позвонила шерифу. Мы тут же последовали ее совету.

Развернув грузовик, отец покатил обратно к заправочной станции. Мистер Уайт вновь появился перед нами на пороге своего заведения.

– Неужто уже успели сжечь полный бак бензина? – поинтересовался он.

Но единственное, что нужно было отцу, – утолить свое любопытство.

– Когда снова приедет тридцать третий? – торопливо спросил он мистера Уайта.

Тот ответил, что ждать автобуса следует завтра около полудня.

Отец обещал, что обязательно приедет.

За ужином он сказал маме, что, может быть, ошибается и ничего из этого не выйдет, но завтра в полдень он обязательно отправится на заправочную станцию, чтобы встретить автобус. Ему нужно видеть вовсе не Корнелиуса Макгроу: он обязательно хочет узнать, кого тридцать третий доставит в Зефир или же заберет из городка.

На следующий день в полдень я был вместе с отцом возле заправки. Мистер Уайт доводил нас до исступления рассказами, как трудно стало нынче достать хороший «годжо», чтобы отмыть руки от машинного масла.

Отец тронул меня за руку и сказал:

– Вот он идет, Кори.

И мы вышли из тени на яркий солнечный свет, чтобы встретить автобус. «Трэйлвейз» под номером 33, четко выведенным на табличке на ветровом стекле, промчался мимо, даже не притормозив, лишь раз приветственно прогудев. Мистер Уайт в ответ помахал мистеру Макгроу рукой.

Отец долго смотрел автобусу вслед, а когда он повернулся к мистеру Уайту, я понял по напряженным отцовским скулам, что у него появилась цель.

– Автобус опять придет послезавтра, Хайрам? – спросил отец хозяина заправки.

– В точности так, Том, – ответил тот. – Ровнехонько в полдень, как часы.

Прищурившись, отец легонько постучал пальцем по губам. Я знал, о чем он думает. Как он сможет встречать автобус в те дни, когда должен будет находиться на работе в «Большом Поле»?

– Хайрам, – сказал он наконец, – ты никогда не думал завести себе на заправке помощника?

– Ну... в общем-то, тут особенно...

– Я согласен на доллар в час, – решительно перебил его отец. – Буду качать тебе бензин, вымету гараж, сделаю все, что ты попросишь. Если нужно будет работать сверхурочно, прекрасно. Доллар в час. Ну что скажешь, Хайрам?

Озадаченно хмыкнув, мистер Уайт оглянулся на свой захламленный гараж:

– Ты как раз напомнил мне, что я давно собирался устроить тут ревизию. Разобрать и пересчитать тормозные колодки, прокладки, шланги радиаторов и все такое. Еще одна пара сильных рук и крепкая спина мне не помешают.

Точь-в-точь Квазимодо – хранитель приводных ремней. Мистер Уайт протянул руку отцу:

– Если тебе действительно нужна эта работа, Том, считай, что ты ее получил. С шести часов утра, если тебя это устраивает.

– Ровно в шесть буду на месте, – отозвался отец, пожимая руку мистеру Уайту.

Чего-чего, а решительности моему отцу не занимать.

В назначенный час автобус опять пролетел мимо заправки, даже не замедлив хода, но отец знал, что он снова прибудет в полдень, точно по расписанию, и остается только ждать его.

В наступивший Новый год мы смотрели по телевизору праздничные гуляния на Таймс-сквер. Ровно в полночь в небе над Зефиром загорелись огни фейерверка, в церкви зазвонили в колокола, а на улице задудели клаксоны автомобилей. Наступил 1965 год. За новогодним столом мы съели по пятнистой фасолине, чтобы наступающий год принес нам серебро, по листику капусты, чтобы он принес нам золото, а потом смотрели по телевизору футбол до тех пор, пока наши мягкие места не заболели от долгого сидения. Прислушиваясь краем уха к реву болельщиков, отец шариковой ручкой выводил в блокноте, лежавшем у него на коленях, бесконечные 33... 33... 33 в виде мозаики цифр. В конце концов мама попросила отца отложить блокнот и ручку и расслабиться хотя бы на Новый год. Отец так и сделал, но вскоре его пальцы вновь машинально нащупали блокнот. По тому, как мама посматривала на отца, я понял, что его состояние снова вызывает у нее тревогу: число 33 стало для него новой навязчивой идеей, изводившей не хуже ночных кошмаров. Время от времени отец видел прежний сон, но теперь относился к нему спокойнее, зная, что утопленник зовет на дно вовсе не его. Очевидно, для того, чтобы избавиться от одной навязчивой идеи, отцу пришлось найти взамен другую.

После каникул я, Бен и Джонни, как и все юное поколение Зефира, вернулись к учебе. В первый же день мы обнаружили, что у нас теперь новая учительница – мисс Фонтэйн, молоденькая, свежая и прекрасная, как весна. Кстати, за окнами зима бушевала вовсю.

Каждый второй день, ровно в полдень, отец выходил из дверей бензозаправочной станции при любой погоде – будь то пронизывающий ветер, мокрый снег или бледное холодное солнце – и дожидался появления тридцать третьего автобуса компании «Трэйлвейз», с водителем Корнелиусом Макгроу за рулем. И всякий раз при появлении автобуса сердце отца начинало бешено колотиться.

Автобус не остановился ни разу. Он следовал своим маршрутом куда-то дальше.

Когда автобус уходил, отец возвращался в служебное помещение, где по большей части проводил время за игрой в домино с мистером

Уайтом. Отец усаживался на скрипучий стул, дожидаясь следующего приезда автобуса.

Глава 6

Незнакомец среди нас

Наступил январь, холодный как могила.

В одиннадцать часов в субботу шестнадцатого числа я забрался на Ракету и покатил к «Лирику» на встречу с Беном и Джонни. Небо было затянуто покрывалом низких туч, в воздухе висела ледяная изморось. Я закутался в одежду по самые уши, словно эскимос, но, добравшись до кинотеатра, предполагал снять куртку и перчатки. Сегодня шел «Ад для героев». Афиша этого фильма изображала американских солдат с потными лицами, припавших к земле за пулеметом и базукой в ожидании вражеской атаки. В качестве дополнения к фильму предполагались мультики о Даффи Даке и очередная серия «Бойцов с Марса». Предыдущая серия закончилась на том, что бойцов завалило в марсианской шахте огромным валуном. Я обдумывал, как они могли бы спастись из завала: например, в последний момент вдруг обнаруживался боковой туннель, о котором они раньше не знали.

По пути к кинотеатру я сделал крюк, который, как потом оказалось, многое определил в последующих событиях. Я свернул, чтобы проехать мимо дома дока Лезандера.

Я не видел его с рождественской службы. Тогда я назвал его Птичником и смело встретил его взгляд, словно вмиг заледеневший. Я даже начал подумывать, не сбежала ли чета Лезандер. Несколько раз я собирался поделиться своими догадками и подозрениями с отцом, но у того в голове крутилось только «тридцать три», а у меня по-прежнему не было никаких доказательств, кроме зеленого перышка да двух мертвых попугаев.

Я остановился у начала подъездной аллеи и какое-то время наблюдал за домом Лезандеров. Окна были темными. Дома ли хозяева? Мне хотелось это выяснить. Быть может, ветеринар и его жена бежали под покровом ночи, по неизвестным мне приметам решив, что им угрожает опасность? Какое-то время я наблюдал за домом: ни проблеска света, ни каких-либо других признаков жизни. Герои и бойцы могут подождать. Я направил велосипед по дорожке к дому

Лезандеров и объехал его кругом. Табличка с надписью «Пожалуйста, держите на привязи своих животных» оказалась на месте. Я слез с Ракеты, поставил ее на стойку и осторожно заглянул в ближайшее окно.

Кромешная темень. Поначалу я мог различить только очертания мебели, но потом глаза немного привыкли к мраку, и я сумел разглядеть двенадцать керамических птичек, стоящих на пианино. В этой комнате обычно находились клетки с птицами. Кабинет доктора Лезандера был расположен ниже, ближе к преисподней. Невольно мне представилась миссис Лезандер, восседающая за пианино и раз за разом наигрывающая «Прекрасного мечтателя», в то время как зеленый и голубой попугаи бьются в клетках, а снизу, из подвала, через вентиляционное отверстие доносятся ругательства и крики. Но почему ругались по-немецки?

Внезапно вспыхнул свет. Мое сердце подпрыгнуло и заколотилось: так, вероятно, чувствует себя заключенный, застигнутый при попытке совершить побег. Мгновенно обернувшись, я увидел у заднего крыльца машину, фары которой были направлены прямо на меня. Это был серый «бьюик» последней модели, его никелированный радиатор напоминал оскаленные в хищной улыбке зубы с металлическими коронками – работа врача-ветеринара хорошо оплачивалась. Я бросился к Ракете, но не успел поднять стойку, как чей-то голос спросил:

– Кто тут?

Передо мной стояла миссис Лезандер, сильно смахивавшая на медведицу из-за коричневого пальто, окутывавшего ее дородное тело. Воротник моей куртки был поднят, но, должно быть, она узнала Ракету.

– Кори, это ты?

Я понял, что попался. «Не волноваться, – сказал я себе. – Держать себя в руках».

– Да, мэм. Это я.

– Само провидение прислало тебя к нам, – заявила она. – Мне как раз нужна помощь. – Она обошла свою машину и отворила переднюю дверцу со стороны пассажира. – Я была в бакалейной лавке. Одной мне не донести все пакеты.

Кажется, Ракета что-то прошептала мне в этот миг. Верный велик настойчиво советовал мне вкрадчивым, озабоченным голосом: *«Беги, Кори. Сматывайся поскорее, пока еще можешь это сделать. Я унесу тебя прочь, только крепче держись за руль»*.

– Так ты поможешь мне?

Миссис Лезандер достала из машины первый из полудюжины увесистых бумажных пакетов. На каждом из них большими красными буквами было обозначено: «Кладовая Большого Пола».

– Я тороплюсь в кино, – неуверенно сказал я.

– Но это займет всего минутку.

Что может случиться со мной посреди бела дня? Я взял из рук миссис Лезандер пакет. Она достала второй пакет и, зажав его под мышкой, заперла машину.

Подул ветер, полы пальто миссис Лезандер распахнулись. В этот миг я понял, что именно ее массивную фигуру видел на опушке леса в то мартовское утро.

– Пойдем, – сказала она мне. – Дверь открыта.

Миссис Лезандер нависла у меня за спиной. Чувствуя, как ужас сжимает мое горло, я покорно переступил порог дома ветеринара, словно входил в марсианскую шахту.

– Десять, – сказал мистер Уайт, хлопая по столу очередной костяшкой домино.

– И еще десять, – отозвался отец, выставляя костяшку на своем конце стола.

– Вот черт, не знал, что она у тебя припасена! – Мистер Уайт покачал головой. – А ты хитрец, Том!

– Стараюсь не подкачать.

Раздалось тихое постукивание снежной крупы по стеклу. Мистер Уайт выглянул в окно. Облака потемнели, огни бензозаправочной станции пятнами света легли на асфальт. Отец бросил взгляд на настенные часы, которые показывали без двенадцати двенадцать.

– Ладно, что тут у нас? – Потирая подбородок, мистер Уайт, напоминая горбатого сфинкса, изучал свои костяшки. – А что

скажешь на это? – выкрикнул он, выхватывая одну из них. – Сейчас запишем на мой счет очков пятнадцать.

На улице зашипели тормоза.

Автобус номер 33 подъезжал к заправке мистера Уайта.

– Вот это да! – воскликнул он. – Что-то Корни сегодня рановато!

Отец уже был на ногах. Миновав кассовый аппарат, полки с моторным маслом и присадками к бензину, он направился к двери.

– Не иначе, Корни поймал попутный ветер! – заметил мистер Уайт. – А может, увидел чудовище на десятой трассе и прибавил газу!

Отец вышел на холод. Автобус остановился у желтой вывески компании «Трэйлвейз». Гидравлические двери со вздохом отъехали в сторону.

– Смотрите под ноги, джентльмены, не оступитесь! – услышал отец напутствие водителя.

Из автобуса вышли двое мужчин. Выл ветер, холодная снежная крупа хлестнула отцу в лицо, но отец не спешил спрятаться в тепло. Одному из приехавших было на вид за шестьдесят, другой казался вдвое моложе. Старший из мужчин, одетый в твидовое пальто и коричневую шляпу, держал в руке чемодан. Младший, в джинсах и бежевой куртке, нес большую спортивную сумку.

– Удачи вам, мистер Штайнер! – крикнул приехавшим Корни Макгроу.

Старший из мужчин повернул голову и, подняв руку в кожаной перчатке, помахал в ответ. Хайрам Уайт, вышедший вслед за отцом, поздоровался с приезжими, а потом, задрав голову, обратился к мистеру Макгроу:

– Эй, Корни, как насчет горячего кофейку?

– Нет, спасибо, Хайрам, мне нужно двигаться дальше. Моя сестра Дженни сегодня утром родила. Когда закончу маршрут, надо будет навестить ее. Это у нее третий ребенок, но мальчик впервые. В следующий рейс привезу тебе сигару.

– Буду держать спички наготове. Правь осторожнее, дядюшка Корни!

– Не беспокойся, старина! – отозвался Макгроу.

Дверь затворилась, автобус тронулся с места, а двое незнакомцев остались стоять напротив отца.

Лицо старшего, мистера Штайнера, было изборождено морщинами, но подбородок выглядел твердым, как гранитная глыба. Мокрый снег забрызгал его очки.

– Прошу прощения, – проговорил он с иностранным акцентом. – Вы не подскажете, где тут у вас отель?

– Сойдет и комната внаем, – подал голос молодой человек; у него были редкие светлые волосы и монотонный выговор жителя Среднего Запада.

– У нас нет отеля, – отозвался отец. – И комнат внаем никто не сдает. У нас здесь редко появляются приезжие.

– Вот как, – нахмурился мистер Штайнер. – А ближайший отель, скорее всего, в другом городе и до него далеко?

– В Юнионтауне есть мотель, называется «Юнион пайнс». До него...

Отец замолчал, уже подняв руку, чтобы указать направление.

– Может быть, вас нужно подвезти, парни?

– Было бы очень неплохо. Это как раз то, что нам нужно, мистер...

– Том Маккенсон, сэр.

Отец пожал протянутую руку в перчатке. От крепкого пожатия мужчины у отца хрустнули костяшки пальцев.

– Джейкоб Штайнер, – представился старший. – А это мой друг Ли Ханнафорд.

– Приятно познакомиться, – сказал отец.

Шестой пакет был самым тяжелым. В нем оказались собачьи консервы.

– Это нужно отнести вниз, – сказала мне миссис Лезандер, раскладывая банки с другими консервами на полки в буфете. – Когда спустишься, просто поставь пакет на стол. Я сама разберусь.

– Хорошо, мэм.

В кухне горел яркий свет. Миссис Лезандер сняла пальто, оставшись в темно-сером платье. Достав из пакета банку растворимого кофе «Фолджер», она открыла ее, легко повернув крышку.

– Могу я спросить тебя, Кори, – осведомилась она, повернувшись ко мне своей широкой спиной, – зачем ты подглядывал к нам в окна?

– Я... э-э-э...

«Соображай же быстрее!» – мысленно заорал я сам на себя.

– Я думал, что могу заглянуть к вам для того, чтобы... потому что...

Миссис Лезандер обернулась и внимательно посмотрела на меня. Лицо ее было спокойным и совершенно безучастным.

– Потому что... я хотел спросить у доктора Лезандера, не даст ли он мне работу в дневное время. Я думал, может, ему нужна помощь, ну, убирать за животными и все такое. Я согласен на любую работу.

Внезапно на плечо мне опустилась рука.

Я едва не завопил от ужаса. Кровь так внезапно отлила от моего лица, что кожу словно обдало морозом.

– Весьма амбициозный молодой человек, – проговорил доктор Лезандер. – Ты согласна со мной, Вероника?

– Да, Франц, – ответила миссис Лезандер и, отвернувшись, продолжила раскладывать покупки по полочкам кухонного шкафа.

Доктор убрал руку с моего плеча. Обернувшись, я взглянул на него. Очевидно, он только что встал с постели: на нем был красный шелковый халат поверх пижамы, глаза еще выглядели заспанными, седая щетина окружала его аккуратно подстриженную бородку. Доктор зевнул, прикрыв рот той самой рукой, которую только что держал на моем плече.

– Можно попросить у тебя чашечку кофе, дорогая? – обратился он к жене. – Чем крепче, тем лучше.

Миссис Лезандер принялась накладывать для мужа кофе в чашку с изображением колли. Затем поставила ее на кухонный стол и взяла с плиты чайник с горячей водой.

– Я сегодня слушал Восточный Берлин, около четырех утра, – сообщил жене доктор. – Берлинский оркестр исполнял Вагнера, как всегда чудесно.

Налив кипятка в чашку, миссис Лезандер помешала кофе и придвинула темную жидкость поближе к мужу, который с наслаждением вдохнул аромат.

– О-о-о, да! – проговорил он. – Именно то, что мне сейчас нужно.

С шумом отхлебнув маленький глоток, доктор удовлетворенно заметил:

– Горячий и крепкий!

– Мне нужно идти, – сказал я, медленно продвигаясь к задней двери. – Я договорился встретиться с Беном Сирсом и Джонни Уилсоном в «Лирике».

– Но ты ведь, кажется, хотел поговорить со мной о работе?

– Сейчас мне надо идти.

– Нет, глупости.

Рука доктора снова легла на мое плечо. Казалось, что пальцы у него выкованы из железа.

– А ведь мне и в самом деле нужен юный помощник. Мне было бы очень приятно, Кори, если бы ты приходил днем и выполнял мои поручения.

– Правда?

Я просто не знал, что еще ему сказать.

– Правда, Кори. – Док Лезандер широко улыбнулся, не отводя от меня внимательного взгляда. – Ты ведь очень сообразительный молодой человек, верно, Кори?

– Сэр?

– Я говорю, что ты очень толковый молодой человек. К чему излишняя скромность? Ты умеешь проникать в суть вещей, находить факты и вытрясать из них все, словно... упрямый терьер.

Губы доктора Лезандера снова растянулись в улыбке, блеснула металлическая коронка. Он отхлебнул кофе.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

Мой голос едва заметно дрожал.

– Это твое качество мне особенно нравится, Кори. Упрямство и целеустремленность терьера, с которыми ты докапываешься до сути вещей. Прекрасная черта характера для мальчика.

– Его велосипед остался снаружи, Франц, – сказала миссис Лезандер, убирая в шкаф пачки «Райс-а-рони», риса с мясом и овощами, произведенного в Сан-Франциско.

– Можно тебя попросить занести его внутрь?

– Мне нужно идти, – снова пролепетал я, ощущая, как страх сдавливает мое горло.

– Это неразумно, – улыбнувшись, ответил доктор. – На улице изморось, и вообще сегодня с погодой творится что-то неладное. Ты ведь не хочешь, чтобы твой прекрасный велосипед покрылся коркой льда?

– Но мне... действительно нужно...

– Я занесу велосипед в дом, – сказала миссис Лезандер.

Она вышла и вскоре уже вкатывала мой велосипед через порог и дальше в чулан. Все это время рука доктора ни на мгновение не отпускала мое плечо.

– Ну вот и хорошо, – сказал доктор и отхлебнул еще кофе. – Лучше сразу обо всем позаботиться, чем потом сожалеть.

Миссис Лезандер вернулась на кухню, посасывая большой палец левой руки. Вынув палец изо рта, показала нам кровь.

– Только посмотри, Франц, – сказала она. – Я поранилась о велосипед.

Произнесла она это совершенно бесстрастно, почти с клинической отстраненностью, и снова засунула палец в рот. На ее нижней губе осталось пятнышко крови.

– Раз уж ты здесь, Кори, думаю, тебе будет интересно ознакомиться со своими обязанностями.

– Бен и Джонни... – выдавил я, – они ждут меня.

– Ничего, подождут, никуда не денутся. А потом зайдут в зал, сядут на свои места и станут смотреть фильм. Если ты не придешь, они подумают: что-то случилось. С мальчиками ведь всякое случается.

Пальцы дока Лезандера начали мять мое плечо.

– И о чем же сегодня фильм?

– «Ад для героев». Это фильм про войну.

– Ах, про войну. Насколько я могу догадаться, сюжет построен на том, как brave американские парни решают почем зря жалких немецких псов, или я ошибаюсь?

– Франц, – негромко сказала миссис Лезандер.

Они быстро переглянулись, и взгляды эти походили на удары кинжалами.

Затем доктор вновь обратился ко мне:

– Давай же, Кори, спустимся вниз. Ты не возражаешь?

– Моя мама будет беспокоиться, – предпринял я новую попытку, хотя уже знал, что все бесполезно.

– Но ведь она думает, что ты пошел в кино?

Брови дока Лезандера приподнялись.

– А теперь давай спустимся вниз, и я покажу тебе, за что я собираюсь платить тебе двадцать долларов в неделю.

У меня перехватило дыхание.

– Двадцать долларов?

– Вот именно. Двадцать долларов в неделю толковому и способному помощнику кажутся мне подходящей ценой. Идем?

Доктор подтолкнул меня к ступенькам, ведущим в подвал. Его рука была сильной и уверенной – мне пришлось подчиниться. Док Лезандер щелкнул выключателем, и лестница передо мной осветилась. Спускаясь, я слышал, как шуршит за моей спиной красный шелковый халат доктора и шлепают по ступенькам его тапки. На ходу он шумно, с какой-то жадностью отхлебывал кофе из чашки. Звук был неприятный, и я понял, что напуган до смерти.

Мой отец так и не довез Джейкоба Штайнера и Ли Ханнафорда до мотеля «Юнион пайнс». Они с трудом втиснулись втроем в пикап. Пришлось включить стеклоочистители, чтобы мокрый снег не мешал видеть дорогу. Отец спросил, не хотят ли они сначала перекусить. Оба его спутника ответили согласием, и было решено заехать в кафе «Яркая звезда».

– Мы бы хотели расположиться в той кабинке, что в самом конце зала, – сказал отец Кэрри Френч.

Официантка проводила их к заветному месту, вручив каждому меню.

Мистер Штайнер снял пальто и перчатки, оставшись в твидовом костюме и бледно-сером жилете. Свое пальто и шляпу он повесил на стоявшую рядом вешалку. Его седые, еще густые волосы были коротко подстрижены и торчали, как щетина на щетке. После того как мистер Штайнер и отец расположились за столиком в кабинке, молодой человек стянул с себя куртку, под которой оказалась синяя клетчатая шерстяная рубашка с закатанными рукавами, открывавшими мускулистые руки. А на его правом предплечье, повыше локтя...

– О господи! – выдохнул отец.

– В чем дело? – спросил Ханнафорд. – Здесь не разрешено снимать куртку?

– Конечно можно.

На лбу отца выступил пот. Мистер Ханнафорд присел рядом со своим старшим товарищем.

– Я хотел спросить... эта ваша татуировка...

– Она беспокоит вас, приятель?

Синевато-серые глаза молодого человека угрожающе сузились в маленькие щелки.

– Ли! – предупредительно повысил голос мистер Штайнер. – Не нужно.

Казалось, он отдает своему свирепому псу приказ «сидеть».

– Никаких проблем, – ответил отец. – Просто дело в том...

Ему стало трудно дышать, комната внезапно закружилась перед его глазами.

– Дело в том, что я уже видел раньше такую татуировку.

Какое-то время все молчали. Мистер Штайнер заговорил первым:

– Могу ли я спросить, где вы ее видели раньше, мистер Маккенсон?

– Прежде чем я отвечу, мне хотелось бы знать, откуда вы приехали в наши края и что вас сюда привело.

Отец с трудом заставил себя оторвать взгляд от нечетких очертаний черепа с развешивающимися над висками крыльями.

– Я ничего не скажу, – известил своего спутника мистер Ханнафорд. – Мы не знаем этого парня.

– Верно, Ли. Но ведь мы никого здесь не знаем.

Мистер Штайнер оглянулся по сторонам, осматривая зал своим цепким, как у ястреба, взглядом. В кафе находилось около дюжины посетителей, обедавших и обменивавшихся новостями. Кэрри Френч добродушно отбивалась от приставаний парочки фермеров. По телевизору передавали баскетбольный матч.

– Можем ли мы довериться вам, мистер Маккенсон?

– Почему вы об этом спрашиваете? – удивился отец.

Что-то в манере держаться этого человека, в его быстром пристальном взгляде, мигмом оценивающим обстановку, заставило отца задать следующий вопрос:

– Вы полицейский?

– По профессии – нет. Но по сути – очень близко к тому.

– Кто же вы по профессии?

– Можно сказать, что я занимаюсь историческими исследованиями, – ответил мистер Штайнер.

Кэрри Френч подошла к ним своей грациозной походкой, подчеркивающей красоту ее длинных ног, держа наготове блокнотик для заказов:

– Чем вас угостить?

– У вас есть лепешки? – спросил мистер Ханнафорд, вытаскивая из нагрудного кармана пачку «Лаки страйк».

– Прошу прощения?

– Лепешки! Есть они у вас или нет?

– Мне кажется, – терпеливо проговорил мистер Штайнер, воспользовавшись паузой, во время которой молодой человек прикуривал сигарету, – что в этой части страны их называют оладьями.

– Время завтрака уже закончилось, и мы не подаем такие блюда. – Кэрри неуверенно улыбнулась. – Прошу прощения.

– Господи Иисусе! Тогда принесите мне хотя бы гамбургер.

Ли Ханнафорд выпустил сигаретный дым сквозь узкие ноздри.

– Куриный суп с лапшой свежий? – поинтересовался мистер Штайнер, рассматривая меню.

– Сделан из консервов, но только что приготовлен.

– Увы, дорогая, я не ем консервированные супы. – Мистер Штайнер строго взглянул на официантку поверх круглых очков. – Принесите мне гамбургер, как и моему другу. Только хорошенько прожарьте мясо, прошу вас.

«Прошу» – вот как он произнес это.

Отец заказал тушеную говядину и кофе.

Кэрри задержалась у столика.

– Скажите, вы ведь приезжие? – спросила она.

– Я из Индианы, – ответил мистер Ханнафорд, – а он...

– Я родился в Варшаве, это в Польше. Спасибо, Ли, я сам могу ответить за себя.

– Однако вы оба издалека, – заметил отец, когда Кэрри наконец отошла, чтобы отнести заказ на кухню.

– В настоящее время я живу в Чикаго, – пояснил мистер Штайнер.

– Все равно это далеко от Зефира. – Взгляд отца то и дело возвращался к татуировке на руке молодого человека. По-видимому, мистер Ханнафорд когда-то пытался свести ее, но безуспешно. – Ваша татуировка что-то означает?

Ли Ханнафорд выпустил дымок из уголка рта.

– Она означает, – ответил он, – что я не люблю, когда люди суют нос не в свое дело.

Отец кивнул. Краска гнева медленно начала проступать на его щеках.

– Вы это серьезно?

– Совершенно серьезно.

– Прошу вас, джентльмены, – попытался успокоить их мистер Штайнер.

– Интересно, что ты ответишь, крутой парень, если я скажу тебе одну вещь? – Отец положил на стол локти и наклонился вперед, ближе к лицу мистера Ханнафорда. – Десять месяцев назад я видел точно такую же татуировку на плече одного мертвого человека.

Мистер Ханнафорд ничего не ответил. Лицо его не выражало никаких эмоций, глаза смотрели холодно. Затянувшись, он выпустил дым в потолок.

– Человек, о котором вы говорите, был блондин? – наконец спросил мистер Ханнафорд. – Цвет волос почти такой же, как у меня?

– Да.

– Примерно такое же телосложение?

– Думаю, да.

– Так-так.

Мистер Ханнафорд тоже подался вперед, приблизив к отцу свое словно высеченное из мрамора лицо:

– Тогда я вот что скажу: вы видели моего брата.

– ...Вот эти клетки должны быть тщательно вычищены, – говорил доктор Лезандер. Сейчас они были пусты. – Пол тоже нужно подмести. Будешь приходить сюда три раза в неделю, Кори, и каждый раз пол должен быть вымыт дочи́ста. Кроме того, надо накормить всех животных и налить им в поилки воду. С ними также необходимо играть, чтобы они двигались.

Я шел вслед за ветеринаром, который показывал мне одну за другой комнаты своего подвала. Время от времени я поднимал голову и видел под самым потолком вентиляционные отверстия.

– Сено я заказываю в тюках. Тебе придется помогать разгружать машины, распаковывать тюки – для этого нужно разрезать проволоку – и распределять сено по лошадиным стойлам. Должен сказать, что управляться с тюками, разрезать упаковочную проволоку – нелегкая работа. Проволока прочная, как рояльная струна. Кроме того, тебе придется выполнять различные мои поручения, это тоже будет входить в твои обязанности.

Ветеринар повернулся ко мне:

– Итак, двадцать долларов за дневную работу три раза в неделю, скажем, с четырех до шести – по-моему, это хорошая цена?

– Господи!

Я не мог поверить своим ушам. Доктор Лезандер предлагал мне целое состояние.

– Если ты захочешь приходить еще и по субботам... скажем, с двух до четырех, я стану приплачивать дополнительно еще пять долларов.

Доктор Лезандер снова сдержанно улыбнулся. Отхлебнув кофе из чашки с колли, он поставил ее на пустую клетку из проволочной сетки.

– Кори, – тихо сказал он, – прежде чем я дам тебе эту работу, у меня есть к тебе просьба, даже две.

Я молчал, ожидая продолжения.

– Первое: я хочу, чтобы твои родители не знали, сколько я тебе плачу. Пусть лучше думают, что ты получаешь всего десять долларов в неделю. Дело в том, что мне известно: твой отец теперь работает на заправочной станции. Я видел его, когда приезжал туда. Кроме того, твоя мать дни напролет проводит на кухне за выпечкой, пытаюсь сохранить свой бизнес. В этих условиях мне представляется более разумным не говорить им о том, сколько денег ты получаешь. Как ты думаешь?

– Вы хотите сказать, что я должен обмануть своих родителей? – искренне удивился я.

– Конечно, решать тебе самому. Но если твои родители узнают, что ты зарабатываешь приличные деньги, они предложат тебе... поделиться с ними. А ведь на свете существует так много приятных вещей, которые мальчик твоего возраста сможет позволить себе на двадцать пять долларов в неделю. Другое дело, что ты должен быть осмотрительным в своих расходах. Не стоит тратить все деньги в одном месте. Я даже могу предложить подвезти тебя в Юнионтаун или

в Бирмингем, чтобы ты смог там что-нибудь себе купить. Может быть, ты мечтаешь иметь нечто такое, что твои родители не могут себе позволить?

Я задумался. Потом ответил:

– Нет, сэр. Мне как-то ничего не приходит в голову.

Доктор Лезандер рассмеялся, словно его позабавил мой ответ.

– Обязательно что-нибудь надумаешь. С полным карманом денег у тебя быстро появятся свежие идеи.

Я ничего не ответил. Мне совсем не понравилось, что док Лезандер решил, будто я способен скрыть от родителей такие вещи.

– И второе.

Док Лезандер сложил руки на груди, и я увидел, что его язык двигается во рту, касаясь щеки.

– Это связано с Соней Гласс.

– Сэр? – непонимающе произнес я.

Мое несколько успокоившееся сердце снова заколотилось как бешеное.

– Мисс Соня Гласс, – повторил док Лезандер. – Некоторое время назад у нее заболел попугай, и она принесла его ко мне. Так вот, ее попугай умер от воспаления мозга. Прямо здесь.

Док Лезандер прикоснулся рукой к клетке:

– Несчастное создание. Хочу тебе сказать, что моя Вероника и Соня ходят в один и тот же класс воскресной школы. Нам показалось, что мисс Гласс ужасно расстроена и озадачена твоими странными вопросами, Кори. Она рассказала Веронике, что ты настойчиво расспрашивал ее о какой-то пьесе, которую мисс Гласс исполняет на пианино, и о том, почему попугай так... странно реагирует на эту музыку.

Док Лезандер улыбнулся:

– Еще мисс Гласс сказала Веронике, что, похоже, ты знаешь какой-то секрет, и спросила, не догадываюсь ли я или Вероника, в чем он состоит. Кроме того, есть еще одна маленькая деталь, а именно то, что в твоём владении каким-то образом оказалось зеленое перышко ныне покойного попугая мисс Катарины Гласс. Соня сказала, что не поверила своим глазам, когда увидела у тебя это перышко.

Глядя в пол, доктор Лезандер начал разминать пальцы правой руки.

– То, что она сказала, – правда?

Я с трудом сглотнул. Если я сейчас скажу, что это неправда, док ни за что не поверит.

– Да, сэр.

Доктор Лезандер закрыл глаза. На его лице появилась боль, но лишь на мгновение.

– Где же ты нашел это перышко, Кори?

– Я... нашел его...

Наступил момент истины. У меня возникло ощущение, будто в комнате что-то свернулось, как змея, готовая броситься и укусить. Хотя свет, струившийся сверху, был ярким, даже резким, казалось, что в углах комнаты с кафельным полом сгущаются тени. Внезапно я понял, что доктор Лезандер расположился между мной и лестницей. Он ждал, его глаза были по-прежнему закрыты. И даже если я сейчас сумею проскользнуть мимо доктора на лестницу, наверху меня все равно схватит миссис Лезандер. Я опять упустил свой шанс.

– Я нашел его на озере Саксон, – ответил я, бросая вызов судьбе. –

На опушке леса. Перед восходом солнца, когда машина, к рулю которой был прикован наручниками мертвец, упала в озеро.

Доктор Лезандер улыбнулся, по-прежнему не открывая глаз. Смотреть на это было страшно. Влажная кожа на его лице туго натянулась, лысый череп блестел в свете лампы. А потом он засмеялся: смех лился из него ручейком, булькавшим сквозь блестящие металлом зубы. Когда его глаза наконец раскрылись, их взгляд пронзил меня. Несколько мгновений я видел перед собой словно два лица одновременно: нижняя улыбающаяся половина и верхняя, выражавшая неприкрытую ярость.

– Так-так, – проговорил доктор и покачал головой, словно только что услышал замечательно смешную шутку. – И что же теперь мы будем с *этим* делать?

– Вы когда-нибудь видели раньше этого человека, мистер Маккенсон?

Мистер Штайнер, сидевший напротив моего отца в дальней кабинке кафе «Яркая звезда», вытащил из пиджака кожаный бумажник. Оттуда

он достал фотографию в прозрачной пластиковой оболочке и положил на стол перед отцом.

Фотография была черно-белая, неважного качества. На ней мужчина в светлом пальто до колен приветливо махал рукой кому-то за пределами снимка. Темные волосы этого человека были зализаны назад, так что казалось, будто на голову надета шапочка, квадратный подбородок разделяла надвое ямочка. Позади мужчины виднелся блестящий капот старомодного автомобиля, откуда-то из тридцатых-сороковых годов. Несколько мгновений отец изучал снимок, уделив особое внимание глазам и улыбке, застывшей на лице белым шрамом. Но сколько бы он ни рассматривал фотографию, перед ним оставалось лицо незнакомца.

– Нет, – наконец ответил он, толкнув через стол снимок к мистеру Штайнеру, – я никогда не видел этого человека.

– Теперь он наверняка сильно изменился. – Мистер Штайнер тоже взглянул на снимок, но так, будто глядел в лицо старого заклятого врага. – Он мог сделать пластическую операцию. Самый простой способ изменить свою внешность – обриться наголо и отрастить бороду. Тогда даже родная мать может вас не узнать.

– Извините, но мне незнаком этот человек. Кто он?

– Его зовут Гюнтер Внизу-в-Темноте.

– Как вы сказали?

Сердце отца едва не выскочило из груди.

– Гюнтер Внизу-в-Темноте, – повторил мистер Штайнер, затем проговорил имя более отчетливо, и стало понятно, что он произнес его не по-английски: – Данинадерк^[45].

Откинувшись на спинку стула, отец даже открыл рот от потрясения. Мир закружился перед его глазами, и ему пришлось схватиться за край стола, чтобы не упасть.

– О господи! – прошептал он. – Господи боже мой! «Пойдем со мной... Данинадерк».

– Прошу прощения? – осторожно осведомился мистер Штайнер.

– Кто он такой?

Отец едва ворочал языком от волнения.

Ответил Ли Ханнафорд:

– Это человек, который убил Джеффа, если, конечно, именно мой брат покоится на дне этого проклятого озера.

И отец рассказал им обо всем, что случилось в то мартовское утро. Мистер Ханнафорд едва сдерживал ярость: он был настолько зол, что, казалось, вполне способен откусить голову кобре. Он едва притронулся к гамбургеру, но при этом выкурил одну за другой три сигареты.

– Мой брат, мой безмозглый брат, как мы догадываемся, пытался шантажировать его. На квартире Джеффа в Форт-Уэйне мы нашли его дневник, который был зашифрован, он писал его по-немецки. Я нашел этот дневник в мае, когда бросил работу в Калифорнии, чтобы отыскать Джеффа. Всего пару недель назад нам удалось подобрать ключ к шифру.

– В его основе оказалось «Кольцо Нибелунга» Вагнера, – заметил мистер Штайнер. – Очень и очень замысловатый шифр.

– Да, мой брат всегда сходил с ума от всяческой тайнописи. – Мистер Ханнафорд затушил очередную сигарету в тарелке с кетчупом. – Особенно когда был мальчишкой. Всегда зашифровывал свои записи. Так что обо всем мы выведали из дневника. Джефф шантажировал Гюнтера Данинадерка, вначале обирая его на пять сотен долларов в месяц, потом поднял цену до восьми сотен, а потом дошел до тысячи. Из дневника мы узнали, что Данинадерк живет в Зефире, штат Алабама. Под чужим именем, само собой. Джефф и его дружки-подонки помогли Гюнтеру достать новые документы, после того как он с ними связался. Но Джефф, как видно, решил получить дополнительное вознаграждение за свои услуги. В дневнике он писал, что скоро сорвет большой куш, соберет свои манатки и переедет во Флориду. Он написал, что отправится из Форт-Уэйна в Зефир тринадцатого марта. Эта запись в его дневнике была последней.

Ли покачал белокурой головой:

– Похоже, у брата совсем крыша поехала, когда он решил впутаться в такое дело. Кстати говоря, я, наверно, тоже спятил, потому что тоже тогда увяз во всем этом дерьме по уши.

– Увяз в чем? – переспросил отец. – Я не понимаю вас.

– Вам знаком термин «неонацисты»? – спросил отца мистер Штайнер.

– Если вы подразумеваете фашистов, то я знаю, о ком идет речь.

– Нет, неонацисты. Новые фашисты. Ли и его брат были членами американской неонацистской организации, которая действует в

Индиане, Иллинойсе и Мичигане. Символом этой организации является татуировка, которую вы видите на плече у Ли. Джефф и Ли примкнули к наци в одно и то же время, но Ли через год покинул их компанию и перебрался в Калифорнию.

– Прямым и переехал.

Ли зажег новую спичку и прикурил очередную сигарету.

– Я решил убраться от этих ублюдков как можно дальше. Видите ли, они убивают людей, которые осмеливаются утверждать, что Гитлер гадил отнюдь не розами.

– Но ваш брат остался в их организации?

– Да, черт возьми. И даже сумел выбиться в командиры одного из их поганых штурмовых отрядов, или как там это у них называется. И это мой брат, с которым мы входили в число лучших юных футболистов США, отстаивая честь школы!

– Вы еще не объяснили мне, кто такой Гюнтер Данинадерк, – заметил отец.

Мистер Штайнер переплел пальцы и положил их перед собой на стол.

– Я как раз подвожу свой рассказ к этому, мистер Маккенсон. Разыскав дневник брата, Ли отнес его на филологический факультет Индианского университета, где попросил оказать ему помощь в расшифровке записей. Один из моих друзей преподает там немецкий язык. Как только он сумел расшифровать фамилию Данинадерк, он немедленно переслал дневник мне в Северо-Западный университет в Чикаго. С сентября я взял эту работу на себя. Возможно, мне следовало объяснить вам, что я ректор филологического факультета и по совместительству профессор истории. А кроме того – и это играет важную роль в моей жизни, – я разыскиваю нацистских военных преступников.

– Повторите, пожалуйста, еще раз, – попросил отец.

– Нацистских военных преступников, – повторил мистер Штайнер. –

За последние семь лет я помог выследить и арестовать троих: Биттриха в Мадриде, Савельсхагена в Олбани, штат Нью-Йорк, и Гейста в Аллентауне, штат Пенсильвания. Как только я увидел в письме фамилию Данинадерк, понял, что у меня появился шанс добавить к своему списку четвертого.

– Так он военный преступник? А в чем его преступление?

– Доктор Гюнтер Данинадерк руководил больницей в концентрационном лагере Эстервеген в Голландии. Он и его жена Кара производили селекцию заключенных, определяя, кто может продолжать работу, а кого следует отправить в газовую камеру.

На лице мистера Штайнера на мгновение появилась страшная гримаса.

– Именно эта пара в одно солнечное утро решила, что я еще имею право на дальнейшее существование, а моя жена – нет.

– Это ужасно, – подал голос отец.

– Ничего, я давно это пережил. Узнав об этом, я выбил Данинадерку передний зуб, за что провел год на каторжных работах. Но от тяжелого труда я окреп, что в результате спасло мне жизнь.

– Выбили ему передний зуб?

– Именно так. Я как следует ему врезал. Да, это была та еще парочка!

Лицо мистера Штайнера скривилось от мучительных воспоминаний.

– Мы звали его жену Птичницей, потому что она обладала коллекцией из двенадцати птичек, сделанных из глины, смешанной с пеплом из человеческих костей. А у самого доктора Данинадерка, который до войны работал ветеринаром в Роттердаме, имелась одна занятная привычка.

Отец с трудом выдавил из себя:

– Какая привычка?

– Он любил провожать заключенных в газовую камеру и, когда они проходили мимо, придумывал им имена.

Глаза мистера Штайнера были прикрыты: перед его мысленным взором проплывали видения ужасного прошлого.

– Он давал смешные имена, самые разные. Я никогда не забуду, как он назвал мою Веронику, мою прекрасную златовласую Веронику: Солнечный Лучик. Он сказал ей: «Полезай внутрь, Солнечный Лучик! Полезай прямо внутрь!» Она была очень больна, и ей пришлось ползти по собственным...

Слезы затуманили стекла очков мистера Штайнера. Он быстро снял их и вытер глаза. Видно было, что этот человек привык в любой ситуации держать свои чувства под строгим контролем.

– Прошу прощения, – пробормотал он. – Иногда я забываюсь.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Ли Ханнафорд моего отца. – Вы ужасно побледнели.

– Могу я... можно мне взглянуть на эту фотографию еще раз?

Мистер Штайнер положил снимок перед отцом.

Отец глубоко вздохнул.

– О нет! – прошептал он. – Господи боже, только не он!

Мистер Штайнер догадался по голосу отца:

– На этот раз вы его узнали?

– Да. Я знаю, где он живет. Не так далеко отсюда. Точнее сказать, совсем рядом. Но он... такой приятный человек.

– Я знаю подлинную суть доктора Данинадерка. И что представляет собой его жена, мне тоже хорошо известно. Думаю, и вы это поняли, когда увидели, во что превратилось лицо Джеффа Ханнафорда. Я уверен, что доктор Данинадерк и Кара пытали его, чтобы дознаться, кому еще известно их местожительство, а может быть, они хотели выяснить, о чем он написал в своем дневнике. А когда он им ничего не сказал, они забили его до смерти. Увидев лицо Джеффа Ханнафорда, вы могли убедиться, насколько порочна душа доктора Гюнтера Данинадерка. Молю Бога, чтобы вам никогда больше не довелось видеть подобное зрелище.

Поднявшись с места, отец полез в карман за бумажником, но мистер Штайнер опередил его, выложив деньги на стол.

– Я отвезу вас к нему, – сказал отец, направляясь к двери.

– Такой смысленный молодой человек, – говорил мне доктор Лезандер, стоя между мной и лестницей, ведущей к свободе. – Я вижу в тебе, Кори, устремленность терьера. Тебе хватило крошечного зеленого перышка, чтобы распутать все до конца! Я восхищаюсь тобой, Кори!

– Доктор Лезандер! – Я чувствовал себя так, словно мою грудь сковали стальные обручи. – Мне правда пора домой.

В ответ доктор шагнул ко мне. Я отступил.

Он не спешил, будучи уверен в своей власти надо мной.

– Я хочу, чтобы ты отдал мне зеленое перышко. Знаешь почему?

Я отрицательно покачал головой.

– Потому что ты расстроил мисс Соню Гласс. Это перо напомнило ей о прошлом, отчего ей стало невыразимо горько. Прошлое нужно оставить в покое, Кори. Мир должен продолжать жить дальше. Ты согласен со мной?

– Не знаю...

– Но, увы, подобно этому зеленому перышку, прошлое вновь и вновь напоминает о себе. Кому-то обязательно надо вытащить его и выставить на всеобщее обозрение. Если же человек хочет выбраться, чтобы не утонуть в этой грязи, он вынужден расплачиваться за свое прошлое снова и снова. Это несправедливо, Кори, это неправильно. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Я ничего не понимал, где-то упустив нить его рассуждений.

– Мы обладали чувством чести! – сказал доктор Лезандер, и глаза его лихорадочно заблестели. – Мы знали, что такое гордость! Но взгляни на мир, что окружает нас, Кори! Только посмотри, во что он превратился! Мы знали место назначения, но нам не дали привести туда мир. И вот теперь мы имеем то, что имеем. Хаос и вульгарность окружают нас со всех сторон. Расы смешиваются друг с другом, люди совокупаются с такой легкостью, которой не позволяют себе даже животные. В свое время у меня была возможность стать врачом рода людского. Я много раз делал это. И знаешь, Кори, я скорее встану на колени в грязь, чтобы вылечить свинью, чем спасу человеческое существо. Вот какое мнение сложилось у меня о людской расе! Вот что я думаю о лжецах, повернувшихся к нам спиной и запятнавших нашу честь! Вот что я... вот что я *думаю* обо всем этом!

Схватив со стола чашку с колли, доктор Лезандер со всего маху швырнул ее об пол. Чашка ударилась о кафель рядом с моей правой ногой и с треском разлетелась на мелкие осколки.

Наступила тишина.

Еще через минуту сверху донесся голос миссис Лезандер:

– Франц? Что разбилось, Франц?

«Его мозги», – подумал я.

– Мы разговариваем, – ответил ей доктор Лезандер. – Всего лишь разговариваем, и только.

Я услышал над головой тяжелые шаги миссис Лезандер, уходившей прочь.

Потом над нами что-то заскрипело.

Еще через пару мгновений зазвучало пианино.

Играли «Прекрасного мечтателя». Миссис Лезандер и вправду была очень хорошей пианисткой. Я вспомнил, как мисс Гласс Голубая сказала, что руки Вероники будто созданы для фортепиано. Интересно, достаточно ли сильны эти руки, чтобы стянуть горло мужчины проволокой для связывания тюков с сеном и задушить его до смерти? Или это сделал сам доктор Лезандер, пока его жена наверху играла на пианино эту мелодию, а испуганные попугаи кричали и бились в своих клетках, запоминая звуки этого зверского насилия?

– Двадцать пять долларов в неделю, – сказал мне доктор Лезандер. –

Но ты должен принести мне зеленое перышко и должен обещать мне никогда, никогда не говорить о нем с мисс Соней Гласс. Прошлое мертво и должно оставаться в своей могиле – именно там его законное место. Ты согласен со мной, Кори?

Я кивнул, готовый согласиться на все, что угодно, лишь бы выбраться отсюда.

– Хороший мальчик. Когда ты принесешь мне перо? Завтра днем?

– Да, сэр.

– Это очень, очень хорошо. Когда ты принесешь мне перышко, я уничтожу его, чтобы мисс Соня Гласс никогда больше не мучилась воспоминаниями о прошлом, никогда не думала о нем. И сразу же, как ты принесешь его, я выплачу тебе деньги за первую неделю. Договорились?

– Да, сэр.

Все, что угодно, все, что угодно.

– Вот и прекрасно.

Док Лезандер сделал шаг в сторону от лестницы:

– Только после вас, mein herr^[46].

Я начал подниматься по ступеням.

Во входную дверь позвонили.

«Прекрасный мечтатель» мгновенно оборвался. Я снова услышал скрип: стул отодвинули от пианино. Уже на самом верху лестницы док Лезандер положил мне руку на плечо и прошептал:

– Подожди-ка.

Мы услышали, как отворилась входная дверь.

– Том! – воскликнула миссис Лезандер. – Чем я обязана...

– Папа! – что есть силы заорал я. – *На помощь!*

Рука доктора Лезандера зажала мне рот. Я услышал, как он издал приглушенный вопль разочарования, вызванного тем, что дело приняло такой оборот.

– Кори! Отойдите с дороги!

Отец ворвался в дом, мистер Штайнер и Ли Ханнафорд последовали за ним. Оттолкнув в сторону могучую женщину, отец бросился вперед, но в следующее мгновение с криком «Nein!»^[47] она впечатала свой могучий кулак в его скулу. Отец с разбитой в кровь бровью неловко упал на мистера Штайнера.

Только мистер Штайнер смог разобрать то, что прокричала Вероника своему мужу: «Гюнтер, беги! Хватай мальчишку и беги!» Не успела она выкрикнуть эти слова, как мистер Ханнафорд, схватив ее сзади за горло, свалил на пол и прижал сверху всем своим весом. Она все же сумела подняться на одно колено, но тут рядом с ней оказался мистер Штайнер, попытавшийся скрутить ей руки. Кофейный столик и лампа с грохотом перевернулись. Мистер Штайнер, потеряв шляпу, с разбитой губой, закричал:

– Все кончено, Кара! Все кончено, ты слышишь меня!

Но только не для ее мужа.

Предупрежденный криком миссис Лезандер, он подхватил меня под мышку, а другой рукой выгреб из ящика кухонного стола, где их оставила его жена, ключи от машины и бросился к черному ходу. Я вырывался как мог, но он выволок меня через заднюю дверь на улицу, под мокрый снег. Ветер развевал полы его красного шелкового халата. На бегу он потерял один шлепанец, но не стал останавливаться. Запихнув меня в «бьюик», он с размаху захлопнул дверцу, едва не прищемив мне ногу, и рухнул на сиденье, чуть было не сев мне на голову. Мистер Лезандер повернул ключ зажигания, и мотор, взревев, мгновенно ожил. Потом он дал задний ход, и машина выехала на подъездную аллею. Я успел приподняться и увидел, как отец в свете фар выскочил из дома через заднюю дверь.

– Папа!

Я схватился за ручку дверцы со своей стороны, но в тот же миг ощутил резкую боль от врезавшегося в мое плечо локтя. Сильная рука схватила меня за шею и, словно старый мешок, бросила на пол, где я и остался лежать, едва не лишившись чувств от боли. Доктор Гюнтер Данинадерк, убийца, которого я всегда знал как дока Франца

Лезандера, включил первую скорость, мотор «бьюика» взревел, и машина рванулась вперед.

Отец побежал обратно через дом, чтобы быстрее добраться до нашего пикапа. На ходу ему пришлось перепрыгивать через все еще боровшихся Штайнера, Ханнафорда и Кару Данинадерк. Жена доктора еще не прекратила борьбы, и Ханнафорду пришлось несколько раз ударить ее кулаком в лицо, что ее отнюдь не украсило.

Доктор Лезандер гнал автомобиль по улицам Зефира, шины «бьюика» отчаянно визжали на поворотах. Я хотел подняться с пола машины, но доктор прикрикнул на меня:

– Не смей вставать! Лежи смиренно, гаденыш!

Он влепил мне оплеуху, от которой я свалился обратно на пол. Должно быть, мы пронеслись мимо «Лирика»; я попытался представить себе, как велики муки ада, которые в состоянии вынести настоящий герой. Мы с ревом въехали на мост с горгульями, и, когда руль на мгновение вырвался из рук доктора Лезандера, машина вильнула в сторону, задев бортом ограждение моста, отчего в воздух полетели искры и кусочки хрома. От удара корпус машины жалобно застонал. Заскрежетав зубами, доктор Лезандер вновь овладел управлением и помчался к трассе номер десять.

Свет фар, отразившись от зеркала заднего вида, ударил в глаза доктора Лезандера. Он выкрикнул по-немецки какое-то ругательство, перекрыв рев мотора. Я легко представил себе, что пришлось вынести попугаям в ту страшную ночь. Но я также знал, чьи фары направляют свет в зеркало заднего вида «бьюика». Я знал, кто преследует нас, повиснув на хвосте у «бьюика», не жалея мотора старого пикапа, вот-вот готового взорваться.

Протянув руку, я схватил нижнюю часть рулевого колеса и дернул его, заставив машину вильнуть вправо. «Бьюик» бросило на обочину шоссе, зашуршал гравий, по которому скользнули колеса. Доктор Лезандер наградил меня очередной порцией проклятий на немецком языке, заорав с такой силой, словно выстрелили из гаубицы, и саданул кулаком по моим пальцам, так что они тут же разжались. Тем же самым кулаком он ударил меня прямо в лоб с такой силой, что из глаз у меня полетели пурпурные звездочки, и на том мои геройские выходы закончились.

– Оставьте меня в покое! – заорал доктор Лезандер, оглянувшись на пикап, чьи фары вновь появились в зеркале заднего вида. – Почему бы вам не оставить меня в покое!

Крепко вцепившись в руль и стараясь совладать со скоростью и земным притяжением, он вел «бьюик» по извилистым поворотам десятой трассы так, что с колес едва не срывались покрышки. В голове моей все еще звенело, но я вновь попытался взобраться на сиденье.

Доктор Лезандер заорал:

– Ну-ка вниз, ты, маленький гаденыш! – и попытался схватить меня за шиворот, но у него ничего не вышло: на такой сложной дороге нужно было держать руль обеими руками.

Я оглянулся на отцовский пикап: всего каких-нибудь двадцать футов заполненного мокрым снегом воздуха отделяли его передний бампер от заднего бампера «бьюика». Мы со свистом пролетели несколько крутых поворотов. Мне приходилось хвататься за сиденье, когда доктор Лезандер увеличивал скорость, пытаясь оторваться от отцовского пикапа. Я услышал щелчок и успел повернуть голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как доктор Лезандер распахнул бардачок ударом кулака. Через мгновение он выхватил оттуда короткоствольный пистолет 38-го калибра. Бросив руку назад настолько резко, что едва не проломил мне голову – я успел вовремя пригнуться, – он выстрелил два раза, не целясь. Заднее стекло разлетелось на мелкие осколки, осыпавшиеся под колеса отцовского пикапа водопадом зазубренных льдинок. Пикап вильнул, почти съехав с дороги, его задние колеса опасно занесло, но отец сумел выровнять машину. Тогда рука доктора Лезандера, сжимавшая пистолет, снова пронеслась над моей головой. Я схватился за его запястье, изо всех сил стараясь отвести дуло к спинке сиденья. «Бьюик» начало бросать из стороны в сторону, поскольку теперь доктору Лезандеру приходилось бороться одновременно и со мной, и с рулевым колесом. Мне удалось несколько мгновений продержаться, не отпуская его руки.

Внезапно пистолет выстрелил прямо возле моего лица. Пуля, пробив сиденье, вылетела через дверцу с металлическим лязгом. От грохота и огня близкого выстрела, встряхнувшего мое тело до самых костей, я, кажется, отпустил руку доктора, но точно сказать не могу, потому что в следующий миг доктор Лезандер нанес мне скользящий удар рукояткой пистолета в правое плечо. Такой ужасной боли мне никогда

раньше не доводилось испытывать, она переполнила меня до краев и вылилась изо рта криком. Не окажись на пути подкладки моей теплой куртки, этот удар наверняка сломал бы мне ключицу. Схватившись за правое плечо, я упал спиной прямо на дверцу машины, с перекошенным от боли лицом, ощущая, что моя правая рука онемела. Словно в навязчивом сновидении, подобном сну из «Захватчиков с Марса», я увидел черную гладь озера Саксон. Доктор Лезандер нажал голой ступней на педаль тормоза и, когда пикап подлетел поближе, повернулся назад и вскинул пистолет, на этот раз прицелившись. В свете фар его лицо блестело от пота, зубы были крепко стиснуты, а глаза как у дикого, затравленного зверя. Доктор Лезандер выстрелил, и в ветровом стекле отцовского пикапа появилась дыра размером с кулак. Я видел, как указательный палец доктора снова жмет на спусковой крючок. Я всей душой жаждал помешать ему, но боль в плече не давала мне возможности даже пошевелиться.

Какая-то огромная темная масса внезапно выскочила из леса по другую сторону дороги, примерно в том месте, где в то памятное мартовское утро я заметил стоявшую на опушке миссис Лезандер.

Зверь бросился на нас. Доктор Лезандер даже не успел увидеть, как тот приблизился вплотную к «бьюику».

Удар чудовища из Затерянного мира, врезавшегося в борт машины, и грохот выстрела слились в один душераздирающий звук, словно настал конец света.

Одновременно с громом выстрела и страшным криком доктора Лезандера «бьюик», визжа покрышками, встал на два колеса с моей стороны и начал съезжать с дороги. Дверца со стороны водителя оказалась сильно вдавленной внутрь, словно от могучего удара самого Господа Бога. Доктор Лезандер навалился на меня, придавив так сильно, что затрещали ребра. Я услышал храп и рычание: трицератопс, оберегавший свою территорию, сталкивал враждебного динозавра с трассы номер десять. Лицо доктора Лезандера вплотную прижалось к моему, его тело грозило раздавить меня своим непомерным весом, и я ощущал его страх, словно запах зеленого лука. Потом он снова закричал, как, наверно, и я: мы поняли, что машина летит куда-то вниз.

Страшный удар, сопровождаемый громким всплеском, сотряс нас.

Темная вода мгновенно залила пол машины: озеро Саксон приняло нас в свои объятия. По мере того как клокочущая вода лилась в салон

через разбитые окна и щели в погнутых дверцах, радиатор «бьюика» медленно поднимался. Окно со стороны водителя тоже было разбито, но до него вода еще не дошла. Доктор Лезандер лежал, навалившись на меня, пистолет выпал из его руки. Его глаза остекленели, изо рта сочилась кровь: он, должно быть, прикусил язык или губу. Его левая рука, принявшая на себя основную тяжесть сокрушительного удара зверя, согнулась под каким-то причудливым углом. Я увидел на фоне красного шелка рукава влажный блеск белой кости: она прорвала кожу на запястье и вышла наружу.

Озеро все быстрее проникало в машину, вокруг вздымались и лопались здоровенные пузыри. Сквозь разбитое выстрелом заднее окно внутрь обрушился настоящий водопад. Я никак не мог выбраться из-под тела доктора Лезандера. «Бьюик» начал медленно, словно наевшийся до отвала боров, переворачиваться, и машина с моей стороны резко ушла под воду. Из рта доктора Лезандера пошла кровавая пена, и я понял, что от удара трицератопса пострадали и его ребра.

– Кори! Кори!

Я взглянул вверх доктора Лезандера на разбитое окно, которое быстро поднималось надо мной, и увидел отца.

Его мокрые волосы прилипли к голове, по лицу ручьями стекала вода, из рассеченной брови сочилась кровь. Голыми руками он принялся лихорадочно очищать оконный проем от осколков стекла. «Бьюик» содрогался и стонал. Вода добралась до сиденья, ее прикосновение заставило дока Лезандера заметаться надо мной, а меня всего передернуло от холода.

– Хватайся за мою руку! – крикнул отец, перегнувшись через разбитое окно и пытаясь дотянуться до меня.

Я не мог сдвинуться с места из-за лежавшего на мне тяжелого тела.

– Помоги мне, папа! – прохрипел я.

Он рывком просунулся глубже. Должно быть, осколки стекла врезались ему в бока, но на его лице не отразилось ни тени боли. Его губы были плотно сжаты, глаза сосредоточены на мне, словно фонари с покрасневшими веками. Его руки тянулись в мою сторону, стремясь преодолеть разделявшее нас расстояние, но схватить меня он никак не мог.

Тело дока Лезандера накренилось. Он прорычал что-то непонятное на немецком. Его наполненные болью глаза раскрылись, моргнув. Вода хлюпала вокруг, пронизывая могильным холодом. Доктор Лезандер взглянул на свое сломанное запястье и протяжно застонал.

– Слезьте с него! – закричал отец. – Ради всего святого, отпустите моего сына!

Доктор Лезандер содрогнулся всем телом и закашлялся. Из его рта и носа вдруг брызнула алая кровь. Он схватился за бок и, отняв руку, увидел, что она тоже вся в крови. Удар зверя из Затерянного мира оказался настолько силен, что сломанные ребра доктора Лезандера проткнули ему внутренности.

Рев воды становился оглушительным. Багажник «бьюика» уже почти весь погрузился в воду.

– Умоляю вас! – крикнул отец, все так же безуспешно стараясь дотянуться до меня. – Отдайте мне моего сына!

Доктор Лезандер оглянулся по сторонам, словно пытаюсь определить, где он находится, и слегка приподнялся, что дало мне возможность дышать свободно, без ощущения, будто я втиснут в банку с сардинами. Доктор Лезандер посмотрел туда, где пенилась темная вода, врываясь в машину через разбитое заднее стекло. Я услышал, как он выдохнул, словно простонал:

– Ох!

Это был вздох полного и окончательно поражения.

Потом лицо доктора Лезандера повернулось ко мне. Кровь капала из его носа и струилась по щекам.

– Кори, – проговорил он булькающим голосом. Его здоровая рука стиснула мое запястье. – Выбирайся наружу, – прошептал он. – Брыкучий бычок.

Приподнявшись еще выше с искаженным от боли лицом, он вложил мою руку в ладонь отца.

Отец вытащил меня наружу, и я обхватил руками его шею. Крепко прижав меня к себе, он поплыл к берегу. По его геройскому лицу стекали слезы и капли воды.

Заскрипев и застонав напоследок, «бьюик» сильно накренился и стал погружаться в глубины озера. Вода закрутилась вокруг нас, затягивая вниз. Отец забил ногами, силясь вырваться из могучего объятия озера, но водоворот был слишком сильным. Раздалось

шипение от соприкосновения воды с раскаленным металлом, и «бьюик» ушел под воду. Вода увлекала нас вниз. Я почувствовал, как отец борется с засасывающим водоворотом, но потом он хрипло вздохнул, ловя ртом воздух, и я понял, что он выбился из сил.

Вода сомкнулась над нашими головами.

Где-то под нами в бескрайнюю сумрачную пещеру, не знающую солнца, опускался «бьюик». Последние пузырьки воздуха серебристыми медузами поднимались к поверхности. Отец отчаянно бил ногами, стараясь вырваться наверх, но сила водоворота превосходила усилия человека: мы погружались вслед за доктором Лезандером. Сквозь воду я увидел неясные очертания его белого лица, прижатого к переднему стеклу. Из его раскрытого рта вырвалось несколько пузырей.

Неожиданно из темных глубин появилась какая-то тень и приблизилась к машине. Возможно, это был просто большой комок мха или поросший тиной мусор, какое-нибудь тряпье, выброшенное в озеро. Но что бы это ни было, оно медленно и неумолимо вплыло внутрь салона «бьюика» через разбитое заднее окно. Погружаясь на дно, автомобиль доктора Лезандера кружился в подводном сумраке, словно какая-то странная карусель на Брэндивайнской ярмарке. Чувствуя, что мои легкие вот-вот разорвутся от недостатка воздуха, я все-таки не мог отвести глаз от белого пятна, в которое превратилось лицо доктора Лезандера. Мне показалось, что проскользнувшее в салон автомобиля лохматое мшистое существо окутало тело доктора наподобие какой-то отвратительной гнилостной мантии. Непонятная мохнатая тварь схватила доктора Лезандера за челюсть: я увидел слабый блеск серебряного зуба, словно удаляющуюся звезду. Потом «бьюик» перевернулся крышей вниз, став похожим на огромную черепаху. Последние остатки воздуха, вырвавшись из машины, устремились вверх и, подхватив, понесли нас, освобождая из ненасытной пасти озера. Мы приближались к мерцающей светом поверхности.

Отец поднял меня над собой, чтобы я мог наконец свободно вздохнуть.

Снаружи было все так же сумрачно и тускло, но зато сколько угодно воздуха. Торопясь отдышаться, мы барахтались в покрытой рябью темной воде, держась друг за друга.

В конце концов мы доплыли до берега и сквозь ил и камыши выбрались на твердую землю. Отец тяжело опустился на землю рядом с пикапом. Его руки были в кровь изрезаны стеклом. Я расположился рядом с ним на красной скале, устремив взор на озеро Саксон.

– Эй, приятель? – позвал меня отец. – Ты в порядке?

– Да, сэр, – отозвался я, стуча зубами, но нисколько не боясь простудиться.

– Давай-ка заберемся в грузовик, – сказал отец.

– Хорошо, – согласился я, но не смог сдвинуться с места.

Мое распухшее плечо, которое потом на несколько дней превратится в один сплошной болезненный синяк, пока что благодатно онемело от холода.

Отец подтянул колени к груди. Дождь со снегом продолжал сыпать с неба, но мы настолько промокли и замерзли, что нам до этого не было никакого дела.

– Мне нужно рассказать тебе кое-что про доктора Лезандера, – сказал мне отец.

– Мне тоже есть что тебе рассказать, – отозвался я.

Я прислушался к ветру, который пронесся по поверхности озера, что-то шепнув при этом.

Он ушел вниз, в темноту. Он вышел из тьмы и во тьму вернулся.

– Он назвал меня «брыкучий бычок», – сказал я.

– Надо ж такое придумать.

Мы не могли долго оставаться на берегу озера. Ветер пронизывал до костей. В такую погоду можно запросто замерзнуть до смерти.

Подняв голову, отец взглянул на низкие серые облака, затянувшие январское небо. Потом улыбнулся, словно мальчишка, с плеч которого наконец свалилась тяжкая ноша.

– Господи, – проговорил он, – какой замечательный день!

Возможно, ад был предназначен для героев, но жизнь определенно оставалась для живущих.

Дальше произошло вот что.

Мама, упавшая в обморок при виде нас, быстро очнулась, обняла отца и меня, но тут же отпустила. Мы вернулись к ней потрепанные и

грязные с головы до ног, но живые. А главное, отец перестал видеть кошмарные сны о мертвеце со дна озера Саксон.

Мистер Штайнер и мистер Ханнафорд, пусть и несколько разочарованные тем, что им не удалось даже пальцем тронуть доктора Гюнтера Данинадерка, все же удовлетворились исходом дела, поскольку справедливость восторжествовала. В их распоряжении оказалась Кара Данинадерк и ее птицы из человеческих костей. Это стало для них утешением. Последнее, что я о ней слышал: ее отправили в темницу, где даже свет был закован в решетку.

Узнав о случившемся со мной, Бен и Джонни были вне себя от переполнявших их эмоций. Бен буквально прыгал до потолка, а Джонни не находил себе места, когда я рассказал им, что, пока они сидели в кинотеатре и тарасились на экран, я сражался за свою жизнь с самым настоящим нацистским военным преступником. Сказать, что в школе я стал знаменитостью, все равно что утверждать, будто луна в ночном небе размером всего с речной гольш. Чтобы послушать мой рассказ, собрались даже учителя. Хорошенькая мисс Фонтэйн восторженно внимала мне, а мистер Кардинале пожелал услышать мой рассказ дважды.

– Ты просто обязан стать писателем, Кори! – сказала мне мисс Фонтэйн.

– У тебя настоящий дар слова! – поддержал ее мистер Кардинале. – Думаю, из тебя получится отличный писатель!

Писатель? Автор?

Рассказчиком – вот кем я решил стать.

Где-то в конце января холодным, но солнечным субботним утром, оставив Ракету на крыльце, я забрался с родителями в кабину нашего пикапа. Отец повез нас через мост с горгульями по трассе номер десять – медленно, высматривая между деревьями зверя из Затерянного мира. Хотя он свободно гулял в окрестных лесах, ни в тот день, ни после я больше ни разу не видел трицератопса. Наверно, это был прощальный подарок от Дэви Рэя.

Мы добрались до озера Саксон. Вода на поверхности выглядела гладкой и спокойной. Ни малейшего намека на то, что покоилось на дне, но мы отлично все знали.

Встав на один из красных скалистых уступов, я засунул руку в карман и вытащил оттуда зеленое перышко. Отец помог мне привязать

к нему бечевку с маленьким свинцовым шариком на конце. Сильно размахнувшись, я забросил перышко в озеро, и оно ушло под воду быстрее, чем вы произнесете «Данинадерк». Гораздо быстрее, я в этом уверен.

Я не нуждался в сувенирах, напоминающих о разыгравшейся здесь трагедии.

Отец стоял по одну сторону от меня, мама – по другую. Вместе мы были замечательной командой.

– Теперь все, – сказал я им.

И мы вернулись домой, где меня дожидались мои чудовища и волшебная шкатулка.

Часть пятая. Зефир как он есть

Закончилась долгая холодная зима, и я возвращаюсь домой.

Я еду на юг от Бирмингема по межштатной автомагистрали шестьдесят пять, по этой оживленной дорожной артерии, ведущей к главному городу нашего штата. Потом сворачиваю налево, на более узкую трассу двести пять, и еду, следуя всем ее изгибам, мимо сонных городков: Куперс, Рокфорд, Хиссоп и Коттедж-Гроув. Нигде теперь не видно знака, отмечающего поворот на Зефир, но я знаю дорогу и уверенно держу путь к дому.

В прекрасный субботний полдень, в самом начале весны, я еду не один. Рядом со мной сидит моя жена Сэнди, а сзади в бейсболке «Бирмингемских баронов» и с бейсбольными карточками, разбросанными по всему сиденью, расположилось, свернувшись калачиком, наше «подростающее поколение». Кто знает, может, когда-нибудь эти карточки будут стоить кругленькую сумму? В моей машине включено радио – прошу прощения, стереофоническая кассетная магнитола, – и из динамиков льются звуки музыки группы «Tears for Fears». Мне кажется, что Роланд Орзабал – фантастический певец.

На дворе 1991 год. Вы можете в это поверить? Мы вплотную подобрались к рубежу нового столетия, чем бы это ни грозило миру – закатом или рассветом. По моему убеждению, каждый сам должен решить это для себя. Год 1964-й кажется теперь древней историей. Фотографии, снятые в том году «поляроидом», давно уже пожелтели. Никто больше не носит такие стрижки и одежду, как тогда. Сами люди, как мне кажется, тоже изменились. И не только на Юге, но и повсюду. В лучшую или худшую сторону? Каждый решает сам.

Чего только не случилось в мире с давно минувшего 1964-го! Подумать только! Такой стремительной, сумасшедшей карусели не могли вообразить даже завсегдаи Брэндивайнской ярмарки. Мы пережили Вьетнам – те, конечно, кому повезло, – эпоху лозунга «Власть цветам!»^[48], Уотергейт^[49] и крах Никсона, аятоллу, Ронни и Нэнси, падение Стены и начало конца коммунистической России. Нам воистину довелось жить во времена смерчей и комет. И как реки текут в моря, так время течет в будущее. То, что нас может ждать в

грядущем, поражает воображение. Но, как верно сказала когда-то Леди, невозможно понять, куда ты идешь, пока не осознаешь, где ты был прежде. Иногда мне кажется, что нам предстоит постигнуть еще очень многое.

– Какой чудесный день! – воскликнула Сэнди, откинувшись на спинку сиденья и глядя на проносящиеся мимо леса и луга.

Я оглянулся на нее и в очередной раз усладил свой взор ее видом. В белокурых волосах моей супруги играл солнечный свет, как будто в них рассыпаны золотые цветы. Есть там и чуточку серебра, что мне тоже нравится, хотя Сэнди это немного расстраивает. У нее светло-серые глаза, уверенный и спокойный взгляд. Она может быть твердой, как скала, когда мне нужна сила, и мягкой, словно пуховая подушка, когда я нуждаюсь в утешении и покое. Вместе мы отличная команда. У нашей дочери глаза и уравновешенность матери, мои темно-каштановые волосы и неутолимая тяга к познанию мира. У нее острый орлиный нос моего отца и изящные кисти с удлиненными артистическими пальцами – «руки художника» – моей матери. По мне, так лучшее сочетание трудно и придумать.

– Эй, пап! – Бейсбольные карточки на мгновение забыты.

– Да?

– Волнуешься?

– Нет, – ответил я.

«Всегда говори правду», – напомнил я себе.

– Ну, может, чуть-чуть.

– Что там будет?

– Представить себе не могу. Мы уехали из Зефира в тысяча девятьсот шестьдесят шестом году. Это было... ну-ка посчитай, сколько лет назад это случилось?

Молчание, продлившееся несколько секунд.

– Двадцать пять.

– Верно, как дождь, – согласился я.

Моя дочурка преуспевает в математике, она явно пошла в кого-то из родни со стороны Сэнди.

– Как же так вышло, что за все это время ты ни разу тут не побывал? Я хочу сказать, если ты так любил свой город...

– Я собирался сюда приехать несколько раз. Однажды я даже добрался до самого поворота на трассу шестьдесят пять. Но Зефир

совсем не тот, что был раньше. Конечно, нет ничего удивительного, что в мире многое меняется... но Зефир я всегда считал своим домом, и мне больно думать, что перемены затронули его так сильно.

– И что же там изменилось? Ведь это по-прежнему маленький городок?

Я услышал, как снова зашелестели бейсбольные карточки, раскладываемые по командам и по алфавиту.

– Не думаю, что там многое изменилось, – ответил я. – Авиабазу закрыли в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году, бумажная фабрика на Текумсе прекратила работу еще через пару лет. Юнионтаун значительно увеличился в размерах – в четыре или пять раз по сравнению с временами моего детства. Но Зефир... он стал меньше.

– Гм?

Внимание моей дочери уже отвлеклось на другое.

Я оглянулся на Сэнди, и мы улыбнулись друг другу. Ее рука нашла мою. Кажется, что наши руки изначально предназначены для того, чтобы вот так соединяться. Впереди нас, вокруг Адамс-Вэлли, поднимались холмы, покрытые деревьями в желто-багровом пламени распускающихся почек. Кое-где уже появилась зелень, хотя апрель еще не начинался. Воздух снаружи машины оставался еще прохладным, но сияющее солнце обещало близость лета.

Как я уже упоминал, я и мои родители переехали из Зефира в Бирмингем в августе 1966 года. Отец, служивший в магазинчике скобяных изделий мистера Вандеркампа, первым почувал ветер перемен и решил тронуться в путь в поисках более сочных пастбищ. В Бирмингеме он отыскал себе работу: его взяли помощником менеджера в ночную смену на фабрику компании «Кока-Кола», в цех бутылочного розлива. Он стал зарабатывать вдвое больше, чем получал, когда развозил молоко. В 1970-м, когда его повысили до менеджера ночной смены, мы сочли, что наконец-то стали зажиточными. Это случилось в тот год, когда я поступил в Алабамский университет. Отец успел порадоваться моему диплому журналиста, прежде чем скончался от рака в 1978 году. Слава богу, он ушел легко. Мама горевала ужасно, я боялся, что потеряю и ее. Но в 1983 году во время морского путешествия на Аляску со своим церковным кружком мама познакомилась с вдовым джентльменом, владельцем конного завода в Боулинг-Грин, штат Кентукки. Через два года она вышла за него замуж

и с тех пор живет вместе с ним. Он очень хороший человек и прекрасно относится к моей матери, но он не мой отец. Однако жизнь продолжается, и никогда заранее не знаешь, куда приведет незнакомая дорога.

«Трасса 10» – возвестил знак на развилке с тремя проржавевшими дырками от пуль.

Мое сердце забилося быстрее. В горле пересохло. Я знал, что увижу перемены, но страшился их.

Всю жизнь, насколько у меня хватало сил, я старался не постареть. Сама по себе эта работенка не из легких. Я имею в виду не прожитые годы – они заслуживают уважения, – а старческое восприятие мира. Я знаю парней моего возраста, которые, проснувшись однажды утром, внезапно забывают, что их отцы когда-то запрещали им слушать «Роллинг стоунз», этих демонов рок-музыки. Забывают, как родители требовали, чтобы их длинные, закрывающие лоб волосы были немедленно подстрижены, грозя заслушание выгнать их из дома. Они уже не помнят, что значило для них, сегодняшних боссов, быть подчиненными. Нынешняя жизнь, конечно, стала гораздо более жесткой, чем была когда-то. Сегодня зачастую приходится делать нелегкий выбор с весьма тяжелыми последствиями. Само собой, дети нуждаются в руководстве, и я благодарен своим родителям, чья направляющая длань помогла мне избежать многих ошибок. Однако сегодня, как мне кажется, родители уже не могут быть учителями для своих детей. Родители, во всяком случае большинство из них, подают пример в основном на словах, а не на деле. По моему мнению, когда героем для ребенка является его отец или мать, а еще лучше – оба вместе, тернистый путь познания и обретения опыта становится намного легче. В нашем жестоком мире, где в детях хотят видеть миниатюрные подобия взрослых, лишенные очарования, магии и красоты невинности, даже небольшое количество теплоты и добра помогает вытерпеть тяготы бытия...

Впрочем, моя фамилия не Ловой и не Блессет, так что довольно проповедей.

Конечно, и я немало изменился с давно минувшего 1964 года. У меня поредели волосы, я теперь ношу очки. Появились морщины, некоторые из них залегли в уголках рта – скорее всего, от неизжитого оптимизма. По мнению Сэнди, я похорошел по сравнению с тем

временем, когда она познакомилась со мной. Вероятно, это и называется любовью. Но, как уже упоминалось, я всеми силами стараюсь избежать привычки стареть. В этом мне очень помогает музыка. Я уверен, что музыка – это язык молодости, и чем больше музыки ты способен понять и принять, тем ты моложе. Я благодарен «Бич бойз» за то, что они разбудили в моей душе тягу к музыке. В настоящий момент моя коллекция пластинок – прошу прощения, компакт-дисков – включает в себя песни таких певцов и групп, как Элвис Костелло, «U2», Шинейд О’Коннор, «Конкрет блонд», «Симпл майндс» и «Технотроник». Должен признаться, что иногда я испытываю тягу к классике рока, такой как «Лед Зеппелин» или «Лавин спунфул». Короче говоря, имея такой выбор, я предаюсь настоящему пиршеству слуха.

Проехав мимо заросшей бурьяном дороги, уходящей вглубь леса, я вспомнил, что за руины лежат в ее конце на расстоянии пятидесяти ярдов отсюда. Вскоре после того, как Блэйлоки отправились в тюрьму, мисс Грейс закрыла свое заведение. Во время урагана в июле 1965-го у лесного домика снесло крышу. Я сильно сомневаюсь, что от обители мисс Грейс сегодня вообще что-нибудь осталось. Вьющиеся стебли кудзу в наших местах всегда отличались буйным ростом.

Бен поступил в Алабамский университет в том же году, что и я, но специализировался на бизнесе. Окончив курс, он остался в аспирантуре, чем несказанно меня удивил: никогда бы не поверил, что Бен может получать удовольствие от учебы. В университете мы продолжали время от времени встречаться, но мало-помалу он настолько ушел с головой в свою предпринимательскую среду, что наши с ним дорожки разошлись. Он вступил в студенческое общество «Сигма Чи» и быстро дорос до вице-президента. Сейчас он живет в Атланте и работает биржевым маклером. Его жену зовут Джейн Энн, у них двое детей – мальчик и девочка. Мой приятель теперь состоятельный человек, ездит на золотистом «БМВ» и растолстел еще больше. Три года назад, прочитав одну из моих книг, он позвонил мне, и с тех пор мы регулярно видимся раз в несколько месяцев. Прошлым летом мы с Беном совершили поездку в маленький городок на границе штатов Алабама и Флорида, чтобы навестить тамошнего шефа полиции по имени Джон Уилсон.

Я всегда знал, что в жилах Джонни течет кровь вождя. В своем городке он установил твердый порядок и шутить с собой не позволяет. В городке все любят и уважают его за справедливость: он занимает свой пост уже второй срок. Джонни познакомил нас со своей женой Рейчел. Она производит на мужчин потрясающее впечатление: вполне могла бы работать манекенщицей. От мужа она не отходит ни на шаг. У Джонни и Рейчел нет детей, но они все равно счастливы. На выходных мы вышли в море на рыбалку из Дестина^[50], и Джонни поймал отличного марлина. Моя леска запуталась, обмотавшись вокруг лодки, а Бен просто испекся на солнце – он так не обгорал никогда в жизни. Но мы отлично провели время: гонялись друг за другом и хохотали до упаду.

Оно появилось перед нами прежде, чем я подумал о нем. Все у меня внутри сжалось.

– Озеро Саксон, – сказал я.

Жена и дочь вытянули шеи, чтобы лучше видеть.

Озеро совершенно не изменилось. Такого же размера, как и раньше, та же темная вода, по берегам – тина и камыши, те же красные скалы. Даже сейчас мне не составило особого труда представить, как останавливается пикап отца, как он выскакивает из машины и бросается в озеро вслед за тонущим автомобилем. Ничего не стоило вообразить и «бьюик», уходящий в пучину, воду, заливающую салон через разбитое заднее стекло, и отца, который отчаянно пытается дотянуться до меня изрезанной стеклом рукой. Эти воспоминания живы во мне до сих пор.

«Отец, я люблю тебя», – подумал я, когда озеро Саксон осталось позади.

Я вспомнил его лицо, освещенное огнем камина, когда мы сидели рядом и он рассказывал мне о докторе Гюнтере Данинадерке. Не сразу нам, да и всем жителям Зефира, удалось осознать, что док Лезандер и его жена совершали столь ужасные преступления. Тем более что он не был законченным злодеем, иначе не выпустил бы меня из тонущей машины. До сих пор я верю в то, что на свете нет таких отпетых негодяев, чью душу невозможно спасти. Быть может, я наивен, как и мой отец. Но лучше быть наивным, подумал я, чем черствым и бесчувственным.

Позже я понял, зачем доктор Данинадерк каждую ночь слушал радио на коротких волнах. Я почти уверен, что он дожидался сообщений иностранных радиостанций о тех деятелях нацистского режима, кто пойман и передан в руки правосудия. Я знаю, что под личиной холодного спокойствия он жил, мучимый вечным страхом, в постоянной готовности в любую минуту услышать стук в дверь. Он заставлял людей страдать, но страдал и сам. Убил бы он меня, получив зеленое перышко, как когда-то вместе со своей Карой замучил до смерти Джеффа Ханнафорда, шантажировавшего его? Честно скажу, не знаю. А вы как считаете?

О да! Демон.

О ней мне рассказал Бен. Демон, уже в старших классах школы заставившая всех поверить в ее гениальность, поступила в Университет Вандербильта, выучилась на химика и была принята на работу в компанию «Дюпон». Там она сразу же добилась успеха, но ее неординарная натура не позволила ей отказаться от своих странных привычек. Последнее, что Бен слышал о Демоне: она организует шоу-перформансы в Нью-Йорке и недавно сцепилась с Джесси Хелмсом^[51] по поводу устраиваемого ею действия, в котором она произносит громогласные тирады против корпоративной Америки, сидя в детском надувном бассейне, наполненном... сами догадайтесь чем.

Единственное, что я могу сказать по этому поводу: от души желаю Джесси Хелмсу не становиться на дороге у Демона, иначе ему придется только посочувствовать – в один прекрасный день он рискует оказаться приклеенным к собственному письменному столу.

Я следовал тем же изгибам дороги, по которым когда-то мчал меня, замирающего от ужаса, Донни Блэйлок. А потом холмы расступились, и дорога стала прямой, словно пробор, сделанный в парикмахерской мистера Доллара. Впереди показался мост с горгульями.

Но их больше не было на своих местах. Головы генералов армии конфедератов оказались отрублены. Возможно, это стало актом вандализма, а может, генералов обезглавил некто, выставивший потом эти головы на аукционе в качестве образчиков южного примитивизма и выручивший по тысяче долларов за штуку. Не знаю, что стряслось, но голов и след простыл. Железнодорожная эстакада оказалась на своем месте, все так же блестяла река Текумсе. Я подумал: Старый Мозес, наверно, рад, что бумажная фабрика наконец-то закрылась. У него

больше не застревает грязь в зубах, когда он сгребает черепах со дна реки. Конечно, никто больше не устраивает ему угощения в пятницу на Страстной неделе. Традиция эта как-то сама собой умерла после того, как в 1967 году в почтенном возрасте ста девяти лет скончалась Леди, переправившись на другой берег своей реки. Вскоре после этого, если верить Бену, из города уехал ее муж Человек-Луна, перебравшийся в Новый Орлеан, и чернокожая община Брутона начала стремительно уменьшаться, даже более быстрыми темпами, чем остальное население Зефира. Сегодня Текумсе стала чище, но я сомневаюсь, что Старый Мозес поднимается теперь к поверхности реки и выставляет свою чешуйчатую голову, чтобы выпустить из топок ноздрей пар и воду. Наверно, он прислушивается к плеску воды о камни в ночной тишине и спрашивает на языке рептилий: «Почему больше никто не приходит к реке, чтобы со мной поиграть?»

Возможно, Старый Мозес все еще обитает в нашей реке. А может быть, он оставил нас, спустившись по течению Текумсе в море.

Мы миновали мост без горгулий. С другой стороны начинался мой родной город.

– Вот мы и приехали.

Я услышал, что произношу эти слова, сбрасывая скорость, но тут же понял, что ошибаюсь. Мы добрались до пункта назначения, но это место больше не является Зефиром.

По крайней мере, это не был тот Зефир, каким я его помнил. Дома по-прежнему стояли на месте, но многие из них обветшали, а дворы приобрели заброшенный вид. Нашему взору предстал еще не город-призрак, потому что в некоторых домах – их было очень мало – все еще жили люди, а по улицам катили редкие машины. Но всюду чувствовалось запустение: великолепный праздник жизни переместился в какое-то другое место, оставив после себя вещественные свидетельства своего пребывания, как мертвые цветы в старом саду.

Правда жизни оказалась гораздо суровее, чем я мог себе представить.

Сэнди тоже это почувствовала.

– Ты в порядке? – спросила она.

– Не знаю, скоро увидим, – отозвался я, не без некоторого усилия изобразив на лице слабую улыбку.

– Здесь почти никого не осталось, верно, папа?

– Почти никого, – ответил я.

Не доезжая до центра, я свернул на Мерчантс-стрит. Я не был готов к тому, что увидел. Добравшись до края бейсбольного поля, где мы выдержали яростную атаку Брэнлинов, я остановил машину.

– Не возражаете, если мы постоим здесь несколько минут? – спросил я.

– Нет, – ответила Сэнди, стиснув мою руку.

Кстати, насчет Брэнлинов. Будучи служителем закона, Джонни снабдил меня информацией о них. Прошедшие годы показали, что братья были сшиты из разного материала. Гота стал выступать за школьную футбольную команду и даже стал героем на час в матче против школы Юнионтауна, когда перехватил мяч на самой линии гола своей команды и заработал стремительной пробежкой решающие очки. Всеобщее признание сотворило с ним чудо, продемонстрировав, что ему крайне не доставало внимания со стороны родителей, которые были слишком глупыми или злобными, чтобы одарить сына им. В настоящее время Гота живет в Бирмингеме, работает страховым агентом, а в свободное время тренирует футбольную команду младшего возраста. Джонни добавил, что Гота больше не высветляет перекисью волосы, потому что лыс, как коленка.

В противоположность брату Гордо продолжил путь на самое дно. Мне тяжело об этом говорить, но в 1980 году Гордо был застрелен владельцем магазина «Севен-Илевен» в городе Батон-Руж, штат Луизиана, где он связался с дурной компанией. Гордо пытался ограбить кассу, в которой было меньше трех сотен долларов, при этом он прихватил с собой столько сладких пирогов «Литтл Дебби», сколько смог унести. Мне кажется, что однажды у него появился шанс изменить свою судьбу, но он не внял предостережению ядовитого плюща.

– Я выйду на минутку размять ноги, – сказал я своим спутникам.

– Если хочешь, мы выйдем с тобой.

– Нет, – ответил я. – Сейчас не нужно.

Выбравшись из машины, я зашагал по заросшему травой бейсбольному полю. Добравшись до круга питчера, я постоял там, ощущая, как приятно холодит лицо легкий ветерок и ласкает кожу

солнце. Деревянные трибуны, где я впервые увидел Немо Керлисса, заметно просели. Тогда, подняв руку к небу, я замер и принялся ждать.

Что, если мяч Немо, брошенный им в небо столько долгих лет назад, сейчас внезапно упадет мне в ладонь?

Я ждал.

Но этого так и не случилось. Немо, мальчик с совершенной рукой, загнанный в ловушку невыносимыми жизненными обстоятельствами, забросил мяч далеко за облака. Мяч так и не упал на землю, он никогда больше не вернется. И только я, Бен и Джонни запомнили этот случай навсегда.

Сжав ладонь в кулак, я опустил руку.

Отсюда был хорошо виден Поултер-Хилл.

Холм тоже уступил разрушительной силе времени. Между надгробиями пробивалась трава, нигде не было видно свежих цветов, словно туда давно никто не заглядывал. «Какая досада!» – подумал я, потому что именно там лежали те, кто по-настоящему верен Зефиру.

Мне не хотелось бродить среди могильных камней. Вернувшись из своего путешествия на поезде, я простился с Дэви Рэем, а он со мной. Мне больше нечего было там делать.

Повернувшись спиной к смерти, я отправился к живущим.

– Вот моя школа, – сказал я жене и дочери, остановившись рядом с площадкой для игр.

Тут уже все выбрались из машины, и Сэнди шла бок о бок со мной, пока мои ботинки вздымали пыль школьного двора. Наше «подрастающее поколение» принялось носиться по площадке все более и более широкими кругами, словно пони, выпущенный на волю после долгого пребывания в стойле.

– Осторожно! – предупредила Сэнди дочь, заметив разбитую бутылку.

Беспокойство столь свойственно матерям.

Я обнял Сэнди за талию, ее рука в свою очередь обнимает меня. Та часть школьного здания, где раньше занимались младшие классы, сейчас стояла пустой и заброшенной, несколько стекол было разбито. Там, где когда-то визжало и голосило множество детей, стояла оглушительная тишина. Я взглянул на место около забора, где когда-то сцепились Гота Брэнлин и Джонни. Я посмотрел на ворота, сквозь

которые пронесся на своей Ракете, спасаясь от Гордо, препровождая его на справедливый суд Люцифера. Я увидел...

– Эй, папа, смотри, что я нашла!

Наше «подростающее поколение» трусцой возвращалось назад.

– Я нашла его вон там! Классная штука, да?

Глянув на маленькую раскрытую ладонь, я невольно улыбнулся.

Там лежал черный наконечник стрелы, идеальной формы и совершенно гладкий. На поверхности не было заметно ни единой царапины. Он был сделан человеком, привыкшим гордиться своим трудом. Вероятнее всего, вождем племени.

– Можно я оставлю его себе? – спросила моя дочурка.

Ее зовут Скай. В январе ей исполнилось двенадцать. Она сейчас переживает период, который Сэнди называет стадией мальчишества. Скай предпочитает носить бейсболку задом наперед, любит бегать, заразительно смеяться, по пыльным улицам. Она уже не играет с куклами и мечтает сходить на концерт группы «New Kids on the Block». Все придет к ней в свое время, я нисколько в этом не сомневаюсь. Сейчас же Скай просто очаровательна.

– Думаю, что ты вполне имеешь на это право, – заверил я ее.

Скай поспешно запрятала наконечник в кармашек джинсов, словно какое-то заветное сокровище.

Как видите, это часть жизни и девчонок тоже, не только мальчишек.

Мы покатали вдоль Мерчантс-стрит к центру города, к его остановившемуся сердцу.

На улице трудно было отыскать хотя бы одну открытую дверь. Закрытыми оказались парикмахерская мистера Доллара, «Пигли-Вигли», кафе «Яркая звезда», магазин скобяных товаров, «Лирик» – всё-всё. Только витрины «Вулворта» чисто вымыты. Стремительный рост числа магазинов, квартир и торгового центра в Юнионтауне загубил дух коммерции в Зефире, как когда-то открытие «Кладовой Большого Пола» сделало ненужной развозку молока. Жизнь не стоит на месте, но можно ли назвать это прогрессом?

Мы проследовали мимо здания суда. Тишина. Позади остался плавательный бассейн и остов колеса обозрения. Тишина, и здесь тишина.

Мы проехали мимо домика мисс Гласс Голубой. Услышать безмолвие там, где когда-то звучала музыка, оказалось особенно

тяжело.

Мисс Гласс Голубая. Мне хотелось бы поведать вам, что произошло с ней, но об этом я ничего не знаю. Если она еще жива, то ей сейчас за восемьдесят. Мне просто не известно о ней ничего, и все тут. Так же, как и о многих других, кто уехал из Зефира за прошедшие годы: о мистере Долларе, о шерифе Марчетте, о Джазисте Джексоне, о мистере и миссис Дамаронд, о Ниле Кастайл и Гэвине, о миссис Вельвадайн, о мэре Своупе. Надеюсь, что все они поныне живы и здоровы и проживают в других городах. Думаю, что все они забрали с собой по кусочку Зефира и, куда бы ни отправились, бросили в землю на новом месте семена нашего городка. Так, как это сделал я.

После окончания колледжа я два года подвизался в одной из бирмингемских газет в качестве журналиста. Придумывал заголовки и редактировал статьи других. Возвращаясь с работы, я садился к своей волшебной шкатулке – не той шкатулке, что прежде, но новой, хотя и не менее волшебной, – и писал, писал, писал. Рассказы я рассылал по почте, но они возвращались назад. Потом, скорее от отчаяния, я решил написать роман. Подумать только: он сразу же нашел издателя.

Сегодня из моих книг можно составить библиотеку. Пока еще небольшую, но она постоянно растет.

Я замедлил ход машины у большого дома в конце улицы, рядом с конюшней.

– Раньше он жил здесь, – объявил я Сэнди.

– Ого! – подала голос Скай. – Зловещее местечко! Похоже на дом с привидениями.

– Нет, – отозвался я. – Думаю, теперь это обычный дом.

Подобно тому как Бо знает все о футболе^[52], для моей дочери нет секретов о домах с привидениями. Она отлично знакома с Винсентом Прайсом и Питером Кашингом, фильмами киностудии «Хаммер», произведениями Эдгара По, «Марсианскими хрониками» и городком под названием Жребий^[53]. Кроме того, ей известно про путешествие Алисы сквозь зеркало и о Стойком оловянном солдатице, Гадком утенке и путешествиях Стюарта Литла^[54]. Она знает о Стране Оз и о джунглях, где живет Тарзан, и, хотя еще слишком мала, чтобы оценить что-то, кроме цветов и красок, она уже способна различить манеру Ван Гога, Уинслоу Гомера и Мира. Она слушает Дюка Эллингтона и Каунта Бэйси, не забывая при этом о «Бич бойз». На прошлой неделе она

спросила у меня разрешения поставить фотографию в рамке на свой туалетный столик. По ее словам, парень, изображенный на снимке, необыкновенно крутой.

Его зовут Фредди.

– Скай, – сказал ей я, – по-моему, наедине с этой физиономией ты не сможешь заснуть...

И тут же замолчал. «Ого, – подумал я, – ого, что творится!»

Фредди повстречался со Скай. Попробуй Расскажи ей теперь о том, как велика сила воображения!

Повернув машину на Хиллтоп-стрит, я покатыл в сторону дома.

Я добился успеха как писатель. Эту работу нельзя назвать простой, но мне она нравится. Мы с Сэнди не из той породы людей, кому нужно владеть половиной мира, чтобы быть счастливыми. Впрочем, должен признаться, что однажды я крепко потратился, купив красное авто с откидным верхом, которое обнаружил на аукционе подержанных машин, когда мы с Сэнди отдыхали в Новой Англии. Такие автомобили относят к разряду спортивных. Я занялся его реставрацией, придав ему такой вид, какой он, должно быть, имел во времена расцвета Зефира. Иногда, гоняя в этом автомобиле один по шоссе, когда ветер развеивает мне волосы, а солнце палит в лицо, я ловлю себя на том, что утрачиваю чувство реальности и разговариваю с ним. Я даже дал ему имя.

Думаю, вы сами догадаетесь, как я назвал его.

Уезжая из Зефира, мы взяли велосипед с собой. У нас бывали разные приключения; золотой глаз многое повидал на своем веку и всегда оберегал меня от неприятностей. Но время шло, велик начал натужно скрипеть под моим весом, а рукам стало не хватать размаха руля. Велосипед отправился на покой в подвал, где его накрыли синим брезентом. Я представлял, что он там спит, как птица в гнезде. Однажды в выходные, вернувшись из колледжа, я обнаружил, что мама устроила распродажу домашних вещей, включив в нее и содержимое подвала.

– Вот деньги, которые один человек выложил за твой старый велосипед! – сказала она, протянув мне двадцатидолларовую бумажку. – Он купил его для сына. Разве это не здорово, Кори?

– Конечно здорово, – ответил я.

А потом, поздно вечером, уткнулся отцу головой в плечо и заплакал, словно мне снова было двенадцать лет, а не двадцать.

Мое сердце готово выпрыгнуть из груди.

Вот он. Прямо передо мной.

– Это мой дом, – сказал я Скай и Сэнди.

Дом постарел, вылинял под солнцем и дождями. Он нуждался в покраске и ремонте, в любви и заботе, но некому было дать их ему, потому что он был пуст.

Остановив машину у края тротуара, я взглянул на дом и внезапно увидел, как на крыльцо, улыбаясь, выходит отец. Он в отличной форме, сильный и подтянутый, каким я его и запомнил.

– Привет, Кори, – крикнул он мне. – Как дела?

– Отлично, сэр, – ответил я.

– Ты добился в жизни чего хотел, я верил в тебя. Ведь я был прав?

– Да, сэр, – ответил я.

– У тебя красивая жена, Кори, и прекрасная дочь. А какие книги ты написал! Я всегда, с самого начала, знал, что ты добьешься своего.

– Отец! Ты не против, если мы войдем и побудем немного в доме?

– Ты хочешь войти сюда? – Отец оперся о столбик навеса крыльца. – Но зачем тебе это, Кори?

– Тебе не тоскливо одному? Здесь так тихо.

– Тихо? – Отец от души рассмеялся. – Иногда мне действительно хочется, чтобы здесь было потише! Здесь никогда не бывает тихо.

– Но ведь дом... пуст? Там же нет никого?

– Там просто не протолкнуться, – ответил отец, взглянув на весеннее солнце, стоящее поверх холмов. – Но тебе не следует входить сюда, чтобы увидеть их всех, Кори. Даже ради меня. Не надо ворошить прошлое. У тебя чудесная жизнь, Кори. Гораздо лучше, чем я мог себе представить. Как дела у мамы?

– Она счастлива. Я хочу сказать, что ей, конечно, недостает тебя, но...

– Но ведь жизнь для живых, – заключил он наставительно, своим отцовским тоном. – А теперь поезжайте дальше и занимайтесь своими делами, вместо того чтобы бродить по старому дому с прогнившим полом.

– Хорошо, сэр, – ответил я, но не тронулся с места.

Отец повернулся, чтобы войти внутрь, но замер на пороге.

– Кори, – промолвил он.

– Да, сэр.

– Я всегда любил тебя и твою маму. Я рад, что у вас все хорошо. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Я кивнул.

– Ты всегда был и останешься для меня хорошим сыном, – сказал отец и вернулся в дом.

Крыльцо опустело.

– Кори! Кори!

Я обернулся и взглянул на Сэнди.

– Что ты там увидел? – тревожно спросила она.

– Тень, – ответил я.

Прежде чем уехать окончательно, мне хотелось побывать еще в одном месте. Я повел машину по извивам Темпл-стрит в сторону поместья Такстеров, что находится на самом ее верху.

Вот где действительно произошли серьезные перемены.

Часть больших домов оказалась буквально стертой с лица земли. На их месте колыхалась высокая трава.

Но в конце улицы меня ждал новый сюрприз: поместье Такстеров разрослось, выпустив во все стороны, как побеги, флигели. Имение казалось огромным.

«Господи боже мой! – пронеслось у меня в голове. – Значит, Вернон по сию пору живет здесь!» Я въехал в ворота, миновав вместительный плавательный бассейн. В ветвях раскидистого дуба виднелся сооруженный там шалаш. Поместье выглядело ухоженным: земля в отличном состоянии, все новые постройки гармонировали с общим стилем.

Я остановил машину перед парадным входом.

– Просто не могу поверить своим глазам! – сказал я Сэнди. – Я должен узнать, живет ли здесь, как и раньше, Вернон.

Выбравшись из машины, я направился к парадной двери, весь дрожа от возбуждения.

Но прежде чем я успел добраться до двери, я услышал звон колокольчика: *динь... динь... динь...*

До моих ушей донеслись звуки, набирающие силу, словно приливные волны.

У меня буквально перехватило дыхание.

Потому что через мгновение появились они.

Они гурьбой высыпали наружу через распахнутые двери, словно осы из дыры в потолке нашей церкви в то памятное пасхальное воскресенье. Они мчались ко мне, заливаясь смехом, с пронзительными криками, толкая друг друга. Они неслись ко мне в облаке оглушительного шума.

Множество мальчишек – и белых, и черных.

Они закружились вокруг и обтекли меня, словно я был островком на пути течения их реки. Некоторые устремились к шалашу в ветвях дуба, другие весело носились по ухоженной зеленой лужайке. Я оказался в центре вселенной юности и задора. И тут же заметил табличку на стене рядом с дверями поместья.

«Зефирский приют для мальчиков» – вот что было на ней написано.

Особняк Вернона стал приютом.

Мальчишки продолжали носиться вокруг, бешено выплескивая застоявшуюся энергию в этот великолепный воскресный день. На втором этаже распахнулось окно, из которого выглянула женщина с покрытым морщинами лицом.

– Джеймс Люциус! – выкрикнула она. – Эдвард и Грегори! Немедленно идите сюда! Начинается урок музыки!

На женщине было голубое платье.

Две незнакомые мне пожилые дамы вышли из дверей поместья, чтобы присмотреть за юными сорванцами. Я мысленно пожелал им удачи. Появившийся вслед за ними молодой человек обратился ко мне:

– Чем могу помочь вам, сэр?

– Я раньше жил здесь, в Зефире. – Я был настолько ошеломлен, что едва мог говорить. – Когда же здесь открылся приют?

– В тысяча девятьсот восемьдесят пятом, – ответил молодой человек. – Мистер Вернон Такстер передал этот дом детям.

– Мистер Такстер жив?

– Он покинул город. Мне очень жаль, но у меня нет сведений о его дальнейшей судьбе. – У молодого человека было приятное открытое лицо, светлые волосы и глаза василькового цвета. – Я могу узнать ваше имя?

– Я... – И тут я понял, кто этот молодой человек. – Могу я сначала спросить, как зовут вас?

– Бубба Уиллоу. – Молодой человек улыбнулся, и я увидел черты лица Чили. – Преподобный Бубба Уиллоу.

– Рад познакомиться, – сердечно сказал я.

Мы пожали друг другу руки.

– Я знал вашу мать, мы встречались однажды.

– Мою мать? В самом деле? Так как же вас зовут?

– Кори Маккенсон.

Мое имя не произвело на него никакого впечатления. Я был для Чили всего лишь маленьким корабликом, однажды прошедшим мимо в ночи.

– Как поживает ваша мать?

– О, прекрасно. Она переехала в Сент-Луис и сейчас работает учительницей в шестом классе школы.

– Думаю, ее ученикам повезло.

– Пастор? – проскрипел старческий голос. – Пастор Уиллоу?

Из дверей приюта вышел пожилой темнокожий человек в выцветшем комбинезоне. На его тощей талии висел монтерский пояс с разнообразными молотками, отвертками и загадочными гаечными ключами.

– Пастор, я заделал ту течь в трубе наверху. Теперь погляжу, что там с холодильником.

Глаза старого негра остановились на мне.

– Ого! – воскликнул он. – А я ведь знаю тебя, парень!

Его лицо озарила улыбка, словно яркий день настал после темной ночи.

Мы обнялись под аккомпанемент звяканья инструментов на монтерском поясе.

– Кори Маккенсон! Господи, глазам своим не верю! Неужели это ты? Мой взгляд обратился к женщине в голубом.

– Да, мэм, это я и есть.

– Господи, господа! Прошу прощения, преподобный!

Но женщина тут же вновь переключила внимание туда, куда и следовало, – на подрастающее поколение мальчишек.

– Джеймс Люциус! Не смей забираться на дерево – ты обязательно свалишься!

– Могу я пригласить вас и вашу семью зайти к нам? – спросил меня преподобный Уиллоу.

– Пожалуйста, мистер Маккенсон, – с улыбкой поддержал его мистер Лайтфут. – Нам есть о чем поболтать.

– На кухне кофе и свежие пончики, – принялся соблазнять меня преподобный. – Миссис Вельвадайн готовит так, что пальчики оближешь!

– Кори Маккенсон, немедленно заходи внутрь! – велела женщина. И сразу же после этого: – Джеймс Лю-ю-ю-циус!

Сэнди и Скай вышли из машины. Зная меня, Сэнди не стала отказывать мне в удовольствии немного посидеть со старыми знакомыми. Мы не задержимся здесь надолго, потому что мой новый дом теперь далеко от родного города, но побыть здесь часок – как раз то, что нужно.

Когда они вошли, я на мгновение задержался на пороге, прежде чем присоединиться к ним.

Я поднял голову и взглянул в яркую синеву неба.

Мне показалось, что я вижу там четыре маленькие фигурки с крыльями за спиной, летящие в сопровождении крылатых собак; они устремляются вниз и снова взмывают в потоках солнечного света.

Они навсегда останутся там, по крайней мере до тех пор, пока будет жива магия.

А у магии здоровое, сильное сердце.

Моя благодарность

Никакая книга не может быть написана без чьей-то помощи и влияния. «Жизнь мальчишки» не является исключением. Пользуясь случаем, я хотел бы поблагодарить некоторых людей, компании, книги, фильмы и музыкальные группы, которые помогли создать «Жизнь мальчишки», независимо от того, знают они о своей помощи или нет.

Я благодарю Форреста Дж. Аккермана, Роджера Кормана, Бориса Карлоффа, Винсента Прайса, Лона Чейни-старшего и Лона Чейни-младшего, Джангла Джима, Ская Кинга и Пенни, «Скрин триллз иллюстрейтед», Яна Флеминга и Джеймса Бонда, Юдору Уэлти, Боба Кейна, Барбару Стил, Биг Дэдди Рота, Парней из Готорна, пусть младшего уже и нет с нами; «Клатч Карго», «Спейс Энджелз», «Супер Кар», Капитана и Тома Террифика, Йенси Дерринджера, «Знаменитых монстров кинематографа», Гордона Скотта, Вика Морроу и Боевой отряд, Джима Уоррена (прости, Форри!), Бостона Блэки, Зорро, Киско Кида и Панчо, Уистлера, Кирка Дугласа в «Спартаке», «Роллинг стоунз», «Триллер» и голубей из ада, компанию «Хаммер филмз», Питера Кашинга, последний «Ван Хельсинг», Кристофера Ли, Эдгара Райса Берроуза, Реда Скелтона и проходящий парад, «Крипи и Ири», Рэя Харрихаузена и Имира, мистера Телевидение, Милтона Берла, «Этот безумный, безумный, безумный, безумный (я ничего не пропустил?) мир», Эдгара Аллана По, Лестера Дента или Кеннета Робсона, короче говоря, того, кто быстро произвел на свет серию книг «Док Сэвидж»; «Три дог найт» (привет, Кори!); Клэйтона Мура, единственного и неповторимого Одинокого Рейнджера; Ричарда Матесона, Роя Роджерса и Триггера, «Людей Икс», Буффало Боба и Хауди, братьев Гримм, Белу Лугоши, Паладина, «Внешние границы», Брижит Бардо (я не все свое время проводил с «Джиографикс»); Бэзила Ратбоуна, «Мистер Диллон! Мистер Диллон!», сэра Артура Конан Дойля, «Захватчиков с Марса», Джина Отри, Стива Ривза, Тетушку Би, доктора Ричарда Кимбла, группу «The Who», Ханса

Кристиана Андерсена, «13 привидений» и таинственные очки, Сержанта Престона из «Юкона», мистера и миссис Норт, Худого Человека, Питера Лорра, Альфреда Хичкока, «Здесь, Лэсси», Эррола Флинна, несравненного Робина Гуда, человека по имени Джед, «Акванавтов», Стива Ропера и Майка Номада, Клинта Уокера, Куки (мои волосы выпадают!); «Гордо», «Родан», «Рептиликус», Чарльза Лофтона, Орала Робертса, который исцелит себя сам; «Храбрых людей», Виктора Матьюра, размахивающего дубиной; Уолта Диснея, мистера Лаки, Берта Ланкастера, «Алису в Зазеркалье», Бронко и Шугарфута, «Маверикс», диких, как ветер в Орегоне; Джо и Франка, «Фантазию», дом на холме с привидениями, Гая Мэдисона и Энди Девайна, «Мистериане», «Безумие-13» (ух!), Капитана Америку и Баки, Харпер Ли, Стива Маккуина (Невозмутимого), перепрыгивающего на мотоцикле через колючую проволоку; Тома Свифта и Хиса, а также многих-многих других, о которых вспомню, пока не закончу это писать.

Благодарю двух людей, особенно повлиявших на жизнь этого мальчишки и его книги, – мистера Рода Серлинга за его талант и воображение, которое простирается далеко за пределы «Зоны», и мистера Рэя Брэдбери. Ваше озеро всегда будет глубже и красивее, чем мое, в вашем кувшине больше тайн, ваши ракеты точнее достигают сердца. Огромное вам спасибо.

Старые часы на стене показывают, что настало время заканчивать.
До свидания, друзья!

Роберт Маккаммон

14 апреля 1990 – 23 сентября 1990

РОБЕРТ
МАККАММОН

В лучших традициях Рэя Брэдбери и Стивена Kinga!

ЖИЗНЬ
МАЛЬЧИШКИ

Лучшая
работа
одного
из самых
блестящих
современных
писателей.

Kirkus Reviews

Примечания

1

Перевод Михаила Тарасова.

[Вернуться](#)

2

Уайатт Эрп (1848–1929) – легендарный шериф, картежник и авантюрист времен освоения Дикого Запада.

[Вернуться](#)

3

Кочис – вождь индейского племени чирикауа-апачи, лидер восстания 1861 года.

[Вернуться](#)

4

Джефферсон Дэвис (1808–1889) – сенатор, в 1861–1865 годах президент Конфедерации южных штатов.

[Вернуться](#)

5

Одинокий ковбой – персонаж популярного сериала в жанре вестерна, герой в маске, борец за справедливость в Техасе.

[Вернуться](#)

6

Битва при Шайло (Шилохе; 6 апреля 1862 года) – одна из самых кровопролитных битв в истории Гражданской войны Севера и Юга.

[Вернуться](#)

7

Джулеп – напиток из виски или коньяка с водой, сахаром, льдом и мятой.

[Вернуться](#)

8

Икабод Крейн – герой новеллы американского писателя Вашингтона Ирвинга «Легенда о Сонной Лощине», по которой были сняты мультипликационный и художественный фильмы.

[Вернуться](#)

9

Слоненок Дамбо – герой одноименного мультфильма Уолта Диснея.

[Вернуться](#)

10

Круг питчера – в бейсболе специальный круг на поле, в котором находится питчер – игрок обороняющейся команды, который должен вбрасывать мяч в зону страйка.

[Вернуться](#)

11

Бэттер – в бейсболе игрок из команды нападения, отбивающий с помощью биты броски питчера в пределах боковых границ площадки.

[Вернуться](#)

12

«Золотое дно» – телесериал в жанре вестерна.

[Вернуться](#)

13

Фред Астер (1899–1987) – танцовщик и актер.

[Вернуться](#)

14

Булл Коннор – американский политик, расист, занимавший пост комиссара общественной безопасности в Бирмингеме, штат Алабама. Приказал использовать брандспойты и полицейских собак для разгона демонстрации чернокожих борцов за гражданские права.

[Вернуться](#)

15

Рудольф Валентино (1895–1926) – актер, танцовщик, звезда немого кинематографа.

[Вернуться](#)

16

Дэниел Бун (1734–1820) – охотник, строитель дорог, шериф округа, участник освоения Дикого Запада.

[Вернуться](#)

17

Фред Флинтстоун – персонаж мультипликационного телесериала «Семейство Флинтстоунов».

[Вернуться](#)

18

Джордж Смит Паттон-младший (1885–1945) – генерал, один из самых известных военачальников США времен Второй мировой войны.

[Вернуться](#)

19

«Невероятно огромный человек» («Amazing Colossal Man») – американский фантастический фильм 1957 года.

[Вернуться](#)

20

Энчилада – кукурузная лепешка с начинкой, запеченная или обжаренная под острым соусом, национальное мексиканское блюдо.

[Вернуться](#)

21

Храбрые парни («The Gallant Men») – герои одноименного телесериала 1962–1963 годов об американских солдатах, сражающихся в Италии во время Второй мировой войны.

[Вернуться](#)

22

Пол Баньян – дровосек-великан, герой американского фольклора.

[Вернуться](#)

23

Габби Хэйес, Рой Роджерс – американские актеры, часто снимались вместе в вестернах.

[Вернуться](#)

24

Имеется в виду эпизод американского комедийного фильма ужасов 1948 года «Эббот и Костелло встречаются Франкенштейна».

[Вернуться](#)

25

Джеронимо (1829–1909) – вождь племени чирикауа, возглавил сопротивление индейцев в 1885–1886 годах.

[Вернуться](#)

26

Сидящий Бык (1831?–1890) – вождь и шаман из общины хункпапа, один из почитаемых героев народности сиу.

[Вернуться](#)

27

Край Каджунов – район на юго-западе штата Луизиана, населенный каджунами, потомками акадийцев, колонистов из поселения Акадия во французской Канаде.

[Вернуться](#)

28

Чарльз Атлас (1892–1972) – создатель бодибилдинга.

[Вернуться](#)

29

Дон Хо (1930–2007) – гавайский певец.

[Вернуться](#)

30

Трой Донахью (1936–2001) – актер, идол подростков в конце 1950-х – начале 1960-х годов.

[Вернуться](#)

31

Юл Бриннер (1920–1985) – актер театра и кино.

[Вернуться](#)

32

Мистер Сардоникус – киноперсонаж, чье лицо застыло в ужасной гримасе.

[Вернуться](#)

33

«*Молчаливый Сэм*» – памятник солдату армии конфедератов в кампусе Университета Северной Каролины.

[Вернуться](#)

34

У. Шекспир. Король Лир. Акт IV, сцена 1. Перевод Б. Пастернака.
[Вернуться](#)

35

Маттерхорн – живописная гора в Альпах, расположенная на границе между Швейцарией и Италией.

[Вернуться](#)

36

Бенедикт Арнольд (1741–1801) – генерал, герой Войны за независимость, позднее перешедший на сторону англичан. Имя Бенедикта Арнольда стало нарицательным именем изменника и предателя.

[Вернуться](#)

37

Яичный коктейль – традиционный рождественский напиток.

[Вернуться](#)

38

Кэри Грант (1904–1986) – самый романтичный актер Голливуда, символ целой эпохи американского кинематографа.

[Вернуться](#)

39

Шаффлборд – настольная игра.

[Вернуться](#)

40

Джордж Уоллес (1919–1998) – губернатор Алабамы, сторонник сегрегации – отделения афроамериканцев от белых, отдельного обучения и медицинского обслуживания.

[Вернуться](#)

41

Винсент Прайс (1911–1993) – американский актер, прославившийся ролями в фильмах ужасов.

[Вернуться](#)

42

Роуд Раннер – персонаж мультфильмов серии «Песенки с приветом», кукушка, всегда ускользающая от койота Вилли, который разными способами пытается ее поймать.

[Вернуться](#)

43

Эл Джолсон (1886–1950) – актер, певец, звезда Голливуда, считался одним из лучших эстрадных исполнителей страны.

[Вернуться](#)

44

Мэверик – герой сериала 1957–1962 годов о знаменитом азартном игроке с Дикого Запада.

[Вернуться](#)

45

Игра слов: «Down in the Dark» – «Dahninaderke».
[Вернуться](#)

46

Милостивый государь (нем.).
[Вернуться](#)

47

Нет! (нем.)
[Вернуться](#)

48

«Власть цветам!» – лозунг хиппи.
[Вернуться](#)

49

Уотергейтский скандал – политический скандал в США 1972–1974 годов, закончившийся добровольной досрочной отставкой президента страны Ричарда Никсона.

[Вернуться](#)

50

Дестин – город на так называемом Изумрудном побережье Флориды, пользующийся известностью как «самое удачное для рыбалки место в мире».

[Вернуться](#)

51

Джесси Хелмс (1921–2008) – сенатор-республиканец от штата Северная Каролина, крайний консерватор.

[Вернуться](#)

52

Имеется в виду рекламная кампания кроссовок «Найк», проводившаяся с участием профессионального бейсболиста и звезды американского футбола Бо Джексона и рок-н-рольного музыканта Бо Дидли.

[Вернуться](#)

53

Жребий – название вымышленного города из романа Стивена Кинга.

[Вернуться](#)

54

Стюарт Литл – говорящий белый мышонок, персонаж одноименного фильма.

[Вернуться](#)